КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

ISBN 978-5-9551-0735-6

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ 234

ISSN 0130-2620

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

234

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
234

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЗНАК
МОСКВА 2014

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. МАКАРОВ

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. АВИЛОВА (зам. гл. ред.), д. и. н. В. И. ЗАВЬЯЛОВ (отв. секретарь редакции),
к. и. н. К. Н. ГАВРИЛОВ, д. и. н. М. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, д. и. н. А. А. ЗАВОЙКИН,
к. и. н. А. Р. КАНТОРОВИЧ, к. и. н. В. Ю. КОВАЛЬ, к. и. н. Н. В. ЛОПАТИН,
к. и. н. Ю. В. ЛУНЬКОВА (секретарь редакции)

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 234 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М. : Языки славянской культуры : Знак, 2014. — 408 с., ил., вклейка.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-9551-0735-6

В настоящем сборнике публикуются материалы международного семинара «Вождеская культура Северного Кавказа эпохи Великого переселения народов и общеевропейский контекст», проходившего в Махачкале в ноябре 2013 г. В статьях обсуждаются проблемы формирования элитной воинской материальной культуры, публикуются яркие материалы из погребений воинских предводителей и дружинного сословия. Интернациональный характер престижных находок свидетельствует о сходных процессах сложения раннегосударственных образований и появления новых центров власти, проходивших в конце античности и в начале Средневековья на широкой территории от Западной Европы до южнорусских степей, Крыма и Северного Кавказа.

Второй блок статей посвящен результатам биоархеологических исследований материалов различного времени — от мезолита и неолита до Средневековья. Особый интерес представляет применение естественнонаучных методов для реконструкции моделей взаимодействия древнего человека с окружающей средой.

Выпуск привлечет внимание археологов и представителей смежных дисциплин, а также всех, кто интересуется богатым историческим наследием России.

ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

На задней стороне обложки изображена
фибула-брошь из катакомбного погребения у г. Магас (к статье Х. М. Мамаева)

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

ISBN 978-5-9551-0735-6

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2014
© Авторы, 2014
© Языки славянской культуры, 2014

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА «РАННЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ И “КНЯЖЕСКАЯ” КУЛЬТУРА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ АНТИЧНОСТИ – НАЧАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»

(Махачкала, 13–17 ноября 2013 г.)

А. В. Мастыкова

ВВЕДЕНИЕ

«ВОЖДЕСКАЯ» КУЛЬТУРА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ И ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ

Резюме. В настоящем сборнике публикуются материалы Международного семинара, посвященного раннегосударственным образованиям и «княжеской» культуре Северного Кавказа на переломе античности и Средневековья. «Вождеская» материальная культура населения Северного Кавказа имеет интернациональный облик, сопоставимый с древностями других регионов Европы, и характеризуется престижными и статусными предметами (парадное конское снаряжение, оружие, импортные украшения, аксессуары костюма, посуда и т. д.), образующими определенные сравнимые наборы. При этом характер погребального инвентаря и погребальной архитектуры выступает основным маркером. Материалы поселений также дают возможность для выявления их иерархии, локализации центров власти и определения ряда крупных укрепленных поселений как структур протогородского типа.

Ключевые слова: семинар, Северный Кавказ, «варварские» королевства, раннегосударственные образования, «княжеская» и «вождеская» культуры, позднеримское время, эпоха Великого переселения народов.

Основу предлагаемого читателям сборника составили статьи по докладам Международного семинара «Раннегосударственные образования и “княжеская” культура на Северном Кавказе в конце античности – начале Средневековья», организованного Институтом археологии РАН и Институтом истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-14002г). Научное мероприятие проходило

в Махачкале 13–17 ноября 2013 г. В нем приняли участие российские археологи и историки из Владикавказа, Грозного, Липецка, Махачкалы, Москвы, Пятигорска, Санкт-Петербурга, также были представлены доклады специалистов из Варшавы (Польша), Клайпеды (Литва), Ньиредьхазы, Сегеда (Венгрия), Парижа (Франция)[1]. Цель этой встречи – определить как методы изучения северокавказских древностей «княжеской» и воинской культур, так и их место в общеевропейском контексте эпохи Великого переселения народов. К началу работы семинара был опубликован сборник тезисов (Раннегосударственные образования..., 2013), включающий материалы 21 доклада, подготовленных 28 авторами.

Необходимо напомнить, что в конце античности и в начале Средневековья (III–VI вв.) Северный Кавказ находится в орбите интересов двух великих держав: Восточной Римской империи и Сасанидского Ирана, боровшихся за господство на Ближнем Востоке и в Закавказье. Народы Северокавказского региона оказались втянутыми в военно-политическое соперничество между двумя империями, пытавшимися превратить северокавказские народы в своих подчиненных союзников. Это стимулировало возникновение здесь «варварских» раннегосударственных образований, союзных или враждебных Ирану и Риму, таких как аланское царство в Центральном Предкавказье или держава гуннов/маскутов в Дагестане. Известно, что археологический материал и письменные источники свидетельствуют об ускорении социального расслоения у народов Северного Кавказа, появлении здесь военной знати, представленной, в частности, богатыми могилами воинских предводителей, и формировании военно-дружинного сословия. Концентрация вождеских и воинских находок в определенных регионах маркирует появление новых центров власти, например, в Южном Дагестане, Северной Осетии и Пятигорье. В то же время в «варварской» Европе зарождаются первые раннегосударственные образования, так называемые варварские королевства. Активно идет процесс социального расслоения местных социумов, появляется прослойка профессиональных воинов, кристаллизуется новая военизированная аристократия, связанная на первых порах либо с могущественной федерацией гуннов, либо с военной системой поздней Римской империи.

В настоящее время перед археологами Северного Кавказа стоят такие актуальные задачи, как поиск критериев выделения «княжеских» и воинских погребений и определение их места в социальной иерархии в эпоху поздней античности – раннего Средневековья на Северном Кавказе по археологическим данным; изучение географии распространения «княжеских» и воинских находок с целью выявления центров власти; установление «интернациональных» черт «княжеских» и воинских погребений и анализ их эволюции для каждого конкретного региона.

В связи с этим участникам семинара для обсуждения были предложены следующие темы, которые предполагалось рассмотреть на широком европейском фоне:

[1] В данный сборник вошли также статьи авторов, которые по разным причинам не смогли представить доклады непосредственно на семинаре (Л. Б. Гмыря, В. А. Нюшков, И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова, О. А. Радюш).

– Возможно ли сравнительное изучение «княжеских» и воинских находок на межрегиональном уровне, существуют ли «интернациональные» инсигнии – статусные вещи и каково их происхождение.

– Как формируется «интернациональный» характер воинской и «княжеской» культур.

– Насколько богатство погребений может определять их социальный статус и насколько сопоставим уровень богатства «княжеских» находок на межрегиональном уровне.

– Насколько количество воинских и «княжеских» погребений соответствует степени социального расслоения общества.

Разумеется, никто не ожидал окончательного и однозначного ответа на поставленные вопросы – уровень изученности и степень опубликованности северокавказского материала пока для этого просто недостаточны. Тем не менее в ходе работы семинара были получены ощутимые результаты по целому ряду поднятых вопросов.

Так, исследованиями Д. С. Коробова и В. Ю. Малашева было показано, что не только погребальные памятники, но и поселения дают очень важную информацию о социальной стратификации и социальной эволюции северокавказских предгосударственных и раннегосударственных социумов. Без учета этих данных любая историческая реконструкция будет неполной. Что же касается материала могильников, то их информативные возможности для изучения социально-политической истории северокавказских народов были продемонстрированы в докладах М. С. Гаджиева, В. Ю. Малашева, Т. А. Габуева для территории современного Дагестана и Северной Осетии. Докладчики показали, что не только богатство инвентаря, но и отдельные черты погребального обряда свидетельствуют о высоком социальном статусе некоторых погребенных.

Привлечение материала Западной, Центральной и Восточной Европы (доклады А. В. Мастыковой, Г. Л. Земцова, Э. Иштванович, В. Кульчар, А. Битнер-Врублевской, А. Блюене, М. М. Казанского, П. Перена) показало, что выработанные для других регионов критерии высокого социального положения погребенных вполне применимы к северокавказскому материалу. Во всей зоне от Кавказа до Атлантики в привилегированных погребениях встречен сопоставимый набор статусных вещей, частично воспроизводящий инсигнии поздней Римской империи. Передаточным звеном в распространении римского престижного влияния в этом регионе уже в позднеримское время был Боспор Киммерийский (доклад О. В. Шарова). В то же время, помимо «римского» влияния, северокавказские материалы свидетельствуют и о значительном сасанидском воздействии на вождескую верхушку северокавказских племен (доклад Т. А. Габуева).

Именно «внешние» параллели позволили выявить новые бесспорные «вождеские» погребения в Предкавказье, которые существенно дополняют наши знания о «княжеской» культуре Барбарикума (доклады Х. М. Мамаева, С. Б. Буркова, М. Х. Багаева, Р. А. Даутовой, С. Н. Савенко). По признаку богатства и престижности погребального инвентаря привилегированные погребения отчетливо выделяются в меровингских и аламаннских древностях (см., напр.: *Christlein*, 1973; *Quast*, 1993. S. 107, 108). Два уровня погребений знати были выявлены

и на восточногерманском материале позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов (*Bierbrauer*, 1989). При этом исследователи благоразумно избегают их прямого сопоставления с сословными группами, известными по письменным источникам, и предпочитают оперировать условными группами или стратами (*Quast*, 1993. S. 111; *Périn*, 1995. P. 251). Действительно, археологические и письменные источники по-разному отражают социальную структуру древних обществ, и их прямолинейное сопоставление весьма рискованно. Что же касается изучения «вождеских» погребений в Восточной Европе, то исследователями применяются практически те же самые критерии их выделения, хотя в русскоязычных публикациях они нигде четко не сформулированы.

Дальнейшее накопление и анализ подобного материала позволит создать надежную иерархию вождеских погребений по археологическим признакам и оценить степень различий между престижными и «ординарными» захоронениями. Также насущным представляется проведение палеосоциологических изучений в рамках отдельно взятого социума, известного нам по раскопкам могильников. Это позволило бы выявить археологические критерии социальной иерархии не только среди знати, но и для всей конкретной группы населения в целом. Подобного рода исследования с успехом ведутся в Центральной и Западной Европе (*Christlein*, 1973; *Koch*, 1998; *Périn*, 1998; см. обзор: *Харке, Савенко,* 2000). К сожалению, в восточноевропейской «варварской» археологии последних десятилетий такие работы на широком материале практически не проводились.

Очень важным было участие в работе историков – специалистов по письменным источникам и специалистов естественнонаучных дисциплин. Так, доклад И. Г. Семенова продемонстрировал возможности исторической идентификации по сообщениям древних авторов некоторых правящих групп в северокавказском Барбарикуме. И. А. Сапрыкина в своей работе, посвященной изучению состава золота из «княжеских» погребений, показала важность применения методов естественных наук для лучшего понимания археологических находок престижного уровня.

В заключение участники семинара констатировали, что складывавшаяся и развивавшаяся в позднеантичный – раннесредневековый период на Северном Кавказе «княжеская» материальная культура имеет в целом тот же интернациональный облик, как и в варварских социумах на других территориях, и характеризуется также престижными и статусными предметами (парадное конское снаряжение, оружие, импортные украшения, аксессуары костюма, посуда и т. д.), образующими определенные сравнимые наборы. При изучении социальной стратификации, выделении «княжеской» и воинской элиты северокавказских сообществ характер погребального инвентаря и погребальной архитектуры выступает основным маркером. Вместе с тем было обращено внимание на то, что «элитность» аборигенных кавказских захоронений, в отличие от сарматских и аланских с их выделяющимися по размерам курганами и погребальными конструкциями, нашла воплощение не в погребальной архитектуре и трудозатратах на ее сооружение, а в богатстве сопутствующего погребального инвентаря. Материалы поселений также дают возможность выявления их иерархии, локализации центров власти, определения ряда крупных укрепленных поселений как структур протогородского типа. Участники семинара отмечали, что

дальнейшее изучение сложных процессов формирования раннегосударственных образований на Северном Кавказе требует широкого введения в научный оборот уже накопленного материала, его анализа, систематизации и публикации, археологического исследования крупных городищ региона, сопоставления археологических данных со сведениями нарративных источников.

ЛИТЕРАТУРА

Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале Средневековья // Тезисы докладов Междунар. науч. семинара. Махачкала, 13–17 ноября 2013 г. / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН, 2013. 52 с.

Харке Г., Савенко С. Н., 2000. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // Российская археология. № 1. С. 217–226.

Bierbrauer V., 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Milltelalters // Peregrinatio Gothica. Lódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Lódzkiego. S. 39–106.

Christlein R., 1973. Besitzabstufungen zur Merowingeriet im Spiegel reicher Grabunde aus West- und Süddeutschland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Jg. 20. S. 147–180.

Koch U., 1998. Hofferrin und Schaffnerrinn. Bäuern und Friedelfrau. Die Hierarchie er Frauen in Merowingerzeit // Nürnberger Blätter zur Archäologie. Heft 13. S. 8–24.

Périn P., 1995. Les tombes des «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'Archéologie mérovingienne. P. 247–302.

Périn P., 1998. Possibilités et limites de l'interprétation sociale des cimetières mérovingiens // Antiquités Nationales. № 30. P. 169–184.

Quast D., 1993. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart: Kommissonsverlag-Konrad Theiss Verlag. 162 S.

Сведения об авторе.

Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия: e-mail: amastykova@mail.ru

A. V. Mastykova

Introduction

Leaders' culture of the North Caucasus in migration period and european context

Abstract. In the present issue there are presented proceedings of the international seminar held to discuss the problems of early state formations and the phenomenon of «princely» culture in the North Caucasus on the transition of Classical antiquity and Middle Ages. «Princely» material culture of North Caucasian population is of clearly international character, related with the antiquities known from other regions of Europe. It is characterized by presence of prestige and status-indicating items (ceremonial horse equipment, weapons, imported ornaments, costume accessories, ware, and the like),

making up definite comparable sets. As basic markers are considered character of grave goods and architecture of burial constructions. Material from dwelling sites also gives grounds to reveal social hierarchy and identify central places and in particular major fortified settlements as structures of protourban type.

Keywords: seminar, North Caucasus, «barbarian kingdoms», early state formations, «princely» and «leader» cultures, late Roman time, Great Migration period.

REFERENCES

Bierbrauer V., 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Mittelalters. *Peregrinatio Gothica*. Lódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Lódzkiego, pp. 39–106.

Christlein R., 1973. Besitzabstufungen zur Merowingeriet im Spiegel reicher Grabunde aus West- und Süddeutschland. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 20, pp. 147–180.

Kharke G., Savenko S. N., 2000. Problemy issledovaniya drevnikh pogrebeny v zapadnoyevropeyskoy arkheologii [Problems of investigation of ancient burials in West Eurpean archaology]. *RA*, 1, pp. 217–226.

Koch U., 1998. Hofferrin und Schaffnerrinn. Bäuern und Friedelfrau. Die Hierarchie er Frauen in Merowingerzeit. *Nürnberger Blätter zur Archäologie,* 13, pp. 8–24.

Périn P., 1995. Les tombes des «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique. *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. F. Vallet, M. Kazanski, eds. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'Archéologie mérovingienne, pp. 247–302.

Périn P., 1998. Possibilités et limites de l'interprétation sociale des cimetières mérovingiens. *Antiquités Nationales*, 30, pp. 169–184.

Quast D., 1993. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart: Kommissonsverlag Konrad Theiss Verlag. 162 p.

Rannegosudarstvennyye obrazovaniya i «knyazheskaya» kul'tura na Severnom Kavkaze v kontse antichnosti – nachale srednevekov'ya [*Early state formations and «princely» culture in North Caucasus in late Antiquity – early Middle Ages*]. A. V. Mastykova, ed. Moscow: IA RAN, 52 p.

About the author.

Mastykova Anna V., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: amastykova@mail.ru.

М. С. Гаджиев, В. Ю. Малашев

«КНЯЖЕСКИЕ» И ЭЛИТНЫЕ ВОИНСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕСАРМАТСКОГО И ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ В ДАГЕСТАНЕ

Резюме. В статье рассматриваются «княжеские» и элитные воинские захоронения позднего сарматского и гуннского периодов, открытые на территории Дагестана. «Княжеские» погребения конца IV – первой половины V в. н. э. представлены большими курганами (3–5 м высотой) Андрейаульского могильника с Т-образными катакомбами со стрельчатым сводом, сооруженными на глубине около 9 м от древней дневной поверхности и, очевидно, принадлежавшими аланской высшей элите, а также каменной гробницей в Ираги с богатым погребальным инвентарем типа Армазис Хеви, Верхняя Рутха, Унтерзибенбрунн, Лендьелтоти и др. Гробница, вероятно, принадлежала представительнице высшей знати княжества Хайдак. Воинские элитные погребения относятся как к аборигенному дагестанскому, так и к пришлому кочевому населению. Это, в частности, захоронение в каменной гробнице в Калкни первой половины V в. н. э. с вооружением, железными кольчугой и ламинарным шлемом с бармицей, а также диагонально расположенное погребение конца II – первой половины III в. н. э. в большой прямоугольной яме под курганом 1 могильника Кох-тебе с железным ламеллярным доспехом типа *lorica squamata*.

Ключевые слова: Кавказ, Дагестан, «княжеские» погребения, элитные воинские погребения, курган, гробница.

Как известно, переход к раннеклассовому обществу и государственным формам социальной организации связан с качественным изменением всей системы социального организма, с социально-имущественной дифференциацией населения, сложением социальной структуры этого общества, для которого характерно наличие двух основных слоев: 1) родовой аристократии во главе с родом правителя и примыкающей к ней служилой (прежде всего, воинской) знатью и 2) массы рядовых общинников, среди которых уже происходит социально-имущественное расслоение.

В археологической практике установление раннеклассового характера того или иного общества в огромной мере связано с анализом и социальной интерпретацией групп погребений, в которых нашли отражение социальная, сословно-правовая структура, прижизненный общественный статус погребенных.

Исследователями разрабатывается, апробируется и совершенствуется методика таких социальных реконструкций на основе археологических материалов (см., напр.: *Бунятян*, 1985; *Афанасьев*, 1993. С. 5–34, там же библиография; *Ольховский*, 1995. С. 85–96; *Коробов*, 2003. С. 275–283, 287–289; *Мастыкова*, 2008. С. 150–155; 2009. С. 159–177); предложены археологические критерии определения социального статуса погребенного, принадлежности его к той или иной общественной группе, основными из которых являются количество труда, затраченного на совершение погребального обряда, а также количество и качество сопровождающего погребального инвентаря. Известно также, что в строго стратифицированных обществах представители определенных слоев-сословий имеют внешние отличительные, социально маркирующие признаки (знаки различий, символы власти и общественного положения) в украшениях, одежде, вооружении и т. п. Таким образом, социальная стратификация общества, в определенной степени, находила отражение и выражение в духовной и материальной культуре, фиксируемой в погребальных памятниках. Тем не менее необходимо отметить, что проблема социальной интерпретации погребального обряда достаточно сложна и неоднозначна и строгих единых археологических критериев для отнесения погребенного к определенному статусу пока нет. Имеющиеся на сегодняшний день разработки ряда направлений в зарубежной литературе отражены в обзоре Г. Харке, С. Н. Савенко (*Харке, Савенко*, 2000а; 2000б).

На основе отмеченных критериев и признаков среди погребальных памятников Дагестана позднесарматского и гуннского времени выделяются две, пока еще количественно небольшие группы захоронений, которые можно рассматривать как принадлежавшие представителям высшей знати («княжеские» погребения) и воинской элиты (рис. 1).

Погребения высшей знати, или «княжеские», известны на территории Дагестана, но изучены недостаточно. К таковым можно отнести два крупных раскопанных кургана позднего IV – первой пол. V в. н. э. Андрейаульского курганного могильника (рис. 1, *1*) и Ирагинскую гробницу первой пол. V в. н. э. (рис. 1, *4*).

Размеры данных курганов Андрейаульского некрополя внушительны. Ниже приводим их краткую характеристику – по данным автора раскопок (при этом отметим, что приведенные в отчете и публикациях параметры входных ям и погребальных камер несущественно отличаются от чертежных) (*Магомедов*, 1987; 1989; 1990. С. 52; 1994. С. 34–36).

Курган 1: высота – 5,78 м, диаметр – 50 м. Объем насыпи составляет ок. 3300 м³. Входная яма трапециевидной в плане формы, размерами 3,85 × 1,3–1,8 м, ориентирована длинной осью по линии СЗЗ–ЮВВ (рис. 2). Глубина от погребенной почвы – ок. 9 м. Камера прямоугольной в плане формы с хорошо выраженными углами, размерами 3,5 × 2 м, ориентирована длинной осью по линии ССЗ–ЮЮВ, находилась у СЗЗ стенки. Высота камеры – 2,2 м. Свод – стрельчатый. Дно камеры было покрыто слоем (10–12 см) древесного угля.

Курган 2: высота – 2,8 м, диаметр – 33 м. Объем насыпи составляет ок. 800 м³. Входная яма прямоугольной в плане формы (3 × 1,8 м) ориентирована длинной осью по линии З–В (рис. 3). Глубина от погребенной почвы – ок. 9 м. Камера находилась у западной стенки. Вход в камеру – прямоугольной формы с арочным

Рис. 1. Элитные погребения Дагестана III–V вв.

1 – Андрей-аул; *2* – Кох-тебе 2; *3* – Львовский Первый – 4; *4* – Ираги; *5* – Калкни; *6* – Цыйша

верхом, шириной 0,55 м и высотой 0,45 м. Камера прямоугольной в плане формы (3 × 1,8 м) с хорошо выраженными углами ориентирована длинной осью по линии С–Ю. Высота камеры – 2,3 м. Свод – стрельчатый. Дно камеры покрыто слоем древесного угля.

Культурная принадлежность погребенных в данных курганах, судя по особенностям погребальных сооружений, может рассматриваться как аланская. Для определения их хронологии, вследствие отсутствия выразительного погребального инвентаря, наиболее показателен такой элемент конструкции погребальной камеры, как стрельчатый свод, вынесенный вверх от входа.

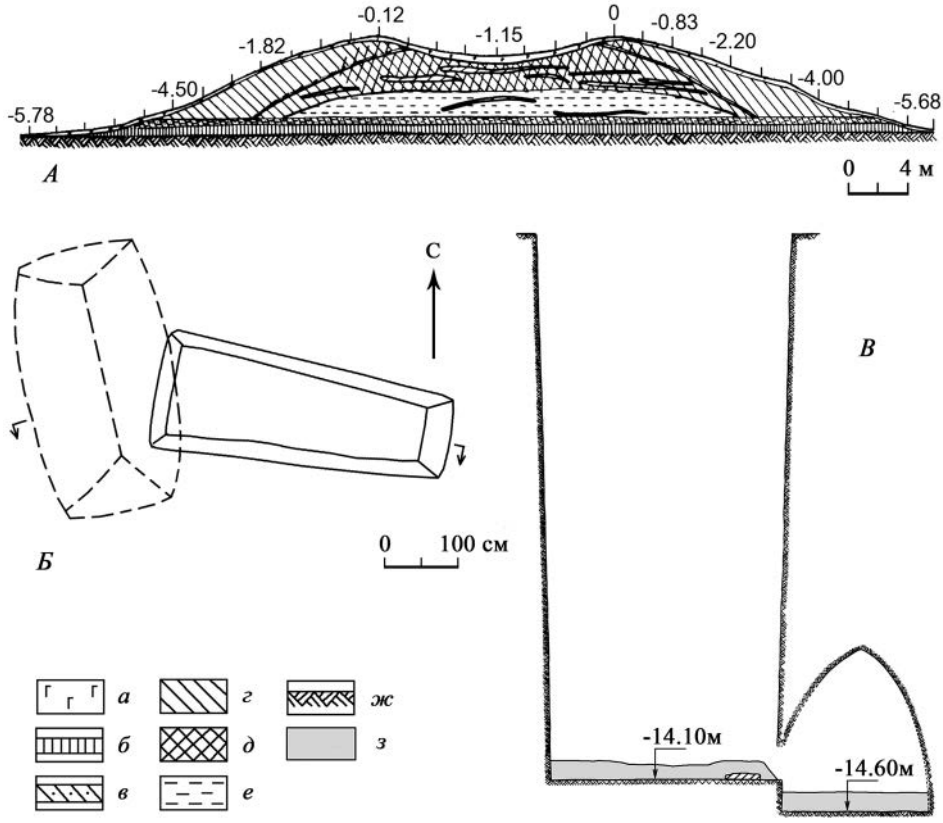


Рис. 2. Андрейаульский курганный могильник. Курган 1. Профиль северной стенки траншеи (*А*), план (*Б*) и разрез (*В*) катакомбы (по: *Магомедов*, 1987)

Условные обозначения: *а* – гумус; *б* – погребенная почва; *в* – супесь; *г* – вторичная насыпь; *д* – грабительский перекоп; *е* – глина; *ж* – материк; *з* – древесные угольки

Этот признак характерен для катакомб аланской культуры конца IV – первой пол. V в. н. э. (*Малашев*, 2010. С. 119, 120; *Малашев, Торгоев*, 2012. С. 207).

К сожалению, оба кургана были разграблены еще в древности, и в камерах и входных ямах их обнаружена лишь фрагментированная керамика (очевидно происходящая из использованного для насыпи и заполнения входной ямы культурного слоя). При этом видно, что масштабы общественного труда, затраченного на сооружение этих погребальных памятников, были велики. Исходя из среднестатистических показателей земляных работ (Урочныя положения…, 1843. С. 20, 22; см. также: *Афанасьев*, 1993. С. 143), можно подсчитать, что количество труда, вложенного в возведение каждой из этих усыпальниц, составляет соответственно ок. 500 чел.-дн. и ок. 120 чел.-дн. Для сравнения отметим, что на сооружение достаточно богатого подкурганного (высота кургана – 1,5 м, диаметр – 22 м; объем насыпи – ок. 75 м^3) захоронения в крупной

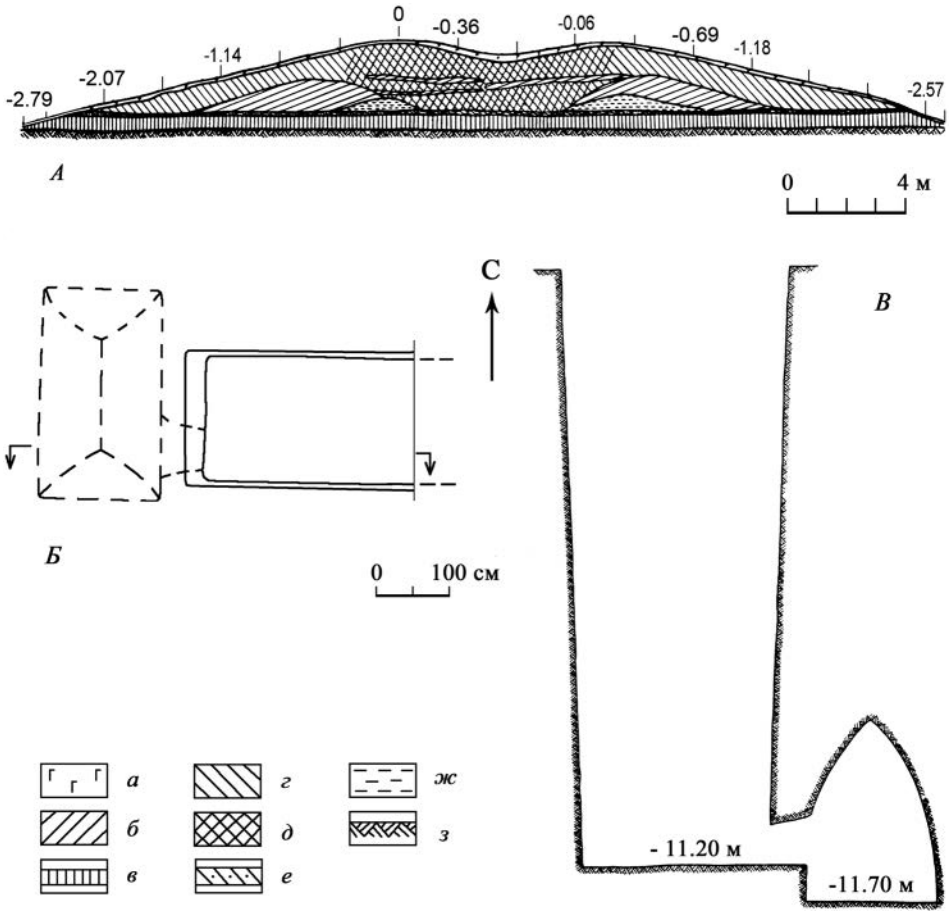


Рис. 3. Андрейаульский курганный могильник. Курган 2.
Профиль западной стенки траншеи (*А*), план (*Б*) и разрез (*В*) катакомбы
(по: *Магомедов*, 1987)

Условные обозначения: *а* – гумус; *б* – первичная насыпь; *в* – погребенная почва; *г* – вторичная насыпь; *д* – грабительский перекоп; *е* – супесь; *ж* – глина; *з* – материк

подквадратной грунтовой яме (4,1–4,3 × 3,5–3,6 м, глубина – 2,4–2,5 м) с деревянными конструкциями первых веков н. э. (см. ниже) того же могильника было затрачено ок. 35 чел.-дн. Эти огромные показатели общественного труда, отвлеченного на процедуру похоронного обряда в рассматриваемых крупных курганах Андрейаульского некрополя, без сомнения, указывают на былое неординарное, выдающееся положение погребенных и среди местной аристократии, и в обществе в целом. Можно весомо предполагать, что в этих курганах покоились особы царского происхождения, возможно скептухи местного сармато-алано-дагестанского раннегосударственного объединения с центром в Андрейаульском городище.

Следует отметить, что это не единственные крупные курганы, расположенные рядом с Андрейаульским городищем. Здесь сохранилось еще около десятка больших курганов, среди которых особо выделяется огромный курган Аюкутюбе (диаметр – ок. 110 м, высота – ок. 10 м), обведенный заплывшим рвом шириной ок. 3 м. К сожалению, все курганы несут на себе следы грабительских раскопок в виде воронок на вершинах их насыпей.

Необходимо заметить, что социально-имущественная стратификация, наблюдаемая в кочевнических памятниках Терско-Сулакского междуречья, нашла отражение не только в колоссальных разительных отличиях погребальных памятников верховной знати и рядовых общинников, но и в наблюдаемом процессе седентаризации, фиксируемом и письменными (*Strabo*. Geogr. XI. 2. 1; *Plin*. Nat. Hist. V. 36), и археологическими источниками (*Гаджиев*, 1997. С. 88, 89).

В отличие от рассмотренных курганов, высший социальный статус погребенной в Ираги в традиционной небольшой гробнице (1,5 × 0,8 × 0,7 м) нашел воплощение не в погребальной конструкции и трудозатратах на ее сооружение, а в богатстве сопутствующего погребального инвентаря, также отразившего отчуждение от общества в пользу умершего значительного количества труда, вложенного в многочисленные изделия. В этом ирагинское захоронение близко некоторым богатым погребениям в гробницах Армазисхеви и других памятников, принадлежавших высшей знати Иберии (Картли) поздней античности. Погребенную в Ираги сопровождали несколько керамических кувшинов, железные удила с псалиями, биллоновое зеркало, серебряные и бронзовые браслеты и пряжки, серебряные флакон для благовоний, чеканное орнаментированное блюдо с чернью и позолотой, золотые филигранные серьги, копоушка, зубочистка, множество золотых нашивных украшений и бляшек, в т. ч. с зернью, гранатовыми и сердоликовыми вставками, две золотые на бронзовой основе двупластинчатые фибулы с инкрустацией, многочисленные фаянсовые плакетки и подвески, бусы из сердолика, агата, фаянса, гагата и др. (*Давудов, Котович*, 1979. С. 36; *Давудов*, 1979. С. 184–187; *Абакаров, Давудов*, 1993. С. 215. Рис. 48, 49).

Обратим внимание на то, что происходящие из Ираги многочисленные нашивные золотые бляшки (со вставками, М-образные, лунницы) и двупластинчатые фибулы, находящие аналоги в других подобных по содержанию комплексах (Верхняя Рутха, Джеты-асар, Унтерзибенбрунн, Лендьелтоти и др.) и представляющие аксессуары платья, видимо, являются не отдельно собранными украшениями, принадлежностями одежды, а цельным комплектом, в который была облачена погребенная женщина. Может быть, такие гарнитуры стоит рассматривать как дорогие подношения типа восточных халатов и т. п. (ср., напр., сообщение Ибн Исфандийара о пожаловании шаханшахом Хосровом I Ануширваном (531–579 гг.) восточнокавказским владетелям дорогих халатов, вышитых изображениями различных животных (*Ispahani*, 1844. P. 57) и, очевидно, представляющих известные сасанидские шелка).

Первоначально ирагинское погребение рассматривалось как характеризующее местную культуру Среднего Дагестана конца IV – первой пол. V в. н. э. (*Давудов, Котович*, 1979. С. 36). В дальнейшем его соотнесли с «правящим домом гуннского царства в Дагестане» (*Давудов*, 1984. С. 86). Однако этому противоречит как географическое местонахождение Ирагинской гробницы (Горный

Дагестан, историческая область Кайтаг / Хайдак), так и сама погребальная конструкция – каменная плитчатая гробница, характерная для автохтонного населения, но никак не для пришлых номадов. И эти признаки позволяют характеризовать богатое ирагинское погребение как принадлежащее представительнице местной высшей знати, а учитывая его месторасположение, связать с элитой политического образования Хайдак (Кайтаг), правителю которого, по известной информации ал-Истахри (ок. 850–934) и ал-Мукаддаси (946 – ок. 1000), шаханшахом Хосровом I (531–579) был пожалован титул **хайдаканшах* – «царь хайдакцев» или «царь Хайдака» (см.: *Семенов*, 2002. С. 24–26). Информация раннеарабских авторов о Хайдаке и хайдаканшахе и в целом о военно-административной деятельности Хосрова I на Восточном Кавказе, основанная на недошедших сасанидских (среднеперсидских) источниках, относится к событиям сер. VI в., но предлагаемая ретроспектива, допускающая существование этого этнополитического образования в V в., вполне позволительна, учитывая «княжеский» характер ирагинского погребения.

В ирагинском погребении нашло яркое отражение накопление в руках высшей знати значительных материальных ценностей, богатства. Это захоронение, как и вообще группа богатых погребений, демонстрирует существование двух социально детерминированных культур – знати и рядового населения, формирование которых связано с развитием социальной стратификации в рамках раннеклассового общества, с трансформацией культурной субсистемы в условиях качественных изменений социально-экономического характера (*Куббель*, 1988. С. 72 и сл.; *Павленко*, 1989. С. 70, 71).

Погребения воинской элиты, известные на территории Дагестана, представлены серией погребальных комплексов как местного (автохтонного), так и пришлого степного населения.

Прежде всего, это погребение в ящике № 3, сложенном из крупных каменных плит, Калкнинского могильника III–V вв. н. э. (*Салихов*, 1985) (рис. 1, 5). Это захоронение, датируемое первой пол. V в. по характерной округлорамчатой пряжке с выраженным утолщением в передней части рамки и с хоботковым язычком с высоким уступом у основания, выделяется массивностью погребальной конструкции и, особенно, сопровождающим инвентарем. Погребенный был экипирован в железную кольчугу (изготовленную из колец диаметром ок. 1 см) и уникальный железный шлем с бармицей, с ним были положены железные мечи, кинжалы, наконечники копий, уздечный набор (Там же. С. 172, 173. Рис. IV–VI). По представленному набору вооружения это захоронение можно рассматривать как погребение тяжеловооруженного воина-всадника. Его высокое социальное и воинское положение подчеркнуто снаряжением, прежде всего – ламинарным шлемом, относящимся, видимо, к восточной традиции производства защитного вооружения (*Лурье*, 2012. С. 349–351), и кольчугой, которые в данном контексте выступают социальными маркерами погребенного. Причем если среди известных на территории Дагестана и Северного Кавказа погребений с доспехами позднесарматского и гуннского времени (сводку данных см.: *Салихов*, 1985. С. 168; см. также: *Кудрявцев, Гаджиев*, 1991. С. 107. Рис. 17, *8*; *Салихов*, 1991. С. 139, 140. Рис. 6) встречены положенные в могилу обрывки кольчуг или панциря (что, видимо, отражает какие-то религиозные представления, например религиозно-магическую формулу

pars pro toto или использование их в качестве оберега при переходе в иной мир), то здесь мы видим облачение в целый доспех.

К кругу воинской всаднической элиты относится и погр. 6 Цыйшинского могильника III–IV вв. н. э. (рис. 1, *6*) с положенными в могилу обломками трех мечей, набором из костяных наконечников стрел и обрывками железной кольчуги, а также с сопровождающим захоронением коней (*Котович, Маммаев*, 1968. С. 30–37).

Зачастую находки фрагментов кольчуг или панциря в погребениях маркируются и другими престижными предметами, указывающими на статус их владельцев. Так, в упомянутом выше ограбленном Андрейаульском подкурганном захоронении первых веков н. э. в прямоугольной яме с деревянными конструкциями, близком подобным погребениям кочевнической знати Нижнего Дона второй пол. I – первой пол. II в. н. э. (среднесарматской культуры), среди оставшегося инвентаря кроме обрывков кольчуги и комбинированного доспеха имелись золотая бляшка и фрагмент стеклянного сосуда (*Абрамова, Магомедов*, 1980. С. 130–134. Рис. 6). В Цархи-Гоцинской гробнице I–II вв. н. э. (Горный Дагестан) вместе с панцирными пластинами были найдены импортные бронзовые фибулы типа «Алезия», браслеты с перевязанными концами, египетские фаянсовые подвески (*Котович*, 1967. С. 56. Рис. 36). Наконец, в детском погребении 6 Дербентского могильника середины – второй пол. III в. н. э. наряду с куском кольчуги и другими многочисленными и разнообразными предметами обнаружена бронзовая витая гривна – украшение, несомненно выступавшее социальным символом (*Кудрявцев, Гаджиев*, 1991. С. 107).

Обращает внимание относительно высокая степень концентрации находок кольчуг (точнее, их фрагментов) в памятниках Дагестана позднего албано-сарматского и раннесредневекового времени по сравнению с сопредельными территориями. В настоящее время зафиксировано свыше 20 таких пунктов. Факт относительно высокой концентрации находок в совокупности с ретроспективным использованием хронологически близких данных письменных источников позволяет говорить о сложении на территории Дагестана центра по изготовлению кольчуг (*Магомедов*, 1966. С. 140; *Маммаев*, 1969. С. 163). Для VI в. н. э. письменные источники уже удостоверяют дагестанскую этнополитическую область «Кольчугоделатели» (*перс.* Зерехгеран = *тюрк.* Кубачи), получившую свое название по производственному признаку, владетель которой, согласно известному сообщению Балазури (ок. 820–892), был утвержден в своих правах Хосровом I Ануширваном.

Приведенные данные позволяют предполагать появление в первых веках н. э. на территории Дагестана тяжеловооруженных конных воинов – катафрактариев. Вместе с тем очевидно, что панцирные, кольчужные доспехи, характерные для катафрактария и представлявшие значительную материальную ценность, выступают социальными маркерами, престижным снаряжением военной аристократии, которая в условиях, когда власть имела преимущественно военный характер, занимала главенствующие позиции и в общественной организации.

Защитная амуниция встречена на территории Дагестана в погребальных комплексах позднесарматского и гуннского времени не только местного (аборигенного) населения, но и пришлого степного. Кроме упомянутого богатого

подкурганного ямного захоронения некрополя Андрейаульского городища, она обнаружена, например, в наиболее крупном, ограбленном в древности, кургане 6 Львовского Первого-4 могильника (рис. 1, *3*), где были найдены железные прямоугольные панцирные пластины с бронзовыми штифтами в отверстиях (*Абрамова и др.*, 2001. С. 7. Рис. 9, *3–8*).

К этой группе захоронений относится и погребение в кургане 1 могильника Кох-тебе 2 Львовского курганного поля (*Малашев*, 2009) (рис. 1, *2*), к сожалению также ограбленном в древности. Овальная в плане насыпь имела размеры 22 × 18 м и высоту 1,06 м (рис. 4). Яма прямоугольной формы, размерами 3,8 × 2,5 м, ориентирована длинной осью по линии С–Ю с незначительным отклонением к западу. Вдоль всех четырех стенок были сделаны заплечики. В заполнении встречены остатки деревянного перекрытия. Глубина ямы от уровня древнего горизонта – 1,8 м. В яме было совершено парное захоронение. Судя по расположению *in situ* костей голеней одного из погребенных, он лежал вытянуто на спине по диагонали ямы, головой на СЗ. Остатки погребального инвентаря содержали: железный чешуйчатый (ламеллярный) доспех типа *lorica squamata* (рис. 5, А), 2 ворворки и 2 стеклянные бусины, 2 круговых кувшина и железные и костяные наконечники стрел (рис. 5, Б). По особенностям обряда, сочетающим признаки как среднесарматской культуры (широкая прямоугольная яма, диагональное положение погребенного), так и позднесарматской (ориентировка в северный сектор), а также по инвентарю, дата комплекса укладывается в рамки позднего II – первой пол. III в. н. э.

Здесь уместно вспомнить известие Тацита о сарматах, у которых «вожди и знать» носят панцири, сделанные «из пригнанных друг к другу пластин» (Hist. I, 79). Это сообщение римского историка, как следует из приведенных материалов, можно определенно использовать для характеристики социальной структуры и номадов Северо-Западного Прикаспия, и дагестанского общества, которое имело тесные контакты (в т. ч. военно-политические) со степным миром. Известие Тацита, а также информация Аммиана Марцеллина о парфянской знати, несшей службу в кавалерии (Hist. XXIII, 6, 83), ядром которой являлись катафрактарии, вкупе с археологическими данными подтверждают тезис о возможности соотнесения военного понятия «катафрактарий» и социального термина «нобиль» (*Кошеленко*, 1985. С. 345).

С этой позиции следует подходить и к социальной характеристике войска Кавказской Албании, насчитывавшего, по данным Страбона (Geogr. XI, 4, 5), 60 тыс. пехоты и 22 тыс. конницы (по Плутарху – 12 тыс. конницы: Pomp. 35). Как сообщает Страбон (Geogr. XI, 4, 4–5, XI, 14, 9), албаны, подобно армянам, «сражаются пешими и на конях, в легком (*псилеты*) и тяжелом (*катафракты*) вооружении», «защищены панцирями (*тораксы*)» и, как мидийцы и армяне, «пользуются на войне покрытыми броней лошадьми». Эта информация подтверждается археологическими материалами Дагестана и Азербайджана (Рустов, Мингечаур) – раскопанными погребениями не только легковооруженных воинов, но и всадников, катафрактариев (*Халилов и др.*, 1975. С. 476; *Бабаев*, 1990. С. 134, 135; *Алиев*, 1992. С. 171, 172).

Несомненно, в структуре войска нашла отражение существовавшая в обществе социально-имущественная, сословно-правовая иерархия, и, очевидно,

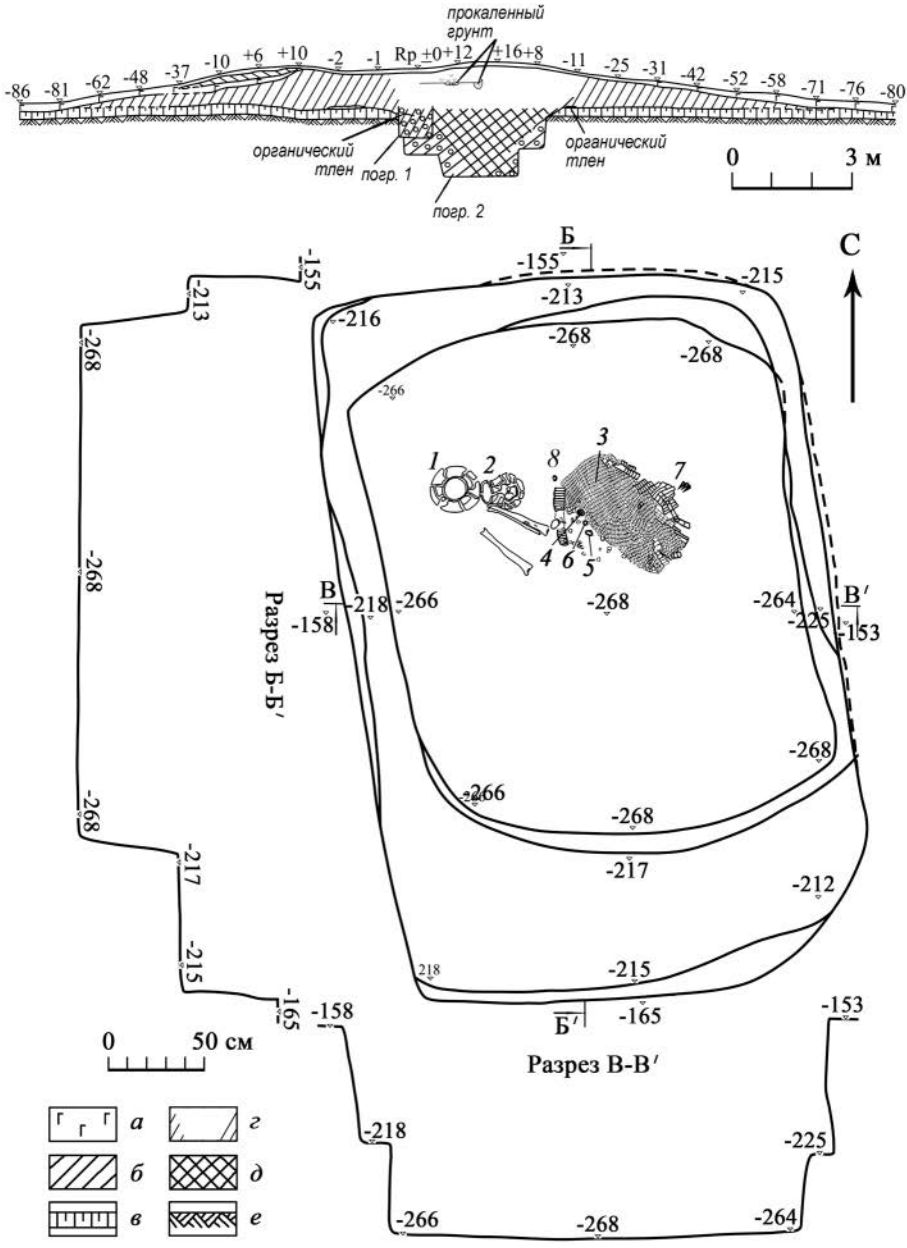


Рис. 4. Могильник Кох-тебе 2. Курган 1.
Профиль насыпи север – юг: западный фас (*А*), план и разрезы погребения 2 (*Б*)

Условные обозначения: *а* – гумус; *б* – насыпь; *в* – погребенная почва; *г* – грабительская яма; *д* – заполнение могил; *е* – материк. *1, 2* – кувшины; *3* – панцирь железный; *4* – ворворка бронзовая; *5* – каменная бусина; *6* – стеклянная бусина; *7* – железные наконечники стрел; *8* – ворворка железная

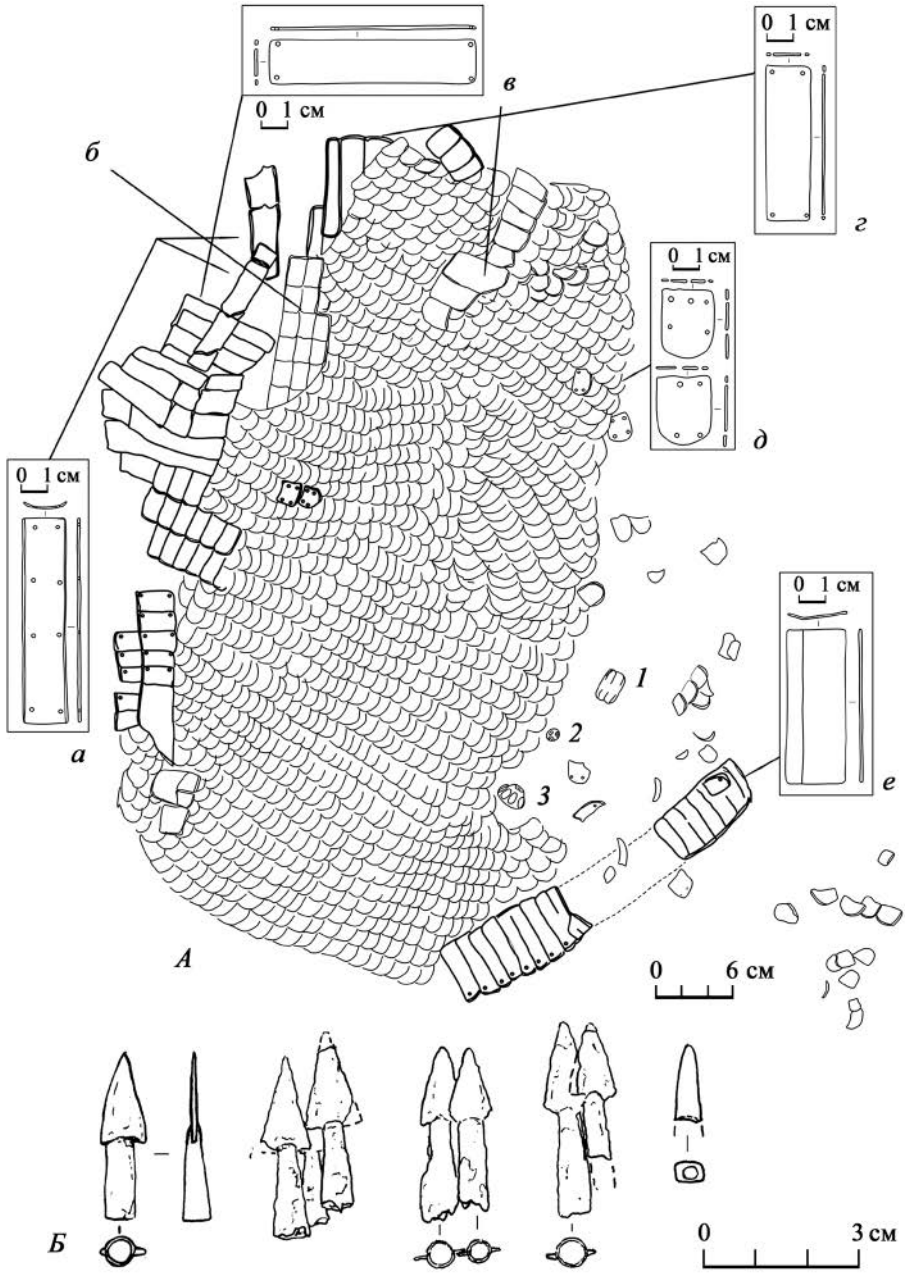


Рис. 5. Могильник Кох-тебе 2. Курган 1

Погребальный инвентарь: *А* – железный доспех (in situ): *а* – деталь оплечья, вариант В; *б* – пластины вокруг выреза для руки; *в* – деталь оплечья, вариант Б; *г* – деталь спины, вариант Г; *д* – основной элемент панциря, вариант А; *е* – деталь нижней части спины, вариант Д; *Б* – железные и костяной наконечники стрел

социальная структура в немалой степени соответствовала военной организации социума. С большой долей вероятности можно полагать, что легковооруженная пехота набиралась из числа рядовых общинников, конницу составляли состоятельные свободные и знать, катафрактариями выступала исключительно аристократия, причем, вероятно, высшая, руководившая воинскими подразделениями.

В завершение обратим внимание на то, что в обеих группах выделенных погребений представлены захоронения, этнокультурная интерпретация которых определяется как местная кавказская (дагестанская) и пришлая степная (носители среднесарматской культуры и их потомков, а также аланской культуры). Вероятно, это в некоторой степени может указывать на то, что в среде этих двух этнокультурных, тесно контактировавших сообществ в позднесарматское и гуннское время происходили сходные процессы социальной поляризации, становления и развития раннегосударственных форм социальной организации.

ЛИТЕРАТУРА

Абакаров А. И., Давудов О. М., 1993. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука. 325 с.

Абрамова М. П., Красильников К. И., Пятых Г. Г., 2001. Курганы Нижнего Сулака: могильник Львовский Первый-4. М.: ИА РАН. 152 с. (МИАР; Т. 4: Труды Дагестанской экспедиции. Т. II.)

Абрамова М. П., Магомедов М. Г., 1980. О происхождении культуры Андрейаульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: Наука. С. 123–141.

Алиев К. Г., 1992. Античная Кавказская Албания. Баку: Азернешр. 238 с.

Афанасьев Г. Е., 1993. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука. 184 с.

Бабаев И. А., 1990. Города Кавказской Албании в IV в. до н. э. – III в. н. э. Баку: Элм. 236 с.

Бунятян Е. П., 1985. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV–III вв. до н. э.). Киев: Наукова думка. 227 с.

Гаджиев М. С., 1997. Между Европой и Азией: из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала: ДНЦ РАН. 154 с.

Давудов О. М., 1979. Гробница из сел. Ираги // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала: б. и.

Давудов О. М., 1984. Серебряное блюдо из Ирагинской гробницы // СА. № 1. С. 77–87.

Давудов О. М., Котович В. Г., 1979. Богатые погребальные комплексы из селений Ираги и Калкни // IX Крупновские чтения: тез. докл. / У. Э. Эрдниев и др. (ред. колл.). Элиста: Калмыцкий гос. ун-т. С. 36.

Коробов Д. С., 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб.: Алетейя. 379 с.

Котович В. Г., 1967. Отчет о работе 1-го Горного отряда ДАЭ в 1967 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 26.

Котович В. Г., Маммаев М. М., 1968. Отчет о работе ГАЭ ИИЯЛ в 1968 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 30.

Кошеленко Г. А., 1985. Заключение // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука. С. 338–350. (Археология СССР.)

Куббель Л. Е., 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука. 174 с.

Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., 1991. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века / Сост. О. М. Давудов. Махачкала: ДНЦ РАН. С. 87–115.

Лурье Е. В., 2012. Шлем из могильника Калкни и генезис ламинарных шлемов // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.). Махачкала: Мавраевъ. С. 349–351.

Магомедов М. Г., 1966. Вооружение средневекового Дагестана // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 222.

Магомедов М. Г., 1987. Отчет о работе Северо-Дагестанской экспедиции в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 12233.

Магомедов М. Г., 1989. Отчет о работе Северо-Дагестанской археологической экспедиции в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14598.

Магомедов М. Г., 1990. Живая связь эпох и культур. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во. 136 с.

Магомедов М. Г., 1994. Хазары на Кавказе. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во. 168 с.

Малашев В. Ю., 2009. Отчет об исследовании курганного могильника Паласа-сырт в Дербентском районе и курганного могильника Кохтебе 2 в Бабаюртовском районе Республики Дагестан в 2009 г. // Архив ИА РАН. Р-1. б/н.

Малашев В. Ю., 2010. Центральные районы Северного Кавказа в позднесарматское время // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественно-научным данным) / Отв. ред. А. С. Скрипкин и др. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. С. 117–142. (Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов; Вып. III.)

Малашев В. Ю., Торгоев А. И., 2012. Т-образные катакомбы сарматского времени Северного Кавказа и Средней Азии // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.). Махачкала: Мавраевъ. С. 206–209.

Маммаев М. М., 1969. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // Ученые записки ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. XIX. Кн. 2. С. 189–224.

Мастыкова А. В., 2008. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // ПИФК. Вып. XXI. С. 149–159.

Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.

Ольховский В. С., 1995. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. № 2. С. 85–98.

Павленко Ю. В., 1989. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев: Наукова думка. 287 с.

Салихов Б. М., 1985. Калкнинский могильник // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа / Отв. ред. М. М. Маммаев; сост. М. Г. Гаджиев. Махачкала: ДагФАН. С. 167–187.

Салихов Б. М., 1991. Предметы вооружения из погребений албано-сарматского времени Зеленоморского и Манаскентских курганов // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века / Сост. О. М. Давудов. Махачкала: ДНЦ РАН. С. 130–150.

Семенов И. Г., 2002. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III–VI вв.: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Махачкала.

Урочныя положения на все вообще работы, производящиеся при крепостях, гражданских зданиях и гидротехнических сооружениях. СПб.: Типография Департамента военных поселений, 1843.

Халилов Дж. А., Оруджев А. Ш., Алиев А. А., 1975. Исследования в Шемахинском районе // АО 1974 г. М.: Наука. С. 475.

Харке Г., Савенко С. Н., 2000а. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // РА. № 1. С. 217–226.

Харке Г., Савенко С. Н., 2000б. Проблемы исследования древних погребений в американской археологии // РА. № 2. С. 212–220.

Ispahani, 1844. Hamza Ispahani Annalum libri X. T. I. Textus arabicus / Ed. J. M. E. Gottwald. Petropoli Lipsiae.

Сведения об авторах.

Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, ул. Ярагского, 75, Махачкала, 367030, Россия (Дагестан); e-mail: murgadj@rambler.ru;

Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: malashev@yandex.ru.

M. S. Gadzhiyev, V. Yu. Malashev

«Princely» and elite military burials of the Late Sarmatian and Hunnic periods in Dagestan

Abstract. This article analyses «princely» and elite military burials of the Late Sarmatian and Hunnic periods discovered within the territory of Dagestan. The «princely» burials dating from the end of the 4th – the first half of the 5th cc. AD are presented by large burial-mounds (height of 3–5 m) from the Andrei-aul cemetery with T-shaped catacombs with the pointed barrel vault, built at a depth about 9 m from an ancient ground surface and, obviously, belonging to the highest elite of Alans, and also by stone tomb at Iraghi with rich grave goods like at Armazis Khevi, Verkhnyaya Rutkha, Unterzibenbrunn, Lengyeltot and elsewhere. The tomb had probably belonged to a representative of the high-ranking nobility of the Khaydak principality. The elite military burials belong both to natives of Dagestan and also to nomadic Middle-Sarmatian and Alanian tribes from outside. They include, among others, a burial in a stone cist at Kalkni dating from the first half of the 5th c. AD, which contained weapons, an iron chain-mail and laminar helmet with a mail aventail and also a diagonally arranged burial from the end of the 2nd or first half of the 3rd c. AD in a large rectangular pit under mound 1 in the Kokh-tebe burial-ground containing iron lamellar armour of the *lorica squamata* type.

Keywords: Caucasus, Dagestan, «princely» burials, elite military burials, kurgan, tomb.

REFERENCES

Abakarov A. I., Davudov O. M., 1993. Arkheologicheskaya karta Dagestana [Archaeological map of Dagestan]. Moscow: Nauka. 325 p.

Abramova M. P., Krasil'nikov K. I., Pyatykh G. G., 2001. Kurgany Nizhnego Sulaka: mogil'nik L'vovsky Pervy-4 [Kurgans of the Lower Sulak: cemetery L'vovsky Pervy-4]. Moscow: IA RAN. 152 p.

Abramova M. P., Magomedov M. G., 1980. O proiskhozhdenii kul'tury Andreyaul'skogo gorodishcha [On the origins of culture of the Andrey-aul fortified settlement]. *Severny Kavkaz v drevnosti i v sredniye veka* [*North Caucasus in antiquity and Middle Ages*]. V. I. Markovin, ed. Moscow: Nauka, pp. 123–141.

Afanas'yev G. Ye., 1993. Donskiye alany. Sotsial'nyye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniya basseyna Srednego Dona [Alans of the Don. Social structures of the Alan-Ass-Burtass population of the Middle Don basin]. Moscow: Nauka. 184 p.

Aliyev K. G., 1992. Antichnaya Kavkazskaya Albaniya [Antique Caucasian Albania]. Baku: Azerneshr. 238 p.

Babayev I. A., 1990. Goroda Kavkazskoy Albanii v IV v. do n. e. – III v. n. e. [Cities of the Caucasian Albania in IV c. BC – III c. AD]. Baku: Elm. 236 p.

Bunyatyan Ye. P., 1985. Metodika sotsial'nykh rekonstruktsy v arkheologii (na materiale skifskikh mogil'nikov IV–III vv. do n. e.) [Methods of social reconstructions in archaeology (based on material from Scythian cemeteries of IV–III cc. BC)]. Kiev: Naukova dumka. 227 p.

Davudov O. M., 1979. Grobnitsa iz sel. Iragi [Tomb from village Iragi]. *Narodnoye dekorativno-prikladnoye iskusstvo Dagestana i sovremennost'* [*Popular decorative and applied art of Dagestan and modern time*]. Makhachkala.

Davudov O. M., 1984. Serebryanoye blyudo iz Iraginskoy grobnitsy [Silver dish from the Iragi tomb]. *SA*, 1, pp. 77–87.

Davudov O. M., Kotovich V. G., 1979. Bogatyye pogrebal'nyye kompleksy iz seleny Iragi i Kalkni [Rich burial complexes from villages Iragi and Kalkni]. *IX Krupnovskiye chteniya. Tezisy dokladov* [*IX Krupnov readings. Abstracts*]. U. E. Erdniyev, ed. Elista: Kalmytsky gosudarstvenny universitet, p. 36.

Gadzhiyev M. S., 1997. Mezhdu Yevropoy i Aziyey. Iz istorii torgovykh svyazey Dagestana v albano-sarmatsky period [Between Europe and Asia. From the history of trade relationships of Dagestan in the Albano-Sarmatian period]. Makhachkala: Dagestansky nauchny tsentr RAN. 154 p.

Härke H., Savenko S. N., 2000a. Problemy issledovaniya drevnikh pogrebeny v zapadnoyevropeyskoy arkheologii [Problems of investigation of ancient burials in West European archaeology]. *RA*, 1, pp. 217–226.

Härke H., Savenko S. N., 2000b. Problemy issledovaniya drevnikh pogrebeny v amerikanskoy arkheologii [Problems of investigation of ancient burials in American archaeology]. *RA*, 2, pp. 212–220.

Ispahani, 1844. Hamza Ispahani Annalum libri X. T. I. Textus arabicus / Ed. J. M. E. Gottwald. Petropoli Lipsiae.

Khalilov Dzh. A., Orudzhev A. Sh., Aliyev A. A., 1975. Issledovaniya v Shemakhinskom rayone [Researches in Shemakha district]. *AO 1974*. Moscow: Nauka, p. 475.

Koshelenko G. A., 1985. Zaklyucheniye [Conclusions]. *Drevneyshiye gosudarstva Kavkaza i Sredney Azii* [*Earliest states of Caucasus and Middle Asia*]. G. A. Koshelenko, ed. Moscow: Nauka, pp. 338–350.

Kotovich V. G., 1967. Report of the work of 1st Mountain group of DAE in 1967. *Institute of History, Archaeology and Ethnography*. (In Russian, unpublished).

Kotovich V. G., Mammayev M. M., 1968. Report on the work of GAE IIYAL in 1968. *Institute of History, Archaeology and Ethnography*. (In Russian, unpublished)

Kubbel' L. Ye., 1988. Ocherki potestarno-politicheskoy etnografii [Essays on potestarian-political ethnography]. Moscow: Nauka. 174 p.

Kudryavtsev A. A., Gadzhiyev M. S., 1991. Pogrebal'nyye pamyatniki Derbenta pozdnealbanskogo vremeni (po materialam raskopa XIV) [Burial sites of Derbent of Late Albanian time (on materials from trench XIV)]. *Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i sredniye veka* [*Mountains and plains of North-Eastern Caucasus in antiquity and Middle Ages*]. O. M. Davudov, comp. Makhachkala: Dagestansky nauchny tsentr RAN, pp. 87–115.

Lur'ye Ye. V., 2012. Shlem iz mogil'nika Kalkni i genezis laminarnykh shlemov [Helmet from cemetery Kalkni and genesis of lamellar helmets]. *Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza. Issledovaniya i interpretatsii.* [*Newest discoveries in archaeology of North Caucasus. Researches and interpretations. XXVII Krupnov readings*]. Makhachkala, 23–28 aprelya 2012 g. Makhachkala: Mavrayev, pp. 349–351.

Magomedov M. G., 1966. Weaponry of medieval Dagestan. *Institute of History, Archaeology and Ethnography*]. (In Russian, unpublished).

Magomedov M. G., 1987. Report on the work of North Dagestan archaeological expedition in 1987. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished).

Magomedov M. G., 1989. Report on the work of North Dagestan archaeological expedition in 1989. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished).

Magomedov M. G., 1990. Zhivaya svyaz' epokh i kul'tur. [Live connection of epochs and cultures]. Makhachkala: Dagestanskoye knizhnoye izdatel'stvo. 136 p.

Magomedov M. G., 1994. Khazary na Kavkaze [Khazarians in Caucasus]. Makhachkala: Dagestanskoye knizhnoye izdatel'stvo. 168 p.

Malashev V. Yu., 2009. Report on investigation of kurgan cemetery Palasa-syrt in Derbent district and kurgan cemetery Kohktebe 2 in Babayurt district of Republic Dagestan in 2009. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).

Malashev V. Yu., 2010. Tsentral'nyye rayony Severnogo Kavkaza v pozdnesarmatskoye vremya [Tsentral regions of North Caucasus in Late Sarmatian time]. *Stanovleniye i razvitiye pozdnesarmatskoy kul'tury. (Po arkheologicheskim i yestestvennonauchnym dannym)* [*Formation and development of Late Sarmatian culture. (On archaeological and natural-scientific data)*]. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 117–142.

Malashev V. Yu., Torgoyev A. I., 2012. T-obraznyye katakomby sarmatskogo vremeni Severnogo Kavkaza i Sredney Azii [T-shape catacombs of Sarmatian time of North Caucasus and Middle Asia]. *Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza. Issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskiye chteniya* [*Newest discoveries in archaeology of North Caucasus. Researches and interpretations. XXVII Krupnov readings*]. Makhachkala: Mavrayev, pp. 206–209.

Mammayev M. M., 1969. K kharakteristike metalloobrabatyvayushchego remesla Urtsekskogo gorodishcha albano-sarmatskogo i rannesrednevekovogo vremeni [On characteristic of metalworking craft at Urtsek fortified settlement of Albano-Sarmatian and Early Medieval time]. *Uchenyye zapiski Instituta Istorii, yazyka i literatury* [*Scientific notes of the Institute of History, Language and Literature*], t. XIX, kn. 2, pp. 189–224.

Mastykova A. V., 2008. «Varvarskiye korolevstva» epokhi Velikogo pereseleniya narodov u alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [«Barbarian kingdoms» of the epoch of Migration Period among Alans of Central Caucasus Piedmonts]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of history, philology, culture*], XXI, pp. 149–159.

Mastykova A. V., 2009. Zhensky kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n. e. [Female costume of Central and West Caucasus Piedmont in the end of IV – middle VI cc. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.

Ol'khovsky V. S., 1995. Pogrebal'naya obryadnost' i sotsiologicheskiye rekonstruktsii [Burial ritualism and sociological reconstructions]. *RA*, 2, pp. 85–98.

Pavlenko Yu. V., 1989. Ranneklassovyye obshchestva (genezis i puti razvitiya) [Early class societies (genesis and trajectories of development)]. Kiev: Naukova dumka. 287 p.

Salikhov B. M., 1985. Kalkninsky mogil'nik [Kalkni cemetery]. *Drevniye kul'tury Severo-Vostochnogo Kavkaza* [*Ancient cultures of North-Eastern Caucasus*]. M. M. Mammayev, ed., M. G. Gadzhiyev, comp. Makhachkala: DagFAN, pp. 167–187.

Salikhov B. M., 1991. Predmety vooruzheniya iz pogrebeny albano-sarmatskogo vremeni Zelenomorskogo i Manaskentskikh kurganov [Weaponry items from burials of Albano-Sarmatian time in Zelenomorsky and Manaskent kurgans]. *Gory i ravniny Severo-Vostochnogo Kavkaza v drevnosti i sredniye veka* [*Mountains and plains of North-Eastern Caucasus in antiquity and Middle Ages*]. O. M. Davudov, ed. Makhachkala: Dagestansky nauchny tsentr RAN, pp. 130–150.

Semyonov I. G., 2002. Etnopoliticheskaya istoriya Vostochnogo Kavkaza v III–VI vv: [Etnopolitical history of East Caucasus]. Thesis presented for Doctoral Degree. Makhachkala.

About the authors.

Gadzhiyev Murtazali S., Institute of History, Archaeology and Ethnography, DSC of RAS, ul. M. Yaragskogo, 75, Makhachkala, 367010, Russia (Dagestan); e-mail: murgadj@rambler.ru;

Malashev Vladimir Yu., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: malashev@yandex.ru.

Л. Б. Гмыря

ВИСОЧНЫЕ ПРИВЕСКИ КАК СОЦИАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ У КОЧЕВНИКОВ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

(по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.)*

Резюме. В статье рассматриваются парные двусоставные металлические височные привески узколенточной формы с фигурным окончанием из Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв., входившие в состав женского парадного костюма кочевников Западного Прикаспия. Височные привески различались формой фигурного окончания – подковообразная, секировидная, круглая, в виде трезубца и серповидная, а также размерами (10–6 см), материалом (бронза, серебро, обтяжка золотым листом серебряных изделий и бронзовых серебряным листом) и декором. Автором отмечена многофункциональность височных привесок в женском парадном костюме кочевников Западного Прикаспия. Они являлись маркерами высокого социального положения их владельцев. Различие в форме фигурного окончания свидетельствует о существовании градаций внутри группы населения высокого социального ранга. Височные привески определяли отличительную особенность этнографического женского костюма населения, обитавшего на плато Паласа-сырт в эпоху Великого переселения народов.

Ключевые слова: кочевники Западного Прикаспия IV–V вв., височные привески, женский парадный костюм, социальные маркеры.

Паласа-сыртский курганный могильник, расположенный на одноименной возвышенности, в низовьях р. Рубас, в 30 км к югу от Дербентского прохода (рис. 1), является одним из крупнейших на Северном Кавказе некрополей времени Великого переселения народов. По данным космосъемок, он включает около 2 тыс. курганов, его площадь составляет 5 × 1 км. Материалы могильника, датируемые последней четвертью IV – первой пол. V в., являются эталонными для изучения этнокультурных особенностей и социальной структуры политических сообществ кочевников Западного Прикаспия, они также способствуют решению широкого спектра проблем истории Юго-Восточной Европы времени движения гуннов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ «Археологические исследования Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.», проекты № 09-01-18014е, 10-01-18057е, 11-01-18080е, 12-01-18022е, 13-01-18017е.

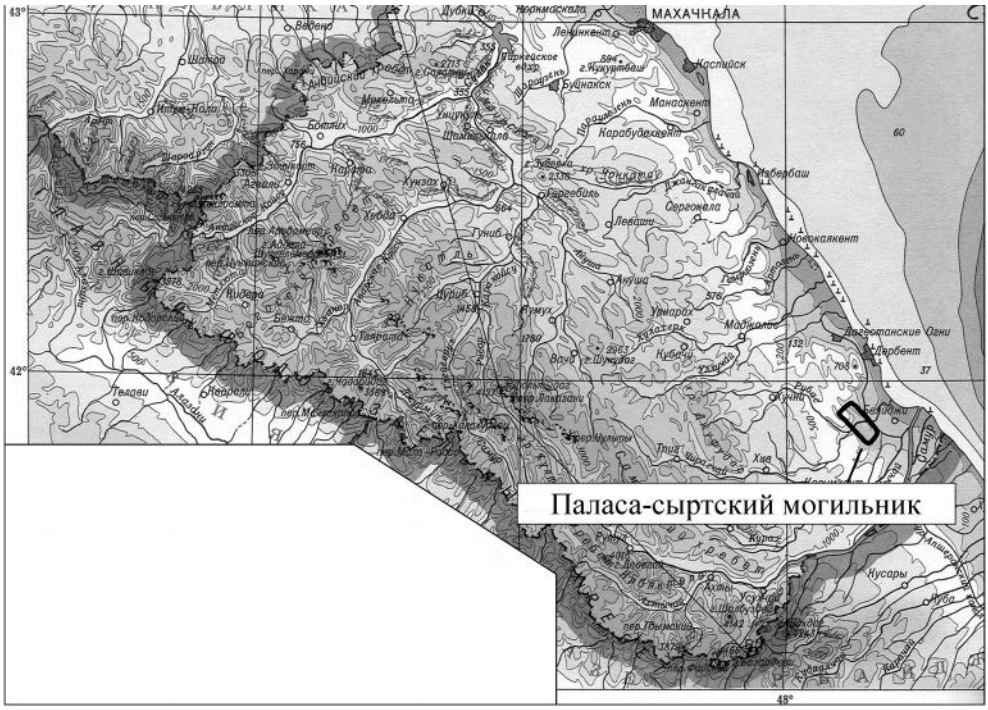


Рис. 1. Физическая карта Республики Дагестан с указанием местоположения Паласа-сыртского курганного могильника

Памятник изучается с 1880 г. (*Цилоссани*, 1882) по настоящее время (*Гмыря*, 2013а). На могильнике раскопано 167 курганов, из них 99 – Л. Б. Гмырей (*Гмыря*, 1993; 2011в; 2013б). При визуальном наблюдении над структурой могильного поля создается впечатление однородности погребений – примерно одинаковые, небольших размеров надмогильные насыпи плотно заполняют территорию могильника. Курганы средних размеров (0,5–0,9 м высотой) и совсем невысокие (0,2–0,4 м) группируются вблизи курганов высотой 1 м и немного выше (*Гмыря*, 1993. С. 44).

Особенности планиграфии захоронений на небольшой части могильника как будто свидетельствуют о социальной стабильности в среде кочевников IV–V вв. этого региона и отсутствии ярко выраженной дифференциации в обществе.

Однако на правобережной части могильника (Южный Паласа-сырт) выделяются небольшие обособленные группы курганов (5–10 захоронений), занимающие просторные участки между крупными курганами эпохи бронзы (*Гмыря и др.*, 2009; *Гмыря*, 2011а; 2011б; 2012; 2013а).

Исследование 4 обособленных групп курганов (проекты РГНФ 2009–2013 гг.) показало наличие непосредственного влияния социальных факторов на планиграфию захоронений в каждой из групп, а также на характер погребальной обрядности населения.

В планиграфии могильника влияние социальных факторов проявилось в обособленном характере небольших по составу групп захоронений; наличии маркеров могильных участков, выполнявших роль опознавательных знаков их границ; разной величине надмогильных насыпей в группе захоронений; наличии 2 принципов планиграфии погребений на участках – радиального с главным захоронением в центре, выделявшегося высотой кургана, и линейного с нахождением главного захоронения в первом ряду (*Гмыря и др.*, 2009. С. 100; *Гмыря*, 2011а. С. 113; 2011б. С. 146; 2012. С. 166; 2013а. С. 155, 156).

В погребальной обрядности влияние социальных факторов просматривается в выделении групп погребений с монокультурными погребальными традициями (группы № 1, 2) и поликультурными традициями (группы № 3, 4) (*Гмыря*, 2012. С. 170, 171; 2013а. С. 166, 167), что свидетельствует о сложности и многокомпонентности социального состава сообществ кочевников данного региона.

Определенную информацию о социальной дифференциации в сообществе кочевников, обитавших на плато Паласа-сырт, несет и состав погребального инвентаря. Полных данных об этом не очень много, т. к. большая часть погребений могильника нарушена грабителями вскоре после произведенных захоронений. Но и сохранившаяся часть комплексов вполне доступна для социальных реконструкций.

Погребальный инвентарь Паласа-сыртского могильника, как правило, включает керамические сосуды, предметы убора костюма, предметы вооружения, орудия труда. Металлические предметы убора костюма (пряжки, серьги, фибулы) чаще выполнены из бронзы и железа, реже – из серебра. Золотые изделия (серьги, броши и др.) встречаются в погребениях очень редко. В составе бус имеются дорогостоящие и уникальные образцы (*Гмыря*, 1993. С. 229–267. Рис. 33–38; *Магомедов и др.*, 2006. С. 138, 139, 140, 142–144. Рис. 2; 4; 7–11; *Магомедов и др.*, 2008. С. 97. Рис. 2, 3; *Гмыря и др.*, 2009. С. 94. Рис. 4; *Гмыря*, 2011а. С. 103, 104, 106–108, 111. Рис. 2–4; 6; 2011б. С. 132–135, 137, 144, 145. Рис. 4; 6; 10; 2012. С. 146, 149, 150, 153, 158–160, 162, 163, 165. Рис. 3; 5; 8; 11–13; 15–17; 2013а. С. 136, 139, 140, 142, 143, 145, 150. Рис. 4; 6; 8–11; 15).

На могильнике выявлено 28 погребений, которые могут быть отнесены к категории престижных, что составляет 16,7 % от числа исследованных. Они выделяются среди рядовых погребений с незначительным количеством инвентаря и безынвентарных захоронений многочисленностью и разнообразием предметов, наличием изделий из драгоценных металлов высокого художественного исполнения, в ряде случаев уникальных, и импортных вещей. Следует отметить, что указанная доля престижных погребений среди исследованных на Паласа-сыртском курганном могильнике условна, т. к. при подсчетах учитывались как не ограбленные погребения (18 погребений), так и ограбленные (10 погребений), имевшие в составе инвентаря ценные изделия. Критерий выделения богатых погребений определялся составом инвентаря непотревоженных погребений. Причисление к статусным ограбленных погребений определялось наличием в них большого количества сохранившегося инвентаря, нахождением предметов, выполненных из драгоценных металлов, наличием большого количества бус, а также предметов убора женского костюма. Все потревоженные мужские погребения, включавшие обломки железных мечей, также отнесены к категории

престижных. Богатые комплексы находились в основном в катакомбных погребениях, но отмечены они и среди подбойных и ямных захоронений (по одному погребению).

В мужских захоронениях показателями высокого социального положения погребенного были предметы вооружения (длинные мечи, кинжалы), поясные наборы (пряжки, поясные привески), предметы портупеи (пряжки), предметы декора обуви (пряжки, подвески). Металлическая гарнитура в этих погребениях выполнена из серебра, в одном случае рамка поясной пряжки была сделана из гешира (*Гмыря*, 1993. Рис. 35, *1, 2*, *16, 17*; 2012. Рис. 3, *1–11*; *Ильюков*, 2009. Рис. 355–367; *Гугуев и др.*, 2010. С. 283).

Высокий социальный статус погребенных женщин определялся составом убора их костюма (*Гмыря*, 2013в. С. 612). На могильнике выявлено 22 женских погребения с престижным инвентарем – курганы 1, 20, 43–п.2, 54, 55, 60, 62–п.2, 63–п.1,2, 80 (*Гмыря*, 1993), 91, 193–п.1а (*Магомедов и др.*, 2006), 244–п.2, 245, 248, 258–п.1 (*Гмыря*, 2011б; 2012), 43, 145, 150–п.1, 151 (*Ильюков*, 2009), 176, 190–п.1 (*Гугуев и др.*, 2010). Из 22 престижных погребений 16 являлись не ограбленными, 6 – потревоженными (кк. 1, 43–п.2, 63–п.1, 245, 248, 258–п.1). Престижность инвентаря, составлявшего убор костюма женщин, определялась наличием большого количества предметов, включавших изделия из драгоценных металлов, высокохудожественные украшения, импортные изделия. В потревоженных погребениях критерием выделения престижности служило наличие большого количества сохранившегося инвентаря, импортных изделий, предметов убора, аналогичных по функциональному назначению изделиям из непотревоженных погребений.

Анализ материалов женских погребений Паласа-сыртского могильника позволяет выделить три типа статусного убора:

Тип 1 – убор, включающий парные двусоставные металлические привески узколенточной формы с фигурным окончанием; 8 погребений (кк. 20, 43–п.2, 193–п.1а, 244–п.2, 43, 145, 176, 190–п.1). Помимо парных металлических привесок узколенточной формы с фигурным окончанием в убор типа 1 входили бронзовые проволочные серьги (кк. 20, 193–п.1а, 244–п.2, 43, 145), 2–3 экз. пряжек из бронзы и железа (все погребения с парными металлическими привесками), 1–2 экз. бронзовых и железных фибул (кк. 20, 193–п.1а, 43, 145, 176, 190–п.1), бусы и бисер (все погребения этой группы), а также бронзовые зеркала с центральной петлей для подвешивания (кк. 20, 43–п.2, 193–п.1а, 43, 145, 190–п.1). В убор костюма 6 погребений входили раковины каури (кк. 20, 43–п.2, 193–п.1а, 43, 145, 190–п.1). В погребении кургана 20 дополнительно имелись золотая пришивная бляшка с вставкой из красного стекла и предметы гигиены (копоушка, ногтечистка), а в погребении кургана 43 – бронзовая брошь с сердоликовой вставкой. Низки бус в погребениях первой группы были как небольшими (6, 20, 33 бусины), так и крупными (62 бусины и 19 экз. бисера, 30 бусин и 495 экз. бисера, 14 бусин и 960 экз. бисера). В состав ожерелий некоторых погребений входили крупные бусины из различных полудрагоценных камней, а также инкрустированные стеклянные образцы – глазчатые, с цветками, с шахматным орнаментом, а также пронизи-скарабеи (*Гмыря*, 1993; 2011б; *Магомедов и др.*, 2006; *Ильюков*, 2009; *Гугуев и др.*, 2010).

Тип 2 – убор, включающий одинарную двусоставную металлическую привеску узколенточной формы с фигурным окончанием; 5 погребений (кк. 54, 55, 193–п.1б, 150–п.1). Металлические привески второй группы погребений имели в основном небольшие размеры (4 см), типологически они не соотносятся с привесками первой группы захоронений. Исключение составляет серебряная привеска погребения 1б кургана 193, имевшая с парными привесками схожий размер (8,8 см) и форму. В состав убора костюма этой группы погребений входили также бронзовые и серебряные фибулы (кк. 54, 55, 193–п.1б), бронзовые серьги с металлической ажурной многогранной бусиной (кк. 54, 150–п.1), бронзовые и железные пряжки (кк. 54, 55, 193–п.1б, 150–п.1), бусы и бисер (все погребения). В погребении 1 кургана 150 имелось бронзовое зеркало (*Гмыря*, 1993; *Магомедови др*., 2006; *Ильюков*, 2009; *Гугуев и др.*, 2010).

Тип 3 – убор, не имеющий двусоставных металлических привесок узколенточной формы с фигурным окончанием; 10 погребений (кк. 60, 62–п.2, 63–п.1,2, 80, 91, 245, 248, 258–п.1, 151). В состав убора женского костюма третьей группы погребений входили серьги различных форм, выполненные из золота, серебра, бронзы (кк. 60, 63–п.1, 80, 91, 245, 258–п.1), в том числе кольцевидной формы с напускной металлической ажурной бусиной из золота (к. 91) и бронзы (кк. 63–п.1, 80), а также 1–3 экз. пряжек из серебра, бронзы, железа, раковины (кк. 63–п.2, 80, 245, 248, 151), 1–3 экз. фибул из серебра, бронзы и железа (кк. 60, 62–п.2, 63–п.2, 91, 248, 258–п.1), бусы из различных материалов и стеклянный бисер (кк. 60, 62–п.2, 63–п.2, 80, 91, 245, 248, 258–п.1, 151). В некоторых погребениях находились бронзовые зеркала (кк. 62–п.2, 63–п.2, 80), раковины каури (кк. 63–п.1, 91), туалетные принадлежности – копоушки, ногтечистки, ложечки (кк. 63–п.2, 258–п.1), игольницы (кк. 63–п.2, 80), золотые броши (кк. 80, 91), металлические подвески различных форм (кк. 63–п.2, 91), серебряная гривна (к. 91), раковины каури (кк. 63–п.1, 91) (*Гмыря*, 1993; 2011б; *Магомедов и др.*, 2006; *Ильюков*, 2009).

Как показывает анализ вещевого материала престижных погребений Паласа-сыртского могильника, некоторые виды изделий, составлявших убор женского костюма, были наделены функцией социальных маркеров. В данной статье рассматривается один из таких видов изделий – парные двусоставные металлические привески узколенточной формы с фигурным окончанием, входившие в убор костюма типа 1.

Парные двусоставные металлические привески узколенточной формы с фигурным окончанием, являясь височными привесками (*Гмыря и др.*, 2007. С. 160–173), имели в женском престижном костюме особую функцию. Их местоположение в уборе женского костюма и функциональное назначение были установлены не сразу, т. к. расположение инвентаря при погребенных, обусловленное некоторой спецификой обряда захоронения, не позволяло провести убедительные реконструкции.

Первая пара двусоставных привесок (бронза, подковообразное окончание, длина 6,8 см) была выявлена в 1982 г. в кургане 20. Одна привеска лежала выше правой ключицы погребенной, верхним узким концом к шейным позвонкам; другая – ниже левой ключицы, фигурным окончанием к плечевой кости левой руки (*Гмыря*, 1993. С. 73. Рис. 14, *8, 9*). Корпус привесок был гладкий, пластины

скреплены двумя заклепками. В верхней части между пластинами сохранился зазор шириной 0,2 см, свидетельствующий о креплении привесок к основе, вероятно кожаной (рис. 2, *1, 2*).

Вторая пара двусоставных привесок (серебро, секировидное окончание, длина 7,5 см) была выявлена в 1984 г. в погребении 2 кургана 43. Привески находились в парном захоронении при женском скелете. Погребение было ограблено. В непотревоженном состоянии сохранились нижние части грудной клетки и позвоночника, тазовые кости, крестец, локтевые и лучевые кости обеих рук и бедренная кость правой ноги, перекрытые глыбами обвалившегося потолка. Привески лежали на ребрах погребенной, по обе стороны от позвоночника, их фигурные окончания были направлены к тазовым костям. Корпус привесок гладкий, пластины скреплены двумя заклепками. В верхней части между пластинами сохранился зазор шириной 0,2 см (рис. 2, *3, 4*).

Выявленные парные двусоставные металлические привески с фигурным окончанием первоначально были обозначены нами как ременные обоймы, которые крепились в разных местах костюма женщины (*Гмыря*, 1993. С. 244, 245). Вопрос о функциональном и знаковом значении ременных обойм в составе женского костюма кочевого населения плато Паласа-сырт был впервые поставлен в статье «Одеяние служителей языческих культов в “стране гуннов” Прикаспия» (*Гмыря*, 2001. С. 57–74). Обоймы были определены как отличительные знаковые предметы, маркировавшие особый социальный статус погребенных женщин, предположительно жриц. При этом были отмечены признаки их дополнительного ранжированная (различные размеры, материал, форма фигурного окончания) (Там же. С. 58).

Только через 24 года, когда на Паласа-сыртском могильнике в 2006 г. был открыт новый комплекс – погребение 1а кургана 193 с парными двусоставными привесками с фигурным окончанием, удалось определить место изделий этого типа в престижном женском уборе и их функциональное назначение.

Парные привески находились при женском скелете (рис. 2, *5, 6*; цв. илл. I, *1, 2*). Вещевой комплекс женщины включал 106 предметов, среди них имелось 11 металлических изделий и 63 экз. бус. Металлические изделия были представлены серебряными двупластинчатыми фибулами (2 экз.), железными пряжками (2 экз.), серебряными серьгами (2 экз.), серебряным проволочным кольцом, железным ножом, зеркалом с центральной петлей и узколенточными двусоставными привесками с фигурным окончанием (*Магомедов и др.*, 2006. Рис. 7, *1–10*).

Двусоставные привески этого погребения представляли собой очень крупные экземпляры (длина 10 см, ширина пластин 1,75 см, диаметр окончания круглой формы 3,25 см) и являлись высокохудожественными образцами декоративно-прикладного искусства (Там же. Рис. 7, *1, 2*). Они были выполнены из серебра, верхняя пластина – обтянута тонким золотым листом с тисненым орнаментом в виде дуг и ложной зерни. Пластины скреплены тремя заклепками, места креплений перекрыты круглыми гнездами с сердоликовыми вставками. Краевые заклепки, расположенные в верхних частях привесок, неплотно стягивали пластины, зазор между ними составлял 0,1–0,15 см (рис. 2, *5, 6*; цв. илл. I, *1, 2*). Одна привеска находилась у левого предплечья погребенной,

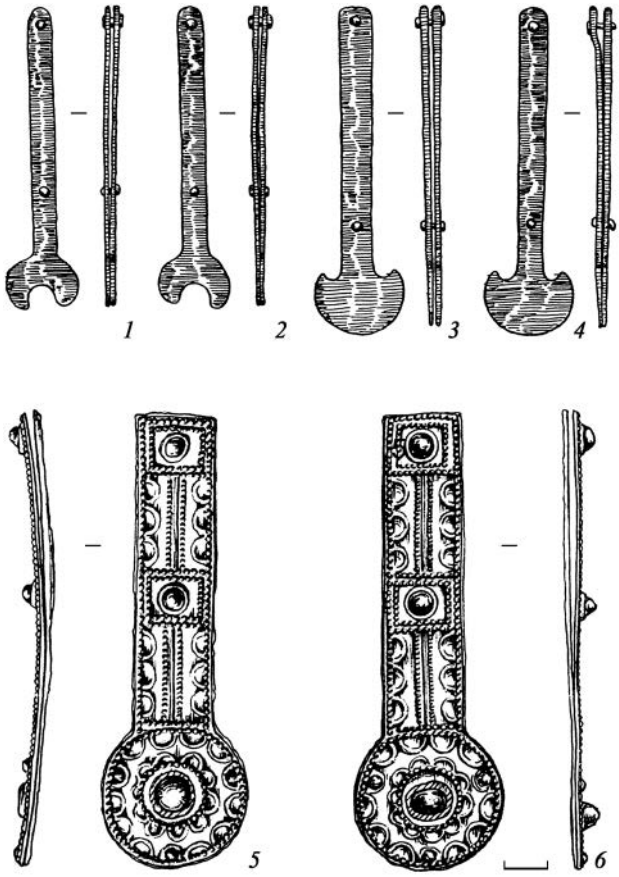


Рис. 2. Височные привески Паласа-сыртского курганного могильника

1, 2 – курган 20; *3, 4* – курган 43/погр. 2; *5, 6* – курган 193/погр. 1а
1, 2 – бронза; *3, 4* – серебро; *5, 6* – серебро, золото, сердолик

она лежала лицевой стороной вверх, прямоугольным концом к черепу. Другая привеска лежала под лицевыми костями правой половины черепа, склоненного к правому предплечью, лицевой стороной к черепу. Ее прямоугольный конец находился у верхнего уровня глазницы (рис. 3, *2*).

Исходя из местоположения парных двусоставных привесок погребения 1а кургана 193, нам (при участии Л. И. Ильюкова) впервые удалось определить их функциональное назначение как своеобразных височных привесок, входивших в состав головного комплекта парадного костюма паласа-сыртских женщин (*Гмыря и др.*, 2007. С. 164).

Также впервые был реконструирован парадный костюм погребенной, который включал головной, нагрудный и поясной комплекты (Там же. С. 164, 165).

Височные двусоставные привески входили в головной комплект, они прикреплялись к налобной ленте, скреплявшейся железной пряжкой. Височные привески свешивались вдоль лица круглыми концами вниз. Головной комплект

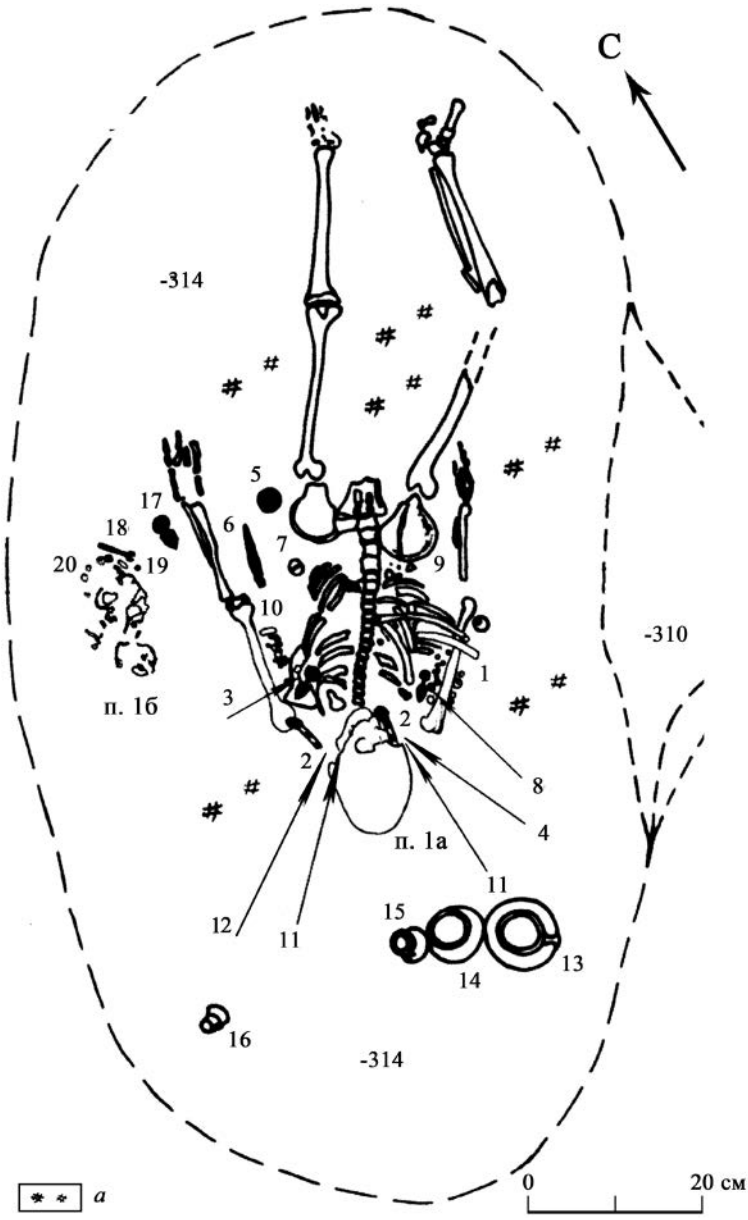


Рис. 3. Курганный могильник Паласа-сырт. Курган 193.
План погребальной камеры погребения 1

1–15 – погребение 1а; *16–20* – погребение 1б (детское).
1, 8–10 – бусы; *2* – височные привески; *3* – фибулы; *4,7* – пряжки;
11 – серьги; *12* – кольцо; *5* – зеркало; *6* – нож; *13–15* – керамика;
16 – керамический кувшин; *17* – фибула; *18* – височная привеска;
19 – пряжка; *20* – бусы

дополнялся серебряными серьгами кольцевидной формы с каплевидной привеской. Судя по нахождению железной пряжки под костями нижней челюсти и вертикальному положению ее язычка, налобная лента не была закреплена на голове погребенной, а лежала рядом, вместе с височными привесками. Это положение головного убора, видимо, обуславливалось своеобразием погребального обряда, каноны которого не допускали традиционного нахождения налобной ленты на умершей, но как личная вещь она была включена в погребальный комплекс (*Гмыря, Ильюков, Магомедов*, 2007. С. 164).

На материалах погребального комплекса погребения 1а кургана 193 было также впервые установлено, что нагрудный комплект парадного костюма – пара двупластинчатых фибул, расположенных в верхней части груди, с прикрепленными к ним нитями бус – является заимствованным элементом из престижного «княжеского» убора эпохи переселения народов (*Казанский, Мастыкова*, 1998. С. 112; *Мастыкова*, 2009. С. 123–127), в основе которого лежит костюм восточногерманских племен (*Гмыря и др.*, 2007. С. 164, 165; *Мастыкова*, 2008. С. 29–31). При этом было отмечено, что головной убор (налобная лента с височными привесками узколенточной формы с фигурным окончанием), являясь составной частью этнографического костюма, не подвергся трансформации, т. е. внедрению инокультурных элементов.

В 2008 г. во время проведения охранных раскопок на Паласа-сыртском могильнике было выявлено еще четыре женских погребения с престижным инвентарем, в состав которого входили парные двусоставные узколенточные височные привески с фигурным окончанием (кк. 43, 145, 176, 190–п.1).

Курган 43, пара привесок (бронза, серповидное окончание, длина 6,5 см) (рис. 4, *1, 2*)[2]. Одна привеска находилась у левой ключицы погребенной, ее тонкий конец был направлен к черепу. Другая – лежала у правой ключицы, также тонким концом к черепу (*Ильюков*, 2009. Рис. 40, 41).

Курган 145, пара разновеликих и разнотипных привесок. Одна привеска длиной 5,7 см была выполнена из бронзы, она имела серповидное окончание (рис. 5, *1*). У другой бронзовой привески длиной 7 см верхняя пластина была декорирована рельефным узором и обтянута тонкой серебряной пластиной, на которой отпечатался орнамент (рис. 5, *2*). Височные привески находились на правой половине грудной клетки погребенной, одна выше другой (Там же. Рис. 187, 188).

Курган 176, пара височных привесок (бронза, подковообразное окончание, длина 8 см) (рис. 4, *5, 6*). Местоположение изделий в публикации не указано (*Гугуев и др.*, 2010. Рис. 4, *1, 2*).

Курган 190–п.1, пара височных привесок (бронза, подковообразное окончание, длина 7 см) (рис. 4, *3, 4*). Обе привески лежали вместе на левой половине грудной клетки (Там же. Рис. 1, *2, 3*).

Еще один комплект височных привесок узколенточной формы с фигурным окончанием был выявлен в 2011 г. в инвентаре погребения 2 кургана 244 (курганная группа № 2). Привески были выполнены из серебра, верхняя пластина

[2] Выражаю признательность Л. С. Ильюкову за разрешение опубликовать рисунки височных привесок из раскопок Паласа-сыртского могильника в 2008 г.

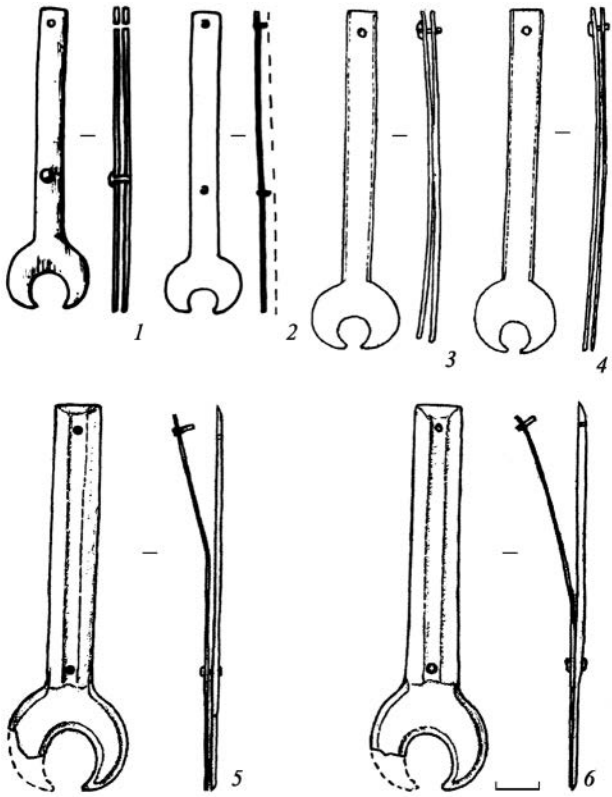


Рис. 4. Бронзовые височные привески Паласа-сыртского курганного могильника

1, 2 – курган 43 (по: *Ильюков*, 2009); *3, 4* – курган 190/погр. 1 (по: *Гугуев и др*., 2010); *5, 6* – курган 176 (по: Там же)

обтянута тонким золотым листом, форма фигурного окончания в виде трезубца, длина 6,8 см (цв. илл. I, *3, 4*; рис. 5, *3, 4*). Одна привеска лежала на правой плечевой кости (верхний уровень), другая – между грудной клеткой и левой плечевой костью (*Гмыря*, 2011б. Рис. 4, *1, 2*).

К настоящему времени коллекция парных двусоставных привесок с фигурным окончанием из погребений Паласа-сыртского могильника включает 8 экз. (16 привесок)[3]. Типологически (по форме фигурного окончания) привески представлены шестью типами:

[3] В курганной группе № 5 южного участка Паласа-сыртского курганного могильника, исследованной в 2014 г., было выявлено еще 2 непотревоженных погребения с парными височными привесками (кк. 1478, 1479). Материал находится на камеральной обработке. Привески погребения 1478 имели длину 9 см, фигурный конец был круглым. Верхняя и нижняя пластины выполнены из серебра и украшены тисненым геометрическим орнаментом. Между серебряными пластинами находилась железная пластина. Одна из привесок лежала на грудине, другая – у кисти левой руки. Привески погребения 1479 имели длину 10 см, фигурный конец был круглым. Верх-

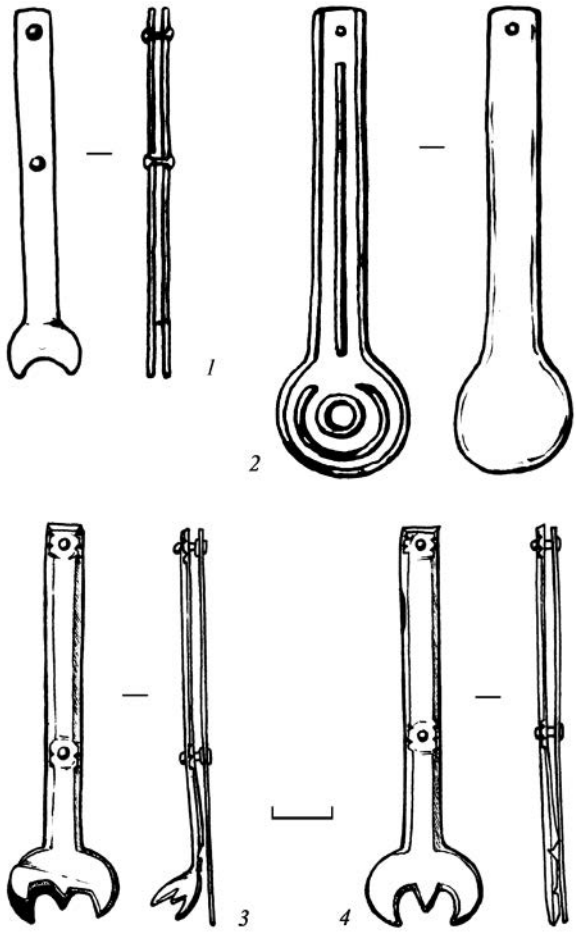


Рис. 5. Височные привески Паласа-сыртского курганного могильника

1, 2 – курган 145 (по: *Ильюков*, 2009); *3, 4* – курган 244/погр. 2.
1 – бронза; *2* – бронза, серебро; *3, 4* – серебро, золото

Тип 1 – привески с подковообразным окончанием, три пары (кк. 20, 176, 190–п.1) (рис. 2, *1, 2*; 4, *3–6*).

Тип 2 – привеска с секировидным окончанием, одна пара (к. 43–п.2) (рис. 2, *3, 4*).

Тип 3 – привески с круглым окончанием, одна пара (к. 193–п.1а) и один полулунарный экземпляр (к. 145) (рис. 2, *5, 6*; цв. илл. I, *1, 2*; 5, *2*).

няя и нижняя пластины выполнены из серебра. Верхняя пластина украшена тисненым орнаментом, идентичным орнаменту височных привесок из погребения 1а кургана 193. В отличие от привесок погребения 1а кургана 193, привески погребения 1479 не имели вставок. Одна привеска лежала на грудине, другая – у верхней части левой плечевой кости.

Тип 4 – привеска с окончанием в виде трезубца, одна пара (к. 244–п.2) (цв. илл. I, *3, 4*; 5, *3, 4*).

Тип 5 – привески с серповидным окончанием, одна пара (к. 43) и один полупарный экземпляр (к. 145) (рис. 4, *1, 2*; 5, *1*).

Из 16 привесок 6 относятся к типу 1, по 3 – к типам 3 и 5, по 2 – к типам 2 и 4. Выделить наиболее распространенный тип привесок пока нет возможности, учитывая небольшой объем коллекции. Но наличие 5 типов форм фигурного окончания в височных привесках свидетельствует о необходимости фиксации их различий.

Вторая степень градации привесок, видимо, была связана с их размерами. Наиболее крупные привески имели длину 10 см (к. 193–п.1а), большинство – в пределах 6–7,5 см.

Несомненно, значение имел и материал, из которого были выполнены височные привески. Большинство привесок были изготовлены из бронзы (4 пары и 1 полупарный экз.) (рис. 2, *1, 2;* 4, *1–6;* 5, *1*). Одна бронзовая привеска имела серебряную обтяжку (1 полупарный экз.) (рис. 5, *2*), одна пара была сделана из серебра (рис. 2, *3, 4*). Еще одна пара была выполнена из серебра, но обтянута золотым листом (цв. илл. I, *3, 4*; 5, *3, 4*). И только одна пара височных привесок, выполненная из серебра, была обтянута орнаментированным золотым листом и инкрустирована сердоликовыми вставками (рис. 2, *5, 6;* цв. илл. I, *1, 2*).

Таким образом, наиболее ценным экземпляром представляется пара крупных серебряных привесок с круглым окончанием, обтянутых золотым листом с тиснением и украшенных сердоликовыми вставками, из погребения 1а кургана 193. По степени ценности выделяется также пара привесок с окончанием в виде трезубца, выполненных из серебра с обтяжкой золотым листом, из погребения 2 кургана 244.

Несомненно, височные привески были маркерами социального статуса погребенных женщин, причем являвшихся членами определенной общественной группы. Ранжирование в их среде по признаку значимости усиливалось включением в убор инокультурного элемента – нагрудного комплекта, состоявшего из низки бус, прикрепленной к паре фибул. Такой комплект был зафиксирован в погребении 1а кургана 193 (*Гмыря и др.*, 2007. С. 164, 165).

Фибулы имелись в 6 погребениях с парными височными привесками – в трех по две фибулы (кк. 20, 193–п.1а, 43), в остальных – по одной (кк. 145, 176, 190–п.1). По аналогии с парадным убором из погребения 1а кургана 193 в состав костюма женщин, погребенных в других указанных курганах, также входил нагрудный комплект – низка бус, прикрепленная к парным фибулам. В женский убор с одинарными фибулами также, вполне вероятно, входил нагрудный комплект, но вместо второй фибулы были использованы пряжки круглорамчатой формы (кк. 145, 190–п.1) и пряжка-сюльгама (к. 176). В каждом из погребений с фибулами имелись бусы, но объем наборов был разный: 33 экз. бус (к. 20), 62 экз. бус (к. 193–п.1а), 33 экз. бус и 500 экз. бисера (к. 43), 14 экз. бус и 1060 экз. бисера (к. 145). Количество бус в погребениях курганов 190 и 167 в публикации не отмечено.

В пяти погребениях с парными височными привесками зафиксированы серьги (кк. 20, 193–п.1а, 244–п.2, 43, 145).

Анализ материалов женских погребений Паласа-сыртского курганного могильника показывает, что в среде кочевого населения существовала четко выраженная дифференциация. Женщины, в убор костюма которых входили височные привески, вероятно, занимали достаточно высокую ступень в иерархии населения. Наличие отмеченных различий в височных привесках свидетельствует о том, что внутри высокоранжированной группы населения также существовала иерархия. Она дополнительно усиливалась включением в убор костюма кочевников нагрудного комплекта, имеющего инокультурное происхождение, но являющегося символом принадлежности к «высшему обществу» в пространстве европейской части степи в эпоху Великого переселения народов.

Как представляется, головной комплект с парными височными привесками из узкой ленты с фигурным окончанием и поясной комплект с различными привесками (сумочка, предметы туалета, зеркало, нож) являются составляющими убора этнографического костюма кочевников плато Паласа-сырт. Примером местного, паласа-сыртского женского парадного костюма, не отягощенного инокультурными элементами, может служить убор костюма женщины, представленный в погребении 2 кургана 244, в который входили пара серебряных височных привесок с золотой обтяжкой, простые бронзовые серьги кольцевидной формы, пояс с крупной пряжкой-сюльгамой и подвешенная к нему сумочка с несколькими бусинами.

Обращает на себя внимание еще одна деталь – наличие в 6 погребениях с височными привесками (кк. 20, 43–п.2, 193–п.1а, 43, 145, 190–п.1) и металлических зеркал с центральной петлей для подвешивания, причем практически с идентичной орнаментацией (рельефные круги, пересекаемые рельефными лучами).

Реконструкция женского парадного костюма Паласа-сыртского могильника и определение функционального назначения парных двусоставных привесок с фигурным окончанием как височных (*Гмыря, Ильюков, Магомедов*, 2007. С. 160 и далее; *Гмыря*, 2008. С. 129–132; 2009. С. 57–63; 2013в. С. 611–614) дает основание считать, что обозначение этих изделий в комплексах некрополя определениями «подвески» (*Ильюков*, 2009. С. 18, 41, 55) или «наконечники-подвески ремней» (*Гугуев и др.*, 2010. С. 283, 284) является неточным и в какой-то степени искажающим их функциональное назначение.

Парные привески с фигурным окончанием выявлены в инвентаре погребений еще трех могильников Дагестана, но грунтовых: Урцеки 1 и 2 в Прикаспии (*Маммаев*, 1969. Рис. 7, *2–4*) и Ираги в предгорной части (*Давудов*, 2013. Рис. 4, *15*; см. также: *Гмыря и др.*, 2007. С. 166). Две привески из Урцеки аналогичны привеске типа 4 из Паласа-сырта, одна – типу 5 из этого могильника. Привески из Ираги не находят аналогии среди материалов Паласа-сырта. Их окончание выполнено в виде фигуры с 4 углами (два боковых и два нижних). Точное расположение привесок в могилах Урцеки и Ираги не установлено (погребения могильников Урцеки нарушены грабителями, гробница из Ираги потревожена местными жителями), они отнесены к наконечникам поясов (*Маммаев*, 1969. С. 211, 212; *Давудов*, 2013. С. 59), но их типологическое совпадение с паласа-сыртскими височными привесками дает основание считать их также височными привесками в уборе престижного женского костюма.

Как отмечалось ранее (*Гмыря и др.*, 2007. С. 166), прямых аналогий парным металлическим привескам паласа-сыртского типа, используемым в уборе женского парадного костюма времени Великого переселения народов, нам не удалось найти за пределами Прикаспийского Дагестана (библиографию и разбор аналогий см.: Там же. С. 166, 167). Уникальность убора первого типа женского парадного костюма Паласа-сыртского курганного могильника состоит в сочетании головного убора с височными привесками специфической формы с деталью убора костюма восточногерманских племен (пара фибул с прикрепленной к ним низкой бус). Образцы подобного сочетания элементов убора женского костюма нам не известны.

Учитывая наибольшую распространенность привесок с фигурным окончанием на Паласа-сыртском могильнике и их значение как маркеров этнографического костюма женщин этого региона, было бы целесообразно обозначить эти изделия как «височные привески типа Паласа-сырт».

ЛИТЕРАТУРА

Гмыря Л. Б., 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники / Отв. ред. М. Г. Гаджиев. Махачкала: ДНЦ РАН. 366 с.

Гмыря Л. Б., 2001. Одеяние служителей языческих культов в «стране гуннов» Прикаспия // Культуры Евразийских степей II половины I тыс. н. э. (Из истории костюма). Т. 1: Материалы III Междунар. археологической конф. / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. С. 57–75.

Гмыря Л. Б., 2008. Восточногерманские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребений Прикаспийского Дагестана (II–V вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа: Юбилейные Междунар. Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г.): тез. докл. Владикавказ: Северо-Осетинский ин-т гуманитарных и социальных исследований. С. 129–132.

Гмыря Л. Б., 2009. Костюм и ювелирный убор в Дагестане (по археологическим данным) – раннее средневековье // ВИИАЭ. № 4. С. 57–63.

Гмыря Л. Б., 2011а. Исследование обособленной курганной группы южного участка Паласа-сыртского могильника IV–V вв. в 2010 г. // ВИИАЭ. № 1. С. 101–120.

Гмыря Л. Б., 2011б. Исследование обособленной курганной группы № 2 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // ВИИАЭ. № 3. С. 130–159.

Гмыря Л. Б., 2011в. Паласа-сыртский курганный могильник IV–V вв.: 130 лет исследования // ВИИАЭ. № 4. С. 36–80.

Гмыря Л. Б., 2012. Исследование обособленной курганной группы № 3 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // ВИИАЭ. № 3. С. 143–189.

Гмыря Л. Б., 2013а. Исследование обособленной курганной группы № 4 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // ВИИАЭ. № 4. С. 130–185.

Гмыря Л. Б., 2013б. Паласа-сыртский курганный могильник у Дербентского прохода (конец IV – первая половина IV в.) // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр. / Гл. ред. С. Г. Боталов; отв. ред. Н. Н. Крадин, И. Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ. С. 110–153.

Гмыря Л. Б., 2013в. Социальная символика в декоре костюма населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв. // Фундаментальные исследования. № 1. Ч. 3. М.: АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ. С. 611–614.

Гмыря Л. Б., Ильюков Л. С., Магомедов Р. Г., 2007. Восточногерманские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребальных комплексов Паласа-сыртского курган-

ного могильника (IV–V вв.) // Археология, этнография и фольклористика Кавказа. Материалы Междунар. науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе» (Махачкала, 1–5 октября 2007) / Ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: Эпоха. С. 160–173.

Гмыря Л. Б., Хангишиев Г. Д., Саидов В. А., Абиев А. К., Будайчиев А. Л., Кузеева З. З., 2009. Исследование группы курганов Паласа-сыртского могильника IV–V вв. в 2009 г. // ВИИАЭ. № 4. С. 90–107.

Гугуев Ю. К., Магомедов Р. Г., Малашев В. Ю., Фризен С. Ю., Хохлова О. С., Хохлов А. А., 2010. Исследование курганов южной группы Паласа-сыртского могильника в 2008 г. // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11 / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. С. 283–299.

Давудов О. М., 2013. Погребальный комплекс Ирагинского могильника // ВИИАЭ. № 1. С. 56–71.

Ильюков Л. С., 2009. Отчет об исследовании курганов Паласа-сыртского могильника в Дербентском районе Республики Дагестан в 2008 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 35111. № 35112.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 1998. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // ИАА. № 4. С. 102–135.

Магомедов Р. Г., Гмыря Л. Б., Хангишиев Г. Д., Бакушев М. А., Саидов В. А., 2006. Раскопки Паласа-сыртского могильника 2006 г. // ВИИАЭ. № 3. С. 137–154.

Магомедов Р. Г., Гмыря Л. Б., Абиев А. К., Будайчиев А. Л., Гамидов А. К., 2008. Раскопки Паласа-сыртского курганного могильника в 2008 г. (курганы № 142, 123 и 21) // ВИИАЭ. № 3. С. 94–106.

Маммаев М. М., 1969. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // Ученые записки ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. XIX. Кн. 2. С. 189–224.

Мастыкова А. В., 2008. «Княжеская» мода эпохи Великого переселения народов и северокавказский женский костюм // РА. № 3. С. 26–34.

Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.

Цилоссани Н. О., 1882. Дневник раскопок, веденных в Южном Дагестане в 1880 г. // V Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета 1879 г. I. Труды предварительных комитетов. М. С. 462–474.

Сведения об авторе.

Гмыря Людмила Борисовна, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, ул. М. Ярагского, 75, Махачкала, 367010, Россия (Дагестан); e-mail: lgmyrya@mail.ru.

L. B. Gmyrya

Temple pendants as social indicators among the nomads of the West-Caspian region (based on materials from the Palasa-syrt kurgan cemetery from the 4th and 5th cc.)

Abstract. This article examines pairs of two-part metal temple pendants in the shape of narrow ribbons and with a figured ends from the Palasa-syrt kurgan cemetery of the 4th–5th cc., which were part of the ceremonial costume for women of the nomadic population in the West-Caspian region. Variants of these temple rings can be distinguished by the shape of their figured ends, which can be round or in the shape of horse-shoes, axes, tridents and sickles. They also vary in size (between 6 and 10 cm long) and in the materials from which they are made (bronze, silver, plaited gold leaf decorating silver

items and plaited silver leaf decorating bronze items). The author draws attention to the multi-functional nature of these pendants in the ceremonial costume worn by the nomad women of the West-Caspian region. They served as indicators of the high social status of their owners. The differences in the shape of the figured ends of the pendants testify to the existence of gradations within the group of high social rank. The temple pendants determined the special nature of the female costume of ethnographic significance worn by the population inhabiting the Palasa-Syrt Plateau in the period of the Great Migration of the Peoples.

Keywords: nomads of West-Caspian region of the 4th–5th cc. AD, temple pendants, ceremonial female costume, social indicators.

REFERENCES

Davudov O. M., 2013. Pogrebal'ny kompleks Iraginskogo mogil'nika [Burial complex of Iragi cemetery]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [*Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography*], 1, pp. 56–71.

Gmyrya L. B., 1993. Prikaspiysky Dagestan v epokhu Velikogo pereseleniya narodov. Mogil'niki [Caspian Dagestan in Migration Period. Cemeteries]. M. G. Gadzhiyev, ed. Makhachkala: Dagestansky nauchny tsentr Rossiyskoy akademii nauk. 366 p.

Gmyrya L. B., 2001. Odeyaniye sluzhiteley yazycheskikh kul'tov v «strane gunnov» Prikaspiya [Garments of ministers of pagan religions in «the land of Huns» in the Caspian zone]. *Kul'tury Yevraziyskikh stepey II poloviny I tys. n. e. (Iz istorii kostyuma. T. 1. Materialy III Mezhdunarodnoy arkheologicheskoy konferentsii* [*Cultures of Eurasian steppes of the II half of the I mill. AD (From the history of costume)*]. D. A. Stashenkov, ed. Samara: Samarsky oblastnoy istoriko-krayevedchesky muzey im. P. V. Alabina, pp. 57–75.

Gmyrya L. B., 2008. Vostochnogermanskiye elementy v dekore zhenskogo paradnogo kostyuma v materialakh pogrebeny Prikaspiyskogo Dagestana (II–V vv.) [East German elements in decoration of female full dress in materials from burials of Caspian Dagestan (II–V cc.)]. *Otrazheniye tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territory.* XXV Krupnovskiye chteniya [*Civilization processes mirrored in archaeological cultures of North Caucasus and adjacent territories*. *XXV Krupnov readings*], Vladikavkaz: Severo-Osetinsky institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovany. pp. 129–132.

Gmyrya L. B., 2009. Kostyum i yuvelirny ubor v Dagestane (po arkheologicheskim dannym) – ranneye srednevekov'ye [Costume and jewelry attire in Dagestan (on archaeological data) – early Middle Ages]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [*Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography*], 4, pp. 57–63.

Gmyrya L. B., 2011a. Issledovaniye obosoblennoy kurgannoy gruppy yuzhnogo uchastka Palasa-syrtskogo mogil'nika IV–V vv. v 2010 g. [Investigation of separate kurgan group in the southern area of the Palasa-syrt cemetery of IV–V cc. in 2010] *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [*Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography*], 1, pp. 101–120.

Gmyrya L. B., 2011b. Issledovaniye obosoblennoy kurgannoy gruppy № 2 na yuzhnom uchastke Palasa-syrtskogo mogil'nika IV–V vv. [Investigation of separate kurgan group № 2 in the southern area of the Palasa-syrt cemetery of IV–V cc.]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [*Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography*], 3, pp. 130–159.

Gmyrya L. B., 2011c. Palasa-syrtsky kurganny mogil'nik IV–V vv.: 130 let issledovaniya [Palasa-syrt kurgan cemetery of IV–V cc.: 130 years of research]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [*Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography*], 4, pp. 36–80.

Gmyrya L. B., 2012. Issledovaniye obosoblennoy kurgannoy gruppy № 3 na yuzhnom uchastke Palasa-syrtskogo mogil'nika IV–V vv. [Investigation of separate kurgan group № 3 in the southern area of

the Palasa-syrt cemetery of IV–V cc.]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [*Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography*], 3, pp. 143–189.

Gmyrya L. B., 2013a. Issledovaniye obosoblennoy kurgannoy gruppy № 4 na yuzhnom uchastke Palasa-syrtskogo mogil'nika IV–V vv. [Investigation of separate kurgan group № 4 in the southern area of the Palasa-syrt cemetery of IV–V cc.]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [*Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography*], 4, pp. 130–185.

Gmyrya L. B., 2013b. Palasa-syrtsky kurganny mogil'nik u Derbentskogo prokhoda (konets IV – pervaya polovina V v.) [Palasa-syrt kurgan cemetery near Derbent pass (end of IV – first half of V c.)]. *Gunnsky forum. Problemy proiskhozhdeniya i identifikatsii kul'tury yevraziyskikh gunnov* [*Hun forum. Problems of origins and identification of European Huns' culture*]. S. G. Botalov, ed. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'sky gosudarstvenny universitet, pp. 110–153.

Gmyrya L. B., 2013c. Sotsial'naya simvolika v dekore kostyuma naseleniya Prikaspiyskogo Dagestana v IV–VII vv. [Social symbolism in decoration of costume of population of Caspian Dagestan in IV–VII cc.]. *Fundamental'nyye issledovaniya* [*Fundamental researches*], № 1, part 3, pp. 611–614.

Gmyrya L. B., Il'yukov L. S., Magomedov R. G., 2007. Vostochnogermanskiye elementy v dekore zhenskogo paradnogo kostyuma v materialakh pogrebal'nykh kompleksov Palasa-syrtskogo kurgannogo mogil'nika (IV–V vv.) [East German elements in decoration of female full dress in materials from burial complexes of Palasa-syrt kurgan cemetery (IV–V cc.)]. *Arkheologiya, etnografiya i fol'kloristika Kavkaza. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Noveyshiye arkheologicheskiye i etnograficheskiye issledovaniya na Kavkaze»* [*Archaeology, ethnography and folklore studies of the Caucasus. Materials of scientific conference «Newest archaeological and ethnographical researches in the Caucasus»*]. M. S. Gadzhiyev, ed. Makhachkala: Epokha, pp. 160–173.

Gmyrya L. B., Khangishiyev G. D., Saidov V. A., Abiyev A. K., Budaychiyev A. L., Kuzeyeva Z. Z., 2009. Issledovaniye gruppy kurganov Palasa-syrtskogo mogil'nika IV–V vv. v 2009 g. [Investigation of kurgan group of Palasa-syrt cemetery of IV–V cc. in 2009]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [*Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography*], 4, pp. 90–107.

Guguyev Yu. K., Magomedov R. G., Malashev V. Yu., Frizen S. Yu., Khokhlova O. S., Khokhlov A. A., 2010. Issledovaniye kurganov yuzhnoy gruppy Palasa-syrtskogo mogil'nika v 2008 g. [Investigation of kurgans of southern group of Palasa-syrt cemetery in 2008]. *Nizhnevolzhsky arkheologichesky vestnik* [*Lower Volga archaeological bulletin*], 11. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Volgogradsky gosudarstvenny universitet, pp. 283–299.

Il'yukov L. S., 2009. Report on the investigation of kurgans of Palasa-syrt cemetery in Derbent district of Dagestan Republic in 2008. *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished).

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 1998. Germanskiye elementy v kul'ture naseleniya Severnogo Kavkaza v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [German elements in culture of population of North Caucasus in Migration Period]. *Istoriko-arkheologichesky al'manakh Armavirskogo krayevedcheskogo muzeya* [*Historical-archaeological miscellany*], 4, Armavir: Armavirsky krayevedchesky muzey, pp. 102–135.

Magomedov R. G., Gmyrya L. B., Abiyev A. K., Budaychiyev A. L., Gamidov A. K., 2008. Raskopki Palasa-syrtskogo kurgannogo mogil'nika v 2008 g. (kurgany № 142, 123 i 21) [Excavations of Palasa-syrt kurgan cemetery in 2008 (kurgans № 142, 123 and 21)]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [*Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography*], 3, pp. 94–106.

Magomedov R. G., Gmyrya L. B., Khangishiyev G. D., Bakushev M. A., Saidov V. A., 2006. Raskopki Palasa-syrtskogo mogil'nika 2006 g. [Excavations of Palasa-syrt kurgan cemetery in 2006]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [*Bulletin of Institute of History, Archaeology and Ethnography*], 3, pp. 137–154.

Mammayev M. M., 1969. K kharakteristike metalloobrabatyvayushchego remesla Urtsekskogo gorodishcha albano-sarmatskogo i rannesrednevekovogo vremeni [On characteristic of metalworking craft at Urtsek fortified settlement of Albano-Sarmatian and Early Medieval time]. *Uchenyye zapiski Instituta Istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR* [*Scientific notes of the*

Institute of History, Language and Literature, Dagestan Branch of Academy of Sciences, USSR], t. XIX, kn. 2, pp. 189–224.

Mastykova A. V., 2008. «Knyazheskaya» moda epokhi Velikogo pereseleniya narodov i severokavkazsky zhensky kostyum [«Princely» fashion of Migration Period and North Caucasian female costume]. *RA*, 3, pp. 26–34.

Mastykova A. V., 2009. Zhensky kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n. e. [Female costume of Central and West Caucasus Piedmont in the end of IV – middle VI cc. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.

Tsilossani N. O., 1882. Dnevnik raskopok, vedennykh v Yuzhnom Dagestane v 1880 g. [Diary of excavations carried out in South Dagestan in 1880]. *V Arkheologichesky s''yezd v Tiflise. Protokoly Podgotovitel'nogo komiteta 1879 g. I*. [*V Archaeological Congress in Tiflis. Protocols of Preparatory committee of 1879. I*]. Moscow, pp. 462–474.

About the author.

Gmyrya Lyudmila B., Institute of History, Archaeology and Ethnography, DSC of RAS, ul. M. Yaragskogo, 75, Makhachkala, 367010, Russia (Dagestan); e-mail: lgmyrya@mail.ru.

И. Г. Семенов

МЕСТО ПРАВИТЕЛЯ ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИХ ГУННОВ В ИЕРАРХИИ ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЕЙСКИХ ГУННОВ
(по данным «Истории страны Алуанкʻ»)

Резюме. По мнению автора, «росмосоки» «Жития князя Теофила», сохранившегося в составе «Истории страны Алуанкʻ» (1. 28–30), идентичны европейским гуннам, а сам князь Теофил являлся правителем восточнокавказских гуннов (*honkʻ* раннесредневековых армянских источников). Анализ этого источника приводит к выводу о том, что военно-политическое ядро европейских гуннов имело десятичный принцип организации, характерный для многих степных (и не только степных) объединений, и что восточнокавказские гунны не входили в состав этого ядра. Соответственно, они занимали в государстве европейских гуннов подчиненное положение. По мнению автора, упомянутый в источнике набег «росмосоков» на Закавказье относится к 441 г. «Царь росмосоков», возглавивший эту атаку, идентичен hЕрану армянского писателя Егише и Эрнаху Приска Панийского (у Иордана – Ирник).

Ключевые слова: росмосоки, гунны, восточнокавказские гунны (honkʻ), Аттила, Теофил, hЕран, Эрнах.

В раннесредневековых источниках «гуннами» обозначаются самые разные народы, обитавшие в достаточно удаленных друг от друга регионах – в Центральной Азии, на Кавказе и в Центральной Европе. Причины такого именования пока остаются дискуссионными, и столь же дискуссионными являются вопросы этнической принадлежности этих народов и генетических связей между ними[1].

Восточнокавказские гунны неизменно именуются раннесредневековыми армянскими авторами этнонимом *honkʻ*, эквивалентным термину «гунн» греко- и латиноязычных источников (Οὖννοι, Χουννί, *Hunn*). Наиболее надежные из ранних примеров такого именования относятся к IV в. Что особенно ценно, армянские источники, именуя указанный народ «гуннами», как правило, не смешивают их ни с савирами, ни с хазарами, ни с другими этническими группами,

[1] Наиболее развернуто эти проблемы представлены в следующих работах: (*Maenchen-Helfen*, 1945; 1973; *Doerfer*, 1973; *Дёрфер*, 1986).

названия которых в византийской историографической традиции нередко приводятся в виде двойных этнонимов – гунны-савиры, гунны-акациры и т. д.

Западные источники также фиксируют этноним «гунн» начиная с IV в., но их сообщения, как правило, связаны не с кавказскими, а с европейскими гуннами. Так, по данным Аммиана Марцеллина, около 371 г. гунны разгромили донских алан, а затем нанесли поражение готам-грейтунгам (Ammiani Marcellini. Rerum. XXXI. 3. 1–3) (остготы; около 373 г.). Вскоре гунны продвинулись еще дальше на запад и, разбив вестготов, заняли Паннонию. Созданная ими обширная держава просуществовала до конца 60-х гг. V в. Пика своего могущества она достигла в период правления Аттилы (434–454 гг.), который подчинил себе многие племена Северного Кавказа и беспокоил своими набегами не только Западную Римскую империю и Византию, но и Сасанидскую державу.

Что же касается восточнокавказских гуннов, то источники не позволяют проследить ни их этническую принадлежность, ни исходный район их миграции на Кавказ, ни время самой миграции. Ввиду этого по указанным вопросам высказывались самые разные, порой диаметрально противоположные точки зрения[2].

Наиболее надежные сведения об этом народе приводятся Егише (Եղիշէ) и Лазаром (Ղազար Պարպեցի (V в.). Эта надежность связана с тем, что оба автора описывали современные им события. Их сообщения позволяют говорить о том, что восточнокавказские гунны принимали участие в целом ряде событий на Кавказе практически на протяжении всего V столетия (Егише. Главы 1, 3, 6; Ghazar Pʿarpetsʿi. 2. 35).

В относящемся к тому же V в. историко-эпическом сочинении «Бузандаран патмутʿюнкʿ», известном в историографии также как «История Армении Пʿавстоса Бузанда», содержатся сообщения об участии восточнокавказских гуннов в событиях 30-х и 60-х гг. IV в. (ниже, в соответствии со сложившейся в отечественной историографии традицией, автор этого сочинения будет условно именоваться Фавстосом Бузандом) (Фавстос Бузанд. 3. 6; 3. 7, 25; 4. 25). Аутентичность этих данных является проблематичной, однако тот факт, что гунны фигурируют у Фавстоса Бузанда в одном ряду с другими восточнокавказскими племенами, сводит к минимуму возможность того, что он заменил имя какой-то этнической группы на современное ему «гунны». В таком случае представляется наиболее вероятным, что миграция этих гуннов на Восточный Кавказ могла иметь место не позднее 30-х гг. IV в.

Еще один довод в пользу этой точки зрения можно видеть в том, что многочисленные источники относят к хронологически близкому периоду, а именно к 395 г., набег неких «гуннов» на восточные провинции Византийской империи[3]. Так, например, по данным сирийского жития Петра Ивера, иверийский (картлийский) царь Фарзман (Фарасман IV грузинских источников) заключил союз с «белыми гуннами», жившими по соседству с Грузией, и направил их против византийцев (*Raabe*, 1895. S. 5). Как показывает анализ общеполитической

[2] Обзор основных точек зрения см.: (*Джафаров*, 1985; *Гмыря*, 1980; 1993; 1995; 2009).

[3] Наиболее обстоятельный обзор источников см.: (*Пигулевская*, 2000. С. 227–230).

ситуации на Кавказе, «белые гунны» выдвигались в Малую Азию через Дарьяльский проход (*Семенов*, 2010. С. 138–148; 2011. С. 165–178).

Свидетельства о восточнокавказских гуннах содержатся также в агиографическом сочинении, озаглавленном как «Агатангелос» («Агафангелос», «Агатангегʿос»). В нем гунны фигурируют в связи с событиями III в. (Агатангелос. § 19), однако поскольку эти данные не подкрепляются показаниями других источников, то достоверность этих сообщений не может не вызывать сомнений (*Артамонов*, 1962. С. 52; *Гадло*, 1979. С. 31).

В этой связи необходимо отметить, что ранее точка зрения о миграции во II в. н. э. какой-то группы гуннов на Кавказ опиралась на сообщение Дионисия Периэгета (Дионисий Александрийский; писал около 160 г. н. э.) об «уннах» в Северо-Западном Прикаспии (см., напр.: *Бернштам*, 1951. С. 135; *Moravcsik*, 1958. Bd. II. S. 236; *Федоров, Федоров*, 1978. С. 28, 47, 48; *Джафаров*, 1985. С. 12, 13; *Засецкая*, 1994; *Гмыря*, 1993. С. 278, 282 сл; 1995. С. 9, 46), однако ныне твердо установлено, что в ранних списках «Землеописания» Дионисия в качестве обитателей этого региона фигурируют *фины* или *тины* (Θύνοι) (Дионисий Александрийский (Периэгет)). Только в поздних рукописях сочинения Дионисия вместо тинов значатся «унны» (Οὖννοι). Кроме того, и поздний комментатор Евстафий указывал, что у Дионисия Периэгета вместо Θύνοι следует читать Οὖννοι (*унны*) (Дионисий Александрийский (Периэгет). Комм. 236; см. также: *Maenchen-Helfen*, 1973. P. 446). Данное обстоятельство требует предельно осторожного подхода к оценке тех сообщений «Агатангелоса», в которых упоминаются восточнокавказские гунны.

Сообщения Егише позволяют установить, что во второй трети V в. Аттила прочно овладел предкавказскими степями, а также и Страной восточнокавказских гуннов (*Семенов*, 2007. С. 39 сл). Необходимо также отметить, что Егише именует гуннами, во-первых, кушан, оговаривая всякий раз, что речь идет именно о центральноазиатском народе, и, во-вторых, гуннов Аттилы, которых он называет также hайлндурами (*hajlndurkʻ/hajgʻndurkʻ*). При этом Егише не выделяет особо восточнокавказских гуннов – как можно предполагать, в ряде случаев в его сочинении они скрываются в качестве одной из составляющих этнического конгломерата кавказских степняков, подчиненных Аттиле. Совершенно иную картину демонстрируют показания жития восточнокавказско-гуннского кн. Теофила, анализ которых представлен в двух моих более ранних работах (*Семенов*, 2013а; 2013б). Этот же анализ воспроизводится мною ниже, но уже применительно к теме настоящей статьи.

Житие кн. Теофила сохранилось в составе «Истории страны Алуанкʻ» («История Албании» или «История албан»), причем текст жития разбит в этом сочинении на несколько глав (1. 28–30). Повествование в этом источнике начинается с сообщения о том, что после смерти Месропа Маштоца его ученики, оставленные им в Албании, отправились в паломничество в Иерусалим. Спустя некоторое время они вместе с несколькими священниками направились в обратный путь и прибыли в Албанию в канун Пасхи. Там их застигло нападение некоего северного народа, который именуется в житии «росмосоками». По данным источника, «царь росмосоков» разделил свое войско на три группы: первой из них было поручено разграбление Албании, второй – Иберии (Картли),

третьей – Армении. Во главе первой из них был поставлен «полководец гуннов», который далее в житии именуется также «военачальником Тобельского полка», «полководцем гуннов» и «великим царем гуннов» (Мовсэс Каланкатуаци. 1. 29)[4]. К. В. Тревер считала, что «росмосоки» и «тобельцы» – это новые народы, появившиеся на Кавказе после продвижения туда гуннов (*Тревер*, 1959. С. 226). М. И. Артамонов, а вслед за ним и Ю. Р. Джафаров, возражая против этого, поддержали точку зрения К. П. Патканова (*Артамонов*, 1962. С. 72. Прим. 15; *Джафаров*, 1985. С. 53–60).

Войска «полководца гуннов» захватили крупную добычу. Вернувшиеся к этому моменту в Албанию ученики Месропа Маштоца погибли во время нашествия. Главный из христианских священников, прибывших вместе с ними в Албанию, также погиб, а двое других были взяты в плен. Между тем «полководец гуннов» вознамерился жениться на знатной пленнице Тагуhи из албанской провинции Утикʻ, но та отказалась сблизиться с ним и была убита. Ночью гунны заметили лучи, осветившие место казни Тагуhи. Это побудило их позвать пленных христианских священников и креститься. «Полководец гуннов» принял крестильное имя Теофил, а его сыновья – Мовсэс и Анерологис (Мовсэс Каланкатуаци. 1. 29).

Вслед за этим кн. Теофил направился к лагерю «царя росмосоков». Тот в это время приносил благодарственные жертвы языческим богам. «Царь росмосоков» потребовал, чтобы то же сделали и «полководец гуннов» и его военачальники, но те отказались. В наказание за это «царь росмосоков» приказал подвергнуть Теофила и тридцать гуннских военачальников смертельным пыткам. Сыновья Теофила и остальные крещеные гунны пытались было бежать, но были настигнуты и перебиты (Мовсэс Каланкатуаци. 1. 30).

Анализ содержания этого жития привел К. В. Тревер к заключению о достоверности изложенных в нем фактов, причем нападение «росмосоков» на Закавказье было отнесено ею к 532 г. (*Тревер*, 1959. С. 226–230; см. также: *Мамедов*, 1977. С. 83). Однако это вызвало возражения М. И. Артамонова, указавшего, что в «Истории страны Алуанкʻ» говорится о том, что набег происходил вскоре после смерти Месропа Маштоца, то есть в 40-х гг. V в. (*Артамонов*, 1962. С. 72. Прим. 15). А. А. Акопян относит написание соответствующих глав «Истории страны Алуанкʻ» к последним десятилетиям VII в. и считает весь этот рассказ вымышленным (*Акопян*, 1987. С. 200. Прим. 74). Ю. Р. Джафаров, напротив, вслед за К. В. Тревер, рассматривает данные этого жития как достоверные. Он сопоставляет данные о рейде «царя росмосоков» с сообщением Приска Панийского о нападении оногур на Закавказье в 466 г. (*Джафаров*, 1979. С. 49–60; 1985. С. 53–60). Однако мною показана анахронистичность такого сопоставления (*Семенов*, 2007. С. 44–46).

Мною также отмечалось, что для расчета даты нападения «росмосоков» на Закавказье необходимо, как указывал М. И. Артамонов, исходить из сообще-

[4] К. П. Паткановым было отмечено, что присутствие названий «росмосок» и «тобел» в «Истории страны Алуанкʻ» является реминисценцией из книги пророка Иезекииля (38. 2. 3; 39. 1). См. примечание К. П. Патканова к его переводу «Истории албан» (История албан…, 1881. С. 311, 312).

ния жития о том, что ученики Месропа отправились в Иерусалим вскоре после его смерти. Поскольку Месроп умер 7 февраля 440 г. (см.: Корюн. Комм. 200), то эта дата является нижней для возможного времени отправления учеников Месропа в паломничество. В этой связи можно заметить, что в то время путь из Албании в Иерусалим занимал не менее двух месяцев. К ним надо прибавить еще два месяца на обратную дорогу. Важно также принять во внимание, что относительно пребывания учеников Месропа в Иерусалиме в житии говорится следующее: «Много дней они пробыли там». В таком случае к Пасхе 440 г. ученики Месропа никак не могли успеть вернуться в Албанию. Следовательно, они вернулись туда уже весной 441 г. и в канун Пасхи были застигнуты нашествием «росмосоков» (*Семенов*, 2007. С. 43–49)[5].

Напомню, что этот рейд отождествлен мною с первым нападением гуннов Аттилы на Иран (Там же. С. 41–43). Сведения об этом крупном рейде сохранились у Приска Панийского, который почерпнул их из устного сообщения Ромула, западноримского дипломата (в 448 г.), а тому они стали известны от участников похода – Басиха и Курсиха. По сообщению последних, гунны, продвигаясь из Паннонии, вышли к Меотиде (Азовское море), после чего достигли Кавказских гор; они пересекли их через Дарьяльское ущелье и занялись грабежом закавказских стран, но затем, подвергшись атакам персидских войск, отступили вдоль западного берега Каспийского моря, мимо Апшеронского полуострова (см.: *Marquart*, 1899. S. 97) и далее через Дербентский проход (Priscus Panites. Fr. 8).

Отмечу также, что ряд фактов позволяет отождествить «царя росмосоков» с hЕраном (*Семенов*, 2007. С. 41–49), о котором Егише (V в.) сообщает как о предводителе гуннов, разграбивших Албанию, Картли, Армению и сопредельные провинции Византийской империи (Егише. 6). Что же касается Теофила и его войска, то мною уже обосновывалась гипотеза об их восточнокавказско-гуннской идентичности (*Семенов*, 2007. С. 46, 47), однако приводившуюся в этой связи аргументацию нельзя считать надежной и, главное, исчерпывающей. Новое обоснование указанной точки зрения позволяет дать исследование вопросов о происхождении жития Теофила и практическом назначении данного агиографического памятника.

Вероятнее всего, составление этого жития было связано с крещением Страны восточнокавказских гуннов во второй половине VII в. и формированием там пантеона местных христианских святых, погибших или пострадавших за веру. «История страны Алуанкʻ» приписывает утверждение христианства в Стране гуннов албанскому епископу Исраэлу. По данным этого источника, еп. Исраэл был отправлен к восточнокавказским гуннам для переговоров о мире, с тем чтобы предупредить их набеги на Албанию (Мовсэс Каланкатуаци. 2. 39). Эта миссия оказалась успешной: еп. Исраэл был с почетом принят правителем Страны гуннов, носившим титул *алп'-илит'уер* (< тюркск. **алп-эльтебер*), и даже

[5] Л.Б. Гмыря полагает, что набег «царя росмосоков» на Закавказье имел место в канун Пасхи 440 г. (2009. С. 112), однако она не учитывает аргументированное мною мнение о том, что к Пасхе 440 г. ученики Месропа никак не могли успеть вернуться в Албанию (см.: *Семенов*, 2007. С. 43).

получил от него санкцию на обращение гуннов в христианство (Мовсэс Каланкатуаци. 2. 40–41). Еп. Исраэл искоренил в Стране гуннов языческие верования и утвердил ее население в христианстве. В процессе этих событий и могла возникнуть потребность в героизации ранних поборников христианства в Стране гуннов.

Особый интерес для рассматриваемой темы представляет тот факт, что в житии кн. Теофила «гуннами» именуются исключительно восточнокавказские гунны, тогда как европейские гунны – только «росмосоками». Тем самым автор затушевывает тот факт, что европейские гунны именовали себя этим же этнонимом. Возможно, впрочем, что автор не стал акцентировать внимание на этнонимике европейских гуннов по той причине, что это могло отвлечь читателя от главного мотива, которому и было посвящено житие, и, кроме того, первым читателям жития было понятно, о ком собственно идет речь.

С другой стороны, использование албанским автором разных этнических наименований в отношении европейских и восточнокавказских гуннов имело целью размежевать эти два народа не только духовно, но и этнически. Впрочем, житие в этом отношении не всегда последовательно. Так, автор вставляет в уста «царя росмосоков» обращенную к кн. Теофилу речь следующего содержания: «Был ты любим в нашем царстве и, побеждая доблестью своей, был весьма чтим мною, за что и предпочтен всем остальным и прославлен, имея начальство над третьей частью войска моего. Зачем же ты оставил благородных богов своего народа, которые дали нам победу в этих набегах?» (Мовсэс Каланкатуаци. 1. 30). О третьей части войска говорится также в начале предыдущей главы: «В то самое время царь росмосоков, собрав свои войска, вместе с полком Тобельским, присоединив также войска гуннов, перешел реку Куру, развернулся в гаваре Ути и расположил свой лагерь близ города Халхал. Здесь он избрал трех полководцев и поставил их начальниками над большим войском. Начальство над всеми одиннадцатью отрядами своих войск он передал им и приказал вторгнуться в пределы Алуанка, Армении и Иверии и опустошить их. Третья группа войск вторглась в гавар Арцах в начале Пасхи и стала грабить Мец Куэнк» (Мовсэс Каланкатуаци. 1. 29).

Здесь автором создается иллюзия того, что под началом Теофила, который и возглавил разграбление Арцаха, бывшего в тот период частью Албанского царства, находились и подразделения собственно «росмосоков», но напрямую автор об этом не говорит. На мой взгляд, представляется невозможным, чтобы предводитель похода, «царь росмосоков» поставил бы войска европейских гуннов под командование князя, являвшегося вассалом Аттилы. Следовательно, под началом «полководца гуннов» находилось только его собственное войско и, может быть, еще войска ряда его же кавказских союзников.

В этой же связи необходимо отметить, что в последнем из цитировавшихся эпизодов содержится явное указание на то, что войско Теофила занимало в лагере «царя росмосоков» неравноправное положение. Это упоминание об одиннадцати отрядах «царя росмосоков»: поскольку главой одного из упомянутых одиннадцати отрядов являлся Теофил, то вырисовывается десятичный принцип организации народа, возглавлявшегося «царем росмосоков». Напомню, что деление народа-войска на десять подразделений, каждое из которых выставляло

приблизительно одинаковый войсковой контингент, являлось характерной традицией степных объединений. Информация о десятичном принципе организации военно-политического ядра европейских гуннов является уникальной, так как не содержится ни в одном другом источнике.

Таким образом, выясняются два важных для настоящей темы факта:

1) народ, составлявший военно-политическое ядро державы Аттилы, был распределен по десяти военно-административным единицам;

2) поскольку войско Теофила представлено в житии как «одиннадцатый отряд», то гунны кн. Теофила не входили в состав европейско-гуннского военно-политического объединения, то есть занимали в державе Аттилы подчиненное, вассальное положение.

Последний вывод, в свою очередь, приводит к заключению о том, что европейские гунны, точнее, их правящая верхушка, скорее всего, не рассматривали восточнокавказских гуннов как собственно гуннское племя. С другой стороны, неидентичность восточнокавказских гуннов гуннам европейским подчеркивается и тем фактом, что в житии кн. Теофила, как отмечалось выше, проводится этническое размежевание этих двух народов. То есть они, по всей видимости, не имели генетических связей друг с другом.

И наконец, остается рассмотреть возможность идентификации «царя росмосоков» с одним из засвидетельствованных в источниках предводителей европейских гуннов. Как отмечалось выше, «царь росмосоков» отождествлялся мною с hЕраном, о котором Егише сообщает как о предводителе гуннского набега; что же касается имени *hЕран*, то первоначально оно сопоставлялось мною с именем младшего сына Аттилы – *Эрнах*: (h)**er**(a)**n**-ah (*Семенов*, 2002. С. 16)[6]. Однако позднее я усомнился в возможности такого отождествления (*Семенов*, 2007. С. 46), так как «Ц. Степановым по несколько иному поводу было указано, что в этот период Эрнах был еще ребенком» (*Степанов*, 2000. С. 58. Бел. 27). Ныне я не считаю это препятствием для указанной идентификации, так как hЕран мог лишь номинально возглавлять поход в Закавказье.

ЛИТЕРАТУРА

Агатангелос. История Армении / Пер. с др.-арм., вступит. ст. и коммент. К. С. Тер-Давтяна, С. С. Аревшатяна. Ереван: Наири. 2004. 336 с.

Акопян А. А., 1987. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван: АН АрмССР. 304 с.

Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж. 524 с.

Бернштам А. Н., 1951. Очерк истории гуннов. Л.: Ленинградский гос. ун-т. 254 с.

Гадло А. В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Ленинградский гос. ун-т. 215 с.

Гмыря Л. Б., 1980. Некоторые сведения о гуннах в Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана: тематический сборник. Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР. С. 152–169. (Материалы по археологии Дагестана; № 9.)

[6] Об Эрнахе см.: Priscus Panites. Fr. 8. У Иордана его имя передается как *Hernac* или *Ernac* (Иордан. § 266).

Гмыря Л. Б., 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов: Могильники. Махачкала: Дагестанский научный центр. 367 с.

Гмыря Л. Б., 1995. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во. 228 с.

Гмыря Л. Б., 2009. Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв. (по данным письменных источников). Махачкала: Наука ДНЦ. 540 с.

Дёрфер Г., 1986. О языке гуннов // Зарубежная тюркология; Вып. I: Древние тюркские языки и литературы. М.: Наука, ГРВЛ. С. 71–134.

Джафаров Ю. Р., 1979. К датировке событий XXVIII–XXX глав 1-й части «Истории албан» Моисея Каланкатуйского // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования: ежегодник. М.: Наука. С. 49–60.

Джафаров Ю. Р., 1985. Гунны и Азербайджан. Баку: Элм. 124 с.

Дионисий Александрийский (Периэгет). Описание ойкумены. Ст. 730 / Вступит. ст., пер. с др.-греч. и коммент. Е. В. Илюшечкиной // ВДИ. № 2. 2006. С. 234–251.

Егише. О Вардане и войне армянской / Пер. с др.-арм. И. А. Орбели; прим. К. Н. Юзбашяна. Ереван: АН АрмССР, 1971. 192 с.

Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс Лтд. 224 с.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступит. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. М.: Восточная литература, 1960. 436 с. (Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы.)

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступит. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 1997. 512 с. (Византийская библиотека. Источники.)

История албан / Пер. К. П. Патканова. СПб., 1881.

Корюн. Житие Маштоца / Пер. Ш. В. Смбатяна, К. А. Мелик-Оганджаняна; предисл. К. А. Мелик-Оганджаняна; коммент. Ш. В. Смбатяна. Ереван: Айрапет, 1962. 164 с.

Мамедов Т. М., 1977. Албания и Атропатена по древнеармянским источникам (IV–VII вв.). Баку: Элм. 147 с.

Мовсэс Каланкатуаци. История страны Алуанк / Пер. с др.-арм., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. Ереван: АН АрмССР. 1984. 258 с.

Пигулевская Н. В., 2000. Сирийские источники по истории народов СССР // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы. СПб.: Дмитрий Буланин. 761 с.

Семенов И. Г., 2002. Этнополитическая история Восточного Кавказа в III–VI веках: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Махачкала: Султанбекова. 28 с.

Семенов И. Г., 2007. Генеалогия картлийских царей: от Мириана III до Вахтанга Горгасала. Махачкала: ДИНЭМ. 76 с.

Семенов И. Г., 2010. К реконструкции политической истории Картли (Иберия) в последней трети IV века // ВДИ. № 2 (273). С. 138–148.

Семенов И. Г., 2011. К уточнению обстоятельств рейда гуннов в Малую Азию и Сирию в 395–396 годах // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 17 (2010). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. С. 165–178.

Семенов И. Г., 2013а. Военно-политические отношения восточнокавказских гуннов с Аттилой // Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: История и современность. № 4. С. 38–44.

Семенов И. Г., 2013б. Ранние этапы христианизации восточнокавказских гуннов // Вопросы истории. № 4. С. 142–151.

Степанов Цв., 2000. Средновековните българи: Нови факти, интерпретации, хипотези. София: Тангра ТанНакРа ИК. 253 с.

Тревер К. В., 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV в. до н. э. – VII в. н. э.). М.; Л.: АН СССР. 391 с.

Фавстос Бузанд: История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с др.-арм. и коммент. М.А. Геворгяна; под ред. С. Т. Еремяна; вступит. ст. Л. С. Хачикяна. Ереван: АН АрмССР. 1953. 238 с.

Федоров Я. А., Федоров Г. С., 1978. Ранние тюрки на Северном Кавказе: Историко-этнографические очерки. М.: Московский ун-т. 296 с.

Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / Edidit W. Seyfarth. Leipzig: Teubner. 1978. In 2 vol.

Doerfer G., 1973. Zur Sprache der Hunnen // Central Asiatic Journal. Wiesbaden. XVII. S. 1–50.

Ghazar Pʻarpetsʻi. *The History of Łazar Pʻarpecʻi* / Transl. by R. W. Thomson. Atlanta (GA): Scholars Press. X. 1991. 304 p. (Occasional Papers and Proceedings; Vol. 4.)

Maenchen-Helfen O. J., 1945. Huns and Hsiung-nu // Byzantion. International Journal of Byzantine Studies. American Series. 3. Vol. 17. 1944–1945. New York. P. 222–243.

Maenchen-Helfen O. J., 1973. The World of the Huns (Studies of Their History and Culture) / Ed. by M. Knicht. Berkley; Los Angeles: University of California Press. 602 p.

Marquart J., 1899. Eransahr nach der Geographie der Ps. Moses Xorenaci. Mit historisch-kritischem Kommentar und historischen und topographischen Excursen. Berlin: Weidmansche Buchhandlung. 358 s.

Moravcsik Gy., 1958. Byzantinoturcica. Berlin: Akademie-Verlag. 2. Auflage. 2 bd.

Priscus Panites. Fragmenta / Ed. C. Müller // Fragmenta historicorum graecorum. Paris. 1868. Vol. IV. P. 69–110.

Raabe R., 1895. Petrus der Iberer. Leipzig: J. C. Heinrichs. 278 s.

Сведения об авторе.

Семенов Игорь Годович, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, ул. Ярагского, 75, Махачкала, 367030, Россия (Дагестан); e-mail: i_semyonov @pochta.ru.

I. G. Semyonov

The position of the ruler of the East-Caucasian Huns in the hierarchy of the state of the European Huns (based on data from the *History of the Land of Alwank'*)

Abstract. In the opinion of the author, the «Rosmosoks» mentioned in the «Life of Prince Theophil», which has survived as part of the *History of the Land of Alwank'* (l. 28–30), are the same as the European Huns, while Prince Theophil himself was the ruler of the East-Caucasus Huns (the *Honk'* who figure in early medieval Armenian sources). Analysis of this source leads the author to conclude that the military-political core of the European Huns was organized on the basis of groups of ten typical for many steppe (and not only steppe) peoples and that the East-Caucasian Huns were not part of that core. This meant that their position in the state of the European Huns was a subordinate one. In the author's opinion the incursion of the «Rosmosoks» into Transcaucasia mentioned in the source dates from the year 441. The «King of the Rosmosoks» who led that attack, has been identified as Heran mentioned by the Armenian writer Egishe and as *Ernakh* in the work of Priscus Panites (and as *Irnik* in the work of Iordan).

Keywords: Rosmosoks, Huns, East-Caucasus Huns (Honkʻ), Attila, Theophil, Heran, Ernakh.

REFERENCES

Agatangelos. Istoriya Armenii [Agathangelos. History of Armenia], 2004. K. S. Ter-Davtyana, S. S. Arevshatyana, per. s dr.-arm., vstup. st., komment. [K. S. Ter-Davtyan, S. S. Arevshatyan, transl. from medieval Armenian, introduction, comments]. Yerevan: Nairi. 336 p.

Akopyan A. A., 1987. Albaniya-Aluank v greko-latinskikh i drevnearmyanskikh istochnikakh [Albania-Aluank in Greek-Latin and medieval Armenian sources]. Yerevan: Izdatel'stvo Akademii nauk Armyanskoy SSR. 304 p.

Ammiani Marcellini, 1978. Rerum gestarum libri qui supersunt. W. Seyfarth, ed. Leipzig: B. G. Teubner, 2. 438 p.

Artamonov M. I., 1962. Istoriya khazar [History of Khazars]. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 524 p.

Bernshtam A. N., 1951. Ocherk istorii gunnov [Essay on history of Huns]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 254 p.

Dionisy Aleksandriysky (Perieget), 2006. Opisaniye oykumeny [Description of ecumene]. St. 730. Ye. V. Ilyushechkinoy, vstup. st., per. s dr.-grech., komment. [Ye. V. Ilyushechkina, introduction, transl. from ancient Greek, comments]. *Vestnik drevney istorii* [*Bulletin of Ancient History*], 2, pp. 234–251.

Doerfer G., 1973. Zur Sprache der Hunnen. *Central Asiatic Journal*, XVII, pp. 1–50.

Dyorfer G., 1986. O yazyke gunnov [On Huns' language]. *Zarubezhnaya tyurkologiya* [*Foreign Turkic studies*]. S. G. Klyashtorny, comp. I. Drevniye tyurkskiye yazyki i literatury [Ancient Turkic languages and literatures]. Moscow: Nauka, pp. 71–134.

Dzhafarov Yu. R., 1979. K datirovke sobyty XXVIII–XXX glav 1 chasti «Istorii alban» Moiseya Kalankatuyskogo [On dating of events from chapters XXVIII–XXX, part 1 of «History of Albans» by Moses of Kalankatui]. *Pis'mennyye pamyatniki Vostoka: Istoriko-filologicheskiye issledovaniya* [*Written monuments of Orient: historical-philological studies. Year-book*]. Yezhegodnik. Moscow: Nauka, pp. 49–60.

Dzhafarov Yu. R., 1985. Gunny i Azerbaydzhan [Huns and Azerbaijan]. Baku: Elm. 124 p.

Fedorov Ya. A., Fedorov G. S., 1978. Ranniye tyurki na Severnom Kavkaze: istoriko-etnograficheskiye ocherki [Early Turks in North Caucasus: historical-ethnographic essays]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 296 p.

Gadlo A. V., 1979. Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv. [Ethnic history of North Caucasus of IV–X cc.]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 215 p.

Ghazar P'arpets'I, 1991. *The History of Łazar P'arpec'i.* R.W. Thomson, transl. Atlanta: Scholars Press. 304 p. (Occasional Papers and Proceedings; vol. 4).

Gmyrya L. B., 1980. Nekotoryye svedeniya o gunnakh v Dagestane [Some data on Huns in Dagestan]. *Drevniye i srednevekovyye arkheologicheskiye pamyatniki Dagestana* [*Ancient and medieval archaeological sitesof Dagestan*]. A. R. Shikhsaidov, ed. Makhachkala: Institut istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala akademii nauk SSSR. S. 152–169. (Materials on archaeology of Dagestan; t. 9.)

Gmyrya L. B., 1993. Prikaspiysky Dagestan v epokhu Velikogo pereseleniya narodov. Mogil'niki [Caspian Dagestan in Migration Period. Cemeteries]. M. G. Gadzhiyev, ed. Makhachkala: Dagestansky nauchny tsentr RAN. 366 p.

Gmyrya L. B., 1995. Strana gunnov u Kaspiyskikh vorot [Land of Huns at Caspian gates]. Makhachkala: Dagestanskoye knizhnoye izdatel'stvo. 228 p.

Gmyrya L. B., 2009. Religioznyye predstavleniya naseleniya Prikaspiyskogo Dagestana v IV–VII vv. (po dannym pis'mennykh istochnikov) [Religious ideas of population of Caspian Dagestan in IV–VII cc. (on data of written sources)]. Makhachkala: Izdatel'stvo «Nauka» Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. 540 p.

Iordan, 1960. O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov. Getica [The origin and deeds of the Getae. Getica]. Ye. Ch. Skrzhinskaya, vstup. st., per., komment. [E. Ch. Skrzhinskaya, introduction, transl., comments]. Moscow: Izdatel'stvo Vostochnoy literatury. 436 p.

Iordan, 1997. O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov. Getica [The origin and deeds of the Getae. Getica]. Ye. Ch. Skrzhinskaya, vstup. st., per., komment. 2-e izd., ispr. i dop. [E. Ch. Skrzhinskaya, introduction, transl., comments. 2nd edition, improved and extended]. St. Petersburg: Aleteyya. 506 p.

Istoriya alban [History of Albans], 1881. K. P. Patkanov, per. [K. P. Patkanov, transl.]. St. Petersburg.

Istoriya Armenii Favstosa Buzanda [History of Armenia by Favstos Buzand], 1953. S. T. Yeremyan, ed. Yerevan: Izdatel'stvo akademii nauk Armyanskoy SSR. 238 p.

Koryun. Zhitiye Mashtotsa [Koryun. Life of Mashtots], 1962. K. A. Melik-Ogandzhanyan, predisl.; Sh. V. Smbatyan, komment. [K. A. Melik-Ogandzhanyan, foreword, Sh. V. Smbatyan, comments]. Yerevan: Ayrapet. 164 p.

Maenchen-Helfen O. J., 1945. Huns and Hsiung-nu. *Byzantion. International Journal of Byzantine Studies*. American Series, 3, vol. 17: 1944–1945, pp. 222–243.

Maenchen-Helfen O. J., 1973. The World of the Huns (Studies of Their History and Culture). Max Knich, ed. Berkley; Los Angeles: University of California Press. 602 p.

Mamedov T. M., 1977. Albaniya i Atropatena po drevnearmyanskim istochnikam (IV–VII vv.) [Albania and Athropatena according to early Armenian sources (IV–VII cc.).]. Baku: Elm. 147 p.

Marquart J., 1899. Eransahr nach der Geographie der Ps. Moses Xorenaci. Mit historisch-kritischem Kommentar und historischen und topographischen Excursen. Berlin: Weidmansche Buchhandlung, 358 S.

Moravcsik Gy., 1958. Byzantinoturcica. 2 Auflage. Berlin: Akademie-Verlag, Bd. 2, 326 S.

Movses Kalankatuatsi. Istoriya strany Aluank [Movses Kalankatuatsi. History of Land Aluank], 1984. Sh. V. Smbatyan, per. s dr.-arm., predisl., komment. [Sh. V. Smbatyan, transl. from early Armenian, foreword, comments]. Yerevan: Izdatelǝstvo akademii nauk Armyanskoy SSR. 258 p.

Pigulevskaya N. V., 2000. Siriyskiye istochniki po istorii narodov USSR [Syrian sources on history of peoples of USSR]. Pigulevskaya N. V. *Siriyskaya srednevekovaya istoriografiya* [*Syrian medieval historiography*]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, pp. 180–320.

Priscus Panites. Fragmenta. C. Müller, ed. *Fragmenta historicorum graecorum*. Paris. 1868, IV, pp. 69–110.

Raabe R., 1895. Petrus der Iberer. Leipzig: J. C. Heinrichs. 278 S.

Semyonov I. G., 2002. Etnopoliticheskaya istoriya Vostochnogo Kavkaza v III–VI vekakh [Ethno-political history of East Caucasus in III–VI centuries]. Avtoref. dis. … kand. ist. Nauk [Thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy]. Makhachkala. 28 p.

Semyonov I. G., 2007. Genealogiya kartliyskikh tsarey: ot Miriana III do Vakhtanga Gorgasala [Genealogy of Kartli tsars: from Myrian III to Vakhtang Gorgasal]. Makhachkala: OOO «DINEM». 76 p.

Semyonov I. G., 2010. K rekonstruktsii politicheskoy istorii Kartli (Iberiya) v posledney treti IV veka [Toward reconstruction of political history of Kartli (Iberia) in last third of IV century]. *Vestnik drevney istorii* [*Bulletin of Ancient History*], 2 (273), pp. 138–148.

Semyonov I. G., 2011. K utochneniyu obstoyatelǝstv reyda gunnov v Maluyu Aziyu i Siriyu v 395–396 godakh [Toward specification of circumstances of Huns' raid to Asia Minor and Syria in years 395–396]. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, 17 (2010), pp. 165–178.

Semyonov I. G., 2013a. Voyenno-politicheskiye otnosheniya vostochnokavkazskikh gunnov s Attiloy [Military-political relations of East Caucasian Huns with Attila]. *Vostok (Oriens). Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'* [*Oriens. African-Asiatic societies: history and the present*], 4, pp. 38–44.

Semyonov I. G., 2013b. Ranniye etapy khristianizatsii vostochnokavkazskikh gunnov [Early stages of Christianization of East Caucasian Huns]. *Voprosy istorii* [*Problems of History*], 4, pp. 142–151.

Stepanov Tsv., 2000. Srednovekovnite b"lgari: Novi fakti, interpretatsii, khipotezi [Medieval Bulgarians: New data, interpretations, hypotheses]. Sofiya: Tangra TanNakRa IK. 253 p.

Trever K. V., 1959. Ocherki po istorii i kul'ture Kavkazskoy Albanii (IV v. do n. e. – VII v. n. e.) [Essays on history and culture of Caucasian Albania (IV c. BC – VII c. AD)]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo akademii nauk USSR. 391 p.

Yegishe, 1971. O Vardane i voyne armyanskoy [Yegishe. On Vardan and Armenian war]. I. A. Orbeli, per. s dr.-arm.; primech. K. N. Yuzbashyana [I. A. Orbeli, transl. from early Armenian, K. N. Yuzbashyan, comments]. Yerevan: Izdatel'stvo akademii nauk Armyanskoy SSR. 192 p.

Zasetskaya I. P., 1994. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV–V vv.) [Culture of nomads of South Russian steppes in Hun epoch (end of IV – V cc.)]. St. Petersburg: Ellips Ltd. 224 p.

About the author.

Semyonov Igor G., Institute of History, Archaeology and Ethnography, DSC of RAS, ul. M. Yaragskogo, 75, Makhachkala, 367010, Russia (Dagestan); e-mail: i_semyonov@pochta.ru.

Х. М. Мамаев

«КНЯЖЕСКОЕ» ПОГРЕБЕНИЕ У г. МАГАС (ИНГУШЕТИЯ)

Резюме. В статье рассматриваются материалы богатого аланского катакомбного погребения последней трети V в., раскопанного на левом берегу р. Сунжи в равнинной части Ингушетии в середине 90-х гг. XX в. В подвергшемся ограблению в момент случайного вскрытия индивидуальном захоронении было обнаружено значительное количество инкрустированных ювелирных изделий, выполненных из золота с использованием техники клуазоне (фибула-брошь, перстни, части поясной гарнитуры и др.) и указывающих на принадлежность их владельца к верхнему слою аланского общества, что с учетом присутствия в погребении и других неординарных предметов – котла «гуннского» типа, гривны с застежкой-медальоном – свидетельствует о распространении в этой среде т. н. интернациональной княжеской моды. Основным источником атрибутов последней применительно к Северному Кавказу выступали, очевидно, средиземноморские мастерские, однако в рассматриваемом случае похоже, что основная часть инвентаря попала в погребение из каких-то европейских центров в процессе возвратного движения на восток части гуннов и связанных с ними аланских племен после Недао и Каталаунских полей.

Ключевые слова: эпоха переселения народов, аланская катакомба, княжеский статус, равнинная Ингушетия, Магас, Насыр-Корт.

В 1995 г. при сооружении подъездной автодороги к зоне строительства административного центра Республики Ингушетия – г. Магас, у с. Насыр-Корт в 400 м восточнее Насыр-Кортовского городища № 2 (левобережье р. Сунжи) было случайно обнаружено катакомбное погребение (рис. 1, *1, 2*), ко времени его обследования сотрудниками Госинспекции по охране памятников археологии при Министерстве культуры Республики Ингушетии уже частично разрушенное и ограбленное (*Бурков*, 1996). Собранные находки и их описание неоднократно публиковались в краеведческой литературе и периодической печати (*Кодзоев*, 2001. С. 80; 2006. С. 25; см. историографический обзор: *Бурков*, 2012. С. 28–70), но в целом не рассматривались специалистами – за исключением С. Б. Буркова и Д. Кваста, разместивших соответственно краткое описание ряда предметов и фотографии изделий с инкрустациями (*Бурков*, 2008. С. 733; *Quast*, 2006. S. 268. Abb. 14). Не была также исследована и сама археологическая

Рис. 1. Местоположение «княжеского» погребения у г. Магас (Насыр-Корт) в Ингушетии

1. Карта с указанием места нахождения «княжеского» погребения. 2. Схема расположения курганов и погребений на левобережье р. Сунжи у сел. Насыр-Корт: *а* – катакомбы без курганной насыпи (№ 1–4); *б* – курганы (№ 7–12); *в* – границы поселения (№ 5); *г* – ров городища (№ 6); *д* – карьер; *е* – проселочная дорога (по: *Бурков*, 1996)

ситуация, в которой они были найдены, серьезно искаженная действиями техники и грабителей[1].

Судя по описаниям очевидцев, на месте обнаружения катакомбы в траншее для укладки дорожного основания, углубленной скреперами до глубины 4 м, первоначально, уже с уровня около 1,5 м от дневной поверхности (?), прослеживалось овальное пятно темного грунта, которое в отчете С. Б. Буркова сначала интерпретировалось как след грабительского входа в камеру. Однако, поскольку погребение не было ограблено (к моменту его обнаружения из-за образовавшегося провала в нем находилось немало ценных предметов), речь, видимо, может идти о заполнении входной ямы. На ее дне стоял массивный каменный заклад лаза, разбитый позднее строителями на несколько кусков. Здесь же, на другой каменной плите подквадратной формы, лежавшей горизонтально, находились, по словам последних, три керамических сосуда, потом также разбитых и перемещенных вместе с грунтом далеко от места обнаружения катакомбы. На плите сохранились следы окислов бронзы – по одной версии, от каких-то ненайденных металлических сосудов (*Бурков*, 1996. С. 8); по другой – от бронзового котла (*Бурков*, 2012. С. 43). Часть фрагментов последнего позднее была собрана у строителей и местных жителей, а часть – найдена в отвалах (*Бурков*, 1996. С. 8; 2012. С. 42). По утверждению местных жителей, плита первоначально лежала внутри камеры и при ограблении была выброшена наружу; по С. Б. Буркову, она изначально находилась снаружи перед лазом, представляя собой жертвенник (Там же. С. 8).

Входную яму полностью проследить не удалось – был зафиксирован только контур примыкающей к лазу части дна шириной 1,1 м и длиной около 0,6 м с заоваленными углами, плавно понижавшегося к камере. Видимо, она имела форму почти вертикальной шахты, глубина которой составляла не менее 5–5,5 м от дневной поверхности. Из нее в камеру вел лаз подпрямоугольной формы (длина – 0,15 м, высота – 0, 45 м, ширина в основании – около 0,5 м), с сегментовидным верхом, закрытый, как уже отмечалось, к моменту обнаружения стоявшей на ребре мощной каменной плитой подпрямоугольной формы ($0{,}9 \times 0{,}6 \times 0{,}15$ м), весом в несколько сотен килограммов.

Основная часть магасской катакомбы (точнее ее было бы называть насыркортовской) представляла собой прямоугольную в плане подземную камеру длиной 2,5 и шириной 2 м, ориентированную длинной осью по линии СВ–ЮЗ

[1] В тезисах доклада, посвященного публикуемому ниже материалу (*Мамаев, Бурков*, 2013), на рис. 1 допущена ошибка – место находки обозначено на правобережье р. Сунжи. Кроме того, вслед за Н. Д. Кодзоевым (*Кодзоев*, 2003. Рис. 27; 2006. Рис. 1 на с. 22), в состав инвентаря рассматриваемого погребения была включена керамическая кружка (*Мамаев, Бурков*, 2013. Рис. 2, *14*), которая в действительности была найдена в грунтовой яме 2 (*Бурков*, 1996. С. 10). Автор выражает свою признательность С. Б. Буркову за любезное разрешение использовать материалы раскопок 1995 г., а также У. Б. Гадиеву, заместителю директора Археологического центра им. Е. И. Крупнова (г. Назрань), оказавшему содействие в получении фотографий инкрустированных предметов из рассматриваемого погребения.

и перекрытую двускатным сводом высотой не менее 2 м с небольшим плоским потолком, частично разрушенным провалом (рис. 2, *1, 2*).

На ее дне были зафиксированы разбросанные остатки части костяка взрослого человека, возраст которого С. Б. Бурков определил в 35–50 лет (*Бурков*, 1996. С. 4). Находок на дне камеры, где в нескольких местах встречались древесные угольки, оказалось немного: обломок железного предмета в виде трехгранного стержня (наконечник стрелы?) и, главное, крупная, слегка согнутая золотая брошь с инкрустациями, лежавшая в небольшом углублении у северо-восточной стены тыльной стороной кверху (рис. 2, *1, 2*). Очевидно, поэтому она и не была замечена грабителями.

Некоторые предметы погребального инвентаря, находившиеся снаружи у лаза и в камере к моменту ее ограбления, были позднее собраны у местных жителей (*Бурков*, 1996). Это крупные фрагменты литого бронзового котла, полукруглая нашивка из бронзы с позолотой (колпачок – в отчете С. Б. Буркова) и обломки бронзовой накладки (накладок?) со штифтом. Таким же образом были получены и фрагменты трех, упоминавшихся выше, глиняных сосудов.

Часть золотых предметов, составлявших инвентарь погребения, несмотря на усилия, предпринятые по их поиску, исчезла бесследно. Среди пропавших перечислялись серьги, обломок браслета и несколько инкрустированных изделий – два или три очень крупных перстня, металлические накладки пояса, а также цепь из трех проволок с застежкой в виде пряжки и какое-то нагрудное украшение, названное пекторалью (*Бурков*, 2012. С. 42, 43). Однако под последней, скорее всего, имелась в виду найденная в камере брошь с инкрустациями, которая в перечне иллюстраций была названа нагрудным украшением (*Бурков*, 1996. С. 15)

В состав других находок, позднее поступивших в Ингушский государственный музей краеведения им. Т. Х. Мальсагова и, как отмечалось выше, опубликованных, входили три крупных кольца, пряжка, щиток пряжки и наконечник ремня, декорированные в стиле клуазоне[2].

Возможно, рамка и щиток из этого набора (рис. 3, *3, 7*; цв. илл. III, *4*, *6*) составляли единое целое, хотя полностью исключить их принадлежность к разным предметам нельзя – на это могут косвенно указывать несовпадения размеров. Находка близкой пряжки известна в погребении гуннской эпохи в Ново-Ивановке на Украине (*Засецкая*, 1994. Рис. 19б, *16*)[3]. В общем же пряжки с аналогичными щитками встречаются довольно часто в кавказских древностях V в. (*Амброз*, 1989. Рис. 5, *33*; 10, *27*; 14, *21, 25*) или в Керчи (Эпоха Меровингов…, 2007. С. 294, *I.8.12*; С. 308, *I.17.6*); весьма близкие параллели представляют также находки из Лаа-Тае (Laa-Thaya) в Австрии (Там же. С. 336, *II,1,2*).

[2] Осмотреть находки из катакомбы воочию не удалось, поэтому представления о них строятся на рисунках отчета С. Б. Буркова и фотографиях некоторых предметов, полученных позднее.

[3] Такой же широкий язычок имеет и вторая ново-ивановская пряжка (*Засецкая*, 1994. Рис. 19б, *25*), однако в обоих случаях они, как и их рамки, в отличие от насыр-кортовской, более массивны.

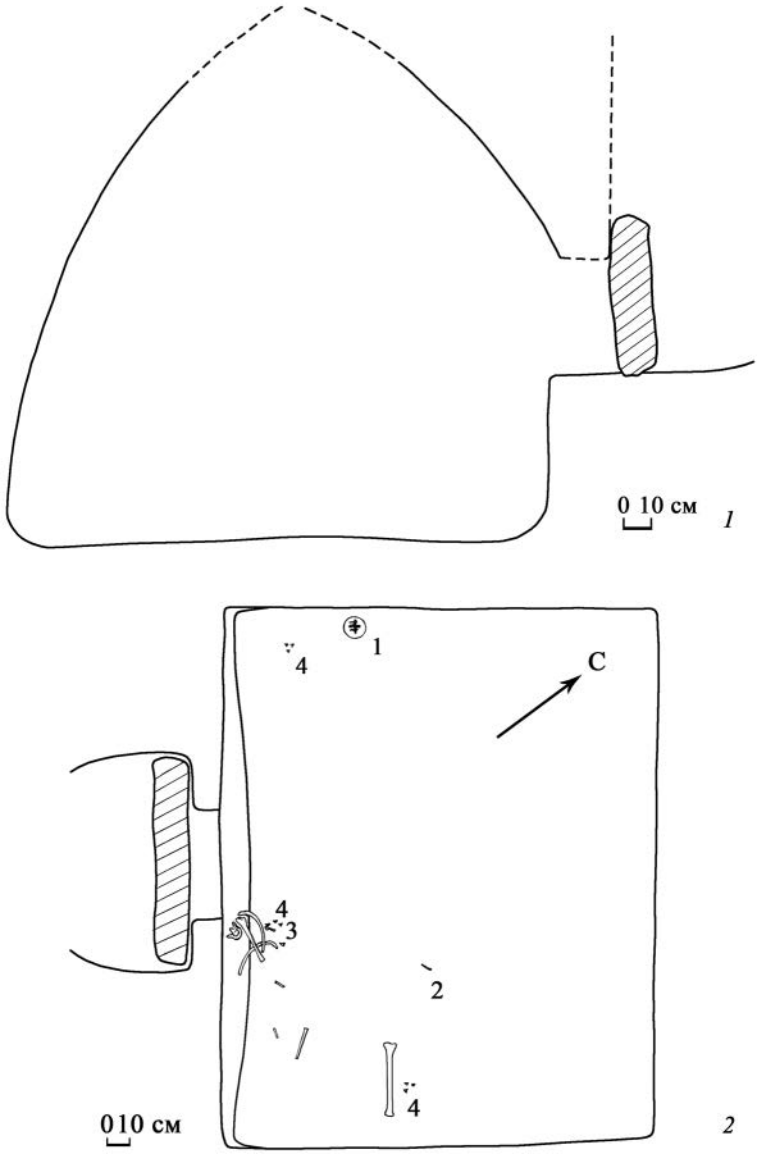


Рис. 2. Катакомба (погребение № 1) у г. Магас (Насыр-Корт) (по: *Бурков*, 1996)

1. Разрез. 2. План: *1* – фибула-брошь; *2* – фрагмент железного предмета; *3* – кости; *4* – древесные угольки

О дате керченских и австрийских предметов, датированных серединой и второй третью V в. и первой половиной / серединой V в., т. е. горизонтом Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn) / подфазой Лаа-Пуштабакод (Laa-Pusztabakod), написано немало (см. обзор мнений: *Щукин*, 2005. С. 334, 335. Рис. 110). Следует иметь в виду, что, судя по вынесенным за контуры щитка штифтам в отдельных

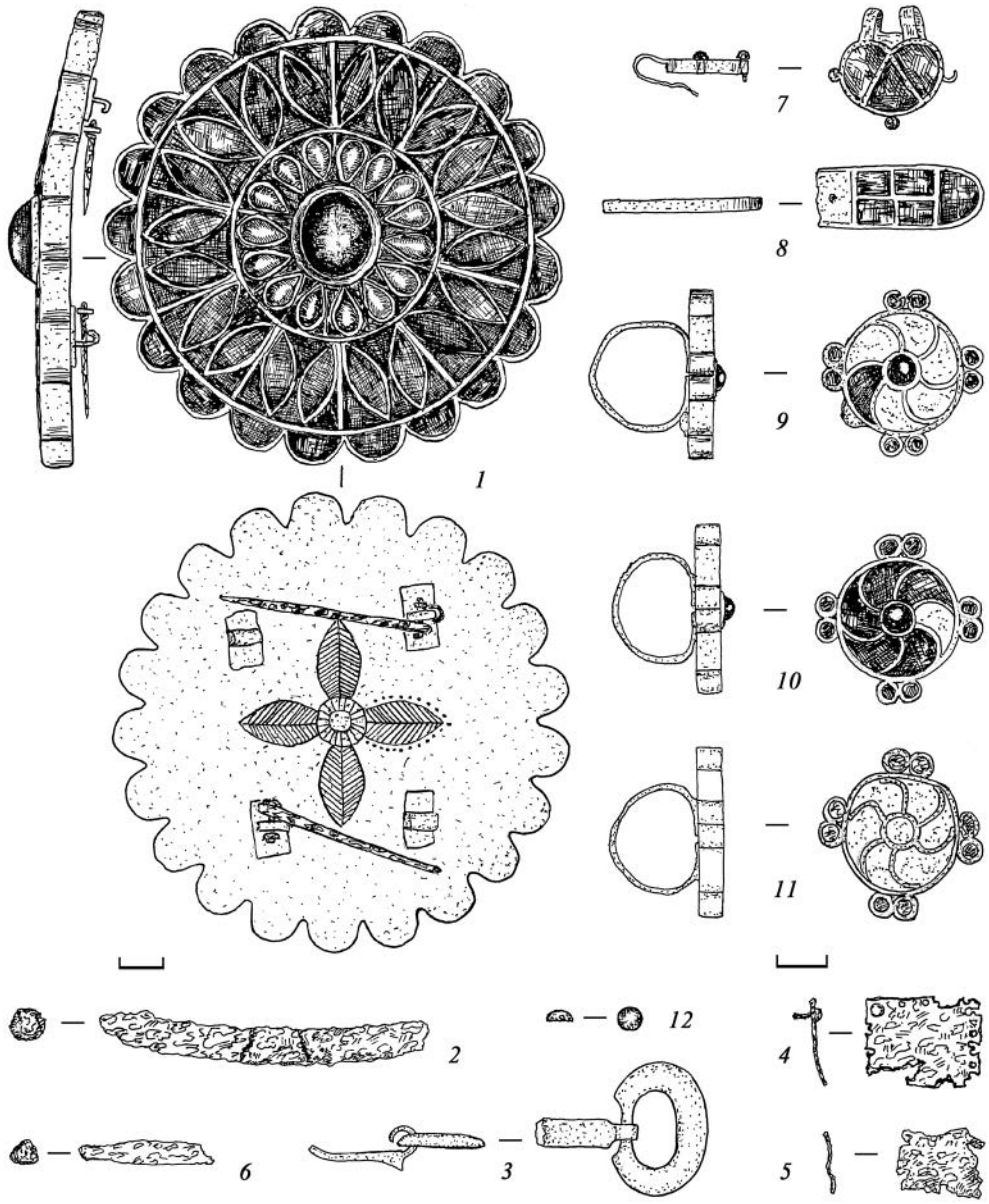


Рис. 3. Находки из катакомбы (погребение № 1) у г. Магас (Насыр-Корт)

1 – фибула-брошь с инкрустациями; *2, 6* – фрагменты изделий; *3* – золотая пряжка; *4, 5* – бронзовые пластины (4 – с гвоздиком); *7* – золотой щиток с инкрустациями; *8* – золотой наконечник пояса с инкрустацией; *9–11* – золотые перстни с крупными щитками с инкрустацией; *12* – нашивная бляшка из бронзы с позолотой.

1, 3, 6, 8–11 – золото, альмандины; *2, 6* – железо; *7* – золото; *4, 5* – бронза; *12* – бронза, позолота (по: *Бурков*, 1996)

гнездах, насыр-кортовская пряжка имела, видимо, также «подложку» (затем утраченную), как и приведенные выше аналогии. Любопытно отметить, что инкрустированные образцы из Турнэ (Tournai) – могилы Хильдерика (481/482 гг.), с аналогичной формой щитка и вставок, крепились штифтами, пропущенными сквозь щиток, – это может быть признаком их более поздней даты (*Казанский, Перен*, 2005. Рис. 1), нежели у указанных выше[4]. Очевидно, таким же показателем можно счесть и широкий уплощенный язычок, присутствующий на пряжках позднего V в. (Там же. Рис. 6, *10–12*).

Наконечнику пояса из этого погребения с простыми прямоугольными вставками и закругленным концом (рис. 3, *8*; цв. илл. III, *5*), типичными для V в., параллелей достаточно – например, в могильнике Брут 1 в Северной Осетии (*Габуев*, 2012. Рис. 2, *1, 3, 4*).

В целом рассматриваемые части поясного (?) набора могут быть датированы в пределах 430–480 гг., скорее всего, в рамках второй половины этого временного отрезка.

Перстням (рис. 3, *9–11*; цв. илл. III, *1–3*) точных аналогий подобрать пока не удалось, хотя украшения такого типа с крупными щитками второй половины VI в. известны, например, в Феребрианже (Fèrebrianges) (Эпоха Меровингов…, 2007. С. 455, *VII.8.4*). Однако солярная орнаментация насыр-кортовских изделий находит прямые параллели в оформлении щитка таманской пряжки 1886 г., датированной V в. (Там же. С. 328, *I.35.1*), и находки из княжеского погребения в Лебени (Lébény), отнесенной к горизонту Унтерзибенбрунн или периоду D2 «варварской» европейской хронологии[5], т. е. 380/400–440/450 гг. (*Щукин*, 2005. С. 552, 553. Табл. V, *11–14*). Судя по наличию «звериного» язычка у таманской находки, характерного уже для фазы D3 (450/460–480/490 гг.; см.: Там же. С. 325, 338), ее время может быть ограничено второй половиной V в. На возможность еще более поздней даты указывают парные боковые гнезда по окружности щитков – таким же образом оформлены, например, фибулы, найденные в Пикардии и Монсо-лё-Нёф-е-Фокузи (Monceau-le-Neuf-et-Faucouzy) во Франции и датированные соответственно около 500 г. и первой половиной VI в. (Эпоха Меровингов…, 2007. С. 487, *VII.22.2*; 498, *VII.31.4*). Поэтому отнесение насыр-кортовских перстней ко времени не ранее второй половины V в. представляется реальным. Отметим, что в отчете С. Б. Буркова они названы цельнолитыми, однако очевидно, что шинки перстней, как и боковые гнезда, были припаяны к щиткам. Без детального исследования окончательно судить, конечно, трудно, но похоже, что последние были изготовлены типичным для перегородчатых инкрустаций способом (*Засецкая*, 1994. С. 69–71; *Минасян*, 2007).

Наиболее заметной находкой среди рассматриваемых предметов является брошь (рис. 3, *1*; цв. илл. II). Это редкое произведение ювелирного искусства точных аналогий не имеет, в том числе и из-за своих размеров – для ее за-

[4] Они, кстати, выполнены в основном с использованием техники «дрожащего» клуазоне, что также считается поздним признаком для инкрустированных вещей (*Щукин*, 2005. С. 338).

[5] Здесь и далее используется общеевропейская хронология Барбарикума, см., например: (*Tejral*, 1988; 2007; *Shchukin et al.*, 2006).

крепления понадобились две иглы (серебро, бронза?) на оборотной стороне, которые были приделаны, видимо, позже. Сама брошь имела средиземноморское происхождение, как и другие подобные предметы на Северном Кавказе, рассмотренные А. В. Мастыковой и В. Ю. Малашевым, согласившимися с датой, предложенной для них Д. Квастом, – вторая треть V–VI в. (*Мастыкова*, 2005. С. 22–34; 2009. С. 35, 36; *Quast*, 2006; *Малашев*, 2009. С. 136). Похожие броши из Верхнего Чир-Юрта В. Б. Ковалевская отнесла к VII в. (*Ковалевская*, 2001. Рис. 2, *7, 8*). Среди этих изделий находка из Магаса представляется достаточно ранней, что позволяет определить ее хронологию в рамках второй половины V в.

Большинство найденных (как и пропавших) предметов были инкрустированы, при этом вставки, как показали недавние исследования (*Перен*, 2005; *Габуев*, 2012), могут играть важную роль в установлении места изготовления таких вещей. В рассматриваемом случае камни, по сообщению С. Б. Буркова (см. также: *Бурков*, 2008. С. 733), были определены как аметисты, что, однако, вызывает сомнения, поскольку последние в полихромных изделиях гуннского времени, видимо, не использовались (*Засецкая*, 1994. С. 50–75). Кроме того, основная часть инкрустаций, например той же броши, по отчету С. Б. Буркова и фотографии похожа на кабошоны, хотя это, скорее, пиленые пластинки – сочетание тех и других характерно для изделий этой эпохи с альмандинами – гранатами (обзор исследований о полихромных изделиях см.: *Щукин*, 2005. С. 340–356). На тыльной стороне броши нанесен четырехлистник, на Северном Кавказе встречающийся в качестве декора блях в так называемое шиповское время (Галайты, Брут 1, Байтал-Чапкан, см.: *Багаев, Даутова*, 2013; *Туаллагов*, 2007); изображен он и на находке из Унтерзибенбрунна (*Амброз*, 1989. Рис. 6, *18*).

В погребении (входной яме?) были также обнаружены фрагменты литого бронзового котла так называемого гуннского типа (рис. 4, *1–6*). Сохранившиеся части позволяют отнести насыр-кортовский экземпляр к третьему типу (*Амброз*, 1981. С. 19) или первому варианту II группы, по Н. А. Боковенко и И. П. Засецкой (*Боковенко, Засецкая*, 1993. С. 83). Наиболее близкими аналогиями здесь представляются котлы румынско-венгерской группы из Шестачи (Молдова), Дессы (Dessa) и Ионешти (Ioneşti) (Румыния), а также не попавшие в последнюю сводку котел из Хабаза в Балкарии, который может быть отнесен к этой же группе (*Батчаев*, 1984; *Чеченов*, 1987. Рис. 2, *1*), и котел из Переволочной в Полтавской области (*Левченко, Супруненко*, 1994. С. 77–80). Все исследователи относят эти изделия к гуннскому времени. Местом изготовления таких сосудов считается Подунавье, где период гуннского господства ограничивается 420–450 гг. (*Боковенко, Засецкая*, 1993. С. 75, 84). Этот временной промежуток вполне укладывается в рамки фазы D2/D3 – вторая треть V в. (по Я. Тейралу) или середина этого столетия, по Ф. Бирбрауеру (см. по: *Щукин*, 2005. С. 335)[6].

[6] Но сам М. Б. Щукин, похоже, был склонен относить все (?) гуннские котлы к доаттиловой эпохе (*Щукин*, 2005. С. 272).

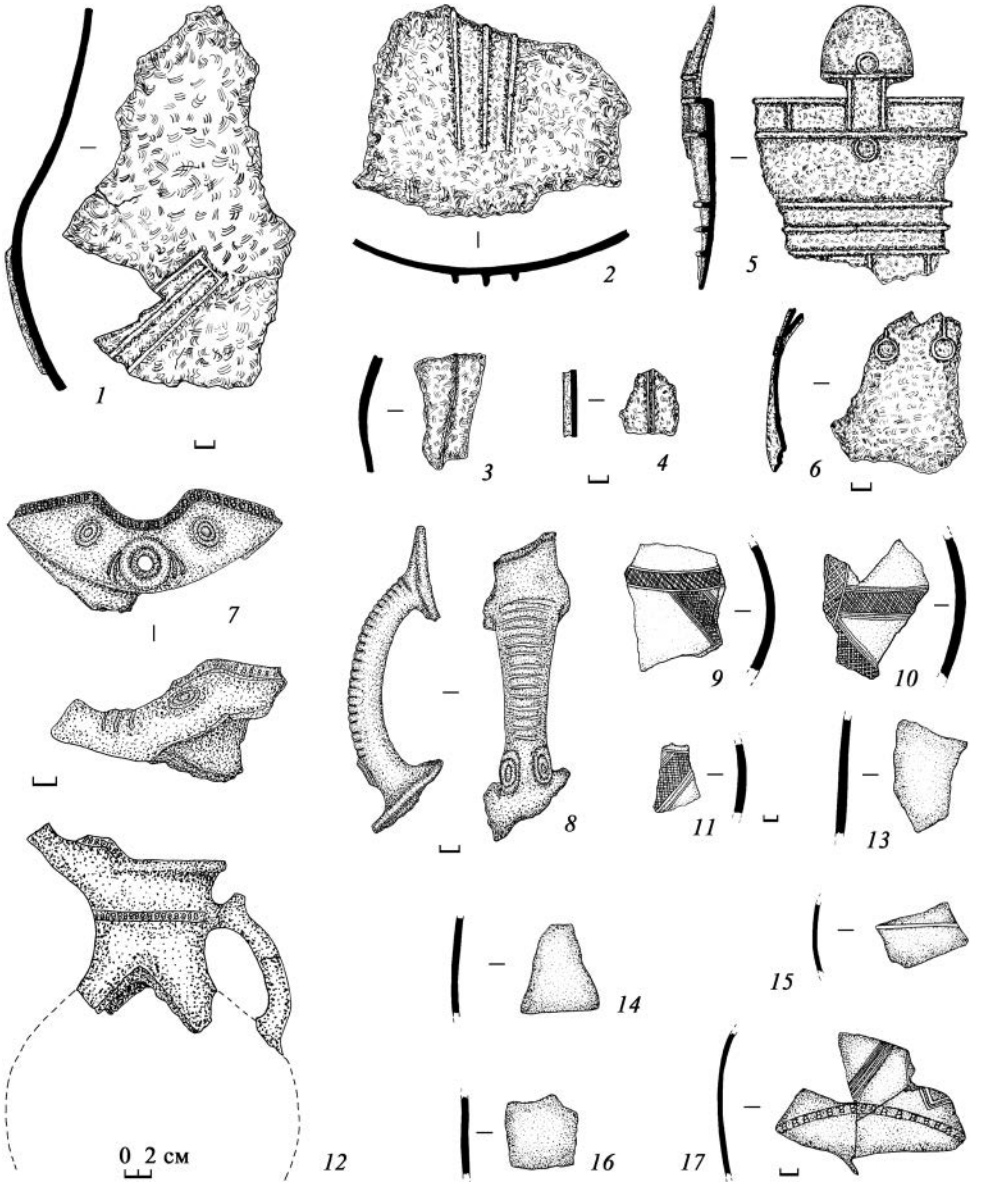


Рис. 4. Находки из катакомбы (погребение № 1) у г. Магас (Насыр-Корт)

1–6 фрагменты литого бронзового котла; *7–17* – фрагменты керамических сосудов (по: *Бурков*, 1996)

В таком случае объяснить появление насыр-кортовской и хабазской находок можно в рамках возвратного движения гуннов на восток после Каталаунских полей (451 г.) и Недао (455 г.) (*Чеченов*, 1987. С. 51), хотя активность последних на Кавказе отмечалась на протяжении и всей первой половины V в. (*Гадло*,

1979. С. 9–70). Во всяком случае, хронологический контекст обоих котлов оснований для более ранней даты не дает[7]. Кстати, такие котлы оставались в обиходе на Северном Кавказе, судя по находке в Малаях (Краснодарский край), и позже (*Лимберис, Марченко*, 2011. С. 420–439)[8].

Отметим, что в состав сопутствующего инвентаря входили также глиняные сосуды, в целом, насколько можно судить по фрагментам, обычные для керамической традиции аланской культуры (рис. 4, *7–17*). Авторы первых публикаций в одном из них увидели черты экзотического для Северного Кавказа животного – слона (*Кодзоев*, 2006. Рис. на с. 22, 23; *Бурков*, 2012. С. 43), однако подобная трактовка вызывает сомнения: такие полузакрытые венчики с трубчатыми сливами и ручки – гребенчатые, с рифлением (рис. 4, *7, 8, 12*) – появляются довольно рано и нередко встречаются и в других памятниках второй трети I тыс. н. э. Северо-Восточного Кавказа (см., например: *Гмыря*, 1994; *Мамаев*, 2009. С. 88, 89) – в частности, в катакомбе соседнего могильника Экажево I, датированной временем не позднее рубежа III–IV вв., был найден кувшин с аналогичным сливом (*Воронин, Малашев*, 2006. С. 56. Рис. 10, *1*).

Таким образом, если исходить из хронологии наиболее выразительных предметов насыр-кортовской (магасской) катакомбы, рассмотренных выше, то ее можно датировать в рамках последней трети V в.

Сложнее ситуация с этнокультурной характеристикой, которая, казалось бы, в данном случае определяется традиционным погребальным обрядом (*Габуев, Малашев*, 2009) – это аланское катакомбное захоронение. Его высокий ранг устанавливается статусными предметами, относящимися к так называемой интернациональной «княжеской» моде. Вместе с тем обращает на себя внимание наличие в этом наборе некоторых необычных для алан вещей, таких, например, как гуннский котел – подобный в собственно аланских погребениях до сих пор не встречался (см., например: *Савенко*, 2009. С. 340–342), или гривна (?), которая, по описаниям очевидцев, состояла из плетеной цепи с застежкой (медальоном), – такие в тех же аланских древностях Северного Кавказа рассматриваемого времени, судя по имеющимся обзорам, также неизвестны (*Абрамова*, 1997; *Казанский, Мастыкова*, 2001), но, насколько можно судить, встречаются в степных комплексах постгуннского времени (*Засецкая и др.*, 2007).

---

[7] Этому вполне соответствует и датировка хабазских склепов второй половиной V в., к чему в итоге склонился И. М. Чеченов. Нужно отметить, что котел из Хабаза носил следы длительного использования и ремонта (*Чеченов*, 1987. С. 43, 51). Не противоречат этой дате и найденные здесь крупные янтарные бусы, время наибольшего распространения которых приходится на последнюю треть V – первую половину VI в. (см., например: *Мастыкова*, 2009. С. 95–98).

[8] Но при этом следует отметить, что в памятниках, например, «страны гуннов» в приморском Дагестане пока вообще нет ни одного подобного предмета (см., например: *Гмыря*, 2009), являющегося характерным элементом культуры этого общества и к тому же наделенного культовыми функциями (*Засецкая*, 1994. С. 104–108); о сакральной / социальной роли котлов в кочевой среде вообще, например скифских, см. (*Кузнецова*, 2008).

Захоронения такого имущественного и социального уровня совершались, как правило, под курганными насыпями. В данном случае последняя не была зафиксирована, однако на ее существование косвенно указывает не только факт его нахождения погребения в курганной группе, но и другие обстоятельства. Так, само погребение по своему «наполнению» близко наиболее богатым подкурганным – «княжеским» катакомбам расположенного неподалеку могильника Брут 1 (см., например: *Туаллагов*, 2007; *Габуев*, 2012). Кроме того, судя по сохранившимся данным, рядом с погребением (под одной насыпью?) располагались и поврежденные строителями подпрямоугольные «ямы» (названные С. Б. Бурковым «обманками») с отдельными находками (керамика, часть железного ножа) и фрагментированными костями скелетов. Не исключено, что они могли являться дромосами неглубоких грунтовых камер – наподобие тех, что имели место в Бруте 2 (*Габуев, Малашев*, 2009).

Таким образом, материалы «княжеской» катакомбы у Насыр-Корта в равнинной Ингушетии вполне соответствуют картине развития аланских племен Северного Кавказа, наметившейся еще в догуннский период (Там же), характеризуя не только облик их материальной культуры, но и процессы стратификации этого социума на путях образования раннеклассового общества.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. М.: ИА РАН. 165 с.

Амброз А. К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука. 134 с.

Багаев М. Х., Даутова Р. А., 2013. Галайтинский клад в контексте темы раннесредневековых вождеств на Северном Кавказе // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья: тезисы докл. Междунар. семинара. Махачкала, 13–17 ноября 2013 г. / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН. С. 7–9.

Батчаев В. М., 1984. Гуннский котел из селения Хабаз // СА. № 1. С. 256–258.

Боковенко Н. А., Засецкая И. П., 1993. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // ПАВ. 3. С. 73–88.

Бурков С. Б., 1996. Отчет о работах по хоздоговорной теме: «Археологический надзор за производством земляных работ в зоне подъездной дороги к г. Магас в 1995 г. на землях с. Насыр-Корт Назрановского района (левобережный участок)» раздела комплексной темы «Изучение и сохранение культурного наследия (памятников археологии) в Назрановском районе Республики Ингушетия» между управлением «Ингушавтодор» и Государственной инспекцией по охране памятников археологии при Министерстве культуры Республики Ингушетия по договору от 10.07.95 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 26057.

Бурков С. Б., 2008. Исследование археологических памятников в зоне строительства столицы Ингушетии – города Магаса в 1994–1996 гг. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII: Крупновские чтения 1971–2006 / Гл. ред. А. Б. Белинский. М.; Ставрополь: Памятники исторической мысли, Наследие. 2008. С. 732, 733.

Бурков С. Б., 2012. Археологические памятники города Магаса в периодической печати Ингушетии // Магас: вчера, сегодня, завтра: материалы республиканской научно-практической конф., Магас, 10 апреля 2012 г. Магас. С. 28–70.

Воронин К. В., Малашев В. Ю., 2006. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М.: ИА РАН. 152 с.

Габуев Т. А., 2012. О культурной атрибуции золотых предметов из могильника Брут 1 в Северной Осетии // РА. № 1. С. 90–99.

Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.

Гадло А. В., 1979. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Ленинградский ун-т. 216 с.

Гмыря Л. Б., 1994. О связях населения Прикаспийского Дагестана в эпоху Великого переселения народов // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований институтов ИАЭ и ЯЛИ в 1992–1993 гг. (31 мая – 1 июня 1994 г.). Махачкала. С. 15–19.

Гмыря Л. Б., 2009. Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв. (по данным письменных источников). Махачкала: Наука ДНЦ. 540 с.

Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс Лтд. 222 с.

Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С., 2007. Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Государственный Эрмитаж. 212 с.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2001. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Отв. ред. М. П. Абрамова, В. И. Марковин. М.: ИА РАН. С. 138–161. (МИАР; № 3.)

Казанский М. М., Перен П., 2005. Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований // КСИА. Вып. 218. С. 24–41.

Ковалевская В. Б., 2001. К вопросу о возможностях сравнительного анализа в археологии // МИФ 7. София. С. 61–76.

Кодзоев Н. Д., 2001. Археологические памятники Магаса // Вестник Археологического центра. Вып. I. Назрань. С. 80–82.

Кодзоев Н. Д., 2003. Магас по археологическим и письменным источникам. Магас: Сердало. 152 с.

Кодзоев Н. Д., 2006. Город Назрань. Магас: Сердало. 272 с.

Кузнецова Т. М., 2008. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: Таус. С. 173–198.

Левченко Д. И., Супруненко А. Б., 1994. Находки гуннского времени в низовьях Ворсклы // Супруненко А. Б. Курганы Нижнего Поворсклья. М.; Полтава. С. 74–80.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2011. Погребения эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья из курганов степного Прикубанья // Петербургский апокриф. Послание от Марка: Сборник посвящен памяти М. Б. Щукина / Отв. ред. О. В. Шаров. СПб.; Кишинев: Ун-т «Высшая антропологическая школа». С. 417–441. (Stratum библиотека.)

Малашев В. Ю., 2009. Хронология могильника Брут 2 и проблемы культурной истории населения центральных районов Северного Кавказа II–IV вв. н. э. // Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ИА РАН, Таус. С. 115—162.

Мамаев Х. М., 2009. Чишкинское «поселение» (Аргунское ущелье, Чечня) // ИАА. № 9. С. 81–93.

Мамаев Х. М., Бурков С. Б., 2013. «Княжеский» комплекс эпохи Великого переселения народов из предгорной Ингушетии // Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья: тезисы докл. Междунар. семинара. Махачкала, 13–17 ноября 2013 г. / Отв. ред. А. В. Мастыкова. М.: ИА РАН. С. 30–32.

Мастыкова А. В., 2005. Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошами на Северном Кавказе в V–VI вв. // РА. № 1. С. 22–36.

Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.

Минасян Р. С., 2007. Технические особенности ювелирных изделий из Морского Чулека // Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С. Морской Чулек. Погребения знати

из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 147–158.

Перен П., 2005. О происхождении гранатов на вещах инкрустированного стиля из базилики Сен-Дени во Франции // КСИА. Вып. 218. С. 42–47.

Савенко С. Н., 2009. Аланские всадники в письменных источниках и археологических данных: Вопросы сравнительного анализа // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX: Археология, краеведение / Глав. ред. А. Б. Белинский. Ставрополь: Наследие. С. 331–358.

Туаллагов А. А., 2007. Раннеаланский период на территории современной Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 2 / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. иссл. им. В. И. Абаева. С. 61–108.

Чеченов И. М., 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 3 / Отв. ред. В. А. Кузнецов. Нальчик: Эльбрус. С. 40–169.

Щукин М. Б., 2005. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ. 576 с.

Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв.: каталог выставки (Москва, 12 марта – 13 мая; Санкт-Петербург, 19 июня – 16 августа 2007 г.) / Hrsg. W. Menghin. Berlin: Edition Minerva, 2007. 591 с.

Quast D., 2006. Mediterrane Scheibenfibeln der Völkerwanderungszeit mit Closionnéverzierung-eine typologische und chronologische Übersicht // Archäologisches Korrespondenzblatt / Jahgang 36. Heft 2. S. 259–278.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR International Series; 1535.)

Tejral J., 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. Bd. 72. S. 223–304.

Tejral J., 2007. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologiský Ústav Akademie věd České Republiky Brno. S. 55–119.

Сведения об авторе.

Мамаев Хамид Магомедович, Центр археологических исследований Института гуманитарных исследований АН Чеченской Республики, проспект им. М. Эсамбаева, 13, Грозный, Россия (Чеченская Республика); e-mail: mamaev.07@list.ru.

Kh. M. Mamaev

A princely burial near the town of Magas (Ingushetia)

Abstract. This article examines materials from a rich Alanian catacomb burial dating from the last third of the 5th c., which was excavated on the left bank of the River Sunzha in the plain region of Ingushetia in the mid-1990s. After it had been discovered by chance, the burial was looted. In this particular individual burial, however, numerous items of encrusted jewellery were found. The jewellery was made from gold using the cloisonne technique (a fibula, rings, part of a belt-set and other objects), which

shows that its owner had belonged to a high stratum within Alanian society. There were also other unusual objects in the burial (a cauldron of a «Hunnic» type, torques with medallion-clasps), which show that so-called international royal fashion had made its way into this society. The main source from which these items would have penetrated into the Northern Caucasus would evidently have been Mediterranean workshops. In this instance, however, it would seem that the majority of the grave goods had been brought to the burial in question from European centres, when some of the Huns were returning east and also the Alanian tribes associated with them after the battles of Nedao and the Catalaunian Plains.

Keywords: period of the Great Migration of the Peoples, Alanian catacomb, princely status, plain region of Ingushetia, Magas, Nasyr-Kort.

REFERENCES

Abramova M. P., 1997. Ranniye alany Severnogo Kavkaza [Early Alans of North Caucasus]. Moscow: IA RAN. 165 p.

Ambroz A. K., 1989. Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza V–VII vv. [Chronology of antiquities of North Caucasus of V–VII cc.]. Moscow: Nauka. 134 p.

Bagayev M. Kh., Dautova R. A., 2013. Galaytinsky klad v kontekste temy rannesrednevekovykh vozhdestv na Severnom Kavkaze [Galaytin hoard in context of theme of early medieval chiefdoms in North Caucasus]. *Rannegosudarstvennyye obrazovaniya i «knyazheskaya» kul'tura na Severnom Kavkaze v kontse antichnosti – nachale srednevekov'ya* [*Early state formations and «princely» culture in North Caucasus in late Antiquity – early Middle Ages*]. A. V. Mastykova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 7–9.

Batchayev V. M., 1984. Gunnsky kotel iz seleniya Khabaz [Hun cauldron from village Khabaz]. *SA,* 1, pp. 256–258.

Bokovenko N. A., Zasetskaya I. P., 1993. Proiskhozhdeniye kotlov «gunnskogo tipa» Vostochnoy Yevropy v svete problemy khunno-gunnskikh svyazey [Origin of cauldrons of «Hun type» of Eastern Europe in light of Hsiunnu-Hun relations]. *Peterburgsky arkheologichesky vestnik* [*Petersburg Archaeological Bulletin*], 3, pp. 73–88.

Burkov S. B., 1996. Report on rescue works on theme «Archaeological supervision over earthwork in zone of road to city Magas in 1995 at lands of village Nasyr-Kort, Nazran district». *Archive of IA RAN.* (In Russian, unpublished)

Burkov S. B., 2008. Issledovaniye arkheologicheskikh pamyatnikov v zone stroitel'stva stolitsy Ingushetii – goroda Magasa v 1994–1996 gg. (XXII Krupnovskiye chteniya. Yessentuki – Kislovodsk, 2002) [Research of archaeological sites in zone of construction of capital city of Ingushetia – Magas in 1994–1996 (XXII Krupnov readings. Yessentuki – Kislovodsk. 2002)]. *Krupnovskiye chteniya 1971–2006* [*Krupnov readings 1971–2006*]. A. B. Belinsky, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli; Stavropol': Naslediye, 2008, pp. 732–733.

Burkov S. B., 2012. Arkheologicheskiye pamyatniki goroda Magasa v periodicheskoy pechati Ingushetii [Archaeological sites of city Magas in periodical press of Ingushetia]. *Magas: vchera, segodnya, zavtra* [*Magas: yesterday, today, tomorrow*]. Magas, pp. 28–70.

Chechenov I. M., 1987. Novyye materialy i issledovaniya po srednevekovoy arkheologii Tsentral'nogo Kavkaza [New materials and researches on medieval archaeology of Central Caucasus]. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [*Archaeological researches in construction zones of Kabardino-Balkaria in 1972–1979*], 3. V. A. Kuznetsov, ed. Nal'chik: El'brus, pp. 40–169.

Epokha Merovingov – Yevropa bez granits. Arkheologiya i istoriya V–VIII vv. [Merovingian epoch – Europe without borders. Archaeology and history of V–VIII cc.], 2007. Katalog vystavki. [Moscow,

March 12 – May 13; St. Petersburg, June 19 – August 16, 2007]. W. Menghin, ed. Berlin: Edition Minerva. 591 p.

Gabuyev T. A., 2012. O kul'turnoy atributsii zolotykh predmetov iz mogil'nika Brut 1 v Severnoy Osetii [On cultural attribution of golden artifacts from cemetery Brut 1 in North Ossetia]. *RA*, 1, pp. 90–99.

Gabuyev T. A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Early Alans' sites in central regions of North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.

Gadlo A. V., 1979. Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv. [Ethnic history of North Caucasus of IV–X cc.]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 215 p.

Gmyrya L. B., 1994. O svyazyakh naseleniya Prikaspiyskogo Dagestana v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [On relations of population of Dagestan in Great Migration Period]. *Tezisy dokladov nauchnoy sessii, posvyashchennoy itogam ekspeditsionnykh issledovany Instituta istorii, arkheologii i etnografii i Instituta yazyka, literatury i iskusstva v 1992–1993 gg.* [*Abstracts of reports at scientific session devoted to the results of expeditions of Institute of History, Archaeology and Ethnography and Institute of Language, Literature and Arts in 1992–1993*]. Makhachkala, pp. 15–19.

Gmyrya L. B., 2009. Religioznyye predstavleniya naseleniya Prikaspiyskogo Dagestana v IV–VII vv. (po dannym pis'mennykh istochnikov) [Religious ideas of population of Caspian Dagestan in IV–VII cc. (on data of written sources)]. Makhachkala: Izdatel'stvo «Nauka» Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. 540 p.

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 2001. Tsentry vlasti i torgovyye puti v Zapadnoy Alanii v V–VI vv. [Centers of power and trade routes in West Alania in V–VI cc.]. *Severny Kavkaz: istoriko-arkheologicheskiye ocherki i zametki* [*North Caucasus: historical-archaeological essays and notes*]. M. P. Abramova, V. I. Markovin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 138–161.

Kazansky M. M., Périn P., 2005. Mogila Khil'derika (481/482 g.): sostoyaniye issledovany [Grave of Childeric (481/482): state of research]. *KSIA,* 218, pp. 24–41.

Kodzoyev N. D., 2001. Arkheologicheskiye pamyatniki Magasa [Archaeological sites of Magas]. *Vestnik Arkheologicheskogo tsentra* [*Bulletin of Archaeological centre*], I. Nazran', pp. 80–82.

Kodzoyev N. D., 2003. Magas po arkheologicheskim i pis'mennym istochnikam [Magas according to archaeological and written sources]. Magas: Serdalo. 152 p.

Kodzoyev N. D., 2006. Gorod Nazran' [City of Nazran']. Magas: Serdalo. 272 p.

Kovalevskaya V. B., 2001. K voprosu o vozmozhnostyakh sravnitel'nogo analiza v arkheologii [Concerning the problem of possibilities of comparative analysis in archaeology]. *MIF* [*MIF*], 7. Sofiya, pp. 61–76.

Kuznetsova T. M., 2008. Sotsial'nyye indikatory v pogrebal'nom obryade skifov (bronzovyye kotly) [Social markers in burial rite of Scythians (bronze cauldrons)]. *Problemy sovremennoy arkheologii* [*Problems of modern archaeology*]. M. G. Moshkova, ed. Moscow: Taus, pp. 173–198.

Levchenko D. I., Suprunenko A. B., 1994. Nakhodki gunnskogo vremeni v nizov'yakh Vorskly [Finds of Hun time in Lower Vorskla reaches]. *Suprunenko A. B. Kurgany Nizhnego Povorskl'ya* [*Kurgans of Lower Vorskla basin*]. Moscow: Poltava, pp. 74–80.

Limberis N. Yu., Marchenko I. I., 2011. Pogrebeniya epokhi velikogo pereseleniya narodov i rannego srednevekov'ya iz kurganov stepnogo Prikuban'ya [Burials of Migration Period and early Middle Ages from kurgans of steppe Kuban region]. *Peterburgsky apokrif. Poslaniye ot Marka: Sbornik posvyashchen pamyati M. B. Shchukina* [*Petersburg apocrypha. Epistle from Marcus: Collection of articles devoted to memory of M. B. Shchukin*]. O. V. Sharov, ed. St. Petersburg; Kishinev: Izdatel'stvo Stratum plus, pp. 417–441.

Malashev V. Yu., 2009. Khronologiya mogil'nika Brut 2 i problemy kul'turnoy istorii naseleniya tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza II–IV vv. n. e. [Chronology of cemetery Brut 2 and problems of cultural history of population of central regions of North Caucasus of II–IV cc. AD]. *Gabuyev T. A., Malashev V. Yu. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza* [*Early Alans' sites in central regions of North Caucasus*]. Moscow: Taus, pp. 115–162.

Mamayev Kh. M., 2009. Chishkinskoye «poseleniye» (Argunskoye ushchel'ye, Chechnya) [Chishki «settlement» (Argun gorge, Chechnya)]. *Istoriko-arkheologichesky al'manakh* [*Historical-archaeological miscellany*], 9. Armavir: Armavirsky krayevedchesky muzey; Krasnodar; Moscow: IA RAN, pp. 81–93.

Mamayev Kh. M., Burkov S. B., 2013. «Knyazhesky» kompleks epokhi velikogo pereseleniya narodov iz predgornoy Ingushetii [«Princely» complex of Great Mirgation Period from piedmonts of Ingushetia]. *Rannegosudarstvennyye obrazovaniya i «knyazheskaya» kul'tura na Severnom Kavkaze v kontse antichnosti – nachale srednevekov'ya* [*Early state formations and «princely» culture in North Caucasus in late Antiquity – early Middle Ages*]. A. V. Mastykova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 30–32.

Mastykova A. V., 2005. Sredizemnomorsky zhensky kostyum s fibulami-broshami na Severnom Kavkaze v V–VI vv. [Mediterranean female costume with fibulae-brooches in North Caucasus in V–VI cc.]. *RA*, 1, pp. 22–36.

Mastykova A. V., 2009. Zhensky kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n. e. [Female costume of Central and West Caucasus Piedmont in the end of IV – middle VI cc. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.

Périn P., 2005. O proiskhozhdenii granatov na veshchakh inkrustirovannogo stilya iz baziliki Sen-Deni vo Frantsii [On origins of garnets on objects of incrusted style from St. Denis basilica in France]. *KSIA*, 218, pp. 42–47.

Quast D., 2006. Mediterrane Scheibenfibeln der Völkerwanderungszeit mit Closionnéverzierung-eine typologische und chronologische Übersicht. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, Jahrgang 36, Heft 2, pp. 259–278.

Savenko S. N., 2009. Alanskiye vsadniki v pis'mennykh istochnikakh i v arkheologicheskikh dannykh: voprosy sravnitel'nogo analiza [Alan riders in written sources and archaeological data: problems of comparative analysis]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza, IX* [*Materials on research of historical-cultural heritage of North Caucasus, IX*]. A. B. Belinsky, ed. Stavropol': Naslediye, pp. 331–358.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR International Series. 1535).

Shchukin M. B., 2005. Gotsky put'. Goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura [Goths' path. Goths, Rome and Chernykhov culture]. St. Petersburg: Filologichesky fakul'tet St. Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 576 p.

Tejral J., 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum. *Archaeologia Austriaca,* 72, pp. 223–304.

Tejral J., 2007. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie. *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. J. Tejral, ed. Brno: Archeologiský Ústav Akademie věd České Republiky Brno, pp. 55–119.

Tuallagov A. A., 2007. Rannealansky period na territorii sovremennoy Severnoy Osetii [Early Alan period in territory of modern North Ossetia]. *Arkheologiya Severnoy Osetii* [*Archaeology of North Ossetia*], 2. A. A. Tuallagov, ed. Vladikavkaz: Severo-osetinsky institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovany im. V. I. Abayeva, pp. 61–108.

Voronin K. V., Malashev V. Yu., 2006. Pogrebal'nyye pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka ravninnoy zony Respubliki Ingushetiya [Burial sites of the Bronze and Early Iron age in plain zone of Republic Ingushetia]. Moscow: Institut arkheologii Rossiyskoy akademii nauk. 152 p.

Zasetskaya I. P., 1994. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV – V vv.) [Culture of nomads of South Russian steppes in Hun epoch (end of IV–V cc.)]. St. Petersburg: Ellips Ltd. 224 p.

Zasetskaya I. P., Kazansky M. M., Akhmedov I. R., Minasyan R. S., 2007. Morskoy Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu

epokhu [Morskoy Chulek. Burials of aristocracy from Azov Sea region and their position in history of tribes of North Pontic zone in post-Hun epoch]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 212 p.

About the author.

Mamaev Khamid M., Center of archeological research, Institute for the Humanities, Academy of Sciences of Chechen Republic, M. Esembaev prosp., 13, Grozny, Russia (Chechen Republic); e-mail: mamaev.07@list.ru.

В. Ю. Малашев

АЛАНСКАЯ КУЛЬТУРА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ПРОБЛЕМА РАННЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ У НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА ВО II–IV вв. н. э.

Резюме. Во II–IV вв. н. э. на территории предгорий Центрального и Северо-Восточного Кавказа возникают крупные городища (площадью до 1,5 км^2) с развитой фортификацией и связанные с ними некрополи (площадью до 7 км^2) с подкурганными катакомбами. Высокий экономический потенциал населения нашел отражение в строительстве громадных фортификационных сооружений и сооружении трудоемких погребальных конструкций, что требовало высокой организации общества. Присутствие значительного количества крупных городищ, которые можно считать особого типа городами, свидетельствует о процессах урбанизации. Высокая концентрация населения, наличие городов с высокой плотностью населения, развитые ремесла и сельское хозяйство, широкая география контактов позволяет ставить вопрос о наличии определенной структуры и организации данного общества. Можно считать, что население, оставившее памятники аланской культуры Северного Кавказа II–IV вв. н. э., находилось на стадии развития общественно-политических отношений государственного типа, а его политическую организацию сопоставлять с ранними государствами (по Л. Е. Гринину).

Ключевые слова: Северный Кавказ, аланская культура, II–IV вв. н. э., раннегородские центры, ранняя государственность.

История археологического изучения аланских древностей Северного Кавказа насчитывает более столетия. Однако достаточно долгое время это были небольшие по объемам раскопки и отдельные случайно открытые комплексы. Начало периода наиболее интенсивного накопления материалов относится к 60–70-м гг. XX в., когда были раскопаны и опубликованы, хоть и незначительные по объему, материалы могильников Братское, Октябрьское, Брут и Виноградный (см. сводку: *Абрамова*, 1997. С. 9–25). К этому же времени относится начало обобщения полученных материалов. В качестве самостоятельной археологической культуры в систематизированном виде древности средневековых алан были представлены В. А. Кузнецовым: им выделена соответствующая археологическая культура (аланская), дана ее хронология (V–XIII вв.), сформулированы основные критерии выделения, очерчена занимаемая территория

и намечены локальные варианты (*Кузнецов*, 1962). Предложенные В. А. Кузнецовым общие диагностические признаки культуры стали основой для последующего изучения проблемы. Основная корректировка и пересмотр касались хронологической атрибуции и интерпретации городищ с земляными укреплениями. Поселенческие памятники исследовались в незначительном объеме – небольшие по площади раскопки городищ Нижний Джулат (*Чеченов*, 1967) и Алхан-кала (*Виноградов*, 1965; 1966); авторами раскопок эти материалы атрибутировались как раннесредневековые. Резкое увеличение количества материалов происходит в 90-е гг. и связано с работами на Бесланском (Ф. С. Дзуцев) и Зарагижском II (Б. Х. Атабиев) могильниках. Прорывом в этом направлении можно считать работы И. А. Аржанцевой на Зилгинском городище в Северной Осетии, давшие основания для кардинального пересмотра прежних представлений о хронологии земляных городищ. Передатировка Д. В. Деопиком основных напластований Зилгинского городища с раннего Средневековья на II–IV вв. н. э. (*Деопик*, 1988; *Аржанцева, Деопик*, 1989), а вслед за этим Д. В. Деопиком и В. Ю. Малашевым всей группы подобных памятников позволила сформировать новую точку зрения на культурную ситуацию в центральных и восточных районах Северного Кавказа и изменить взгляд на историю региона во II–IV вв. н. э. (*Деопик*, 1988; *Аржанцева, Деопик*, 1989; *Arzhantseva et al.*, 2000; *Малашев*, 2007; *Габуев, Малашев*, 2009. С. 144–164). Наличие на земляных городищах наиболее мощных напластований, относящихся ко II–IV вв. н. э., нашло подтверждение в раскопках Ф. С. Дзуцевым Бесланского могильника (некрополя Зилгинского городища), давшего значительные серии комплексов III–IV вв. н. э., а также некрополя Брутского городища, материалы которого включают наиболее ранние на сегодняшний день погребения аланской культуры (второй половины II в. н. э.) (*Габуев, Малашев*, 2009). Таким образом, изменение количества и качества археологических источников за последние два десятилетия позволило лишь в настоящее время подойти к пониманию истории региона первой половины I тыс. н. э.

Представлю в кратком виде состояние данной проблемы на сегодняшний день. Во II–IV вв. н. э. на территории предгорий и равнин Центрального Кавказа наблюдается культурный феномен: в короткий срок возникают значительные по площади городища (до 1,5 км²) с развитой фортификацией, сложной структурой (в том числе четко выделенной цитаделью) и связанные с ними могильные поля до 7 км² с подкурганными катакомбами. Судя по материалам Зилгинского городища, процесс образования этих протогородов (раннегородских центров, городов) заканчивается ко 2-й половине II в. н. э. (*Аржанцева, Деопик*, 1989; *Аржанцева, Малашев*, 1999; *Arzhantseva et al.*, 2000; *Воронин, Малашев*, 2006. С. 57–59; *Габуев, Малашев*, 2009. С. 144–150). Это свидетельствует о наличии во II–IV вв. н. э. социальной организации населения, необходимой для создания трудоемких фортификационных сооружений (в виде рвов протяженностью каждый несколько сот метров и первоначальной глубиной до 12 м). Значительная мощность культурного слоя (около 5 м на цитадели и 1 м на периферии) и насыщенность его материалом отражают высокую интенсивность жизни. Результаты раскопок говорят о наличии в это время развитых ремесел – гончарного, производства металла, металлообработки.

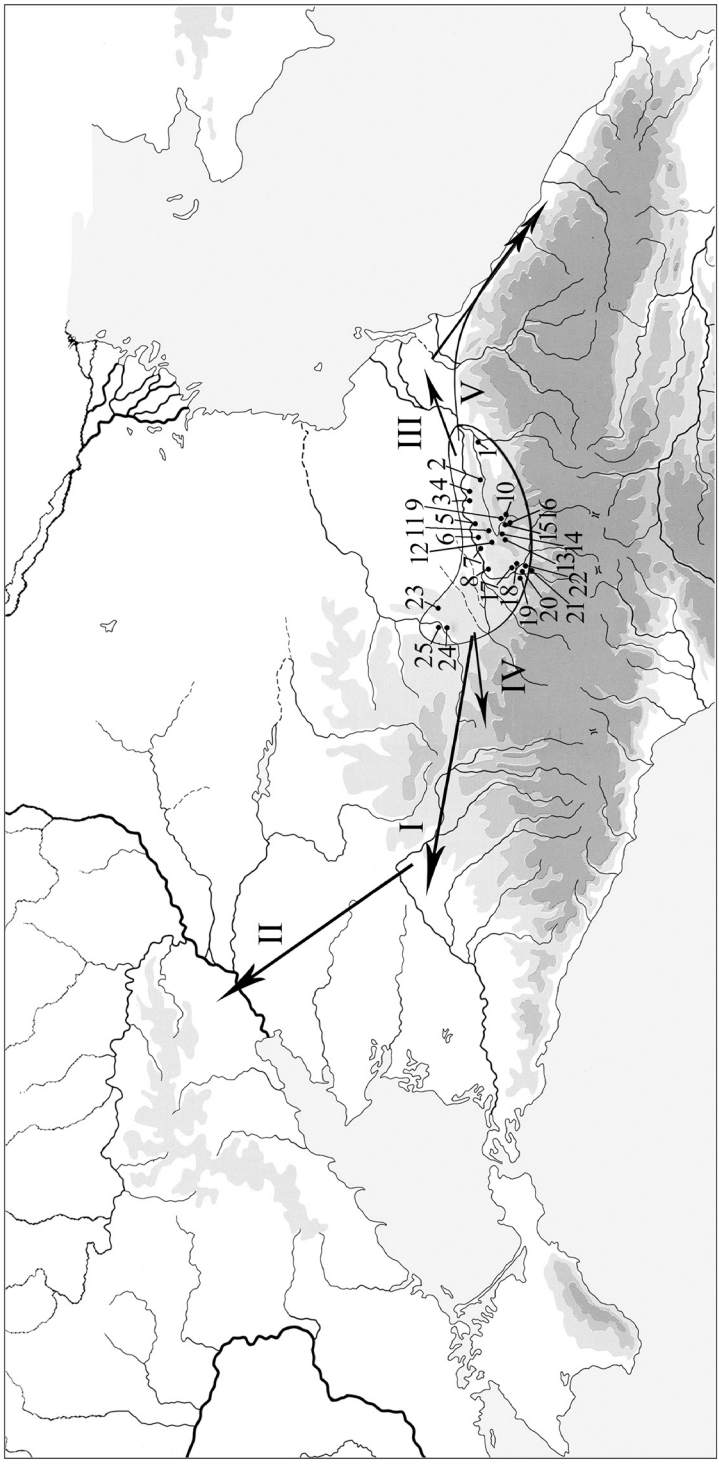


Рис. 1. «Метрополия» аланской культуры II–IV вв. н. э., миграции ее носителей и наиболее известные памятники (топонимы):

1 – Гудермес; *2* – Алхан-Кала; *3* – Братское; *4* – Октябрьское; *5* – Виноградный; *6* – Киевское; *7* – Хамидие; *8* – Нижний Джулат; *9* – Экажево; *10* – «Ачим-Боарз»; *11* – Насыр-Корт; *12* – Раздзог; *13* – Заманкул; *14* – Брут; *15* – Зильга; *16* – Беслан; *17* – Терекское; *18* – Эльхотово; *19* – Урвань; *20* – Аргудан; *21* – Ст. Лескен; *22* – Змейская; *23* – Пегушин; *24* – Юца; *25* – Иноземцево

Миграции: *I* – в Прикубанье (1-я пол. III в. н. э.); *II* – на Нижний Дон (1-я пол. – сер. III в. н. э.); *III* – в Терско-Сулакское междуречье (1-я пол. – сер. III в. н. э.); *IV* – во внутренние районы Пятигорья (1-я пол. IV в. н. э.); *V* – в Южный Дагестан с населением Терско-Сулакского междуречья (1-я пол. IV в. н. э.)

О наличии устойчивых контактов с другими территориями свидетельствуют, с одной стороны, находки импортов (светлоглиняных амфор, фрагментов краснолаковых сосудов, закавказской керамики, стеклянных сосудов) в культурном слое городищ и в погребениях, с другой – вывоз в степную полосу собственной керамической продукции (*Мошкова*, 1980; *Гугуев, Гугуев*, 1987; *Гугуев*, 1994; *Деопик*, 1988; *Аржанцева, Деопик*, 1989; *Arzhantseva et al.*, 2000), встреченной на значительной территории – от Нижнего Дона до Южного Приуралья. В качестве наиболее известных можно указать городища Нижний Джулат, Терекское, Хамидиевское, Урваньское, Аргуданское, Старо-Лескенское, Алхан-Калинское, «Ачим-Боарз», Брутское, Киевское, Братское, Эльхотовское, Змейское, Раздогское и др. (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 145). Важно, что наиболее мощные напластования, судя по характерным чертам керамического комплекса и датирующему материалу, относятся ко II–IV вв. н. э. Основная территория распространения памятников этого круга охватывает центральные и отчасти восточные районы Северного Кавказа. С востока эти памятники ограничивает культурно обособленная группа городищ типа Андрей-аул в Северном Дагестане (Терско-Сулакское междуречье), керамический комплекс которых отличается от центральнокавказского; на западе они доходят до Пятигорья (рис. 1).

С перечисленными выше городищами связаны могильники, занимающие значительные площади (Алхан-Кала, Братское, Октябрьское, Виноградный, Бесланский, Брут 2 и др.) (рис. 1). В состав наиболее крупных некрополей входят курганы высотой от 3 до 8 м. Для погребальных памятников этих городищ начиная со второй половины II в. н. э. в отношении типа конструкции погребального сооружения также можно говорить о вполне отчетливом обособлении: с запада – от памятников внутренних районов Пятигорья, с востока – от памятников территории Дагестана. Все сказанное выше в отношении памятников аланской культуры позволяет выдвинуть гипотезу об ее обособленности от культур Северо-Западного Кавказа и Дагестана. Таким образом, о рассматриваемых памятниках можно говорить как о самостоятельной культурной группе с единым керамическим комплексом, погребальным обрядом, локализованной в одной ландшафтной зоне.

Важной причиной расцвета культуры являлась благоприятная экологическая обстановка. Результаты палеопочвенных исследований свидетельствуют о том, что в рамках рубежа I/II – середины II в. н. э. происходит заметное усиление увлажненности климата, достигающее пика к рубежу IV/V в. н. э. (*Хохлова и др.*, 2009. С. 317). Именно этот фактор мог способствовать резкому росту производительных сил, созданию высокой (несопоставимой с другими периодами древней и средневековой истории региона) плотности населения, появлению городов с развитыми ремеслами. О благоприятной экологической обстановке и, как следствие этого, высокой урожайности и значительном количестве стада также свидетельствуют многочисленные зерновые ямы на городищах и крупные тарные сосуды, находки жерновов ручной мельницы, обилие костей животных в культурном слое. Уровень экономического благосостояния населения может характеризоваться богатством погребального инвентаря, заметно превосходящим степные погребения этого времени.

Исходя из современного понимания археологических источников, можно представить основные моменты истории населения аланской культуры во II–IV вв. н. э. Начало формирования аланской культуры можно отнести к концу I – началу II в. н. э. (*Малашев*, 2007; *Габуев, Малашев*, 2009. С. 148, 149). Во второй половине II в. н. э. мы фиксируем аланскую культуру полностью сложившейся, как в отношении керамического комплекса и структуры поселенческих памятников, так и в аспекте, связанном с погребальным обрядом, – то есть культурного комплекса в целом. В первой половине III в. н. э. военная экспансия носителей аланской культуры привела к исчезновению оседлого населения Среднего Прикубанья и погребений типа «Золотого кладбища» (*Яценко*, 1997. С. 157; *Мошкова, Малашев*, 1999. С. 199, 200; *Малашев*, 2000. С. 211). К этому же времени относится миграция центральнокавказского населения в Северный Дагестан (Терско-Сулакское междуречье), которая отразилась в появлении на этой территории Т-образных катакомб и формировании памятников нового облика (синтез традиций среднесарматской и аланской культур) – типа Львовских могильников (*Малашев*, 2008; *Габуев, Малашев*, 2009. С. 158–160). В середине III в. н. э. центральнокавказские аланы становятся одним из наиболее крупных объединений на юге Восточной Европы. Со второй половины III в. н. э. на Нижнем Дону происходит массовое распространение подкурганных катакомб центральнокавказского типа; в «развитом» IV в. н. э. они уже доминируют (*Безуглов*, 1990. С. 85). Говоря о последующих миграциях, необходимо сказать о перемещении носителей аланской культуры с равнинной территории Пятигорья во внутренние районы в первой половине IV в. н. э. (*Коробов и др.*, 2014) и о миграции носителей аланской культуры вместе с населением Терско-Сулакского междуречья в первой же половине IV в. н. э. в Южный Дагестан (*Малашев*, 2008; *Габуев, Малашев*, 2009. С. 158–160) (рис. 1).

Подводя итоги, акцентирую внимание на следующих моментах. В предгорной полосе Центрального и Северо-Восточного Кавказа сравнительно быстро, в рамках II в. н. э., образуется значительное количество крупных и средних по размерам городищ со сложной структурой и четко выделенной цитаделью. Плотность памятников высокая. Все они связаны культурным единством и одинаковым типом хозяйства. На городищах возникают сложные и трудоемкие фортификационные сооружения, требующие организации населения, количество которого на данной территории достаточно велико. Судя по мощности культурного слоя и его насыщенности материалом, жизнь на памятниках была интенсивной. Прослеживаются интенсивные контакты с Боспором, Закавказьем и степью. В комплекс с городищами входят значительные по площади курганные катакомбные могильники. Погребения в большинстве случаев характеризуются богатством и обилием инвентаря, что заметно, даже несмотря на ограбленность. Необходимо обратить внимание на то, что в Бесланском могильнике на сегодняшний день исследовано три кургана высотой 3–5 м с захоронениями в катакомбах глубиной 9–10 м от древнего горизонта, что может свидетельствовать о существенной социальной стратификации данного общества. Плотность населения в этот период значительно выше, чем в предшествующую и последующую эпохи. Экспансия носителей аланской культуры, начавшаяся в первой половине III в. н. э., охватила громадную территорию. На западе Северного Кавказа она достигла районов

Прикубанья, в степи погребальные памятники центральнокавказской традиции распространены от Днепро-Донского междуречья до Нижней Волги. На востоке в сферу распространения культуры с первой половины – середины III в. н. э. входят северные районы современного Дагестана (Терско-Сулакское междуречье), а с IV в. н. э. они известны на юге Прикаспийского Дагестана (*Габуев, Малашев*, 2009. С. 158–161).

Можно сделать вывод, что для периода II–IV вв. н. э. мы имеем дело с чрезвычайно яркой и мощной культурой, феномен развития и расцвета которой пока еще не раскрыт. Высокий экономический потенциал нашел отражение в строительстве громадных фортификационных сооружений и в оформлении трудоемких погребальных конструкций, что требовало высокой организации общества (и наличия аппарата принуждения) в рамках каждого населенного пункта. Присутствие значительного количества крупных городищ (от 0,5 до 1,5 км²), которые можно считать раннегородскими центрами или даже особого типа городами, свидетельствует о процессах урбанизации в данном обществе (*Аржанцева, Малашев*, 1999). Результатами нескольких миграционных импульсов первой половины – середины III в. н. э. носителей аланской культуры стало присутствие этого населения на значительной территории – практически всего Северного Кавказа и прилегающих к нему районов степи. Чрезвычайно высокая концентрация населения, наличие значительного количества «городов» с высокой плотностью населения, широким характером (от торговых до военно-политических) и географией контактов позволяет ставить вопрос о наличии определенной структуры и организации в данном обществе. Остановимся на этом подробнее.

Проблемами образования ранних государств и отражением этих процессов в археологическом материале занимались многие исследователи. Н. Н. Крадин, анализируя археологические признаки цивилизации, пришел к выводу, что обязательными (но не достаточными) археологическими критериями обществ высшей сложности являются: развитая, не менее чем трехуровневая классовая структура; оседлость; земледельческое хозяйство как основа экономики; обработка металла (*Крадин*, 2006. С. 196). Ю. В. Павленко в качестве археологических признаков политогенеза рассматривал следующие: развитие ремесленной специализации; формирование многоуровневой общественной стратификации, отражаемой в поселенческих и погребальных комплексах; обособление культуры знати; трансформация в идеологии; создание раннегородских центров (*Павленко*, 1989. С. 65–72). В целом перечисленные выше критерии находят отражение в археологических материалах аланской культуры II–IV вв. н. э.

Данная проблема была подробно рассмотрена М. С. Гаджиевым в монографическом исследовании (2002). Особую актуальность для рассматриваемой темы эта работа приобретает в связи с тем, что в ней анализировались синхронные археологические источники с территории соседнего региона – Дагестана. Автором была привлечена вся имеющаяся на тот момент выборка изученных поселенческих и погребальных памятников Северо-Восточного Кавказа, рассмотрены предпосылки, факторы и признаки, отражающие в археологических материалах формирование раннеклассового общества и раннегосударственных образований на данной территории. Им были сделаны важные выводы о сложении раннеклассовых отношений и формировании государственных институтов

в регионе в албано-сарматское время (*Гаджиев*, 2002. С. 205–212, 236–248). Многие наблюдения и заключения М. С. Гаджиева относительно социально-экономических и демографических процессов, происходивших на территории древнего Дагестана, находят отражение в материалах аланской культуры.

Несколько отличающийся подход и дополнительные дефиниции предлагаются Л. Е. Грининым, одним из ведущих специалистов в области, касающейся становления и развития государства. Согласно его точке зрения, факторами, способствовавшими сложению государств, являются: рост населения и его плотности; оседлость населения; появление излишка благ; увеличение размеров и сложности общества, которые ведут к интеграции, объединению, завоеваниям, развитию внешних контактов; рост сложности контактов; рост объема информации и знаний (*Гринин*, 2007. С. 63, 64). В этом же направлении работают такие процессы, как этногенез; повышение урожайности и производительности труда, позволяющие получать прибавочный продукт; демографические процессы; войны (Там же. С. 132–140; 153–168).

По Л. Е. Гринину, от обществ догосударственной стадии раннегосударственные отличаются: 1) изменением производственной базы (увеличение продуктивности сельского хозяйства позволяет развиваться ремеслу и торговле); 2) увеличение территории и численности населения, а также существенное увеличение его плотности, ведущее к увеличению уровня сложности общества; 3) усложнение устройства общества и возникновение 3–4-уровневой иерархической структуры поселений; 4) изменения традиций, связанных с регулированием социально-политической жизни, и усиление возможности власти к принуждению; 5) деление общества на два или более слоя, заметная социальная стратификация (Там же. С. 123–125).

Однако раннее государство являлось не единственной формой политической организации усложнившихся обществ, составлявшей ему альтернативу. Для этих политий характерны те же функции, что и для раннего государства (см.: Там же. С. 169). В подобных социумах, достигших определенного уровня сложности, государство появляется не всегда, а при определенных условиях. В связи с этим Л. Е. Гринин разделил догосударственные политии на *стадиально*, принципиально догосударственные и *аналоговые* раннему государству, и считал, что надо говорить о двух типах условий для появления государства из догосударственных политий: 1) объективных и 2) особых, конкретно-исторических (Там же. С. 172, 173). Объективные условия – характеристики, которые уже дают потенциальную возможность догосударственным политиям трансформироваться в государство; без них ни при каких благоприятных обстоятельствах государство образоваться не может. Важно, что при одних и тех же объективных условиях (размере, численности населения, уровне социокультурной и политической сложности) в одних ситуациях уже возникает возможность трансформации в государство, а в других нет. Одни аналоги развиваются в государство, другие (как вследствие своей природы, так и если политогенез был прерван извне) – нет. В этом случае аналоги выступают как *исторически* догосударственные, а не стадиально. Другими словами, стадиально аналоги раннего государства равны ранним государствам, но исторически оставались догосударственными, т. е. не переросли в государство. Структурно-функционально ранние

государства отличались от аналогов не столько уровнем развития, сколько некоторыми особенностями политического устройства, а исторически – имели сочетание особых благоприятных условий (*Гринин*, 2007. С. 174–176).

Согласно теории Л. Е. Гринина об аналогах ранних государств и их классификации, население центральных и восточных районов Северного Кавказа II–IV вв. н. э. может попасть в один из следующих таксонов: 1) большие племенные союзы и конфедерации без королевской власти (например, раннесредневековые саксы, Галлия времен завоевания Цезарем, конфедерации различных по форме обществ, конфедерации городов) (Там же. С. 182–186); 2) политии с неопределенными признаками: это особый тип, их характер сложно описать вследствие недостатка данных, но, учитывая размеры и структуру, а также уровень культуры, есть основания не считать их ни догосударственными образованиями, ни государствами (например, Хараппская / Индская цивилизация) (Там же. С. 195–198).

Таким образом, учитывая анализируемые культурные особенности, население, оставившее памятники аланской культуры центральных и восточных районов Северного Кавказа II–IV вв. н. э., можно считать находившимся на *стадиально государственной* фазе развития общественно-политических отношений. Однако напрямую соотносить данное культурное образование с ранними государствами пока преждевременно. Более корректным выглядит их сопоставление с аналогами ранних государств, в частности с одним из двух типов политий, по Л. Е. Гринину. То есть на сегодняшний день можно говорить о том, что это культурное образование, скорее, *исторически догосударственное*. Представленные выше наблюдения и заключения являются постановкой проблемы и основаны *исключительно* на анализе археологических источников. Дальнейшая разработка проблемы упирается в исследования поселенческих памятников, степень изученности которых на сегодняшний день оставляет желать лучшего, поскольку информация о данном феномене в письменных источниках практически отсутствует.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа. М.: ИА РАН. 165 с.

Аржанцева И. А., Деопик Д. В., 1989. Зилги – городище начала I тыс. н. э. на стыке степи и предгорий в Северной Осетии // Ученые записки всесоюзной ассоциации востоковедов / Отв. ред. Г. А. Кошеленко, С.А. Узянов. М.: Наука. С. 75–107.

Аржанцева И. А., Малашев В. Ю., 1999. Зильгинское городище и проблема аланского протогорода I тыс. н. э. на Северном Кавказе // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М. В. Ломоносова: тез. докл. юбилейной конф., посвящ. 60-летию Кафедры археологии исторического ф-та МГУ (Москва, 20–24 декабря 1999 г.) / Ред. А. Р. Канторович. М.: МГУ. С. 162–165.

Безуглов С. И., 1990. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9 / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов. С. 80–87.

Виноградов В. Б., 1965. Отчет о работе 4-го отряда СКАЭ за 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3122. Альбом «б».

Виноградов В. Б., 1966. Отчет о работе 4-го отряда СКАЭ за 1966 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3293. Альбом «б».

Воронин К. В., Малашев В. Ю., 2006. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия. М.: ИА РАН. 152 с.

Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.

Гаджиев М. С., 2002. Древний город Дагестана. М.: Восточная литература. 320 с.

Гринин Л. Е., 2007. Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. М.: КомКнига. 272 с.

Гугуев В. К., Гугуев Ю. К., 1987. Кавказский керамический импорт на Нижнем Дону во второй половине III – начале V в. н. э. // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье: тезисы докладов к семинару / Отв. ред. В. Е. Максименко, Б. А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества. С. 45, 46.

Гугуев Ю. К., 1994. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II – первой половине III в. н. э. // Вестник Танаиса. Вып. 1 / Ред. Л. М. Казакова. Ростов-на-Дону: Гефест. С. 114–139.

Деопик Д. В., 1988. Керамика Центрального Предкавказья I–IV вв. н. э. по материалам городища Зилги (Северная Осетия) // Материальная культура Востока. Ч. II / Отв. ред. С. В. Волков, А. А. Наймарк, П. Д. Сахаров. М.: Наука. С. 171–220.

Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й., 2014. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // КСИА. № 232. С. 119–134.

Крадин Н. Н., 2006. Археологические признаки цивилизации // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. Волгоград: Учитель. С. 184–208.

Кузнецов В. А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Академия наук СССР. 164 с. (МИА; № 106.)

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.

Малашев В. Ю., 2007. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н. э. // Три четверти века. Д. В. Деопику – друзья и ученики / Отв. ред. Н. Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли. С. 487–501.

Малашев В. Ю., 2008. О культурном единстве Паласа-сыртского и Львовских курганных могильников // Северный Кавказ в древности и в средние века / Отв. ред. А. И. Османов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН. С. 152–170.

Мошкова М. Г., 1980. К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики // КСИА. № 162. С. 45–52.

Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Отв. ред. Б. Ф. Железчиков. Волгоград: Волгоградский ун-т. С. 172–212.

Павленко Ю. В., 1989. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев: Наукова думка. 287 с.

Хохлова О. С., Хохлов А. А., Гольева А. А., 2009. Приложение 1. Палеопочвенное и микробиоморфное изучение курганного могильника Брут 2 в Республике Северная Осетия-Алания // Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. С. 309–323.

Чеченов И. М., 1967. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 г. // Ученые заметки КБ НИИ. Т. XXV / Ред. колл. В. К. Тлостанов, Г. Х. Мамбетов, Е. Т. Хакушаев. Нальчик. С. 192–227.

Яценко С. А., 1997. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н. э. // Stratum + Петербургский археологический вестник / Отв. ред. М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов. СПб.; Кишинев. С. 154–163.

Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V., 2000. Zilgi: an Early Alan Proto-city of the First Millenium AD on the Boundary Between Steppe and Hill Country // Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase Durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age / Dir. M. Kazanski, V. Soupault. Leiden; Boston; Köln: Brill. P. 209–250. (Colloquia Pontica; Vol. 5.)

Сведения об авторе.

Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: malashev@yandex.ru.

V. Yu. Malashev

The Alanian culture in the Northern Caucasus: the question of the early state formations among the population of the region in the 2nd–4th cc. AD

Abstract. In the 2nd–4th cc. AD in the foothills of the Central and North-Eastern Caucasus large fortified settlements appeared (with an area of up to 1.5 sq. km) with well-developed fortifications and cemeteries (measuring up to 7 sq. km) nearby containing catacombs under burial-mounds. The high economic potential of the population is reflected in their building of enormous defensive installations and labour-intensive funerary structures, which required a high level of social organization. The existence of a considerable number of large fortified settlements, which can be regarded as towns of a special type, testifies to processes of urbanization. Highly concentrated population, the existence of towns with a high level of population density, well-developed craft production and agriculture and wide-ranging contacts with other regions makes it possible to assume that this society had attained a definite structural and organizational level. It is likely that a population which left behind monuments of Alanian culture in the Northern Caucasus of the 2nd–4th cc. had reached a stage of socio-political relations of a state type and that its political organization could be compared to that of early states (as defined by L. E. Grinin).

Keywords: North Caucasus, Alanian culture, 2nd–4th cc. AD, early urban centres, early state-type organization.

REFERENCES

Abramova M. P., 1997. Ranniye alany Severnogo Kavkaza [Early Alans of North Caucasus]. Moscow: IA RAN. 165 p.

Arzhantseva I., Deopik D., Malashev V., 2000. Zilgi: an Early Alan Proto-city of the First Millenium AD on the Boundary between Steppe and Hill Country. *Les Sites archéologiques en Crimée et au Caucase Durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age.* M. Kazanski, V. Soupault, dir. Leiden; Boston; Köln: Brill, pp. 209–250. (Colloquia Pontica, vol. 5.)

Arzhantseva I. A., Deopik D. V., 1989. Zilgi – gorodishche nachala I-go tysyacheletiya n. e. na styke stepi i predgory v Severnoy Osetii [Zilgi – fortified settlement of early Ist millennium AD on the boundary between steppe and piedmonts in North Ossetia]. *Uchenyye zapiski vsesoyuznoy assotsiatsii vostokovedov* [*Scientific notes of all-Union association of orientalists*]. G. A. Koshelenko, S. A. Uzyanov, eds. Moscow: Nauka, pp. 75–107.

Arzhantseva I. A., Malashev V. Yu., 1999. Zil'ginskoye gorodishche i problema alanskogo protogoroda I tys. n. e. na Severnom Kavkaze [Zilgi fortified settlement and problem of Alan proto-city of Ist mill. AD in North Caucasus]. *60 let kafedre arkheologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M. V. Lomonosova* [*60 years of activity of Chair of Archaeology, Lomonosov Moscow State university*]. A. R. Kantorovich, ed. Moscow: Moskovsky gosudarstvenny universitet, pp. 162–165.

Bezuglov S. I., 1990. Alany-tanaity: ekskurs Ammiana Martsellina i arkheologicheskiye realii [Alans of Tanais: excursus of Ammianus Marcellinus and archaeological data]. *Istoriko-arkheologicheskiye*

issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g. [*Historical-archaeological researches in the city of Azov and on the Lower Don in 1989*], 9. V. E. Maksimenko, ed. Azov, pp. 80–87.

Chechenov I. M., 1967. Raskopki gorodishcha Nizhny Dzhulat v 1966 g. [Excavations of fortified settlement Nizhny Dzhulat in 1966]. *Uchenyye zametki Kabardino-Balkarskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta* [*Scientific notes of Kabarda-Balkar scientific-research institute*], XXV. V. K. Tlostanov, ed. Nal'chik, pp. 192–227.

Deopik D. V., 1988. Keramika Tsentral'nogo Predkavkaz'ya I–IV vv. n. e. po materialam gorodishcha Zilgi (Severnaya Osetiya) [Pottery of Central North Caucasus Piedmonts of I–IV cc. AD according to materials from fortified settlement Zilgi (North Ossetia)]. *Material'naya kul'tura Vostoka* [*Material culture of Orient*], II. S. V. Volkov, A. A. Naymark, eds. Moscow: Nauka, pp. 171–220.

Gabuyev T. A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Early Alans' sites in central regions of North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.

Gadzhiyev M. S., 2002. Drevny gorod Dagestana: Opyt istoriko-topograficheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo analiza [Ancient city of Dagestan: An attempt of historical-topographic and socioeconomic analysis]. Moscow: Vostochnaya literatura. 320 p.

Grinin L. E., 2007. Gosudarstvo i istorichesky protsess. Epokha formirovaniya gosudarstva [State and historical process. Epoch of state formation]. Moscow: KomKniga. 272 p.

Guguyev V. K., Guguyev Yu. K., 1987. Kavkazsky keramichesky import na Nizhnem Donu vo vtoroy polovine III – nachale V vv. n. e. [Caucasian pottery imports on Lower Don in second half of III – beginning of V cc. AD]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarsky mir v Podon'ye-Priazov'ye.* [*Classical civilization and barbaric world in Don-Azov region*]. V. E. Maksimenko, B. A. Rayev, eds. Novocherkassk: Izdatel'stvo Muzeya istorii donskogo kazachestva, pp. 45–46.

Guguyev Yu. K., 1994. Tsentral'nokavkazskaya keramika v Tanaise vo II – pervoy polovine III v. n. e. [Central-Caucasian pottery in Tanais in II – first half of III c. AD]. *Vestnik Tanaisa* [*Tanais Bulletin*], *1*. L. M. Kazakova, ed. Rostov-na-Donu: Gefest, pp. 114–139.

Khokhlova O. S., Khokhlov A. A., Gol'yeva A. A., 2009. Prilozheniye 1: Paleopochvennoye i mikrobiomorfnoye izucheniye kurgannogo mogil'nika Brut 2 v Respublike Severnaya Osetiya-Alaniya [Supplement 1: Palaeosoil and microbiomorphic investigation of kurgan cemetery Brut 2 in Republic of North Ossetia-Alania]. Gabuyev T. A., Malashev V. Yu. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza* [*Early Alans' sites in central regions of North Caucasus*]. Moscow: Taus, pp. 309–323.

Korobov D. S., Malashev V. Yu., Fassbinder Y., 2014. Predvaritel'nyye rezul'taty raskopok na kurgannom mogil'nike Levopodkumsky 1 bliz Kislovodska [Preliminary results of excavations at kurgan cemetery Levopodkumsky 1 near Kislovodsk]. *KSIA*, 232, in print.

Kradin N. N., 2006. Arkheologicheskiye priznaki tsivilizatsii [Archaeological indications of civilization]. *Ranneye gosudarstvo, yego al'ternativy i analogi* [*Early state, its alternatives and analogies*]. L. Ye. Grinin, ed. Volgograd: Uchitel', pp. 184–208.

Kuznetsov V. A., 1962. Alanskiye plemena Severnogo Kavkaza [Alan tribes of North Caucasus]. Ye. I. Krupnov, ed. Moscow: Izdatel'stvo akademii nauk. 164 p.

L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve sicècle après J.-C., 2000. [Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001.] Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux. 223 p.

Malashev V. Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt sets of Late Sarmatian time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [*Sarmatians and their neighbors on Don*]. Yu. K. Guguyev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232.

Malashev V. Yu., 2007. Kul'turnaya situatsiya v tsentral'nykh rayonakh Severnogo Kavkaza vo II–IV vv. n. e. [Cultural situation in Central regions of North Caucasus in II–IV cc. AD]. *Tri chetverti veka. D. V. Deopiku – druz'ya i ucheniki* [*Three quarters of a century. Friends and apprentices to D. V. Deopik*]. N. N. Bektimirova, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 487–501.

Malashev V. Yu., 2008. O kul'turnom yedinstve Palasa-syrtskogo i L'vovskikh kurgannykh mogil'nikov [On cultural unity of Palasa-syrt and L'vov kurgan cemeteries]. *Severny Kavkaz v drevnosti i v sred-*

niye veka [*North Caucasus in antiquity and Middle Ages*]. A. I. Osmanov, ed. Makhachkala: Institut istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk, pp. 152–170.

Moshkova M. G., 1980. K voprosu o meste proizvodstva nekotorykh grupp sarmatskoy loshchenoy keramiki [On the problem of location of production centers of some groups of Sarmatian burnished pottery]. *KSIA*, 162, pp. 45–52.

Moshkova M. G., Malashev V. Yu., 1999. Khronologiya i tipologiya sarmatskikh katakombnykh pogrebal'nykh sooruzheny [Chronology and typology of Sarmatian burial catacomb constructions]. *Nauchnyye shkoly Volgogradskogo Gosudarstvennogo universiteta. Arkheologiya Volgo-Ural'skogo regiona v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya* [*Scientific schools of Volgograd State university. Archaeology of Volga-Ural region in the epoch of Early Iron Age and Middle Ages*]. B. F. Zhelezchikov, ed. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo universiteta, pp. 172–212.

Pavlenko Yu. V., 1989. Ranneklassovyye obshchestva (genezis i puti razvitiya) [Early class societies (genesis and trajectories of development)]. Kiyev: Naukova dumka. 287 p.

Vinogradov V. B., 1965. Report on the work of 4th group of NCAE in 1965. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).

Vinogradov V. B., 1966. Report on the work of 4th group of NCAE in 1966. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).

Voronin K. V., Malashev V. Yu., 2006. Pogrebal'nyye pamyatniki epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka ravninnoy zony Respubliki Ingushetiya [Burial sites of Bronze Age and Early Iron Age of plain zone of Republic of Ingushetia]. Moscow: IA RAN. 152 p.

Yatsenko S. A., 1997. Germantsy i alany: o razrusheniyakh v Priazov'ye v 236–276 gg. n. e. [Germans and Alans: on destructions in Azov Sea region in 236–276 AD]. *STRATUM + Peterburgsky arkheologichesky vestnik* [*STRATUM + Peterburg archaeological bulletin*]. M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, eds. St. Petersburg; Kishinev, pp. 154–163.

About the author.

Malashev Vladimir Yu., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: malashev@yandex.ru.

Т. А. Габуев

«КНЯЖЕСКИЕ» АЛАНСКИЕ КУРГАНЫ НА ВЕРХНЕМ ТЕРЕКЕ (БРУТ, БЕСЛАН)

Резюме. На Верхнем Тереке в Северной Осетии имеется два крупных аланских городища – Брут у с. Брут и Зильги у г. Беслан (рис. 1), окруженные многочисленными курганами с катакомбными погребениями. В могильнике Беслан, где раскопано несколько сотен погребений, имеется несколько богатых погребений в основном III в. н. э., содержавших изделия из золота, которые можно интерпретировать как княжеские. В могильнике Брут 1 раскопано 23 кургана. Из них 21 (№ 2–21, 23) – аланские, относятся ко времени от рубежа IV/V в. до рубежа V/VI в. Этот отрезок времени можно разбить на четыре периода и выделить княжеские погребения. Первый период (рубеж IV/V в.) представлен единственным курганом № 13, что не позволяет давать ему социальную оценку. Второй период (1-я пол. V в.) представлен рядом погребений, среди которых выделяется курган № 7 (цв. илл. VII–IX) и № 6. Среди курганов третьего периода (сер. V в.) выделяется курган № 2 (цв. илл. IV–VI). Этот курган самый богатый, его можно рассматривать как царское погребение. В четвертом периоде (рубеж V/VI в.) установить иерархию между курганом № 21 и курганом, раскопанным В. Л. Ростуновым в 1996 г. у с. Брут, затруднительно. Они принадлежат к одному периоду, но не являются несомненно синхронными. При отсутствии на Бесланском могильнике элитных погребений гуннского и постгуннского времени установить характер отношений между властными структурами Брута и Беслана пока затруднительно.

Ключевые слова: аланы, Брут, Беслан, курганы, катакомбы, княжеские погребения.

С середины I в. н. э. в низовьях Дона и Северного Причерноморья алан фиксируют античные авторы (Плиний, Иосиф Флавий и др.). Попав на страницы исторических хроник, аланы заявляют о себе как о серьезной политической и военной силе. В I–II вв. из районов Дона они совершают неоднократные походы на Дунай, а также в Закавказье (Грузию, Армению) и Переднюю Азию (Мидию, Каппадокию). Походы алан в Закавказье и Переднюю Азию проходили через Дарьяльский перевал, т. е. через Центральное Предкавказье. Отсутствие аланских погребальных памятников I – первой пол. II в. н. э. в Предкавказье не дает пока (подчеркну – пока) возможности говорить о том, что какая-то крупная аланская группировка закрепилась на данной территории уже в это

время. Письменные источники также не фиксируют алан в Предкавказье в указанную эпоху, но о присутствии их здесь в III в. надежно свидетельствуют два важных источника.

В первую очередь это надпись верховного зороастрийского жреца Ирана Картира на Каабе Зороастра в честь Шапура I Сасанида (240–272 гг.) (*Луконин*, 1979. С. 19). Надпись была сделана после победы Шапура I над войсками римского императора Валериана в 259 г. и распространения власти Сасанидов на провинции «не-Ирана» на западе. Упоминание Алании и Аланских ворот (Дарьяльский проход) в надписи Картира свидетельствует о том, что в 60–70-х гг. III в. аланы на Кавказе уже занимали прочные политические позиции и место их обитания называлось Аланией. Ряд ученых не разделяют мнение о том, что в указанной надписи речь идет об аланах и Алании. Они считают, что в ней упоминаются албаны и Албания (*Гаджиев*, 2002. С. 43, 44; 2003). Окончательный ответ на вопрос, кто прав, должны дать специалисты языковеды.

Еще одним из ранних источников, свидетельствующих о пребывании алан на Кавказе, является «Арабская версия Агафангела». В ней повествуется о крещении народов Кавказа Григорием Просветителем в годы царствования армянского царя Тиридата III (ок. 287 – ок. 330 г.). Наряду с царями Грузии и Абхазии и множеством князей упомянут и «царь аланский», к которому обратился Тиридат с призывом принять христианство и разрушить капища идолов (*Марр*, 1905. С. 111–115).

Более поздние источники (армянские и грузинские) указывают на их присутствие здесь начиная с I в. н. э. В «Жизни картлийских царей», написанной Леонти Мровели в XI в. и являющейся составной частью «Картлис Цховреба» («Жизнь Грузии»), и у Моисея Хоренского (V в.) аланы упоминаются неоднократно. Я не буду останавливаться на сюжетах, описанных в этих и других источниках, они были мною рассмотрены ранее (*Габуев*, 1999. С. 31–54). Следует только отметить следующее: если походы алан в Закавказье в 72 и 135 гг., скорее всего, начинались из района Танаиса – низовьев Дона, то все последующие брали свой старт из районов Центрального Предкавказья.

С середины III и до V в. включительно военная активность алан на Кавказе неуклонно возрастает, о чем сообщает Леонти Мровели. Походами их в Закавказье отмечены периоды правления грузинских царей Амазаспа, современника персидского царя Шапура I Сасанида (241–272 гг.), а также Аспагура, Мириана (IV в.) и Вахтанга Горгасала (V в.) (*Леонти Мровели*, 1979. С. 35, 37, 39, 81–85). О военной активности алан в Закавказье сообщают и армянские источники (подробнее см.: *Габуев*, 1999). В большинстве случаев в описании этих событий сообщается, что аланам предводительствуют цари.

Все эти свидетельства говорят о существовании на территории Предкавказья Алании, возглавляемой царями. Возникает вопрос – являлись ли эти «цари» реальными правителями данных территорий или это были племенные вожди, возглавлявшие воинские аланские контингенты? Упоминание самого термина «цари» указывает на высокий авторитет аланских предводителей на международной арене и, видимо, концентрацию в их руках довольно большой власти.

Подтверждают сказанное и археологические источники. В первые века н. э. в Центральном Предкавказье появляются многочисленные городища, иногда

достигающие площади 1,5 км^2 (раннеаланские слои на них датируются с середины II в. н. э.) и окруженные колоссальными катакомбными могильниками (*Малашев*, 2007. С. 488; *Габуев, Малашев*, 2009. С. 144, 145).

На Верхнем Тереке (Владикавказская котловина) в Северной Осетии имеется несколько городищ, из которых выделяются два наиболее крупных – городища Брут (у с. Брут) и Зильги (у г. Беслан) (рис. 1). Эти городища огромны по площади и имеют цитадели. Это свидетельствует о социальной неоднородности населения и о наличии власти, способной организовать большое количество людей на их строительство. Катакомбные могильники, окружающие эти городища, также указывают на стратификацию аланского общества.

Выделение элиты на материалах раннеаланских погребальных памятников чрезвычайно сложная задача, связанная в первую очередь с их тотальной ограбленностью. Тем не менее остатки погребального инвентаря и анализ погребальных сооружений (прежде всего их размеров) позволяют предпринять попытку выделения памятников, связанных с правителями алан.

Бесланский могильник, примыкающий к городищу Зильги, является одним из самых крупных памятников раннеаланской культуры. К настоящему времени здесь раскопано уже много сотен захоронений. В основном это курганы, окруженные ровиками и содержащие катакомбные захоронения, хотя имеются и грунтовые катакомбы. Датируются они в основном III в. н. э. Среди многочисленных погребений выделяется огромный курган (высота – 410 см, диаметр – около 40 м), раскопанный В. Л. Ростуновым в 1990 г. (*Туаллагов*, 2007. С. 72–77, 104, 105). Дно входной ямы катакомбы располагалась на глубине более 10 м от древней дневной поверхности. Несмотря на ограбленность, в погребении было найдено большое количество золотых нашивных бляшек разной формы. На настоящий момент это самый крупный раннеаланский курган, раскопанный в Центральном Предкавказье, и его, безусловно, следует связывать не только с элитой общества, а возможно, и с правителем этой территории.

Есть и еще один большой курган с ровиком, содержавший ограбленную в древности катакомбу (№ 486), раскопанный Ф. С. Дзуцевым и Э. Г. Джанаевым в 2011 г.[1] Высота его составляет 3 м, диаметр – 40 м, глубина дна входной ямы от древнего горизонта – 9,67 м. Несмотря на ограбленность, курган содержал изделия из золота, в том числе и золотой наконечник, инкрустированный гранатами (*Джанаев*, 2011).

Среди остальных погребений этого могильника выделяется группа курганов с ровиками, у которых высота насыпи не была прослежена. Ограбленные катакомбы этих курганов содержали богатые наборы изделий из золота, обнаруженные в тайниках (Сокровища Алании…, 2011. С. 123–141). До публикации всех этих материалов выделить среди них «княжеские» пока не представляется возможным. В будущем, при установлении дробной хронологии и учитывая размеры погребальных сооружений, эту задачу, возможно, удастся решить. В настоящий момент самым социально значимым погребением на могильнике Беслан мы можем считать курган, раскопанный В. Л. Ростуновым в 1990 г.

[1] Выражаю искреннюю благодарность Ф. С. Дзуцеву и Э. Г. Джанаеву за информацию о неопубликованном материале.

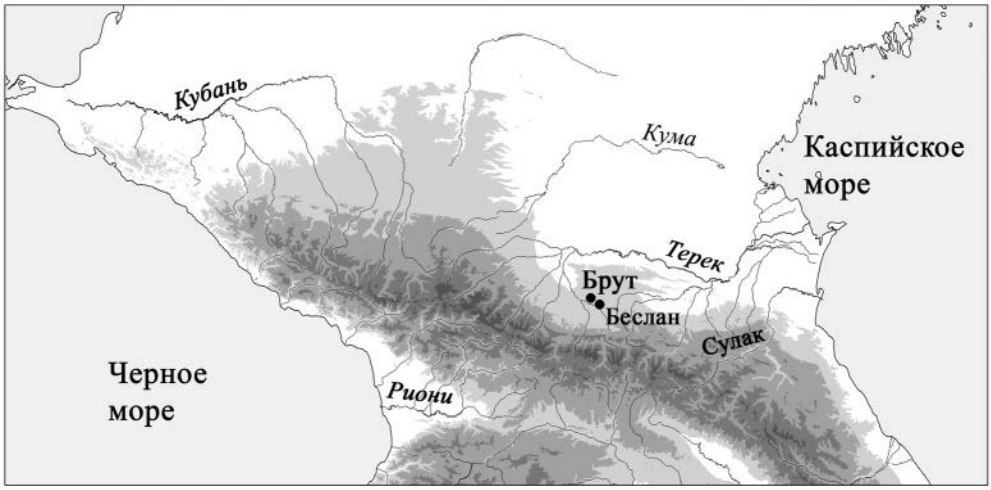


Рис. 1. Расположение памятников Брут и Беслан

К городищу Брут, расположенному в нескольких километрах к северо-востоку от городища Зильги, относятся два могильника: Брут 1 (рубеж IV/V – рубеж V/VI в.) и Брут 2 (вторая пол. II – рубеж VI/VII в.). Могильник Брут 2 можно рассматривать как кладбище рядового населения, относящегося к этому городищу (*Габуев, Малашев*, 2009). Тогда как Брут 1 являлся могильником элиты одного определенного периода. Беглый анализ материала позволяет утверждать, что здесь были захоронены «царь» (если исходить из письменной традиции, описывающей Кавказ) с дружиной. На дружину указывает то, что почти все курганы с оружием и не имеют женских вещей. Однако существование могильника более одного века заставляет нас более внимательно подойти к вопросу о выделении самых социально значимых захоронений.

Курганы, о которых пойдет речь, были расположены на северной и северо-восточной окраине с. Брут довольно компактной группой. Расстояние между самым северным и самым южным курганами менее 2 км. Всего на могильнике Брут 1 экспедицией Государственного музея искусства народов Востока (Москва) было раскопано 23 кургана[2]. Один из них, курган № 1, относится к скифскому времени (V в. до н. э.), другой, курган № 22, – эпохи бронзы с впускными раннесарматскими погребениями; все остальные курганы (№ 2–21, 23; всего 21 курган) аланские и относятся, как уже отмечалось, к периоду от рубежа IV/V до рубежа V/VI в. Эти курганы не имели ровиков и содержали одиночные катакомбные захоронения.

Если говорить о социальном статусе захороненных в аланских курганах могильника Брут 1, то надо иметь в виду следующее. Несмотря на ограбленность, пятнадцать курганов содержали изделия из золота и серебра, за исключением

[2] Начальник экспедиции Т. А. Габуев. В данной работе мы не учитываем курган, доследованный С. С. Куссаевой в 1956 г., и два кургана, раскопанных М. П. Абрамовой в 1969 г.

шести курганов. Столь высокая частота встречаемости изделий из драгоценных металлов позволяет предположить, что и в других курганах они могли присутствовать до ограбления. Итак, курганы богаты, и напрашивается вывод, что они принадлежали аланской воинской аристократии. Особым богатством отличаются курганы № 2 и 7. Они имели тайники, содержавшие наборы драгоценных предметов. Самым простым решением вопроса о ранжировании погребений было бы отнести именно их к «княжеским», но тотальная ограбленность курганов не позволяет решать вопрос столь однозначно. Рассмотрим вопрос с учетом хронологии, размеров погребальных сооружений и наличия драгоценных предметов погребального инвентаря.

Весь отрезок времени существования этого аланского могильника можно разделить *на четыре периода* (*Габуев, Хохлова*, 2012) и постараться выделить погребения правителей в каждом из них.

Первый период – рубеж IV/V в. – представлен единственным погребением из кургана № 13, что не позволяет давать ему социальную оценку. Ни богатством, ни размерами этот курган не отличается от остальных, хотя в нем и присутствуют три предмета из серебра и один из золота. Его высота – 0,4 м, дм. – 26 м, глубина входной ямы – 374 см.

Второй период – первая пол. V в. – представлен рядом погребений, среди которых, как отмечалось, выделяется курган № 7 с тайником. Однако следует обратить внимание и на курган № 6. Но об этом чуть позже.

Третий период – середина V в. – представлен рядом погребений, среди которых, как отмечалось, выделяется погребение кургана № 2 с тайником. Этот курган самый богатый, и его, безусловно, можно рассматривать как реперный в социальном смысле комплекс – погребение «царя».

Встает вопрос, являлся ли курган № 7, учитывая хронологические различия курганов № 2 и 7, также «царским». Рассмотрим их.

Высота кургана № 2 – 2 м, дм. – 30 м, глубина входной ямы – 794 см от вершины. Тайник найден на уровне древнего горизонта. Центральное место в тайнике кургана № 2 занимает меч с золотыми обкладками ножен и рукояти. Остальные предметы комплекса – кинжал, рукоять нагайки, подвеска от меча, оголовье конской уздечки, пряжки и наконечники ремней, составляющие как поясной, так и обувной гарнитуры, – группировались вокруг него. Большинство предметов сделано из золота и инкрустировано гранатовыми вставками (цв. илл. IV–VI).

Курган № 7 имел меньшие размеры, чем курган № 2. Его высота – 1 м, дм. – 27 м, глубина входной ямы – 525 см от вершины кургана. Беднее, чем в кургане № 2, хотя и достаточно богатым, выглядит инвентарь из кургана № 7 (цв. илл. VII–IX). Это бросается в глаза хотя бы по отсутствию меча, аналогичного рассмотренному выше. Но не это главное. Меч мог находиться не в тайничке небольших размеров, найденном во входной яме, а в камере катакомбы, непосредственно рядом с погребенным воином, и стать добычей грабителей. Важно, что в тайнике этого кургана немного вещей, сделанных целиком из хотя и тонкого, но золота. К несомненно роскошным вещам из кургана № 7 можно отнести две золотые шаровидные подвески с гранатами (цв. илл. VIII, *2*, *4*), с некоторой натяжкой – обувной гарнитур и крупную пряжку с наконечником (цв. илл. VIII, *5–12*, *13*).

Все же остальные вещи, за исключением многочисленных золотых бляшек (цв. илл. VII, *3–9*; VIII, *1*), сделаны из более дешевого, чем золото, материала (железо, бронза, серебро), иногда обтянутого золотым или серебряным листом с позолотой.

Разнятся вещи и в технике их декорирования. Если в кургане № 2 главенствовали изделия, украшенные зернью, сканью и гранатами, то в кургане № 7 преобладает тисненый орнамент в виде рубчика, имитирующего скань и зернь, т. е. штамповка (цв. илл. VII–IX). Не столь богато оформление и кинжала из кургана № 7, он украшен только несколькими элементами из серебра с золочением (цв. илл. VII, *1*). Следует отметить и очень небольшое количество гранатов в этом комплексе. Они имеются только на вышеуказанных подвесках, на пряжках и наконечниках обувного гарнитура (цв. илл. VIII, *2*, *4*, *5–12*). И это два единственных случая (имеются в виду два наконечника), когда на наконечниках ремней встречены гранаты, причем по одной небольшой прямоугольной вставке. В остальных случаях наконечники ремней украшались штампованным орнаментом в виде ложной зерни.

Встают вопросы, на которые пока достаточно трудно ответить однозначно: являются ли различия в выявленных сходных предметах (а именно: зернь или штамповка, гранаты или их отсутствие, чистое золото или покрытие предметов листовым золоченым серебром) социальными или это лишь некоторые временные различия? Соответственно, возникает и вопрос о том, сколь социально разными или близкими были погребенные в курганах № 2 и 7 и обусловлено ли их различие хронологией.

Если оценивать технические приемы изготовления этих вещей, то надо иметь в виду следующее. Штампованный орнамент в виде рубчика, имитирующий скань и зернь, характерен для всей эпохи Великого переселения народов и распространен был на всей территории бытования полихромного стиля (*Засецкая*, 1982), причем в этой технике выполнены многие вещи из самых престижных памятников Центральной и Западной Европы. Что же касается настоящей зерни, то она характерна для территорий к востоку от Днепра. Она бытует на пространстве от степей Причерноморья, Нижнего Поволжья до Приуралья, Средней Азии и Алтая и очень редко встречается на Западе (*Засецкая*, 1982. С. 16, 23, 24; *Казанский, Мастыкова*, 2004. С. 166, 167). В то же время для Запада в большей мере характерна перегородчатая инкрустация, когда предметы полностью или почти полностью покрывались гранатами (стиль «клуазоне») и дополнительное украшательство не требовалось. На Востоке же наряду с гранатами в большом количестве использовался сердолик, а наряду с клуазоне распространены вставки в отдельно напаянные гнезда.

Поэтому сделать окончательный вывод о том, какая ювелирная техника была более, а какая менее престижной, чрезвычайно трудно. В связи с этим опять-таки встают вопросы – являлись вещи этих двух курганов привозными или изготавливались на месте и различаются ли они хронологически, т. е. один комплекс раннего, другой более позднего происхождения.

Как было установлено: вещи привозные и разновременные (*Габуев*, 2012). Значит, в один какой-то момент к аланам, например в качестве политического дара, мог попасть комплекс предметов, обнаруженный в кургане № 2, а в другой –

из кургана № 7. Говорить в этом случае о статусе вещей затруднительно, так как их подбор зависит от воли и политической задачи «дарителя».

Итак, ответ на вопрос о социальном статусе погребенных может решаться в пользу более высокого ранга погребенного в кургане № 2 только на основе некоторых дополнительных признаков. На это указывают и величина курганной насыпи – в кургане № 2 она двухметровая, а в кургане № 7 составляет всего 1 метр, – и существенная разница в размерах катакомб. Катакомба кургана № 2 больше по размерам и глубине залегания камеры, т. е. трудозатрат на ее сооружение, как и на возведение курганной насыпи, пошло намного больше, чем на сооружение катакомбы кургана № 7. Кроме того, во входной яме кургана № 2 обнаружено конское захоронение. В других курганах конские захоронения отсутствуют. Все сказанное указывает на более высокий социальный статус погребенного в кургане № 2 по сравнению с курганом № 7.

Однако следует иметь в виду, что в могильнике Брут 1, как отмечалось, имеется курган № 6, также относящийся к той же (второй) хронологической группе, что и курган № 7. Этот курган ограблен и не имел тайника, хотя в нем сохранились отдельные золотые предметы (рис. 2, *1–9*). Важными являются его размеры (высота – 2 м, дм. – 40 м, глубина входной ямы – 620 см от вершины). По этим показателям он превосходит курган № 7 и вполне сопоставим с курганом № 2. Таким образом, решение вопроса о социальной ранжированности курганов № 6 и 7 остается открытым.

Четвертый период – рубеж V/VI в. – из раскопанных мной на могильнике Брут 1 погребений представлен единственной катакомбой из кургана № 21. Курган высотой 1 м, дм. – 50 м и глубиной входной ямы 780 см от репера. Незначительная высота этого кургана объясняется тем, что он находится на пахотном поле (в отличие от остальных, располагавшихся на сельском пастбище) и часть насыпи кургана была снесена тяжелой пахотной техникой. В этом кургане было найдено несколько золотых предметов, также указывающих на его высокий статус (рис. 2, *10–13*). К этому же периоду можно отнести курган, раскопанный В. Л. Ростуновым у с. Брут в 1996 г. (*Туаллагов,* 2007. С. 77–83, 106–108). Он датируется второй пол. V – первой пол. VI в. Камера катакомбы не была раскопана. Этому помешали грунтовые воды. Но наличие многих признаков, таких как высота насыпи (4 м), глубина входной ямы (768 см от древнего горизонта), конское захоронение во входной яме и инвентарь, найденный здесь же, включающий котел с треножником, крюк для выемки мяса и серебряные орнаментированные накладки, указывает на самый высокий ранг погребенного. При отсутствии в этом кургане узко датирующих вещей установить иерархию между курганом № 21 и курганом, раскопанным В. Л. Ростуновым, затруднительно, т. к. они хотя и принадлежат к одному периоду, но не обязательно должны быть синхронными.

Итак, рассмотрев погребения могильника Брут 1, мы можем выделить погребения, которые, с некоторой долей вероятности, можно интерпретировать как «княжеские». Сколь широко распространялась власть аланских предводителей, погребенных у села Брут в Северной Осетии, мы не знаем. На близлежащем аланском городище у села Зильги элитных погребений гуннского и постгуннского времени пока не выявлено. Но сопоставимые по пышности и богатству

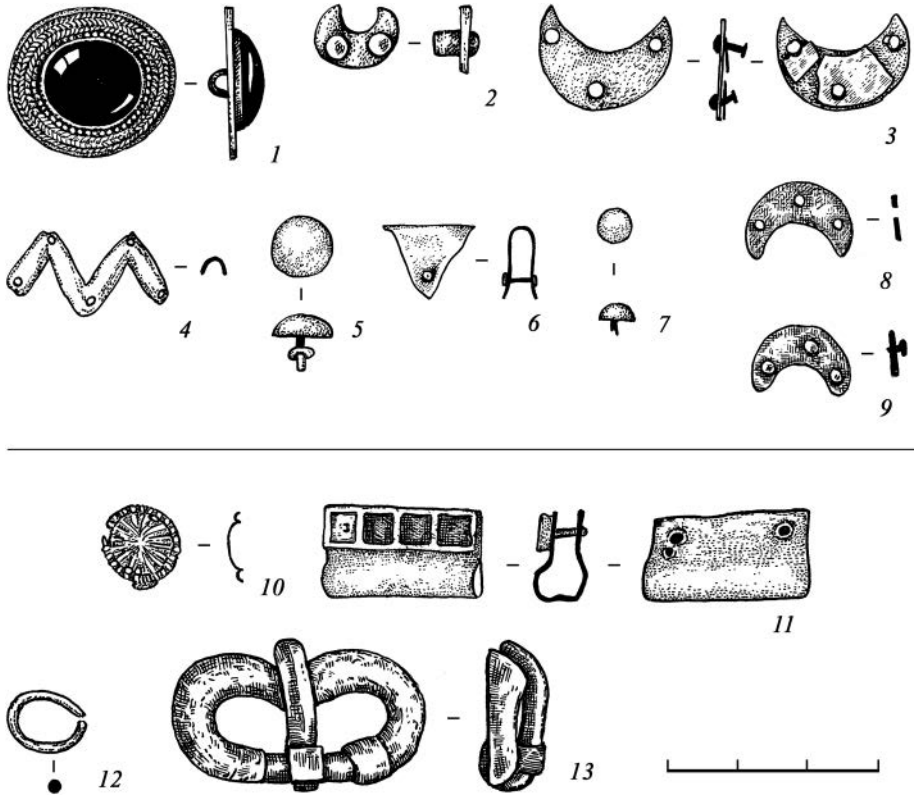


Рис. 2. Могильник Брут 1

1–9 – инвентарь из кургана № 6; *10–13* – инвентарь из кургана № 21

комплексы этого времени обнаружены в Ингушетии (Древности Магаса…, 2002. С. 13), в Кабардино-Балкарии у села Зарагиж (L'or des princes barbares…, 2000. P. 162–165) и в районе Кавминвод (*Казанский, Мастыкова*, 2001; *Мастыкова*, 2008. С. 151–154). Это указывает на наличие у алан Центрального Предкавказья не одного, а, возможно, нескольких центров власти.

Установить характер отношений между властными структурами Брута и Беслана, а также с аналогичными структурами других аланских территорий пока затруднительно, однако то, что эти территории не были разгромлены гуннами (*Габуев*, 2011), указывает на их тесное политическое взаимодействие. Говорить же о наличии центральной власти в Алании, видимо, преждевременно.

ЛИТЕРАТУРА

Габуев Т. А., 1999. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ: Иристон. 148 с.

Габуев Т. А., 2011. Об ареале раннеаланской культуры и алано-гуннских взаимоотношениях // Вестник Дагестанского научного центра. № 43. С. 58–63.

Габуев Т. А., 2012. О культурной атрибуции золотых предметов из могильника Брут 1 в Северной Осетии // РА. № 1. С. 90–99.

Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС. 468 с. (МИАР; № 11.)

Габуев Т. А., Хохлова О. С., 2012. Дробная датировка курганов могильника Брут 1 (Северная Осетия) // РА. № 4. С. 16–25.

Гаджиев М. С., 2002. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.: Восточная литература. 320 с.

Гаджиев М. С., 2003. Гемма-печать царя Албании Асвагена // ВДИ. № 1. С. 102–119.

Джанаев Э. Г., 2011. Отчет об исследовании Бесланского курганного катакомбного могильника в Правобережном районе Республики Северная Осетия – Алания в 2011 г. (в зоне строительства автомагистрали М-29 «Кавказ» на участке обхода г. Беслан) // Архив ИА РАН. Р-1. № 29675–29693.

Древности Магаса / Авт.-сост. Б. Ж. Мальсагов. Назрань. 2002. 15 с.

Засецкая И. П., 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука. С. 14–30.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2001. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: Историко-археологические очерки и заметки / Отв. ред. М. П. Абрамова, В. И. Марковин. М.: ИА РАН. С. 138–161. (МИАР; № 3.)

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2004. «Царские» гунны и акациры: попытка археологической идентификации // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы: тезисы докл. науч. конф. / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: РГГУ. С. 166–169.

Леонти Мровели, 1979. Жизнь картлийских царей / Пер. с древнегрузинского, предисл. и коммент. Г. В. Цулая; отв. ред. Г. С. Мамулина. М.: Наука. 104 с.

Луконин В. Г., 1979. Иран в III в. н. э. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М.: Наука. 174 с.

Малашев В. Ю., 2007. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н. э. // Три четверти века. Д. В. Деопику – друзья и ученики / Отв. ред. Н. Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли. С. 487–501.

Мастыкова А. В., 2008. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // ПИФК. Вып. XXI. С. 149–159.

Марр Н. Я., 1905. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 16. Вып. 2–3. СПб.: Императорская Академия наук. С. 63–211.

Сокровища Алании / Отв. ред. М. М. Блиев. М.: Эксмо, 2011. 240 с.

Туаллагов А. А., 2007. Раннеаланский период на территории современной Северной Осетии // Археология Северной Осетии. Ч. 2 / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: СОИГСИ им. В. И. Абаева. С. 61–108.

L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve sicècle après J.-C., [Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001] Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 2000. 223 p.

Сведения об авторе.

Габуев Тамерлан Александрович, Государственный музей искусства народов Востока, Никитский бульвар, 12а, Москва, 119019, Россия; e-mail: tgabuev@orientmuseum.ru.

T. A. Gabuyev

«Princely» Alanian burial-mounds in the upper reaches of the Terek River (Brut, Beslan)

Abstract. In the upper reaches of the Terek River in Northern Ossetia there are two large Alanian city-sites – Brut near the village of Brut and Zilgi near the town of Beslan (Fig. 1) – surrounded by numerous burial-mounds containing catacomb burials. In the Beslan burial-ground, where several hundred burials have been excavated, there are several rich burials dating mainly from the 3rd c. AD, which contained items made of gold that can be interpreted as having belonged to a princely elite. In the Brut 1 burial-ground, 23 kurgans have been excavated. Of these 21 (№ 2–21 and 23) are Alanian and date from between the end of the 4th/beginning of the 5th century and the end of the 5th/beginning of the 6th century. This time-span can be divided into four periods which facilitates the identification of princely burials. The first period (end of the 4th/beginning of the 5th century) is represented by a single burial-mound № 13, which does not make it possible to assign the deceased social status. The second period (first half of the 5th century) is represented by a number of burials, among which kurgan 7 stands out (Figs 5–7) and also kurgan 6. Among the kurgans of the third period (mid-5th century) burial-mound 2 stands out (Figs 2–4). This kurgan was the richest one and can be considered royal. Regarding the 4th period (end of the 5th century/beginning of the 6th) it was difficult to establish a hierarchy between kurgan 21 and the kurgan excavated by V. L. Rostunov in 1996 near the village of Brut. They belong to the same period, but are not necessarily of the same date within that period. Given that there are no elite burials of the Hunnic and post-Hunnic period in the Beslan burial-ground it has been difficult so far to establish the nature of relations between the power structures at Brut and Beslan.

Keywords: Alans, Brut, Beslan, burial-mounds, catacombs, princely burials.

REFERENCES

Drevnosti Magasa [Antiquities of Magas], 2002. B. Zh. Mal'sagov, comp. Nazran'. 15 p.

Gabuyev T. A., 1999. Rannyaya istoriya alan (po dannym pis'mennykh istochnikov) [Early history of Alans (on written sources' data)]. Vladikavkaz: Iriston. 148 p.

Gabuyev T. A., 2011. Ob areale rannealanskoy kul'tury i alano-gunnskikh vzaimootnosheniyakh [On area of early Alan culture and Alano-Hunnic interrelations]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra* [*Bulletin of Dagestan scientific centre*], 43, pp. 58–63.

Gabuyev T. A., 2012. O kul'turnoy atributsii zolotykh predmetov iz mogil'nika Brut 1 v Severnoy Osetii [On cultural attribution of golden artifacts from cemetery Brut 1 in North Ossetia]. *RA*, 1, pp. 90–99.

Gabuyev T. A., Khokhlova O. S., 2012. Drobnaya datirovka kurganov mogil'nika Brut 1 (Severnaya Osetiya) [Detailed chronology of kurgans of cemetery Brut 1 (North Ossetia)]. *RA*, 4, pp. 16–25.

Gabuyev T. A., Malashev V. Yu., 2009. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza [Early Alans' sites in central regions of North Caucasus]. Moscow: Taus. 468 p.

Gadzhiyev M. S., 2002. Drevny gorod Dagestana: Opyt istoriko-topograficheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo analiza [Ancient city of Dagestan: An attempt of historical-topographic and socioeconomic analysis]. Moscow: Vostochnaya literatura. 320 p.

Gadzhiyev M. S., 2003. Gemma-pechat' tsarya Albanii Asvagena [Gem-seal of Asvagen tsar of Albania]. *Vestnik drevney istorii* [*Bulletin of Ancient History*], 1, pp. 102–119.

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 2001. Tsentry vlasti i torgovyye puti v Zapadnoy Alanii v V–VI vv. [Centers of power and trade routes in West Alania in V–VI cc.]. *Severny Kavkaz: istoriko-arkheologicheskiye ocherki i zametki* [*North Caucasus: historical-archaeological essays and notes*]. M. P. Abramova, V. I. Markovin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 138–161.

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 2004. «Tsarskiye» gunny i akatsiry: popytka arkheologicheskoy identifikatsii [«Royal» Huns and Akatsirs: an attempt of archaeological identification]. *Yevraziya. Etnokul'turnoye vzaimodeystviye i istoricheskiye sud'by* [*Eurasia. Ethnocultural interaction and historical paths*]. A. V. Chernetsov, ed. Moscow: Rossiysky gosudarstvenny gumanitarny universitet, pp. 166–169.

L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve sicècle après J.-C., 2000. [Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001] Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux. 223 p.

Leonti Mroveli, 1979. Zhizn' kartliyskikh tsarey [Life of Kartli tsars]. G. S. Mamulina, ed. Moscow: Nauka. 104 p.

Lukonin V. G., 1979. Iran v III v. n. e. Novyye materialy i opyt istoricheskoy rekonstruktsii [Iran in III c. AD. New materials and an attempt of historic reconstruction]. Moscow: Nauka. 174 p.

Marr N. Ya., 1905. Kreshcheniye armyan, gruzin, abkhazov i alanov svyatym Grigoriyem [Baptism of the Armenians, Georgians, Abkhazians and Alans by St. Gregory]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [*Notes of Oriental department of Imperial Russian archaeological society*], t. 16, vyp. 2–3. St. Petersburg, pp. 63–211.

Mastykova A. V., 2008. «Varvarskiye korolevstva» epokhi Velikogo pereseleniya narodov u alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [«Barbarian kingdoms» of the epoch of Migration Period among Alans of Central Caucasus Piedmonts]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of history, philology, culture*], XXI, pp. 149–159.

Sokrovishcha Alanii [Treasures of Alania]. 2011. M. M. Bliyev, ed. Moscow: Eksmo. 240 p.

Tuallagov A. A., 2007. Rannealansky period na territorii sovremennoy Severnoy Osetii [Early Alan period in the territory of modern North Ossetia]. *Arkheologiya Severnoy Osetii* [*Archaeology of North Ossetia*], 2. A. A. Tuallagov, ed. Vladikavkaz: Severo-osetinsky institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovany im. V. I. Abayeva, pp. 61–108.

Zasetskaya I. P., 1982. Klassifikatsiya polikhromnykh izdely gunnskoy epokhi po stilisticheskim dannym [Classification of polychrome items of Hun epoch by stylistic]. *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniya narodov V–VIII vekov* [*Antiquities of Migration epoch of V–VIII centuries*]. A. K. Ambroz, I. F. Erdeli, eds. Moscow: Nauka, pp. 14–30.

About the author.

Gabuyev Tamerlan A., State Museum of Oriental Art, Nikitsky Boulevard, 12a, Moscow, 119019, Russia; e-mail: tgabuev@orientmuseum.ru.

Д. С. Коробов

АЛАНСКИЕ «ВОЖДЕСКИЕ» ПОГРЕБЕНИЯ И ЦЕНТРЫ ВЛАСТИ В КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЕ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Резюме. В статье рассматривается проблема центральной роли поселений и выделяемых центров власти в эпоху раннего Средневековья в Кисловодской котловине. Данный вопрос остался слабо разработанным в отечественной литературе, тогда как в зарубежных исследованиях изучение раннесредневековых центров власти можно считать отдельным сложившимся направлением. Предварительный анализ раннесредневековых поселений Кисловодской котловины (рис. 2) дает возможность наметить несколько критериев определения их центральной функции: большая площадь, конструктивные особенности построек и сооружений, присутствие особых погребальных сооружений, богатство и престижность погребального инвентаря, выделение родовых участков концентрации элитных погребений. Многими из рассматриваемых признаков обладают пять из шести укрепленных поселений на останцах: Рим-Гора, Клин-Яр, Горное Эхо, Кугульское и Центральное Эшкаконское, а также поселение Зубчихинское 3 и укрепление Лермонтовская Скала 1 (рис. 3). Среди достаточно равноценно выглядящих поселений V–VIII вв. в Кисловодской котловине на роль микрорегионального центра может претендовать городище Горное Эхо, тогда как остальные памятники, скорее всего, могли играть роль центров власти местной элиты.

Ключевые слова: Кисловодская котловина, Северный Кавказ, раннее Средневековье, аланская культура, центры власти, теория центральных мест, иерархия поселений, «вождеские» погребения.

Кисловодская котловина – небольшой географически замкнутый регион в Центральном Предкавказье – давно привлекает внимание исследователей древностей раннего Средневековья Восточной Европы благодаря открытым здесь многочисленным погребальным и поселенческим памятникам. В настоящий момент эта территория по праву считается наилучшим образом изученным в археологическом отношении уголком Северного Кавказа. Предварительный анализ открытых здесь древностей, насчитывающих более 900 археологических памятников разных эпох и культур (*Афанасьев и др.*, 2004), позволяет выделить раннесредневековый период как время максимальной плотности населения, связываемого большинством исследователей с представителями аланской культуры

(*Коробов*, 2013. С. 28, 29). В настоящий момент автором ведется исследование эволюции системы расселения жителей котловины в I тыс. н. э., некоторые результаты которого уже опубликованы (*Коробов*, 2012а; *Korobov*, 2012). Данная публикация посвящена проблеме выделения центров власти и центральных поселений Кисловодской котловины в рассматриваемый период.

В отечественной литературе этот вопрос практически не рассматривался. Исключение составляют работы М. М. Казанского и А. В. Мастыковой, выделивших несколько предполагаемых центров власти в Центральном Предкавказье, маркированных находками престижных предметов в ряде погребений V–VI вв., в том числе на территории Кисловодской котловины (*Казанский, Мастыкова*, 2001; *Мастыкова*, 2008). Концентрация «привилегированных» могил в районе Пятигорья является, по мнению авторов, археологическим выражением существовавшего здесь «варварского королевства», аналогичного подобным предгосударственным образованиям Западной, Центральной и Восточной Европы.

Между тем изучение раннесредневековых центров власти (*англ*. Central place, Power place; нем. Herrshaftssitze), по-разному выражавшихся в поселенческих и погребальных древностях изучаемого периода, можно считать отдельным сложившимся направлением в европейской археологии, имеющим богатую историографию. Оно берет начало в теории центральных мест, разработанной в 1930-е гг. немецким географом Вальтером Кристаллером (*Christaller*, 1966).

В соответствии с данной теорией, существует оптимальная каркасно-сетевая структура населенных пунктов, которая обеспечивает доступ к объектам сферы услуг, максимально быстрое перемещение между городами и эффективное управление территорией. Система населенных пунктов обладает определенной иерархией, число уровней которой прямо пропорционально социально-экономическому развитию территории. С ростом уровня иерархии населенный пункт предоставляет все больший набор услуг все большему числу нижестоящих поселений.

Система центральных мест (так называемая сетка Кристаллера) имеет форму пчелиных сот (смежных шестиугольных ячеек). Центры некоторых ячеек являются узлами шестиугольной решетки более высокого порядка, центры ее ячеек – узлами решетки еще более высокого порядка и т. д. вплоть до наивысшего уровня с единственным центром.

Данная теория была развита другим немецким географом А. Лёшом (*Лёш*, 2007), предложившим в качестве главного фактора размещения поселений в пространстве закон бережливости усилий при преодолении расстояний; обе теории (Кристаллера и Лёша) составляют одну из основ современной экономической географии (*Хаггет*, 1968. С. 149–155).

В археологии эта методика нашла свое применение в изучении поселенческих структур у адептов «Новой» (процессуальной) археологии, когда по методу Кристаллера осуществляется разделение карты местности с помощью окружностей или шестигранников с выделением поселенческого центра для каждого из них и подбором радиуса для наиболее оптимального деления территории (*Clarke*, 1968. P. 508, 509; *Grant*, 1986). Этот способ применялся, например, В. Б. Ковалевской для картографирования гипотетических мест проживания аланского населения во Франции (*Ковалевская*, 1995. С. 130).

Другим аспектом применения теории Кристаллера в археологических исследованиях стало изучение функции центральности поселений, ставшее особым направлением в европейской поселенческой археологии. Не имея возможности подробно охарактеризовать данное направление, ограничусь здесь упоминанием трех основных школ, рассматривающих разные аспекты центральности поселений: это моделирование иерархии поселений в Великобритании, изучение функциональных особенностей памятников в Германии и выделение центральных поселений по степени богатства находок в Скандинавии (*Steuer*, 2007).

Примером британских исследований, изучающих поселенческую иерархию в духе теории Кристаллера, может служить сборник докладов, обсуждавшихся на специальном семинаре «Центральные места, археология и история», состоявшемся в Оксфорде в 1982 г. (Central Places…, 1986). В статьях нескольких авторов приводятся примеры выделения центральных мест среди археологических памятников раннего железного века, римского времени и раннего Средневековья на территории Англии, в том числе с использованием решетки Кристаллера и полигонов Тиссена. Сходная по методике работа по выделению центров власти среди поселенческих памятников Средневековья, основанная на теории центральных мест Кристаллера, опубликована польским исследователем С. Моддзиохом (*Moździoch*, 1999). Аналогичным представляется методический подход норвежского археолога Б. Мийре (*Myhre*, 1987), который осуществляет выделение территориальных образований по материалам «вождеских» захоронений Норвегии, маркирующих политические центры власти на этой территории. Эти центры выделяются за счет помещения в погребения импортных предметов (золотых, стеклянных и бронзовых сосудов и золотых украшений). Анализ территорий и экономических ресурсов проводится с помощью построения буферных зон и полигонов Тиссена вокруг центров власти. Выделяется девять центров на южном побережье Норвегии, вокруг которых, по мнению автора, сформировались небольшие племенные королевства в поздний римский период и эпоху Великого переселения народов.

В немецкой литературе проблема выделения центральных мест традиционно связывается с выделением особых функций центральности, присущих некоторым поселениям. Методические основы этого подхода изложены в статье Э. Грингмут-Далльмера (*Gringmuth-Dallmer*, 1999). Одним из ярких примеров немецкого подхода к выделению памятников с функциями центральных поселений в эпоху Великого переселения народов и раннего Средневековья стало изучение укрепленных поселений на возвышенностях (*нем*. Höhenbefestigung, Höhensiedlung или Höhenstation), например знаменитого городища Рундер Берг возле Ураха (Runder Berg bei Urach) в Шварцвальде на юго-западе Германии. Исследователей давно привлекал вопрос о функциональном назначении данных памятников. Этому вопросу уделено самое пристальное внимание в работах Х. Штейера и М. Хёпера (*Steuer*, 1994; *Hoeper*, 1998; 2003; *Hoeper, Steuer*, 1999), в которых всесторонне анализируются материалы первой половины IV – второй половины V в. н. э. с городищ на Верхнем Рейне: Рундер Берг, Гайсскопф (Geißkopf), Церингер Бургберг (Zäringer Burgberg), Райссберг (Reißberg) и др. Исследование этих городищ проводилось университетом Фрайбурга в рамках специальной программы в 1980–1990-х гг. Использовалась разведка с применением металлодетекторов,

систематический отбор проб на фосфаты, картографирование найденных материалов; параллельно обследовались позднеантичные памятники региона Верхнего Рейна.

Авторы полагают, что основные исследованные городища на холмах были построены в IV–V вв. как резиденции аламаннской элиты, военные лагеря и центры металлургического производства. Они склоняются к характеристике этих городищ как мест обитания военных вождей – королей, служивших своеобразными центрами власти Верхнего Рейна в рассматриваемый период.

Интерес к памятникам типа Рундер Берг вызвал серию публикаций аналогичных укреплений, изученных в различных горных зонах Европы. Наиболее свежая информация издана в виде трудов специальной конференции, прошедшей в апреле 2004 г. во Фрайбурге и посвященной проблемам исследования укрепленных поселений на возвышенностях (Höhensiedlungen…, 2008). В объемном издании публикуются обзорные материалы об укреплениях на возвышенностях в Германии, Италии, Словении, Швейцарии и во Франции.

Однако задача выделения центров власти у некоторых народов раннего Средневековья затруднена отсутствием подобных укрепленных поселений и других ярких материалов, которые можно связать с варварской элитой. Об этом говорится в недавней работе Х. Штейера, посвященной выделению центров власти у тюрингов (*Steuer*, 2009). Начиная с определения понятия «центр власти», автор предлагает следующие критерии для выделения подобных центров, разработанные на археологических материалах Южной Скандинавии: присутствие крупных дворов с зальными постройками для собраний и ритуалов, наличие укрепления, концентрация качественных ремесленных изделий (оружие, украшения) в окрестностях и относительно высокое развитие рынка, присутствие кладов из драгоценных металлов, наличие среди находок предметов роскоши, сакральные термины в топонимике и гидронимике (Ibid. 2009. S. 203). Практически все эти критерии отсутствуют в древностях тюрингов, поэтому в качестве археологических примеров возможных центров власти в Тюрингии в позднеримское и меровингское время служат погребения с предметами роскоши, которые находятся на расстоянии от 25 до 50 км друг от друга, образуя округа радиусом в 30 км. Замки в качестве центров власти появляются лишь на позднем этапе – в VII–VIII вв., поэтому автор считает, что центры власти тюрингов следует искать на сельских поселениях. Здесь может существовать два вида центров власти – крупные дворы внутри поселений и отдельные поселения с развитым ремеслом.

Как уже упоминалось выше, особую роль в выделении центральных мест обитания как центров власти играют памятники позднеримского времени и раннего Средневековья Южной Скандинавии, в частности Гудме (Gudme), Упокра (Uppåkra), о-в Зеландия (Zealand), оз. Тиссо (Tissø) и др., где были обнаружены яркие поселенческие и погребальные материалы. Их изучение ведется на протяжении последних десятилетий, результатом чего стал выход нескольких объемных сборников статей, например объединивших доклады 52-й конференции по археологии саксов, прошедшей в августе 2001 г. в Лунде (Швеция) (Central places..., 2002). С этой точки зрения чрезвычайно важна теоретическая работа Ш. Фабех, в которой рассматриваются разнообразные аспекты

центральности археологических памятников и ландшафтов на скандинавских примерах (*Fabech*, 1999). Схема иерархии скандинавских поселений, предложенная автором совместно с Ю. Рингтед в более ранней публикации, по сей день используется при анализе функции центральности поселений разного уровня. Построенная на анализе индивидуальных находок с памятников, она представляет собой трехступенчатую градацию из рядовых поселений, центров регионального и надрегионального значения, каждой из которых присущ свой набор находок. Данная схема соотносится с четырехступенчатой иерархией сельских поселений М. Видгрена, включающей мелкие, средние и крупные домовладения, а также центральные поселения в виде крупных домовладений со следами военных, культовых, ремесленных, торговых и пр. функций (подробнее об этом см.: Ibid. P. 456. Fig. 1).

По-прежнему живой интерес вызывает выделение господских дворов и построек как элементов центральности сельских поселений. Свидетельство тому – прекрасно изданный сборник докладов конференции по изучению господских дворов и иерархии власти в регионе южного и восточного побережья Северного моря в I тыс. н. э., посвященной памяти немецкого исследователя знаменитого поселения Феддерсен Вирде (Feddersen Wierde) Вернера Хаарнагеля, которая проходила в Бад Бедеркеза (Германия) в 2007 г. (Herrenhöfe und die Hierarchie der Macht…, 2010). Раскопками В. Хаарнагеля на поселении Феддерсен Вирде была вскрыта усадьба с признаками пребывания элиты (так называемый господский двор или «магнатская ферма»), особенности которой подробно рассмотрены в статьях П. Шмида, Ш. Бурмайстера и А. Вендовски-Шюнеманна, Й. Эверсена (Ibid. S. 21–75). Признаки пребывания элит на поселениях римского времени и раннего Средневековья рассматриваются на примерах из Англии, Германии, Дании, Нидерландов, Польши. Особняком стоит фундаментальная публикация А. Ниссан-Жобер о выделении мест пребывания элиты на меровингских поселениях во Франции (*Nissen-Jaubert*, 2010), индикаторами которых могут являться элементы «римскости» как престижные символы власти у франков, присутствие большого количества костей диких животных как свидетельство занятия охотой или некоторых видов домашних животных (прежде всего, свиньи), а также запасов вина, очень больших хозяйственных ям для хранения продуктов и крупных построек типа амбаров.

Постоянное обращение к проблемам выделения центральных мест на памятниках римского времени и раннего Средневековья Северной Европы, очевидно, неслучайно. В последние годы обострился интерес к теоретическим основам изучения центральности поселений, разработанным более 80 лет назад в рамках экономической географии. Ряд спорных моментов в использовании теории центральных мест в археологии обсуждается в сборнике докладов конференции, проходившей в Бад Бедеркеза в сентябре 2008 г. и посвященной изучению торговли и системы связей областей Северной Европы в I тыс. н. э., изданном в виде первого выпуска обновленной серии «Sachsenforschung». В статьях В. Шенка, Д. Скре и комментариях М. Мюллера-Вилле критически рассматривается применение в археологии теории центральных мест В. Кристаллера и дается оценка ее слабых сторон (Trade and Communication Networks…, 2010. P. 11–13, 220–231, 232–237). Указанные авторы подчеркивают необходимость функционального

анализа средневековых поселений при выделении их в центральные места, а не только изучение уровня богатства находок на поселении, что является основным методом выделения центральных мест в скандинавской археологии (*Skre*, 2010. P. 221, 223, 229). Поэтому в методическом отношении Д. Скре считает более правильным цитированное выше исследование Б. Мийре, выполненное в духе процессуальной археологии и нацеленное на поиск экономического перераспределения продуктов производства средневековых норвежских обществ (*Myhre*, 1987; *Skre*, 2010. P. 222).

Новейшее обобщение методов использования в археологии теории центральных мест, в том числе с применением геоинформационных технологий, содержится в ряде работ немецкого исследователя О. Накоинца (*Nakoinz*, 2009; 2010). Автор пытается вернуться к исходной теории центральных мест В. Кристаллера и отталкивается от его идеи систематизации данных об иерархии поселений. Следуя британскому направлению в изучении территорий и выделении центра и периферии с помощью полигонов Тиссена, О. Накоинц использует критерии для выделения центральных мест, принятые в немецкой и скандинавской археологии (наличие фортификации, импортов, качественной керамики, находок из золота, серебра и других драгоценных материалов, присутствие богатых захоронений, бронзовых сосудов, повозок) (*Nakoinz*, 2010. P. 252). Для ограничения территорий вокруг подобных центров автор использует ГИС-процедуру построения полигонов Тиссена, усовершенствованную с помощью специально созданного алгоритма расчета веса поселений по степени богатства найденных на них материалов (Ibid. P. 252–256). Иерархия поселений создается с помощью кластерного анализа по спектру найденных типов предметов, что является авторской инновацией в археологии (*Nakoinz*, 2009; 2010. P. 256–258). Для выяснения функций поселений предполагается применять нелинейный системный анализ, который пока еще затруднительно использовать для археологических материалов (*Nakoinz*, 2010. P. 258–261). В заключение автор подчеркивает необходимость решения пяти задач при систематизации теории центральных мест: выделение центральных мест, определение их территории, иерархии, процесса централизации и системный анализ для выяснения их функций (Ibid. P. 261. Fig. 10).

Обратимся к поселенческим памятникам I тыс. н. э. в Кисловодской котловине и попытаемся рассмотреть их с точки зрения теории центральных мест. Как уже упоминалось выше, итогом длительного полевого обследования Кисловодской котловины стало выявление многочисленных памятников археологии, значительное число которых относится к эпохе раннего Средневековья и может предварительно датироваться в рамках I тыс. н. э. Предметом специального исследования стали поселенческие памятники как основной источник для анализа системы расселения населения Кисловодской котловины в рассматриваемый период. К таковым относится 153 укрепленных и 131 неукрепленное поселение, предварительно относимые к I тыс. н. э.

Начиная работу по изучению системы расселения алан в Кисловодской котловине в эпоху раннего Средневековья, необходимо выработать принципы разделения имеющихся данных о поселениях на основные группы/классы. Первоначально в литературе утвердилось членение всех укрепленных посе-

лений (городищ) на земляные и каменные (по основному принципу их фортификационного устройства), проведенное в свое время И. М. Чеченовым и В. А. Кузнецовым (*Чеченов*, 1971; *Кузнецов*, 1973. С. 71; *Ковалевская*, 1981. С. 84, 85). И. М. Чеченовым тогда же было предложено разделение аланских земляных городищ на четыре основных типа укреплений (детинец, цитадель, посад, сторожевой пост) и примыкающие к ним открытые селища; автором предполагалась эволюция от простых форм городищ к более сложным (*Чеченов*, 1971. С. 205). Затем появляются отдельные классификации каменных крепостей (*Афанасьев*, 1975. С. 53, 55; *Биджиев*, 1983. С. 144–147). Подробное их критическое рассмотрение осуществлено недавно В. Б. Ковалевской (2005. С. 121–123), которая справедливо отмечает, что все схемы составлены на небольшом количестве материала и по данным, происходящим с узкой территории. Классификация крепостей в окрестностях Кисловодска, предложенная Г. Е. Афанасьевым, включает четыре типа укреплений, различающихся по наличию или отсутствию элементов каменной фортификации (стены-башни, ограждающие укрепленное поселение; цитадель, защищенная отдельными сторожевыми башнями; цитадель, защищенная башней со стеной; цитадель, защищенная стеной без башен) (*Афанасьев*, 1975. С. 53, 55). Эта работа наиболее подробно рассмотрена В. Б. Ковалевской (2005. С. 122), которая отмечает спорные моменты, связанные с недостаточной степенью изученности укреплений. В самом деле, практически нет укрепленных поселений, подвергавшихся систематическим археологическим раскопкам, а данные о сочетании различных элементов фортификации (каменных башен, стен, построек) базируются на визуальном осмотре памятников и лишь изредка на результатах небольших по площади шурфовок и раскопок. Следует признать, что за без малого сорок лет, прошедших с момента публикации Г. Е. Афанасьевым классификации кисловодских укреплений, наши знания о внутренней структуре большинства этих памятников не претерпели кардинальных изменений и по-прежнему базируются на самых общих представлениях об их внешнем виде.

Весьма аргументированной представляется также критика классификации Х. Х. Биджиева, который предлагает разделять поселения на «неукрепленные», «укрепленные без сплошной линии обороны», «укрепления со сплошной линией обороны», «поселения раннегородского типа» и «феодальные замки» (1983. С. 144–147). В. Б. Ковалевская отмечает, что Х. Х. Биджиев в данном случае использует разные по сути критерии выделения классов памятников – в некоторых случаях типологические характеристики заменяются социально-экономическими, что представляется недопустимым (*Ковалевская*, 2005. С. 122, 123).

Таким образом, приходится констатировать, что в настоящее время мы не имеем аргументированных критериев для разделения укрепленных поселений на типы или классы, исходя из особенностей их внутренней структуры и наличия или отсутствия элементов фортификации. Еще сложнее обстоит дело с открытыми поселениями, информация о существовании которых основывается во многих случаях лишь на собранном в процессе разведки подъемном материале – фрагментах керамики. Имеются ли на данном уровне наших знаний какие-либо другие объективные критерии для выделения разных типов укрепленных и неукрепленных поселений в Кисловодской котловине?

Мне представляется, что единственным подобным критерием, возможным для анализа всей совокупности поселений региона, могут являться топографические особенности расположения памятника. Впервые такое деление для укрепленных поселений было применено А. П. Руничем, который наметил три разновидности укреплений: на останцах, на мысах и на холмах-возвышенностях (*Рунич*, 1974. С. 96–109). В дальнейшей работе я использую эти три класса описания укрепленных поселений I тыс. н. э., добавив еще один класс – укрепления на мысах с искусственно эскарпированными склонами. Любопытно, что практически такой же принцип разного расположения раннесредневековых каменных крепостей (мыс, холм, плато, останец) используется В. Б. Ковалевской в сводной таблице северокавказских укреплений (2005. С. 120, 121), однако сам принцип подобного разделения остался без комментариев. Если мы воспользуемся подобным критерием для разделения неукрепленных поселений, то можно выделить четыре класса памятников, расположенных на мысах, склонах, плато и речных террасах.

Таким образом, в настоящий момент на археологической карте древностей I тыс. н. э. Кисловодской котловины имеются сведения о 153 укрепленных поселений I тыс. н. э., из которых 6 расположено на останцах, 98 – на мысах со скальными обрывами, 21 – на мысах с признаками искусственного эскарпирования, а 28 – на возвышенностях и холмах (рис. 1). Присутствует информация о 131 открытом поселении, из которых 46 памятников расположено на мысах, 13 – на плато, 47 – на склонах и 25 – на речных террасах. Далеко не все поселения являлись местами реального обитания, поскольку выявлялись в процессе сбора подъемного материала, обнаруженного в окрестностях многих укрепленных поселений в качестве маркера жизнедеятельности и хозяйственной периферии. После проведенного отбора было выделено 29 поселений, расположенных отдельно от укрепления, на которых зафиксировано присутствие каменных построек, культурного слоя и большого количества подъемного материала. Из них семь обнаружено на мысах, три – на плато, четыре – на склонах и 15 – на речных террасах (рис. 1).

Проведенный анализ позволил разделить выделенные по топографическим особенностям места обитания на два основных массива: 1) «земляные» городища на мысах с эскарпированными склонами и возвышенности на холмах, которые сопровождаются поселениями на речных террасах; 2) «каменные» крепости на останцах и скальных мысах в сопровождении неукрепленных поселений на мысах, склонах и плато. Изучение происходящих с поселений археологических материалов, данных радиоуглеродного анализа и расположенных поблизости от них погребальных древностей дает основание отнести первую группу памятников к первой половине I тыс. н. э., а вторую – ко второй его половине (*Korobov*, 2012. P. 44–47). При этом выявленные хронологические индикаторы, присутствующие на второй группе поселений, позволяют высказать предположение об их существовании в рамках V–VIII вв. и, следовательно, пригодности анализа всего массива укреплений и поселений как синхронных. Остановимся подробнее на характеристике этих поселений с точки зрения выделения центральных мест в системе расселения Кисловодской котловины эпохи раннего Средневековья.

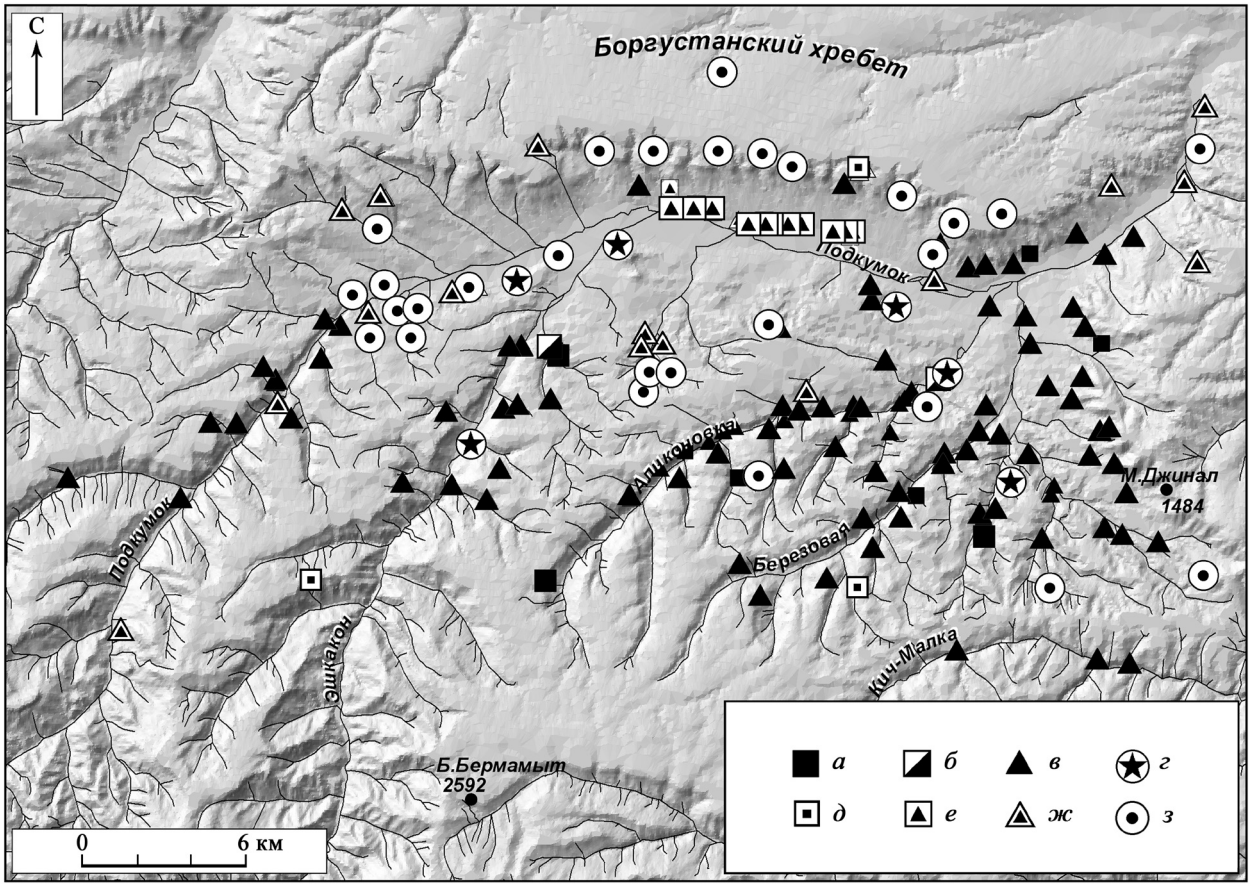


Рис. 1. Карта укрепленных и неукрепленных поселений Кисловодской котловины I тыс. н. э.

Условные обозначения: Поселения: *а* – мысовые; *б* – на склоне; *д* – на плато; *е* – на речной террасе. Укрепления: *в* – мысовые; *г* – на останце; *ж* – мысовые с эскарпом; *з* – на холме

Характерно распределение разного типа укреплений в зависимости от абсолютной высоты, занимаемой памятниками (рис. 2). Так, останцовые укрепления расположены, в целом, в нижней части котловины, занимая в ней центральное положение в пространстве; абсолютная высота их колеблется от 840 (Горное Эхо) до 1170 м (Центральное Эшкаконское). Мысовые укрепления в большинстве своем занимают высоты от 900 до 1300 м над уровнем моря, распределяясь относительно равномерно по изучаемой территории. К этому диапазону относятся 64 из 98 памятников данного класса. На этих же высотах обнаружено большинство неукрепленных поселений. Очевидные различия в особенностях расположения памятников на разной высоте обусловлены геологическим строением Кисловодской котловины, в нижней части которой вдоль долины реки Подкумок располагаются выходы скал из песчаника, превращающихся со временем в выветренные останцы, а верхняя часть ее является ровно наклоненным плоскогорьем (куэстой), сложенным осадочными породами известняка и доломита, которое прорезают каньоны основных притоков правого берега Подкумка (Эшкакона, Аликоновки, Березовой, Кабардинки). Именно на мысах с отвесными скальными обрывами в каньоны рек располагается большинство аланских укреплений региона.

Представляется интересным проанализировать различие разных классов укреплений по площади памятника. Следует сразу оговориться, что площадь рассчитывалась по рельефу местности и границам видимых на поверхности архитектурных сооружений. Поскольку практически ни один памятник не подвергался раскопкам или геофизическому обследованию широкими площадями, данные о площади памятника носят несколько условный характер. Тем не менее очевидно, что при хорошей сохранности фортификационных, жилых и хозяйственных сооружений из камня, наблюдаемых на поверхности большинства памятников, мы вправе судить об их размерах по границам ареала каменных развалин архитектурных сооружений.

Большинство укреплений и поселений на мысах (71 из 105 памятников) имеют площадь памятника менее 0,5 га. Укрепления на останцах имеют в среднем большую площадь, чем остальные: из шести памятников один обладает сравнительно малой площадью – примерно 0,2 га (Первомайское 1), два относятся к средним памятникам с площадью 0,6 и 0,8 га (Кугульское и Клин-Яр), два обладают большой площадью – 1,0 и 1,3 га (Центральное Эшкаконское и Горное Эхо), а одно имеет огромную площадь – 13,5 га (Рим-Гора). В последнем случае следует отметить, что основные слои заселения, обнаруженные на Рим-Горе, относятся к более позднему времени – X–XII вв. Тем не менее на памятнике были найдены материалы, относящиеся к VI–IX вв., а рядом с городищем известно несколько захоронений в катакомбах VIII–IX вв. (могильник Рим-Гора 2). Разумеется, мы не можем быть уверены без проведения специальных исследований, что в эпоху раннего Средневековья была освоена вся площадь этого крупного останца.

Если рассматривать средние значения площади памятников по выделенным группам, то становится очевидной существенная разница между мысовыми укреплениями и поселениями, обладающими в среднем площадью около 0,5 га, и останцовыми (среднее значение площади – 2,0 га). Данное соотношение не-

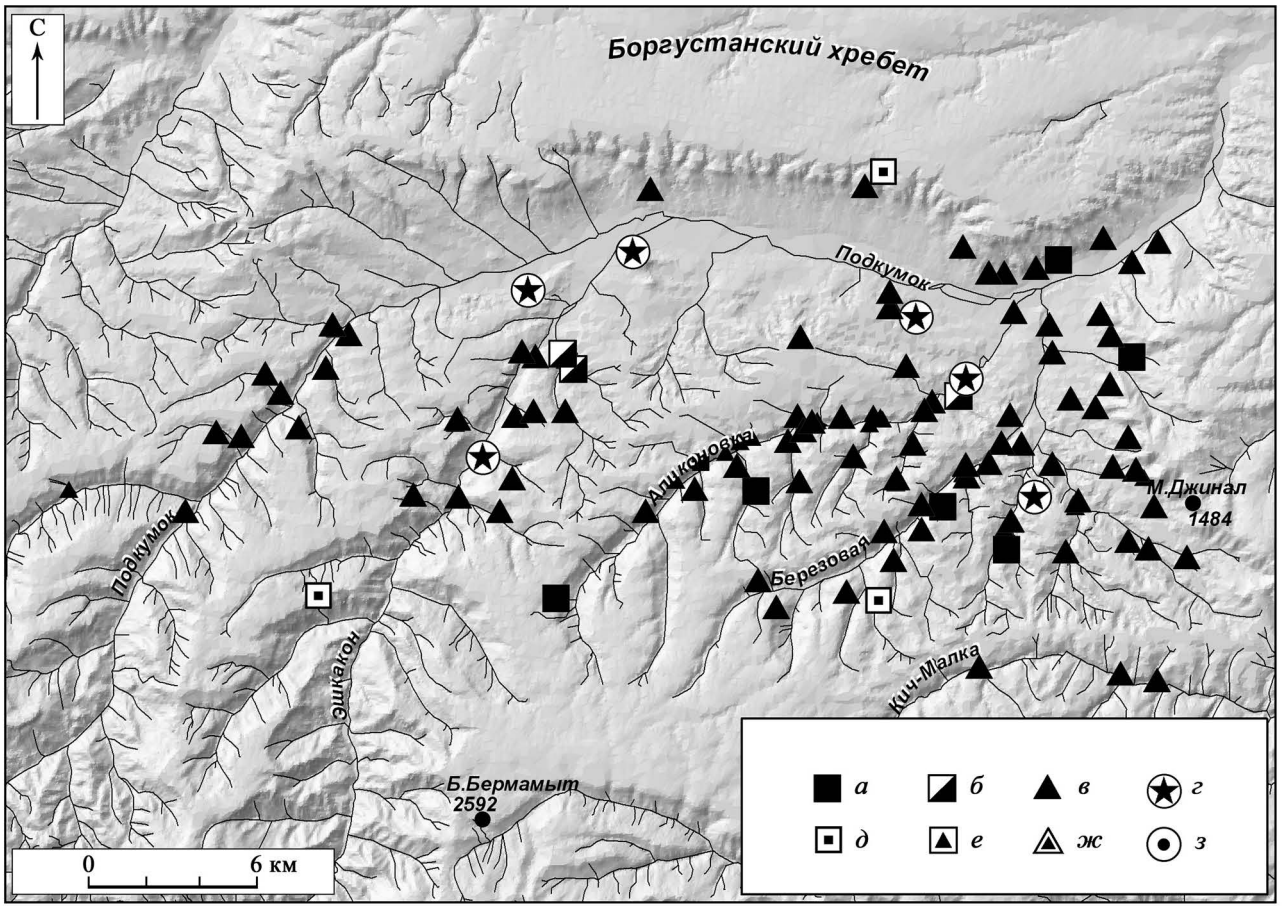


Рис. 2. Карта укрепленных и неукрепленных поселений Кисловодской котловины V–VIII вв. Условные обозначения см. рис. 1

сколько меняется, если мы исключим из рассмотрения останцовое укрепление на Рим-Горе как самое крупное в котловине. Тогда средняя площадь останцовых укреплений также не превышает 1,0 га, но по-прежнему примерно в два раза больше площади укреплений на скальных мысах. На этом фоне выделяется большое по площади открытое поселение Зубчихинское 3, расположенное на плато в верховьях р. Березовой. Площадь нанесенных здесь на топографический план 47 каменных сооружений достигает 3,8 га (*Коробов*, 2012б. С. 200–211). Остальные открытые поселения слабо изучены, а прослеживаемые на их поверхности сооружения не позволяют более или менее достоверно определить площадь памятника.

Другой характерной особенностью останцовых укреплений является присутствие на них большого количества архитектурных сооружений. По наибольшему количеству построек выделяется укрепление на Горном Эхе, подвергавшееся многолетним археологическим раскопкам. Нам доступны лишь самые обобщенные сведения о каменных сооружениях этого памятника, где в процессе раскопок и детальных топографических работ были нанесены на план около 10 башен и не менее 20 построек. Автором раскопок предполагается существование около 70–80 построек на городище, в которых проживало от 300 до 400 человек (*Аржанцева*, 2007. С. 77, 80).

Уникальным архитектурным сооружением является найденный на останцовом укреплении Центральное Эшкаконское колодец глубиной около 14 м, располагавшийся внутри башенного помещения и пробивающий скальный материк до водоносных слоев. К сожалению, подобное сооружение было выявлено в ходе грабительских раскопок местных жителей. Это первый известный случай существования специального сооружения для получения воды внутри помещения башни. Он находит аналогии в кавказской этнографии позднесредневекового периода – есть сведения о подобной организации водоснабжения внутри некоторых ингушских башен (*Виноградов, Чахкиев*, 1984. С. 108). Водосборные цистерны вне построек зафиксированы также на укреплениях Клин-Яр и Рим-Гора.

С этой точки зрения прочие укрепления и поселения Кисловодской котловины, расположенные на мысах и склонах, выглядят достаточно рядовыми и, как правило, состоят из одной-двух башен, каменной стены, одной – трех построек. В связи с этим следует подчеркнуть особый характер поселения Зубчихинское 3, где среди 47 видимых на поверхности построек выделяются предполагаемое святилище, многокомнатное общественное здание и два места общественных собраний (осет. «ныхас», кар.-балк. «ныгыш») в виде кругов из поставленных на ребро обломков скал (*Коробов*, 2012б. С. 202, 204. Рис. 6, *4, 5*).

Наконец, следует обратить внимание на присутствие престижных захоронений, рассматриваемых исследователями как «вождеские», а также особых видов погребальных сооружений – каменных склепов, содержавших богатый инвентарь и расположенных поблизости от рядовых катакомбных могильников или прямо на их территории. «Вождеские» захоронения, сопровождавшиеся наборами престижных импортных предметов, парадными мечами, бронзовыми котлами, обнаружены в катакомбных могильниках возле мысовых укреплений Лермонтовская Скала 1, Мокрая Балка 1, Острый Мыс 1, а также рядом с останцовым укреплением Клин-Яр 3 (*Казанский, Мастыкова*, 2001. С. 139–147;

Мастыкова, 2008. С. 151, 152). В последнем случае в ходе широкомасштабных раскопок здесь обнаружен уникальный элитный участок могильника, на котором в течение V–VII вв. производились захоронения родственной группы населения (*Härke, Belinskij*, 2012). Склеповые захоронения с набором престижного инвентаря сопровождали останцовые укрепления Горное Эхо и Кугуль, а также мысовое укрепление Лермонтовская Скала 1 (*Рунич*, 1979. С. 232–245). Кугульские склепы, расположенные отдельно от катакомбных могильников с рядовыми захоронениями, также дают яркий пример элитного участка «вождеских» захоронений с престижным инвентарем (Там же. С. 247; *Казанский, Мастыкова*, 2001. С. 139–147; *Мастыкова*, 2008. С. 151, 152).

Подведем некоторые итоги. Предварительный анализ поселений V–VIII вв. в Кисловодской котловине, обычно связываемых с аланским населением эпохи раннего Средневековья, позволяет наметить несколько памятников, которые могли выполнять функции центров власти в рассматриваемый период. Основываясь на цитируемых выше зарубежных разработках основных признаков центральности поселений, можно выделить следующие особенности этих памятников: большая площадь, особые конструктивные элементы построек и сооружений, присутствие погребальных конструкций особого рода, богатство и престижность погребального инвентаря, выделение родовых участков элитных погребений. Ограниченный набор данных признаков свидетельствует о недостаточной изученности рассматриваемых памятников, сведения о которых носят пока что самый общий характер. Тем не менее на сегодняшний день следует отметить, что многими из перечисленных выше признаков обладают пять из шести укрепленных поселений на останцах: Рим-Гора, Клин-Яр, Горное Эхо, Кугульское и Центральное Эшкаконское (табл. 1; рис. 3). При этом состояние изученности останцовых укреплений Рим-Гора и Центральное Эшкаконское оставляет желать лучшего. Среди остальных памятников всеми перечисленными признаками центральности обладает городище Горное Эхо, другие укрепления (Клин-Яр и Кугульское) имеют меньшую площадь, а особые по конструкции погребальные или поселенческие сооружения на них не выявлены.

Помимо останцовых укреплений, некоторыми признаками центральности обладают самое крупное раннесредневековое поселение в Кисловодской котловине Зубчихинское 3, а также широко известная крепость Лермонтовская Скала 1, сопровождавшаяся «вождескими» захоронениями, совершенными в катакомбах и склепе. В целом же следует признать, что среди достаточно равноценно выглядящих поселений V–VIII вв. на роль микрорегионального центра в Кисловодской котловине может претендовать городище Горное Эхо, тогда как остальные памятники, скорее всего, могли выполнять роль локальных центров власти местной элиты. Данное предположение уже высказывалось в литературе И. А. Аржанцевой, считающей городище Горное Эхо одной из резиденций неоднократно упоминаемого в византийских письменных источниках аланского царя Сарозия, правившего в середине VI в. н. э. (*Аржанцева*, 2007. С. 76, 77). Несомненно, это предположение нуждается в дополнительной аргументации, однако уже сейчас очевиден неординарный характер ряда укрепленных поселений Кисловодской котловины, среди которых Горное Эхо, очевидно, занимает центральное место.

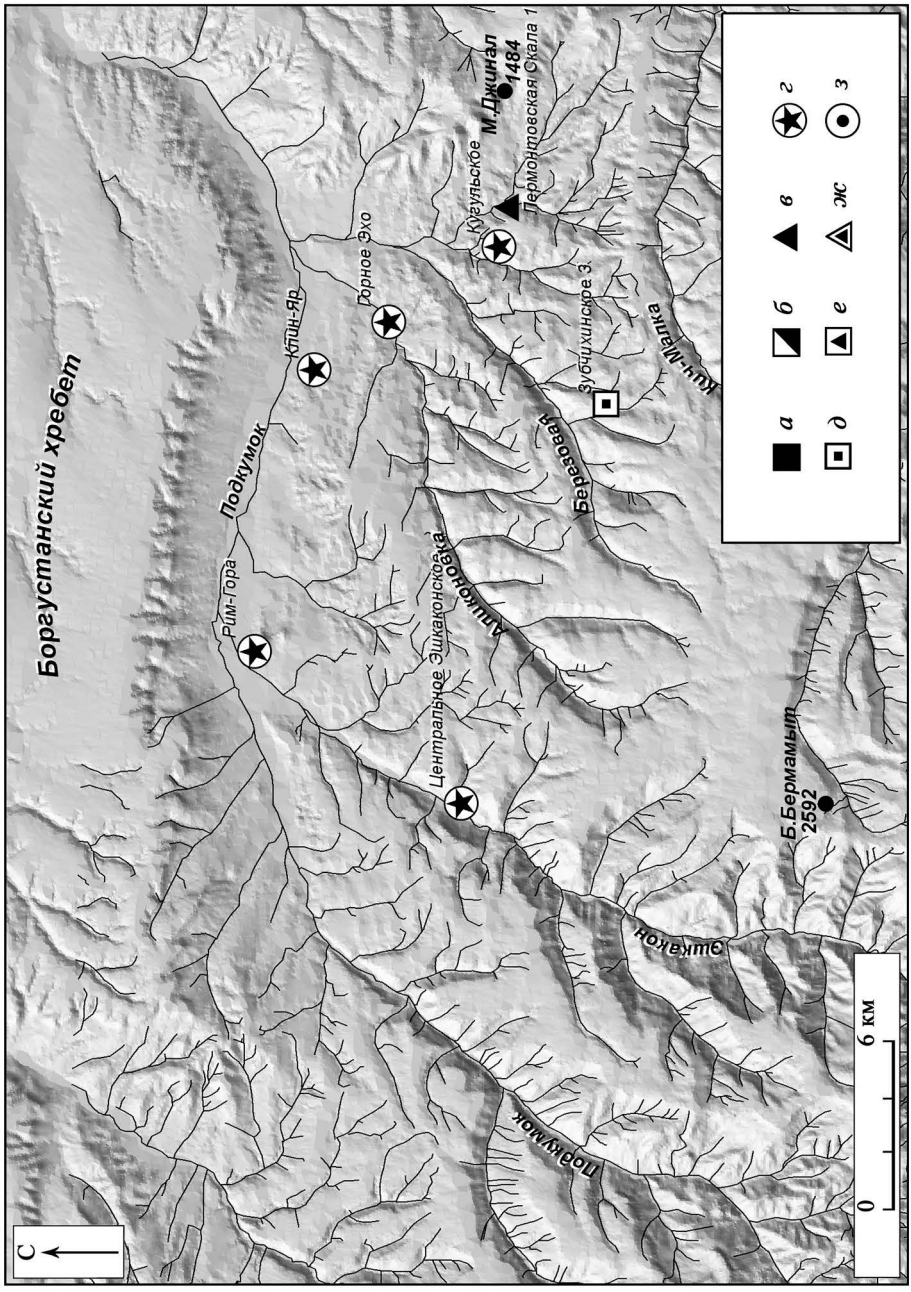


Рис. 3. Поселения Кисловодской котловины, выполнявшие центральные функции в эпоху раннего Средневековья.
Условные обозначения см. рис. 1

Таблица 1. Признаки центральности некоторых поселений Кисловодской котловины

Признаки	Рим-Гора	Клин-Яр	Горное Эхо	Кугульское	Центральное Эшкаконское	Зубчихинское 3	Лермонтовская Скала
Большая площадь	+	–	+	–	+	+	–
Конструктивные особенности построек	+	+	+	–	+	+	–
Особые погребальные сооружения	?	–	+	+	?	?	+
Богатство погребального инвентаря	?	+	+	+	?	?	+
Родовые участки элитных погребений	?	+	+	+	?	?	?

ЛИТЕРАТУРА

Аржанцева И. А., 2007. Каменные крепости алан // РА. № 2. С. 75–88.

Афанасьев Г. Е., 1975. Поселения VI–IX вв. района Кисловодска // СА. № 3. С. 53–62.

Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С., 2004. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир. 240 с.

Биджиев Х. Х., 1983. Хумаринское городище. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва. 234 с.

Виноградов В. Б., Чахкиев Д. Ю., 1984. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье // СЭ. № 1. С. 98–110.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2001. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М.: ИА РАН. С. 138–161. (МИАР; № 3.)

Ковалевская В. Б., 1981. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 83–97. (Археология СССР.)

Ковалевская В. Б., 1995. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М.: ИА РАН. 192 с.

Ковалевская В. Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН. 398 с.

Коробов Д. С., 2012а. ГИС-моделирование пахотных угодий эпохи раннего средневековья у алан Кисловодской котловины // КСИА. Вып. 226. С. 17–27.

Коробов Д. С., 2012б. Раннесредневековые поселения в Зубчихинской балке близ Кисловодска // ПИФК. № 1 (35). С. 188–215.

Коробов Д. С., 2013. Этапы заселения Кисловодской котловины по данным археологии // КСИА. Вып. 228. С. 19–33.

Кузнецов В. А., 1973. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII веках // СА. № 2. С. 60–74.

Лёш А., 2007. Пространственная организация хозяйства М.: Наука. 663 с.

Мастыкова А. В., 2008. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // ПИФК. Вып. XXI. С. 149–159.

Рунич А. П., 1974. Укрепления раннего средневековья в Кисловодской котловине // Археолого-этнографический сборник. Т. 1. Нальчик: Эльбрус. С. 95–109.

Рунич А. П., 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. № 4. С. 232–247.

Хаггет П., 1968. Пространственный анализ в экономической географии. М.: Прогресс. 392 с.

Чеченов И. М., 1971. Средневековые городища Кабардино-Балкарии // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в СССР в 1970 г. (археологические секции). Тбилиси: АН СССР; АН ГрССР. С. 204–206.

Central Places, Archaeology and History / Ed. E. Grant. Sheffield: Sheffield University Press, 1986. 122 p.

Central places in the Migration and Merovingian period / Eds B. Hårdh, L. Larsson. Papers from the 52nd Sachsensymposium. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 2002. 362 p.

Christaller W., 1966. Central places in southern Germany / Transl. by Carlisle W. Baskin. New Jersey: Prentice-Hall. 230 p.

Clarke D., 1968. Analytical Archaeology. London: Methuen & Co Ltd. 684 p.

Fabech Ch., 1999. Centrality in sites and landscapes // Fabech Ch., Ringtved J. (eds). Settlement and Landscape. Proceedings of a conference in Århus, Denmark, May 4–7 1998. Aarhus: Aarhus University Press. P. 455–473.

Grant E., 1986. Hill-forts, Central Places and Territories // Grant E. (ed.). Central Places, Archaeology and History. Sheffield: Sheffield University Press. P. 13–26.

Gringmuth-Dallmer E., 1999. Methodische Überlegungen zur Erforschung zentraler Orte in ur- und frühgeschichtlicher Zeit // Moździoch S. (ed.). Centrum i zaplecze we wczesnośredniowiecznej Europie Środkowej, Spotkania Bytomskie. 3. Wrocław: WERK. S. 9–20.

Härke H., Belinskij A., 2012. The «elite plot» in the cemetery of Klin-Yar (Russia). The emergence of a hereditary elite in the Early Alanic North Caucasus? // Chronica. Annual of the Institute of History University of Szeged. Vol. 12. Szeged: University of Szeged. P. 133–142.

Herrenhöfe und die Hierarchie der Macht im Raum südlich und östlich der Nordsee von der Vorrömische Eiserzeit bis zum frühen Mittelalter und Wikingerzeit. Siedlungs- und Küstenforschung im südlichen Nordseegebiet. Bd. 33 / Hrsg. H. Jöns, P. Schmid, M. D. Schön, W. F. Zimmermann. Rahden (Westf.): Verlag Marie Leidorf GmbH, 2010. 299 S.

Hoeper M., 1998. Die Höhensiedlungen der Alemannen und ihre Deutungsmöglichkeiten zwischen Fürstensitz, Heerlager, Rückzugsraum und Kultplatz // Geuenich D. (Hrsg.). Die Franken und die Alamannen bis zur «Schlacht bei Zuelpich» (496/97). Berlin; New York: Walter de Gruyter. S. 325–348.

Hoeper M., 2003. Völkerwanderungszeitliche Höhenstationen am Oberrhein. Geisskopf bei Berghaupten und Kügeleskopf bei Ortenberg. Archaologie und Geschichte. Bd. 12. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag. 270 S.

Hoeper M., Steuer H., 1999. Eine völkerwanderungszeitliche Höhenstation am Oberrhein – der Geißkopf bei Berghaupten, Ortenaukreis. Höhensiedlung, Kultplatz oder Militärlager? // Germania. 77. Mainz am Rhein: Verlag Phillip von Zabern. S. 185–246.

Höhensiedlungen zwischen Antike und Mittelalter von den Ardennen bis zur Adria. Hrgs. von H. Steuer, V. Bierbrauer. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde – Ergänzungsbände. Bd. 58. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008. 894 S.

Korobov D., 2012. Early Medieval Settlement in Southern Russia: Changing Directions // Medieval Archaeology. Vol. 56. P. 34–59.

Moździoch S., 1999. Miejsca centralne Polski wczesnopiastowskiej-organizacja przestrzeni we wczesnym średniowieczu jako źródło poznania systemu społeczno-gospodarczego // Moździoch S. (ed.). Centrum i zaplecze we wczesnośredniowiecznej Europie Środkowej. Wrocław: WERK. S. 21–51. (Spotkania Bytomskie. 3.)

Myhre B., 1987. Chieftains' graves and chiefdom territories in South Norway in the Migration Period // Studien zur Sachsenforschung. Bd. 6. P. 169–187.

Nakoinz O., 2009. Die Methode zur quantitativen Untersuchung kultureller Ähnlichkeiten im Rahmen des Projektes «Siedlungshierarchien und kulturelle Räume» // Krausse D., Nakoinz O. (Hrsg.). Kulturraum und Territorialität: archäologische Theorien, Methoden und Fall beispiele: Kolloquium des DFG-SPP 1171, Esslingen 17.–18. Januar 2007. Rahden/Westf.: Leidorf. S. 87–97. (Internationale Archäologie. Bd. 13.)

Nakoinz O., 2010. Concepts of Central Place Research in Archaeology // Landscapes and human development. The contribution of European archaeology. Proceedings of the International Workshop «Socio-Environmental Dynamics over the Last 12.000 Years: The Creation of Landscapes (1st–4th April 2009)». Bonn: Habelt. P. 251–264. (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie. Bd. 191.)

Nissen-Jaubert A., 2010. Late antique and early medieval high-status sites in France // Herrenhöfe und die Hierarchie der Macht im Raum südlich und östlich der Nordsee von der Vorrömische Eiserzeit bis zum frühen Mittelalter und Wikingerzeit / Hrsg. H. Jöns, P. Schmid, M. D. Schön, W. F. Zimmermann. Rahden (Westf.): Verlag Marie Leidorf GmbH. P. 240–258. (Siedlungs- und Küstenforschung im südlichen Nordseegebiet. Bd. 33.)

Skre D., 2010. Centrality and places. The central place at Skiringssal in Vestfold, Norway // Trade and Communication Networks of the First Millenium AD in the northern part of Central Europe. Central Places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centers / Eds B. Ludowici, H. Jöns, S. Kleingärtner, J. Scheschkewitz, M. Hardt. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag. P. 220–231. (Neue Studien zur Sachsenforschung. Bd. 1.)

Steuer H., 1994. The Hierarchy of Alamannic Settlements in the Former Limes Region of South-Western Germany to AD 500 // Journal of European Archaeology. Vol. 2.1. P. 82–96.

Steuer H., 2007. Zentralorte // Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. XXXV. Berlin; New York: Walter de Gruyter. S. 878–914.

Steuer H., 2009. Die Herrshaftssitze der Thüringer // Castritius H., Geuenich D., Werner M. (Hrsg.). Die Frühzeit der Thüringer. Archäologie, Sprache, Geschichte. Berlin; New York: Walter de Gruyter. S. 201–233. (Reallexikon der Germanischen Altertumskunde – Ergänzungsbände. Bd. 63.)

Trade and Communication Networks of the First Millenium AD in the northern part of Central Europe. Central Places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centers / Eds B. Ludowici, H. Jöns, S. Kleingärtner, J. Scheschkewitz, M. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 2010. 383 p. (Hardt. Neue Studien zur Sachsenforschung. Bd. 1.)

Сведения об авторе.

Коробов Дмитрий Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: dkorobov@mail.ru.

D. S. Korobov

Burials of Alanian «leaders» and centres of power in the Kislovodsk depression in the Early Medieval period

Abstract. This article considers the problem of the central role of settlements and identifiable centres of power in the Early Medieval period in the Kislovodsk depression. This question has not been investigated in detail in our country, whereas elsewhere the study of Early Medieval centres of power can be regarded as a distinct and well-established area of research. Preliminary analysis of Early Medieval settlements in the Kislovodsk depres-

sion (Fig. 2) makes it possible to single out several criteria for determining their central function: large area, structural features of buildings, the wealth and prestigious nature of grave goods, the marking out of clan areas within the concentration of elite burials. Many of the features listed above are found in five out of the six fortified settlements built on rock buttes: Rim-Gora, Klin-Yar, Gornoye Ekho, Kugul and Tsentralnoye Eshkakonskoye, the Zubchikha 3 settlement and also the fortification known as Lermontovskaya Skala 1 (Fig. 3). Among the settlements of the 5th–8th cc. in the Kislovodsk depression which would appear to be of more or less equal importance, the fortified settlement Gornoye Ekho could lay claim to the role of micro-regional centre. The other sites are more likely to have been centres of power just for the local elite.

Keywords: Kislovodsk depression, North Caucasus, Early Medieval period, Alanian culture, centres of power, theory of central places, settlement hierarchy, leaders' burials.

REFERENCES

Afanas'yev G. Ye., 1975. Poseleniya VI–IX vv. rayona Kislovodska [Settlements of VI–IX cc. of Kislovodsk region]. *SA,* 3, pp. 53–62.

Afanas'yev G. Ye., Savenko S. N., Korobov D. S., 2004. Drevnosti Kislovodskoy kotloviny [Antiquities of Kislovodsk depression]. Moscow: Nauchny mir. 240 p.

Arzhantseva I. A., 2007. Kamennyye kreposti alan [Stone fortresses of Alans]. *RA*, 2, pp. 75–88.

Bidzhiyev Kh. Kh., 1983. Khumarinskoye gorodishche [Khumarinskoye fortified settlement]. Cherkessk: Karachayevo-Cherkesskoye otdeleniye Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva. 234 p.

Central places in the Migration and Merovingian period, 2002. Papers from the 52nd Sachsen symposium. B. Hårdh, L. Larsson, eds. Stockholm: Almqvist & Wiksell International. 362 p.

Central Places, Archaeology and History, 1986. E. Grant, ed. Sheffield: Sheffield University Press. 122 p.

Chechenov I. M., 1971. Srednevekovyye gorodishcha Kabardino-Balkarii [Medieval fortified settlements of Kabardino-Balkaria]. *Tezisy dokladov, posvyashchennykh itogam polevykh arkheologicheskikh issledovany v SSSR v 1970 g. (arkheologicheskiye sektsii)* [*Abstracts of reports devoted to the results of field archaeological researches in the USSR in 1970 (Archaeological sections)*]. Tbilisi: Akademiya nauk USSR; Akademiya nauk Gruzinskoy SSR, pp. 204–206.

Christaller W., 1966. Central places in southern Germany. Carlisle W. Baskin, translated. New Jersey: Prentice-Hall. 230 p.

Clarke D., 1968. Analytical Archaeology. London: Methuen & Co. Ltd. 684 p.

Fabech Ch., 1999. Centrality in sites and landscapes. *Settlement and Landscape*. Proceedings of a conference in Århus, Denmark, May 4–7 1998. Ch. Fabech, J. Ringtved, eds. Aarhus: Aarhus University Press, pp. 455–473.

Grant E., 1986. Hill-forts, Central Places and Territories. *Grant E., ed. Central Places, Archaeology and History.* Sheffield: Sheffield University Press, pp. 13–26.

Gringmuth-Dallmer E., 1999. Methodische Überlegungen zur Erforschung zentraler Orte in ur- und frühgeschichtlicher Zeit. *Centrum i zaplecze we wczesnośredniowiecznej Europie Środkowej*. S. Moździoch, ed. Wrocław: WERK, ss. 9–20. (*Spotkania Bytomskie.* 3.)

Hagget P., 1968. Prostranstvenny analiz v ekonomicheskoy geografii [Spatial analysis in economic geography]. Moscow: Progress. 392 p.

Härke H., Belinskij A., 2012. The «elite plot» in the cemetery of Klin-Yar (Russia). The emergence of a hereditary elite in the Early Alanic North Caucasus? *Chronica. Annual of the Institute of History University of Szeged*, 12. Szeged: University of Szeged, pp. 133–142.

Herrenhöfe und die Hierarchie der Macht im Raum südlich und östlich der Nordsee von der Vorrömische Eiserzeit bis zum frühen Mittelalter und Wikingerzeit, 2010. H. Jöns, Hrsg. Rahden(Westf.):

Verlag Marie Leidorf GmbH. 299 s. (Siedlungs- und Küstenforschung im südlichen Nordseegebiet, 33.)

Hoeper M., 1998. Die Höhensiedlungen der Alemannen und ihre Deutungsmöglichkeiten zwischen Fürstensitz, Heerlager, Rückzugsraum und Kultplatz. *Die Franken und die Alamannen bis zur «Schlacht bei Zuelpich»* (496/97). D. Geuenich, Hrsg. Berlin; New York: Walter de Gruyter, s. 325–348.

Hoeper M., 2003. Völkerwanderungszeitliche Höhenstationen am Oberrhein. Geisskopf bei Berghaupten und Kügeleskopf bei Ortenberg. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag. 270 p. (Archaologie und Geschichte, 12.)

Hoeper M., Steuer H., 1999. Eine völkerwanderungszeitliche Höhenstation am Oberrhein – der Geißkopf bei Berghaupten, Ortenaukreis. Höhensiedlung, Kultplatz oder Militärlager? *Germania*, 77. Mainz am Rhein: Verlag Phillip von Zabern, ss. 185–246.

Höhensiedlungen zwischen Antike und Mittelalter von den Ardennen bis zur Adria, 2008. Heiko Steuer und Volker Bierbrauer, hrgs. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 894 s. (Reallexikon der Germanischen Altertumskunde – Ergänzungsbände, 58.)

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 2001. Tsentry vlasti i torgovyye puti v Zapadnoy Alanii v V–VI vv. [Centers of power and trade routes in West Alania in V–VI cc.]. *Severny Kavkaz: istoriko-arkheologicheskiye ocherki i zametki* [*North Caucasus: historical-archaeological essays and notes*]. M. P. Abramova, V. I. Markovin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 138–161.

Korobov D., 2012. Early Medieval Settlement in Southern Russia: Changing Directions. *Medieval Archaeology*, 56, pp. 34–59.

Korobov D. S., 2012a. GIS-modelirovaniye pakhotnykh ugody epokhi rannego srednevekov'ya u alan Kislovodskoy kotloviny [GIS-modelling of arable lands of early Medieval epoch among Alans of Kislovodsk depression]. *KSIA*, 226, pp. 17–27.

Korobov D. S., 2012b. Rannesrednevekovyye poseleniya v Zubchikhinskoy balke bliz Kislovodska [Early medieval settlements in Zubchikhinskaya gully near Kislovodsk]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of history, philology, culture*], 1 (35), pp. 188–215.

Korobov D. S., 2013. Etapy zaseleniya Kislovodskoy kotloviny po dannym arkheologii [Stages of settlement of Kislovodsk depression according to the data of archaeology]. *KSIA*, 228, pp. 19–33.

Kovalevskaya V. B., 1981. Severokavkazskiye drevnosti [North Caucasian antiquities]. *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya* [*Steppes of Eurasia in medieval epoch*]. S. A. Pletneva, ed. Moscow: Nauka, pp. 83–97. (Arkheologiya SSSR [Archaeology of the USSR].)

Kovalevskaya V. B., 1995. Arkheologicheskaya kul'tura – praktika, teoriya, komp'yuter [Archaeological culture – practice, theory, computer]. Moscow: IA RAN. 192 p.

Kovalevskaya V. B., 2005. Kavkaz – skify, sarmaty, alany. I tys. do n. e. – I tys. n. e. [Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans. I mill. BC – I mill. AD]. Moscow: IA RAN. 398 p.

Kuznetsov V. A., 1973. Alanskaya kul'tura Tsentral'nogo Kavkaza i yeye lokal'nyye varianty v V–XIII vekakh [Alan culture of Central Caucasus and its local variants in V–XIII centuries]. *SA*, 2, pp. 60–74.

Lösch A., 2007. Prostranstvennaya organizatsiya khozyaystva [Spatial structure of economy]. Moscow: Nauka. 663 p.

Mastykova A. V., 2008. «Varvarskiye korolevstva» epokhi Velikogo pereseleniya narodov u alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [«Barbarian kingdoms» of the epoch of Migration Period among Alans of Central Caucasus Piedmonts]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of history, philology, culture*], XXI, pp. 149–159.

Możdzioch S., 1999. Miejsca centralne Polski wczesnopiastowskiej – organizacja przestrzeni we wczesnym średniowieczu jako źródło poznania systemu społeczno-gospodarczego. *Centrum i zaplecze we wczesnośredniowiecznej Europie Środkowej.* S. Możdzioch, ed. Wrocław: WERK, pp. 21–51. (*Spotkania Bytomskie*. 3.)

Myhre B., 1987. Chieftains' graves and chiefdom territories in South Norway in the Migration Period. *Studien zur Sachsenforschung*, 6, pp. 169–187.

Nakoinz O., 2009. Die Methode zur quantitativen Untersuchung kultureller Ähnlichkeiten im Rahmen des Projektes «Siedlungshierarchien und kulturelle Räume». *Kulturraum und Territorialität: archäologische Theorien, Methoden und Fall beispiele*. D. Krausse, O. Nakoinz, Hrsg. Rahden (Westf.): Leidorf, pp. 87–97. (Internationale Archäologie, 13.)

Nakoinz O., 2010. Concepts of Central Place Research in Archaeology. *Landscapes and human development. The contribution of European archaeology*. Bonn: Habelt, pp. 251–264. (Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie, 191.)

Nissen Jaubert A., 2010. Late antique and early medieval high-status sites in France. *Herrenhöfe und die Hierarchie der Macht im Raum südlich und östlich der Nordsee von der Vorrömische Eiserzeit bis zum frühen Mittelalter und Wikingerzeit*. Rahden (Westf.): Verlag Marie Leidorf GmbH, pp. 240–258. (Siedlungs- und Küstenforschung im südlichen Nordseegebiet, 33.)

Runich A. P., 1974. Ukrepleniya rannego srednevekov'ya v Kislovodskoy kotlovine [Hillforts of early Middle Ages in Kislovodsk depression]. *Arkheologo-etnograficheskiy sbornik* [*Archaeological-ethnographic collection of articles*], 1. Nal'chik: El'brus, pp. 95–109.

Runich A. P., 1979. Rannesrednevekovyye sklepy Pyatigor'ya [Early medieval burial vaults of Pyatigorsk region]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*], 4, pp. 232–247.

Skre D., 2010. Centrality and places. The central place at Skiringssal in Vestfold, Norway. *Trade and Communication Networks of the First Millennium AD in the northern part of Central Europe, 2010. Central Places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centers.* B. Ludowici, ed. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, pp. 220–231. (Neue Studien zur Sachsenforschung, 1.)

Steuer H., 1994. The Hierarchy of Alamannic Settlements in the Former Limes Region of South-Western Germany to AD 500. *Journal of European Archaeology*, 2(1), pp. 82–96.

Steuer H., 2007. Zentralorte. *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde,* XXXV, pp. 878–914.

Steuer H., 2009. Die Herrshaftssitze der Thüringer. *Die Frühzeit der Thüringer*. *Archäologie, Sprache, Geschichte.* H. Castritius, Hrsg. Berlin; New York: Walter de Gruyter, pp. 201–233. (*Reallexikon der Germanischen Altertumskunde – Ergänzungsbände,* 63.)

Trade and Communication Networks of the First Millenium AD in the northern part of Central Europe, 2010. Central Places, Beach Markets, Landing Places and Trading Centers. B. Ludowici, ed. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag. 383 p. (Neue Studien zur Sachsenforschung, 1.)

Vinogradov V. B., Chakhkiyev D. Yu., 1984. Nekotoryye traditsii voyennogo iskusstva vaynakhov v srednevekov'ye [Some traditions of military art of Vainakhs in Middle Ages]. *Sovetskaya etnografiya* [*Soviet Ethnography*], 1, pp. 98–110.

About the author.

Korobov Dmitrij S., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: dkorobov@mail.ru.

С. Н. Савенко

ЕЩЕ ОДНО ЗАХОРОНЕНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ АЛАНСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ НАЧАЛА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ
(по архивным материалам А. П. Рунича)

Резюме. Кисловодская котловина насыщена яркими памятниками различных периодов. Здесь выявлен ряд богатых комплексов V–VI вв. н. э. Многие из них обнаружены и введены в научный оборот А. П. Руничем. В его архиве имеются и пока не известные специалистам данные. В статье представлен один из таких комплексов – № 1 (8) из могильника Березовский 2, с признаками элитности. В катакомбе были захоронены: мужчина, ребенок (девочка?), женщина и юноша с обильным и разнообразным инвентарем. Комплекс включал статусные и престижные предметы: меч с инкрустированным перекрестием, золотая обкладка ножен или горита, бронзовый котел с железной ручкой, серебряные изделия, парадные поясные пряжки и другие детали костюма. По уровню богатства он уступает набору из известной катакомбы 10 могильника Лермонтовская Скала 2 у Кисловодска, но явно выделяется среди других захоронений района. Данный комплекс подтверждает мнение об особом месте Кисловодской котловины в социально-политическом пространстве Северокавказского региона в эпоху Великого переселения народов как центра власти, социальной иерархии, всаднической и «княжеской» моды в погребальной обрядности.

Ключевые слова: Кисловодская котловина, аланы, элитные погребения, престижные вещи, княжеская мода.

Кисловодская котловина – особый природно-географический и эколого-культурный микрорегион Северного Кавказа, известный археологам в связи с наличием ярких и ценных комплексов и артефактов различных исторических эпох, включая эпоху Великого переселения народов. Первым стал вводить в научный оборот богатые комплексы V–VI вв. н. э. окрестностей Кисловодска А. П. Рунич (1911–1986). Они были выявлены в могильниках: Лермонтовская скала 2 (*Рунич*, 1976. С. 256, 266), Острый мыс 1 (*Рунич*, 1975. С. 128, 129), склеповый Кугульский 2 (*Рунич*, 1979. С. 242. Рис. 7), Мокрая Балка 1 (*Афанасьев, Рунич*, 2001. С. 228–231. Рис. 150, 151) и др. Эти материалы, наряду с находками других исследователей, позволили отнести район Кисловодска к «центрам власти» рас-

Рис. 1. Карта месторасположения могильника Березовский 2

сматриваемого периода (*Казанский, Мастыкова*, 2001. С. 139–161; *Мастыкова*, 2008а. С. 154, 155).

Во время подготовки конференции, посвященной 100-летию А. П. Рунича (Археология и краеведение Кавминвод…, 2012), на базе Пятигорского краеведческого музея очередной раз изучались архивы и просматривались коллекции археолога-краеведа, хранящиеся в музеях Пятигорска, Кисловодска и Ставрополя. Среди этих материалов имеются данные, не вошедшие в отчеты. Публикация посвящена представлению и интерпретации одного из них – комплекса № 1 (8) из могильника Березовский 2, обладающего показателями «элитности». Данный комплекс имеет и другую нумерацию. В фондах хранящего его Кисловодского историко-краеведческого музея «Крепость» могильник назван «Березовским-III» (КИКМ, Оф. 3559). Имеются машинописные листы описания А. П. Руничем комплекса под указанным номером. Но в неопубликованной рукописи А. П. Рунича «Березовский могильник № 2», находящейся в музее «Крепость» (КИКМ, Оф. 4735/7. С. 5) и ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей»

(ПКМ, Оф. 12135), данное захоронение отнесено к могильнику Березовский 2 под номером 12 (13). В связи с приведенными обстоятельствами мы используем порядковый номер хранения Кисловодского музея и следуем логике его исследователя А. П. Рунича, связывая комплекс с могильником Березовский 2, внесенным нами в общий перечень памятников археологии Кисловодской котловины под номером 234 (*Афанасьев и др.*, 2004. С. 131, 132).

Этот памятник расположен в границах Кисловодской котловины, вблизи и частично на территории поселка Левоберезовский (бывший Пчелосовхоз) Предгорного района Ставропольского края, на высокой скальной террасе левобережной части ущелья реки Березовки, на расстоянии 4,2–4,5 км к юго-юго-западу от окраины г. Кисловодска (рис. 1).

Предлагаемое определение комплекса проводится во избежание дальнейшей путаницы, поскольку в полевой документации А. П. Рунича имеется могильник, названный им «Березовский № 3» (*Рунич*, 1959. С. 17). Но этот объект располагался в ином месте, примерно на 4 км ближе к Кисловодску, и относился к кобанскому времени.

Для выяснения состава инвентарных наборов костяков катакомбы их необходимо было частично реконструировать, для чего использовались отдельные неполные иллюстрации А. П. Рунича, его описание погребения (КИКМ, Оф. 4735/9) и реально сохранившиеся коллекции в фондах КИКМ «Крепость».

Описание погребального комплекса № 1 (8)

Рассматриваемое захоронение № 1 (8) могильника Березовский 2 было совершено в достаточно глубокой (378 см от дневной поверхности) камере, вырубленной в плотной мергелистой глине. Входная яма и часть камеры были разрушены. В камере, размеры которой (233 × 145 × 75 см) превосходят средние, расчищены останки 4 погребенных, лежавших вытянуто на спине (ориентировка – ЗЗС): мужчины, маленького (до 2–3 лет) ребенка – девочки (?), женщины и подростка, возможно юноши (рис. 2, *1*). Смещение скелетов не отмечено, но часть находок выявлена в заполнении камеры выше уровня дна. А. П. Рунич связывал это обстоятельство с деятельностью грызунов. Не выявлялись в камере и дополнительные элементы обряда – подстилки, подсыпки.

Первым от входа был ***мужчина-воин (костяк А)*** с мечом, перекрестье которого инкрустировано цветными стеклами (рис. 2, *А-8*). Длина двулезвийного клинка около 80 см (острие обломано), наибольшая ширина – 4,5–5 см. Он лежал вдоль левой руки мужчины, перекрывая костяк ребенка. В области нижней части истлевших ножен обнаружена тонкая золотая фольга с фигурным контуром и рельефными продольными полосами во фрагментах (рис. 2, *А-11*; цв. илл. X, *4*). Можно предполагать, что этой фольгой была обложена часть ножен. Навершие рукояти, вероятно, завершалось бронзовой цилиндрической обоймой высотой 16–17, диаметром – 14–15 мм (рис. 2, *А-9*). Такая интерпретация предмета дана А. П. Руничем. Однако не исключено, что это изделие являлось трубчатой горловиной металлического флакона, части корпуса которого входили в инвентарь второго погребенного.

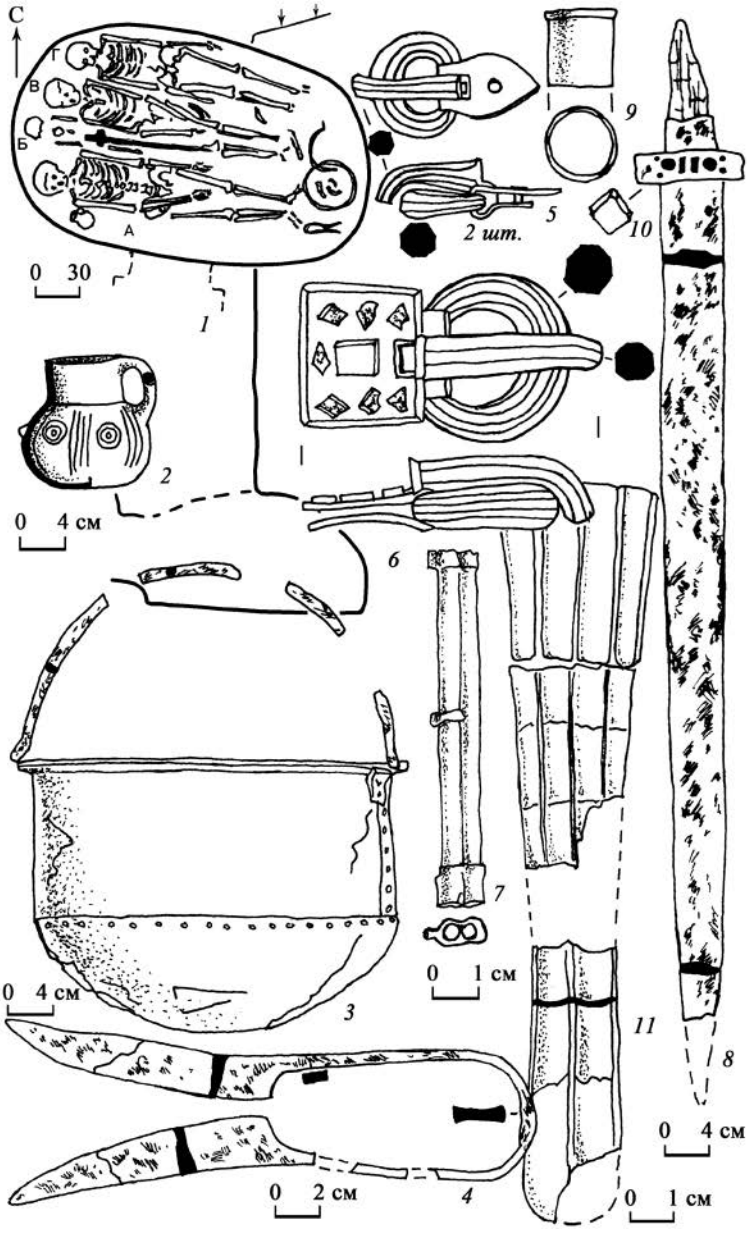


Рис. 2. Комплекс № 1 (8) могильника Березовский 2.
Чертежи катакомбы и погребальный инвентарь костяка 1

А. *1* – план и разрез катакомбы; *2* – кружка; *3* – котел; *4* – ножницы; *5* – пряжки (2 шт.); *6* – массивная пряжка; *7* – игольник из трубочек; *8* – меч с инкрустированным перекрестьем; *9* – обойма; *10* – вставка от перекрестья меча; *11* – обкладка из тонкой фольги.
2 – керамика; *3, 7, 9* – бронза, железо; *4* – железо; *5* – серебро; *6* – серебро, позолота, альмандин; *8* – железо, стекло; *10* – стекло; *11* – золото

На пояснице мужчины находилась крупная серебряная пряжка с овальной утолщенной в передней части граненой рамкой, выступающим хоботковидным граненым язычком и квадратным позолоченным щитком обоймы, украшенным альмандиновыми вставками; общая длина с хоботком – 65 мм (рис. 2, *А-6*; цв. илл. X, *1*).

Две серебряные обувные пряжки с овальной, утолщенной в передней части граненой рамкой, выступающим хоботковидным граненым язычком и геральдическими пластинчатыми щитками обойм выявлены у берцовых костей. Длина пряжек с хоботком – 40 мм (рис. 2, *А-5*; цв. илл. X, *2*).

У правого плеча располагалась керамическая кружка с пятью умбоновидными выступами с рельефными обводами и пролощеными полосами на тулове, высота кружки – 108–110 мм (рис. 2, *А-2*). Выше сосуда возле правого виска лежал бронзовый игольник из двух соединенных цилиндрических трубочек, общая длина предмета – 77 мм (рис. 2, *А-7*; цв. илл. X, *3*).

В ногах располагался металлический бронзовый (медный?) кованый и клепаный котел с железной дуговидной ручкой и креплениями-ушками (рис. 2, *А-3*) с костями барана или козы внутри него. Котел был склепан из трех листов (2 – корпус, 1 – дно). Деформированное тулово корпуса первоначально было цилиндрическим с расширенным путем отгиба верхним краем (сначала почти горизонтально, затем узкая кромка загнута вверх). Дно в виде шарового сегмента приклепано сверху к нижней части тулова заклепками с плоскими округлыми шляпками, расположенными на расстоянии от 15 до 40 мм друг от друга. Диаметр шляпок – 5–6 мм. Тулово склепано из двух примерно одинаковых по длине прямоугольных листов, соединенных нахлестом шириной 6–8 мм, один край листа сверху, другой под низ. Заклепки здесь также имели овальные шляпки диаметром 4–6 мм и располагались на расстоянии 20–30 мм друг от друга. У краев листов, идущих под низ, прикреплялись железные крепления с отверстиями для изогнутых концов уключин ручки. Они были выполнены из подпрямоугольной ленты, изогнутой по конфигурации верхнего края котла. Высота – примерно 80 мм, ширина – 20 мм. Диаметр дна котла около 310 мм, диаметр по краю – 330–332 мм, высота корпуса с отгибом края, без дна – 145 мм. Высота дна – примерно 85–90 мм. Толщина листов – 1–1,5 мм.

Справа от котла лежали железные пружинные ножницы во фрагментах общей длиной 225–230 мм (рис. 2, *А-4*).

В погребальный набор, возможно, входили также мелкие серебряные предметы от деталей ножен и фрагменты железных предметов, найденные в заполнении, но их соотношение с данным костяком четко не фиксируется.

На груди ***ребенка (костяк Б)*** была бронзовая семилепестковая брошь (на обороте сохранились следы припоя, вероятно, от приемника иглы и держателя оси пружины или шарнира) с прозрачными желтыми овальными стеклянными вставками на лепестках и в центре (сохранилось 5 вставок), общая ширина предмета 37 мм (рис. 3, *Б-1*; цв. илл. X, *5*), и серебряная двупластинчатая малая литая фибула, одна пластина которой подромбовидная, другая – сегментовидная, общая длина фибулы 47 мм (рис. 3, *Б-2*; цв. илл. X, *6*).

Женский костяк (костяк В) сопровождался обильным инвентарем. В области поясницы располагался ряд предметов. Дисковидное бронзовое украшение

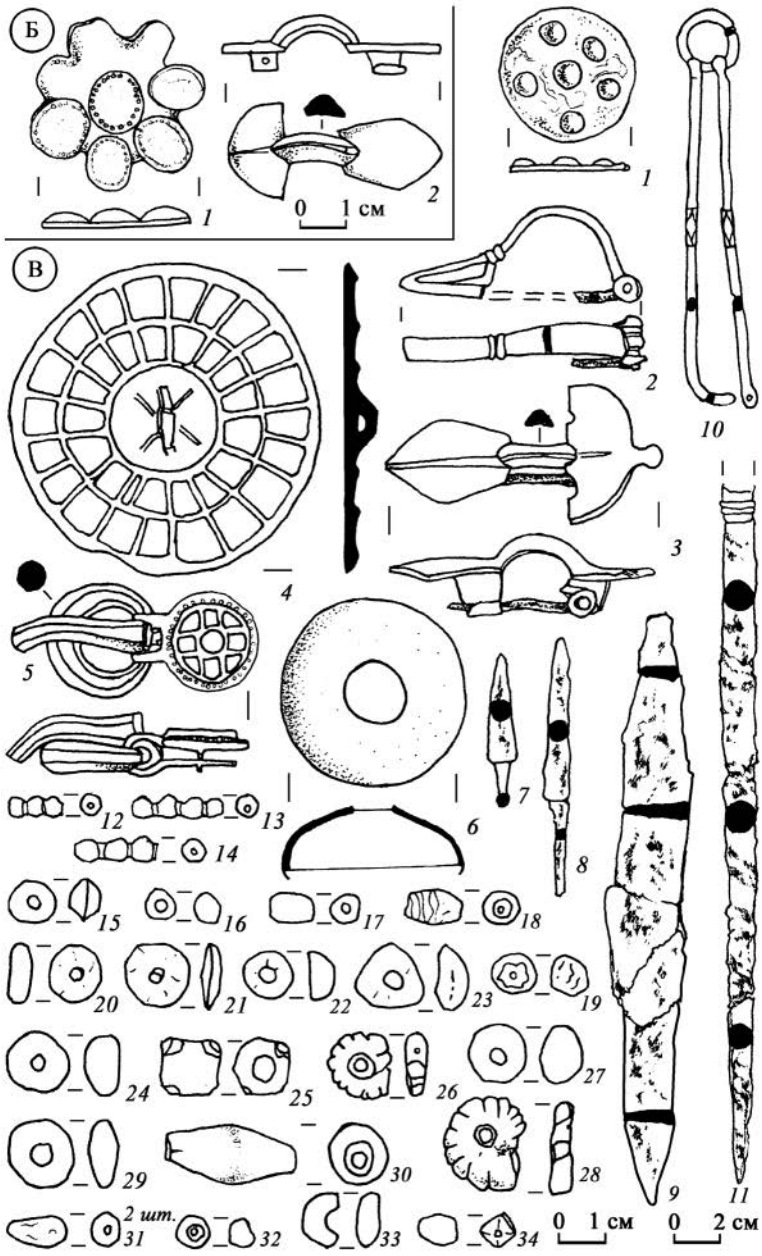


Рис. 3. Комплекс № 1 (8) могильника Березовский 2.
Погребальный инвентарь костяка 2 и костяка 3 (частично)

Б. *1* – украшение – имитация броши; *2* – фибула. В. *1* – пластинчатое украшение; *2, 3* – фибулы; *4* – зеркало; *5* – пряжка; *6* – часть флакона; *7, 8* – наконечники стрел; *9* – нож; *10* – ногтечистка и копоушка на кольце; *11* – витой стержень (штырь?); *12–25, 27, 29–34* – бусы из различных материалов; *26, 28* – подвески

(имитация броши) с овальными стеклянными красными несимметрично расположенными вставками, диаметр диска – 29 мм (рис. 3, *В-1*; цв. илл. X, *8*). Массивная серебряная пряжка с овальной утолщенной в передней части рамкой, выступающим хоботковидным граненым язычком и округлой обоймой, инкрустированной зелеными в оттенках стеклянными вставками, общая длина 52 мм (рис. 3, *В-5*; цв. илл. X, *7*). Зеркало дисковидное с центральной петлей и рельефным зонно-лучевым орнаментом из металлического сплава серого цвета, средний диаметр 66–67 мм (рис. 3, *В-4*; цв. илл. X, *10*). Туалетный набор из серебряных ногтечистки и копоушки на одном кольце, в средней части корпусов обоих предметов – врезной многогранный элемент, длина без кольца 74–77 мм (рис. 3, *В-10*; цв. илл. X, *9*). Две серебряные фибулы: одна двучленная прогнутая подвязная с ленточным корпусом, переходящим в кольцо для крепления бронзовой оси пружины, игла – железная (сломана), длина 52 мм (рис. 3, *В-2*); вторая – двупластинчатая малая литая, передняя пластина подромбовидная, задняя – сегментовидная с вырезами и выступом в виде кнопки, игла и пружина бронзовые, ось для крепления пружины железная, длина 58 мм (рис. 3, *В-3*; цв. илл. X, *11*). Часть бронзового флакона в виде сжатого пластинчатого шарового сегмента, диаметром 38 мм (рис. 3, *В-6*).

В области шеи и грудной клетки расчищены разнообразные по материалу, размерам и расцветке бусы из одноцветного и многоцветного стекла, фаянса, янтаря, сердолика, других камней, мела, сурьмы (?), раковин – «аммонитов» (цв. илл. XI). Из стекла были изготовлены бусины: трехсоставная и четырехсоставная с внутренним серебрением; трехсоставная синяя; бисегментовидная синяя; неправильно овальная из темного стекла, подпризматическая с широким цилиндрическим каналом голубая; биусеченно-коническая из светло-желтого стекла; неправильно овальные уплощенные из полупрозрачного темно-синего стекла (2 экз.); подцилиндрическая сжатая синяя; половина бусины уплощенно-кольцевидная из белого стекла; неправильно овальная, в сечении ромбовидная, светло-зеленая; уплощенно-цилиндрические стеклянные глазчатые, фон черный, капли белые (3 экз.); крупная овально-сжатая из многоцветного стекла, фон черный, 2 ломаные линии – белая и коричневая; крупная овально-сжатая из многоцветного стекла, фон зеленый, 4 ломаные линии – белые; подэллипсоидной формы из многоцветного стекла с поперечно-полосчатым орнаментом, полосы голубого, серого и светло-желтого цвета; сжато-овальная темно-синяя, сжато-цилиндрическая из синего стекла; сжато-цилиндрическая мозаичная из многоцветного стекла: цвета – черный, белый, желтый, коричневый; сжато-овальная с продольно частополосчатым орнаментом, полоски изогнутые синие, темно-коричневые, желтые; сжато-подцилиндрическая с широким каналом из зеленоватого стекла; подцилиндрическая сжатая зелено-голубая; подэллипсоидной формы из многоцветного стекла, фон синий, колечки белые; полиэдрическая

Б. *1* – бронза, стекло; *2* – серебро;

В. *1* – бронза, стекло; *2, 3* – серебро, железо; *4* – металлический сплав; *5, 10, 11* – серебро; *6* – бронза; *7–9* – железо; *12, 13* – стекло с внутренним серебрением; *14, 15, 16, 24, 25, 30, 31* (2 шт.), *32, 33, 34* – стекло разноцветное; *17, 19, 27* – сердолик; *18, 21* – камень; *20, 22, 23, 29* – янтарь; *26, 28* – раковины

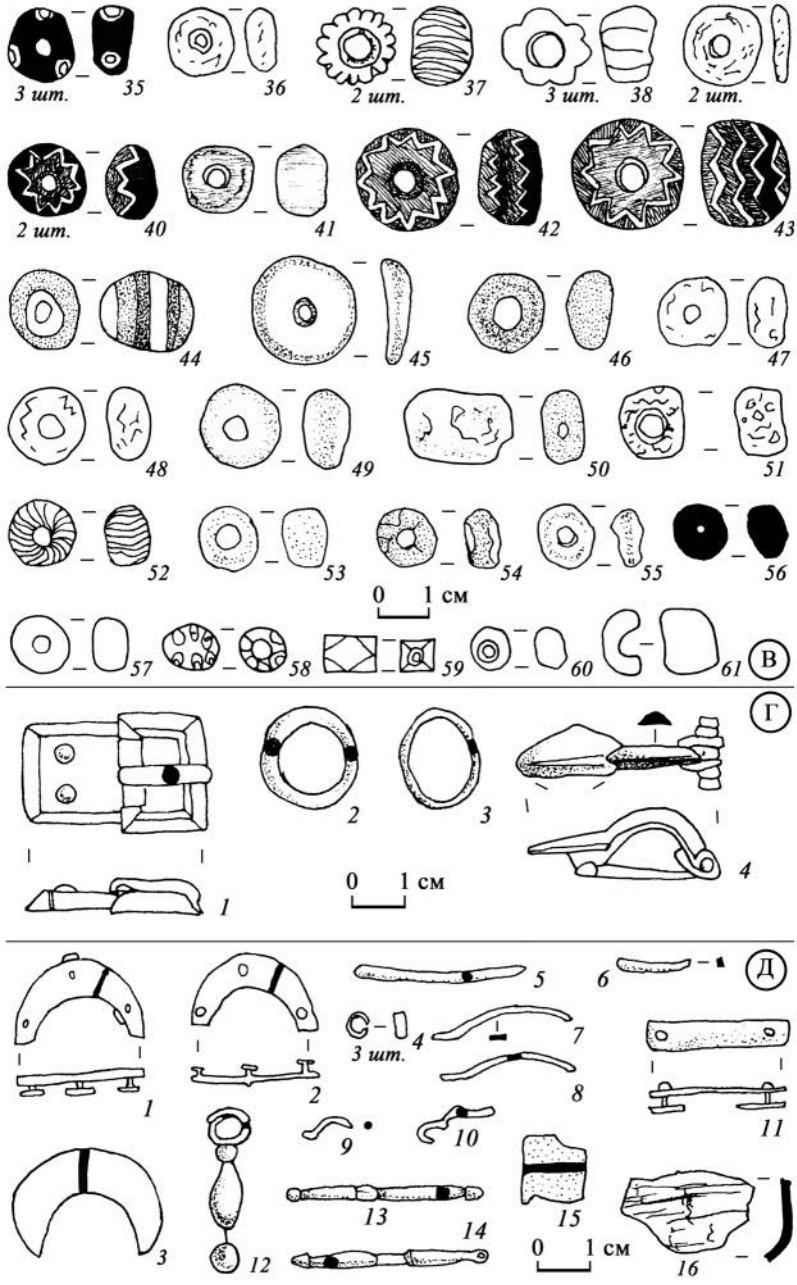


Рис. 4. Комплекс № 1 (8) могильника Березовский 2. Погребальный инвентарь костяка 3 (частично), костяка 4 и находки в заполнении катакомбы (частично)

14-гранная светло-синяя полупрозрачная; овальная синяя (рис. 3, *В-12–16, 25, 30–34;* 4, *В–35, 42–44, 46, 48, 51–53, 57–60*).

Встречены 2 фаянсовые ребристые бусины зелено-голубого цвета (рис. 4, *В-37*).

Из янтаря изготовлены 9 бус: округло-уплощенная; неправильно-овально-уплощенная коричневая; потреугольная уплощенная темно-коричневого цвета; дисковидная коричнево-красная; уплощенно-овальная темно-коричневого цвета; дисковидная красно-коричневая; 2 сжато-цилиндрические с неровной поверхностью красно-коричневого и желто-коричневого цвета; овально-уплощенная (+ фрагмент) коричневая (рис. 3, *В-20, 22–23, 29;* рис. 4. *В-36, 39, 47, 49, 55*).

4 сердоликовые бусины: подпризматическая желто-коричневая; неправильно овальная из желтого с прожилками сердолика; овально-уплощенная светло-коричневая; сжато-овальная с неровной поверхностью светло-коричневого цвета (рис. 3, *В-17, 19, 27;* 4, *В-54*). Из серого камня изготовлено 2 бусины – подцилиндрическая и уплощенно-сегментовидная (рис. 3, *В-18, 21*), из мела – часть цилиндрической с широким каналом (рис. 4, *В-61*).

Обнаружены 2 бусины-подвески из плоских спирально завитых раковин типа аммонитов с центральным отверстием (рис. 3, *В-26, 28*) и 2 тяжеловесные бусины из сурьмы (рис. 4, *В-41, 45*).

У левого бедра погребенной был железный нож длиной 125 мм (рис. 3, *В-9*). У берцовой кости – 2 мелких железных наконечника стрел с редким овальным в сечении бойком, длиною 31 и 54 мм (рис. 3, *В-7–8*). У стоп ног располагался длинный витой железный заостренный, округлый в сечении стержень (штырь?) во фрагментах, общая длина более 30 см, в сечении – до 15 мм (рис. 3, *В-11*). Предположительно он мог быть связан с металлическим котлом.

На ***четвертом погребенном (костяк Г)*** на грудной клетке была бронзовая двучленная фибула с пластинчатым приемником и ножкой подромбовидной формы, игла и пружина бронзовые, но другого цвета, чем корпус, ось для крепления пружины железная; общая длина – 43 мм (рис. 4, *Г-4*). На поясе располагалась бронзовая прямоугольно-рамчатая пряжка с язычком, не выходящим за рамку, и квадратным щитком обоймы общей длиной 38 мм (рис. 4, *Г-1*) и два бронзовых колечка, овальные в плане и в сечении, разной толщины (рис. 4, *Г-2–3*).

Ряд различных предметов, включая некоторые описанные бусы, находились в заполнении выше пола, частично в кротовьих норах. Среди них были луновидные накладки со штифтами для крепления – бронзовая (цв. илл. XI, *6*) и 2 серебряные (рис. 4, *Д-1–3*). Группа изделий из серебра: колечки разомкнутые (3 экз.) цилиндрические (рис. 4, *Д-4*); обоймы от ножен кинжала или ножа

В. *35–61* – бусы из различных материалов;

Г. *1* – пряжка; *2–3* – кольца височные; *4* – фибула;

Д. *1–3* – луновидные накладки; *4* – колечки; *5–10* – проволочные скобки; *11* – накладка; *12* – серьга с каплевидной подвеской; *13–14* – фигурные «скалочки»; *15* – фрагмент пластинки; *16* – фрагмент пластинки;

В. 35 (3 шт.), *40, 42–44, 46, 48, 51–53, 56–60* – стекло многоцветное; *36, 39, 47, 49* – янтарь; *37, 38, 55* – фаянс; *41, 45* – сурьма; *50, 54* – сердолик; *61* – мел;

Г. *1–4* – бронза;

Д. *1, 5–15* – бронза; *2, 3, 4* (3 шт.) – серебро; *16* – дерево

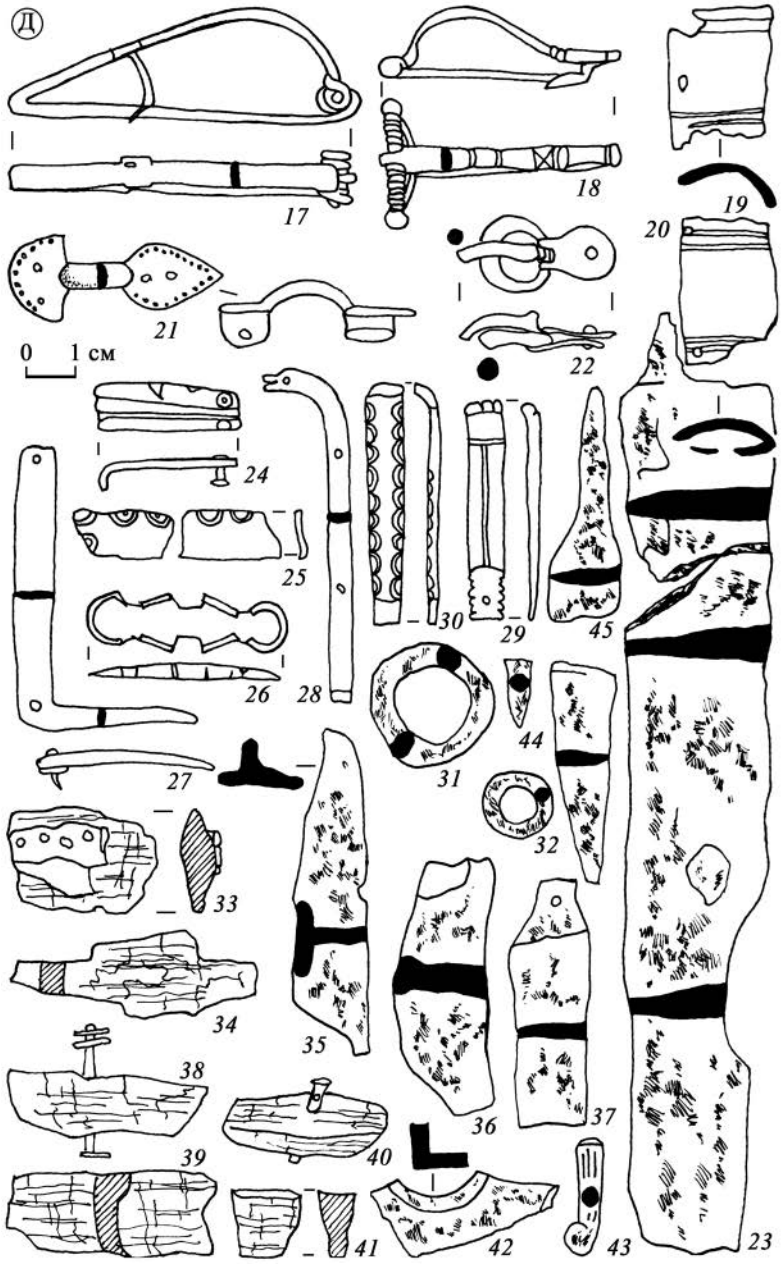


Рис. 5. Комплекс № 1 (8) могильника Березовский 2.
Находки в заполнении катакомбы (продолжение)

пластинчатые, в сечении подлинзовидные, с парами углубленных поперечных полос по краям (рис. 5, *Д-19–20*); пряжка с округлой в плане и в сечении, утолщенной в передней части рамкой, хоботковидным сильно выступающим язычком и овальным щитком обоймы, общая длина 33 мм (рис. 5, *Д-22*; цв. илл. XI, *2*); оковка от ножен, пластинчатая узкая, с двумя вдавленными поперечными линиями (рис. 5, *Д-24*; цв. илл. XI, *3*); фрагменты пластинчатой обкладки (?) с орнаментом в виде полукружий с точкой посередине (рис. 5, *Д-25*; цв. илл. XI, *3*); предмет фигурный – деталь от ножен (?), длина – 43 мм (рис. 5, *Д-26*); Г-образная обивка от ножен, высота – 60 мм, ширина – 38 мм (рис. 5, *Д-27*; цв. илл. XI, *3*); обивка от ножен в виде удлиненной полосы с двумя отверстиями и загнутым концом, оформленным головкой змеи или другого животного, высота – 70 мм (рис. 5, *Д-28*; цв. илл. XI, *3*); ременные наконечники (?) в виде подпрямоугольных утолщенных полосок с рельефной средней частью и орнаментом в виде насечек или частых смежных овальных углублений по продольным краям (рис. 5, *Д-29–30*; цв. илл. XI, *5*).

Выявлена также серия предметов из бронзы: проволочные скобки и фрагменты креплений, в сечении овальные и прямоугольные (рис. 4, *Д-5-10*; цв. илл. XI, *6*); накладка вытянуто-прямоугольная со штифтами и запорными пластинками (рис. 4, *Д-11*; цв. илл. XI, *6*); литая серьга с каплевидной подвеской и утолщением на переходе к колечку (рис. 4, *Д-12*); фигурные «скалочки» (рис. 4, *Д-13–14*); фрагмент пластинки (рис. 4, *Д-15*); крупная дуговидная фибула с приемником, закрепленным через отверстие в крестообразном корпусе, железной осью для крепления пружины, общая длина изделия – 70 мм (рис. 5, *Д-17*; цв. илл. XI, *4*); фибула двучленная прогнутая подвязная с уплощенной орнаментированной напилами дужкой и вертикальной стойкой для крепления оси пружины, общей длиной – 50 мм (рис. 5, *Д-18*); фибула двухпластинчатая малая, одна пластина подромбовидная, другая – сегментовидная, с приклепанными приемником иглы и стойкой для крепления оси пружины, по краям пластин и дужки – пуансонный орнамент, длина – 45 мм (рис. 5, *Д-21*).

Из железа выполнены: части однолезвийного кинжала (или боевого ножа), в сечении удлиненно-подтреугольного, длина сохранившейся части – 20 см, ширина лезвия у черена – 3 см (рис. 5, *Д-23*); кольца – большое и малое, овальные в плане и овально-уплощенные в сечении, диаметр – 25 и 16 мм (рис. 5, *Д-31–32*); детали предметов усложненного Г-образного и Т-образного сечения (рис. 5, *Д-35–36, 42*); часть предмета (рис. 5, *Д-37*); фрагменты от овальных в сечении черешков стрел со следами дерева на поверхностях (рис. 5, *Д-43–44*); нож во фрагментах (рис. 5, *Д-45*).

Д. *17, 18, 21* – фибулы; *19, 20* – обоймы от ножен кинжала или ножа; *22* – пряжка; *23* – части кинжала или боевого ножа; *24* – оковка от ножен; *25* – фрагменты обкладки; *26* – фигурный предмет – деталь от ножен (?); *27* – обивка от ножен; *28* – обивка от ножен; *29, 30* – детали оформления ножен (?); *31, 32* – кольца; *33, 34, 38–41* – детали предметов со штифтами; *35, 36, 42* – детали предметов усложненного сечения; *37* – часть ножа; *43, 44* – фрагменты от черешков стрел; *45* – нож во фрагментах;

Д. *17, 18, 21* – бронза; *19, 20, 22, 24–30* – серебро; *23, 31, 32, 35–37, 42–45* – железо; *33, 34, 38–41* – дерево, бронза

Встречены детали резных деревянных предметов с бронзовыми штифтами и без них различной конфигурации (рис. 5, *Д-33, 34, 38–41*), возможно от сосуда; фрагмент деревянной пластинки (рис. 4, *Д-16*).

Хронология, социально-культурный контекст

Состав инвентаря представленного комплекса позволяет выделять его из числа рядовых и ординарных захоронений и заслуживает более обстоятельной социально-культурной оценки.

Интерпретация социальной символики и содержания погребального обряда была и остается актуальной и исключительно сложной задачей археологической науки (см., напр.: Погребальный обряд…, 1999; Теоретические и методические подходы…, 2005; Культ предков вождей, правителей…, 2010 и др.). Одним из важных в этой области является очевидное, но далеко не всегда в достаточной мере учитываемое положение о том, что захоронение – это результат понимания общественных норм, обычаев и традиций погребальной обрядности и выражения отношения к умершему (-им) живых представителей сообществ, преимущественно его (их) родственников и близких людей. Самооценка и реальная ситуация прижизненного социального положения в обществе умершего могла отличаться (и нередко отличалась) от того, как его определяли участники погребальной церемонии. Социально-информативными исследователи считают: масштабность и сложность погребального сооружения; половозрастной и количественный состав погребенных; социально-функциональную маркированность, состав, степень богатства и престижности инвентарных наборов; соотношение погребального комплекса с другими захоронениями могильника; соотношение комплекса с подобными в культурно-хронологическом смысле погребениями других могильников.

Исходя из учета указанных обстоятельств, был проведен анализ представленного комплекса в сравнении с близкими по хронологии и качественным характеристикам «элитными» захоронениями Кисловодской котловины и контактных территорий. На основании его результатов предложена общая социально-культурная оценка данного захоронения и погребенных в нем людей.

Начнем с суждений о хронологическом определении комплекса. Набор разнообразных предметов из катакомбы представляется репрезентативным для соотнесения его с разработанными и опубликованными хронологическими построениями Г. Е. Афанасьева (1976; 1979. С. 43–51), В. Б. Ковалевской (1981. С. 83–97. Рис. 60–64), А. К. Амброза (1989), И. П. Засецкой (1994), О. А. Гей, И. А. Бажана (1997), М. П. Абрамовой (1997), И. О. Гавритухина, В. Ю. Малашева (1998. С. 28–86), М. М. Казанского, А. В. Мастыковой (1998. С. 102–135; 2010. С. 160–163) и других исследователей.

Комплекс содержит в своем составе большое число предметов, морфологические и технологические особенности которых широко используются для выделения хронологических индикаторов и реперов (поясные пряжки, фибулы, предметы вооружения, бусы). Особенно яркими характеристиками обладают пряжки. Пять из шести экземпляров имеют овальные, утолщенные в передней

части рамки с сильно выступающими за них хоботковыми язычками, часто выполненными из многогранного в сечении прута. Исследователи, начиная с ранних работ И. П. Засецкой (1968. С. 52, 53), А. К. Амброза (1971. С. 102, 103), такие пряжки уверенно относят к V в. н. э. Сегодня для подобных образцов можно найти немало аналогий в материалах Северокавказского региона. Уточнения последнего времени, предложенные И. О. Гавритухиным и В. Ю. Малашевым, восприняты у них Т. А. Габуевым (*Габуев, Хохлова*, 2012. С. 23, 24). Они касаются относительно раннего (первые десятилетия V в.) признака хоботковых пряжек, когда язычки на них плотно прилегают к корпусу рамки на всей их длине. Морфологические особенности наших экземпляров позволяют датировать их первой половиной – серединой V в. н. э.

От большинства пряжек комплекса отличается только шестая прямоугольно-рамчатая пряжка с небольшим язычком (рис. 4, *Г-1*). Она выглядит более архаичной. В погребениях V в. прямоугольно-рамчатые экземпляры редки (*Ковалевская*, 1979. Табл. 6, *176–179*; Табл. XXI, *23, 24*). В. Ю. Малашев на позднесарматских материалах определил подобные пряжки как разновидность П3б и установил время их бытования в пределах III в. н. э. (*Малашев*, 2000. С. 196, 221. Рис. 2). Но сходные пряжки из Крыма, правда более крупные и без обоймы, А. И. Айбабин датировал по аналогиям конца IV – V в. с территории Венгрии (*Айбабин*, 1990. С. 49).

Из семи фибул комплекса три – малые двупластинчатые черняховской традиции. На Северном Кавказе, включая Кисловодскую котловину, они встречаются в комплексах V в. н. э. (*Мастыкова*, 2009. С. 48, 268. Рис. 23). Фибула с ромбической ножкой из комплекса инвентаря костяка 4 (рис. 4, *Г-4*) отнесена И. О. Гавритухиным к серии Киев – Тайманово и датирована не ранее гуннского времени (*Гавритухин*, 2007. С. 21).

Двучленная прогнутая подвязная фибула из комплекса третьего костяка (рис. 3, *В-2*) «понто-кавказской традиции» (*Мастыкова*, 2009. С. 41–43) и находит почти полную аналогию в погребении 483 могильника Дюрсо, в котором найдены также близкие формы пряжек, туалетного набора, двухтрубчатый игольник, разновидности янтарных бус (*Дмитриев*, 1982. С. 92. Рис. 9, *5а, 12, 13, 15, 28, 39*). Погребение отнесено А. В. Дмитриевым к I этапу существования могильника, т. е. к последней трети V в. н. э. (1982. С. 103).

Две другие фибулы, найденные в заполнении катакомбы, имеют следующие морфологические особенности. Фибула Д-18 (рис. 5, *Д-18*) может быть отнесена к образцам, принадлежащим, по А. В. Мастыковой, к черняховской (восточногерманской) традиции, один из сходных образцов найден в могильнике Бжид-1 (*Мастыкова*, 2009. С. 267. Рис. 22, *2*). Крупная бронзовая фибула Д-17 (рис. 5, *Д-17*) обладает признаками абхазских, в частности по типу крепления приемника (*Воронов*, 1979. С. 46–48).

Меч комплекса по зарисовке А. П. Рунича очень похож на парадный экземпляр из катакомбы № 123 могильника Мокрая Балка-1 (*Афанасьев, Рунич*, 2001. С. 228, 230, 231. Рис. 151). М. М. Казанский датировал его первой половиной – серединой V в. н. э. (2008. С. 748). К сожалению, сам предмет пока не обнаружен в фондах Кисловодского музея «Крепость» и нет возможности изучить его более детально. На рисунке он показан широким, и можно предполагать, что

лезвие имело два продольных ребра жесткости, как и другие ранневизантийские экземпляры.

Обращает на себя внимание золотая пластинчатая обкладка (рис. 2, *А-11*; цв. илл X, 4). Она очень сходна с находкой в ограбленном княжеском погребении из Батасека в Придунайской Венгрии, датированном И. Ковриг «эпохой Аттилы» – временем его восьмилетнего безраздельного господства в 40-х – начале 50-х гг. V в. н. э. (*Ковриг*, 1982. С. 10. Рис. 4). Накладки из пластин сходного облика известны и в некоторых комплексах южнорусских степей гуннского времени, например у с. Новогригорьевка на Днепре, у Брюхановского выселка на Урале (*Засецкая*, 1994. Табл. 5, *15–16*; 45, *1, 9, 10*). Однако к нашему экземпляру наиболее близок батасекский образец. Уже в начале 1950-х гг. венгерские ученые высказали оригинальную точку зрения о том, что данные накладки были связаны с символическими золотыми луками, являвшимися принадлежностью особо высокопоставленных лиц в гуннском обществе (*Harmatta*, 1951. P. 107–151; *László*, 1951. P. 91–106 и др.). Предмет из нашего комплекса трудно трактовать в подобном качестве. Помимо нескольких наконечников стрел и их фрагментов, других деталей лука не выявлено. В описании комплекса А. П. Рунич связывал золотые пластинчатые накладки с ножнами меча. А. В. Комар усомнился в связи с луками и других подобных пластин, отождествляя их с накладками на ножны мечей (*Комар*, 2013. С. 90, 91).

Существенное сходство обнаруживают между собой рассматриваемый комплекс и погребения в гробницах № 4 и 5 могильника Гиляч в Верхнем Прикубанье. Захоронение воина с мечом в гробнице № 4, помимо ряда сходных пряжек и металлического котла, содержало также аналогичные лунарные накладки (*Минаева*, 1982. С. 228. Рис. 5, *2–7, 11*). В женском погребении в гробнице № 5 могильника Гиляч были сходные образцы малых фибул и кружка с пятью умбоновидными выступами (Там же. С. 231. Рис. 6, *5, 6, 10*). А. К. Амброз (1989. С. 22, 36), М. П. Абрамова (1997. С. 50, 62, 63; Рис. 40, 41) и другие исследователи датировали эти комплексы в границах V в. н. э.

Укладываются в пределы первой половины – середины V в. также разновидности бус, серьга с каплевидной подвеской и другие материалы. Таким образом, наличие датирующих категорий предметов позволяет достаточно уверенно отнести данный комплекс к первой половине V в. н. э. Исторически этот период был связан со временем расцвета державы Аттилы, ее падением после смерти великого правителя и разгрома в 453 г. и последовавшего вскоре разгрома его сыновей при Недао. Тогда часть сателлитов и союзников, входивших в воинские формирования степной державы, стали возвращаться с запада на восток, в частности в Предкавказье.

Катакомба, в которой совершено захоронение, по глубине и площади камеры (2,63 м^2) превышает средние показатели для могильников V–VIII вв. Кисловодской котловины, но не выходит за определенные Д. С. Коробовым пределы – 1,5–3 м^2 (2003. С. 138). При этом следует учитывать коллективность захоронения.

А. П. Рунич в неопубликованной рукописи статьи о могильнике подчеркивал нетипичную коллективность захоронения (КИКМ Оф. 4735/7. С. 5). Это действительно так и подтверждается данными моей обобщающей работы 1984 г.

по анализу количественного состава погребенных в раннесредневековых катакомбных могильниках региона (*Савенко*, 1984. С. 66, 67) и еще более обстоятельной проработкой Д. С. Коробова (2003. С. 140–147). Но, используя разработанный мною метод расчета необходимого минимума площади камеры на одного погребенного в пределах 0,74–0,86 м^2 для вытянутых погребений (*Савенко*, 1989. С. 12), можно предполагать, что камера при сооружении изначально была рассчитана на коллективное захоронение трех взрослых и одного ребенка.

Комплекс содержит ряд статусных и престижных предметов: меч с инкрустированной гардой, деталями и обкладками ножен, металлический котел, особые элементы костюма, в частности богато украшенные поясные пряжки, имитации брошей со вставками. Применение кластерного анализа позволило Д. С. Коробову (2003. С. 197) установить, что бронзовые котлы по уровню престижности шли на втором месте после привозных стеклянных сосудов. К числу статусных относились и мечи средиземноморского или ранневизантийского типа (*Казанский*, 2008. С. 748). Большая часть данных предметов связана с первым от входа мужским погребением. Но и в детском и женском комплексах есть престижные изделия. Обращают на себя внимание семилепестковое украшение и серебряная фибула у ребенка, имитация броши, серебряные инкрустированная пряжка и две фибулы, богатый и разнообразный набор бус с относительно большим числом янтарных, сердоликовых образцов, подвесок из раковин. Многие из них – импорты, что является показателем богатства и социальной значимости (см.: *Савенко*, 1993. С. 130–140). Данные предметы относятся к престижным, характеризующим т. н. княжескую моду (*Мастыкова*, 2008б. С. 26–34; 2009. С. 159–164, 171–174).

Только расположенный у дальней стенки камеры костяк подростка не имел выделяющихся по качественным характеристикам предметов, а на поясе у него была бронзовая пряжка (рис. 4, *Г-1*). Учитывая это, можно предполагать, что семейная группа из мужчины, женщины и маленького ребенка была подхоронена в катакомбу с более ранним погребением подростка. Но в описании А. П. Рунича говорится, что на костяке была серебряная фибула, которая, вероятно, не сохранилась. С этим погребенным могли быть связаны и другие предметы, обнаруженные в заполнении камеры. Среди них однолезвийный кинжал в ножнах с серебряными обоймами. То есть и этот умерший мог выделяться по своему инвентарному набору. Но аргументов для однозначного вывода по данному поводу недостаточно.

У нас нет оснований для предположения о том, что захоронения были совершены не одновременно. Не располагаем мы данными для суждения о возможном специальном умерщвлении кого-либо из погребенных в связи со смертью мужчины-воина, как это предполагала (по материалам богатых воинских захоронений в катакомбах более поздней салтово-маяцкой культуры) С. А. Плетнева (1967. С. 80). Вероятно, по какой-то причине вся семья или, по крайней мере, мужчина, женщина и маленький ребенок умерли и были погребены одновременно.

Следует попытаться определить положение данного захоронения среди других погребений могильника Березовский 2. К сожалению, мы не знаем точного местонахождения катакомбы и ее пространственного соотношения с могилами,

доследованными А. П. Руничем в 1958-м и в последующие годы. Но некоторые общие представления о характере могильного поля и исследованных на нем погребениях составить можно.

Могильник был открыт случайно в мае 1938 г., когда ездок пригородного хозяйства санатория Наркомзема проезжал на лошади по грунтовой дороге в 6–7 км от Кисловодска и лошадь его оступилась в провал. Об этом сообщала газета «Пятигорская правда» от 27.05.1938 г. (*Луцкевич*, 1938. С. 3) И. Филлитов с товарищами (Б. Власенко и Г. Колесниковым) раскопали этот провал и на глубине примерно 2 м обнаружили скелет человека, в ногах которого располагался «покоробленный» медный котел. У черепа найдены глиняный сосуд и золотая серьга. Сведения о находке поступили в Пятигорский краеведческий музей, и за получением предметов в хозяйство ездил сотрудник музея М. Д. Милютин. Сами предметы, за исключением фрагментированной железной дуговидной ручки от котла (ПКМ, Оф. 630), в коллекции музея в настоящее время не обнаружены, но имеются дневниковые записи известного кавминводского археолога-краеведа Н. М. Егорова. В них содержится схематический рисунок котла, очень сходного с представленным в нашем комплексе, но несколько более крупного (диаметр по кромке – 350 мм, общая высота – 260 мм), указание, что череп погребенного был деформирован, а серьга изготовлена из «червонного» золота и весила 5 г. Милютин же указал, что находчики раскопали еще одно захоронение.

Таким образом, можно предполагать, что на могильнике Березовский 2 было еще одно богатое захоронение с металлическим котлом. И этот факт не ограничивает обнаруженные на памятнике неординарные комплексы. В отчете А. П. Рунича за 1958 г. описывается катакомба 1 того же могильника, также доследованная рабочим совхоза П. А. Замотиным, содержавшая одиночное захоронение с железным мечом длиной около 80 см и шириной до 5 см. Кроме меча в погребении были: стеклянный сосуд, керамические кувшин и кружка, железная и бронзовая пряжки с простыми язычками без рамок (*Рунич*, 1959. С. 9, 10).

Интересным был и комплекс захоронения № 3 рассматриваемого могильника с вытянутыми костяками взрослого с железным кинжалом длиной 37,5 см и подростка с двумя керамическими сосудами, обработанными коровьим и несколькими бараньими альчиками. Уникальным является крупный керамический сосуд – котел, в котором лежали кости овцы или козы; их часто клали и в металлические котлы. А. П. Рунич назвал его имитацией металлического котла, что оправдано, и подчеркнул высокое качество его формовки и обжига. Котел высотой 244 мм и наибольшим диаметром тулова 297 мм хранится в Пятигорском краеведческом музее (ПКМ, Оф. 6915).

Материалы могильника из отчета 1958 г. А. П. Рунича публиковались В. А. Кузнецовым, определившим их датировку в пределах V–VI вв. (*Кузнецов*, 1962. С. 15), и М. П. Абрамовой, которая отнесла их к периоду, включающему и V в. (1997. С. 41. Рис. 26). Но в могильнике, по всей вероятности, имеются также материалы IV в., особенно в не прошедших по отчетам комплексах (КИКМ. Оф. 4735/8–10). Как минимум три из них устроены в узких подбоях с широкими шахтами и содержат относительно более ранние образцы керамических

сосудов. Из описанных А. П. Руничем в неопубликованной рукописи 13 погребальных комплексов могильника Березовский 2 (включая захоронение 1938 г. и анализируемый нами комплекс) к V в. н. э. уверенно можно отнести только 4, включая, кроме названных, еще одно индивидуальное женское погребение в катакомбе № 1 (9) с керамической миской, железным ножом, металлическим зеркалом и серебряной малой двухпластинчатой фибулой, такой как на рис. 3, *В-3* из анализируемого нами комплекса. Три из них содержали статусные вещи, включая бронзовые котлы, меч, стеклянный сосуд, золотую серьгу и др. При всей случайности выборки следует констатировать высокий процент неординарных погребений на памятнике. При этом он не имел существенных отличий от большинства многочисленных раннесредневековых некрополей Кисловодской котловины и был связан с относительно небольшим городищем (размерами 55 × 67 м) с остатками двух смежных башен и несколькими другими постройками, расположенном на скальном обрыве левого берега р. Березовки в черте поселка Левоберезовского, на южной его окраине (*Афанасьев и др.*, 2004. С. 131).

Сравнение комплекса № 1 (8) могильника Березовский 2 с другими подобными богатыми захоронениями могильников Кисловодской котловины и соседних территорий региона эпохи Великого переселения народов позволяет говорить о существовании в этот период определенного состава предметов, установленного традиционными социальными нормами, мужских воинских и женских элитных инвентарных наборов (*Абрамова*, 1997; *Казанский, Мастыкова*, 2001; *Мастыкова*, 2009). Так, например, Д. С. Коробов (2003. С. 236) для мужских комплексов выделяет: бронзовые котлы, мечи, стеклянные сосуды.

По уровню богатства анализируемое захоронение заметно уступает наборам катакомбы 10 могильника Лермонтовская Скала № 2, который был и остается одним из самых богатых среди близких по времени элитных комплексов Кисловодской котловины и всего Центрального и Западного Кавказа. В захоронении № 1 (8) Березовского могильника 2 нет обилия золотых предметов, стеклянных сосудов, деталей конской сбруи. Но погребенного в катакомбе мужчину сопровождали предметы подобного уровня: меч с обкладками ножен, пластинчатые золотые обкладки, парадные инкрустированные пряжки и металлический котел. По этим и другим показателям захоронение явно выделялось из числа других погребений могильника, Кисловодской котловины и всего региона V – начала VI в. н. э. Аналогичными или близкими по уровню могут считаться: погребение в катакомбе 123 могильника Мокрая Балка I и захоронение № 11 в могильнике Лермонтовская Скала 2.

Значимым показателем является распространение в таких погребениях привозных предметов из отдаленных территорий – Причерноморья, Восточной и Центральной Европы, Византии. Эта тема уже неоднократно обсуждалась исследователями, но хочется остановиться на некоторых ее аспектах. Импортными на начальной стадии их появления в Северокавказском регионе были кованые и клепаные бронзовые (медные) котлы с железными ручками. В первые века н. э. подобные образцы типа «Дебелт» были распространены в римских провинциях Европы (*Засецкая*, 1994. С. 109). Но в южнорусских степях и на Северном Кавказе находки данных предметов ранее середины V в. н. э. единичны

(*Савенко*, 2009. С. 340–342). Затем они достаточно широко распространяются в регионе. Только в Кисловодской котловине нам известны около 20 их находок из 11 могильников: Клин-Яр-3 (8 экз.), у сан. Орджоникидзе (2), «Задвижка» (2), Лермонтовская Скала 2 (2), Березовский 2 (2), Мокрая Балка 1, Острый Мыс 1, Зеленогоский у «хлораторной», Западный Кугульский склеповый, Нарт-Баши, Красные Камни (все по одному). Логично предполагать, что основными импульсами распространения этих предметов в центральных районах Северного Кавказа были связи с Западом и возвращение участников европейских походов гуннов после разгрома «державы Аттилы» вскоре после 453 г. вместе с «походными», по мнению А. П. Рунича (1976. С. 265), котлами.

В нашем комплексе еще целый ряд предметов дальнего западного происхождения. Это пластинчатые обкладки ножен меча, фибулы восточногерманской традиции, янтарные бусы, редкие в регионе подвески из раковин. А. В. Мастыкова отметила нетипичность раковин-подвесок для понто-кавказского региона и распространенность их в Европе (2009. С. 80, 81).

Небезынтересно заметить, что элитные комплексы в Кисловодской котловине нередко являются коллективными захоронениями. В катакомбе № 10 могильника Лермонтовская скала 2 было три частично смещенных костяка, и инвентарь тоже встречался на различных уровнях заполнения камеры. Давно обсуждается вопрос о неодноактности и даже значительном хронологическом различии (*Амброз*, 1980. С. 20; *Малашев*, 2001. С. 38, 39) погребений в этой катакомбе. Два смещенных костяка были найдены вместе с более поздним воинским мужским погребением в камере катакомбы № 123 Мокрой Балки 1. Мужчина-воин лежал ближе к входу, возле смещенного к дальней стенке второго костяка в захоронении № 11 могильника Лермонтовская Скала 2 (см., например: *Абрамова*, 1997. С. 35–40. Рис. 20, 22, 25). Мужчина со смещенным черепом был обнаружен и в склепе № 3 Западного Кугульского могильника, в котором также находился и смещенный женский скелет (*Рунич*, 1979. С. 238–240. Рис. 5). Данные факты, возможно, свидетельствуют, что вернувшихся из походов воинов хоронили в катакомбах своих близких и родственников спустя определенное время после смерти первых. Вероятно, это подчеркивало осознание прочности семейных уз самими знатными воинами и (или) устроителями похорон.

Исходя из всего вышесказанного, погребенного в катакомбе № 1 (8) могильника Березовский 2 мужчину-воина можно причислить к представителям высшего разряда социальной элиты местного аланского общества указанного времени, который участвовал в гуннских походах в Европе и вернулся в родные края после разгрома державы Аттилы. Лишь в виде исключения можно предполагать, что этот человек сам не принимал участия в походах, а был близок к кому-то из соотечественников с описанной выше судьбой и смог унаследовать или приобрести престижные предметы, с которыми его погребли в катакомбе. Его общественное и материальное положение отразилось и на состоянии близких родственников, включая маленького ребенка. Неясным остается соотношение с погребенным под условным номером 4. Возможно, и этот подросток был представителем данной семьи (сын, брат?). Предположение о его более раннем погребении подтвердить однозначно не удается.

Данный комплекс V в. н. э. подтверждает мнение исследователей об особом месте Кисловодской котловины в социально-политическом пространстве Северокавказского региона в эпоху Великого переселения народов как центра власти, социальной иерархии и престижной всадническо-княжеской моды в погребальной обрядности. Процесс классообразования при этом оставался еще на ранней стадии его развития, когда родовые отношения продолжали превалировать над социально-статусными связями. Это выражалось, в частности, в традиции погребения представителей социальной элиты на семейно-родовых могильниках относительно небольших укрепленных поселений региона.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова М. П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. М.: ИА РАН. 165 с.

Айбабин А. И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 1. Симферополь: Таврия. С. 3–86, 175–241.

Амброз А. К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. I // СА. № 2. С. 96–123.

Амброз А. К., 1980. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV–V вв. // Средневековые древности евразийских степей / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 3–56.

Амброз А. К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука. 134 с.

Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов, 2012. Материалы межрегиональной научной конференции 17–18 ноября 2011 г. / Под ред. С. Н. Савенко. Пятигорск: Вестник Кавказа. 200 с.

Афанасьев Г. Е., 1976. Проблемы хронологии раннесредневековых памятников Северного Кавказа (по материалам могильника Мокрая Балка): Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР. 23 с.

Афанасьев Г. Е., 1979. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. Вып. 158. С. 43–51.

Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 2001. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный мир. 252 с.

Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С., 2004. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир. 240 с.

Воронов Ю. Н., 1979. Материальная культура Абхазии I тысячелетия н. э. // КСИА. Вып. 159. С. 44–52.

Габуев Т. А., Хохлова О. С., 2012. Дробная датировка курганов могильника Брут 1 (Северная Осетия) // РА. № 4. С. 16–25.

Гавритухин И. О., 2007. Финал черняховской культуры // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 9–24. (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей; Вып. 9.)

Гавритухин И. О., Малашев В. Ю., 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II Междунар. археологической конф. / Под ред. Д. А. Сташенкова, А. Ф. Кочкиной, Л. В. Кузнецовой. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. С. 28–86.

Гей О. А., Бажан И. А., 1997. Хронология эпохи «готских» походов (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.: ИА РАН. 144 с.

Дмитриев А. В., 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука. С. 69–106.

Засецкая И. П., 1968. О хронологии погребений «эпохи Великого переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. № 2. С. 52–62.

Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс, Лтд. 223 с.

Казанский М. М., 2008. Ранневизантийские парадные мечи на Северном Кавказе и в Северо-Восточном Причерноморье // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения. 1971–2006 / Ред. А. Б. Белинский, А. А. Калмыков, В. И. Козенкова, С. Н. Кореневский, Н. В. Лопатин, С. Н. Савенко, В. Г. Петренко. М.; Ставрополь: Памятники исторической мысли; Наследие. С. 748.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 1998. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // ИАА. Вып. 4. С. 102–135.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2001. Центры власти и торговые пути в западной Алании в V–VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Отв. ред. М. П. Абрамова, В. И. Марковин. М.: ИА РАН. С. 138–161. (МИАР; № 3.)

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2010. О хронологии престижного оружия и конского снаряжения «шиповского» горизонта на Северном Кавказе // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас: Археологический центр им. Е. И. Крупнова, Пилигрим. С. 160–163.

Ковалевская В. Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–XI вв. Пряжки. М.: Наука. 112 с. (САИ; Вып. Е1–2.)

Ковалевская В. Б., 1981. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 83–97. (Археология СССР.)

Ковриг И., 1982. Погребение гуннского князя в Венгрии // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука. С. 6–13.

Комар А. В., 2013. Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр. / Ред. С. Г. Боталов, Н. Н. Крадин, И. Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ. С. 88–109.

Коробов Д. С., 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб.: Алетейя. 379 с.

Кузнецов В. А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа. М.: АН СССР. 134 с. (МИА; Вып. 106.)

Культ предков вождей, правителей в погребальном обряде: тезисы докл. Всеросс. науч. конф. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2010. 60 с.

Луцкевич И., 1938. Ценная находка близ Кисловодска // Пятигорская правда. 27.05. С. 3.

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.

Малашев В. Ю., 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН. 149 с. с ил.

Мастыкова А. В., 2008а. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // ПИФК. Вып. XXI. С. 149–159.

Мастыкова А. В., 2008б. «Княжеская» мода эпохи Великого переселения народов и северокавказский женский костюм // РА. № 3. С. 26–34.

Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм центрального и западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.

Минаева Т. М., 1982. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука. С. 222–234.

Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам. М.: Наука. 199 с.

Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений: сб. статей / Отв. ред. В. И. Гуляев, И. С. Каменецкий, В. С. Ольховский. М.: Восточная литература РАН, 1999. 248 с.

Рунич А. П., 1959. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1958 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 1720.

Рунич А. П., 1975. Разведки у Кисловодска // АО 1974 г. М.: Наука. С. 128, 129.

Рунич А. П., 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. № 3. С. 256–266.

Рунич А. П., 1979. Раннесредневековые склепы Пятигорья // СА. № 4. С. 232–247.

Савенко С. Н., 1984. Количественный состав погребенных в раннесредневековых катакомбах Центрального Предкавказья как социальный показатель // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа / Отв. ред. проф. В. Б. Виноградов. Грозный: ЧИГУ. С. 63–71.

Савенко С. Н., 1989. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н. э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: МГУ. 25 с.

Савенко С. Н., 1993. Предметы египетского, китайского, иранского происхождения в комплексах I тысячелетия н. э. // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье / Под ред. проф. А. В. Исаенко. Владикавказ: СОГУ. С. 130–140.

Савенко С. Н., 2009. Аланские всадники в письменных источниках и в археологических данных: вопросы сравнительного анализа // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX: Археология и краеведение / Под ред. А. Б. Белинского, А. А. Калмыкова, С. Н. Кореневского, Н. В. Лопатина, В. Г. Петренко. Ставрополь: Наследие. С. 331–358.

Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии: тезисы докл. Всеросс. науч. конф. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. 48 с.

László Gy., 1951. The Significance of the Hun Golden Bow // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae. 1. P. 91–106.

Harmatta J., 1951. The Golden Bow of the Huns // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae. 1. P. 107–151.

Сведения об авторе.

Савенко Сергей Николаевич, Пятигорский краеведческий музей, ул. Братьев Бернардации, 2, Пятигорск, 357501, Россия; e-mail: sovos57@mail.ru.

S. N. Savenko

Another burial belonging to a representative of the Alanian social elite at the beginning of the Early Medieval period in the Kislovodsk depression (based on archive materials of A. P. Runich)

Abstract. The Kislovodsk depression is rich in interesting sites from various periods. A number of rich complexes of the 5th and 6th cc. have been identified there. Many were not only discovered but also introduced into the academic literature by A.P. Runich. His archive contains data which have not previously been made available to specialists. This article presents readers with one of these complexes – № 1 (8) from the Berezovskii burial-ground 2 which contains features indicating elite status: in a catacomb a man, child (girl?), woman and youth had been buried with plentiful and diverse grave goods. They included prestigious objects reflecting high status: a sword with an encrusted cross-guard, a gold facing for a sheath or gorytos, a bronze cauldron with an iron handle, silver items,

ceremonial belt buckles and other costume details. As regards the level of wealth, these grave goods are not as lavish as the range found in catacomb 10 in the Lermontovskaya Skala burial-ground, but they stand out clearly from the other burials in the district. This complex bears out the opinion that the Kislovodsk depression occupied a special place within the socio-political space of the North Caucasus region at the time of the Great Migration of the Peoples, as a centre of power and regarding its social hierarchy and the light it can shed on equestrian and «royal» fashion in relation to funerary rituals.

Keywords: Kislovodsk depression, Alans, elite burials, prestigious items, princely fashion.

REFERENCES

Abramova M. P., 1997. Ranniye alany Severnogo Kavkaza [Early Alans of North Caucasus]. Moscow: IA RAN. 165 p.

Afanas'yev G. Ye., 1976. Problemy khronologii rannesrednevekovykh pamyatnikov Severnogo Kavkaza (po materialam mogil'nika Mokraya Balka) [Problems of chronology of early medieval sites of North Caucasus (on materials of cemetery Mokraya Balka)]: Thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy. Moscow: IA Akademii nauk SSSR. 23 p.

Afanas'yev G. Ye., 1979. Khronologiya mogil'nika Mokraya Balka [Chronology of cemetery Mokraya Balka]. *KSIA*, 158, pp. 43–51.

Afanas'yev G. Ye., Runich A. P., 2001. Mokraya Balka, 1: Dnevnik raskopok [Mokraya Balka, 1: Diary of excavations]. Moscow: Nauchny mir. 252 p.

Afanas'yev G. Ye., Savenko S. N., Korobov D. S., 2004. Drevnosti Kislovodskoy kotloviny [Antiquities of Kislovodsk depression]. Moscow: Nauchny mir. 240 p.

Ambroz A. K., 1971. Problemy rannesrednevekovoy khronologii Vostochnoy Yevropy [Problems of early medieval chronology of Eastern Europe], I. *SA,* 2, pp. 96–123.

Ambroz A. K., 1980. Birsky mogil'nik i problemy khronologii Priural'ya v IV–V vv. [Birsky cemetery and problems of chronology of West Ural region in IV–V cc.]. *Srednevekovyye drevnosti yevraziyskikh stepey* [*Medieval antiquities of Eurasian steppes*]. S. A. Pletneva, ed. Moscow: Nauka, pp. 3–56.

Ambroz A. K., 1989. Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza V–VII vv. [Chronology of antiquities of North Caucasus of V–VII cc.]. Moscow: Nauka. 134 p.

Arkheologiya i krayevedeniye Kavminvod v kontekste mezhregional'nykh svyazey i kontaktov [Archaeology and local lore studies of Kavminvody in context of interregional relations and contacts], 2012. S. N. Savenko, ed. Pyatigorsk: Vestnik Kavkaza. 200 p.

Dmitriyev A. V., 1982. Rannesrednevekovyye fibuly iz mogil'nika na r. Dyurso [Early medieval fibulae from cemetery on the Dyurso River]. *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniya narodov V–VIII vekov. Sovetsko-vengersky sbornik* [*Antiquities of Migration Period of V–VIII centuries. Soviet-Hungarian collection of articles*]. A. K. Ambroz, I. F. Erdeli, eds. Moscow: Nauka, pp. 69–106.

Gabuyev T. A., Khokhlova O. S., 2012. Drobnaya datirovka kurganov mogil'nika Brut 1 (Severnaya Osetiya) [Detailed chronology of kurgans of cemetery Brut 1 (North Ossetia)]. *RA*, 4, pp. 16–25.

Gavritukhin I. O., Malashev V. Yu., 1998. Perspektivy izucheniya khronologii rannesrednevekovykh drevnostey Kislovodskoy kotloviny [Perspectives of research of chronology of early medieval antiquites of Kislovodsk depression]. *Kul'tury yevraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n. e. (voprosy khronologii)* [*Cultures of Eurasian steppes of second half of I millennium AD (problems of chronology)*]. D. A. Stashenkov, ed. Samara: Samarsky oblastnoy istoriko-krayevedchesky muzey im. P. V. Alabina, pp. 28–86.

Gey O. A., Bazhan I. A, 1997. Khronologiya epokhi «gotskikh» pokhodov (na territorii Vostochnoy Yevropy i Kavkaza) [Chronology of epoch of Goths' campaigns (in the territory of Eastern Europe and Caucasus)]. Moscow: IA RAN. 144 p.

Harmatta J., 1951. The Golden Bow of the Huns. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae*, 1, pp. 107–151.

Kazansky M. M., 2008. Rannevizantiyskiye paradnyye mechi na Severnom Kavkaze i v Severo-Vostochnom Prichernomor'ye [Early Byzantine ceremonial swords in North Caucasus and North-Eastern Pontic zone]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza, VIII. Krupnovskiye chteniya 1971–2006.* [*Materials on research of historical-cultural heritage of North Caucasus, VIII. Krupnov readings. 1971–2006*]. A. B. Belinsky, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli; Stavropol': Naslediye, p. 748.

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 1998. Germanskiye elementy v kul'ture naseleniya Severnogo Kavkaza v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [German elements in culture of population of North Caucasus in Migration Period]. *Istoriko-arkheologichesky al'manakh Armavirskogo krayevedcheskogo muzeya* [*Historical-archaeological miscellany*], 4, Armavirsky krayevedchesky muzey, pp. 102–135.

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 2001. Tsentry vlasti i torgovyye puti v Zapadnoy Alanii v V–VI vv. [Centers of power and trade routes in West Alania in V–VI cc.]. *Severny Kavkaz: istoriko-arkheologicheskiye ocherki i zametki* [*North Caucasus: historical-archaeological essays and notes*]. M. P. Abramova, V. I. Markovin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 138–161.

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 2010. O khronologii prestizhnogo oruzhiya i konskogo snaryazheniya «shipovskogo» gorizonta na Severnom Kavkaze [On chronology of prestige weaponry and horse equipment of «Shipovo» horizon in North Caucasus]. *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza: XXVI Krupnovskiye chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [*Problems of chronology and periodization of archaeological sites and cultures of North Caucasus: XXVI Krupnov readings on archaeology of North Caucasus*]. Magas: Arkheologichesky tsentr im. Ye. I. Krupnova: Piligrim, pp. 160–163.

Korobov D. S., 2003. Sotsial'naya organizatsiya alan Severnogo Kavkaza IV–IX vv. [Social organization of Alans of North Caucasus of IV–IX cc.]. St. Petersburg: Aleteyya. 379 p.

Kovalevskaya V. B., 1979. Poyasnyye nabory Yevrazii IV–XI vv. Pryazhki [Belt sets of Eurasia of IV–XI cc. Buckles]. Moscow: Nauka. 112 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, E1-2).

Kovalevskaya V. B., 1981. Severokavkazskiye drevnosti [North Caucasian antiquities]. *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya* [*Steppes of Eurasia in the epoch of Middle Ages*]. R. M. Munchayev, ed. Moscow: Nauka, pp. 83–97.

Kovrig I., 1982. Pogrebeniye gunnskogo knyazya v Vengrii [A Hun prince's burial in Hungary]. *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniya narodov V–VIII vekov. Sovetsko-vengersky sbornik* [*Antiquities of Migration Period of V–VIII centuries. Soviet-Hungarian collection of articles*]. A. K. Ambroz, I. F. Erdeli, eds. Moscow: Nauka, pp. 6–13.

Kul't predkov vozhdey, praviteley v pogrebal'nom obryade [Cult of ancestry, leaders and rulers in burial rite], 2010. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN. 60 p.

Kuznetsov V. A., 1962. Alanskiye plemena Severnogo Kavkaza [Alan tribes of North Caucasus]. Moscow: Izdatel'stvo akademii nauk USSR. 134 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 106).

László Gy., 1951. The Significance of the Hun Golden Bow. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae, 1, pp. 91–106.

Lutskevich I., 1938. Tsennaya nakhodka bliz Kislovodska [A valuable find near Kislovodsk]. *Gazeta Pyatigorskaya Pravda* [*Newspaper Pyatigorskaya Pravda*], 27.05, pp. 3.

Malashev V. Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt sets of late Sarmatian time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [*Sarmatians and their neighbors on Don*]. Yu. K. Guguyev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232.

Mastykova A. V., 2008. «Varvarskiye korolevstva» epokhi Velikogo pereseleniya narodov u alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [«Barbarian kingdoms» of the epoch of Migration Period among Alans of Central Caucasus Piedmonts]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of history, philology, culture*], XXI, pp. 149–159.

Mastykova A. V., 2008. «Knyazheskaya» moda epokhi Velikogo pereseleniya narodov i severokavkazsky zhensky kostyum [«Princely» fashion of Migration Period and North Caucasian female costume]. *RA*, 3, pp. 26–34.

Mastykova A. V., 2009. Zhensky kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n. e. [Female costume of Central and West Caucasus Piedmont in the end of IV – middle VI cc. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.

Minayeva T. M., 1982. Raskopki svyatilishcha i mogil'nika vozle gorodishcha Gilyach v 1965 g. [Excavations of sanctuary and cemetery near hillfort Gilyach in 1965]. *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniya narodov V–VIII vekov. Sovetsko-vengersky sbornik* [*Antiquities of Great Migration Period of V–VIII centuries. Soviet-Hungarian collection of articles*]. A. K. Ambroz, I. F. Erdeli, eds. Moscow: Nauka, pp. 222–234.

Pletneva S. A., 1967. Ot kochevy k gorodam [From nomads' camps to cities]. Moscow: Nauka. 199 p.

Pogrebal'ny obryad. Rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleny [Burial rite. Reconstruction and interpretation of ancient ideological concepts], 1999. Sbornik statey. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: Vostochnaya literatura. 248 p.

Runich A. P. 1959. Report on field investigations in Kavminvody region for 1958. *Archive of* IA RAN. (In Russian, unpublished.)

Runich A. P., 1975. Razvedki u Kislovodska [Field surveys near Kislovodsk]. *AO 1974*. Moscow: Nauka, pp. 128, 129.

Runich A. P., 1976. Zakhoroneniye vozhdya epokhi rannego srednevekov'ya iz Kislovodskoy kotloviny [A leader's burial of early Middle Ages from Kislovodsk depression]. *SA*, 3, pp. 256–266.

Runich A. P., 1979. Rannesrednevekovyye sklepy Pyatigor'ya [Early medieval burial vaults of Pyatigorsk region]. *SA*, 4, pp. 232–247.

Savenko S. N., 1984. Kolichestvenny sostav pogrebennykh v rannesrednevekovykh katakombakh Tsentral'nogo Predkavkaz'ya kak sotsial'ny pokazatel' [Quantitative structure of the buried in early medieval catacombs of Central Caucasus Piedmonts as a social indication]. *Arkheologiya i voprosy sotsial'noy istorii Severnogo Kavkaza* [*Archaeology and problems of social history of North Caucasus*]. V. B. Vinogradov, ed. Grozny: Checheno-ingushsky gosudarstvenny universitet, pp. 63–71.

Savenko S. N., 1989. Kharakteristika sotsial'nogo razvitiya alanskogo obshchestva po materialam katakombnykh mogil'nikov X–XII vv. n. e. [Characteristic of social development of Alan society according to materials from catacomb cemeteries of X–XII cc. AD]: Thesis presented for the degree of Doctor of Philosophy. Moscow: Moskovsky gosudarstvenny universitet. 25 p.

Savenko S. N., 1993. Predmety yegipetskogo, kitayskogo, iranskogo proiskhozhdeniya v kompleksakh I tysyacheletiya n. e. [Items of Egyptian, Chinese, Iranian origin in complexes of I millennium AD]. *Kavkaz i tsivilizatsii Vostoka v drevnosti i srednevekov'ye* [*Caucasus and civilizations of Orient in Antiquity and Middle Ages*]. A. V. Isayenko, ed. Vladikavkaz: Severo-osetinsky gosudarstvenny universitet, pp. 130–140.

Savenko S. N., 2009. Alanskiye vsadniki v pis'mennykh istochnikakh i v arkheologicheskikh dannykh: voprosy sravnitel'nogo analiza [Alan riders in written sources and archaeological data: problems of comparative analysis]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaz, IX.* [*Materials on research of historical-cultural heritage of North Caucasus, IX*]. A. B. Belinsky, ed. Stavropol': Naslediye, pp. 331–358.

Teoreticheskiye i metodicheskiye podkhody k izucheniyu pogrebal'nogo obryada v sovremennoy arkheologii [Theoretical and methodical approaches to investigation of burial rite in modern archaeology], 2005. V. I. Gulyayev, ed. Moscow: IA RAN. 48 p.

Voronov Yu. N., 1979. Material'naya kul'tura Abkhazii I tysyacheletiya n. e. [Material culture of Abkhazia of Ist millennium AD]. *KSIA*, 159, pp. 44–52.

Zasetskaya I. P., 1968. O khronologii pogrebeny «epokhi pereseleniya velikogo narodov» Nizhnego Povolzh'ya [On chronology of burials of «Great Migration Period» on Lower Volga]. *SA*, 2, pp. 52–62.

Zasetskaya I. P., 1994. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV – V vv.) [Culture of nomads of South Russian steppes in Hun epoch (end of IV–V cc.)]. St. Petersburg: Ellips Ltd. 224 p.

About the author.

Savenko Sergej N., Pyatigorsk Museum of local lore, ul. Bratyev Bernardatsii, 2, Pyatigorsk, 357501, Russia; e-mail: sovos57@mail.ru.

В. А. Нюшков

ВОИНСКОЕ СОСЛОВИИ В АПСИЛИИ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Резюме. В статье основное внимание уделено развитию этносоциальной организации апсилов, а именно становлению воинского дружинного сословия в Апсилии на примере найденных всаднических захоронений на Цебельдинском могильнике, в частности находках поясного набора в могилах апсилов-воинов. На основе исследования комплекса материалов можно сделать вывод, что появление всаднического сословия у апсилов могло отчасти быть связано с их контактами с кочевниками. В ходе этих отношений апсилийские воины получали породистых скакунов, что было фактором оформления дружинной знати, которая составила привилегированную прослойку общества Апсилии.

Ключевые слова: социальная организация древнеапсилийского общества, Западное Закавказье, Цебельдинский могильник, всаднические захоронения, поясные наборы.

Проблема возникновения всаднического сословия в Апсилии занимает видное место в древней истории Абхазии, ей посвящен ряд авторских публикаций (М. М. Трапша, М. М. Гунба, Ю. Н. Воронова, О. Х. Бгажбы, Н. К. Шенкао, В. А. Логинова, М. М. Казанского, А. В. Мастыковой и др.). Однако без историко-культурного комплексного исследования эту важную проблему решить нельзя. И здесь, прежде всего, особое место в разработке системы социальной стратификации в Апсилии принадлежит материалам цебельдинских некрополей, где археологические находки являются основным источником, показателем формирования древнего общества.

Так, отличительным социальным признаком для населения Западного Закавказья I тыс. н. э. являлось то, что оно находилось на стадии потестарно-политической структуры, носившей по преимуществу военный характер. Особенно ясно это просматривается на примере апсилийского общества. Довольно большое количество оружия и погребений воинов, обнаруженных в некрополях Цебельдинской долины, центра Апсилии, как это было уже показано исследованиями Ю. Н. Воронова (2002; 2003), а также М. М. Казанского и А. В. Мастыковой (2009; *Kazanski, Mastykova*, 2007), доказывает, что данный регион Кавказа был милитаризован. Анализируя выводы указанных исследователей, можно говорить, что к V–VI вв. важнейшим явлением социального устройства общества

в Апсилии становится выделение профессионального военного слоя, т. е. формирование военной аристократии. Вместе с тем в основной все же массе апсилы не были воинственно настроены к византийской цивилизации (были союзниками), сохраняя свою самобытность, свои традиции и т. д.

В то же время постоянное нахождение в сфере повышенного внимания со стороны имперской византийской администрации (в первую очередь, из-за ирано-византийских противоречий) вынуждало мужскую часть населения Апсилии быть всегда наготове. О непростой сложившейся на то время ситуации может свидетельствовать возведенная в первой половине VI в. цепь опорных крепостей, составлявших одну оборонительную линию «Внутренний Кавказский лимес». Очевидно, что возникновение линии стало возможным благодаря взаимодействию как византийских властей, так и апсило-мисимианской аристократической верхушки, заинтересованных в контроле и защите горных перевалов, ведших с Северного Кавказа в Западное Закавказье, откуда через перевалы время от времени совершали свои набеги северокавказские кочевники (например, гунны). В этих условиях интересы Апсилии, принимавшей на себя начальный натиск, и Византии – главного объекта этих нашествий – совпадали. Размещение двух важнейших крепостей Цибилиума (Цабала) и Шапкы, возведенных инженерами императора Юстиниана I, указывает на активное участие апсилов в организации обороны своей страны. В переговорах основную роль из числа местного населения играли знатные люди из главенствующего рода, располагавшегося на горе Шапкы (*Воронов*, 2009. С. 560); власть начинает приобретать централизованный характер.

Уже с начала I тыс. н. э. в военной среде апсилов активно идет процесс формирования нового типа военной организации управления – «военной иерархии». Согласно стадии III/5–8 (380/400–440/450 гг.), по хронологической квалификации М. М. Казанского и А. В. Мастыковой (2008. С. 173–176; 2013. С. 58), с фиксацией захоронений военных предводителей, воинов-всадников, воинских погребальных ритуалов, элементов «дружинной» материальной культуры довольно отчетливо отмечаются признаки указанного типа управления. Во главе социума стоит военный предводитель (князь) и верная ему дружина, состоящая, судя по выявленному археологическому цебельдинскому материалу, из могил апсилов, знатных воинов, представлявших, по всей видимости, всадническое сословие. Погребения с захоронениями коней воинских предводителей некрополей Шапкы и Цебельды, отличавшиеся богатым набором оружия, куда входили меч, кинжал или скрамасакс, и/или щит с металлическими элементами (*Казанский, Мастыкова*, 2009. С. 152; *Мастыкова*, 2008а), также подтверждают наличие слоя военной иерархии в Апсилии, что должно было отражаться и на самом типе оружия.

Наиболее типичные боевые предметы указанного выше периода происходят из могильников цебельдинской культуры Апсилии (рис. 1). Было найдено весьма разнообразное и высокоусовершенствованное оружие. Сам комплекс вооружения состоял из защитных средств и наступательных видов оружия (мечи, кинжалы, копья, топоры, ножи и т. д.) наряду со стандартным набором оружия (копья, топоры, стрелы), встречающимся в воинских могилах, сопровождавшихся захоронениями коней. В свою очередь, можно говорить, что существовала

Рис. 1. Карта Апсилии и ее центра – Цебельдинской долины

1 – крепость Цибилиум (Цабал); *2* – могилы апсилов

определенная иерархия в погребениях апсилов и по набору оружия (*Казанский, Мастыкова*, 2009; *Мастыкова, Казанский*, 2009). Основными родами войск, надо полагать, были пехота и конница.

Поэтому особый интерес не могут не вызывать конские захоронения, которые были обнаружены на месте исторического расселения апсилов (в Цебельдинской долине). В этом плане для сравнительного анализа интересны могильники, синхронные по времени Цебельдинскому могильнику: Дюрсо близ Новороссийска и Андреевская щель (Анапский район). Так, на раннесредневековом могильнике Дюрсо (без сомнения, он вместе с Цебельдинским принадлежит к ряду крупнейших могильников Восточного Причерноморья I тыс. н. э.) было найдено 16 конских захоронений (*Дмитриев*, 1979) и одно на могильнике Андреевская щель (*Новичихин*, 2008). Обнаруженные конские захоронения с воинским ассортиментом в основном, вероятно, можно классифицировать как воинские кенотафы с захоронением боевого коня.

В этой связи следует отметить, что воинский кенотаф с захоронением коня, так же как на могильниках Дюрсо и Андреевская щель, частично фиксируется и на Цебельдинском могильнике, локализуемом в Центральной Апсилии. Это конское погребение 55 (Цибилиум-1), в котором оружие отсутствовало. Конский костяк лежал на правом боку, головой на запад, ногами на юг. Судя по положению костей ног, не исключено, что их перед захоронением предварительно связывали

(*Воронов*, 2003. С. 21). Такое положение костей ног коня может свидетельствовать, что он был принесен в жертву еще живым. Об этом говорит и инвентарь, который включал железные удила с псалиями и бронзовое кольцо, находившееся среди зубов. Дата комплекса – V–VI вв. н. э. (Там же. С. 21).

Следующее конское захоронение 455 некрополя Цибилиум-10 на первый взгляд может показаться тоже кенотафом. Здесь также ноги коня при захоронении, вероятно, были связаны, уздечный набор отсутствовал. Однако данное захоронение коня все же отличается от предыдущего, поскольку вместе с ним обнаружены: кремационное погребение воина 456 с сопровождающим набором военного оружия – железным мечом, боевым топором, тремя железными ножами, а также женское кремационное погребение 457. Дата всего комплекса – III в. н. э. (Там же. С. 86, 87). Скорее всего, воинское погребение 456 и конское 455 можно объединить в одно всадническое.

В этом случае по своему характеру оно близко погребениям 376 и 377 могильника Цибилиум-1, где в большой погребальной яме площадью 2 × 1,6 м при глубине до 1,5 м, на возвышенной части дна лежал скелет коня, захороненного в скачущей позе, с отдельным уздечным комплектом. В западной части ямы, в продольном углублении был захоронен воин (ориентированный головой на юг) с богатым набором вещей, в том числе оружием: железный нож, рукоять которого была украшена сердоликом в бронзовой оправе, обломок второго железного ножа, два железных лезвия, скопление железных наконечников стрел; снаружи у правого колена найдена бронзовая выгнутая пластинка сердцевидной формы, которая, видимо, служила наконечником колчана. Дата комплекса – V в. н. э. (Там же. С. 72, 73).

К всадническому захоронению относится, судя по всему, и ингумационное захоронение 313 могильника Цибилиум-2, где погребенный был положен на правый бок, головой на северо-запад, его череп почти соприкасался с костями задних ног коня с фрагментарно сохранившимся уздечным и седельным комплектом. Из оружия было обнаружено: железный наконечник копья, маленький и большой железные ножи. А также были найдены бронзовые детали поясного набора: рамка, ременные наконечники, разнотипные бляшки, две пряжки. Дата комплекса – поздний VI в. н. э. (Там же. С. 62).

Между тем данное мужское захоронение 313 из некрополя Цибилиум-2, как считает И. Р. Ахмедов, не является всадническим, поскольку было совершено позже конского и не связано с ним. По мнению исследователя, «сбруйные прямоугольные пряжки, находившиеся на скелете коня, близки типам с хоботковидными язычками, более характерными для V в. Положение коня необычно для цебельдинских погребений, где в ингумациях скелет коня обычно лежит вдоль и сбоку от погребенного» (*Ахмедов*, 2005. С. 244). Данного мнения придерживаются М. М. Казанский и А. В. Мастыкова, предположив также, что конское погребение не связано с мужским захоронением из-за позиции коня, необычной для цебельдинской культуры, и найденных удил, типичных для IV – первой половины V в. (*Казанский, Мастыкова*, 2009. С. 151). Таким образом, выходит, что конское захоронение более раннее, чем мужское, и разница между ними составляет около ста лет. Вместе с тем данное захоронение, судя по расположению в одной погребальной яме воина и коня, является, на наш взгляд, еще одним всадническим.

Также всадническим можно считать и погребение 259 некрополя Цибилиум-1. Оно представляет собой кремацию воина, помещенную в плохо обожженный пифос. Вне урны находился костяк сильно стянутого перед захоронением коня. В погребении были обнаружены железный топор, два наконечника копий, железный нож, а также бронзовая пряжка. Захоронение датируется IV в. н. э. (*Воронов*, 2003. С. 52).

Следующее всадническое захоронение 383 Цибилиум-2 по своему характеру близко стоит к захоронению 259 Цибилиум-1, но с более богатым инвентарем (возможно, это был участок захоронения какой-то привилегированной группы – семьи?) (*Мастыкова*, 2008а. С. 25; *Мастыкова, Казанский*, 2009). Датируется оно V в. н. э. и представляет собой кремацию воина в пифосе и втиснутого в узкую яму костяка коня, с которым связаны железные удила с псалиями, лежавшие на шейных позвонках у черепа, и железная пряжка. Оружие: железный наконечник копья, однолезвийный меч, топор, семь наконечников стрел и два железных ножа (*Воронов*, 2003. С. 73).

Стоит остановиться еще на одном захоронении – это разрушенное ингумационное погребение 448 Цибилиум-8, которое, согласно Ю. Н. Воронову, можно классифицировать как воинское с конем. Датируется оно исследователем рубежом нашей эры. Следует заметить, что конский костяк не фиксируется. Из интересующего нас инвентаря в нем сохранились железный наконечник копья своеобразной конструкции и детали конской уздечки – железные удила с колесиковидными псалиями (Там же. С. 84). В то же время И. Р. Ахмедов данное погребение датирует второй половиной II – первой половиной III в. н. э., считая, что колесиковидные псалии по своим типологическим признакам близки к сарматским (*Ахмедов*, 2005. С. 241).

Таким образом, в результате исследования некрополя Цибилиум (Цабал) с 1977 по 1986 г. в общей сложности было найдено 7 конских всадннческих погребений. К этому числу следует отнести еще одно, судя по довольно богатому ассортименту оружия (два железных наконечника копий во фрагментах, железный топор, железный умбон, железный обоюдоострый меч с бронзовым перекрестием, железный однолезвийный меч), воинское элитное всадническое погребение ЦХ-4–5 Шапкынского могильника. Сам воин лежал на боку лицом к коню, слегка согнув ноги. Конский костяк был сильно поврежден при пахоте, уздечка не обнаружена (*Воронов, Юшин*, 1973. С. 176). Само погребение из-за представленных в могиле двух типов мечей (раннего, по времени, обоюдоострого и позднего – однолезвийного), по Ю. Н. Воронову и В. А. Юшину, ограничивается пределами IV–VI вв. (Там же. С. 189).

Интерес представляет также погребение № 22, открытое в 1968 г. на цебельдинском некрополе Апианча. Костяк покойника разрушен, с ним находился его конь. Вместе они были положены в глубокую яму: остов коня был опущен крупом вниз, на уровне конской груди помещен покойник в вытянутом положении. Оружейный инвентарь очень беден: фрагменты железного ножа, два фрагмента лезвия (*Гунба*, 1978. С. 30–33). В число предметов конского убора входят удила, псалии, уздечный набор, колокольчик. Дата погребения – IV–V вв. н. э. (Там же. С. 83). Данное захоронение, видимо, можно также поставить в один ряд со всадническими, а его автохтонный характер подчеркивается здесь же

найденной керамикой, типичной для цебельдинской культуры. Те же автохтонные черты заметны и в следующем всадническом погребении, обнаруженном в Сухуми; это захоронение коня с его хозяином, которое датируется приблизительно VI в. н. э. (*Трапш*, 1971. С. 123; 1975. С. 65).

В результате археологических раскопок в окрестностях Цебельды были выявлены пять воинских захоронений, относящихся к V в. н. э.: четыре из них обнаружены в некрополе Абгыдзраху (погребения № 1, 23, 29, 34) и одно – найдено в Ахьацараху (погребение № 3). В погребении № 29 некрополя Абгыдзраху вместе с костяком лошади был найден костяк жеребенка. Здесь же был найден бронзовый колокольчик. Все конские костяки сопровождались уздечными и седельными наборами (кольцами, пряжками и т. д.), удилами и псалиями (Там же. С. 122).

Подробно проанализировав захоронения, М. М. Трапш предположил, что апсилы и абасги в III–IV вв. н. э. «широко использовали лошадь в хозяйстве, а также конницу в военных действиях» (Там же. С. 161). Основанием для такого утверждения стали найденные археологом двулезвийные мечи и наконечники копий, которые, по его наблюдению, в III–IV вв. н. э. являлись основным оружием древнеабхазских этносов. Именно «апсило-абасгские всадники могли рубиться мечами на полном скаку», «цебельдинская конница в III–IV вв. н. э. имела на вооружении как длинный, так и короткий меч или кинжал»; она же, т. е. «конница эта, наряду с пехотой являлась основным родом войск Цебельдинской общины в III–IV вв. н. э.» (Там же. С. 147). Принимая во внимание столь серьезный вывод, мы всё же должны заметить, что для этого времени (римско-византийская эпоха) появление в Апсилии военной конницы очень сомнительно из-за практического отсутствия всаднических могил. А само применение всадниками (как видно на примере нескольких всаднических захоронений) не двулезвийного типа мечей римского времени, а более поздних однолезвийных указывает на то, что такая конница могла появиться ближе к середине V в. н. э. Это, в свою очередь, подтверждает археологический материал, найденный в Цебельде. Так, в захоронениях пока найдено около пятидесяти длинных и коротких мечей. К самым ранним из них можно отнести 5 экземпляров III–IV вв., исполненных виртуозной техникой сварочного дамаска (дамасская сталь). Судя по анализам сделанных в Абхазии находок, «каждый второй древнеабхазский воин был вооружен подобным мечом» (*Бгажба, Лакоба*, 2007. С. 80, 81), что может говорить о военизации мужской части апсилийского общества в позднеантичную эпоху.

Поэтому мы можем только предполагать, что здесь, в Центральной Апсилии, с середины V в. н. э. имелись специальные подвижные отряды как пеших, так и конных меченосцев; были, видимо, и конные лучники, панцирные кавалеристы, ибо имелось свойственное им оружие (*Амичба*, 2002. С. 123), как, например, у конного войска в Предкавказье, где вооружение конницы в IV–VII вв. состояло из лука со стрелами, длинного меча, пластинчатого доспеха, кольчуги (*Каминский, Каминская-Цокур*, 1997. С. 67).

Между тем наличие на могильниках только конских погребений (кенотафного типа) могло бы, на наш взгляд, указывать на значительное присутствие всаднических захоронений и в самой Цебельдинской долине. Все это говорит

о том, что конь мог быть похоронен позже своего хозяина и по каким-то причинам не в одной с ним могильной яме. Примером этому, возможно, мог бы служить, в частности, отмеченный выше могильник Дюрсо с конскими погребениями. Из 16 конских погребений означенного могильника А. В. Дмитриев выделил в качестве всаднических три захоронения (300, 479, 500), увязав их с конскими погребениями – 4, 9, 10 (1979. С. 222–226). Так, в погребении 300, располагавшемся в 11 м к северо-востоку от конского захоронения 4, у правой руки погребенного лежал длинный меч, преломленный при захоронении на три части; в погребении 479, обнаруженном в 2,5 м к югу от конского захоронения 9, были найдены меч и два кинжала; в парном, мужское и женское, погребении 500, находившемся в 3,5 м к северу от конского захоронения 10, при мужском скелете обнаружен кинжал с вырезами у рукояти (Там же).

Правда, исследователь выражает некоторое сомнение, считая, что нет «полной уверенности, что погребения именно данных воинов связаны с вышеописанными захоронениями лошадей, имеющими металлические детали облицовки седел». Вместе с тем А. В. Дмитриев все же полагает, что «во всех трех случаях существует ряд совпадений» (1979. С. 228). Лошадь находится всегда слева от предполагаемого всадника, ориентировка всадников и лошадей совпадает, а наличие богатого инвентаря, по мнению исследователя, означает принадлежность всадников к воинской аристократии (Там же. С. 228, 229). В данном случае, в частности, И. Р. Ахмедов видит на некрополе Дюрсо параллель с представленными в Цебельде погребениями лошадей, полагая, что обычай погребения боевых коней на могильнике Дюрсо явно имел такое же значение, что и в Цебельдинской долине (*Ахмедов*, 2005. С. 250). Также хотелось бы отметить, что конские погребения на могильнике Дюрсо могут представлять большой интерес и для изучения контактов Понтийского региона со Средним Дунаем в эпоху Великого переселения народов (*Мастыкова*, 2009. С. 127).

Вместе с тем, согласно М. М. Трапшу, «обычай захоронения верхового коня вместе с хозяином имеет глубокую традицию в Абхазии» (*Трапш*, 1975. С. 65), но, вероятно, он часто не соблюдался из-за разновременности смерти хозяина и коня. Надо отметить, что на территории исторической Апсилии было исследовано около 100 воинских захоронений V–VII вв. (*Воронов*, 2002. С. 340). Основу же апсилийского войска, судя по всему, составляла пехота (*Воронов, Шенкао*, 1982. С. 134), игравшая, как и в Предкавказье в ранневизантийскую эпоху, видимо, вспомогательную роль, также вооруженная короткими кинжалами, луком и копьем (*Каминский, Каминская-Цокур*, 1997. С. 67) и боевыми метательными топорами наряду с «цебельдинскими».

Сами по себе «цебельдинские» топоры использовались как универсальное оружие в военных целях, реже – в хозяйственной деятельности. Внешнее и функциональное соответствие апсилийских и франкских топоров той же эпохи, а также распространение сходных форм топоров вдоль границ Римской империи от Кавказа до Бельгии дает возможность предполагать в основе формирования цебельдинских топоров те же закономерности, которые обусловили общность и многих других изделий позднеримского и ранневизантийского мира (умбоны для щитов, поясные наборы, украшения, уздечки и др.) (*Бгажба, Воронов*, 1980. С. 16).

Следует отметить, что наличие воинского (снаряженного) коня, по всей видимости, означало некий эталон привилегированности его владельца. Конница составляла значительную часть войска, включая высокогорный регион. О ее наличии у горного населения Абхазии – мисимиан (соседи, близкие по образу жизни апсилам) – свидетельствует византийский историк VI в. Агафий Миринейский. Подробно описывая битву византийцев и мисимиан в районе высокогорной крепости Тцахар, Агафий отметил существование у мисимиан шестисот пеших и конных воинов (Агафий..., 1953. Кн. 4, 16). Подобные конные отряды, формировавшиеся из числа местного мужского населения, видимо, существовали и в Северо-Западной Абхазии, в местах исторического расселения санигов (современная территория Сочи-Адлерского района). Свидетельством этому являются обнаруженные конские захоронения, части седельной сбруи и т. д., а также найденные в последнее время в Сочинском районе, в окрестностях Красной Поляны, ранневизантийские предметы, которые находят ближайшие соответствия в погребальных комплексах цебельдинской культуры: мечи, копья, топоры, удила, пряжки (IV–V вв.). Можно предполагать, что в это время кавалерия у санигов играла существенную роль в военном деле (*Гавритухин, Пьянков*, 2003. С. 190). Очевидно, всадничество как часть элитного военного сообщества локально не ограничивалось одним Северо-Западным регионом, затрагивая и другие территории Западного Кавказа, где проживали древнеабхазские «народы» (апсилы, абасги, саниги), испытавшие влияние позднеантичной цивилизации. Сам конь формировал облик мужчины как воина-дружинника.

Появление захоронений с конями у апсилов считается одним из археологических свидетельств проявления воинских погребальных обрядов, повсеместно распространенных на Южном Кавказе еще в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Неслучайно в литературе укрепилась точка зрения, что если индоиранцы познакомили Азию с конем, то иранцы – со всадничеством (*Ковалевская*, 1977. С. 61). «В самом начале I тысячелетия до н. э. погребения человека с конем распространяются в Закавказье довольно широко и, судя по могильным сооружениям и инвентарю, не имеют исключительной культурной привязки, что, возможно, объясняется широкой возрастающей ролью всадничества» (*Погребова*, 2006. С. 76). Возможно, поэтому конские захоронения появляются у апсилов как отражение престижных культов, связанных с воинской элитой (*Казанский, Мастыкова*, 2009. С. 152).

Представляется вероятным, что сам элемент всадничества у апсилов, связанный и с поставкой выносливых и резвых скакунов, появился из-за их активных контактов с кочевниками (гуннами и, прежде всего, с аланами). Как известно, после ухода гуннов аланы, продвигаясь на юг, в сторону Центрального Предкавказья, в конце IV в. н. э. постепенно переходят к оседлости. «Причина была одна: кочевать по кавказским предгорьям было неудобно» (*Гудаков*, 2007. С. 54). В результате завязываются тесные связи с местными аборигенными этносами (абасгами, апсилами, лазами и др.). Поскольку войска аланов практически полностью состояли из всадников на всем протяжении их истории, появление коней в Апсилии среди элитной части населения вполне может быть объяснимо. Материалы всаднических захоронений апсилов середины I тыс. н. э. указывают, что скаковые и боевые лошади в значительном количестве закупались и перегонялись

сюда с Северного Кавказа. Вместе с тем будет несправедливо не отметить, что (судя по размерам предметов седельного и уздечного наборов, в первую очередь – удил, найденных в цебельдинских погребениях) местные апсилы разводили различные породы лошадей (*Трапш*, 1971. С. 156).

Так, следуя Нартскому эпосу, можно отметить, что на Кавказе существовали по крайней мере две породы лошадей – арашь и хуаре, небольшие, удобные для передвижения в горах, сильные и выносливые (*Ковалевская*, 1977. С. 130). Надо полагать, что из этих же пород лошадей состояла и свита жениха Хании (дочери Аирговых) в количестве ста вооруженных всадников, согласно данным указанного эпоса (*Салакая*, 2008. С. 65).

В то же время конечно же нужна была такая порода лошадей, которая в условиях сложного горного пересеченного рельефа могла бы откликаться на малейшие движения колен всадника, что было очень важно для последнего, учитывая тяжесть его вооружения и отсутствие стремян. Надо полагать, что местные породы лошадей в Абхазии, разводившиеся в античную и средневековую эпохи, отличавшиеся своей выносливостью и приспособленностью к условиям сильно пересеченных и гористых местностей, все же уступали «аланским коням». «Аланские кони» – новая порода лошадей, выведенная в эпоху Римской империи, отличалась своей рослостью и выносливостью, способной выдержать вес тяжеловооруженного всадника. Неслучайно, что в V в. Западной Римской империи наряду с аланским воинским и конным снаряжением и оружием особенно ценились аланские кони (*Ковалевская*, 2005. С. 88).

Так, например, при исследовании курганов могильника Брут 1 (Северная Осетия) выявлены псалии, по отдельным признакам аналогичные обнаруженным в могилах апсилов в эпоху Великого переселения народов (*Габуев, Хохлова*, 2012. С. 24). Тщательное изучение конского убора позволяет говорить, что в конце V в. в Цебельде использовалась узда понтийских и европейских стилей (*Ахмедов*, 2005. С. 250), что вполне логично, учитывая аналогию и близость образцов конской узды с образцами Восточной Европы и Северного Кавказа. Это позволяет говорить, что «коней древние цебельдинцы традиционно должны были закупать на Северном Кавказе, откуда в Абхазию проникали и соответствующие формы уздечки» (*Воронов, Шенкао*, 1982. С. 136).

Археологические данные фиксируют нахождение аланского элемента в Колхиде, в частности в Цебельдинской долине. Там, как отмечают Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, найдено около десятка характерных северокавказских лощеных кружек, главным образом, в женских захоронениях (*Воронов, Бгажба*, 2008. С. 373). Существуют и другие, более ранние находки, например железные мечи с кольцевидным навершием, трехлопастные наконечники стрел. Это может говорить о наличии сармато-аланов в составе апсилийских и римско-византийских подразделений в Колхиде, а также (что не исключено) о наличии торговых и брачных связей (*Бгажба, Лакоба*, 2007. С. 137). Присутствие аланов в южных регионах Кавказа также документируется и ранневизантийскими источниками (Прокопий Кесарийский, Агафий Миринейский, Менандр, Феофан Хронограф и др.).

Таким образом, мы не можем отрицать имевшуюся инфильтрацию аланского населения на территорию Западного Закавказья и снабжение верхушечной части местного населения конями, перегонявшимися с Северного Кавказа,

останки которых засвидетельствованы на Цебельдинских могильниках (т. н. всаднические захоронения). По существующим археологическим признакам, определяющим дружинно-всадническое сословие, а именно: 1) вооружение, 2) снаряжение всадника, 3) снаряжение, сопровождающее захоронение боевых коней (упряжь, шпоры, плети и т. д.) (*Армарчук*, 2008. С. 788), можно полагать, что в социальной структуре Апсилии существовала особая страта всадников, составлявших передовую привилегированную часть апсилийского ополчения. Судя по обнаруженным в цебельдинских погребениях деталям бронзовой обоймы от уздечки, части седла, железных подпружных пряжек, железных удил с псалиями, хорошо представленным в материалах Северного Кавказа (середина I тыс. н. э.), и по конской сбруе, также имевшей северокавказский характер, поставка скакунов совершалась путем регулярного перегона с Северного Кавказа, пополняя тем самым конские ресурсы Апсилии «за счет внедрения в местную дружинную знать северокавказских всадников» (*Бгажба, Воронов*, 1987. С. 72), по большей части аланских.

Здесь же также хотелось бы остановиться на одной категории погребального инвентаря – поясном наборе (не вдаваясь в подробное его исследование, так как это самостоятельная тема), поскольку его встречаемость на Цебельдинском некрополе довольно высока и он является атрибутом византийской воинской моды, а наиболее богатые экземпляры – и показателем социальной структуры местного общества. К таким, прежде всего, относятся поясные гарнитуры «геральдического» стиля, обнаруженные в захоронениях 279, 313, 314, 318, 325 могильника Цибилиум-2 (*Воронов*, 2003), состоявшие из серебряных или бронзовых пряжек, накладок и наконечников ремней и т. д. Наиболее же яркие образцы представлены в погребениях 279 и 313, которые вполне можно выделить как воинские элитные; последнее, 313, еще является и всадническим. Погребения с «геральдическими» гарнитурами могильника Цибилиум-2 отличаются от других мужских могил более богатым инвентарем и, возможно, могли принадлежать знатным воинам (*Казанский, Мастыкова*, 2008. С. 177). Об этом, в частности, могут свидетельствовать и материалы аланского могильника Едыс, открытого в верховьях реки Большой Лиахвы (Южная Осетия). Обнаруженные здесь предметы (пояса и поясные наборы), как считает Р. Г. Дзаттиаты, принадлежали воину, всаднику-дружиннику (1995. С. 122).

Надо отметить, что последней Цебельдинской археологической экспедицией 1977–1986 гг. было выявлено до 12 поясных наборов, а пряжек – 222. Концентрация гарнитур «геральдического» стиля на некрополе Цибилиум-2 может свидетельствовать «о привилегированной позиции группы, которой это кладбище принадлежало» (*Казанский, Мастыкова*, 2011. С. 110), а с учетом типологического разнообразия поясных наборов – и о сложности социального устройства древнеабхазского (апсилийского) общества. Что мы наблюдаем также и на примере древнемордовского общества, групп, которые находились в сфере влияния транскультурной «воинской» моды (*Зеленцова, Сапрыкина*, 2013. С. 86).

Согласно В. Б. Ковалевской, пряжки и детали поясной гарнитуры геральдического типа на Северном Кавказе «надежно датируются VII в.», и их появление было связано с пребыванием византийской армии (*Ковалевская*, 2005. С. 146). Что же касается региона Западного Закавказья – Апсилии, то тут поясная гарнитура

«геральдического» типа и «геральдические» пряжки датируются несколько более ранним временем – стадия IV/10–11 (530/550–640/670 гг.) (*Казанский, Мастыкова*, 2008. С. 173–176; 2013. С. 61). Они становятся еще одним надежным индикатором оформившегося дружинного слоя (в том числе всаднического сословия), на который Византийской имперской администрацией была возложена ответственная задача – охранять здесь, в нагорной части Западного Закавказья, Кавказский внутренний лимес, более известный как Клисура, представлявший собой в VI в. линию оборонительных сооружений византийцев (*Воронов*, 2006. С. 394). В этом случае, скорее всего, поясные наборы геральдического типа не «могли попасть в Цебельду с Северного Кавказа через Аланию» (*Воронов*, 1975. С. 151). Здесь мы видим обратный процесс попадания – из Византии в Апсилию и далее в Аланию. Поясная гарнитура геральдического стиля на Северном Кавказе была, в частности, обнаружена в раннесредневековом катакомбном могильнике близ села Верхний Садон (Северная Осетия) (*Кадзаева*, 2008. С. 822), а в могиле 10 могильника Лермонтовская Скала-2 (Кисловодская котловина), принадлежавшей, видимо, местной знати, золотая поясная гарнитура сопровождалась парадным мечом V–VI вв. (*Мастыкова*, 2008б. С. 151–152; *Мастыкова, Казанский*, 2009) и т. д.

Таким образом, можно говорить о том, что пояса, являвшиеся важным атрибутом военного престижного костюма, определяли социальный статус хозяина, его принадлежность к воинскому сословию, лишний раз указывая на то, что военно-политическая структура общества апсилов носила стратифицированный характер. Без сомнения, не каждый рядовой апсил-воин мог позволить себе такой пояс. Как известно, поясной набор указывал на заслуги и место его владельца в воинской иерархии. «Пояс стал своеобразным паспортом дружинника раннего Средневековья и свидетельством его места в дружинной иерархии» (*Агрба, Хотко*, 2004. С. 33). Поясу придавалось особое значение как символу принадлежности его хозяина к воинскому сословию, т. е. к особой группе или касте, выполняющей определенные функции в древнем обществе (*Дзаттиаты*, 1995. С. 108). Так, древнерусские дружинники «украшали себя поясами, которые, вероятно, символизировали воинскую доблесть» (*Драчук*, 1977. С. 29). Таким образом, пояса, вероятно, являлись отличительным знаком принадлежности к военному (всадническо-дружинному) сословию.

Надо отметить, что сам процесс формирования дружинной знати у апсилов был обусловлен следующими факторами:

во-первых, тем, что, находясь в гуще исторических событий, общество апсилов носило специальный военный характер (каждый мужчина – воин), особенно в период персо-византийских войн (VI в.) на территории Западного Закавказья;

во-вторых, инкорпорированием в систему Византийской обороны той прогрессивной части апсилов, которая стремилась интегрироваться в общекультурную систему ранневизантийского мира, а это, в свою очередь, формировало привилегированную (военизированную) прослойку в самом обществе, что должно было вести уже к изменению старых общинных условий жизни в Апсилии, т. е. к появлению раннесословных отношений;

в-третьих, прохождением трассы Великого Шелкового пути (например, для защиты караванов), так как интенсификация византийской торговли с восточно-

причерноморским миром еще более усилила социальную стратификацию внутри апсилийского социума, чем в период Римской империи.

В заключение сделаем некоторые выводы:

1. Судя по полученным данным, преобладание в V в. н. э. воинских могил и максимального количества конского убора в некрополях Цебельды может указывать на расцвет всаднического привилегированного сословия в Апсилии, что соотносится со стадиями III/5–8 (380/400–440/450 гг.) и IV/9 (450–550 гг.) (*Kazanski, Mastykova*, 2007. P. 55–60; *Казанский, Мастыкова*, 2008. С. 173–176; 2013. С. 58).

2. Появление всаднического сословия у апсилов стало возможным в результате довольно активных контактов с северокавказскими племенами, что, в свою очередь, оформило и саму, как таковую, дружинную знать, составлявшую привилегированную элитную прослойку общества в Апсилии.

3. Наличие конских могил с конским (или без) убором в некрополях Цибилиума (Цабала) может свидетельствовать о всадническом типе данного захоронения, когда всадник, вероятно, был погребен в другом месте.

4. Общее количество всаднических погребений в Апсилии, по нашим подсчетам, достигает 14. Такое, на первый взгляд малое количество обнаруженных всаднических могил в Апсилии может быть объяснено на примере самбийско-натангийской культуры (Калининградская обл.). В ее ареале «количество погребений всадников с конями для римского времени невелико, что позволяет рассматривать их как индикаторы социального положения умершего и его принадлежности к родовой верхушке» (*Скворцов*, 2012. С. 36).

5. Обнаруженные поясные наборы «геральдического стиля» в Цебельдинском некрополе могут являться своего рода индикатором присутствия в Апсилии элемента привилегированного сословия, в том числе и всаднического.

ЛИТЕРАТУРА

Агафий о царствовании Юстиниана / Пер. и коммент. М. В. Левченко. М.; Л., 1953.

Агрба Б. С., Хотко С. Х., 2004. «Островная» цивилизация Черкесии. Черты историко-культурной самобытности страны адыгов. Майкоп: Адыгея. 45 с.

Амичба Г. А., 2002. Абхазия в эпоху раннего средневековья (Очерки по истории народного хозяйства и социально-экономических отношений в VI–X вв.). Сухум: АбИГИ АНА. 235 с.

Армарчук Е. А., 2008. Археологические признаки дружинного сословия по материалам могильников Северо-Восточного Причерноморья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006 / Гл. ред. А. Б. Белинский. М.; Ставрополь: Памятники исторической мысли: Наследие. С. 788, 789.

Ахмедов И. Р., 2005. Конский убор из некрополей Цебельдинской долины (к истории сложения «понтийского» стиля узды в эпоху Великого переселения народов) // II Городцовские чтения: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ. М.: Государственный исторический музей. С. 240–253. (Труды ГИМ; Вып. 145.)

Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н., 1980. Памятники села Герзеул. Сухуми: Алашара. 44 с.

Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н., 1987. Два всаднических захоронения апсилов из Цебельды // ТАГУ. Т. 6. Сухуми: Алашара. С. 70–76.

Бгажба О. Х., Лакоба С. З., 2007. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум: АбИГИ АНА. 392 с.

Воронов Ю. Н., 1975. Тайна Цебельдинской долины / Отв. ред. А. К. Амброз. М.: Наука. 160 с.

Воронов Ю. Н., 2002. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // ПИФК. Т. XII. С. 334–362.

Воронов Ю. Н., 2003. Могилы апсилов. Итоги исследований некрополя Цибилиум в 1977–1986 годах. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 348 с.

Воронов Ю. Н., 2006. Колхида на рубеже средневековья // Воронов Ю.Н. Научные труды: В 7 т. Т. 1 / Гл. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: АбИГИ АНА. С. 294–429.

Воронов Ю. Н., 2009. Главная крепость Апсилии // Воронов Ю. Н. Научные труды: В 7 т. Т. 2 / Гл. ред. О. Х. Бгажба. Сухум: АбИГИ АНА. С. 505–574.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х., 2008. Аланы в Колхиде (VI–VIII вв. н. э.) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006 / Гл. ред. А. Б. Белинский. М.; Ставрополь: Памятники исторической мысли: Наследие. С. 373.

Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К., 1982. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. Советско-венгерский сборник. М.: Наука. С. 121–165.

Воронов Ю. А., Юшин В. А., 1973. Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии // СА. № 1. С. 171–191.

Габуев Т. А., Хохлова О. С., 2012. Дробная датировка курганов могильника Брут 1 (Северная Осетия) // РА. № 4. С. 16–25.

Гавритухин И. О., Пьянков А. В., 2003. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV–XIII вв.). М.: Наука. С. 186–206.

Гудаков В. В., 2007. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. СПб.: СПб. ун-т. 565 с.

Гунба М. М., 1978. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси: Мецниереба. 124 с.

Дзаттиаты Р. Г., 1995. Пряжки и поясные наборы Едысского могильника (VI–VII вв. н. э.) // Аланы: история и культура. Т. III. Владикавказ: СОИГСИ. С. 107–123.

Дмитриев А. В., 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. № 4. С. 212–232.

Драчук В. С., 1977. Рассказывает геральдика. М.: Наука. 256 с.

Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А., 2013. Критерии выделения статусных погребений на основе комплексного анализа поясных наборов VIII–XI вв.: по материалам мордовских могильников // КСИА. Вып. 229. С. 84–89.

Кадзаева З. П., 2008. Раннесредневековый катакомбный могильник близ села Верхний Садон (РСО-Алания) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971–2006 / Гл. ред. А. Б. Белинский. М.; Ставрополь: Памятники исторической мысли: Наследие. С. 822.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2008. Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: XXV Крупновский чтения / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: СОИГСИ. С. 173–178.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2009. Погребения коней в Абхазии в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов // Пятая кубанская археологическая конференция: материалы конференции / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 150–155.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2011. Федераты и империя: Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Вторая Абхазская Междунар. археологическая конф. (8–12 ноября 2008 г.): материалы конференции / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: АбИГИ АНА. С. 102–116.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2013. Хронология цебельдинской культуры (II–VII вв.) // Третья Абхазская Междунар. археологическая конф.: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: ИИМК РАН; АбИГИ АНА. С. 55–62.

Каминский В. Н., Каминская-Цокур И. В., 1997. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // ИАА. Вып. 3. Армавир: Армавирский краеведческий музей. С. 61–69.

Ковалевская В. Б., 1977. Конь и всадник. Пути и судьбы. М.: Наука. 141 с.

Ковалевская В. Б., 2005. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.; Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН. 398 с.

Мастыкова А. В., 2008а. Федераты Восточной Римской империи на Черноморском побережье Кавказа и эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Научные Ведомости Белгородского гос. ун-та. Белгород: Белгородский гос. ун-т. № 17 (57). С. 26–32.

Мастыкова А. В., 2008б. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // ПИФК. Вып. XXI. С. 149–159.

Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.

Мастыкова А. В., Казанский М. М., 2009. Привилегированные погребения у федератов Восточной Римской империи на территории Абхазии (II–VII вв.) // Научные Ведомости Белгородского гос. университета. Белгород: Белгородский гос. ун-т. № 9 (64). С. 25–31.

Новичихин А. М., 2008. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель. Военная археология: сборник материалов семинара при ГИМе. Вып. 1 / Отв. ред. О. В. Двуреченский. М.: Квадрига. С. 26–41.

Погребова М. Н., 2006. Конские погребения Южного Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа // Первая Абхазская Междунар. археологическая конф. / Отв. ред. В. В. Бжания. Сухум: Алашарбага. С. 73–77.

Салакая Ш. Х., 2008. Избранные труды: В 3 т. Т. I: Эпическое творчество абхазов / Отв. ред. З. Д. Джапуа. Сухум: АбИГИ АНА. 427 с.

Скворцов К. Н., 2012. Погребения с конями I тыс. н. э. на Самбийском полуострове (могильник Аллейка 3) // РА. № 3. С. 36–49.

Трапш М. М., 1971. Труды: В 4 т. Т. 3: Культура цебельдинских некрополей / Отв. ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба. 255 с

Трапш М. М., 1975. Материалы по археологии средневековой Абхазии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Сухуми: Алашара. 228 с.

Kazanski M., Mastykova A., 2007. Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C. – VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L'étude du site. Vol. 2. Oxford: John and Erica Hedges Ltd.. 164 p. (British Archaeological Reports. International Series; S1721)

Сведения об авторе.

Нюшков Валентин Александрович, Абхазский государственный музей, ул. Леона, 22, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии, ул. Аидгылара, 44, Сухум, Республика Абхазия, e-mail: Valenti74@yandex.ru.

V. A. Nyushkov

The military estate in Apsylia. A historical and cultural study

Abstract. In this article attention is centred on the development of the ethno-social organization of the Apsils and, in particular, on the emergence of a military estate in Apsylia, based on the horsemen's burials discovered in the Tsebelda burial-ground, in particular finds of belt-sets in the graves of Apsilian warriors. On the basis of research into this range of materials, it can be concluded that the appearance of this estate of a mounted

warriors could in part be connected with their contacts with nomads. In the course of those relations, Apsilian warriors acquired thorough-bred steeds which led among other things to the formation of a military elite, constituting a privileged stratum in the society of Apsilia.

Keywords: social organization, ancient Apsilian society, West Transcaucasia, Tsebelda cemetery, mounted warriors' burials, belt-sets.

REFERENCES

Agafy o tsarstvovanii Yustiniana [Agathias on reign of Justinian], 1953. M. V. Levchenko, transl., comments. Moscow; Leningrad.

Agrba B. S., Khotko S. Kh., 2004. «Ostrovnaya» tsivilizatsiya Cherkesii: Cherty istoriko-kulɜturnoy samobytnosti strany adygov [«Insular» civilization of Circassia: features of historical-cultural originality of Country of Adygs]. Maykop: Adygeya. 45 p.

Akhmedov I. R., 2005. Konsky ubor iz nekropoley Tsebelɜdinskoy doliny (k istorii slozheniya «pontiyskogo» stilya uzdy v epokhu Velikogo pereseleniya narodov) [Horse equipment from cemeteries of Tsebelda valley (on history of formation of «Pontic» style of bridle in Migration Period)]. *II Gorodtsovskiye chteniya* [*II Gorodtsov readings*]*: materialy nauchnoy konferentsii, posvyashchyonnoy 100-letiyu deyatel'nosti V. A. Gorodtsova v Gosudarstvennom istoricheskom muzeye*. Moscow: Gosudarstvenny istorichesky muzey, pp. 240–253. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 145.)

Amichba G. A., 2002. Abkhaziya v epokhu rannego srednevekov'ya: (Ocherki po istorii narodnogo khozyaystva i sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheny v VI–X vv.) [Abkhazia in the epoch of early Middle Ages: (Essays on history of economy and socio-economic relationships in VI–X cc.)]. Sukhum: Abkhazsky institut gumanitarnykh issledovany akademii nauk Abkhazii. 235 p.

Armarchuk Ye. A., 2008. Arkheologicheskiye priznaki druzhinnogo sosloviya po materialam mogil'nikov Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya [Archaeological indications of retinue estate on materials from cemeteries of North-Eastern Pontic region]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza, VIII. Krupnovskiye chteniya, 1971–2006* [*Materials on research of historical-cultural heritage of North Caucasus, VIII: Krupnov readings, 1971–2006*]. A. B. Belinsky, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli; Stavropol': GUP «Naslediye», pp. 788–789.

Bgazhba O. Kh., Lakoba S. Z., 2007. Istoriya Abkhazii s drevneyshikh vremyon do nashikh dney [History of Abkhazia from the most ancient times till our time]. Sukhum: Abkhazsky institut gumanitarnykh issledovany akademii nauk Abkhazii. 392 p.

Bgazhba O. Kh., Voronov Yu. N., 1980. Pamyatniki sela Gerzeul [Sites of Gerzeul village]. Sukhumi: Alashara. 44 p.

Bgazhba O. Kh., Voronov Yu. N., 1987. Dva vsadnicheskikh zakhoroneniya apsilov iz Tsebel'dy [Two Apsil riders' burials from Tsebelda]. *Trudy Abkhazskogo gosudarstvennogog universiteta* [*Publications of Abkhazian State unversity*], 6. Sukhumi: Alashara, pp. 70–76.

Dmitriyev A. V., 1979. Pogrebeniya vsadnikov i boyevykh koney v mogil'nike epokhi pereseleniya narodov na r. Dyurso bliz Novorossiyska [Burials of riders and battle horses in cemetery of Great Migration period on Dyurso River near Novorossiysk]. *SA*, 4, pp. 212–232.

Drachuk V. S., 1977. Rasskazyvayet geral'dika [Heraldry tells]. Moscow: Nauka. 256 p.

Dzattiaty R. G., 1995. Pryazhki i poyasnyye nabory Yedysskogo mogil'nika (VI–VII vv. n. e.) [Belt-buckles and belt sets of Yedys cemetery (VI–VII cc. AD)]. *Alany: istoriya i kul'tura* [*Alans: history and culture*], III. Vladikavkaz: Severo-Osetinsky institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovany im. V. I. Abayeva, pp. 107–123.

Gabuyev T. A., Khokhlova O. S., 2012. Drobnaya datirovka kurganov mogil'nika Brut 1 (Severnaya Osetiya) [Detailed chronology of kurgans of cemetery Brut 1 (North Ossetia)]. *RA*, 4, pp. 16–25.

Gavritukhin I. O., P'yankov A. V., 2003. Rannesrednevekovyye drevnosti poberezh'ya (IV–IX vv.) [Early medieval antiquities of the seashore (IV–IX cc.)]. *Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya (IV–XIII vv.)* [*Crimea, North-Eastern Pontic zone and Transcaucasus in the epoch of Middle Ages (IV–XIII cc.)*]. Moscow: Nauka, pp. 186–206.

Gudakov V. V., 2007. Severo-Zapadny Kavkaz v sisteme mezhetnicheskikh otnosheny s drevneyshikh vremyon do 60-kh godov XIX veka [North-Western Caucasus in system of trans-ethnic relarions from the earliest times to 60s of XIX c.]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgsky universitet. 565 p.

Gunba M. M., 1978. Novyye pamyatniki tsebel'dinskoy kul'tury [New sites of Tsebelda culture]. Tbilisi: Metsniyereba. 124 p.

Kadzayeva Z. P., 2008. Rannesrednevekovy katakombny mogil'nik bliz sela Verkhny Sadon (RSO-Alaniya) [Early medieval catacomb cemetery near village Verkhny Sadon (RNO-Alania)]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. VIII: Krupnovskiye chteniya, 1971–2006* [*Materials on research of historical-cultural heritage of North Caucasus, VIII: Krupnov readings, 1971–2006*]. A. B. Belinsky, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli; Stavropol': GUP «Naslediye», p. 822.

Kaminsky V. N., Kaminskaya-Tsokur I. V., 1997. Vooruzheniye plemen Severnogo Kavkaza v rannem srednevekov'ye [Weaponry of North Caucasus tribes in early Middle Ages]. *Istoriko-arkheologichesky al'manakh* [*Historical-archaeological miscellany*], 3. Armavir: Armavirsky krayevedchesky muzey, pp. 61–69.

Kazanski M., Mastykova A., 2007. Tsibilium. La nécropole apsile de Tsibilium (VIIe av. J.-C.– VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L'étude du site, 2. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 164 p. (British Archaeological Reports. International Series S, 1721.)

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 2009. Pogrebeniya koney v Abkhazii v pozdnerimskoye vremya i v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [Burials of horses in Abkhazia in Late Roman period and Great Migration period]. *Pyataya kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [*Fifth Kuban archaeological conference*]. I. I. Marchenko, ed. Krasnodar: Kubansky gosudarstvenny universitet, pp. 150–155.

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 2008. Evolyutsiya nekropolya Tsibilium (II–VII vv.) [Evolution of cemetery Tsibilium (II–VII cc.)]. *Otrazheniye tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territory: XXV Krupnovskiye chteniya* [*Civilization processes mirrored in archaeological cultures of North Caucasus and adjacent territories: XXV Krupnov readings*]. A. A. Tuallagov, ed. Vladikavkaz: Severo-Osetinsky institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovany im. V. I. Abayeva, pp. 173–178.

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 2011. Federaty i imperiya: Evolyutsiya nekropolya Tsibilium (II–VII vv.) [Federates and Empire: Evolution of cemetery Tsibilium (II–VII cc.). *Vtoraya Abkhazskaya Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya* [*Second Abkhazian International archaeological conference, November 8–12, 2008*]. A. Yu. Skakov, ed. Sukhum: Abkhazsky institut gumanitarnykh issledovany Akademii nauk Abkhazii, pp. 102–116.

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 2013. Khronologiya Tsebel'dinskoy kul'tury (II–VII vv.) [Chronology of Tsebelda culture (II–VII cc.)]. *Tret'ya Abkhazskaya Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya: Problemy drevney i srednevekovoy arkheologii Kavkaza* [*Third Abkhazian International archaeological conference: Problems of ancient and medieval archaeology of Caucasus*]. A. Yu. Skakov, ed. Sukhum: Institut istorii material'noy kul'tury RAN; Abkhazsky institut gumanitarnykh issledovany Akademii nauk Abkhazii, pp. 55–62.

Kovalevskaya V. B., 1977. Kon' i vsadnik. Puti i sud'by [Horse and rider. Paths and destiny]. Moscow: Nauka. 141 p.

Kovalevskaya V. B., 2005. Kavkaz – skify, sarmaty, alany. I tys. do n. e. – I tys. n. e. [Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans. I mill. BC – I mill. AD]. Moscow: IA RAN. 398 p.

Mastykova A. V., Kazansky M. M., 2009. Privilegirovannyye pogrebeniya u federatov Vostochnoy Rimskoy imperii na territorii Abkhazii (II–VII vv.) [Privilege burials among federates of East

Roman Empire in territory of Abkhazia (II–VII cc.)]. *Nauchnyye Vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [*Scientific bulletin of Belgorod State university*]. Belgorod: Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 9 (64), pp. 25–31.

Mastykova A. V., 2008a. Federaty Vostochnoy Rimskoy imperii na Chernomorskom poberezh'ye Kavkaza i evolyutsiya nekropolya Tsibilium (II–VII vv.) [Federates of East Roman Empire on Pontic littoral of Caucasus and evolution of cemetery Tsibilium (II–VII cc.)]. *Nauchnyye Vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [*Scientific Bulletin of Belgorod State university*]. Belgorod: Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 17 (57), pp. 26–32.

Mastykova A. V., 2008b. «Varvarskiye korolevstva» epokhi Velikogo pereseleniya narodov u alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [«Barbarian kingdoms» of the epoch of Migration Period among Alans of Central Caucasus Piedmonts]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of history, philology, culture*], XXI, pp. 149–159.

Mastykova A. V., 2009. Zhensky kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n. e. [Female costume of Central and West Caucasus Piedmont in the end of IV – middle VI cc. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.

Novichikhin A. M., 2008. Voinsky kenotaf s zakhoroneniyem boyevogo konya na srednevekovom mogil'nike Andreyevskaya shchel' [Warrior's cenotaph with burial of battle horse at medieval cemetery Andreyevskaya shchel']. *Voyennaya arkheologiya* [*Martial archaeology*]: sbornik materialov seminara pri Gosudarstvennom istoricheskom muzeye, 1. O. V. Dvurechensky, ed. Moscow: Kvadriga, pp. 26–41.

Pogrebova M. N., 2006. Konskiye pogrebeniya Yuzhnogo Kavkaza epokhi pozdney bronzy – rannego zheleza [Horse burials of South Caucasus of epoch of Late Bronze – Iron Ages]. *Pervaya Abkhazskaya Mezhdunarodnaya arkheologicheskaya konferentsiya* [*First Abkhazian International archaeological conference*]. V. V. Bzhaniya, ed. Sukhum: Alasharbaga, pp. 73–77.

Salakaya Sh. Kh., 2008. Izbrannyye trudy v tryokh tomakh, I: Epicheskoye tvorchestvo abkhazov [Selected works in three volumes, I: Epic arts of Abkhazians]. Z. D. Dzhapua, ed. Sukhum: Abkhazsky institut gumanitarnykh issledovany Akademii nauk Abkhazii. 427 p.

Skvortsov K. N., 2012. Pogrebeniya s konyami I tys. n. e. na Sambiyskom poluostrove (mogil'nik Aleyka 3) [Burials containing horses of I mill. AD at Sambian Peninsula (cemetery Aleika 3)]. *RA*, 3, pp. 36–49.

Trapsh M. M., 1971. Kul'tura tsebel'dinskikh nekropoley. Trudy, 3 [Culture of Tsebelda cemeteries. Scientific works, 3]. O. D. Lordkipanidze, ed. Tbilisi: Metsniyereba. 255 p.

Trapsh M. M., 1975. Materialy po arkheologii srednevekovoy Abkhazii [Materials on archaeology of medieval Abkhazia]. A. Kh. Khalikov, ed. Sukhumi: Alashara. 228 p.

Voronov Yu. N., 1975. Tayna Tsebel'dinskoy doliny [Mystery of Tsebelda valley]. A. K. Ambroz, ed. Moscow: Nauka. 160 p.

Voronov Yu. N., 2002. Arkheologicheskiye drevnosti i pamyatniki Abkhazii (V–XIV vv.) [*Archaeologicl antiquities and sites of Abkhazia (V–XIV cc.)*]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of history, philology, culture*], XII, pp. 334–362.

Voronov Yu. N., 2003. Mogily apsilov: Itogi issledovany nekropolya Tsibilium v 1977–1986 godakh [Graves of Apsils: Results of research of cemetery Tsibilium in 1977–1986]. Pushchino: Otdel nauchno-tekhnicheskoy informatsii Pushchinskogo nauchnogo tsentra RAN. 348 p.

Voronov Yu. N., 2006. Kolkhida na rubezhe srednevekov'ya [Colchis on threshold of Middle Ages]. Voronov Yu. N. *Nauchnyye trudy* [*Scientific works*], 1. O. Kh. Bgazhba, ed. Sukhum: Abkhazsky institut gumanitarnykh issledovany Akademii nauk Abkhazii, pp. 294–429.

Voronov Yu. N., 2009. Glavnaya krepost' Apsilii [Principal fortress of Apsilia]. Voronov Yu. N. *Nauchnyye trudy* [*Scientific works*], 2. O. Kh. Bgazhba, ed. Sukhum: Abkhazsky institut gumanitarnykh issledovany Akademii nauk Abkhazii, pp. 505–574.

Voronov Yu. N., Bgazhba O. Kh., 2008. Alany v Kolkhide (VI–VIII vv. n. e.) [Alans in Colchis (VI–VIII cc. AD)]. *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza, VIII: Krupnovskiye chteniya, 1971–2006 [Materials on research of historical-cultural heritage of*

North Caucasus, VIII: Krupnov readings, 1971–2006]. A. B. Belinsky, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli; Stavropol': GUP «Naslediye», pp. 373.

Voronov Yu. N., Shenkao N. K., 1982. Vooruzheniye voinov Abkhazii IV–VII vv. [Weaponry of warriors of Abkhazia in IV–VII cc.]. *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniya narodov V–VIII vekov: Sovetsko-Vengersky sbornik* [*Antiquities of Migration Period of V–VIII centuries. Soviet-Hungarian collection of articles*]. Moscow: Nauka, pp. 121–165.

Voronov Yu. A., Yushin V. A., 1973. Novyye pamyatniki tsebel'dinskoy kul'tury v Abkhazii [New sites of Tsebelda culture in Abkhazia]. *SA*, 1, pp. 171–191.

Zelentsova O. V., Saprykina I. A., 2013. Kriterii vydeleniya statusnykh pogrebeny na osnove kompleksnogo analiza poyasnykh naborov VIII–XI vv. po materialam mordovskikh mogil'nikov [Criteria for singling out high-rank persons' burials (complex analysis of belt-sets of VIII–XI cc. from Mordvinian cemeteries)]. *KSIA*, 229, pp. 84–89.

About the author.

Nyushkov Valentin A., Abkhazian State Museum, ul. Leon, 22, Abkhazian Institute for research in the Humanities, D. I. Gulia Abkhazian Academy of Sciences, Str. Aidgylara, 44, Sukhum, Republic of Abkhazia; e-mail: Valenti74@yandex.ru.

О. В. Шаров

ЭЛИТА ПОЗДНЕАНТИЧНОГО БОСПОРА: ПОГРЕБЕНИЕ С ЗОЛОТОЙ МАСКОЙ*

Резюме. Погребение с Золотой маской хорошо известно как одно из самых богатых элитных погребений Боспора позднеримской эпохи. В его инвентаре можно отметить сочетание ирано-сарматских, боспорских и римских элементов. С одной стороны, в погребении имеются два комплекта конской упряжи, многочисленные золотые бляшки костюма, украшения, выполненные в полихромном иранском стиле. С другой стороны, в погребальном инвентаре присутствует значительное количество серебряной и бронзовой посуды римского производства. Обряд данного погребения уникален для Боспора и более характерен для богатейших «княжеских» погребений позднесарматской эпохи, когда погребения уже не впускались в более ранний курган, а совершались в специально насыпанном кургане на значительной глубине. Курган 1837 г. был высотой 9,6 м, погребение находилось на глубине ок. 5 м от уровня поверхности. В яме стоял боспорский каменный саркофаг с акротериями. Практически все детали костюма и украшения могут быть отнесены ко второй половине II – началу III в. н. э., но серебряный сервиз, серебряное блюдо с монограммой, золотая двучленная лучковая фибула, парадный конский убор дают другую дату: середина – вторая половина III в. н. э., которая и является датой данного элитного комплекса.

Ключевые слова: А. Б. Ашик, Золотая маска, Керчь, Боспор, царь Рескупорид, серебряное блюдо с монограммой, позднеримская эпоха.

Самым ярким элитным комплексом Боспора позднеримской эпохи является знаменитая могила «царицы с маской», открытая А. Б. Ашиком в 1837 г. на Глинище в Керчи (ДБК, 1854а. Табл. I). Уникальное «царское» погребение до последнего времени было издано в очень неполном виде, и приходилось использовать труд А. Б. Ашика (*Ашик*, 1850) и сведения о комплексе, указанные в «Древностях Боспора Киммерийского». Ф. А. Жиль использовал при подготовке издания описания и рапорты 1837–1838 гг. директора Керченского музея А. Б. Ашика. С тех пор, с момента первых публикаций, самые яркие находки из этого

* Работа выполнена в рамках проекта «Элита Боспора Киммерийского. Традиции и инновации в аристократической культуре» (2012–2014 гг.) программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государства в мировой истории».

комплекса стали широко иллюстрировать в отечественной и западноевропейской литературе раздел по позднеантичному Боспору (*Benndorf*, 1878. S. 8; *Linas de*, 1878. P. 111, 113, 124; *Minns*, 1913. P. 433–435; *Ebert*, 1921. S. 336, 337; *Кондаков, Толстой*, 1890. С. 317, 318; *Reinach*, 1892. P. 40, 41). Несмотря на тщательную подготовку обширного и объемного издания из 3 томов «Древностей Боспора Киммерийского», включивших наиболее яркие находки первой половины XIX в. на Боспоре, доставленные в Императорский Эрмитаж, это издание не избежало и некоторых досадных ошибок. Это относится, к сожалению, и к публикации материалов данного комплекса, который вошел в науку под разными названиями: «Погребение царицы с Золотой маской», «Погребение царя Рескупорида II», «царская гробница жены Рескупорида II», «погребение с Золотой маской 1837 года», «комплекс Глинище 1837 года», «Grab mit goldene Maske, Jahre 1837» (*Šarov*, 1994. S. 426. Abb. 7; 2003. S. 46–48. Abb. 16A; *Sharov, Kazanski*, 2006. P. 93–98; *Шаров*, 2006. С. 74–76; 2009а. С. 28) и т. д. К таким досадным упущениям можно отнести как неверно указанные размеры отдельных вещей комплекса и их неточные рисунки, так и выводы о хронологии комплекса, которые затем в силу высокого авторитета издания перешли почти во все научные труды по Боспору (*Шаров*, 2008. С. 258–264; 2009а. С. 25, 33). Еще одна неточность связана с золотой гривной из этого комплекса. В ДБК дано указание на рисунок гривны (ДБК, 1854. С. 72. Табл. XI–6) из кургана у станицы Сенной, которая якобы идентична золотой гривне, найденной в комплексе с Золотой маской, но это полностью не соответствует реальности (см.: *Казанский, Мастыкова*, 2007. С. 169–171; Тайна золотой маски[1]…, 2009. № 7). Описание серебряных ложки и блюда с выгравированными надписями (ДБК, 1854б. С. 204–210. Табл. XXX, *5*, *11*) также, к сожалению, страдает большими погрешностями, как в прочтении, так и в интерпретации надписей (*Шаров*, 2009а. С. 34–36). Эти и другие факты, которые можно привести из историографического обзора, побуждают обратиться более пристально к этому уникальному для Боспора позднеримской эпохи комплексу.

Обратимся к отчетам и рапортам А. Б. Ашика (ДБК, 1854а; 1854б; 1854в; *Шаров*, 2009а. С. 26, 27).

В большом кургане высотой 9,6 м в окрестностях татарской деревни Глинище, на глубине 4,27 м от древней дневной поверхности был найден мраморный саркофаг, имевший форму параллелепипеда с треугольной крышей и коническими фигурами по углам, напоминающими рога (*Ашик*, 1850. С. 141). В нем лежал скелет в полном убранстве с большим количеством драгоценных находок (цв. илл. XII). Помимо золотой маски (цв. илл. XIII, *1*) (Тайна…, 2009. № 1) и золотого венка-диадемы с центральной пластиной, украшенной по краям четырьмя гранатами в оправах (Там же. № 2), на остове были найдены золотые серьги, украшенные гранатами, золотая гривна, два золотых браслета (цв. илл. XIII, *2*), два золотых перстня с вставками камней и золотое кольцо (Там же. № 3; 5–10). По сторонам тела лежали: фрагмент золотой фибулы[2] (цв. илл. XIII, *3*),

[1] Далее: (Тайна…, 2009).

[2] Ось золотой фибулы с частью пружины и иглой, см.: (Тайна…, 2009. № 12).

деревянное веретено, покрытое золотой фольгой (Тайна..., 2009. № 11), красный кожаный кошелек с аппликацией в виде хищной птицы, вырезанной из кожи (Там же. № 49), бронзовая фибула[3], золотой флакон, украшенный гранатами, несколько оправленных в золотую оправу гранатов (Там же. № 4; 14), монета с монограммой «ВАЕ»[4], 560 золотых бляшек, которыми была усеяна одежда (Там же. № 15–31). Остальные вещи лежали без точного указания, частично в самом саркофаге, частью в могильной яме. Из золотых вещей: части двух золотых полихромных конских уборов с серебряными ременными пряжками (цв. илл. XIV, *1*) (Там же. № 50; 51), из серебряных предметов: ваза с крышкой, украшенная амурами с гирляндами, скипетр (Там же. № 33; 40), три серебряных сосуда: два кувшина и ковш, составляющих, вероятно, сервиз (Там же. № 34–36), три ложки (Там же. № 37–39) и большое серебряное блюдо с надписью «Ρησκουπόρει βασιλέως» (цв. илл. XIV, *2*) на обороте и монограммой «ANTB» в центральном плафоне (Там же. № 32), которое стояло вне саркофага, за головой (*Ашик*, 1850. С. 143). В комплексе были найдены вне саркофага, у ног, в могильной яме: два бронзовых котелка типа «Хеммур» (Тайна…, 2009. № 44)[5], большая бронзовая чаша, украшенная с двух сторон атташе в виде голов Горгоны Медузы и ручками в виде змей (Там же. № 41), бронзовый кувшин с биконическим туловом типа «Стралджа» (Там же. № 42), два колокольчика[6], две бронзовые ножки от трона в виде лап фантастического животного (грифона?)[7] и верхняя часть стойки треножника с креплением для чаши с изображением Диониса (Там же. № 43; 45; 47). В этом погребении были найдены также большое бронзовое зеркало (Там же. № 46) и фрагменты железного ножа плохой сохранности, но сохранилась золотая оправа рукояти с элементами скани (Там же. № 13), а также в описи числятся два бронзовых меча (*Спасский*, 1846. С. 138)[8].

Попытаемся определить дату совершения этого погребения, исходя из анализа типов погребального инвентаря.

Хронология комплекса

Два золотых браслета (*Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 81, *2*) (цв. илл. XIII, *2*) в виде манжет типа III, по С. Лепажу (*Lepage*, 1971. P. 7), шарнирные, инкрустированные гранатами (*Šarov*, 2003. Fig. 19; Тайна…, 2009. № 5, 6), имеют близкие параллели в материалах Таксилы: они соответствуют типу Musche 8 (70 г. н. э.) (*Musche*, 1988. Typ. 75. 8.1.*1–3*). С другой стороны, типологически близкие браслеты происходят из сарматских могил, например браслет, обнаруженный в кургане № 2 некрополя Тузлуки на Дону, который датируется I в. н. э. (L'Or des Sarmates…, 1995. P. 92. № 118). Два браслета той же формы происходят из кургана 10

[3] Не поступала в хранение ГЭ, но см.: (*Амброз*, 1966. С. 54).
[4] Не поступала в хранение ГЭ.
[5] В хранении ГЭ числится одно.
[6] В хранении ГЭ числится один.
[7] В хранении ГЭ числится одна.
[8] В хранение ГЭ не поступали.

некрополя Кобяково на Дону и датируются концом I – началом II в. (L'Or des Sarmates…, 1995. P. 64. № 88, 89). Между тем инкрустированные гранатами браслеты не типичны для производства золотых и серебряных изделий I – начала II в., они появляются только в течение второй половины – последней трети II в. н. э. (*Трейстер*, 2004. С. 248). Изображения браслетов на одежде известны на статуях из Пальмиры I–II вв. (*Lepage*, 1971. Fig. 12). О. В. Горская считает, что такие браслеты характерны и для III в. н. э., но эта дата опирается лишь на дату предмета вне комплекса, хранящегося в Британском музее (*Горская*, 2009. С. 68).

Можно предположить также восточное происхождение для золотого флакона с гранатами в оправах (*Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 84). Самая близкая параллель происходит из Иберии, из могилы 7 аристократического некрополя в Армазисхеви (*Musche*, 1988. S. 135, 136, 140. Pl. 34. 3.2.4. *2*). Эта могила содержит монеты диапазона 64–157 гг. С другой стороны, металлические флаконы в полихромном стиле довольно часто встречаются в сарматских могилах I–II вв. (*Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 84; *Скалон*, 1961. С. 126. Рис. 11–15). Наиболее поздние флаконы этого стиля найдены в заполнении постройки № 18 в Танаисе, откуда происходят также 17 монет Рескупорида IV (242–276 гг.) (*Трейстер*, 2004. С. 249; *Горская*, 2009. С. 69).

У двух золотых серег с кулоном в виде амфор также есть достаточно ранние параллели. Мы можем датировать по аналогиям этот тип украшений I в. до н. э. – I в. н. э. (*Musche*, 1988. S. 96–103. Pl. 18.14.1.*1–5*). Между тем разделенное на части оформление, которое включает вставки гранатов в форме сердца, может говорить и о более поздней дате. Действительно, подобные по форме серьги встречены и в погребальных комплексах Средней Азии III–IV вв. (*Трейстер*, 2004. С. 248; *Горская*, 2009. С. 69–71). Можно добавить, что серьги с кулонами в виде амфор представлены также среди средиземноморских древностей III в. н. э. (*Ross*, 1965. Pl. 15, *7*).

Пятьсот шестьдесят маленьких золотых тисненых бляшек украшали одежду погребенного (*Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 88, *18–29*; Тайна…, 2009. № 15–31). Подобные бляшки есть в сарматских могилах, а именно в комплексах III в. н. э. в Котовой слободе (*Берхин*, 1961. Рис. 1, *10, 11*) и в Нагорном, в кургане 1 (*Гудкова, Фокеев*, 1984. Рис. 13, *2, 3*; *Горская*, 2009. С. 71–74). С другой стороны, некоторые формы (*Reinach*, 1892. Pl. 23, *11*; 22, *3, 6, 21, 22*) напоминают бляшки эпохи переселения народов и могут считаться их прямыми прототипами (*Kazanski, Mastykova*, 2003. P. 111; *Мастыкова*, 2014).

Бусы комплекса 1837 г. представлены различными типами больших стеклянных мозаичных бус в стиле «миллефиори», глазчатыми и круглыми сердоликовыми, говорящими как о ранней дате – I/II в. н. э. (ср.: *Musche*, 1988. S. 125, 131. Taf. XXVII. Typ 2. 2. *14*), так и о более поздней – середине/второй половине III в. н. э. (*Френкель*, 2009. С. 114, 115. Тип 5).

Таким образом, анализ хронологии типов украшений костюма, выполненных в полихромном иранском стиле, позволяет говорить об их датировке второй половиной II – началом III в. н. э., хотя отдельные типы бус и показывают более позднюю дату.

Рассмотрим хронологию металлической посуды, происходящей из данного погребения.

Серебряная пиксида (*Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 87; 90, *2*) с *шаровидным туловом*, украшенная Эротами, несущими гирлянды с головой Медузы (*Reinach*, 1892. Pl. 37, *1*; *Кропоткин*, 1970. № 739. Рис 49; *Šarov*, 2003. Abb. 12). Хорошо известна серебряная пиксида, происходящая из кургана Хохлач (*Raev*, 1986. P.14. Pl. 9). Этот курган датируется концом I – началом II в., в то время как сама пиксида, согласно Б. А. Раеву, могла бы быть более ранней – III/II вв. до н. э. Есть и иные параллели, происходящие из некрополя Одессоса, которые датируется серединой II в. н. э. (*Трейстер*, 2004. С. 249; 2009. С. 51, 52), но наиболее поздние параллели данной пиксиде происходят из некрополя Варна, которые датируются началом III в. н. э. Б. А. Раев, основываясь на болгарских параллелях, отнес пиксиду из керченского погребения 1837 г. к II–III вв. н. э. (*Raev*, 1977. S. 630).

Бронзовый кувшин с биконическим туловом (*Кропоткин*, 1970. № 826. Рис. 69; *Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 85, *1*; 89, *1*) принадлежит к типу Eggers-128 или типу «Straldza», дата которого довольно широка, от конца I до III в. н. э. (*Raev*, 1977; *Раев, Науменко*, 1993. С. 156, 157). На территории Римской империи их находят часто в кладах с монетами середины III в. н. э.; наиболее поздние клады с такими кувшинами сопровождались монетами 268–269 гг. (*Трейстер*, 2004. С. 253; 2009. С. 55, 56). Согласно В. В. Шкорпилу, кувшин этого типа был найден в Керчи, в могиле 339.1903 г. с оттисками монет Рескупорида IV (233–234 гг.) (*Шкорпил*, 1910. С. 34).

Два серебряных кувшина с яйцевидным туловом (*Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 85, *2, 3*; 86; 90, *3*) имеют валики на горле (*Reinach*, 1892. Pl. 37, *2*; *Кропоткин*, 1970. № 739. Рис. 48; *Šarov*, 2003. Fig. 13, *6, 7*). У одного из этих двух кувшинов с атташе в виде маски Медузы есть близкие параллели в кладе Шаурс (Chaourse) во Франции, датированном, согласно монетам, «terminus post quem» после 275 г. н. э. (*Трейстер*, 2004. С. 250; 2009. С. 49–51). Валики на горле, как на кувшине из комплекса 1837 г., свидетельствуют о посуде, которая начала изготавливаться лишь с III в. н. э. (*Strong*, 1966. P. 160, 163). Речь идет скорее о середине – второй половине III в. н. э., как свидетельствуют сосуд, происходящий из крепости Дура-Европос, разрушенной в 256 г., или подобный сосуд, обнаруженный с монетами Викторина (269 г.) в могиле Бонна (*Трейстер*, 2004. С. 251, 252). По форме атташе у кувшина из комплекса 1837 г. есть параллели среди материала, происходящего из Антиохии, который датируется концом III – IV в. Все это позволило М. Ю. Трейстеру (2004. С. 252) отнести данный кувшин ко второй половине III – первой половине IV в. н. э. Следует добавить, что, согласно данным В. В. Шкорпила (1910. С. 34), кувшин этого типа был найден в Керчи, в той же могиле 339.1903 г. с оттисками монет Рескупорида IV (233–234 гг.).

Серебряный ковш (*Кропоткин*, 1970, № 739g; *Sharov, Kazanski*, 2006, Fig. 90, *4*) имеет достаточно многочисленные аналогии в кладах II в. н. э., наиболее поздние аналогии известны среди находок из клада в Нотр-Дам-д'Алансон, откуда происходят также монеты 265–270 гг. (*Трейстер*, 2004. С. 252, 253; 2009. С. 47–49).

Два бронзовых ведра типа Хеммур (Hemmoor), одно из которых хранится в Эрмитаже (*Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 90, *1*), принадлежат типу Eggers-63 (*Eggers*, 1951. S. 165–166. Taf. 7). Этот тип существовал в течение периодов Cl и C2

(180–300/320 гг.) (*Notte*, 1989. P. 27; *Трейстер*, 2009. С. 56, 57). Большая часть котелков типа Eggers-63 происходит из римской Паннонии, что позволяет предполагать их изготовление в одной из мастерских этой провинции.

Серебряные ложки, происходящие из могилы 1837 (*Reinach*, 1892. Pl. 30, *3*; *Šarov*, 2003. Fig. 13, *4, 5; Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 81, *4*; 83), принадлежат к эпохе, идущей от конца I в. н. э. до рубежа II/III вв. Наиболее поздние аналогичные объекты были найдены в знаменитой княжеской могиле в Мушове (ок. 170 г.) и в кладе из Бертовилля (Bertouville) конца II – III в. (*Трейстер*, 2004. С. 253; 2009. С. 52, 53). На одной из этих ложек можно прочитать поврежденную запись, которая содержит фрагмент даты боспорской эры (*Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 81, *4*)[9].

Коснемся также даты знаменитого серебряного блюда. Д. Стронг сравнил керченское блюдо с прямоугольными серебряными чашами из Эсквилинского клада (Mons Esquilinus) в Риме, которые имеют центральную монограмму «PROJECTA», выполненную в технике позолоты и черни внутри лаврового венка. «Большое круглое блюдо из могилы королевы с Золотой маской в Керчи имеет подобную монограмму в центре, которая выполнена в технике позолоты и черни, и миниатюрное аналогичное украшение на краю блюда. Оно датируется приблизительно около 300 г. н. э., и надпись на обороте показывает, что оно было во владении царя Боспора Рескупорида» (цв. илл. XIV, *2*) (*Strong*, 1966. P. 195. Pl. 63a). Близкую точку зрения высказал и М. Ю. Трейстер (2004. С. 250; 2009. С. 43–47). В пользу этой точки зрения есть важное обстоятельство: в центральном плафоне прямоугольного блюда из клада, зарытого на Эсквилинском холме (Mons Esquilinus), буква «N» точно так же совмещена с «T», как и на керченской монограмме, но у меня есть серьезные возражения против позиции Д. Стронга о том, что чернь была освоена римскими мастерами лишь в конце III в. н. э. (*Шаров*, 2001. С. 184; 2004. С. 259–265; 2009б. С. 31–36).

Серебряное керченское блюдо, по моему мнению, занимает промежуточное положение между предметами второй половины II в. н. э., когда использовался орнамент в виде лаврового венка вместе с бегущей волной, выполненный чернью, и предметами начала IV в. н. э., когда у различных по форме сосудов появились центральные плафоны с монограммами, выполненными одновременно в технике черни и позолоты (*Шаров*, 2004. С. 259–265). Вероятно, на основании того, что на нашем блюде весь орнамент выполнен в смешанной технике – позолоты и черни, мы должны склонить чашу весов в сторону более поздней даты ее изготовления, но так ли надежна дата, на которую опираются Д. Стронг и М. Ю. Трейстер? (*Шаров*, 2009а. С. 37, 38).

Я полагаю, что датировка блюда из комплекса 1837 г. на основании даты Эсквилинского клада не позволяет относить могилу с Золотой маской, вопреки мнению М. Ю. Трейстера (*Трейстер*, 2004. С. 250), ко времени правления Рескупорида VI, умершего после 341/342 г. В действительности клад с Эсквилина, сокрытый в первой половине IV в. н. э., содержит, если верить каталогу

[9] Из перевода следует, что речь идет о шестой боспорской эре (между 202 и 303 гг. н. э.) (*Šarov*, 1994. S. 424; Тайна…, 2009. № 38).

О. М. Дальтона, объекты различных эпох, в том числе застежку раннего железного века (*Dalton*, 1901. № 229). Можно задаться вопросом: а все ли объекты, относящиеся к Эсквилинскому кладу, происходят действительно из закрытого комплекса? В любом случае, можно констатировать, что клад содержит объекты, дата которых не ограничивается только IV в. н. э., но объединяет также и предметы второй половины III в. н. э. В кладе представлена, например, луковичная фибула типа Keller-Pröttel-1, датированная 250/280–320 гг. (*Pröttel*, 1988. S. 349–351. Abb. 1; *Dalton*, 1901. № 227). Таким образом, мы не можем относить плоское прямоугольное блюдо из Эсквилина лишь к наиболее поздней части сокровища, оно вполне может быть современным и фибуле типа Keller-Pröttel-1. Блюду из комплекса 1837 г. более логично предложить, согласно наиболее близким параллелям к его центральному медальону (чаши из Вены и Ниша, монеты и медальоны Константина I, чаши из Эсквилина), широкие хронологические рамки: в пределах второй половины III – первой трети IV в. н. э. (*Sharov, Kazanski*, 2006. P. 93–100; *Шаров*, 2009а. С. 38).

Из этого комплекса также происходит фрагмент золотой двучленной лучковой фибулы (цв. илл. XIII, *3*). Сохранились лишь игла, пружина и ось, но, вне всяких сомнений, она относится к типу 15–3, по А. К. Амброзу, и датируется исключительно серединой – второй половиной III в. н. э. (*Амброз*, 1966. С. 52; *Малашев*, 2000. С. 207)

Две гарнитуры конской сбруи (*Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 82). Они имеют серебряную основу, украшенную золотым тисненым листом с сердоликовой вставкой в центре (*Reinach*, 1892. Pl. 29; *Šarov*, 2003. Fig. 21; 22). Согласно классификации полихромных изделий (*Sharov, Kazanski*, 2006. P. 95), эта парадная конская гарнитура принадлежит к группе Силистрия-Керчь (Silistra-Kertch), которая датируется второй половиной III – серединой IV в. н. э. и имеет распространение в Римской империи, у германцев, в Юго-Западном Крыму и в сармато-аланском мире (цв. илл. XIV, *1*). Нужно отметить, что бляхи конской сбруи в форме сердца, обнаруженные в могиле 1837 г., так же как и в могиле 1841 из Аджимушкая, имеют параллели в пог. 9 могильника Нагорное, конская гарнитура которого отнесена В. Ю. Малашевым к группе IIB (вторая половина III в. н. э.) (*Малашев*, 2000. Рис. 5), а также в пог. 152 могильника Нейзац (*Храпунов*, 2003. Рис 3, *1–3, 6*), где представлен еще и умбон первой половины III в. н. э.

Тем не менее, несмотря на эти близкие параллели деталям конского убора, керченская гробница 1837 г. принадлежит, по мнению В. Ю. Малашева, скорее всего, к хронологической группе IIIB (320/330–360/370 гг.). С погребениями группы IIIB ее сближают особенности сбруйного набора: наличие прямоугольных блях, идентичных бляхам из гробницы 1841 г. – по В. В. Шкорпилу (*Малашев*, 2000. С. 202, Рис. 12Б, *4*), и близость бляхи сердцевидной формы бляхе из гробницы 1841 г., по А. Б. Ашику (Там же. Рис. 10Г, *3*). Я уже отмечал ранее в ряде работ (*Šarov*, 1994; 2003; *Sharov, Kazanski*, 2006. P. 95–96; *Шаров*, 2008; 2009а. С. 39, 40), что в одну группу полихромных изделий попали керченские комплексы, у которых сбруйные ремни относятся к различным орнаментальным стилям. Чтобы более четко определить их хронологический статус, необходимы дополнительные критерии. Для В. Ю. Малашева полихромный стиль является ведущим признаком группы IIIA, и он предлагает в качестве критериев для

выделения группы IIIA появление пряжек типа П–9 или пряжек типа Келлер A-B-C, поясных полихромных наконечников типа Н3б, наконечников типа Н5 и Н6 с круглыми и секировидными окончаниями, колец-разделителей конской упряжи с 3 зажимами (*Малашев*, 2000. С. 200–202). Этих хроноиндикаторов нет в погребении с Золотой маской, но есть в погр. Аджимушкай 1841 и погр. Керчь 1891 г., а к тому же узда в этих керченских погребениях сделана *совершенно различным способом* (*Шаров*, 2008. С. 259, 260; 2009а. С. 40).

Важно еще раз отметить, что не только сам тип узды из погребения с Золотой маской оригинален: там нет колец-распределителей ремней, все бляшки крепятся на ремни узкими пластинками (*Šarov*, 1994), но оригинален и тисненый орнамент змейками по контуру, который более нигде не был встречен. В бляшках, происходящих из погребения с Золотой маской, отверстия для вставок не напаяны, а вырезаны в верхней золотой пластине, а затем края отжаты наружу для получения каста. Сердоликовые вставки вставлены на серебряную основу и прикрыты сверху золотой бляшкой. Добавлением к этому является также тип серебряных пряжек с удлиненными узкими обоймами и удлиненно-овальными гранеными рамками, которые крепили ремни поводьев к трензельным кольцам. Пряжки из конского убора погребения с Золотой маской занимают промежуточное положение между самыми ранними пряжками типа П1 и пряжками типа П8 с граненой рамкой и граненым язычком с уступом сзади, которые характерны для периода IIB, по В. Ю. Малашеву (*Малашев*, 2000. Рис. 2). На основании всех этих данных можно отнести погребение с Золотой маской только к фазе IIB, по В. Ю. Малашеву (250/260–290/300 гг.), а не к более позднему времени.

Конские парадные уборы также содержат бляшки с тамгами (*Šarov*, 2003. Fig. 22), интерпретированными ранее как знаки Рескупорида III (210–226 гг.) (*Шкорпил*, 1910. С. 32) (цв. илл. XIII, *4*). Знаки этого царя были идентифицированы благодаря каменной плите, происходящей из Танаиса (КБН…, 1965. № 1248)[10]. Данная тамга напоминает также трехсоставные знаки других царей боспорской династии: Тиберия Евпатора (154–170 гг.) (*Драчук*, 1975. Рис. 14.5.*1–13*) и Савромата II (174–210/211 гг.), отца Рескупорида III (*Драчук*, 1975. Рис. 13.1. *19, 20*). Между тем С. А. Яценко заметил, что у знака-тамги из могилы 1837 г. есть дополнительный элемент, а именно звезда справа вверху, что позволило ему высказать гипотезу о принадлежности данной тамги другому царю Боспора, вероятнее всего – Рескупориду (IV)V (242–276 гг.) (*Яценко*, 2001. С. 57), что вполне соответствует нашим хронологическим построениям.

Можно резюмировать данные о хронологии могилы 1837 г. Следует отметить, что могила не содержит никаких предметов, которые мы могли бы датировать с уверенностью исключительно IV в. н. э. Наоборот, целая серия объектов указывает, что дата наиболее вероятного заложения могилы – только III в. н. э., а более точно – его вторая половина, которая мне кажется наиболее вероятной датой совершения этого погребения, на что ранее указывал М. М. Казанский (*Kazanski*, 1995. P. 192).

[10] См. дискуссию: (*Соломоник*, 1959. № 89, 90; *Яценко*, 2001. С. 53, 54).

Интерпретация этого комплекса как погребения царицы Боспора была принята в большинстве ведущих научных работ XIX – первой трети XX в. (*Шаров*, 2009а. С. 27–33; 2009в. С. 97–100). Нужно отметить, что эта точка зрения долгое время была преобладающей и в большинстве ведущих трудов, посвященных археологии позднеантичного Боспора, об этом комплексе писалось как о «погребении Царицы в Золотой маске», «погребении жены» или «супруги царя Рескупорида» (*Gille*, 1860. P. 220, 227; *Жиль*, 1861. С. 252, 253; *Benndorf*, 1878. S. 8. Taf. II; *Minns*, 1913. P. 433–435; *Ebert*, 1921. S. 336–337; *Мартп*, 1926а. С. 12, 13, 1926б. С. 48).

Но существовала начиная с середины XIX века и иная точка зрения, не замеченная большинством исследователей позднеантичного Боспора. Впервые мысль о том, что в этом кургане может быть похоронен сам царь Рескупорид, была высказана прекрасным знатоком античности – академиком Л. Стефани. В «Путеводителе по античному отделению Эрмитажа» он пишет следующее: «Этот венец, которого работа не показывает тонкого вкуса, был найден в одной гробнице *и на одном покойнике* с большой золотой маской, помещенной ниже его. В том же саркофаге были найдены еще две серьги, которые, по-видимому, указывают на женщину, и уздечка, заставляющая предполагать, что здесь лежал *мужчина*. Черты лица маски носят, очевидно, *более мужской*, чем женский характер. Изображение всадника на венце также говорит в пользу предположения *мужского покойника*. Вероятнее всего, что в гробнице были похоронены муж и жена вместе и что маска и венок, находившийся в гробнице непосредственно над маской, принадлежали *мужу*. Надпись серебряной ложечки, найденной в той же гробнице и хранящейся в этом же обелиске, показывает, что гробница относится к VI столетию понтийской эры, или к III столетию по Р. Х., а надпись серебряной чаши, там же найденной, делает вероятным, что *покойник был одним из боспорских царей*, носящих имя Рескупорида» (*Стефани*, 1856. С. 74). Этот вариант атрибуции данного комплекса, несмотря на весьма высокий авторитет Л. Э. Стефани, не получил широкого научного признания и оказался в XX–XXI вв. прочно забытым.

В 20-х гг. прошлого столетия появилась, на основании новой даты серебряного блюда и нового прочтения монограммы в центральном плафоне, точка зрения о том, что серебряное блюдо могло быть подарком Каракаллы царю Рескупориду и этот комплекс мог быть и погребением самого царя Рескупорида II/III. Эта точка зрения была в очень осторожной форме высказана М. И. Ростовцевым уже за границей (*Rostovtzeff*, 1923. P. 103–105), и именно ее подхватили позднее многие специалисты, не ссылаясь на работы опального историка (*Гайдукевич*, 1949. С. 421–424; *Иванова*, 1953; *Скалон*, 1961; *Кропоткин*, 1970. С. 27, 87. № 739; *Gajdukevič*, 1971. S. 443–444). Один из авторов «возрожденной» концепции, В. Ф. Гайдукевич, писал следующее: «В 1837 году в одном из курганов, расположенных за Керченским предместьем Глинище, была раскопана гробница, в которой оказался мраморный саркофаг с останками царя Рескупорида III или одного из членов его семьи… Особый интерес вызывает большое серебряное блюдо, в центре которого выгравирован лавровый венок и монограмма, по-видимому обозначающая два слова “**Αντ**(ωνείνου) **β**(ασιλεως)”. На оборотной стороне вычеканена точечными буквами надпись “Ρησκουπόρει βασιλέως” (“царя

Рескупорида”) и обозначение веса блюда. Есть основание думать, что блюдо это было подарено боспорскому царю Рескупориду III римским императором Каракаллой, собственное имя которого было Марк Аврелий Антонин» (*Гайдукевич*, 1949. С. 421–424; *Gajdukevič*, 1971. S. 443, 444).

Несмотря на эту почти официальную точку зрения, часть ученых склонялось к точке зрения А. Б. Ашика – Ф. А. Жиля, что это погребение жены или наложницы царя, а часть – к точке зрения В. Ф. Гайдукевича, что это мужское царское погребение.

Известнейший антрополог И. И. Гохман в 2004 г. по моей просьбе осмотрел Золотую маску на предмет определения, с какого лица она могла быть изготовлена – с мужского или с женского? Им был проведен детальный антропологический анализ керченской маски и обработаны метрические результаты. По заключению И. И. Гохмана[11], Золотая маска реалистически копирует или изображает лицо мужчины возраста 30–35 лет, европеоидного облика (*Шаров*, 2009а. С. 31). Это подтвердило старую точку зрения Л. Э. Стефани, но осталось непонятным, почему по всем деталям костюма, включая бусы, серьги, флакончик, веретено, сотни бляшек, усыпающих одежду, вуаль-накидку на голове, – это погребение можно в большей степени считать женским? Также смущали и размеры костяка, которые были указаны А. Б. Ашиком в отчетах, – ок. 150 см. Не увязываются с этим ростом и размеры Золотой маски: ее высота 22,5 см, при обрезанной верхней части, так как вверху маски крепилась золотая диадема и, соответственно, маска должна была по всем пропорциям принадлежать человеку совсем иного роста – не менее 170–175 см. По остальным деталям (оружие – два меча, две парадные конские упряжи, тип диадемы[12]) комплекс может считаться мужским, что и подтвердил антропологический анализ маски.

Таким образом, предварительно можно высказать на сегодняшний день как минимум три варианта объяснения этого необычного факта: либо это было одновременное захоронение мужчины и женщины, как предполагал в 1856 г. Л. Э. Стефани, совершенное по «особому» обряду, и тогда вся информация А. Б. Ашика об открытии комплекса может быть подвергнута сомнению; либо это захоронение, возможно, царицы, но с мужской золотой маской на лице; либо мужчины, похороненного по особому обряду в «женском» или же в «ритуальном, сакральном» одеянии.

По стилю исполнения (мастерство резчика по дереву и последующая работа чеканщика) керченская Золотая маска явно очень близка к прекрасным образцам античных бронз и скульптур (цв. илл. XIII, 1), чего нельзя сказать об остальных известных на сегодня золотых масках (Тайна…, 2009. № 52, 56). Очень близки по иконографии к портретным чертам керченской маски некоторые черты лица

[11] К глубокому сожалению, наша совместная с И. И. Гохманом статья о Золотой маске так и не была закончена из-за болезни и последовавшей за этим смерти глубокоуважаемого соавтора.

[12] Аналогичные встречены только в мужских комплексах Керчи: Аджимушкай, 1841 г., и погребение 1910 г. у садов Ф. Пери (*Šarov*, 2003; *Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 80; 92).

известного эрмитажного бронзового бюста, приписываемого Динамии, – тот же тяжелый подбородок, опущенные складки рта, полные губы, припухлость над верхней губой, одутловатое лицо, сильная асимметрия лица (*Шаров*, 2006. С. 75, 76; 2009в. С. 98–100). Может быть, эти общие иконографические моменты говорят нам о неких традициях портрета боспорской школы торевтов? Так кому же принадлежала Золотая маска? Царю, царице или члену их рода? Я склоняюсь к мнению, что Золотая маска принадлежала, с большой долей вероятности, царю Боспора, но это не исключает и других самых разнообразных версий. Если мы принимаем первую точку зрения – о двух погребенных сразу, то возникает вопрос: можно ли разделить погребальный инвентарь на мужской и женский при условии описания этого комплекса автором раскопок как единого? (цв. илл. XII). Условно – да: к мужскому погребению можно отнести диадему, маску, оружие, две конские упряжи, вероятно, весь серебряный сервиз, включая серебряное блюдо и бронзовую посуду, но при этом варианте в погребении нет вещей, которые можно было бы отнести к «мужскому костюму». Зато в изобилии представлены предметы, относящиеся к «женскому» костюму: золотые бляшки, вуаль, две низки бус, серьги, браслеты, туалетный флакон, пиксида с амурами, бронзовое зеркало и т. д. Это деление на два условных погребения вполне возможно, но при большом допущении, так как я исхожу из презумпции доверия к автору раскопок. А. Б. Ашик пишет, что при открытии погребения присутствовали градоначальник, чиновники и жители города и все увидели после поднятия крышки саркофага «...остов с золотым лицом, диадемою на голове и в полном наряде. Одежда царицы, усеянная золотыми украшениями; ткань, которою покрыта была голова, ниспадала до пояса и сохранила свой цвет. Эта ткань была шерстяная с золотыми узорами и другими украшениями: но *едва к ней коснулся воздух,* то все разлетелось в пыль, и остались только золотые блестки» (ДБКа, 1854. С. 10). Если мы склонны доверять сведениям А. Б. Ашика, то, скорее всего, нужно рассматривать: либо второй вариант, и речь может идти об особом обряде погребения, ритуале, по которому на лик женщины возложили мужскую золотую маску, а рядом положили царские регалии (скипетр, узда с царской тамгой); либо третий – когда мужчина в золотой маске был одет в особые, возможно, не столько женские, сколько «сакральные» или «ритуальные» одежды.

Исходя из имени царя Рескупорида на блюде и тамги боспорской царской династии на конской сбруе, следовало бы отнести эту могилу ко времени единственного Рескупорида, который правил в течение второй половины III в. н. э. – Рескупорида IV (242–276 гг.). Царский ранг могилы мне кажется вполне очевидным. Действительно, помимо богатого инвентаря, могила дает нам знаки династии Тиберием Юлиев на конской сбруе и серебряный скипетр (*Reinach*, 1892. Pl. 2, *5*; *Sharov, Kazanski*, 2006. Fig. 88, *15*), который мог являться частью царских регалий. Серебряное блюдо, несущее надпись с именем царя Рескупорида, также могло бы указывать прямо на самый высокий статус погребения и на имя своего владельца (Ibid. Fig. 91, *2*; *Шаров*, 2009а. С. 42). Между тем мне кажется неосторожным выдвигать гипотезу о принадлежности могилы с Золотой маской только семье Рескупорида IV. Действительно, блюдо Рескупорида могло попасть во владение его наследников или соправителей, таких как Тейран (266, 275–278 гг. н. э.), Савромат IV (275 г. н. э.) или Фофорс (285–308 гг. н. э.).

Периоды их правления соответствуют возможным хронологическим рамкам могилы с Золотой маской (*Sharov, Kazanski*, 2006. P. 93–100; *Шаров*, 2009а. С. 42; 2009в. С. 100, 101).

ЛИТЕРАТУРА

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР. М.: Наука. 126 с. (САИ; Вып. Д1–30.)

Ашик А. Б., 1850. Часы досуга с присовокуплением писем о Керченских древностях. Одесса. 197 с.

Берхин И. П., 1961. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. Вып. 2 / Отв. ред. М. И. Артамонов. Л.: Гос. Эрмитаж. С. 141–153.

Гайдукевич В. Ф., 1949. Боспорское царство. М.; Л.: АН СССР. 624 с.

Горская О. В., 2009. Сокровище загадочной могилы // Тайна Золотой маски: каталог выставки Государственного Эрмитажа / Отв. ред. А. М. Бутягин. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 63–75.

Гудкова А. В., Фокеев М. М., 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев: Наукова думка. 120 с.

Драчук И. С., 1975. Система знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 176 с.

ДБК, 1854а. Древности Боспора Киммерийского / Под. ред. Ф. А. Жиля. Т. I. СПб.: Императорская Академия Наук. 279 с.

ДБК, 1854б. Древности Боспора Киммерийского / Под. ред. Ф. А. Жиля. Т. II. СПб.: Императорская Академия Наук. 339 с.

ДБК, 1854в. Древности Боспора Киммерийского / Под. ред. Ф. А. Жиля. Т. III: Атлас. СПб.: Императорская Академия Наук. 86 табл., 2 л. карт, 5 с. чертежей и планов.

Жиль Ф. А., 1861. Музей Императорского Эрмитажа. Описание различных собраний, составляющих музей с историческим введением об Эрмитаже императрицы Екатерины II и образовании музея нового Эрмитажа. СПб.: Императорская Академия Наук. 409 с.

Иванова А. П., 1953. Искусство античных городов Северного Причерноморья, Л.: Ленинград. гос. ун-т. 192 с.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2007. Золотая гривна из Фанагории: о германцах на Боспоре Киммерийском в позднеримское время // Боспорские чтения. Вып. VIII / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Деметра. С. 169–177.

Кондаков Н. П., Толстой И. И., 1890. Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемые графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ // Древности временъ переселенія народовъ. Вып. 3. СПб.: Императорская Академия Наук. 192 с.

КБН, 1965. Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука, 951 с.

Кропоткин В. В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе. М.: Наука. 280 с. (САИ; Вып. Д1–27).

Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Нижнем Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.

Марти Ю. Ю., 1926а. Сто лет Керченского музея. Исторический очерк. Керчь: Гос. Керченский арх. музей. 96 с.

Марти Ю. Ю., 1926б. Путеводитель по керченским древностям. Керчь: Гос. Керченский арх. музей. 60 с.

Мастыкова А. В., 2014. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов // КСИА. № 232, в печати.

Раев Б. А., Науменко С. А., 1993. Погребение с римскими импортами в Ростовской области // Скифия и Боспор: материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева / Отв. ред. Б. А. Раев. Новочеркасск: Музей донского казачества. С. 151–160.

Скалон К. М., 1961. О культурных связях восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. Вып. 2 / Отв. ред. М. И. Артамонов. Л.: Гос. Эрмитаж. С. 114–140.

Соломоник Е. И., 1959. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 282 с.

Спасский Г. И., 1846. Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М. 169 с.

Стефани Л. Э., 1856. Путеводитель по античному отделению Эрмитажа // Пропилеи. Кн. V / Под ред. П. Леонтьева. М.: Университ. тип. С. 257–336.

Тайна Золотой маски: каталог выставки Государственного Эрмитажа / Отв. ред. А. М. Бутягин. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. 204 с.

Трейстер М. Ю., 2004. О датировке погребения с Золотой маской в Керчи // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Т. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 247–258.

Трейстер М. Ю., 2009. Посуда и предметы утвари из серебра и бронзы // Тайна Золотой маски: каталог выставки Государственного Эрмитажа / Отв. ред. А. М. Бутягин. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 43–62.

Френкель Я. В., 2009. Бусы из стекла и природных материалов керченского погребения с золотой маской 1837 г. // Тайна Золотой маски: каталог выставки Государственного Эрмитажа / Отв. ред. А. М. Бутягин. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 97–115.

Храпунов И. Н., 2003. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь; Симферополь: Крымское отд. Института востоковедения НАН Украины. С. 329–350.

Шаров О. В., 2001. Блюдо царя Рескупорида из погребения с Золотой маской // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полиса, образование государства. Т. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 181–185.

Шаров О. В., 2004. О серебряном блюде Рескупорида с Золотой маской // Боспорский феномен: Материалы 5-й Междунар. конф. Т. 1 / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 259–267.

Шаров О. В., 2006. Золотая Маска из Керчи // Древний Мир / Отв. ред. И. Ладюков. Киев: Виол-Принт. С. 74–76

Шаров О. В., 2008. О сходстве и различии парадной конской упряжи из погребения с Золотой маской 1837 г. и погребения в Аджимушкае 1841 г. // Боспорский феномен: Материалы X юбилейной Междунар. конф. / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 258–262.

Шаров О. В., 2009а. Погребение с Золотой маской // Тайна Золотой маски: каталог выставки Государственного Эрмитажа / Отв. ред. А. М. Бутягин. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 17–42.

Шаров О. В., 2009б. Серебряное блюдо с монограммой из погребения с Золотой маской из Керчи // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История, Политология. Экономика. Информатика. № 1 (56) / Отв. ред. В. А. Шаповалов. Белгород: БелГУ. С. 31–36.

Шаров О. В., 2009в. Золотая маска из Керчи // РА. № 3. М.: Наука. С. 96–100.

Шкорпил В. В., 1910. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия // ИАК. № 37. СПб.: Имп. Арх. Ком. С. 23–35.

Яценко С. А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература. 187 с.

Benndorf O., 1878. Antike Sepulcralmasken und Gesichthelme // Denkschriften der kaiserlischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-histor.Classe. Bd. 28 / Hrsg. von O. Benndorf. Wien. S. 301–375.

Dalton O. M., 1901. Katalogue of Early Christian Antiquites and Objetts from the Christian East. London: British Museum. 186 p.

Ebert M., 1921. Südrussland in Altertum// Bücherei der Kultur und Geschichte. Bd. 12. Bonn; Lepzig: Schroeder. 430 S.

Eggers H. J., 1951. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Bd. 1. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte. 212 S.

Gaidukevič V. F., 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie Verlag. Amsterdam: Adolf M. Hakkert. 604 S.

Gille F., 1860. Musee de l'Ermitage Imperiale: Notice sur la formation de ce Musee et description de diverses collections qu'il renferme avec une introduction historique sur l'Ermitage de Catherine II. SPb.: L'Akademie Imperiale des Science. 382p.

Kazanski M., 1995. Les tombes des chefs alano-sarmates du IV-e siecles dans les steppes pontiques // La noblesse romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siecle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Assoc. Fr. d'archeologie. Merovingienne. P. 189–205.

Kazanski M., Mastykova A., 2003. Les origines du costume «princier» féminine des Barbares à l'époque des Grandes Migrations // Costume et société dans l'Antiquité et le haut Moyen Age / Dir. F. Chausson, H. Inglebert. Paris: Picard. P. 107–120.

Lepage C., 1971. Les bracelets de luxe romains et byzantins du IIe au VIe siecle. Etude de la form et de la structure // Cahiers archeologiques. № 21. P. 1–23.

Linas de Ch., 1878. Les origines de l'orfévrerie cloisonnée, T. II. Paris: Eduard Didron, Charles Klincksieck. 510 p.

L'Or des Sarmates. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans L'Antiquité: Exh. cat. Abbaye de Daoulas. Paris: Paris-Musees, 1995. 141p.

Minns E., 1913. Scythians and Greeks. Cambridge: Univ. press. 720 p.

Musche B., 1988. Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arschakiden und der Sasaniden. Leyden; New York; Copenhauge; Cologne: Brill. 350 S.

Notte L., 1989. Les seaux de Hemmoor en France et en Europe // Amphora, 58. Bruxelles. P. 1–44.

Pröttel P. M., 1988. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibel // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Jhrg. 35, Th. 1. Mainz: Verlag des RGZM. S. 347–371.

Raev B. A., 1977. Die Bronzegefässe in Thrakien und Mösien // Berichte der Römisch-Germanischen Komission. Bd. 58/2. Frankfurt am Main. S. 605–642.

Raev B. A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Bassin. Oxford: BAR. 135 p. (BAR; Int.Ser. 778.)

Reinach S., 1892. Antiquites du Bosphore Cimmerien. Paris: Firmin-Didot. 213 p.

Ross M. S., 1965. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquites in the Dumbarton Oaks Collection. Jewellery, enamels and Art of the Migration Period. Vol. 2. Washington: Dumbarton Oaks. Center for Byzantine Studies. 274 p.

Rostovtzeff M., 1923. Une trouvaille de l'epoque Greco-Sarmate de Kerch // Momumente et Memoriam. T. XXVI. Paris: E. Leroux. P. 99–163.

Šarov O., 1994. Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč // Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlischen Jahrhunderten / Hrsg. Cl. Von Carnap-Bornheim. Marburg: Wachholtz Verlag. S. 417–428.

Šarov O., 2003. Gräber der sarmatischen Hochadels am Bospor // Kontakt-Kooperation-Konflikt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrh. nach Christus / Hrsg. Cl. Von Carnap-Bornheim. Marburg: Wachholtz Verlag. S. 35–64.

Sharov O., Kazanski M., 2006. Les Rois au Masque D'Or // Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des les Goths aux Huns. Le nord de la mer noire au Bas-empire et a l'epocue des grandes migration. Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400–1000 A. D.). BAR. № 1535. Oxford: John and Erica Hedges. P. 93–100.

Strong D., 1966. Greek and Roman Gold and Silver Plate, London: Methuen. 235 p. 35 pl.

Сведения об авторе.

Шаров Олег Васильевич, Институт истории материальной культуры РАН. Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: olegsharov@mail.ru.

O. V. Sharov

The Bosporan elite in the Late Classical period: a burial with the Golden mask

Abstract. The burial with the Golden mask is well-known as one of the richest йlite burials in the Bosporus dating from the Late Roman era. Its grave goods were characterized by a combination of Irano-Sarmatian, Bosporan and Roman elements. On the one hand there were two sets of horse harness in the burial and numerous gold plaques used for decorating costume and fashioned in the polychrome Iranian style. The grave goods also included a significant quantity of silver and bronze vessels of Roman production. The funerary rite for this burial is unique in the Bosporus and more characteristic of rich 'royal' burials from the Late Sarmatian period, when burials were no longer dug into earlier kurgans but sunk into a specially erected burial-mound at a significant depth. Burial-mound excavated in 1837 was 9.6 m high and the burial was at a depth of approximately 5 m from the modern ground surface. In the pit there was a Bosporan stone sarcophagus complete with acroteria. Virtually all details of the costume and jewellery could be dated to the second half of the 2nd or beginning of the 3rd c. AD, but the silver service, the silver dish complete with a monogram, the golden two-part and bow-shaped fibula and the ceremonial horse harness point to a different date: the middle or second half of the 3rd c. AD, which determines the chronology of this йlite complex.

Keywords: A. B. Ashik, Golden mask, Kerch, Bosporus, King Reskuporides, silver dish, monogram, Late Roman period.

REFERENCES

Ambroz A. K., 1966. Fibuly yuga Yevropeyskoy chasti SSSR [Fibulae of South of European part of the USSR]. Moscow: Nauka. 126 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-30).

Ashik A. B., 1850. Chasy dosuga s prisovokupleniyem pisem o Kerchenskikh drevnostyakh [Spare hours with addition of letters concerning Kerch antiquities]. Odessa. 197 p.

Benndorf O., 1878. Antike Sepulcralmasken und Gesichthelme. *Denkschriften der kaiserlischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-histor.Classe*, Bd. 28. Von Otto Benndorf, eds. Wien, pp. 301–375.

Berkhin I. P., 1961. O trekh nakhodkakh pozdnesarmatskogo vremeni v Nizhnem Povolzh'ye [On three finds of late Sarmatian time in Lower Volga reaches]. *Arkheologichesky sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [*Archaeological annual of State Hermitage*], 2. M. I. Artamonov, ed. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 141–153.

Dalton O. M., 1901. Katalogue of Early Christian Antiquites and Objetts from the Christian East. London: British Museum. 186 p.

DBK, 1854a. Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus Cimmerian], I. F.A. Zhil', ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo Imperatorskoy Akademii Nauk. 279 p.

DBK, 1854b. Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus Cimmerian], II. F.A. Zhil', ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo Imperatorskoy Akademii Nauk. 339 p.

DBK, 1854c. Drevnosti Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosporus Cimmerian], III. F.A. Zhil', ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo Imperatorskoy Akademii Nauk. 1 atlas, 86 tables, 2l maps, 5 pages of drawings.

Drachuk I. S., 1975. Sistema znakov Severnogo Prichernomor'ya [Sign system of North Pontic zone]. Kiyev: Naukova Dumka. 176 p.

Ebert M., 1921. Südrussland in Altertum. Bücherei der Kultur und Geschichte, Bd. 12. Bonn; Lepzig: Schroeder. 430 S.

Eggers H. J., 1951. Der römische Import im freien Germanien. Atlas der Urgeschichte, Bd. 1. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte. 212 p.

Frenkel' Ya. V., 2009. Busy iz stekla i prirodnykh materialov kerchenskogo pogrebeniya s zolotoy maskoy 1837 g. [Beads of glass and natural materials from Kerch burial of 1837 with golden mask]. Tayna Zolotoy maski. Katalog vystavki Gosudarstvennogo Ermitazha [*Mystery of Golden mask. Catalogue of State Hermitage exhibition*]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 97–115.

Gaidukevič V. F., 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin: Akademie Verlag; Amsterdam: Adolf M. Hakkert. 604 p.

Gaydukevich V. F., 1949. Bosporskoye tsarstvo [Bosporan kingdom]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR. 624 p.

Gille F., 1860. Musee de l'Ermitage Imperiale: Notice sur la formation de ce Musee et description de diverses collections qu'il renferme avec une introduction historique sur l'Ermitage de Catherine II. SPb.: L'Akademie Imperiale des Science. 382 p.

Gorskaya O. V., 2009. Sokrovishche zagadochnoy mogily [Treasure of enigmatic grave]. Tayna Zolotoy maski. Katalog vystavki Gosudarstvennogo Ermitazha [*Mystery of Golden mask. Catalogue of State Hermitage exhibition*]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 63–75.

Gudkova A. V., Fokeyev M. M., 1984. Zemledel'tsy i kochevniki v nizov'yakh Dunaya I–IV vv. n. e. [Farmers and nomads in Lower Danube reaches of I–IV cc. AD]. Kiev: Naukova dumka. 120 p.

Ivanova A. P., 1953. Iskusstvo antichnykh gorodov Severnogo Prichernomor'ya [Art of Classical cities of North Pontic zone]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta. 192 p.

Kazanski M., 1995. Les tombes des chefs alano-sarmates du IV-e siecles dans les steppes pontiques. *La noblesse romaine et les chefs barbares du III-e au VII-e siecle*. F. Vallet, M. Kazanski, eds. Saint-Germain-en-Laye: Assoc. Fr. d'archeologie. Merovingienne, pp. 189–205.

Kazanski M., Mastykova A., 2003. Les origines du costume «princier» féminine des Barbares à l'époque des Grandes Migrations. *Costume et société dans l'Antiquité et le haut Moyen Age*. F. Chausson, H. Inglebert, eds. Paris: Picard, pp. 107–120.

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 2007. Zolotaya grivna iz Fanagorii: o germantsakh na Bospore Kimmeriyskom v pozdnerimskoye vremya [Golden torque from Phanagoria: on Germans in Cimmerian Bosporus in late Roman time]. *Bosporskiye chteniya* [*Bosporan readings*], VIII. V. N. Zin'ko, ed. Kerch': Demetra, pp. 169–177.

KBN, 1965. Korpus bosporckikh nadpisey [Corpus of Bosporan inscriptions]. V. V. Struve, ed. Moscow; Leningrad: Nauka. 951 p.

Khrapunov I. N., 2003. Novyye dannyye o sarmato-germanskikh kontaktakh v Krymu (po materialam raskopok mogil'nika Neyzats) [New data on Sarmato-German contacts in Crimea (on materials from excavations of cemetery Neyzats)]. *Bosporskiye issledovaniya* [*Bosporan researches*], III. V. N. Zin'ko, ed. Kerch'; Simferopol': Krymskoye otdeleniye Instituta vostokovedeniya Natsional'noy akademii nauk Ukrainy, pp. 329–350.

Kondakov N. P., Tolstoy I. I., 1890. Russkiya drevnosti v pamyatnikakh iskusstva, izdavayemyye grafom I. Tolstym i N. Kondakovym [Russian antiquities in monuments of art edited by Count I. Tolstoy and N. Kondakov]. *Drevnosti vremen pereseleniya narodov* [*Antiquities of Migration period*], 3. St. Petersburg: Izdatel'stvo Imperatorskoy Akademii Nauk. 192 p.

Kropotkin V. V., 1970. Rimskiye importnyye izdeliya v Vostochnoy Yevrope [Importaed Roman artifacts in Eastern Europe]. Moscow: Nauka. 280 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-27).

L'Or des Sarmates, 1995. L'Or des Sarmates. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans L'Antiquité: Exh. cat. Abbaye de Daoulas. Paris: Paris Musees. 141p.

Lepage C., 1971. Les bracelets de luxe romains et byzantins du IIe au Vie siecle. Etude de la form et de la structure. *Cahiers archeologiques,* 21, pp. 1–23.

Linas de Ch., 1878. Les origines de l'orfévrerie cloisonnée, II. Paris: Eduard Didron, Charles Klincksieck. 510 p.

Malashev V. Yu., 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of belt sets of Late Sarmatian time]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* [*Sarmatians and their neighbors on Don*]. Yu. K. Guguyev, ed. Rostov-na-Donu: Terra, pp. 194–232.

Marti Yu. Yu., 1926a. Sto let Kerchenskogo muzeya: Istorichesky ocherk [Centenary of Kerch museum]. Kerch': Gosudarstvenny Kerchensky arkheologichesky muzey. 96 p.

Marti Yu. Yu., 1926b. Putevoditel' po kerchenskim drevnostyam [Guide to Kerch antiquities]. Kerch': Gosudarstvenny Kerchensky arkheologichesky muzey. 60 p.

Mastykova A. V., 2014. «Knyazhesky» kostyum s zolotymi applikatsiyami v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [«Princely» costume with golden appliqués in Great Migration period]. *KSIA*, 232, in print.

Minns E., 1913. Scythians and Greeks. Cambridge: Univ. press. 720 p.

Musche B., 1988. Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arschakiden und der Sasaniden. Leyden; New York; Copenhauge; Cologne: Brill. 350 p.

Notte L., 1989. Les seaux de Hemmoor en France et en Europe. *Amphora*, 58, pp. 1–44.

Pröttel P. M., 1988. Zur Chronologie der Zwiebelknopffibel. *Jahrbuch des RGZM*, jhrg. 35, th. 1. Mainz: Verlag des RGZM, pp. 347–371.

Raev B. A., 1977. Die Bronzegefässe in Thrakien und Mösien. *Berichte der Römisch-Germanischen Komission*, bd. 58/2. Frankfurt am Main, pp. 605–642.

Raev B. A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Bassin. Oxford: BAR. 135 p. 80 pl. (BAR Int. Ser., 778).

Rayev B. A., Naumenko S. A., 1993. Pogrebeniye s rimskimi importami v Rostovskoy oblasti [Burial with Roman imports in Rostov Region]. *Skifiya i Bospor* [*Scythia and Bosporus*]: materialy konferentsii pamyati akademika M. I. Rostovtseva. B. A. Rayev, ed. Novocherkassk: Muzey donskogo kazachestva, pp. 151–160.

Reinach S., 1892. Antiquites du Bosphore Cimmerien. Paris: Firmin-Didot. 213 p. 89 pl.

Ross M. S., 1965. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquites in the Dumbarton Oaks Collection. Jewellery, enamels and Art of the Migration Period, 2. Washington: Dumbarton Oaks: Center for Byzantine Studies. 274 p.

Rostovtzeff M., 1923. Une trouvaille de l'epoque Greco-Sarmate de Kerch. *Momumente et Memoriam*, XXVI, pp. 99–163

Šarov O., 1994. Ein reiches Pferdegeschirr aus Kerč. *Beitrage zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlischen Jahrhunderten.* Cl. von Carnap-Bornheim, ed. Marburg: Wachholtz Verlag, pp. 417–428.

Šarov O., 2003. Gräber der sarmatischen Hochadels am Bospor. *Kontakt-Kooperation-Konflikt Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und 4. Jahrh. nach Christus.* Cl. von Carnap-Bornheim, ed. Marburg: Wachholtz Verlag, pp. 35–64

Sharov O. V., 2001. Blyudo tsarya Riskuporida iz pogrebeniya s Zolotoy maskoy [Dish of tsar Rhescuporis from burial with Golden mask]. *Bosporsky fenomen: kolonizatsiya regiona, formirovaniye polisa, obrazovaniye gosudarstva* [*Bosporan phenomenon: colonization of region, formation of polis, formation of state*], 1. V. Yu. Zuyev, ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 181–185.

Sharov O. V., 2004. O serebryanom blyude Riskuporida s Zolotoy maskoy [On silver dish of Rhescuporis with Golden mask]. *Bosporsky fenomen* [*Bosporan phenomenon*]. Materialy 5 mezhdunarodnoy konferentsii, 1. V. Yu. Zuyev, ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 259–267.

Sharov O. V., 2006. Zolotaya Maska iz Kerchi [Golden mask from Kerch]. *Drevny Mir* [*Ancient world*]. I. Ladyukov, ed. Kiyev: Viol-Print, pp. 74–76.

Sharov O. V., 2008. O skhodstve i razlichii paradnoy konskoy upryazhi iz pogrebeniya s Zolotoy maskoy 1837 g. i pogrebeniya v Adzhimushkaye 1841 g. [On similarity and difference of ceremonial horse equipment from buria with Golden mask of 1837 and burial in Adzhimushkay of 1841]. *Bosporsky fenomen* [*Bosporan phenomenon*]: materialy X Yubileynoy mezhdunarodnoy konferentsii. V. Yu. Zuyev, ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 258–262.

Sharov O. V., 2009a. Pogrebeniye s Zolotoy maskoy [Burial with Golden mask]. Tayna Zolotoy maski. Katalog vystavki Gosudarstvennogo Ermitazha [*Mystery of Golden mask. Catalogue of State Hermitage exhibition*]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 17–42.

Sharov O. V., 2009b. Serebryanoye blyudo s monogrammoy iz pogrebeniya s zolotoy maskoy iz Kerchi [Silver dish with monogram from burial with Golden mask from Kerch]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya, Politologiya. Ekonomika. Informatika* [*Scientific bulletin of Belgorod State university. History, political science, economy, informatics*], 1 (56). V. A. Shapovalov, ed. Belgorod: Izdatel'stvo Belgorodskogo Gosudarstvennogo universiteta, pp. 31–36.

Sharov O. V., 2009v. Zolotaya maska iz Kerchi [Golen mask from Kerch]. *RA*, 3, pp. 96–100.

Sharov O., Kazanski M., 2006. Les Rois au Masque D'Or // *Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. Des les Goths aux Huns. Le nord de la mer noire au Bas-empire et a l'epoque des grandes migration. Archaeological Studies on Late Antiquity and Early Medieval Europe (400–1000 A.D.)*. Oxford: John and Erica Hedges, pp. 93–100. (BAR, 1535.)

Shkorpil V. V., 1910. Zametka o rel'yefe na pamyatnike s nadpis'yu Yevpateriy [Note on relief on monument with inscription Eupateria]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [*Proceedings of Imperial Archaeological commission*], 37. St. Petersburg: Izdatel'stvo Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii, pp. 23–35.

Skalon K. M., 1961. O kul'turnykh svyazyakh vostochnogo Prikaspiya v pozdnesarmatskoye vremya [On cultural relations of East Caspian region in late Sarmatian time]. *Arkheologichesky sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [*Archaeological annual of State Hermitage*], 2. M. I. Artamonov, ed. Leningrad: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 114–140.

Solomonik Ye. I., 1959. Sarmatskiye znaki Severnogo Prichernomor'ya [Sarmatian signs of North Pontic zone]. Kiev: Naukova Dumka. 282 p.

Spassky G. I., 1846. Bosfor Kimmeriysky s yego drevnostyami i dostopamyatnostyami [Cimmerian Bosporus with its antiquities and sites]. Moscow. 169 p.

Stefani L. E., 1856. Putevoditel' po antichnomu otdeleniyu Ermitazha [Guide to Classical department of Hermitage]. *Propilei* [*Propylaea*], V. P. Leont'yev, ed. Moscow: Universitetskaya tipografiya, pp. 257–336.

Strong D., 1966. Greek and Roman Gold and Silver Plate, London: Methuen. 235 p. 35 pl.

Tayna Zolotoy maski, 2009. Katalog vystavki Gosudarstvennogo Ermitazha [*Mystery of Golden mask. Catalogue of State Hermitage exhibition*]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 204 p.

Treyster M. Yu., 2004. O datirovke pogrebeniya s Zolotoy maskoy v Kerchi [On dating burial with Golden mask in Kerch]. *Bosporsky fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov* [*Bosporan phenomenon: colonization of region, formation of polis, formation of state*], 1. V. Yu. Zuyev, ed. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 247–258.

Treyster M. Yu., 2009. Posuda i predmety utvari iz serebra i bronzy [Plate and utensils of silver and bronze]. *Tayna Zolotoy maski.* Katalog vystavki Gosudarstvennogo Ermitazha [Mystery of Golden mask. Cathalogue of State Hermitage exhibition]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, pp. 43–62.

Yatsenko S. A., 2001. Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya [Tamga-signs of Iranian-speaking peoples of antiquity and early Middle Ages]. Moscow: Vostochnaya literatura. 187 p.

Zhil' F. A., 1861. Muzey Imperatorskogo Ermitazha. Opisaniye razlichnykh sobrany, sostavlyayushchikh muzey s istoricheskim vvedeniyem ob Ermitazhe imperatritsy Yekateriny II i obrazovanii muzeya novogo Ermitazha [State Hermitage museum. Description of various collections making up the museum with historic introduction concerning Hermitage of Empress Yekaterina II and formation of museum of new Hermitage]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Imperatorskoy Akademii Nauk. 409 p.

About the author.

Sharov Oleg V., Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St. Petersburg 191186, Russia; e-mail: olegsharov@mail.ru.

И. Н. Храпунов, А. А. Стоянова

ОБ ИМУЩЕСТВЕННОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Резюме. В статье рассматривается вопрос об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма в позднеримское время на примере трех комплексов из могильника Нейзац. В состав погребального инвентаря могилы № 178 (рис. 2–4) и погребения I в склепе № 485 (рис. 5–7) входят предметы из золота. Этот факт свидетельствует о принадлежности погребенных к числу элиты сарматского населения, проживавшего во II–IV вв. н. э. в долине реки Зуя. Безынвентарная могила № 501 (рис. 8) содержала захоронение одного из беднейших членов коллектива, оставившего Нейзацкий некрополь. Сравнение нейзацких комплексов с синхронными погребениями из других могильников предгорного Крыма приводит к выводу о том, что изделий из золота в них немного. Преимущественно это украшения – серьги, браслеты, бляшки и пронизи, сопровождавшие женские и детские захоронения. Что касается мужских погребений, то их принадлежность к элите общества выражалась в обычае класть в могилу более одного предмета вооружения. Кроме относительно богатых погребений, выделяется небольшая группа могил с бедным инвентарем или вообще без инвентаря. В них, вероятно, похоронены представители беднейших слоев общества.

Ключевые слова: позднесарматская культура, позднеримское время, предгорный Крым, сарматы, могильник Нейзац.

В крымских предгорьях открыта группа могильников, состоящих из склепов, подбойных и грунтовых могил. Это некрополи Дружное, Нейзац, Заречное, Перевальное, Курское, Озерное II, Красная Заря, Тас-Тепе, Вишневое, Суворово, Инкерманский, Чернореченский, Килен-Балка (рис. 1). Они использовались во II–IV вв. н. э. (Инкерманский и Чернореченский и позднее), принадлежали одной археологической культуре. Ни один из них не связан с поселением. Они, вероятно, оставлены оседавшими на землю сарматами и мигрировавшими с Северного Кавказа предками средневековых алан (*Веймарн*, 1963; *Бабенчиков*, 1963; *Лобода*, 1977; *Труфанов, Колтухов*, 2001–2002; *Труфанов*, 2004; *Храпунов*, 2002; 2011; *Масякин*, 2010; *Пуздровский*, 1989; *Пуздровский и др.*, 2001. С. 32; *Неневоля, Волошинов*, 2001; *Зайцев*, 1997; *Контны, Савеля*, 2006).

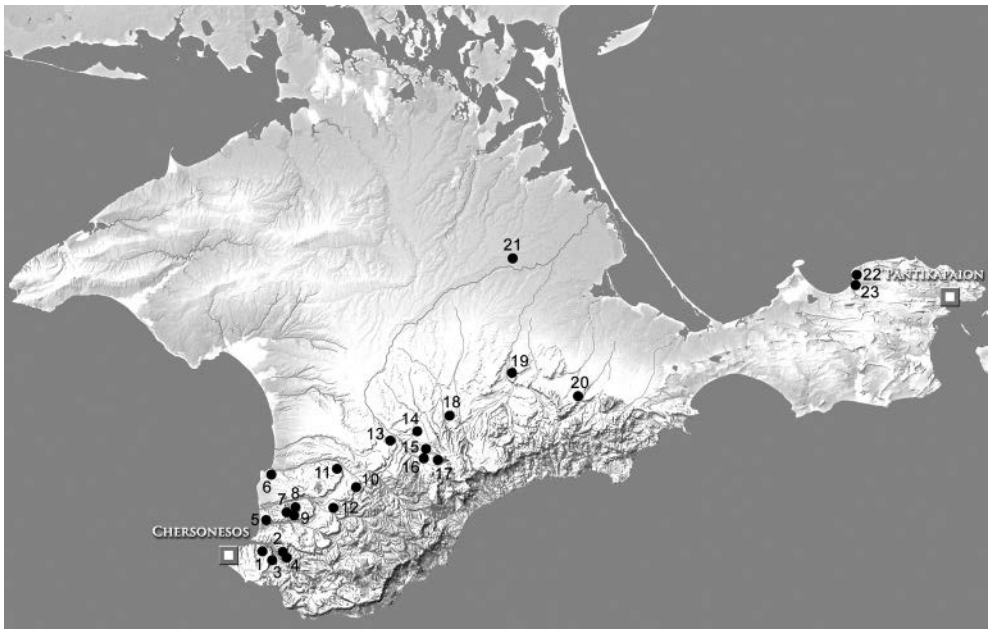


Рис. 1. Памятники Крыма, упоминаемые в статье

1 – Килен-Балка; *2* – «Совхоз 10»; *3* – Чернореченский; *4* – Инкерманский; *5* – Бельбек IV; *6* – Усть-Альма; *7* – Тас-Тепе; *8* – Красная Заря; *9* – Суворово; *10* – Озерное III; *11* – Заветное (Альма-Кермен); *12* – Сувлу-Кая; *13* – Неаполь скифский; *14* – Опушки; *15* – Дружное; *16* – Заречное; *17* – Перевальное; *18* – Нейзац; *19* – Вишневое; *20* – Курское; *21* – Ногайчинский курган; *22* – Золотое; *23* – Ново-Отрадное

Письменные источники о населении, оставившем перечисленные некрополи, отсутствуют. Поэтому попытки социальной и имущественной стратификации опираются только на археологические данные. Одним из основных критериев для выделения комплексов, содержавших погребения особ относительно высокого социального ранга, традиционно считается наличие в составе инвентаря предметов из золота. Для некрополей предгорного Крыма позднеримского времени этот критерий приходится признать ключевым, хотя иногда не менее показательными могут быть и другие, например большое количество оружия. В научный оборот уже введены некоторые комплексы из предгорного Крыма, которые содержат предметы, свидетельствующие о том, что погребенные в этих могилах люди в имущественном и, видимо, социальном отношении выделялись среди своих соплеменников и могут рассматриваться как представители элиты (*Мульд*, 2001; *Храпунов*, 2002. С. 21, 22; 2006; 2007а; *Храпунов, Стоянова*, 2013. С. 188–191; *Khrapunov*, 2008). К их числу можно добавить еще два заслуживающих внимания комплекса, открытых на могильнике Нейзац.

Грунтовая могила № 178 представляет собой прямоугольную в плане яму, ориентированную с юго-запада на северо-восток. Ее размеры 2,55 × 0,9 м, глубина от уровня материка – 0,5 м. В дне могилы была выкопана круглая в плане

яма диаметром 0,7 м, глубиной 0,3 м. На уровне материка могила была перекрыта рядом плит (рис. 2).

На дне могилы, одно на другом, обнаружены два погребения. Нижнее погребение (II) совершено в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, кисти лежали на тазовых костях. Под черепом находился плоский камень. В головах лежали кость животного и два железных предмета (рис. 3, *9, 10*). На левом колене лежала бронзовая ложка (рис. 3, *7*). Неясно, с кем из погребенных была положена эта вещь. Верхнее погребение (I) совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток. Согнутые в коленях ноги завалились влево. У черепа справа расчищены обломки железного предмета (рис. 3, *11*). На месте шеи и верхней части груди находились бусы (рис. 3, *4*), две продетые одна в другую золотые серьги (рис. 3, *1*) и две пробитые и, таким образом, переделанные в пронизки золотые ведерковидные подвески (рис. 3, *5, 6*). На месте груди лежала также бронзовая фибула (рис. 3, *2*). На тазовых костях находилось бронзовое зеркало (рис. 3, *3*). Вокруг обеих голеней, в нижней части, расчищено по низке бус из египетского фаянса (рис. 3, *8*).

Достаточно необычной находкой для Нейзацкого могильника является бронзовое зеркало-подвеска с умбонообразным выступом в центре (рис. 4, *9*), относящееся к раннему варианту типа IX, по классификации А. М. Хазанова. Такие зеркала характерны для сарматских погребений I – начала II в. н. э. (*Хазанов*, 1963. С. 66), некоторые исследователи сужают время бытования этих изделий до второй половины I – начала II в. н. э. (*Глухов*, 2003. С. 94). В крымских комплексах зеркала рассматриваемого варианта достаточно редки, их появление на полуострове связывается с распространением среднесарматской культуры, а время бытования ограничивается второй половиной I – началом II в. н. э. (*Сымонович*, 1983. Табл. XLII, *3*; *Журавлев, Фирсов*, 2001. С. 224. Рис. 1, *5*; *Пуздровский*, 2007. С. 152; *Труфанов*, 2007. С. 175. Вариант 1а). За пределы этих хронологических рамок выходит обломок аналогичного зеркала в нейзацкой могиле № 208, где он встречен в одном погребении с сильно профилированной фибулой причерноморского типа и лучковой подвязной фибулой 4-го варианта, по классификации А. К. Амброза (*Амброз*, 1966. С. 49). Наиболее вероятным временем создания такого комплекса представляется вторая половина II в. н. э., скорее всего ближе к середине столетия, чем к его концу (*Храпунов*, 2007б. С. 46–48, 51. Рис. 8, *27*).

Миниатюрная бронзовая ложечка (рис. 4, *7*) находит аналогии в погребениях I–II вв. н. э. из Усть-Альминского и Неапольского могильников, некрополей Золотое и Ново-Отрадное (*Арсеньева*, 1970. Табл. 6, *3*; 7, *9*; 11, *3*; 13, *7*; *Высотская*, 1994. С. 119. Табл. 17, *11*; *Корпусова*, 1983. С. 107. Табл. VI, *8*; *Пуздровский*, 2007. С. 155. Рис. 133, *1–11*; *Сымонович*, 1983. С. 50–52. Табл. XLV, *3б*; *Пуздровский, Соломоненко*, 2007. С. 213. Рис. 12, *24, 25*; *Puzdrovskij, Zajcev*, 2004. S. 235. Abb. 5, *4*). Традиция класть ложки в погребения длительное время существовала у сармат. В раннесарматских комплексах нередки находки костяных ложек (*Мошкова*, 1989. С. 188), а в среднесарматское время металлические, преимущественно серебряные, ложки становятся атрибутом богатых женских захоронений (*Ковпаненко*, 1986. С. 84–86; *Зайцев, Мордвинцева*, 2003а. С. 68, 84. Рис. 4, *47*; *Мордвинцева, Трейстер*, 2007. Т. I. С. 47). Использование ложек в качестве погребального инвентаря фиксируется и в элитных погребениях позднесармат-

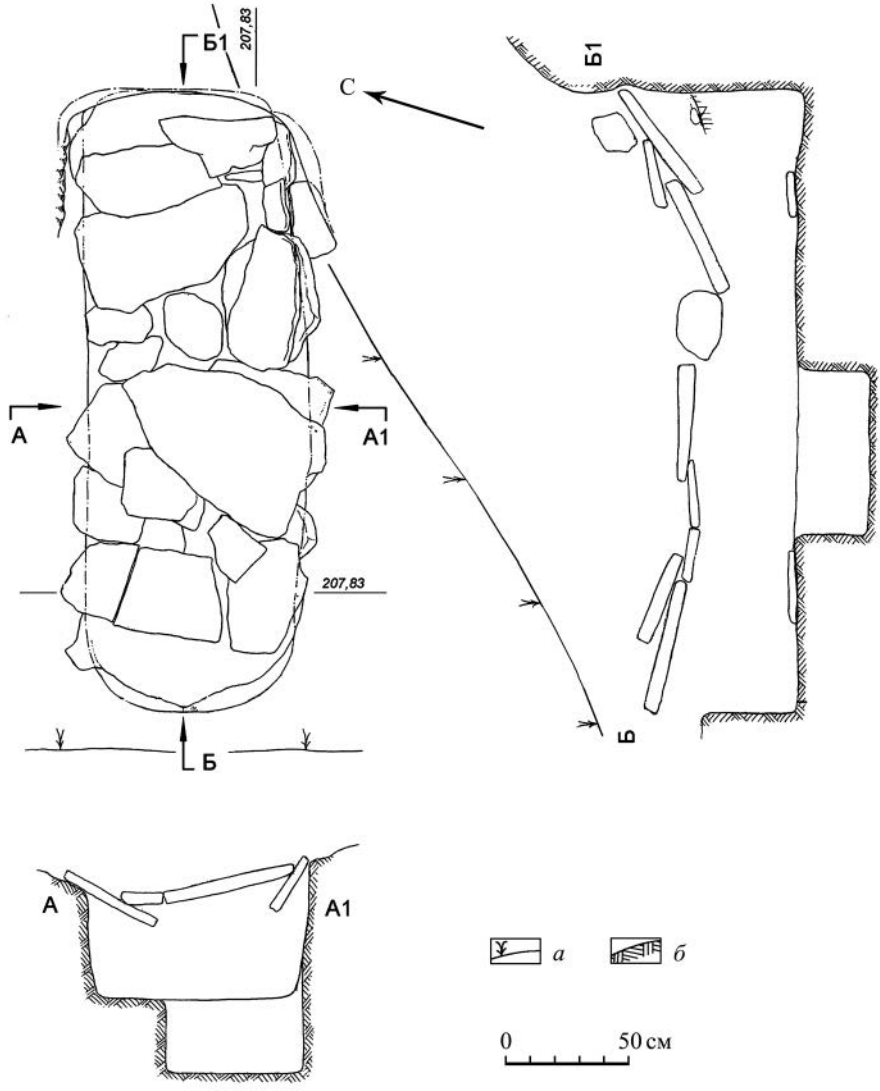


Рис. 2. Некрополь Нейзац, могила № 178. План и разрезы

Условные обозначения: *а* – дерн; *б* – материк

ского периода (*Безуглов, Захаров*, 1989. С. 52, 53. Рис. 1, *4*; *Арсеньева и др.*, 2001. С. 53, 54. Табл. 68; *Мошкова*, 2009. С. 111. Рис. 3, *1*). В сарматских погребениях предгорного Крыма металлические ложки, судя по опубликованным материалам, не известны. Исключение составляет один экземпляр из могилы № 103 Нейзацкого некрополя, датирующейся второй половиной II – первой половиной III в. н. э. (*Храпунов*, 2007б. С. 40, 41. Рис. 3, *11*).

О назначении металлических ложек нет однозначного мнения – одни исследователи определяют их как «копоушки» (*Арсеньева*, 1970. С. 144), другие

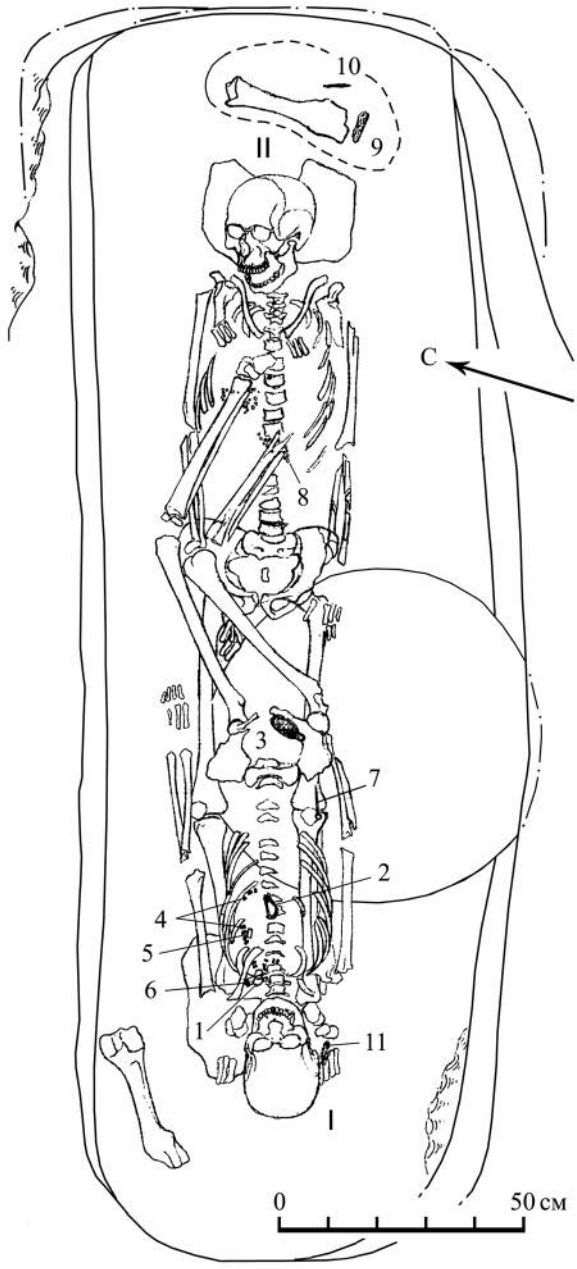


Рис. 3. Некрополь Нейзац, могила № 178. План погребения

I, II – номера погребений;
1 – серьги; *2* – фибула; *3* – зеркало; *4* – бусы; *5, 6* – пронизи; *7* – ложка; *8* – бисер; *9, 11* – предметы неясного назначения; *10* – шило;
1, 5, 6 – золото; *2, 3, 7* – бронза; *4* – гагат, сердолик, коралл; *8* – египетский фаянс; *9–11* – железо

относят к медицинским инструментам (*Финогенова*, 1967. С. 160; *Кадеев*, 1996. С. 132) или косметическим приборам (*Мордвинцева, Трейстер*, 2007. Т. I. С. 47). Сами ложки также достаточно разнообразны по форме и размеру, что, возможно, обуславливало разные способы их применения.

Золотые серьги, завершающиеся на одном конце петлей с надетой на нее шаровидной бусиной из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой, на другом конце – крючком (рис. 4, *8*), относятся к наиболее распространенному типу серег в Северном Причерноморье. Детали оформления дужки обуславливают их многообразие – они изготавливались из гладкой или тордированной проволоки, иногда дужка была свита из двух и более проволочек. Нередко серьги украшались дополнительными элементами – бусинами, как в случае с публикуемым экземпляром, щитками со вставками или зернью. Они появляются в начале I в. н. э. и бытуют у населения предгорного Крыма вплоть до середины III в. н. э., подавляющее их большинство сделано из бронзы, но встречаются экземпляры из серебра и золота (*Богданова*, 1989. С. 41. Табл. XII, 5; *Высотская*, 1994. С. 106; *Ахмедов и др.*, 2001. С. 179. Рис. 5, *7, 8*; *Внуков, Лагутин*, 2001. С. 117, 118. Рис. 7, *10 а, б*; *Волошинов и др.*, 2007. С. 303. Рис. 4, *23, 24*; *Мордвинцева, Трейстер*, 2007. Т. I. С. 112, 114; *Пуздровский*, 2007. С. 151. Рис. 126, *18–21*; *Стоянова*, 2012. С. 72). Примечательно расположение серег в публикуемой могиле – продетые одна в другую, они располагались на груди погребенной и, по всей видимости, входили в состав ожерелья.

Частью ожерелья были и две маленькие пронизи, свернутые из тонкого листа золота и имеющие с одного торца по круглой напаянной пластинке со сквозным отверстием (рис. 4, *10, 11*). Очевидно, эти пронизи были сделаны из ведерковидных подвесок, о чем свидетельствуют остатки деформированной петельки на одном из экземпляров. Золотые подвески-ведерки, наряду с их бронзовыми и серебряными аналогами, широко распространяются в Северном Причерноморье со II–I вв. до н. э. (*Арсеньева*, 1977. С. 21. Табл. XXXI, *1, 2, 7*; *Бажан, Каргапольцев*, 1989. С. 164; *Мордвинцева, Трейстер*, 2007. Т. I. С. 96, 97) и бытуют вплоть до середины III в. н. э. (*Беспалый*, 1990. С. 213, 222; *Стоянова*, 2004. С. 297, 298). В более поздний период преобладающим типом становятся подвески из железа (*Гопкало*, 2008. С. 63, 64; *Стоянова*, 2013. С. 79, 80).

Бусы из погребения № 178 представлены двумя наборами. Группа бус, расположенная на груди погребенного, образует две нити, одна из которых расположена поперек шейных позвонков, вторая – вдоль позвоночника с левой стороны грудной клетки. Вероятно, обе нити составляли ожерелье, а не обшивку края одежды, о чем может свидетельствовать присутствие среди бус пары золотых серег. Данный набор включал в себя короткоцилиндрические бусы из гагата (71 экз. и фрагменты; рис. 4, *2*) типа 27, по Е. М. Алексеевой (*Алексеева*, 1978. С. 14), дополненные бочковидными сердоликовыми (2 экз.; рис. 4, *3*) и одной коралловой (рис. 4, *4*) пронизями типов 3б и 1 соответственно (*Алексеева*, 1982. С. 16, 30).

Вторая группа бус в виде двух нитей короткоцилиндрического бисера из египетского фаянса типа 9 (32 экз. и множество фрагментов; рис. 4, 5) (*Алексеева*, 1975. С. 32) расчищена вокруг берцовых костей и представляла, по всей видимости, остатки декора штанов или обуви погребенного.

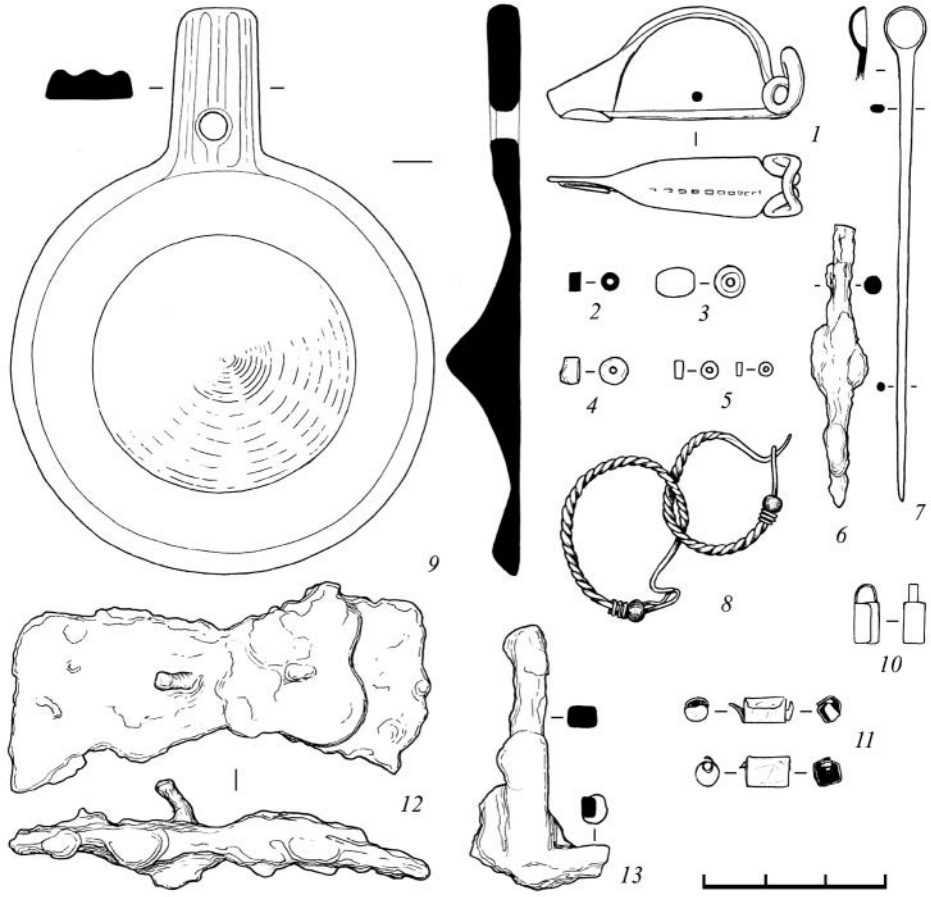


Рис. 4. Некрополь Нейзац, могила № 178. Погребальный инвентарь

1 – фибула; *2–5* – бусы; *6* – шило; *7* – ложка; *8* – серьги; *9* – зеркало; *10, 11* – подвески; *12, 13* – предметы неясного назначения;
1, 7, 9 – бронза; *2* – гагат; *3* – сердолик; *4* – коралл; *5* – египетский фаянс; *6, 12, 13* – железо; *8, 10, 11* – золото

Зафиксированные в могиле № 178 наборы бус находят многочисленные параллели в погребениях II – первой половины III в. н. э. могильника Нейзац и других памятниках предгорного Крыма (*Храпунов и др.*, 1997. С. 85, 122*; Стоянова*, 2008. С. 26; 2011. С. 119). Именно для этого времени характерно сочетание в костюме наборов, состоящих из фаянсового бисера, расположенного, чаще всего, в ногах погребенного, и гагатовых короткоцилиндрических пронизей, сконцентрированных обычно в районе грудной клетки. Для погребений более раннего времени сочетаемость таких наборов в индивидуальном захоронении фиксируется крайне редко (*Стоянова*, 2010. С. 404).

Рассмотренный погребальный инвентарь позволяет датировать комплекс в пределах II в. н. э. Наличие зеркала с коническим выступом в центре дает воз-

можность опустить верхнюю хронологическую границу ближе к середине этого столетия. Однако в целом комплекс вряд ли можно отнести к среднесарматской культуре. Во-первых, фрагмент аналогичного зеркала и некоторые другие вещи среднесарматского времени найдены в некоторых нейзацких могилах, инвентарь из которых надежно соотносится с позднесарматской археологической культурой (*Храпунов*, 2003. С. 49; 2007б). Во-вторых, наборы бус из могилы № 178 также типичны для погребений второй половины / конца II – первой половины III в. В-третьих, от раннего участка могильника с комплексами среднесарматской культуры (*Шабанов*, 2010; *Храпунов*, 2011. С. 15, 16) рассматриваемая могила расположена на значительном удалении и окружена, в частности, склепами III–IV вв. н. э. (Там же. Рис. 1). Исходя из этих соображений, оба погребения, скорее всего, следует отнести к позднесарматской археологической культуре, точнее к ее крымскому варианту. Уточнить дату комплекса могла бы бронзовая фибула с пластинчатым приемником, но отсутствие кнопки или завитка на конце приемника не позволяет уверенно отнести ее к определенному типу и, соответственно, судить о времени попадания фибулы в могилу.

Еще одно погребение отличается от большинства нейзацких захоронений наличием предметов из золота. Это одно из четырех захоронений, совершенных в склепе № 485 (рис. 5). Умершая – а судя по инвентарю, погребение женское – была похоронена на спине головой на запад. На месте шеи находились золотые бляшки, вероятно, от обшивки ворота одежды (рис. 5, *1*; 6). Приблизительно на месте левой кисти лежал бронзовый перстень (рис. 5, *2*; 7, *4*), а на месте правой – серебряное кольцо (рис. 5, *3*; 7, *2*). В районе колен находились рядом два пряслица (рис. 5, *4, 5*; 7, *3, 5*), в ногах – нож (рис. 5, *6*; 7, *6*) и лепной сосуд (рис. 5, *7*; 7, *1*).

Захоронение совершено в склепе IV в. н. э., который по своей конструкции и набору погребального инвентаря не отличается от синхронных комплексов Нейзацкого могильника (Там же. С. 17). Особенностью публикуемого погребения является набор нашивных бляшек из золотой фольги, зафиксированный *in situ* на костяке (рис. 6). Они представлены тремя типами:

– полусферической формы с рубчатым валиком по краю и орнаментом в виде радиально расположенных насечек в центре – 30 экз. (рис. 6, *4–31, 35, 63*);

– треугольной формы с рубчатым валиком по краю – 17 экз. (рис. 6, *36–43, 49, 55–62*);

– миндалевидной формы, выпуклые, с рубчатым валиком по краю, завершающимся двумя спиралевидными завитками, направленными в противоположные стороны, – 10 экз. (рис. 6, *44–48, 50–54*).

Кроме бляшек на погребенной лежали пронизи в виде свернутой в трубочку золотой фольги с поперечным рифлением (2 экз., рис. 6, *3, 32*), две 14-гранные бусины из прозрачного темно-синего стекла (рис. 6, *2, 33*) и две маленькие округлые бусины из стекла этого же цвета (рис. 6, *1, 34*).

Подобные золотые бляшки в могильнике Нейзац обнаружены в погребениях разного времени – и в ранних комплексах II в. н. э., и в склепах IV в. н. э. Но все эти могилы разграблены, из-за чего невозможно сказать, сколько бляшек сопровождало захоронения и как они располагались на костяке. Публикуемое погребение из склепа № 485 – первое в Нейзацком могильнике и одно из немногих в предгорном Крыму, где бляшки зафиксированы *in situ*.

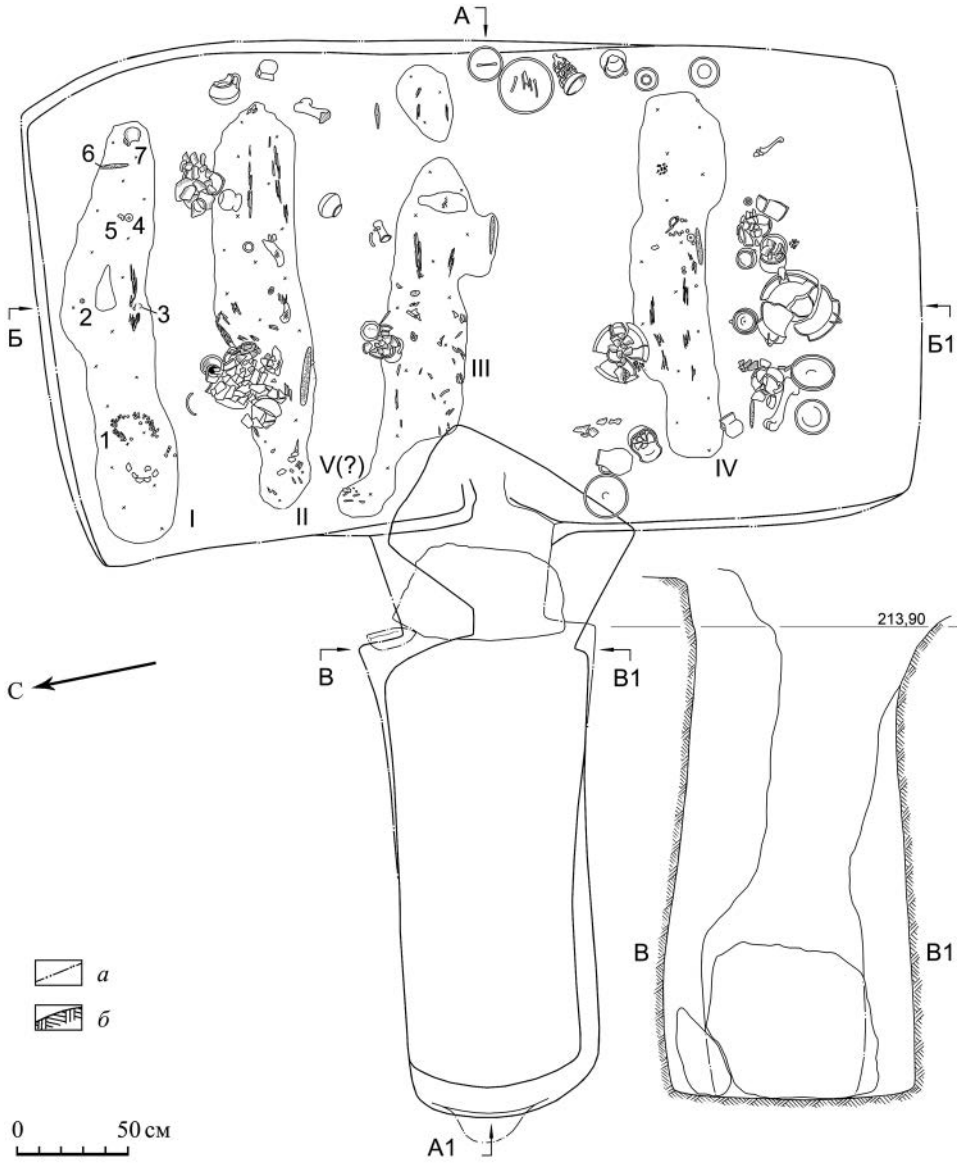


Рис. 5. Некрополь Нейзац, склеп № 485. План

Условные обозначения: *а* – контур максимального расширения; *б* – материк;
I–V – номера погребений;
1 – бляшки; *2* – перстень; 3 – кольцо; *4, 5* – пряслица; *6* – нож; *7* – сосуд лепной;
1 – золото; *2* – бронза; *3* – серебро; *4, 5, 7* – глина; *6* – железо

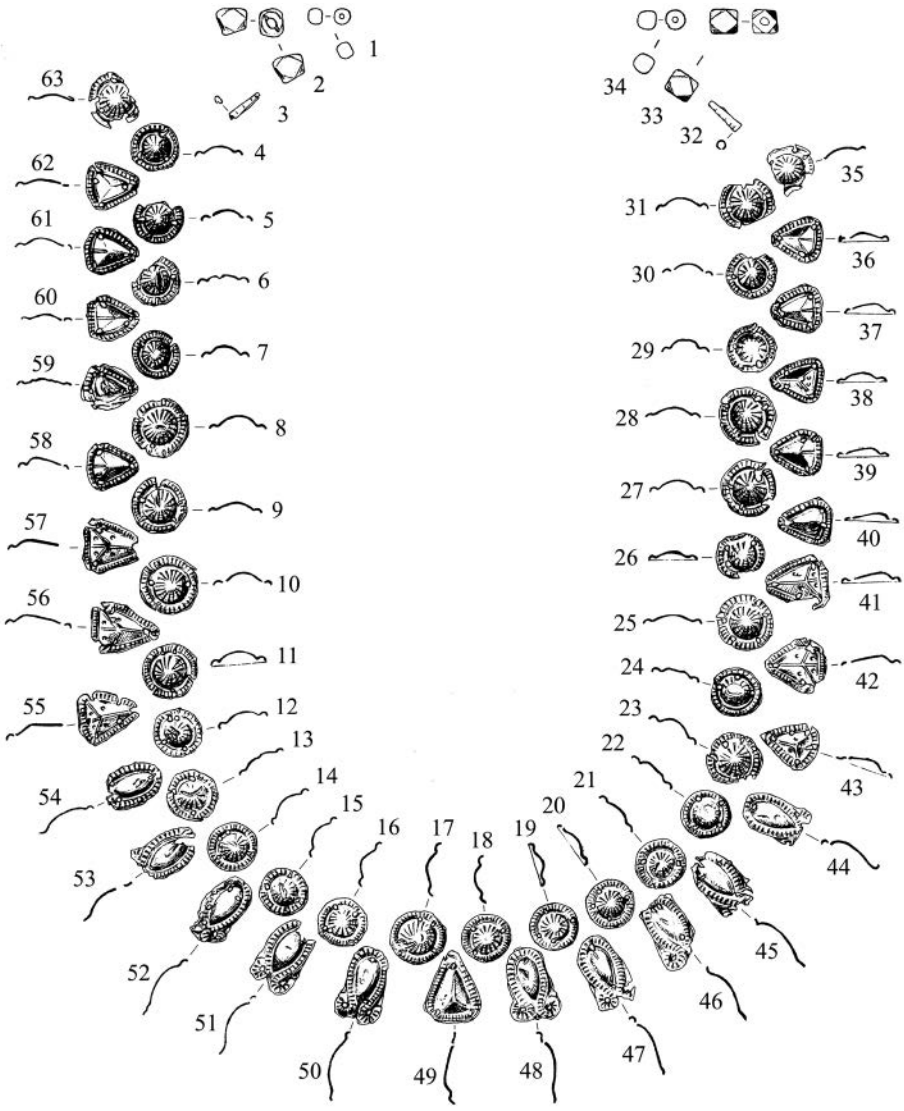


Рис. 6. Некрополь Нейзац, склеп № 485. Погребение I. Набор золотых бляшек и бус

1, 2, 33, 34 – бусы; *3, 32* – пронизи; *4–31, 3 –63* – бляшки;
1, 2, 33, 34 – одноцветное стекло; *3–31, 32, 35–63* – золото

Традиция расшивать одежду золотыми бляшками характерна для сарматской культуры. Наиболее ярко она проявляется в богатых погребальных комплексах среднесарматского времени – знатные сарматки расшивали ими головные уборы, ворот, рукава или подол платья (*Ковпаненко*, 1986. С. 39–42, 112–125; *Симоненко, Лобай*, 1991. С. 30; *Гущина, Засецкая*, 1994. С. 13, 14; *Зайцев, Мордвинцева*, 2003а; *Skvorcov, Skripkin*, 2006).

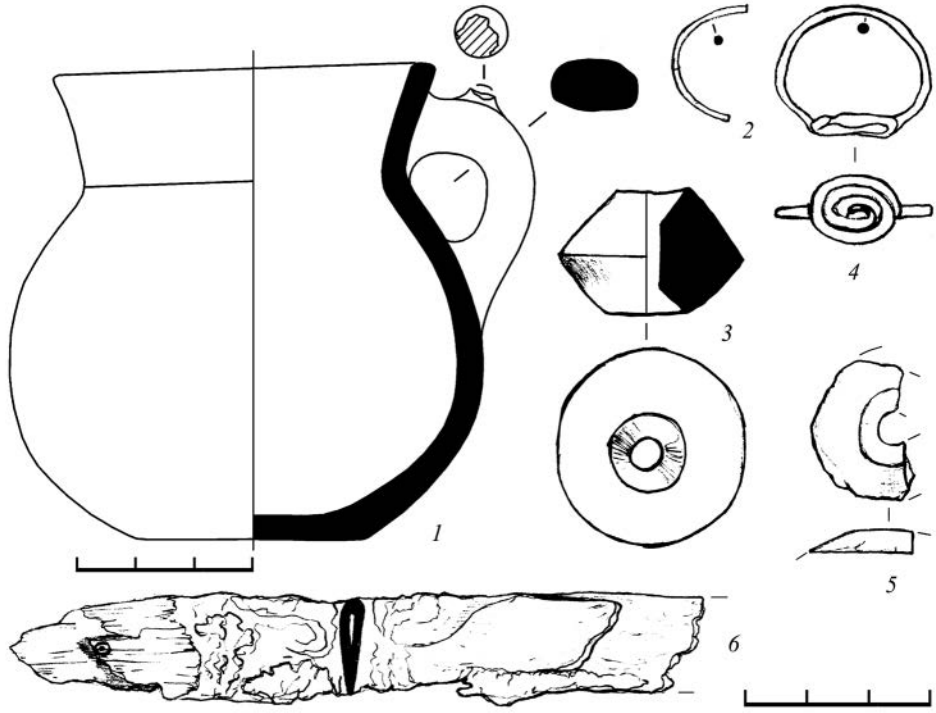


Рис. 7. Некрополь Нейзац, склеп № 485. Погребение I. Погребальный инвентарь

1 – сосуд лепной; *2* – серьги, фрагмент; *3, 5* – пряслица; *4* – перстень; *6* – нож;
1, 3, 5 – глина; *2* – серебро; *4* – бронза; *6* – железо

В скифо-сарматских памятниках предгорного Крыма особая концентрация золотых нашивных бляшек отмечается в богатых погребениях из мавзолея Неаполя скифского (*Погребова*, 1961. С. 136) и, особенно, Усть-Альминского некрополя. В усть-альминских склепах I в. н. э. составлявшие наборы бляшки типологически аналогичны найденным в синхронных степных сарматских погребениях, хотя сами наборы индивидуальны и, по наблюдениям Т. Н. Высотской, никогда не повторяются (*Высотская*, 1994. С. 63, 64; *Пуздровский*, 2007. С. 145–147. Рис. 111–119; *Крупа*, 2007. С. 162. Рис. 2 (цв. вкл.); *Пуздровский*, 2011. С. 282. Рис. 3, *9*, *12*; *Puzdrovskij, Zajcev*, 2004. Abb. 3; 11; 12, *3*; 16, 5). Группа богатых погребений I – начала II в. н. э. с зафиксированными *in situ* бляшками из золотой фольги, украшавшими верхнюю часть одежды, рукава и подол платья, а также пояс и обувь, открыта в могильнике Заветное (*Богданова*, 1989. С. 35; *Фирсов*, 2009. С. 445–447. Рис. 2). В районе ног бляшки обнаружены и в богатом захоронении II в. н. э. в могильнике Бельбек IV (*Ахмедов и др.*, 2001. С. 175. Рис. 6).

В погребениях позднесарматского времени из крымских предгорий золотые бляшки встречаются нечасто, а зафиксировать их положение на костяке удается в единичных случаях. Одним из них является женское погребение первой половины III в. н. э. в склепе у с. Мичурино. Несколько десятков разнообразных

золотых бляшек вместе с бусами были обнаружены в районе груди и в ногах погребенной (*Мульд*, 2001. С. 51, 55. Рис. 5, *25–27, 29*). Обшивку ворота платья представляли собой, по-видимому, и 58 бляшек на груди погребенного в могиле второй половины IV – первой половины V в. н. э. могильника Сувлу-Кая (*Масякин и др.*, 2013; *Masyakin et al.*, 2013. S. 377–378. Abb. 10).

Кроме погребений, в состав инвентаря которых входят предметы из золота, в Нейзацком могильнике раскопана группа могил, в которых, вероятно, захоронены беднейшие представители сарматского населения долины реки Зуя. Некоторые из них безынвентарны. Встречаются очень мелкие могилы, глубина которых не превышала 0,5 м. Они либо тоже безынвентарны, либо сопровождались очень бедным инвентарем (1–2 бусины, оселок, колокольчик и т. п.).

В качестве примера опишем могилу № 501 из некрополя Нейзац (рис. 8). Прямоугольная в плане могильная яма ориентирована с запада на восток. Ее западная часть не сохранилась. Ширина могилы составляла 0,5 м, длина – более 1,2 м, глубина от уровня материка – 0,5 м, от современной дневной поверхности – 1,5 м. Погребение женщины приблизительно 18 лет[1] совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Таким образом, в могильнике Нейзац среди рядовых захоронений выделяются могилы с инвентарем, позволяющим условно относить погребенных к категории «элиты». Кроме рассмотренных выше могилы № 178 и погребения из склепа № 485, к этой группе можно отнести еще некоторые комплексы. Например, значительное количество краснолаковых и, особенно, стеклянных сосудов, а также оружия позволяет связывать с высоким социальным статусом семью или род, члены которого похоронены в склепе № 4 (*Храпунов*, 2008). То же самое можно сказать и о захороненных в склепе № 275 (*Khrapunov*, 2008).

В других некрополях предгорного Крыма комплексы, которые можно связывать с представителями высших социальных слоев, также немногочисленны. В могильнике Дружное самое богатое погребение было совершено в могиле № 24, содержавшей золотые серьги и серебряные браслеты, выполненные в «сердоликовом» стиле, и декорированный серебром нож, вероятно церемониального назначения (*Храпунов*, 2002. С. 21, 22, 73). Следует отметить, что вещи, выполненные в «сердоликовом» стиле, обнаружены в богатых кочевнических погребениях и могилах знати греческих городов, причем украшения – серьги, браслеты и медальоны – найдены только в крымских комплексах (*Яценко, Малашев*, 2000. С. 241, 243; *Шаров*, 2012). Значит, их присутствие в могилах предгорного Крыма может выступать одним из маркеров высокого социального статуса погребенных в них женщин. Кроме могилы № 24 в некрополе Дружное было найдено еще три пары подобных серег (*Айбабин*, 1994. С. 90, 94. Рис. 6, *1, 2*; *Храпунов*, 2002. С. 50, 51), по одной паре – в упоминавшемся выше склепе № 4 из Нейзацкого могильника (*Храпунов*, 2008. С. 367. Рис. 3, *23, 26*) и в могиле № 14 из некрополя Опушки (*Храпунов, Стоянова*, 2013. С. 188, 189. Рис. 5, *1, 2*).

[1] Определение пола и возраста сделано В. Ю. Радочиным.

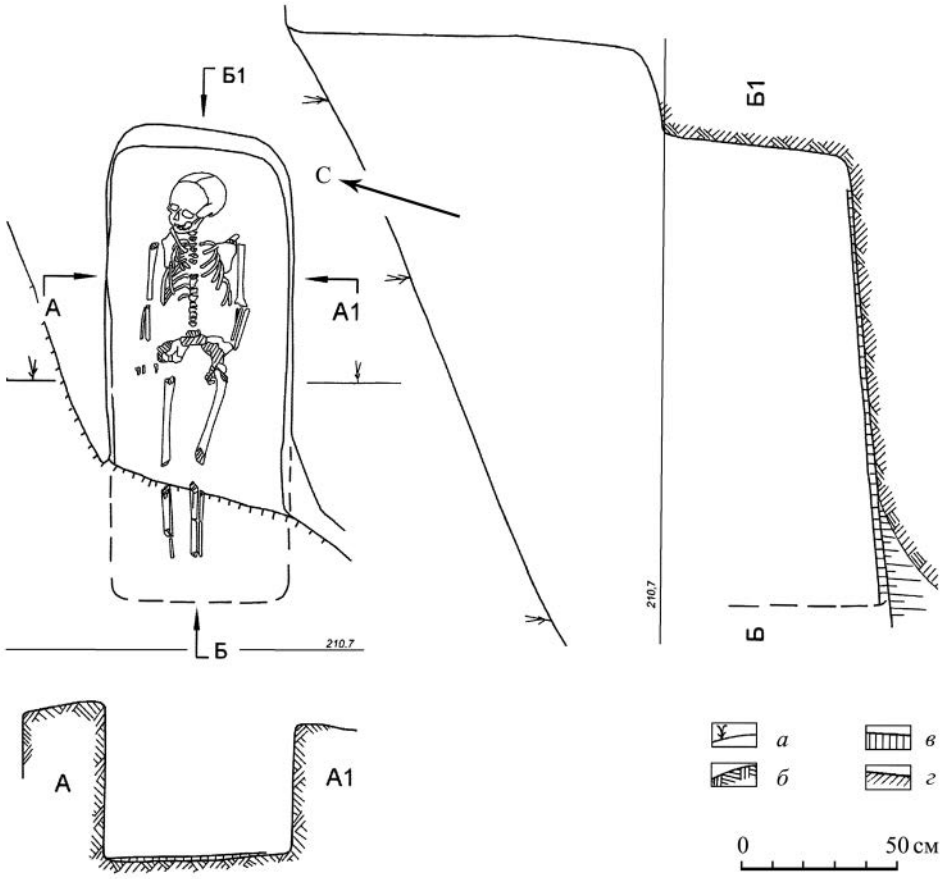


Рис. 8. Некрополь Нейзац, могила № 501

Условные обозначения: *а* – дерн; *б* – материк; *в* – грунтовая подсыпка; *г* – надматериковый грунт

В Чернореченском могильнике такие серьги сопровождали погребения в подбойных могилах № 2, 3 и 9 (35). Кроме серег, в могиле № 3 был найден медальон, а в могиле № 9 (35) – браслет, выполненные в этом же стиле (*Бабенчиков*, 1963. С. 92, 93, 98. Табл. II, *13, 14*; VI, *5*; XIII, *1*). Подобный чернореченскому медальон, но со вставками из стекла, обнаружен и в склепе № 38 Суворовского могильника (*Юрочкин, Труфанов*, 2003. С. 203, 204. Рис. 4, *47*). Инвентарь из этого комплекса, в частности стеклянные сосуды, золотые пронизи, большое количество краснолаковой керамики, также может свидетельствовать о том, что в склепе были похоронены представители племенной «элиты» (Там же).

Еще одним маркером «элитных» погребений IV в. н. э. могут выступать золотые серьги в виде треугольной пластины, украшенной стеклянными вставками, и припаянными к ней цепочками с подвесками на концах. Такие серьги сопровождали женское погребение I в склепе № 275 из могильника Нейзац

(*Khrapunov*, 2008. P. 191–192. Fig. 2, *1, 2*), захоронение девочки-подростка в склепе № 22 Краснозоренского могильника (*Неневоля, Волошинов*, 2001. С. 141, 142. Рис. 4, *6*), погребение женщины в склепе № 51 из Суворовского некрополя (*Зайцев, Мордвинцева*, 2003б. С. 58. Рис. 3, *1, 2*) и захоронение девочки из могилы № 78 могильника Совхоз 10 (*Стржелецкий и др.*, 2003–2004. С. 152. Табл. 12, *14*). За пределами Крыма подобные серьги обнаружены в богатом женском захоронении конца II – первой половины III в. н. э. в Нижнем Подонье (*Беспалый*, 1990. С. 217. Рис. 3, *15*).

Традиционным маркером для ранжирования мужских погребений является наличие в них оружия. Эти предметы клали в немногие могилы, и, как правило, погребенный сопровождался одним предметом вооружения. Необычно большие наборы оружия сопровождали мужские захоронения в нейзацком склепе № 4 (*Храпунов*, 2008. С. 358, 359) и в склепе № 2 из могильника Озерное III (*Лобода*, 1977. С. 245). В первом случае с погребенным положили три меча и боевой топор, а во втором – четыре меча.

Таким образом, использование традиционных для археологии маркеров высокого социального статуса погребенных приводит к следующим результатам. Изделий из золота в погребениях предгорного Крыма позднеримского времени совсем немного. Преимущественно это украшения – серьги, браслеты, бляшки и пронизи, сопровождавшие женские или детские захоронения. В отличие от золотых, серебряные изделия весьма многочисленны, из этого металла делали украшения как для людей, так и для коней. Они использовались наряду с бронзовыми, имеющими такую же форму, и довольно равномерно рассредоточены по многим могилам. Что касается мужских погребений, то их принадлежность к «элите» общества подчеркивалась обычаем класть в могилу более одного предмета вооружения. Кроме относительно богатых погребений выделяется небольшая группа могил с бедным инвентарем или вообще без инвентаря. В них, вероятно, похоронены представители беднейших слоев.

Дифференциация погребенных по социальному или имущественному признаку в позднеримское время не была очень заметной, в отличие от более раннего периода. Крымские комплексы среднесарматского времени в этом отношении более выразительны. Элитные женские захоронения с большим количеством предметов из золота в Усть-Альминском некрополе, в могильниках Заветное и Бельбек IV свидетельствуют о существовании значительной имущественной и социальной дифференциации в среде скифо-сарматского населения предгорного Крыма. Это подтверждают и достаточно богатые воинские погребения этого периода (*Ахмедов и др.*, 2001; *Пуздровский*, 2001; *Зайцев, Мордвинцева*, 2007; *Храпунов*, 2007а). К началу позднесарматского периода отличия между высшими слоями общества и рядовым населением предгорного Крыма существенно нивелируются. Выделить погребения условной «элиты» особенно проблематично среди захоронений второй половины II – первой половины III в. н. э. Во второй половине III – IV в. н. э. имущественная и социальная дифференциация общества снова усиливается – богатые погребения, как правило, концентрируются в склепах новой для предгорного Крыма конструкции, что, возможно, было обусловлено притоком в регион нового, аланского, населения.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабин А. И., 1994. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. Вып. IV. С. 89–131.

Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 1. М.: Наука. 94 с. (САИ; Вып. Г 1–12.)

Алексеева Е. М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 2. М.: Наука. 104 с. (САИ; Вып. Г 1–12.)

Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 3. М.: Наука. 104 с. (САИ; Вып. Г 1–12.)

Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука. 111 с. (САИ; Вып. Д 1–30.)

Арсеньева Т. Н., 1970. Могильник у деревни Ново-Отрадное / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука. С. 82–149. (МИА; № 155.)

Арсеньева Т. М., 1977. Некрополь Танаиса. М.: Наука. 152 с.

Арсеньева Т. М., *Безуглов С. И.*, *Толочко И. В.*, 2001. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф. 274 с.

Ахмедов И. Р., *Гущина И. И.*, *Журавлев Д. В.*, 2001. Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ. С. 175–186. (Труды ГИМ; Вып. 118.)

Бабенчиков В. П., 1963. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Київ: Наукова думка. С. 90–122.

Бажан И. А., *Каргапольцев С. Ю.*, 1989. Об одной категории украшений-амулетов римского времени в Восточной Европе // СА. № 3. С. 163–170.

Безуглов С., Захаров А., 1989. Богатое погребение позднеримского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 6. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство. С. 42–66.

Беспалый Е. И., 1990. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. № 1. С. 213–223.

Богданова Н. А., 1989. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы / Отв. ред. М. П. Абрамова. М.: ГИМ. С. 17–70. (Труды ГИМ; Вып. 70.)

Веймарн Е. В., 1963. Археологічні роботи в районе Інкермана // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XIII. Київ: Наукова думка. С. 15–42.

Внуков С. Ю., Лагутин А. Б., 2001. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ. С. 96–121. (Труды ГИМ; Вып. 118.)

Волошинов А. А., Масякин В. В., Неневоля И. И., 2007. Два комплекса с римскими импортами из Краснозоринского некрополя // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 303–318.

Высотская Т. Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса. 208 с.

Глухов А. А., 2003. Типология и хронология зеркал среднесарматского времени (по материалам междуречья Волги и Дона) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6 / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград. С. 89–103.

Гопкало О. В., 2008. Бусы и подвески черняховской культуры. Киев: Ин-т археологии НАН Украины. 252 с.

Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн. 172 с.

Журавлев Д. В., Фирсов К. Б., 2001. Позднескифский курган Саблы в Центральном Крыму // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ. С. 223–229. (Труды ГИМ; Вып. 118.)

Зайцев Ю. П., 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Отв. ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: СОНАТ. С. 102–116.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2003а. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. № 1. С. 61–101.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2003б. Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. Вып. X. С. 57–77.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2007. Элитный некрополь II в. н. э. у центральных ворот Неаполя скифского // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 81–108.

Кадеев В. И., 1996. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н. э.). Харьков: Бизнес-Информ. 212 с.

Ковпаненко Г. Т., 1986. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка. 150 с.

Контны Б., Савеля Д. Ю., 2006. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. Вып. XII. Ч. 1. С. 129–160.

Корпусова В. Н., 1983. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев: Наукова думка. 183 с.

Крупа Т. Н., 2007. Исследования археологического текстиля из раскопок позднескифского Усть-Альминского могильника // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 157–172.

Лобода И. И., 1977. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. № 4. С. 236–252.

Масякин В. В., 2010. Склеп позднеримского времени у с. Заречное в Центральном Крыму // Древняя и средневековая Таврика: Археологический альманах. № 22 / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, А. Е. Пуздровский. Донецк: Донбасс. С. 278–284.

Масякин В. В., Волошинов А. А., Неневоля И. И., 2013. Склепы начала эпохи переселения народов из некрополя Сувлу-Кая // II Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна: тез. докл. и сообщ. Междунар. науч. конф. (Бахчисарай, 3–7 сентября 2013 г.) / Ред.-сост. В. Е. Науменко; ред. А. Г. Абайбин, А. Г. Герцен и др. Симферополь: Антиква. С. 31, 32.

Мордвинцева В., Трейстер М., 2007. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье 2 в. до н. э. – 2 в. н. э. Т. I. Симферополь; Бонн. 308 с.

Мошкова М. Г., 1989. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука. С. 177–190. (Археология СССР.)

Мошкова М. Г., 2009. Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса (раскопки Г. И. Баргинова) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Науч. ред. А. Г. Фурасьев. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ. С. 99–113.

Мульд С. А., 2001. Позднесарматское погребение в Центральном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. Симферополь. С. 51–66.

Неневоля И. И., Волошинов А. А., 2001. Два комплекса IV в. н. э. на могильнике Краснозорье // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ. С. 141–146. (Труды ГИМ; Вып. 118.)

Погребова Н. Н., 1961. Погребения в мавзолее Неаполя скифского. М.: Академия наук СССР. 214 с. (МИА; № 96.)

Пуздровский А. Е., 1989. Позднеантичный могильник у с. Перевальное в Крыму // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: тез. доп. XX Республік. конф. Київ: Наукова думка. С. 185, 186.

Пуздровский А. Е., 2001. Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ. С. 122–140. (Труды ГИМ; Вып. 118.)

Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ. 480 с.

Пуздровский А. Е., 2011. Погребения сарматских «жриц» из Юго-Западного Крыма // Европейская Сарматия и Херсонес / Ред. О. Шаров. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 271–290. (Stratum plus; №4/2011.)

Пуздровский А. Е., Соломоненко А. Е., 2007. Грунтовый склеп 1–2 вв. н. э. с предметами из дерева из Усть-Альминского некрополя // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 207–228.

Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2001. Новые памятники III–IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. С. 32–50.

Симоненко А. В., Лобай Б. И., 1991. Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н. э. (погребения знати у с. Пороги). Киев: Наукова думка. 112 с.

Стоянова А. А., 2004. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // Боспорские исследования. Вып. V. С. 263–319.

Стоянова А. А., 2008. Бусы из могильника Фонтаны // Храпунов И. Н. Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000–2001 гг.). Симферополь: Доля. С. 17–26.

Стоянова А. А., 2010. Наборы бус в костюме населения предгорного Крыма во II в. до н. э. – IV в. н. э. // Боспорские исследования. Вып. XXIV. С. 401–410.

Стоянова А. А., 2011. Аксессуары женского костюма II – первой половины III в. н. э. из могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля. С. 115–152.

Стоянова А. А., 2012. Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003–2009 гг.). Симферополь: Доля. 100 с.

Стоянова А. А., 2013. Плитовые могилы из некрополя Нейзац // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). Ч. I / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля. С. 77–92.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2003–2004. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз 10») // «Между певкинами и фенами» / Ред. М. Б. Щукин, О. В. Шаров. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 27–277. (Stratum plus; № 4/2003–2004.)

Сымонович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев: Наукова думка. 174 с.

Труфанов А. А., 2004. Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник. Киев; Судак: Академпериодика. С. 495–521.

Труфанов А. А., 2007. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 173–186.

Труфанов А. А., Колтухов С. Г., 2001–2002. Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // На окраинах античного мира / Ред. М. Б. Щукин, О. В. Шаров. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 278–295. (Stratum plus; № 4/2001–2002.)

Финогенова С. И., 1967. Античные медицинские инструменты // СА. № 1. С. 147–162.

Фирсов К. Б., 2009. Ювелирные изделия из некрополя первых веков н. э. у с. Заветное в Юго-Западном Крыму // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: матер. Междунар. науч. конф. СПб.: Нестор-История. С. 437–449.

Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4. С. 58–71.

Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. н. э.). Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Składjwskiej. 313 с.

Храпунов И. Н., 2003. Сарматизация предгорного Крыма (до середины III в. н. э.) // МАИЭТ. Вып. X. С. 38–56.

Храпунов И. Н., 2006. Погребение воина IV в. н. э. из могильника Нейзац // Готы и Рим / Глав. ред. Р. В. Терпиловский. Киев: Стилос. С. 42–51.

Храпунов И. Н., 2007а. Погребение воина II в. н. э. из могильника Опушки // Древняя Таврика / Под общ. ред. Ю. П. Зайцева, В. И. Мордвинцевой. Симферополь: Универсум. С. 115–124.

Храпунов И. Н., 2007б. Две могилы с погребениями женщин из некрополя Нейзац // МАИЭТ. Вып. XIII. С. 31–55.

Храпунов И. Н., 2008. Склеп IV в. н. э. из могильника Нейзац // ПИФК. Вып. XXI. С. 356–392.

Храпунов И. Н., 2011. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац / Науч. ред. И. Н. Храпунов. Симферополь: Доля. С.13–114.

Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд А. С., 1997. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I / Ред.-сост. И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия. С. 76–155.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А., 2013. Три подбойные могилы из некрополя Опушки в Крыму // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Отв. ред. Е. В. Смынтына. Киев: Олег Филюк. С. 184–207.

Шабанов С. Б., 2010. Детское погребение с бальзамариями из могильника Нейзац // Боспорские исследования. Вып. XXIV / Отв. ред. В. Н. Зинько. С. 508–520.

Шаров О. В., 2012. Пирамидальный склеп № 1 по дороге к Царскому кургану, или склеп № 1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историографическое исследование // От римского лимеса до Великой Китайской стены / Отв. ред. О. Шаров. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 201–238. (Stratum plus; № 4/2012.)

Юрочкин В. Ю., Труфанов А. А., 2003. Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи // Херсонесский сборник. Вып. XII / Отв. ред. М. И. Золотарев. Севастополь. С. 199–225.

Яценко С. А., Малашев В. Ю., 2000. О полихромном стиле позднеримского времени на территории Сарматии // Время великих миграций / Ред. В. Е. Еременко, Г. И. Смирнова, О. В. Шаров, М. Б. Щукин. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест. С. 226–250. (Stratum plus; № 4/2000.)

Khrapunov I. N., 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea // The Turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period. T. I / Eds B. Niezabitowska-Wiśniewska, M. Juściński, P. Łuczkiewicz, S. Sadowski. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Składjwskiej. P. 189–217.

Masyakin V., Voloshinov A., Nenevolja I., 2013. Die Nekropole von Suvlu-Kaja // Die Krim. Goldene Insel im Sehwarren Meer. Griechen – Skythen – Goten. Bonn. S. 275–279.

Puzdrovskij E., Zajcev J., 2004. Prunkbestattungen des 1. Jhs. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim // Eurasia antiqua. Bd. 10. S. 229–267.

Skvorcov N. B., Skripkin A. S., 2006. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet // Eurasia Antiqua. Bd. 12. S. 251–267.

Сведения об авторах.

Храпунов Игорь Николаевич, Таврический национальный университет, проспект Академика Вернадского, 4, Симферополь, 295051, Россия; e-mail: igorkhrapunov@mail.ru;

Стоянова Анастасия Анзоровна, Историко-археологический благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», ул. Чернышевского, 10а, Симферополь, 295051, Россия; e-mail: ancient2008@mail.ru.

I.N. Khrapunov, A.A. Stoyanova

On the property-based and social differentiation within the population of the piedmont zone in the Crimea during the Late Roman period

Abstract. This article examines the question regarding the property-based and social differentiation within the population of the piedmont zone of the Crimea in the Late Roman period, with reference to three assemblages from the Neizats burial-ground.

The grave goods from grave № 178 (Figs 2–4) and burial 1 in vault № 485 (Figs 5–7) include gold items. This testifies to the fact that the deceased numbered among the йlite of the Sarmatian population which lived in the valley of the River Zuya in the 2nd–4th cc. Grave № 501, which contained no grave goods, was a burial of one of the poorest members of the community which left behind it the Neizats cemetery. A comparison of the Neizats assemblages with burials of the same period in other cemeteries of the piedmont zone in the Crimea reveals that there were not many gold items in them. The grave-goods found there were mainly earrings, bracelets, plaques and long beads placed in burials of women and children. As for male burials, the fact that they belonged to a social elite would be reflected in the presence of more than one weapon in a grave. Apart from the relatively rich burials, another small group of graves stands out on account of the poor grave goods in them or the complete absence of the latter. It is probable that representatives of the poorest strata of society had been buried there.

Keywords: Late Sarmatian culture, Late Roman period, piedmont zone of the Crimea, Sarmatians, Neizats cemetery.

REFERENCES

Akhmedov I. R., Gushchina I. I., Zhuravlev D. V., 2001. Bogatoye pogrebeniye II v. n. e. iz mogil'nika Bel'bek IV [Rich burial of II c. AD from cemetery Bel'bek IV]. *Pozdniye skify Kryma* [*Late Scythians of Crimea*]. I. I. Gushchina, D. V. Zhuravlev, eds. Moscow: Gosudarstvenny istorichesky muzey, pp. 175–186. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 118.)

Alekseyeva Ye. M., 1975. Antichnyye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of North Pontic zone], 1. Moscow: Nauka. 94 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G1-12.)

Alekseyeva Ye. M., 1978. Antichnyye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of North Pontic zone], 2 Moscow: Nauka. 104 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G1-12.)

Alekseyeva Ye. M., 1982. Antichnyye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of North Pontic zone], 3. Moscow: Nauka. 104 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G1-12.)

Ambroz A. K., 1996. Fibuly yuga Yevropeyskoy chasti SSSR [Fibulae of South of European part of USSR]. Moscow: Nauka. 111 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-30.)

Arsen'yeva T. M., 1977. Nekropol' Tanaisa [Necropolis of Tanais]. Moscow: Nauka. 152 p.

Arsen'yeva T. M., Bezuglov S. I., Tolochko I. V., 2001. Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981–1995 gg. [Necropolis of Tanais. Excavations of 1981–1995]. Moscow: Paleograf. 274 p.

Arsen'yeva T. N., 1970. Mogil'nik u derevni Novo-Otradnoye [Cemetery near village Novo-Otradnoye]. *Poseleniya i mogil'niki kerchenskogo poluostrova nachala n. e*. [*Settlements and cemeteries of Kerch Peninsula of first centuries AD*]. A. I. Melyukova, ed. Moscow: Nauka, pp. 82–149. (Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR, 155.)

Aybabin A. I., 1994. Raskopki mogil'nika bliz sela Druzhnoye v 1984 g. [Excavations of cemetery near village Druzhnoye in 1984]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria*], IV, pp. 89–131.

Babenchikov V. P., 1963. Chornorichens'ky mogil'nik [Chornorichensky cemetery]. *Arkheologichni pam'yatki Ukraïns'koï radyans'koï sotsialistichnoï respubliki* [*Archaeological sites of Ukrainian Soviet Socialist Republic*], XIII, pp. 90–122.

Bazhan I. A., Kargapol'tsev S. Yu., 1989. Ob odnoy kategorii ukrasheny-amuletov rimskogo vremeni v Vostochnoy Yevrope [Concerning certain category of ornaments-amulets of Roman period in Eastern Europe]. *SA*, 3, pp. 163–170.

Bespaly Ye. I., 1990. Pogrebeniya pozdnesarmatskogo vremeni u g. Azova [Burials of late Sarmatian time near city Azov]. *SA*, 1, pp. 213–223.

Bezuglov S., Zakharov A., 1989. Bogatoye pogrebeniye pozdnerimskogo vremeni bliz Tanaisa [Rich burial of late Roman period near Tanais]. *Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya krayevedeniya* [*Proceedings of Rostov Regional museum of local lore*], 6. T. N. Abramova, ed. Rostov-na-Donu: Rostovskoye knizhnoye izdatel'stvo, pp. 42–66.

Bogdanova N. A., 1989. Mogil'nik pervykh vekov nashey ery u s. Zavetnoye [Cemetery of first centuries AD near village Zavetnoye]. *Arkheologicheskiye issledovaniya na yuge Vostochnoy Yevropy* [*Archaeological researches in South of Eastern Europe*]. M. P. Abramova. Moscow: Gosudarstvenny istorichesky muzey, pp. 17–70. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 70.)

Finogenova S. I., 1967. Antichnyye meditsinskiye instrument y [Antique medical instruments]. *SA*, 1, pp. 147–162.

Firsov K. B., 2009. Yuvelirnyye izdeliya iz nekropolya pervykh vekov n. e. u s. Zavetnoye v Yugo-Zapadnom Krymu [Jewelry items from necropolis of first centuries AD near village Zavetnoye in South-Western Crimea]. *Bosporsky fenomen. Iskusstvo na periferii antichnogo mira* [*Bosporan phenomenon. Art in periphery of Classical world*]: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 437–449.

Glukhov A. A., 2003. Tipologiya i khronologiya zerkal srednesarmatskogo vremeni (po materialam mezhdurech'ya Volgi i Dona) [Typology and chronology of mirrors of middle Sarmatian time (on materials of Volga and Don interfluve)]. *Nizhnevolzhsky arkheologichesky vestnik* [*Lower Volga archaeological bulletin*], 6. A. S. Skripkin, ed. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 89–103.

Gopkalo O. V., 2008. Busy i podveski chernyakhovskoy kul'tury [Beads and pendants of Chernaykhov culture]. Kiyev: Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy. 252 p.

Gushchina I. I., Zasetskaya I. P., 1994. «Zolotoye kladbishche» rimskoy epokhi v Prikuban'ye [«Gold cemetery» of Roman epoch in Kuban region]. St. Petersburg: Farn. 172 p.

Kadeyev V. I., 1996. Khersones Tavrichesky. Byt i kul'tura (I–III vv. n. e.) [Chersonese Taurian. Way of life and culture (I–III cc. AD)]. Khar'kov: AO «Biznes Inform». 212 p.

Khazanov A. M., 1963. Genezis sarmatskikh bronzovykh zerkal [Genesis of Sarmatian bronze mirrors]. *SA*, 4, pp. 58–71.

Khrapunov I. N., 2002. Mogil'nik Druzhnoye (III–IV vv. nashey ery) [Cemetery Druzhnoye (III–IV cc. AD)]. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 313 p.

Khrapunov I. N., 2003. Sarmatizatsiya predgornogo Kryma (do serediny III v. n. e.) [Sarmatian influence on Crimean piedmonts (until mid III c. AD)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria*], X, pp. 38–56.

Khrapunov I. N., 2006. Pogrebeniye voina IV v. n. e. iz mogil'nika Neyzats [Warrior's burial of IV c. AD from cemetery Neyzats]. *Goty i Rim* [*Goths and Rome*]. R. V. Terpilovsky, ed. Kiyev: ID «Stilos», pp. 42–51.

Khrapunov I. N., 2007a. Pogrebeniye voina 2 v. n. e. iz mogil'nika Opushki [Warrior's burial of 2 c. AD from cemetery Opushki]. *Drevnyaya Tavrika* [*Ancient Taurica*]. Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 115–124.

Khrapunov I. N., 2007b. Dve mogily s pogrebeniyami zhenshchin iz nekropolya Neyzats [Two graves with female burials from cemetery Neyzats]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria*], XIII. A. I. Aybabin, V. N. Zin'ko, eds, pp. 31–55.

Khrapunov I. N., 2008. Sklep IV v. n. e. iz mogil'nika Neyzats [Burial vault of IV c. AD from cemetery Neyzats]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of history, philology and culture*], XXI, pp. 356–392.

Khrapunov I. N., 2008. The Vault with Openwork Plaque from the Cemetery of Neyzats in the Crimea. *The Turbulent epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*, I. B. Niezabitowska-Wiśniewska, ed. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. pp. 189–217.

Khrapunov I. N., 2011. Nekotoryye itogi issledovany mogil'nika Neyzats [Some results of researches of cemetery Neyzats]. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats* [*Research of cemetery Neyzats*]. I. N. Khrapunov, ed. Simferopol': Izdatel'stvo «Dolya», pp.13–114.

Khrapunov I. N., Masyakin V. V., Mul'd A. S., 1997. Pozdneskifsky mogil'nik u s. Kol'chugino [Late Scythian cemetery near village Kol'chugino]. *Bakhchisarysky istoriko-arkheologichesky sbornik* [*Bakhchisaray historical-archaeological annual*], I. Simferopol': Tavriya, pp. 76–155.

Khrapunov I. N., Stoyanova A. A., 2013. Tri podboynyye mogily iz nekropolya Opushki v Krymu [Three niche graves from cemetery Opushki in Crimea]. *Varvarsky mir severopontiyskikh zemel' v sarmatskuyu epokhu* [*Barbarian world of North Pontic lands in Sarmatian epoch*]. Ye. V. Smyntyna, ed. Kiyev: Vidavets' Oleg Filyuk, pp. 184–207.

Kontny B., Savelya D. Yu., 2006. Vooruzheniye iz mogil'nika v Kilen-Balke [Weaponry from cemetery in Kilen-Balka]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria*], XII, part 1, pp. 129–160.

Korpusova V. N., 1983. Nekropol' Zolotoye: (K etnokul'turnoy istorii yevropeyskogo Bospora) [Necropolis Zolotoye: (Towards ethnocultural history of Europaen Bosporus)]. Kiyev: Naukova dumka. 183 p.

Kovpanenko G. T., 1986. Sarmatskoye pogrebeniye I v. n. e. na Yuzhnom Buge [Sarmatian burial of I c. AD on Yuzhny Bug]. Kiyev: Naukova dumka. 150 p.

Krupa T. N., 2007. Issledovaniya arkheologicheskogo tekstilya iz raskopok pozdneskifskogo Ust'-Al'minskogo mogil'nika [Investigation of archaeological textiles from excavations of late Scythian cemetery Ust'-Alma]. *Drevnyaya Tavrika* [*Ancient Taurica*]. Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 157–172.

Loboda I. I., 1977. Raskopki mogil'nika Ozernoye III v 1963–1965 gg. [Excavations of cemetery Ozernoye III in 1963–1965]. *SA*, 4, pp. 236–252.

Masyakin V., Voloshinov A., Nenevolja I., 2013. Die Nekropole von Suvlu-Kaja. *Die Krim. Goldene Insel im Sehwarren Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, pp. 275–279.

Masyakin V. V., 2010. Sklep pozdnerimskogo vremeni u s. Zarechnoye v Tsentral'nom Krymu [Burial vault of late Roman time near village Zarechnoye in Central Crimea]. *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika* [*Ancient and medieval Taurica*]. Arkheologichesky al'manakh, 22. Yu. P. Zaytsev, A. E. Puzdrovsky, eds. Donetsk: Donbass, pp. 278–284.

Masyakin V. V., Voloshinov A. A., Nenevolya I. I., 2013. Sklepy nachala epokhi pereseleniya narodov iz nekropolya Suvlu-Kaya [Burial vaults of the beginning of Great Migration Period from necropolis Suvlu-Kaya]. *II Bakhchisarayskiye nauchnyye chteniya pamyati Ye.V. Veymarna* [*II Bakhchisaray scientific readings in memory of Ye. V. Veymarn*]: tezisy dokladov i soobshcheny Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. V. E. Naumenko, ed. Simferopol': Antikva, pp. 31–32.

Mordvintseva V., Treyster M., 2007. Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'ye 2 v. do n. e. – 2 v. n. e. [Items of toreutics and jewelry art in North Pontic zone of 2 c. BC – 2 c. AD], I. Simferopol'; Bonn. 308 p.

Moshkova M. G., 1989. Srednesarmatskaya kul'tura [Middle Sarmatian culture]. *Stepi Yevropeyskoy chasti USSR v skifo-sarmatskoye vremya* [*Steppes of European part of USSR in Scythian-Sarmatian time*]. A. I. Melyukova, ed. Moscow: Nauka, pp. 177–190. (Arkheologiya SSSR.)

Moshkova M. G., 2009. Zhenskoye pogrebeniye v kurgane 2 iz Lebedevskogo mogil'nogo kompleksa (raskopki G. I. Barginova) [Female burial in kurgan 2 from Lebedevsky cemetery complex (excavations by G. I. Barginov)]. *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunayem* [*Huns, Goths and Sarmatians between Volga and Danube*]. A. G. Furas'yev, ed. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv St. Petersburgskogo gosudarstvennogo universtiteta, pp. 99–113.

Mul'd S. A., 2001. Pozdnesarmatskoye pogrebeniye v Tsentral'nom Krymu [Late Sarmatian burial in Central Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria*], VIII. Simferopol', pp. 51–66.

Nenevolya I. I., Voloshinov A. A., 2001. Dva kompleksa IV v. n. e. na mogil'nike Krasnozor'ye [Two complexes of IV c. AD at cemetery Krasnozor'ye]. *Pozdniye skify Kryma* [*Late Scythians of Crimea*].

I. I. Gushchina, D. V. Zhuravlev, eds. Moscow: Gosudarstvenny istorichesky muzey, pp. 141–146. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 118.)

Pogrebova N. N., 1961. Pogrebeniya v mavzoleye Neapolya skifskogo [Burials in mausoleum of Neapolis Scythian]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR. 214 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii USSR, 96.)

Puzdrovskij E., Zajcev J., 2004. Prunkbestattungen des 1. Jhs. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. *Eurasia antiqua,* Bd. 10, pp. 229–267.

Puzdrovsky A. E., 1989. Pozdneantichny mogil'nik u s. Pereval'noye v Krymu [Late Classical cemetery near village Pereval'noye in Crimea]. *Problemi istorii ta arkheologiï davn'ogo naselennya Ukraïns'koï radyans'koï sotsialistichnoï respubliki* [*Problems of history and archaeology of ancient population of Ukrainian Soviet Socialist Republic*]: tezi dopovidey. XX Respublikans'ka konferentsiya. Kiïv: Naukova dumka, pp. 185–186.

Puzdrovsky A. E., 2001. Pogrebeniya Bitakskogo mogil'nika pervykh vekov n. e. s oruzhiyem i konskoy uzdoy [Burials of Bitak cemetery of first centuries AD containing weapons and horse bridle]. *Pozdniye skify Kryma* [*Late Scythians of Crimea*]. I. I. Gushchina, D. V. Zhuravlev, eds. Moscow: Gosudarstvenny istorichesky muzey, pp. 122–140. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 118.)

Puzdrovsky A. E., 2007. Krymskaya Skifiya II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nyye pamyatniki [Crimean Scythia of II c. BC – III c. AD. Burial sites]. Simferopol': Biznes-Inform. 480 p.

Puzdrovsky A. E., 2011. Pogrebeniya sarmatskikh «zhrits» iz Yugo-Zapadnogo Kryma [Burials of Sarmatian «priestesses» from South-Western Crimea]. *Yevropeyskaya Sarmatiya i Khersones* [*European Sarmatia and Chersonese*]. O. Sharov, ed. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bukharest, pp. 271–290. (Stratum plus, 4/2011.)

Puzdrovsky A. E., Solomonenko A. E., 2007. Gruntovy sklep 1–2 vv. n. e. s predmetami iz dereva iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [Earthen vault of 1–2 cc. AD with wooden objects from Ust'-Alma cemetery]. *Drevnyaya Tavrika* [*Ancient Taurica*]. Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 207–228.

Puzdrovsky A. E., Zaytsev Yu. P., Nenevolya I. I., 2001. Novyye pamyatniki III–IV vv. n. e. v yugo-zapadnom Krymu [New sites of III–IV cc. AD in South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria*], VIII, pp. 32–50.

Shabanov S. B., 2010. Detskoye pogrebeniye s bal'zamariyami iz mogil'nika Neyzats [Children burial with balsamaria from cemetery Neyzats]. *Bosporskiye issledovaniya* [*Bosporan researches*], XXIV, pp. 508–520.

Sharov O. V., 2012. Piramidal'ny sklep No. 1 po doroge k Tsarskomu kurganu, ili sklep No. 1, otkryty v 1841 godu v kurgane u dorogi na Adzhimushkayskiye kamenolomni v Kerchi. Istoriograficheskoye issledovaniye [Pyramidal vault № 1 on the road to Tsarsky kurgan, or vault № 1 discovered in 1841 in kurgan near the road to Adzhimushkay quarry in Kerch. Historiographic research]. *Yevropeyskaya Sarmatiya i Khersones* [*European Sarmatia and Chersonese*]. O. Sharov, ed. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bukharest, pp. 201–238. (Stratum plus; 4/2011.)

Simonenko A. V., Lobay B. I., 1991. Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n. e. (pogrebeniya znati u s. Porogi) [Sarmatians of North-Western Pontic zone in I c. AD (burials of aristocracy near village Porogi)]. Kiyev: Naukova dumka. 112 p.

Skvorcov N. B., Skripkin A. S., 2006. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *Eurasia Antiqua*, bd. 12, pp. 251–267.

Stoyanova A. A., 2004. Busy i podveski iz mogil'nika Neyzats (po materialam raskopok 1996—2001 gg.) [Beads and pendants from cemetery Neyzats (on materials from excavations of 1996—2001)]. *Bosporskiye issledovaniya* [*Bosporan researches*], V, pp. 263–319.

Stoyanova A. A., 2008. Busy iz mogil'nika Fontany [Beads from cemetery Fontany]. *Khrapunov I. N. Pozdneskifsky mogil'nik Fontany (po rezul'tatam raskopok 2000–2001 gg.)* [*Khrapunov I. N. Late Scythian cemetery Fontany (on results of excavations of 2000–2001)*]. Simferopol': Dolya, pp. 17–26.

Stoyanova A. A., 2010. Nabory bus v kostyume naseleniya predgornogo Kryma vo II v. do n. e. – IV v. n. e. [Bead sets in costume of population of piedmont Crimea in II c. BC – IV c. AD]. *Bosporskiye issledovaniya* [*Bosporan researches*], XXIV, pp. 401–410.

Stoyanova A. A., 2011. Aksessuary zhenskogo kostyuma II – pervoy poloviny III v. n. e. iz mogil'nika Neyzats [Accessories of female costume of II – first half of III c. AD from cemetery Neyzats]. *Issledovaniya mogil'nika Neyzats* [*Research of cemetery Neyzats*]. I. N. Khrapunov, ed. Simferopol': Dolya, pp. 115–152.

Stoyanova A. A., 2012. Detskiye pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003–2009 gg.) [Children burials from cemetery Opushki (on results of excavations of 2003–2009)]. Simferopol': Dolya. 100 p.

Stoyanova A. A., 2013. Plitovyye mogily iz nekropolya Neyzats [Slab graves from cemetery Neyzats]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [*Crimea in Sarmatian epoch (II c. BC – IV c. AD)*], I. I. N. Khrapunov, ed. Simferopol'; Bakhchisaray: Dolya, pp. 77–92.

Strzheletsky S. F., Vysotskaya T. N., Ryzhova L. A., Zhestkova G. I., 2003–2004. Naseleniye okrugi Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz 10») [Population of Chersonese vicinity in first half of I millennium AD (on materials of necropolis «Sovkhoz 10»)]. *Yevropeyskaya Sarmatiya i Khersones* [*European Sarmatia and Chersonese*]. O. Sharov, ed. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bukharest, pp. 27–277. (Stratum plus, 4/2011.)

Symonovich E. A., 1983. Naseleniye stolitsy pozdneskifskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogil'nika Neapolya skifskogo) [Population of the capital of late Scythian kingdom (on materials of Eastern cemetery of Neapolis Scythian)]. Kiev: Naukova dumka. 174 p.

Trufanov A. A., 2004. Podboynyye mogily III v. n. e. nekropolya u s. Kurskoye (po materialam raskopok 2001 g.) [Niche graves of III c. AD of necropolis near village Kurskoye (on materials of excavations of 2001)]. *Sugdeysky sbornik* [*Sugdean annual*]. Kiev; Sudak: Akademperiodika, pp. 495–521.

Trufanov A. A., 2007. Zerkala-podveski pervykh vekov n. e. iz mogil'nikov Krymskoy Skifii [Mirrors-pendants of first centuries AD from cemeteries of Crimean Scythia]. *Drevnyaya Tavrika* [*Ancient Taurica*]. Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 173–186.

Trufanov A. A., Koltukhov S. G., 2001–2002. Issledovaniye pozdneantichnogo nekropolya u s. Kurskoye v Yugo-Vostochnom Krymu [Research of late Classical cemetery near village Kurskoye in South-Eastern Crimea]. *Yevropeyskaya Sarmatiya i Khersones* [*European Sarmatia and Chersonese*]. O. Sharov, ed. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bukharest, pp. 278–295. (Stratum plus; 4/2011.)

Veymarn Ye. V., 1963. Arkheologichni roboti v rayone Inkermana [Archaeological works in region of Inkerman]. *Arkheologichni pam'yatki Ukraïns'koï radyans'koï sotsialistichnoï respubliki* [*Archaeological sites of Ukrainian Soviet Socialist Republic*], XIII. Kiïv: Naukova dumka, pp. 15–42.

Vnukov S. Yu., Lagutin A. B., 2001. Zemlyanyye sklepy pozdneskifskogo mogil'nika Kara-Tobe v severo-zapadnom Krymu [Earthen vaults of late Scythian cemetery Kara-Tobe in North-Western Crimea]. *Pozdniye skify Kryma* [*Late Scythians of Crimea*]. I. I. Gushchina, D. V. Zhuravlev, eds. Moscow: Gosudarstvenny istorichesky muzey, pp. 96–121. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 118.)

Voloshinov A. A., Masyakin V. V., Nenevolya I. I., 2007. Dva kompleksa s rimskimi importami iz Krasnozorinskogo nekropolya [Two complexes with Roman imports from cemetery Krasnyye Zori]. *Drevnyaya Tavrika* [*Ancient Taurica*]. Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 303–318.

Vysotskaya T. N., 1994. Ust'-Al'minskoye gorodishche i nekropol' [Ust'-Alma hillfort and necropolis]. Kiyev: Kiyevskaya Akademiya Yevrobiznesa. 208 p.

Yatsenko S. A., Malashev V. Yu., 2000. O polikhromnom stile pozdnerimskogo vremeni na territorii Sarmatii [On polychrome style of late Roman time in territory of Sarmatia]. *Yevropeyskaya Sarmatiya i Khersones* [*European Sarmatia and Chersonese*]. O. Sharov, ed. St. Petersburg; Kishinev; Odessa; Bukharest, pp. 226–250. (Stratum plus, 4/2011.)

Yurochkin V. Yu., Trufanov A. A., 2003. Pozdneantichny pogrebal'ny kompleks v nizov'yakh reki Kachi [Late Classical burial complex in lower reaches of River Kacha]. *Khersonessky sbornik* [*Chersonese annual*]. XII. M. I. Zolotarev, ed. Sevastopol', pp. 199–225.

Zaytsev Yu. P., 1997. Okhrannyye issledovaniya v Simferopol'skom, Belogorskom i Bakhchisarayskom rayonakh [Protective researches in Simferopol, Belogorsk and Bakhchisaray regions]. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu. 1994 god* [*Archaeological researches in Crimea. 1994*]. V. A. Kutaysov, ed. Simferopol': SONAT, pp. 102–116.

Zaytsev Yu. P., Mordvintseva V. I., 2003a. «Nogaychinsky» kurgan v stepnom Krymu [«Nogaichinsky» kurgan in steppe Crimea]. *Vestnik drevney istorii* [*Bulletin of Ancient History*], 1, pp. 61–101.

Zaytsev Yu. P., Mordvintseva V. I., 2003b. Issledovaniye mogil'nika u s. Suvorovo v 2001 g. [Investigation of cemetery near village Suvorovo in 2001]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria*], X, pp. 57–77.

Zaytsev Yu. P., Mordvintseva V. I., 2007. Elitny nekropol' 2 v. n. e. u tsentral'nykh vorot Neapolya skifskogo [Elite necropolis of 2 c. AD near central gates of Neapolis Scythian]. *Drevnyaya Tavrika* [*Ancient Taurica*]. Yu. P. Zaytsev, V. I. Mordvintseva, eds. Simferopol': Universum, pp. 81–108.

Zhuravlev D. V., Firsov K. B., 2001. Pozdneskifsky kurgan Sably v Tsentral'nom Krymu [Late Scythian kurgan Sably in Central Crimea]. *Pozdniye skify Kryma* [*Late Scythians of Crimea*]. I. I. Gushchina, D. V. Zhuravlev, eds. Moscow: Gosudarstvenny istorichesky muzey, pp. 223–229. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 118.)

About the authors.

Khrapunov Igor N., Taurida National V. I. Vernadsky University, Academician Vernadsky ave., 4, Simferopol, 295051, Russia; e-mail: igorkhrapunov@mail.ru;

Stoyanova Anastasiya A., Historical-archaeological charity foundation «Naslediye tysyachelety», ul. Chernyshevskogo, 10a, Simferopol, 295051, Russia; e-mail: ancient2008@mail.ru.

А. В. Мастыкова, Г. Л. Земцов

«КНЯЖЕСКОЕ» ЖЕНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА ПОСЕЛЕНИИ МУХИНО-2 ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

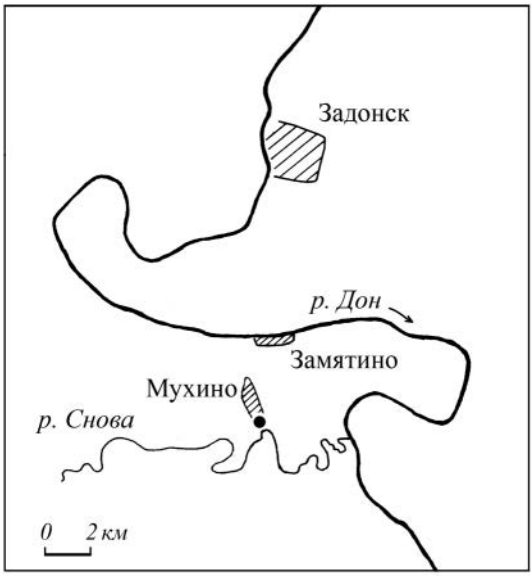
Резюме. В статье рассматривается женское погребение № 1, открытое на многослойном поселении Мухино-2 (Задонский р-н Липецкой области) на левом берегу р. Снова, недалеко от впадения ее в р. Дон (рис. 1). В погребении из Мухино представлен выразительный набор погребального инвентаря: накладки из золотой фольги различной формы и золотые пронизи; металлические лунница, зеркало, туалетный набор, пинцет, браслет; железный нож с золотой обкладкой из тисненой золотой фольги; стеклянные и янтарные бусы (цв. илл. XV, XVI, XVII; рис. 3; 4). Подобный женский убор с золотыми аппликациями имеет северопричерноморские истоки. Погребение принадлежит к числу «княжеских» находок гуннского времени. Погребение с поселения Мухино-2 можно отнести к концу периода D2 – началу D2/D3 «варварской» европейской хронологии, т. е. приблизительно 430–450 гг. Антропологическое исследование скелетных останков показало, что они принадлежат женщине 20–29 лет. Отсутствие признаков эмалевой гипоплазии зубов указывает, что ее детство было достаточно благополучным. Атомно-абсорбционный анализ позволил предположить, что погребенная женщина большую часть своей жизни прожила в условиях достаточно аридных ландшафтов. На сегодняшний день это единственное «княжеское» погребение гуннского времени на Верхнем Дону. Оно существенно изменило наши представления о распространении престижной «вождеской» культуры типа Унтерзибенбрунн.

Ключевые слова: гуннское время, горизонт Унтерзибенбрунн, «княжеское» женское погребение, позднеантичные центры Северного Понта.

Памятники гуннского времени на Верхнем Дону, объединенные в группу Чертовицкое-Замятино (*Обломский*, 1999. С. 133), стали целенаправленно изучаться с конца 1980-х гг. Наиболее интересные из них исследованы на Острой Луке Дона – в излучине реки, около г. Задонск (Липецкая обл.). Здесь расположены самые крупные по площади поселения и их комплексы, в том числе поселение Мухино-2 (рис. 1).

В данной статье будет дана краткая археологическая характеристика пока единственного в верхнедонском регионе «княжеского» захоронения[1]. Это по-

[1] Авторами готовится полная публикация материалов этого погребения.



гребение № 1, выявленное на многослойном поселении Мухино-2, на левом берегу р. Снова, недалеко от впадения ее в р. Дон (*Земцов*, 2003. С. 111–113; 2004. С. 22–25). Захоронение можно отнести к числу «княжеских» находок гуннского времени, так называемого горизонта Унтерзибенбрунн, который соответствует периоду D2 «варварской» европейской хронологии[2], т. е. 380/400–440/450 гг.

Рис. 1. Географическое положение поселения Мухино-2 на Верхнем Дону. Точкой обозначено поселение Мухино-2

Описание погребения

Как уже отмечалось, захоронение было обнаружено на территории поселения гуннского времени. Судя по планиграфии памятника, погребение было совершено на восточном краю усадебного комплекса. Весьма вероятно, что поселенческие материалы и захоронение одновременны (*Земцов*, 2012. С. 157).

Погребение было совершено в яме неправильной прямоугольной формы по обряду ингумации. Яма была заполнена материковой глиной, в нижней половине ее заполнения были встречены редкие включения гумуса и углей. На дне могильной ямы фиксировался углистый слой, а в некоторых местах прослежены более четкие полосы углей, возможно следы плах. На этой прослойке был обнаружен плохо сохранившийся скелет человека, однако присутствующие кости лежали в анатомическом порядке. Погребенный был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на север, руки положены вдоль тела. Проведенное М. В. Добровольской и М. Б. Медниковой антропологическое исследование скелетных останков показало, что они принадлежат женщине 20–29 лет. На основании отсутствия эмалевой гипоплазии зубов (признак, свидетельствующий о стрессах, перенесенных человеком в детстве) предполагается, что ее детство было достаточно благополучным и не сопровождалось кратковременными остановками роста. Изотопный анализ коллагена костной ткани скелетных

[2] Здесь и далее используется общеевропейская хронология Барбарикума, см., например: (*Godłowski*, 1970; *Tejral*, 1988; 1997; 2005; 2007; *Shchukin, Kazanski, Sharov*, 2006).

фрагментов женщины позволяет строить гипотезы относительно пищевого рациона и среды обитания погребенной (*Мастыкова и др.*, 2013; *Добровольская и др.*, 2014).

Погребальный инвентарь

Сопровождающие вещи, помимо двух керамических сосудов и костей животного, зафиксированных выше уровня залегания скелета человека, были обнаружены на дне могилы преимущественно в районе груди и кистей рук и составляли несколько скоплений. Часть вещей принадлежит типам и категориям, изучавшимся нами ранее. В статье мы дадим лишь их краткую характеристику, а основное внимание сосредоточим на предметах, прежде нами не рассматривавшихся.

Два керамических сосуда, располагавшиеся по линии север–юг на расстоянии одного метра друг от друга, были выявлены в верхней части заполнения могильной ямы в грунте, который не отличался от материковой глины.

Лепной горшок, сильнопрофилированный с высоко расположенными плечиками и хорошо заглаженной поверхностью (рис. 2, *1*).

Лепной кувшин с подлощенной поверхностью (рис. 2, *2*). По мнению А. М. Обломского, кувшин такой формы и фактуры характерен для столовой посуды позднеантичного Танаиса гуннского времени. Также подобные сосуды известны в Юго-Западном Крыму в позднеримское и гуннское время (*Обломский*, 2005. С. 107; 2011. С. 445).

Бляшки из золотой фольги округлой, треугольной и зигзагообразной формы со штампованным декором и дырочками для нашивания были зафиксированы, прежде всего, в районе груди погребенной (цв. илл. XV, *1–9*).

Такого рода золотые бляшки хорошо известны в богатых погребениях понтокавказского и дунайского регионов в позднеримское и гуннское время (*Кишш*, 1995. С. 83; *Mastykova, Kazanski*, 2006; *Мастыкова*, 2014. С. 137–142. Цв. вкл. Рис. XIII, XV, XVI). Только в одном случае золотые аппликации были встречены в контексте княжеского горизонта Смолин-Косино (период D2/D3, т. е. 430/440–470/480 гг.) в Бакодпусте (Bakódpuszta) (*Кишш*, 1995. Табл. 5), хронологические рамки которого могут заходить в пределы постгуннского времени.

Бляшки из золотой фольги треугольной формы, гладкие без декора, с дырочками для нашивания лежали в ногах погребенной (цв. илл. XV, *10, 11*).

Золотые пронизи в виде трех соединенных трубочек были найдены в районе головы и правой руки (цв. илл. XV, *12–14*).

Трубочки-пронизки известны в Римской империи, а также и в Северном Причерноморье уже с начала н. э. В гуннское время они хорошо представлены на Боспоре Киммерийском, в Юго-Западном Крыму и Танаисе (*Мастыкова*, 2014. С. 142–144. Рис. 4).

Фрагмент предмета из золотой фольги с рельефным декором найден в районе груди, ближе к восточной стенке могилы (цв. илл. XV, *16*).

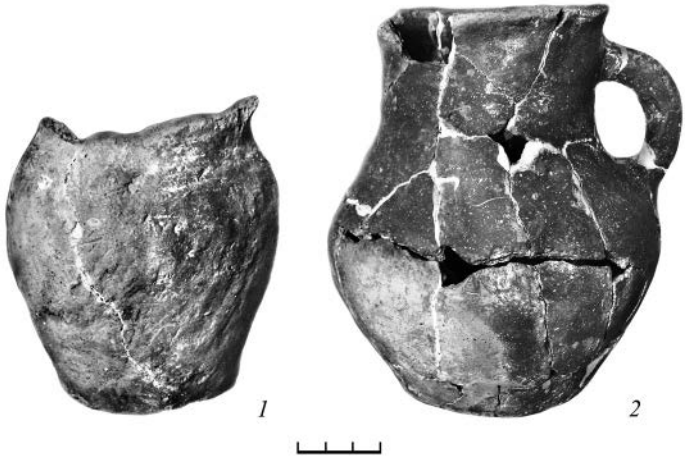


Рис. 2. Керамические сосуды из погребения № 1 на поселении Мухино-2. Фото Г. Л. Земцова

Вероятно, это – фрагмент накладки-лунницы или наконечника ременной гарнитуры гуннского времени (ср.: *Засецкая*, 1994. Табл. 1, *10*; 6, *14*; 10, *3, 4*; 11, *3*; 17, *18*; 22, *1*; 30, *8*).

Металлическое[3] ***зеркало с центральной петлей, украшенное тремя концентрическими рельефными кругами***[4], было обнаружено в районе груди погребенной (рис. 3, *1*).

Зеркала с таким декором – двумя или тремя параллельными концентрическими кругами – были рассмотрены в свое время И. Вернером и выделены в отдельный тип Карповка–Сан-Сюльпис (*Werner*, 1956. S. 117–118). Позднее Б. Анке выделил такие зеркала в тип IV (*Anke*, 1998a. S. 26, 27). Мы используем объединенное название этого типа: зеркала типа Карповка–Анке-4 (*Мастыкова*, 2009а. С. 83, 84). Впоследствии эти зеркала были подробно рассмотрены И. П. Засецкой и ее соавторами при изучении комплексов Морской Чулек и Михаэльсфельд (*Засецкая и др*., 2007. С. 18–24; *Засецкая*, 2010. С. 149, 150).

Зеркала типа Карповка–Анке-4 известны уже в позднеримское время на Северном Кавказе и существуют в Восточной Европе вплоть до IX–X вв. включительно (*Засецкая и др.*, 2007. С. 21, 22. Табл. 1; *Засецкая*, 2010. С. 149, 150). Эти зеркала хорошо представлены в древностях оседлого населения Крыма, Тамани, Танаиса и Западного Предкавказья в гуннское и постгуннское время, изредка попадают на Дунай и в Западную Европу (*Мастыкова*, 2009а. С. 83, 84). В кочевнических могилах такие зеркала, за редкими исключениями (Михаэльсфельд, Новопокровка), не отмечены.

[3] Химический анализ предметов из цветного металла не проводился.

[4] На лицевой стороне зеркала сохранился слабый отпечаток следов ткани.

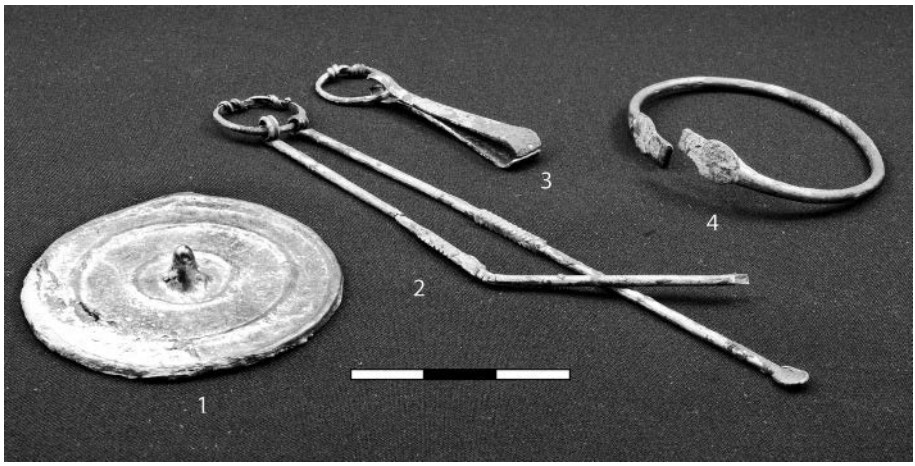


Рис. 3. Предметы погребального инвентаря из захоронения № 1 на поселении Мухино-2

1 – зеркало с центральной петлей, украшенное рельефными кругами; *2* – туалетный набор из двух стерженьков на проволочном кольце; *3* – пинцет с расширенными концами на проволочном кольце; *4* – браслет с расплющенными окончаниями;

1–4 – металл

По: (*Земцов*, 2012. Рис. на с. 161)

Металлическая трехрогая (пельтовидная) гладкая лунница-подвеска найдена рядом с зеркалом в районе груди погребенной (цв. илл. XV, *15*).

Такие подвески достаточно широко были распространены в римское время и эпоху раннего Средневековья. По мнению С. Ю. Каргопольцева и И. А. Бажана, гладкие лунницы без вставок и филиграни бытуют в основном в IV в., т. е. в период СЗ–D1 (300/320–400/410 гг.); в V в., с появлением полихромных лунниц, гладкие подвески выходят из употребления. Авторы приходят к выводу, что трехрогие лунницы возникают на базе провинциально-римских фибул и накладок (как гладких, так и с эмалевыми вставками) I–II вв. (*Каргопольцев, Бажан*, 1993. С. 113–120. Рис. 1; 4).

Собранные нами параллели в целом подтверждают эту схему, хотя существование гладких лунниц в гуннское и даже в постгуннское время засвидетельствовано рядом находок. Гладкие двухрогие и трехрогие лунницы известны в женских погребениях черняховской культуры на могильниках: Черняхов, Петрикивцы, погр. 3; Косаново, погр. 5; Тыргшор, погр. 82, 155 и 243; Могошань, погр. 39, 57; Фынтынэле Риц, погр. 2; Бырлад-Валя-Сякэ, погр. 407, а также на поселении Демьянов II (*Баран*, 1981. С. 118. Табл. XXIX, *15*; см. библиографию: *Мастыкова*, 2011). Три золотые гладкие лунницы, две трехрогие и одна – двухрогая, были в составе клада Валя-Стрымбэ, обнаруженного в Трансильвании в ареале черняховской культуры и содержавшего предметы черняховского типа. Клад относится к финальной фазе черняховской культуры, периоду D1 (360/370–400/410 гг.), поскольку в нем находились монеты 367–383 гг. (Там же. С. 359–365. Рис. 13).

Подобная трехрогая лунница-подвеска найдена вместе с туалетным набором в погребении 6 в позднеантичном Западном некрополе Фанагории на Таманском полуострове (*Шавырина, Ворошилова*, 2013. С. 458–460. Рис. 26, *1*).

Трехрогие гладкие лунницы представлены в известном кладе Брангструп (Brangstrup) на о. Фюн в Дании, с монетами от 248–251 по 335–337 гг.[5]; в погребении 68 могильника Чаквар (Csákvár) конца IV – начала V в., в Паннонии (*Werner*, 1988. S. 269–274, 285. Abb. 18; 23, *2*).

Такой же формы гладкие лунницы известны в Северной Башкирии на могильнике Бирск, в погребениях 35 и 123 гуннского и постгуннского / шиповского времени (*Мажитов*, 1968. С. 89, 90. Табл. 2, *18–21*; 13, *1*); в Среднем Поволжье в погребении 191 могильника Армиево, которое автор относит к третьей четверти VI в. (*Богачев*, 1992. Рис. 26).

Особый вариант гладких лунниц со слабовыраженными рожками известен в материалах киевской культуры, например в кладе на поселении Роище. Исходя из размеров лунниц, их обычно интерпретируют как элемент конского убора (*Терпиловский*, 1984. С. 31. Табл. 22, *3*; 2004. Рис. 62, *1, 3*).

Металлический браслет с расплющенными окончаниями в виде змеиных головок, имеющих расширение и напоминающих раздутый капюшон кобры, был надет на левое запястье погребенной женщины. Из-за плохой сохранности предмета трудно определить, имелся ли декор на расширенных концах браслета (рис. 3, *4*).

Браслеты с расплющенными орнаментированными и неорнаментированными концами известны в Европе с римского времени (полную библиографию см.: *Мастыкова*, 2009а. С. 66–69).

Подобные браслеты с окончаниями в виде раздутой головы кобры встречаются уже в сарматских материалах I–II вв., например в погребениях 12 и 18 могильника Калантаево в Черкасской обл. (*Покровська, Ковпаненко*, 1961. С. 133, 135. Рис. 7, *1, 3*; *Щукин*, 1994. Рис. 72, *8, 10, 12*). Известен такой браслет в погребении 1N могильника «Городок Николаевка» на Нижнем Днепре (*Ebert*, 1913. Abb. 108, *i*), относящемся, скорее всего, к дочерняховской фазе могильника.

Браслеты с расплющенными окончаниями в виде раздутой головы кобры известны на Северном Кавказе на следующих памятниках: Дюрсо, в погребениях 292, 306, датированных 450–480/90 гг.; Клин-Яр 3 в захоронении 62 времени от 450/460 по 530/570 гг.; Джамагат, погребение 4 конца гуннского времени или ранней фазы шиповского горизонта, т. е. от 430/440 до 500/510 гг. (*Мастыкова*, 2009а. С. 67–69); Харачой, погребение 4 (*Багаев*, 2008. Рис. 152, *7, 8*), которое, по В-образной пряжке, принадлежит горизонту «геральдической» гарнитуры.

На Урале такие браслеты представлены в Бирском могильнике, в погребениях 78 и 138 шиповского / постгуннского горизонта (*Мажитов*, 1968. Табл. 14, *6, 9*; *Амброз*, 1989. Рис. 33, *12*).

В Паннонии подобные браслеты найдены на могильнике Чаквар (Csákvár) в погребениях 10 и 51, относящихся к концу IV – началу V в. (*Salamon, Barkóczi*,

[5] Этот клад также содержит подвеску, типичную для горизонта Унтерзибенбрунн: (*Werner*, 1988. Abb. 18, *10*; ср.: *Capelle*, 1994. S. 23–25. Fig. 15).

1971. Abb. 6, *32*; 1978. 4 kép., *51*). Может быть, стоит отметить и пластинчатый браслет с очень похожими окончаниями с поселения эпохи Великого переселения народов в Нитре в Словакии (*Pieta*, 1993. Obr. 6).

Трудно сказать, можно ли считать аналогией браслет с расплющенными концами схожей формы, но украшенными насечкой и гравировкой, происходящий из погребения 5 могильника Животинное на Верхнем Дону (*Медведев, Винников*, 1989. С. 151–155. Рис. 2, *2*; *Медведев*, 1990. Рис. 29, *16*), которое, по мнению А. М. Обломского, относится к гуннскому/постгуннскому времени (2004. С. 224). Прямой параллелью этой находке из Животинного является браслет из погребения 253 Танаиса, датированного первой половиной III в. (*Арсеньева*, 1977. С. 69–72, 141. Табл. XXXIII, *8*). К ним близок и браслет с расплющенными концами, но без декора, найденный на верхнедонском могильнике Ксизово-19. А. М. Обломский относит этот памятник в целом к гуннскому времени (2011. С. 454).

Металлический туалетный набор из двух стерженьков, надетых на проволочное кольцо с закрученными концами (конец одного стерженька обломан, второй – имеет форму миниатюрной ложечки) был найден рядом с костями левого запястья и бедренной костью (рис. 3, *2*).

Во многих женских погребениях эпохи Великого переселения народов встречены так называемые туалетные наборы. Это два или три металлических стержня, часто с загнутыми концами, обычно интерпретируемые как копоушки, маникюрные инструменты, предметы для чистки зубов и т. д. Нередко эти стерженьки закреплены на металлическом кольце, иногда вместе с так называемыми косметическими ложечками или ложками-цедилками. К туалетным приборам можно отнести и металлические прямые или с загнутыми концами стерженьки, имеющие, иногда, колечко для подвешивания. Подобные туалетные наборы сблизить в эпоху переселения народов хорошо известны в Танаисе, Восточном Крыму, на Северном Кавказе, в Абхазии (*Мастыкова*, 2009а. С. 90, 91. Рис. 111; 112, *1–3*), отмечены они и на Таманском полуострове (*Шавырина, Ворошилова*, 2013. С. 458–460. Рис. 26, *2*).

Они неплохо представлены и в древностях Центральной и Западной Европы того же времени, в частности в «княжеских» находках, таких как Рабапордань (Rábapordány) в Венгрии (*Alföldi*, 1932. Taf. 10), Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn) в Нижней Австрии или Баллер (Balleure) в Бургундии (L'Or des princes barbares…, 2000. № 9, *28*; 10, *9*; 14, *6*).

Металлический пинцет с расширенными концами на проволочном кольце с закрученными концами лежал рядом с туалетным набором возле костей левого запястья и бедренной кости (рис. 3, *3*).

В целом такого рода находки, как пинцеты, широко распространены в Европе в римское время и в раннем Средневековье. В Римской империи они известны уже в I в. н. э. (*d'Ambrosio*, 2001. P. 24, 25), появление этого предмета в женском уборе у варваров произошло, очевидно, под римским влиянием.

Подобные пинцеты встречаются в материалах черняховской культуры, в частности на поселении Великая Бугаевка (*Петраускас, Шишкин*, 2013. С. 64.

Табл. 27, *№ 671*) или на поселении Козары (*Жарова и др*., 2002. С. 119, 120. Рис. 2, *6*).

Известны они и на Боспоре Киммерийском. Например, в Керчи в погребении 2 склепа 78.1907 г., который, будучи семейной усыпальницей, использовался долгое время и датируется широким периодом со второй половиной V до середины VI в. (*Засецкая*, 1998. С. 430–432. Табл. 15, *4*). В некрополе Сиреневая Бухта в склепе 20/8 такой пинцет был обнаружен вместе с туалетным набором (*Масленников*, 1997. Рис. 46, *13*). В «азиатской» части Боспора пинцеты найдены на Ильичевском городище в помещениях XXV и XIX (*Гавритухин, Паромов*, 2003. Табл. 61, *69, 70*).

Пинцет с расширенными концами представлен в уже упоминавшемся погребении у с. Новопокровка в Восточном Крыму вместе с зеркалом типа Карповка – Анке-4 (*Гаврилов*, 1996. Рис. 2, *6*). Данное погребение И. П. Засецкая и ее соавторы обоснованно датируют в пределах последней четверти V – второй половины VI в., т. е. постгуннским временем (*Засецкая и др.*, 2007. С. 15–24).

На Нижнем Дону в погребении Терны пинцет лежал на зеркале, декорированном концентрическими кругами, в районе грудной клетки погребенного, причем на запястье правой руки находился металлический браслет с расплющенными концами в виде стилизованных змеиных головок (*Гудименко*, 1990. Рис. 1, *3, 6, 7*).

На Северном Кавказе подобные пинцеты с расширенными концами были зафиксированы в инвентаре ряда женских погребений эпохи переселения народов (*Мастыкова*, 2009а. С. 89. Рис. 106, *1–6*)[6]. Но встречаются пинцеты в женских погребениях в указанном регионе и позднее, например в Кугульском Западном склепе 3 (*Рунич*, 1975. Рис. 11, *4*).

Для дунайского региона в V в. назовем находки пинцетов на следующих памятниках: погр. 1 некрополя Вранья (Vranja) (*Dautova-Ruševljan*, 1980–1981. Tabl. III, *2*), Соб (Szob) (*Kovrig*, 1957. Pl. 1, *6*), Кишкундорожма (Kiskundorozsma) – пинцет находился на одном колечке с туалетным набором (*Vőrős*, 1985. Tabl. 4), Рабапордань (*Alföldi*, 1932. Taf. 10), Гава (Gáva) (Das Gold von Nyíregyháza…, 1997. Abb. 60, *2*), погр. 14 могильника Вышков (Vyškov) (*Tejral*, 1974. Abb. 2, *8*), погр. 1 и 2 некрополя Хоберсдорф (Hobersdorf) (*Werner*, 1956. Taf. 11, *11, 12*; *Tejral*, 2005. Abb. 4, *C. 5, 16*), погр. 25 Дравлье (Dravlje) (*Slabe*, 1975. Tabl. 7, *2*), погр. 7/37 могильника Велатице (Velatice), погр. 26/23 могильника Новый Шалдорф (Novỳ Šaldorf) (*Tejral*, 1982. Obr. 103, *7*; Obr. 84, *1*).

Железный нож, длиною 13,8 см, в деревянных ножнах, покрытых обкладкой из золотой фольги с чешуйчатым декором, был найден возле левого запястья и бедренной кости погребенной, золотая обкладка сохранилась частично (рис. 4; цв. илл. XVI, *1*).

[6] При этом в погребении 500 некрополя Дюрсо под Новороссийском, как и в захоронении 15 могильника Нижний Джулат в Кабардино-Балкарии, пинцеты были найдены вместе с зеркалами типа Карповка – Анке-4 (*Мастыкова*, 2009а. Табл. 14, *16, 20*; 192, *8, 9*).

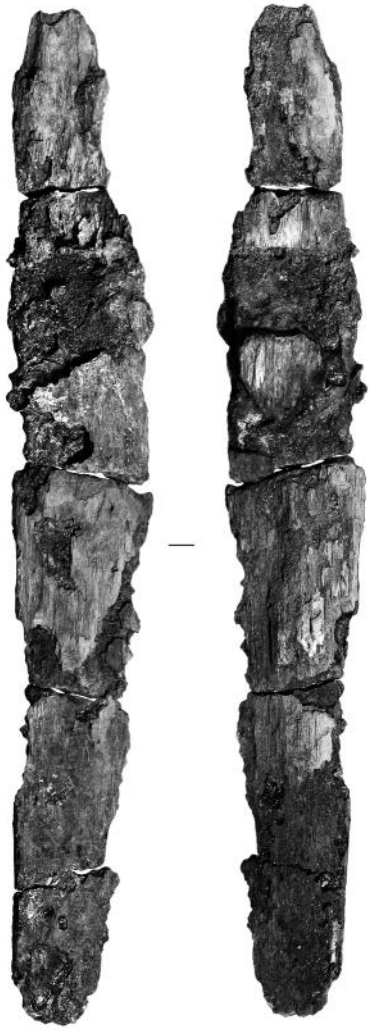


Рис. 4. Железный нож из захоронения № 1 на поселении Мухино-2. Фото С. В. Ольховского

Такого рода декор на ножнах клинкового оружия имел широкое распространение от Волги до Северной Франции, а также известен и на сасанидском оружии (*Казанский*, 2012. С. 332–334).

Например, подобный декор имеется на ножнах клинкового оружия из погребения 17 могильника Байтал-Чапкан на Верхней Кубани (*Минаева*, 1971. Рис. 35, *4*) и из погребения 118 могильника Зарагиж в Кабардино-Балкарии (*Atabiev*, 2000. № 26, *2*).

В кургане 3 у ст. Шипово в Оренбургской обл. был найден кинжал в деревянных ножнах, украшенных тонким золотым листком с чешуйчатым орнаментом (*Засецкая*, 1994. С. 34. Табл. 41, *1*). Как отмечает И. П. Засецкая, находки кинжалов происходят и из боспорских склепов конца IV – первой половины V в. и V–VI вв., и на некоторых из них сохранились золотые обкладки от ножен (Там же. С. 35).

Если говорить о других видах клинкового оружия, то чешуйчатый декор на металлическом листе отмечен на ножнах меча в погребении Якушовице (Jakuszowice) в Южной Польше (*Werner*, 1956. Taf. 16, *3a*; *Anke*, 1998b. Taf. 103, *3*), Блучина (Blučina) в Южной Моравии (L'Or des princes barbares…, 2000. № 33, *2*), Кишкунхалаш (Kiskúnhalas) в Венгрии (*Alföldi*, 1932. Taf. XXXIII; *Werner*, 1956. Taf. 24, *1, 2*).

Фрагменты золотой фольги с чешуйчатым декором были найдены возле костей правой руки (цв. илл. XVI, *2*).

Возле правой руки погребенной сохранились остатки какого-то деревянного изделия, здесь же зафиксированы обрывки обкладки из золотой фольги с чешуйчатым декором, рядом – маленькие металлические заклепки, сохранившиеся на мелких деревянных фрагментах, немного в стороне – обломок металлической накладки с двумя штифтами. Чуть дальше, с правой стороны правой большой берцовой кости, вместе с кусочками дерева лежала гладкая, без декора, целая пластиночка из тонкой золотой фольги прямоугольной формы с дырочками на противоположных концах. Не исключено, что все это остатки деревянной шкатулки, обтянутой золотой фольгой.

Обкладками с подобного рода декором украшали, как мы говорили выше, ножны клинкового оружия, а также и седла (Новогригорьевка, Кизиярская

балка, Владимирское, Шипово: *Засецкая*, 1994. Табл. 2, *10*; 7, *9*; 35, *13*; 41, *8*; Дюрсо: *Дмитриев*, 1979. Рис. 4; Лермонтовская Скала 2/кат. 10 (позолоченная фольга): *Рунич*, 1976. Рис. 6, *1*).

В некоторых других случаях назначение таких фрагментированных обкладок остается неясным. Это находки, например, в погребении у с. Концешты в Румынии, в Крыму – в разрушенном погребении у совхоза им. Калинина, в Саратовской обл. – в разрушенном погребении у дер. Курнаевка и в кургане 18 у г. Покровска (*Засецкая*, 1994. Табл. 19, *13*; 22, *15*; 30, *2*; 31, *17*).

Стеклянные бусы – 15 экз., из них восемь – так называемые крапчатые, две – монохромные, одна – с «золотой» металлической прокладкой, четыре – миллефиори (цв. илл. XVII, *1–19*). Бусы были найдены в районе груди, у левого запястья и бедренной кости погребенной, а также в переотложенном слое в кротовине.

Бусы с «крапчатым» декором (цв. илл. XVII, *1–8*) известны на очень широкой территории от Абхазии и Верхнего Дона до Испании и подробно анализировались нами в предыдущих работах. Пик их распространения приходится на вторую треть V – самое начало VI в. (периоды D2/D3, D3 и D3/E, т. е. примерно от 430/440 по 500/510 гг.). Наиболее показательные находки: Смолин, Кишкунфеледьхаза (Kiskunfélegyháza), Вышков (Vyškov), Аквасанта (Aquasanta), Сен-Мартен-де-Фонтене (Saint-Martin-de-Fontenay) и т. д. Присутствие «крапчатых» бус в мухинском погребении свидетельствует об их появлении во второй четверти V в. «Доживать» бусы этого типа могут до середины – третьей четверти VI в., например: Юрьевская Горка, Лучистое, Плейдельсхайм (Pleidelsheim), Шауйи (Chouy) и т. д. (см. подробнее: *Мастыкова*, 2004. С. 85, 86; *Ivanišević et al.*, 2006. P. 73–76; *Мастыкова*, 2009а. С. 112–115; *Мастыкова, Плохов*, 2010. С. 337–357).

Бусина с «золотой» металлической фольгой-прокладкой (цв. илл. XVII, *9*). Такие стеклянные бусы известны с IV в. до н. э. и существуют очень долго, но на протяжении этого времени некоторые приемы обработки этих бус менялись. Рассматриваемая нами бусина из мухинского погребения имеет плотное соединение основы, металлической фольги-прокладки и верхнего защитного слоя, что является, на наш взгляд, характерным технологическим признаком бус данного типа в IV–VI вв. Бусы с аналогичными свойствами отмечены, например, в склепах 24.06.1904 г. Боспорского некрополя, материал которых относится к последней четверти IV – первой половине V в. (*Засецкая*, 1993. С. 56. Табл. 25, *100*). Известны они и на Северном Кавказе: погр. 2, 17, 45 могильника Клин-Яр 3; в погребении II могильника Брут 2; в погребениях 3.1948 г., 15.1948 г. и 5.1949 г. Пашковского могильника № 1 (подробнее см.: *Ivanišević et al.*, 2006. *Мастыкова*, 2009б. С. 441, 442).

Миллефиори – подобного типа бусы из темно-синего / зеленого стекла с белыми «лепестками» и красной серединкой (цв. илл. XVII, *10, 13, 16, 17*) встречаются нечасто. Можно назвать находки таких бус на Боспоре Киммерийском, в Керчи в погребении 8 и 12 склепа 78.1907 г. второй половины V –

первой половины VI в. (*Засецкая*, 1998. С. 430. Табл. XIII, 3; XVI, 5); в Пантикапее – в погр. 78.1907 г. и погр. 1904 г. (*Алексеева*, 1982. С. 43, 45. Табл. 49, *51, 96*). Аналогичные бусы представлены в женском погребении некрополя Вранья в Сремском Подунавье (Северная Сербия), которое по наличию в нем фибул типа Братеи Я. Тейрал относит к заключительной фазе периода D2 или к начальной фазе периода D2/D3 «варварской» хронологии, т. е. к 430–450 гг. (*Dautova-Ruševljan*, 1980–1981. S. 146–153; *Tejral*, 2005. S. 117, 120. Abb. 2, *6–9*; 2007. S. 78).

Янтарные бусы – 4 экз., три дисковидной формы (одна из них, диско-коническая, очень большого размера) и одна цилиндрической формы (цв. илл. XVII, *11, 14, 18, 19*). Одна янтарная бусина была найдена под правой бедренной костью погребенной, другая (очень большого размера) – слева от левой бедренной кости; две – в переотложенном слое в кротовине вместе со стеклянными бусами.

Крупные и средние янтарные бусы рассматриваемой формы появляются в позднеримское время и получают широкое распространение (от волжских степей и Абхазии до Пиренейского полуострова), особенно в течение всего V – первой половины VI в., но известны и позднее, до первой трети VII в. (подробнее см.: *Казанский, Мастыкова*, 1998. С. 121–125; *Мастыкова*, 2001. С. 78–89; *Мастыкова*, 2009а. С. 95–98. Рис. 114, *3–8*).

Подобные бусы известны и в Боспорском некрополе: погр. 7 в склепе 180/1904 г., относящемся, по периодизации И. П. Засецкой, к третьей хронологической группе, т. е. второй половине VI – началу VII в.; погр. 8, 12 склепа 78/1907 г., датированном второй половиной V – серединой VI в.; в склепах 24.06.1904 г., которые И. П. Засецкая датирует последней четвертью IV – первой половиной V в. (*Засецкая*, 1998. С. 432, 433. Табл. XIX; XVI, *4–7, 14*; XIII, *1–5, 16–18*; *Засецкая*, 1993. С. 56. Табл. 25, *100*). Или, например, в погребении Синявка гуннского времени, открытого близ Танаиса; целое ожерелье из дисковидных янтарных бус было обнаружено в разрушенном женском погребении также гуннского времени у дер. Березовка Саратовской обл. (*Каменецкий, Кропоткин*, 1962. Рис. 2, *5*; *Засецкая*, 1994. С. 112–114. Табл. 28, *3*).

Для северокавказского региона это также довольно распространенный тип янтарных бус, встречается на памятниках как в Западном, так и в Центральном Предкавказье, которые фиксируются в хронологических рамках гуннского и постгуннского горизонтов, т. е. от 360/370 по 530/570 гг. (*Мастыкова*, 2009а. С. 95–98).

Происхождение убора

Как мы видим, в погребении с поселения Мухино-2 представлен выразительный погребальный инвентарь: бляшки-аппликации из золотой фольги округлой, треугольной и зигзагообразной формы и золотые пронизи; металлические трехрогая лунница, зеркало типа Карповка–Анке-4, туалетный набор, пинцет, браслет с расплющенными окончаниями в виде змеиных головок; железный нож с обкладкой из золотой фольги с чешуйчатым декором; стеклянные, в том числе «крапчатые» и янтарные, бусы (цв. илл. XV, XVI, XVII; рис. 3; 4).

На первый взгляд, наличие таких «кочевнических» предметов, как металлическое зеркало или нашивные золотые аппликации, а особенно отсутствие двупластинчатых фибул создают впечатление, что данное захоронение принадлежит к кругу степных (*Обломский*, 2005. С. 107) или, конкретнее, алано-сарматских (*Зиньковская*, 2008. С. 49). Однако при внимательном изучении составляющих погребального инвентаря складывается иная картина. Так, зеркало, традиционно считающееся сарматским элементом, представлено в мухинском погребении конкретным типом – Карповка–Анке-4 (рис. 3, *1*), который, как уже подчеркивалось, распространен практически только у оседлого населения, в первую очередь Северного Причерноморья и Западного Предкавказья. Наличие нашивных золотых аппликаций (цв. илл. XV, *1–9*) указывает скорее на северопонтийское происхождение мухинского убора, а не алано-сарматское, поскольку, как уже неоднократно отмечалось, подобные аппликации исчезают в степных сармато-аланских комплексах в III–IV вв., но продолжают существовать в позднеримское время только в северопонтийском престижном костюме (см.: *Мастыкова, Казанский*, 2005; *Казанский, Мастыкова*, 2009; *Мастыкова*, 2014).

Показательно отсутствие в мухинском уборе пары двупластинчатых фибул, типичных для восточногерманского костюма (*Bierbrauer*, 1975. S. 71–78). Это также указывает на культурную традицию оседлого населения Северного Понта, где для гуннского времени известны параллели убора без двупластинчатых фибул, но зато с золотыми накладками и пронизками: Керчь, гробница 11.1899 г./ингумация 1; склеп 340.1903 г./ингумация 1; склеп 165.1904 г./ингумация 4; склеп 176.1904 г./ингумация 1; Танаис, погр 10.1981 г. (*Думберг*, 1901. С. 80–93; *Шкорпил*, 1905. С. 69, 70; *Засецкая*, 1993. С. 83, 87. Табл. 53, *287*; 57, *325*; *Шкорпил*, 1907. С. 52–54; *Арсеньева, Безуглов, Толочко*, 2001. Табл. 6).

Наши предположения о принадлежности захороненной женщины к оседлому населению и об истоках происхождения ее убора подтверждаются данными антропологической экспертизы. Для реконструкции рациона питания были проведены атомно-абсорбционный элементный и изотопный анализы, которые показали умеренную долю белковой пищи в каждодневном рационе этой женщины, но активное употребление растений С4 (просо). Подобное сочетание указывает скорее на структуру питания, характерную для оседлого населения. Как предполагают антропологи, большую часть своей жизни она прожила в более южных районах в условиях достаточно аридных ландшафтов (*Мастыкова и др.*, 2013; *Добровольская и др.*, 2014).

* * *

Подведем итоги. Женский убор с золотыми аппликациями имеет, скорее всего, северопричерноморские истоки и более всего связан с культурой оседлого населения позднеантичных центров Северного Понта. Похожий костюм распространялся у различных варварских народов (готов, алан, гепидов, свевов, вандалов), а также у эллинизированного населения Боспора Киммерийского, он отражает гетерогенный характер правящих варварских элит гуннского времени и не может быть отнесен к какому-то определенному этносу.

Точная дата мухинского захоронения определяется по сочетанию в погребальном инвентаре золотых аппликаций (цв. илл. XV, *1–9*), типичных для горизонта Унтерзибенбрунн (период D2: 380/400–440/450 гг.) и практически отсутствующих в последующем по времени горизонте Смолин (период D2/D3: 430/440–470/480 гг.), и «крапчатых» бус (цв. илл. XVII, *1–8*), неизвестных для горизонта Унтерзибенбрунн, но хорошо представленных в древностях горизонта Смолин. Скорее всего, погребение Мухино можно отнести к концу периода D2 – началу D2/D3, т. е. приблизительно 430–450 гг.

На сегодняшний день это единственное «княжеское» погребение гуннского времени на Верхнем Дону. Погребение Мухино сопоставимо с «княжескими» женскими могилами восточных германцев эпохи Великого переселения народов, такими как Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn), Хохфельден (Hochfelden), Баллер (Balleure), Регей (Regöly), Эран (Airan), Кудиат-Затер (Kudiat-Zateur) и др. (библиографию см.: *Мастыкова, Казанский*, 2005. С. 253–268). Эти захоронения Ф. Бирбрауер выделил в категорию Ia своей иерархии восточногерманских могил (*Bierbrauer*, 1989. S. 81).

Подобные «княжеские» могилы маркируют некие центры власти «варварских» предгосударственных образований и показывают существование общей иерархической системы у территориально удаленных друг от друга варварских социумов (*Мастыкова*, 2008. С. 154, 155).

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Г1–12. М.: Наука. 105 с.

Амброз А. К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука. 134 с.

Арсеньева Т. М., 1977. Некрополь Танаиса. М.: Наука. 152 с.

Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В., 2001. Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф. 274 с.

Багаев М. Х., 2008. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н. э. – XII в. н. э. М.: Наука. 455 с.

Баран В. Д., 1981. Черняхівска культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ: Наукова думка. 264 с.

Богачев А. В., 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара: Артефакт. 207 с.

Гаврилов А. В., 1996. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // МАИЭТ. Вып. V. С. 111–113, 516, 517.

Гавритухин И. О., Паромов Я. М., 2003. Ильичевское городище и поселения его округи // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 152–157.

Гудименко И. В., 1990. Погребение эпохи раннего средневековья из дельты Дона // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9 / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 88–93.

Дмитриев А. В., 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. № 4. С. 212–229.

Добровольская М. В., Земцов Г. Л., Мастыкова А. В., Медникова М. Б., 2014. Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону: биоархеологическая реконструкция // РА.

Думберг К. Е., 1901. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1899 г. // ИАК. Вып. 1. С. 80–93.

Жарова Т. М., Жаров Г. В., Терпиловський Р. В., 2002. Дослідження в зоні новобудов на Чернігівщині // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. Київ: НАНУ ІА. С. 118–120.

Засецкая И. П., 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. Вып. III. С. 23–105.

Засецкая И. П., 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V в.). СПб.: Эллипс, Лтд. 223 с.

Засецкая И. П., 1998. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. Вып. VI. С. 394–478.

Засецкая И. П., 2010. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // АСГЭ. Вып. 38. С. 123–159.

Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С., 2007. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: Гос. Эрмитаж. 212 с.

Земцов Г. Л., 2003. Миграционные потоки III–V вв. н. э. и Верхнедонской регион (на примере поселения Мухино 2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина. С. 108–116.

Земцов Г. Л., 2004. Отчет о проведении археологических работ в Задонском районе Липецкой области экспедицией Липецкого государственного педагогического университета в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 28007.

Земцов Г. Л., 2012. Липецкий край в III–V веках. Тула: Гриф и К. 206 с.

Зиньковская И. В., 2008. Поселение и могильник раннегуннского времени на Животинном городище // Древности эпохи Средневековья Евразийской лесостепи / Отв. ред. А. З. Винников. Воронеж: Воронежский государственный ун-т. С. 32–51.

Казанский М. М., 2012. К истории парадного клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на Северном Кавказе: кинжал и скрамасакс // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: материалы Междунар. науч. конф. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала: Мавраевъ. С. 332–334.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 1998. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // ИАА. Вып. 4. С. 102–135.

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2009. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. № 1: Археология / Отв. ред. А. З. Винников, М. И. Лылова. Воронеж: Воронежский государственный ун-т. С. 225–251.

Каменецкий И. С., Кропоткин В. В., 1962. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. № 3. С. 235–240.

Каргопольцев С. Ю., Бажан И. А., 1993. К вопросу об эволюции трехрогих пельтовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) // Петербургский археологический вестник. № 7. С. 113–122.

Киши А., 1995. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура / Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ. С. 79–100.

Мажитов Н. А., 1968. Бахмутинская культура. М.: Наука. 162 с.

Масленников А. А., 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.: ИА РАН. 108 с.

Мастыкова А. В., 2001. Раннесредневековые бусы северокавказского могильника Клин-Яр III (по раскопкам В. С. Флёрова) // Практика и теория археологических исследований: Труды отдела охранных раскопок / Отв. ред. А. С. Смирнов. М.: ИА РАН. С. 56–104.

Мастыкова А. В., 2004. Стеклянные бусы комплекса поселений у с. Замятино // Острая Лука Дона в древности: Замятинский археологический комплекс гуннского времени / Сост. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 84–88. (Раннеславянский мир; вып. 6.)

Мастыкова А. В., 2008. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XXI. С. 149–159.

Мастыкова А. В., 2009а. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.

Мастыкова А. В., 2009б. Раннесредневековые бусы могильника Брут 2 // Габуев Т. А., Малашев В. Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. С. 438–452.

Мастыкова А. В., 2011. Женский костюм черняховской культуры с двупластинчатыми фибулами // Петербургский апокриф. Послание от Марка: Сборник посвящен памяти М. Б. Щукина / Отв. ред. О. В. Шаров. СПб.; Кишинев: Ун-т «Высшая антропологическая школа». С. 341–365. (Stratum библиотека.)

Мастыкова А. В., 2014. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов // КСИА. № 232. С. 136–150.

Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Медникова М. Б., Земцов Г. Л., 2013. Привилегированное женское погребение Мухино эпохи Великого переселения народов на Верхнем Дону: данные антропологии // Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия: 5-я Междунар. конф. «Алексеевские чтения» памяти академиков Т. И. Алексеевой и В. П. Алексеева. 6–8 ноября 2013 г. Москва / Отв. ред. А. П. Бужилова, М. В. Добровольская, М. Б. Медникова. М.: ИА РАН. С. 60.

Мастыкова А. В., Казанский М. М., 2005. О происхождении «княжеского» женского костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМе. Апрель 2003 г. / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: Государственный исторический музей. С. 253–268. (Труды ГИМ; Вып. 145.)

Мастыкова А. В., Плохов А .В., 2010. Датировка и происхождение стеклянных бус из могильника у оз. Съезжее // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рожд. Е. Н. Носова / Отв. ред. А. Е. Мусин, Н. В. Хвощинская. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 337–357.

Медведев А. П., 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж: Воронежский ун-т. 220 с.

Медведев А. П., Винников А. З., 1989. Грунтовый могильник на Животинном городище // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи / Отв. ред. А. Т. Синюк. Воронеж: ВГПИ. С. 148–156.

Минаева Т. М., 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во. 248 с.

Обломский А. М., 1999. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднеримское и гуннское время // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий государственный педагогический ин-т. С. 127–133.

Обломский А. М., 2004. Раннесредневековое трупоположение у с. Лихачевка Полтавской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем Средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение. С. 221–227.

Обломский А. М., 2005. Проблемы изучения памятников Верхнего Подонья гуннского времени // КСИА. № 219. С. 104–120.

Обломский А. М., 2011. Причерноморские элементы на памятниках Верхнего Подонья середины I тыс. н. э. // Петербургский апокриф. Послание от Марка: Сборник посвящен памяти М. Б. Щукина / Отв. ред. О. В. Шаров. СПб.; Кишинев: Ун-т «Высшая антропологическая школа». С. 443–462. (Stratum библиотека.)

Петраускас О. В., Шишкин Р. Г., 2013. Могильник и поселение черняховской культуры у с. Великая Бугаевка. Киев: ИА НАН Украины, ИИО НПУ им. М. П. Драгоманова. 412 с.

Покровська Є. Ф., Ковпаненко Г. Т., 1961. Могильник біля с. Калантаєво // Археологія. Том XII. Київ. С. 129–142.

Рунич А. П., 1975. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1975 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 5624.

Рунич А. П., 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. № 3. С. 256–266.

Терпиловский Р. В., 1984. Ранние славяне Подесенья III–V вв. Киев: Наукова думка. 124 с.

Терпиловский Р. В., 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. 232 с.

Шавырина Т. Г., Ворошилова О. М., 2013. Исследования Западного некрополя Фанагории (по материалам раскопок 1987–2000 гг.) // Фанагория. Т. 1: Материалы по археологии и истории Фанагории / Ред. В. Д. Кузнецов. М.: ИА РАН. С. 415–481.

Шкорпил В. В., 1905. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // ИАК. Вып. 17. С. 1–76.

Шкорпил В. В., 1907. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // ИАК. Вып. 25. С. 1–66.

Щукин М. Б., 1994. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. – I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн. 324 с.

Alföldi A., 1932. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 90 S.

Anke B., 1998a. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Teil 1. Weissbach: Beier & Beran. Archäologischen Fachliteratur. 224 S.

Anke B., 1998b. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Teil 2. Weissbach: Beier & Beran. Archäologischen Fachliteratur. 156 S.

Ambrosio d'A., 2001. Women and Beauty in Pompeii. Rome: «L'Erma» di Bretschneider. 67 p.

Atabiev B., 2000. Tombe 118 de Zaragij, Caucase du Nord (République de Kabardino-Balkarie, Fédération de Russie) // L'Archeologue Nouvelle. № 50. P. 26, 27.

Bierbrauer V., 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi Sull'alto Medioevo. 378 S.

Bierbrauer V., 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Mittelalters // Peregrinatio Gothica. Lódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Lódzkiego. S. 39–106.

Capelle T., 1994. Die Miniaturenkette von Szilágysomlyó (Şimleul Silvaniei). Bonn: In Kommission bei Dr. Rudolf Habelt GmbH. 112 S.

Das Gold von Nyíregyháza. Archäologische Fundkomplexe mit Goldgegenständen in der Sammlung des Jósa-András-Museums Nyíregyháza Nyíregyháza: Jósa-András-Museums, 1997. 183 p.

Dautova-Ruševljan V., 1980–1981. Ein Germanisches Grab auf dem Fundort Vranja bei Hrtkovci in Syrmien // Archaeologia Iugoslavica. Vol. 20–21. S. 146–153.

Ebert M., 1913. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnepr, Gouv. Cherson // Praehistorische Zeitschrift. V. Heft 1/2. S. 80–100.

Godlowski K., 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego. 124 p.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A., 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. 351 p.

Kovrig I., 1957. Nouvelles trouvailles du Ve siècle découvertes en Hongrie (Szob, Pilismarót, Csövár, Némekér) // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. X/1–2. P. 209–225.

L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve sicècle après J.-C. Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux, 2000. 223 p.

Mastykova A., Kazanski M., 2006. À propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations : le costume à appliques en or // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss. V–

VII). Balance y Perspectivas / Eds J. López Quiroga, A. M. Martínez Tejera, J. Moríin de Pablos. Oxford: Archaeopress. P. 289–305. (BAR. International Series; 1534.)

Pieta K., 1993. Osídlenie z doby rímskej a stáhovani národov v Nitre // Nitra. Príspevky k najstaršim dejinám / Ed. K. Pieta. Nitra: Archeologický ústav SAV. 179 s.

Salamon Á., Barkóczi L., 1971. Bestattungen von Csákvár aus dem Ende des 4. und dem Anfang des 5. Jahrhunderts // Alba Regia. № 11. S. 35–80.

Salamon Á., Barkóczi L., 1978. Régészeti adatok Pannónia késörómai periodizációjahoz (376–476) // Archæologiai Értesitö. 2 (vol. 105). P. 180–204.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. (BAR. International Series; 1535). Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p.

Slabe M., 1975. Dravlje. Grobišče iz časov preseljevanja ljudstev // Ljubljana: Narodni muzej. 157 s.

Tejral J., 1974. Völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Vyškov (Mähren). Praha: Československá akademia věd. 87 S.

Tejral J., 1982. Morava na sklonku antiky. Praha: Československá akademia věd. 254 s.

Tejral J., 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. Bd. 72. S. 223–304.

Tejral J., 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum / Hrsg. J. Tejral, H. Friesnger, M. Kazanski. Brno: Archeologiský Ústav Akademie věd České Republiky Brno. 321–392.

Tejral J., 2005. Zur Unterscheidung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses // Die Langobarden. Herrschaft und Identität / Hrsg. W. Pohl, P. Erhart. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. S. 103–200.

Tejral J., 2007. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologiský Ústav Akademie věd České Republiky Brno. S. 55–119.

Vőrős G., 1985. V. századi leletek a kiskundorozsmaí Kenyérváró dombról // Mora Ferenz Muzeum Evkönyve 1984–1985. P. 11–28.

Werner J., 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 138 S.

Werner J., 1988. Dančeny und Brangstrup. Untersuchungen zur Černjachov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den «Reichtumszentren» auf Fünen // Bönner Jahrbücher. Bd. 188. S. 241–286.

Сведения об авторах.

Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия: e-mail: amastykova@mail.ru;

Земцов Григорий Леонидович, ФГБОУ ВПО «ЛГПУ», ул. Ленина, 42, Липецк, 398055, Россия; e-mail: grizem@rambler.ru.

A. V. Mastykova, G. L. Zemtsov

A «princely» female burial in the Mukhino-2 settlement from the Hunnic period in the upper reaches of the River Don

Abstract. This article focuses attention on female burial № 1 discovered in the multilevel settlement of Mukhino-2 (Zadonsk District of the Lipetsk Region) on the left bank of

the River Snova not far from the point where it flows into the River Don (Fig. 1). The burial from Mukhino contained a striking range of grave goods: facings made of gold leaf of various shapes and gold long beads; a metal lunular pendant, a mirror, a toilet set, tweezers and a bracelet; an iron knife faced with embossed gold leaf; glass and amber beads (Figs 3–4). A range of female jewellery of this kind complete with gold appliques would have originated from the North Pontic region. The burial numbers among the «princely» finds from the Hunnic period. The burial from the Mukhino-2 settlement can be dated to either the end of the D2 period or to the beginning of the D2/D3 period of «barbarian» European chronology, i.e. to approximately 430–450 AD. Anthropological examination of the skeletal remains has revealed that they belong to a woman aged between 20 and 29. The absence of any enamel hypolplasia of teeth shows that her childhood had been a fairly prosperous one. Atomic absorption analysis made it possible to assume that the woman had spent most of her life in rather arid landscapes. This is still the only «princely» burial from the Hunnic period which has been found in the upper reaches of the Don. It substantially changed our ideas about the spread of prestigious cultures centred on «leaders» of the Untersiebenbrunn type.

Keywords: Hunnic period, Untersiebenbrunn horizon, «princely» female burial, Late Classical centres of the North Pontic zone.

REFERENCES

Alekseyeva Ye. M., 1982. Antichnyye busy Severnogo Prichernomor'ya [Antique beads of North Pontic zone], 3. Moscow: Nauka. 105 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G1-12).

Alföldi A., 1932. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 90 p.

Ambrosio d'A., 2001. Women and Beauty in Pompeii. Rome: «L'Erma» di Bretschneider. 67 p.

Ambroz A. K., 1989. Khronologiya drevnostey Severnogo Kavkaza V–VII vv. [Chronology of antiquities of North Caucasus of V–VII cc.]. Moscow: Nauka. 134 p.

Anke B., 1998. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts, 1. Weissbach: Beier & Beran. 224 p.

Anke B., 1998. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts, 2. Weissbach: Beier & Beran. 156 p.

Arsen'yeva T. M., 1977. Nekropol' Tanaisa [Necropolis of Tanais]. Moscow: Nauka. 152 p.

Arsen'yeva T. M., Bezuglov S. I., Tolochko I. V., 2001. Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981–1995 gg. [Necropolis of Tanais. Excavations of 1981–1995]. Moscow: Paleograf. 274 p.

Atabiev B., 2000. Tombe 118 de Zaragij, Caucase du Nord (République de Kabardino-Balkarie, Fédération de Russie). *L'Archeologue Nouvelle*, 50, pp. 26, 27.

Bagayev M. Kh., 2008. Kul'tura gornoy Chechni i Dagestana v drevnosti i srednevekov'ye. VI v. do n. e. – XII v. n. e. [Cultures of mountainous Chechnya and Dagestan in antiquity and Middle Ages. VI c. BC – XII c. AD]. Moscow: Nauka. 455 p.

Baran V. D., 1981. Chernyakhivska kul'tura. Za materialami Verkhn'ogo Dnistra i Zakhidnogo Bugu [Chernyakhov culture. On materials of Upper Dniester and West Bug]. Kiïv: Naukova Dumka. 264 p.

Bierbrauer V., 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi Sull'alto Medioevo. 378 p.

Bierbrauer V., 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Mittelalters. *Peregrinatio Gothica*. Lódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Lódzkiego, pp. 39–106.

Bogachev A. V., 1992. Protsedurno-metodicheskiye aspekty arkheologicheskogo datirovaniya (na materialakh poyasnykh naborov IV–VIII vv. [Processual-methodical aspects of archaeological dating (on materials of belt-sets of IV–VIII cc. of Middle Volga reaches]. Samara: Artefakt. 207 p.

Capelle T., 1994. Die Miniaturenkette von Szilágysomlyó (Şimleul Silvaniei). Bonn: In Kommission bei Dr. Rudolf Habelt GmbH. 112 p.

Das Gold von Nyíregyháza. Archäologische Fundkomplexe mit Goldgegenständen in der Sammlung des Jósa-András-Museums Nyíregyháza, 1997. Nyíregyháza: Jósa-András-Museums. 183 p.

Dautova-Ruševljan V., 1980–1981. Ein Germanisches Grab auf dem Fundort Vranja bei Hrtkovci in Syrmien. *Archaeologia Iugoslavica*, 20–21, pp. 146–153.

Dmitriyev A. V., 1979. Pogrebeniya vsadnikov i boyevykh koney v mogil'nike epokhi pereseleniya narodov na r. Dyurso bliz Novorossiyska [Burials of riders and battle horses in cemetery of Great Migration period on Dyurso River near Novorossiysk]. *SA*, 4, pp. 212–229.

Dobrovol'skaya M. V., Zemtsov G. L., Mastykova A. V., Mednikova M. B., 2014. Privilegirovannoye zhenskoye pogrebeniye s poseleniya Mukhino 2 gunnskogo vremeni na Verkhnem Donu: bioarkheologicheskaya rekonstruktsiya [Privilege female burial from settlement Mukhino 2 of Hun time on Upper Don: bioarchaeological reconstruction]. *RA*, in print.

Dumberg K. E., 1901. Izvlecheniye iz otcheta o raskopkakh grobnits v g. Kerchi i yego okrestnostyakh v 1899 g. [Extracts from report on excavations of tombs in city of Kerch and its vicinity in 1899]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii* [*Proceedings of Imperial Archaeological Commission*], 1, pp. 80–93.

Ebert M., 1913. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnepr, Gouv. Cherson. *Praehistorische Zeitschrift*, V, Heft 1/2, pp. 80–100.

Gavrilov A. V., 1996. Pogrebeniye kochevnika na antichnom poselenii v Vostochnom Krymu [Burial of a nomad at Classical settlement in Eastern Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria*], V, pp. 111–113, 516, 517.

Gavritukhin I. O., Paromov Ya. M., 2003. Il'ichevskoye gorodishche i poseleniya yego okrugi [Il'ichevka hillfort and settlements of its neighbourhood]. *Krym, Severo-Vostochnoye Prichernomor'ye i Zakavkaz'ye v epokhu srednevekov'ya: IV – XIII veka* [*Crimea, North-Eastern Pontic zone and Transcaucasia in the epoch of Middle Ages: IV–XIII centuries*], T. I. Makarova, S. A. Pletneva, eds. Moscow: Nauka, pp. 152–157.

Godłowski K., 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego. 124 p.

Gudimenko I. V., 1990. Pogrebeniye epokhi rannego srednevekov'ya iz del'ty Dona [Burial of early medieval epoch from Don delta]. *Istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g.* [*Historical-archaeological researches in city Azov and on Lower Don in 1989*], 9. V. E. Maksimenko, ed. Azov: Azovsky krayevedchesky muzey, pp. 88–93.

Ivanišević V., Kazanski M., Mastykova A., 2006. Les nécropoles de Viminacium à l'époque des Grandes Migrations. Paris: Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. 351 p.

Kamenetsky I. S., Kropotkin V. V., 1962. Pogrebeniye gunnskogo vremeni bliz Tanaisa [Burial of Hun time near Tanais]. *SA*, 3, pp. 235–240.

Kargopol'tsev S. Yu., Bazhan I. A., 1993. K voprosu ob evolyutsii trekhrogikh pel'tovidnykh lunnits v Yevrope (III–VI vv.) [On problem of evolution of three-horned pelt-shaped lunulae in Europe (III–VI cc.)]. *Peterburgsky arkheologichesky vestnik* [*Petersburg archaeological bulletin*], 7, pp. 113–122.

Kazansky M. M., 2012. K istorii paradnogo klinkovogo oruzhiya epokhi Velikogo pereseleniya narodov na Severnom Kavkaze: kinzhal i skramasaks [On history of ceremonial blade weapons of Great Migration Period in North Caucasus: dagger and scramasax]. *Noveyshiye otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: issledovaniya i interpretatsii: XXVII Krupnovskiye chteniya* [*Newest discoveries in archaeology of North Caucasus. Researches and interpretations. XXVII Krupnov readings*]. Makhachkala: Izdatel'sky dom «Mavrayev», pp. 332–334.

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 1998. Germanskiye elementy v kul'ture naseleniya Severnogo Kavkaza v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [German elements in culture of population of North Caucasus in Great Migration Period]. *Istoriko-arkheologichesky al'manakh Armavirskogo krayevedcheskogo muzeya* [*Historical-archaeological miscellany*], 4, Armavir: Armavirsky krayevedchesky muzey, pp. 102–135.

Kazansky M. M., Mastykova A. V., 2009. Kochevyye i osedlyye varvary v Vostochnoy Yevrope v gunnskuyu epokhu [Nomadic and settled barbarians in Eastern Europe in Hun epoch]. *Divnogorsky sbornik: trudy muzeya-zapovednika «Divnogor'ye»* [*Divnogor'ye annual: publications of museum-reserve «Divnogor'ye»*], 1: Arkheologiya. A. Z. Vinnikov, M. I. Lylova, eds. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 225–251.

Kiss A., 1995. Opyt issledovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov alan v Zapadnoy Yevrope i Severnoy Afrike [Case study of archaeological sites of Alans in Western Europe and North Africa]. *Alany: istoriya i kul'tura* [*Alans: history and culture*]. V. Kh. Tmenov, ed. Vladikavkaz: Severo-Osetinsky institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovany im. V. I. Abayeva, pp. 79–100.

Kovrig I., 1957. Nouvelles trouvailles du Ve siècle découvertes en Hongrie (Szob, Pilismarót, Csövár, Némekér). *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, X/1-2, pp. 209–225.

L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve sicècle après J.-C., 2000. Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux. 223 p.

Maslennikov A. A., 1997. Semeynyye sklepy sel'skogo naseleniya pozdneantichnogo Bospora [Family vaults of rural population of late Classical Bosporus]. Moscow: IA RAN. 108 p.

Mastykova A., Kazanski M., 2006. À propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations: le costume à appliques en or. *Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss. V–VII). Balance y Perspectivas*. J. López Quiroga, ed. (BAR. International Series; 1534). Oxford: Archaeopress, pp. 289–305.

Mastykova A. V., 2001. Rannesrednevekovyye busy severokavkazskogo mogil'nika Klin-Yar III (po raskopkam V. S. Flyorova) [Early medieval beads of North Caucasian cemetery Klin-Yar III (on excavations by V. S. Flyorov)]. *Praktika i teoriya arkheologicheskikh issledovany: Trudy otdela okhrannykh raskopok* [*Practice and theory of archaeological research: Proceedings of department of rescue excavations*]. A. S. Smirnov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 56–104.

Mastykova A. V., 2004. Steklyannyye busy kompleksa poseleny u s. Zamyatino [Glass beads of settlement complex near village Zamyatino]. *Ostraya Luka Dona v drevnosti: Zamyatinsky arkheologichesky kompleks gunnskogo vremeni* [*The past of Ostraya Luka of the River Don: Zamyatino archaeological association of Hun time*]. A. M. Oblomsky, comp. Moscow: IA RAN, pp. 84–88. (Ranneslavyansky mir, pp. 6).

Mastykova A. V., 2008. «Varvarskiye korolevstva» epokhi Velikogo pereseleniya narodov u alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [«Barbarian kingdoms» of the epoch of Migration Period among Alans of Central Caucasus Piedmonts]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of history, philology, culture*], XXI, pp. 149–159.

Mastykova A. V., 2009. Zhensky kostyum Tsentral'nogo i Zapadnogo Predkavkaz'ya v kontse IV – seredine VI v. n. e. [Female costume of Central and West Caucasus Piedmont in the end of IV – middle VI cc. AD]. Moscow: IA RAN. 502 p.

Mastykova A. V., 2009b. Rannesrednevekovyye busy mogil'nika Brut 2 [Early medieval beads of cemetery Brut 2]. *Gabuyev T. A., Malashev V. Yu. Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh rayonov Severnogo Kavkaza* [*Early Alans' sites in central regions of North Caucasus*]. Moscow: Taus, pp. 438–452.

Mastykova A. V., 2011. Zhensky kostyum chernyakhovskoy kul'tury s dvuplastinchatymi fibulami [Female costume of Chernyakhov culture with two-plate fibulae]. *O. V. Sharov. Peterburgsky apokrif. Poslaniye ot Marka: Sbornik posvyashchen pamyati M. B. Shchukina* [*Petersburg apocrypha. Epistle from Marcus: Collection of articles devoted to memory of M. B. Shchukin*]. St. Petersburg; Kishinev: Universitet «Vysshaya antropologicheskaya shkola», pp. 341–365. (Stratum biblioteka).

Mastykova A. V., 2014. «Knyazhesky» kostyum s zolotymi applikatsiyami v epokhu Velikogo pereseleniya narodov [«Princely» costume with gold appliqués during the period of the Great Migration of the peoples]. *KSIA*, 232, pp. 136–150.

Mastykova A. V., Dobrovol'skaya M. V., Mednikova M. B., Zemtsov G. L., 2013. Privilegirovannoye zhenskoye pogrebeniye Mukhino epokhi Velikogo pereseleniya narodov na Verkhnem Donu: dannyye antropologii [Privilege female burial from settlement Mukhino of Great Migration Period on Upper Don: anthropological data]. *Chelovek v okruzhayushchey srede: etapy vzaimodeystviya* [*Man in environment: stages of interaction*]. A. P. Buzhilova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 60.

Mastykova A. V., Kazansky M. M., 2005. O proiskhozhdenii «knyazheskogo» zhenskogo kostyuma varvarov gunnskogo vremeni (gorizont Unterzibenbrunn) [On origin of «princely» female costume of barbarians of Hun time (horizon Untersiebenbrunn)]. *II Gorodtsovskiye chteniya* [*II Gorodtsov readings*]. I. V. Belotserkovskaya, ed. Moscow: Gosudarstvenny Istorichesky muzey, pp. 253–268. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya, 145.)

Mastykova A. V., Plokhov A. V., 2010. Datirovka i proiskhozhdeniye steklyannykh bus iz mogil'nika u oz. S'yezzheye [Dating and origins of glass beads from cemetery near S'yezzheye Lake]. *Dialog kul'tur i narodov srednevekovoy Yevropy* [*Dialog of cultures and peoples of medieval Europe*]. A. E. Musin, N. V. Khvoshchinskaya, eds. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, eds. 337–357.

Mazhitov N. A., 1968. Bakhmutinskaya kul'tura [Bakhmutino culture]. Moscow: Nauka. 162 p.

Medvedev A. P., 1990. Sarmaty i lesostep' (po materialam Podon'ya) [Sarmatians and forest-steppe (on materials of Don basin)]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 220 p.

Medvedev A. P., Vinnikov A. Z., 1989. Gruntovy mogil'nik na Zhivotinnom gorodishche [Ground cemetery at Zhivotinnoye fortified settlement]. A. T. Sinyuk. *Problemy arkheologicheskogo izucheniya Dono-Volzhskoy lesostepi* [*Problems of archaeological research of Don-Volga forest-steppe*]. Voronezh: Voronezhsky gosudarstvenny pedagogichesky institute, pp. 148–156.

Minayeva T. M., 1971. K istorii alan Verkhnego Prikuban'ya po arkheologicheskim dannym [On history of Alans of Upper Kuban region on archaeological data]. Stavropol': Stavropol'skoye knizhnoye izdatel'stvo. 248 p.

Oblomsky A. M., 1999. O ritmakh razvitiya lesostepnogo Podneprov'ya i Podon'ya v pozdnerimskoye i gunnskoye vremya [On rythms of development of forest-steppe in Dnieper and Don regions in late Roman time]. *Arkheologiya Tsentral'nogo Chernozem'ya i sopredel'nykh territory* [*Archaeology of Central black earth zone and adjacent territories*]. A. N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Izdatel'stvo Lipetskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute, pp. 127–133.

Oblomsky A. M., 2004. Rannesrednevekovoye trupopolozheniye u s. Likhachevka Poltavskoy oblasti [Early mediaeval inhumation burial near village Likhachevka, Poltava Region]. *Kul'turnyye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem Srednevekov'ye* [*Cultural transformations and mutual influence in Dnieper region in the end of Roman time and early Middle Ages*]. St. Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye, pp. 221–227.

Oblomsky A. M., 2005. Problemy izucheniya pamyatnikov Verkhnego Podon'ya gunnskogo vremeni [Problems of investigation of Upper Don sites of Hun time]. *KSIA*, 219, pp. 104–120.

Oblomsky A. M., 2011. Prichernomorskiye elementy na pamyatnikakh Verkhnego Podon'ya serediny I tys. n. e. [Pontic elements at Upper Don sites of mid I mill. AD]. *Peterburgsky apokrif. Poslaniye ot Marka: Sbornik posvyashchen pamyati M. B. Shchukina* [*Petersburg apocrypha. Epistle from Marcus: Collection of articles devoted to memory of M. B. Shchukin*]. O. V. Sharov, ed. St. Petersburg; Kishinev: Universitet «Vysshaya antropologicheskaya shkola», pp. 443–462. (Stratum biblioteka).

Petrauskas O. V., Shishkin R. G., 2013. Mogil'nik i poseleniye chernyakhovskoy kul'tury u s. Velikaya Bugayevka [Cemetery and settlement of Chernyakhov culture near village Velikaya Bugayevka]. Kiyev: Institut arkheologii Natsional'noy akademii nauk Ukrainy: Institut istoricheskogo obrazovaniya Natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta im. M. P. Dragomanova. 412 p.

Pieta K., 1993. Osídlenie z doby rímskej a stáhovani národov v Nitre. *Nitra. Príspevky k najstaršim dejinám*. K. Pieta, ed. Nitra: Archeologický ústav SAV, pp. 74–90.

Pokrovs'ka Є. F., Kovpanenko G. T., 1961. Mogil'nik bilya s. Kalantayevo [Cemetery near village Kalantayevo]. *Arkheologiya* [*Archaeology*], XII, pp. 129–142.

Runich A. P. 1975. Report on field investigations in Kavminvody region for 1975. *Archive of IA RAN*. (In Russian, unpublished).

Runich A. P., 1976. Zakhoroneniye vozhdya epokhi rannego srednevekov'ya iz Kislovodskoy kotloviny [A leader's burial of early Middle Ages from Kislovodsk depression]. *SA*, 3, pp. 256–266.

Salamon Á., Barkóczi L., 1971. Bestattungen von Csákvár aus dem Ende des 4. und dem Anfang des 5. Jahrhunderts. *Abba Regia*, № 11, pp. 35–80.

Salamon Á., Barkóczi L., 1978. Régészeti adatok Pannónia késörómai periodizációjahoz (376–476). *Archæologiai Értesitö*, 2 (105), pp. 180–204.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR International Series, 1535).

Shchukin M. B., 1994. Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobyty III v. do n. e. – I v. n. e. v Vostochnoy i Tsentral'noy Yevrope [On threshold of eras. An attempt of historical-archaeological reconstruction of political events of III c. BC – I c. AD in Eastern and Central Europe]. St. Petersburg: Farn. 324 p.

Shkorpil V. V., 1905. Otchet o raskopkakh v g. Kerchi i yego okrestnostyakh v 1903 g. [Report on excavations in city Kerch and its vicinities in 1903]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [*Proceedings of Imperial Archaeological Commission*], 17, pp. 1–76.

Shkorpil V. V., 1907. Otchet o raskopkakh v g. Kerchi v 1904 g. [Report on excavations in city Kerch and its vicinities in 1904]. *Izvestiya Imperatorskoy Arkheologicheskoy Komissii* [*Proceedings of Imperial Archaeological Commission*], 25, pp. 1–66.

Slabe M., 1975. Dravlje. Grobišče iz časov preseljevanja ljudstev. Ljubljana: Narodni muzej. 157 p.

Tejral J., 1974. Völkerwanderungszeitliches Gräberfeld bei Vyškov (Mähren). Praha: Československá akademia věd. 87 p.

Tejral J., 1982. Morava na sklonku antiky. Praha: Československá akademia věd. 254 p.

Tejral J., 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum. *Archaeologia Austriaca*, 72, pp. 223–304.

Tejral J., 1997. Neue Aspekte der frühvölkerwanderungszeitlichen Chronologie im Mitteldonauraum. *Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donauraum*. J. Tejral, ed. Brno: Archeologiský Ústav Akademie věd České Republiky Brno, pp. 321–392.

Tejral J., 2005. Zur Unterscheidung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses. *Die Langobarden. Herrschaft und Identität*. W. Pohl, P. Erhart, eds. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, pp. 103–200.

Tejral J., 2007. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie. *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. J. Tejral, ed. Brno: Archeologiský Ústav Akademie věd České Republiky Brno, pp. 55–119.

Terpilovsky R. V., 1984. Ranniye slavyane Podesen'ya III–V vv. [Early Slavs in Desna region in III–V cc.]. Kiev: Naukova Dumka. 124 p.

Terpilovsky R. V., 2004. Slavyane Podneprov'ya v pervoy polovine I tysyacheletiya n. e. [Slavs of Dnieper region in first half of I millennium AD]. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. 232 p.

Vőrős G., 1985. V. századi leletek a kiskundorozsmaí Kenyérváró dombról. *Mora Ferenz Muzeum Evkönyve 1984–1985*, pp. 11–28.

Werner J., 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Rechies. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 138 p.

Werner J., 1988. Dančeny und Brangstrup. Untersuchungen zur Černjachov-Kultur zwischen Sereth und Dnestr und zu den «Reichtumszentren» auf Fünen. *Bönner Jahrbücher*, 188, pp. 241–286.

Zasetskaya I. P., 1993. Materialy Bosporskogo nekropolya vtoroy poloviny IV – pervoy poloviny V vv. n. e. [Materials of Bosporan necropolis of second half of IV – first half of V cc. AD]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria*], III, pp. 23–105.

Zasetskaya I. P., 1994. Kul'tura kochevnikov yuzhnorusskikh stepey v gunnskuyu epokhu (konets IV – V vv.) [Culture of nomads of South Russian steppes in Hun epoch (end of IV–V cc.)]. St. Petersburg: Ellips Ltd. 224 p.

Zasetskaya I. P., 1998. Datirovka i proiskhozhdeniye pal'chatykh fibul Bosporskogo nekropolya rannesrednevekovogo perioda [Dating and origin of palmate fibulae from Bosporan necropolis of early medieval period]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [*Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria*], VI, pp. 394–478.

Zasetskaya I. P., 2010. Mikhael'sfel'd – etalonny pamyatnik rannego srednevekov'ya (k voprosu o datirovke i etnokul'turnoy prinadlezhnosti) [Mikhael'sfel'd – reference site of early Middle Ages (on question of dating and ethno-cultural attribution)]. *Arkheologichesky sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [*Archaeological annual of State Hermitage*], 38, pp. 123–159.

Zasetskaya I. P., Kazansky M. M., Akhmedov I. R., Minasyan R. S., 2007. Morskoy Chulek. Pogrebeniya znati iz Priazov'ya i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ya v postgunnskuyu epokhu [Morskoy Chulek. Burials of aristocracy from Azov Sea region and their position in history of tribes of North Pontic zone in post-Hun epoch]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. 212 p.

Zemtsov G. L., 2003. Migratsionnyye potoki III–V vv. n. e. i Verkhnedonskoy region (na primere poseleniya Mukhino 2) [Migration streams of III–V cc. AD and Upper Don region (on example of settlement Mukhino 2)]. *Kontaktnyye zony Yevrazii na rubezhe epoch* [*Contact zones of Eurasia on the threshold of epochs*]. D. A. Stashenkov, ed. Samara: Samarsky oblastnoy istoriko-krayevedchesky muzey im. P. V. Alabina, pp. 108–116.

Zemtsov G. L., 2004. Report on archaeological works in Zadonsk district, Lipetsk Region carried out by expedition of Lipetsk State pedagogical university in 2002]. *Archive of IA RAN* (in Russian, unpublished).

Zemtsov G. L., 2012. Lipetsky kray v III–V vekakh [Lipetsk land in III–V centuries]. Tula: Grif i K. 206 p.

Zharova T. M., Zharov G. V., Terpilovs'ky R. V., 2002. Doslidzhennya v zoni novobudov na Chernigivshchini [Researches in construction zone in Chernigov Region]. *Arkheologichni vidkrittya v Ukraïni 2000–2001 rr*. [*Archaeological discoveries in Ukraine of 2000–2001*]. Kiïv: Institut arkheologiï natsional'noï akademiï nauk Ukraïni, pp. 118–120.

Zin'kovskaya I. V., 2008. Poseleniye i mogil'nik rannegunnskogo vremeni na Zhivotinnom gorodishche [Settlement and cemetery of early Hun time at Zhivotinnoye hillfort]. *Drevnosti epokhi Srednevekov'ya Yevraziyskoy lesostepi* [*Antiquities of medieval epoch in Eurasian forest-steppe*]. A. Z. Vinnikov, ed. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 32–51.

About the authors.

Mastykova Anna V., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: amastykova@mail.ru;

Zemtsov Grigorij L., ul. Lenina 42, Lipetsk, 398055, Russia; e-mail: grizem@rambler.ru.

И. А. Сапрыкина

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ № 1 НА ПОСЕЛЕНИИ МУХИНО-2 В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ «МАРКЕРОВ СТАТУСНОСТИ»

Резюме. Публикация посвящена результатам исследования техники изготовления и химического состава золотых изделий из женского погребения № 1 на поселении Мухино-2. Анализ техники изготовления золотых предметов показывает применение стандартного набора операций: ковка, резка, тиснение. Исследование химического состава металла позволило установить, что для их изготовления было использовано золото 600–700-й пробы, отличающееся пониженной пластичностью. Сопоставление данных по химическому составу с известными результатами исследования золотых предметов V в. н. э. из Крыма и Карпатской котловины, а также наличие определенных дефектов, характеризующих процесс изготовления изученных золотых изделий из погребения на Верхнем Дону, позволяет говорить об использовании предметов-копий, выполненных местными мастерами либо привезенных из «метрополии» и изготовленных специально для сбыта в мире «варваров». Данная публикация вносит коррективы в результаты исследования, опубликованные в *Saprykina et al.*, 2009, а также имеет, на наш взгляд, определенное методическое значение, т. к. наглядно демонстрирует сложность исследования и интерпретации данных по химическому составу золота.

Ключевые слова: золотые изделия, женское погребение, техника изготовления, химический состав.

В рамках исследования материалов из раскопок на поселении Мухино-2 (*Земцов*, 2003. С. 111–113; 2004. С. 22–25) было проведено изучение техники изготовления и химического состава золотых изделий, обнаруженных в богатом женском[1] захоронении № 1, выявленном на этом многослойном поселении. Исследователи датируют его второй четвертью V в. н. э. и относят к кругу «княжеских» находок (см. статью в данном сборнике: *Мастыкова, Земцов*), что позволяет рассматривать данную находку как источник по изучению социальной

[1] Подробнее о результатах антропологической экспертизы см.: (*Мастыкова, Добровольская, Медникова и др.*, 2013).

дифференциации восточноевропейских погребений по признаку богатства инвентаря.

Как правило, одним из основных индикаторов высокого социального статуса в погребальном контексте является наличие предметов из золота. Самые ранние захоронения, содержащие золотые изделия, датируются V тыс. до н. э.; исследователи относят такие находки к наиболее ранним документированным свидетельствам деятельности человека по добыче и обработке металлов, иерархической структуры древнего общества (*Перницка*, 2013. С. 71). Изучение этих предметов с применением методов естественных наук позволяет получить дополнительные данные для решения определенных вопросов не только в сфере археометрии, истории ювелирного дела, но и социальной стратификации общества, положения конкретного индивидуума в социуме.

Из погребения № 1 с поселения Мухино-2 были исследованы следующие типы золотых изделий: наборы нашивных бляшек разных форм с тисненым рубчатым орнаментом, фрагменты обкладки ножен ножа и «шкатулки»[2] с чешуйчатым декором, фрагменты неорнаментированных обкладок. Помимо введения в научный оборот результатов химико-технологического исследования золотых предметов из погребения № 1 с поселения Мухино-2, данная работа вносит определенные коррективы в опубликованные ранее данные. В момент первой публикации в 2009 г. часть фрагментов обкладок с чешуйчатым декором не была полностью атрибутирована, поэтому все они по наличию орнамента были ошибочно отнесены к фрагментам обкладки рукояти ножа; в настоящей статье результаты химико-технологического исследования рассматриваются соответственно типу изделия, с которым связаны анализируемые обкладки с чешуйчатым декором.

Исследование техники изготовления золотых изделий опиралось на результаты трасологического анализа, целью которого является фиксация следов технических операций. Наблюдения выполнялись с использованием бинокулярного микроскопа Motic BA-300, фиксация результатов проводилась с помощью цифровой фотокамеры Moticam 2300.

Химический состав металла исследовался с помощью рентгенофлюоресцентного энергодисперсионного анализа (РФА) (аналитик: Р. А. Митоян, МГУ) (табл. 1). Часть коллекции (обкладки ножен и «шкатулки») исследовалась также методом рентгеноэлектронной спектроскопии (РЭС) (аналитик: А. Ю. Тетерин, НИЦ «Курчатовский институт») и энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии (EDX) на электронном растровом микроскопе SEM JEOL JSM 6380 LA (аналитик: Г. Ю. Юрков, ИМЕТ РАН)[3]. Частично результаты этого исследования были опубликованы (*Saprykina et al.*, 2009)[4].

[2] Подробнее о так называемой шкатулке см. статью в данном сборнике: *Мастыкова, Земцов.*

[3] Выражаю свою глубокую благодарность Р. А. Митояну, А. Ю. Тетерину и Г. Ю. Юркову за проведенные аналитические исследования.

[4] Данная публикация важна, на наш взгляд, с методической точки зрения, т. к. анализ химического состава золотых изделий необходимо проводить несколькими методами анализа, с тем чтобы получить данные по содержанию основных компонентов (Au, Ag, Cu) на поверхности и в объеме предмета (*Corti*, 2001. P. 20–29).

Таблица 1. Результаты исследования химического состава золотых изделий из погребения № 1 поселения Мухино-2 по методам РФА и РЭС

№ п/п	Проба	Номер по полевой описи	Название объекта	по методу РФА (> 0,5 нм)			по методу РЭС (~ 0,5 нм)			
				Cu	Ag	Au	Ag	Au	Cu	S
1	191	63	фр-т обкладки ножа	2,67	19,59	77,74	63,64	15,15		21,21
2	192	64	фр-т обкладки ножа	1,55	14,22	84,23	55,00	16,67		28,33
3	193	61	обкладка	2,68	64,98	32,34				
4	194	62	зигзагообразная бляшка	2,72	69,00	28,28				
5	195	10, 11	обкладка шкатулки	2,3	31,95	65,75	51,56	15,63	3,12	29,69
6	196	46–48	округлая бляшка	1,54	34,72	63,73				
7	197	54, 55	округлая бляшка	1,37	31,68	66,94				
8	198	126	зигзагообразная бляшка	1,96	53,1	44,64				
9	199	73–79	треугольная нашивка из фольги	1,77	38,02	60,21				
10	200	125	обкладка	1,49	29,15	69,36	65,27	5,99		28,74
11	201	8	обкладка без декора	0,77	15,29	83,94				
12	202	16, 17	зигзагообразная бляшка	1,11	31,62	67,27				
13	203	41	зигзагообразная бляшка	1,03	29,15	69,82				
14	204	33	треугольная бляшка	0,58	20,19	79,23				
15	205	12	обкладка шкатулки	1,32	30,11	68,57	61,9	2,2	3,08	32,82
16	206	80	треугольная нашивка из фольги	1,00	32,44	66,55				
17	207	94	фр-т обкладки ножа	1,67	33,31	65,02	70,3	1,98		27,72
18	208	31, 31а	обкладка шкатулки	1,97	35,9	62,13	55,7	12,66		31,64
19	209	35	зигзагообразная бляшка	1,29	29,3	68,81				
20	210	18	зигзагообразная бляшка	1,31	34,47	64,22				
21	211	56	зигзагообразная бляшка	2,33	10,08	87,59				
22	213	22	треугольная бляшка	1,01	27,87	71,12				
23	214	22а	обкладка без декора (коробочка?)	1,37	37,8	60,83				
24	215	43, 44	треугольная бляшка	1,23	35,27	63,49				
25	216	53	треугольная бляшка	0,89	30,01	69,1				
26	217	95	фр-т обкладки ножа	1,86	34,39	63,75				

Методы РФА и РЭС различаются по глубине проникновения излучения в толщу образца: в данном случае глубина проникновения РФА составляет более 0,5 нм[5], а по методу РЭС – около 0,5 нм. При изучении золотых образцов толщиной менее 1 мм выбор нескольких неразрушающих методов исследования может быть оправдан, поскольку они позволяют исследовать химический состав на поверхности и в «сердцевине» образца (*Hultquist*, 1985). Исследования по методу EDX (сканирование поверхности) в данном случае использовались нами для фиксации распределения элементов на поверхности и участков, обогащенных одним из элементов сплава, что немаловажно для интерпретации результатов анализов, выполненных другими методами.

На наш взгляд, публикация результатов имеет определенное методическое значение: полученные с помощью трех методов поверхностного анализа результаты показывают их зависимость от чувствительности выбранного метода, наличия пробоподготовки (к примеру, удаления микрозагрязнений с анализируемой поверхности и др.), мощности рентгеновской трубки, использования вакуума и т. д. В табл. 1 нами приведены данные как по РФА, так и по РЭС: так, на примере проб № 191, 192, 207, 217 мы видим значительные различия по содержанию как золота, так и серебра (даны крайние значения):

1) по методу РФА: Cu – 1,55–2,67 %, Ag – 14,22–34,39 %, Au – 63,75–84,23 %;

2) по методу РЭС: Ag – 55–70,3 %, Au – 1,98–16,67 %.

Такая же картина несовпадения результатов анализов по основным концентрациям элементов зафиксирована в пробах № 193, 195, 205, 208 (табл. 1).

Эти различия, вероятно, являются следствием малоизученных процессов поведения золота и серебра как на поверхности, так и в объеме образцов. Доказаны процессы сегрегации или диффузии серебра, которое «выпадает» на поверхность образцов, что естественным образом повышает концентрацию этого элемента при анализе (*Dowben et al.*, 1987; *Centeno, Schorch*, 2000; *Wanhill*, 2003), однако точная причина этого процесса, в частности для археологического металла, и степень его влияния на концентрации элементов в настоящее время не установлены и требуют проведения дальнейших специальных исследований.

В рамках настоящей публикации интерпретация полученных результатов основывается на данных анализа по методу РФА[6], поскольку основной объем сравнительных данных был получен с помощью именно этого метода исследования.

Обкладка деревянных ножен ножа сохранилась фрагментарно, представляет собой тонкую (толщиной около 0,5 мм) золотую фольгу. На лицевой и оборотной поверхностях фольги визуально фиксируются темные, почти черные, участки: если на обороте эти участки могут быть связаны со следами

[5] Глубина проникновения рентгенофлюоресцентного энергодисперсионного (РФА) излучения в толщу металла варьирует от 0,03 до 0,15 мм (*Pollard et al.*, 2011. P. 104–108).

[6] Диаметр пятна облучения РЛП-3, с помощью которого был выполнен анализ, на поверхности исследуемого образца составляет 8 мм (*Ениосова и др.*, 2008а. С. 114–120).

связующего органического вещества, то на лицевой стороне они могут маркировать участки, связанные с обогащением поверхности серебром. Предположительно фольга на деревянную основу ножен крепилась с помощью натурального клея. Чешуйчатый орнамент на фольге был нанесен с помощью специального фигурного чекана, однако неясно, в какой момент проводилась чеканка: до или после крепления фольги на деревянную основу. У оттиснутого орнамента имеется дефект в виде смещения «шага», этот дефект повторяется на части исследованных обкладок (цв. илл. XVIII).

Анализ химического состава металла был выполнен для четырех фрагментов обкладки (табл. 1; пробы № 191, 192, 207, 217). Содержание основных компонентов варьирует в пределах: Cu – 1,55–2,67 %, Ag – 14,22–34,39 %, Au – 63,75–84,23 %. Выполненное сканирование поверхности образцов по методу EDX показывает неравномерность распределения основных элементов (цв. илл. XIX, *1*).

Обкладка «шкатулки», также украшенная чешуйчатым декором, изготовлена в сходной технике – тиснением с помощью специального фигурного чекана на фольге, полученной с помощью ковки. Прослеживается определенное сходство между обкладкой ножен ножа и обкладкой шкатулки как в использовании фольги в качестве обкладки, так и в использовании сходного типа фигурного чекана. Химический состав металла обкладки шкатулки (табл. 1; пробы № 193, 195, 205, 208): Cu – 1,32–2,68 %, Ag – 30,11–64,98 %, Au – 32,34–68,57 %. Сканирование (EDX) также показало неравномерность распределения золота и серебра по поверхности (цв. илл. XIX, *2*).

Один фрагмент ***обкладки с чешуйчатым орнаментом*** от неопределимого предмета изготовлен аналогичным способом, химический состав его также демонстрирует использование сплава тройной системы Au-Ag-Cu: проба № 200 – Cu – 1,49 %, Ag – 29,15 %, Au – 69,36 % (табл. 1).

В коллекции присутствуют также отдельные пластины, представляющие собой обкладки неидентифицированных предметов. ***Обкладка прямоугольной формы***[7] изготовлена резкой из тонкой кованой золотой пластины; отверстия пробиты на готовом изделии с помощью пробоя (цв. илл. XX, *1*). По своему составу золото (табл. 1; проба № 201), из которого была изготовлена эта обкладка, относится к высокопробному (850-я проба).

Еще одна ***обкладка со сгибами***[8], прочерченными чеканом по кованой золотой пластине, сохранившаяся фрагментарно, изготовлена из тройного сплава пониженной каратности с содержанием золота в пределах 60,83 %, серебра 37,8 % (табл. 1; проба № 214) (цв. илл. XX, *2*).

Бляшки зигзагообразной формы с тисненым рубчатым декором вырезаны из кованой золотой пластины; орнамент выполнен тиснением на матрице. Фиксируются следы смещения листового металла в процессе тиснения, складки металла в негативах изображения, участки рубки листа по тисненому орнаменту (?).

Анализ химического состава металла показал следующие результаты: тройной сплав, из которого изготовлены бляшки, имеет значительный разброс

[7] Была найдена с правой стороны правой большой берцовой кости погребенной.

[8] Обнаружена в районе груди погребенной.

в содержании золота (от 28,28 до 87,59 %) и серебра (от 10,08 до 69 %) (табл. 1; пробы № 194, 198, 202, 203, 209, 210, 211). Эти бляшки группируются в районе груди и головы погребенной. Они также обнаружены у правой руки, что, вероятно, отражает интенсивность тафономических процессов.

Бляшки, найденные в районе правой руки, изготовлены из сплавов тройной системы (Au-Ag-Cu) с содержанием золота 28,28–68,81 %, серебра 29,3–69 %, меди 1,29–2,72 % (пробы № 194, 209).

Бляшки, найденные в районе груди, имеют меньший диапазон разброса значений концентраций золота (67,27–87,59 %), серебра (10,08–34,47 %), меди (0,77–2,33 %) (пробы № 202, 210, 211).

Бляшка, найденная в районе головы, изготовлена из сплава с повышенным содержанием серебра (проба № 198).

Принимая во внимание результаты исследования, проведенного для чешуйчатых обкладок ножен и шкатулки, нельзя однозначно говорить о том, что для изготовления этого типа бляшек было использовано золото разной пробы, однако и исключить этого мы не можем, несмотря на то что техника их изготовления идентична.

Бляшки треугольные с тисненым рубчатым декором изготовлены резанием по шаблону кованой золотой пластины; орнамент тиснен на матрице, отверстия пробиты. Бляшки этого типа были зафиксированы, прежде всего, в районе груди погребенной, и два экземпляра были найдены в районе головы. Они изготовлены из сплава тройной системы с содержанием золота в пределах 63,49–79,23 %, серебра – 20,19–35,27 %, меди – 0,58–1,37 % (табл. 1; пробы № 204, 213, 215, 216). Несмотря на фиксируемый разброс значений[9], можно с большой долей уверенности утверждать, что при изготовлении бляшек этого типа могло быть использовано золото 600–700-й пробы; судя по результатам визуального обследования и промерам по контрольным точкам, бляшки оттискивались с использованием одной матрицы.

Бляшки округлой формы с тисненым рубчатым декором изготовлены по аналогичной схеме; из серии бляшек этого типа было проанализировано два предмета (табл. 1; пробы № 196, 197) – анализы показали, что по крайней мере две бляшки были вырезаны из листового золота 650-й пробы. На некоторых украшениях визуально хорошо фиксируется более светлый (желтый) цвет оборотной стороны, особенно в негативе тисненого изображения, тогда как лицевая сторона бляшек покрыта темной патиной (оксид серебра?) (цв. илл. XX, *3*).

Бляшки треугольные неорнаментированные с пробитыми по краям отверстиями найдены в районе ног погребенной. По своему химическому составу эти бляшки сопоставимы друг с другом, они вырезаны из листового золота 600–650-й пробы (табл. 1; пробы № 199, 206); предположительно изготовлены они могли быть одномоментно, из одного листа.

Для сравнения различных категорий находок из золота была составлена таблица по пробности золота, с искусственно определенными границами с шагом в 10 % (табл. 2, дается усредненное значение).

[9] Зафиксированный разброс имеет строго определенный порог, который укладывается в 25 %-ную погрешность использованного метода исследования.

Таблица 2. Содержание золота в металле находок погребения

Категория находок	Au > 80 %	Au > 70 %	Au > 60 %	Au < 50 %
Обкладка шкатулки			2	
Обкладка ножа	1	1	3	
Обкладка	1		2	1
Бляшка округлая			2	
Бляшка зигзагообразная	1		4	2
Бляшка треугольная		2	2	
Нашивка треугольная			2	

Исходя из полученных данных, можно говорить, что из погребения № 1 с поселения Мухино-2 происходят находки обкладки ножен ножа с чешуйчатым декором, изготовленные из золота 700–600-й пробы[10]; фрагменты обкладки с чешуйчатым декором шкатулки, для которых тоже было использовано золото 600–650-й пробы. Для изготовления прямоугольной обкладки (цв. илл. XX, *1*) было использовано золото 850-й пробы; для обкладки со сгибами, прочерченными чеканом (цв. илл. XX, *2*), судя по результатам анализа, применялось золото 600-й пробы. Из золота 650-й пробы сделаны бляшки зигзагообразной формы с тисненым рубчатым орнаментом, найденные в районе груди погребенной; бляшки этого же типа, обнаруженные у руки, изготовлены из сплава с повышенным содержанием серебра. Неоднородны по своему составу оказались и треугольные бляшки с тисненым рубчатым орнаментом – они изготовлены из золота 600–700-й пробы. Из 16-каратного золота были сделаны треугольные бляшки, украшавшие, видимо, обувь.

Несмотря на зафиксированный разброс значений в концентрациях основных элементов и присутствие в выборке сплавов с превалирующим содержанием серебра, выборка из мухинского погребения представляет собой достаточно монолитную группу сплавов 600–700-й пробы золота; среднее значение содержания серебра в сплавах этой пробы варьирует в пределах 30–40 %. Определенный разброс содержания серебра (4–20 %) характеризует золотые сплавы IV–V вв. н. э., циркулировавшие в Крыму (*La Niece, Cowell*, 2008. P. 154. Tab. 1, *1–4*).

Другую картину дают нам материалы синхронного времени одной из византийских провинций – Карпатской котловины: здесь империей была обеспечена циркуляция рафинированного золота 900–950-й пробы (*Craddock et al*., 2010. P. 56. Tab. 1). В то же время исследователи считают, что для эпохи Великого переселения народов стандартным было содержание золота в пределах 45–75 %, а количество дополнительно введенного в золото серебра или меди зависело от региона, доступности металла и, не в последнюю очередь, от честности мастера (*Ениосова и др.*, 2008б. С. 153).

Несомненно, для Верхнего Дона в гуннскую эпоху такие предметы, как нож с ножнами в золотой обкладке, «шкатулка», украшенная золотой орнаментиро-

[10] Дается усредненное значение.

ванной обкладкой, элементы декорирования одежды золотыми бляшками, представляли собой статусные предметы. Техника их изготовления стандартна, хотя и имеет определенные дефекты, связанные, в частности, с тиснением чешуйчатого декора. Как правило, золото пониженной каратности отличается трудностью в обработке давлением, имеет наименьший процент пластической деформации, что ухудшает качество тиснения (тип III, по: *Rapson*, 1990. P. 127–128); однако в исследованном золоте невелико содержание меди, что делает его достаточно пластичным (*Бреполь*, 1982. С. 50, 51).

Реальное же качество изготовления исследованных предметов невысоко, здесь отсутствуют сложные технические схемы, и, в сравнении с другими известными статусными предметами этого хронологического периода, изученные золотые украшения из мухинского погребения не могут претендовать на включение их в круг высококачественных изделий «золотых дел мастеров».

Представляется, что в свете вышеизложенного нельзя исключить нахождение в погребении № 1 с поселения Мухино-2 предметов-копий, выполненных местными мастерами либо привезенных из «метрополии» и изготовленных специально для сбыта в мире «варваров». Продолжение изучения материалов из этого погребения, памятников синхронного времени позволит получить качественно новую информацию, необходимую для решения конкретных исторических проблем.

ЛИТЕРАТУРА

Бреполь Э., 1982. Теория и практика ювелирного дела / Под ред. Л. А. Гутова, Г. Т. Оболдуева. Л.: Машиностроение. 379 с.

Земцов Г. Л., 2003. Миграционные потоки III–V вв. н. э. и Верхнедонской регион (на примере поселения Мухино 2) // Контактные зоны Евразии на рубеже эпох / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: СОИКМ им. П. В. Алабина. С. 108–116.

Земцов Г. Л., 2004. Отчет о проведении археологических работ в Задонском районе Липецкой области экспедицией Липецкого государственного педагогического университета в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 28007.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008а. Методы исследования химического состава цветных металлов // Цветные и драгоценные металла и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Ред. А. А. Коновалов, Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, Т. Г. Сарачева; Исторический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. М: Восточная литература РАН. С. 113–120.

Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008б. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металла и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Ред. А. А. Коновалов, Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, Т. Г. Сарачева; Исторический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Восточная литература РАН. С. 107–162.

Мастыкова А. В., Добровольская М. В., Медникова М. Б., Земцов Г. Л., 2013. Привилегированное женское погребение Мухино эпохи Великого переселения народов на Верхнем Дону: данные антропологии // Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия. [5-я Междунар. конф. «Алексеевские чтения» памяти академиков Т. И. Алексеевой и В. П. Алексеева. 6–8 ноября 2013 г. Москва] / Отв. ред. А. П. Бужилова, М. В. Добровольская, М. Б. Медникова. М.: ИА РАН. М. С. 60.

Мастыкова А. В., Земцов Г. Л., 2014. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 234. См. в настоящем выпуске.

Перницка Э., 2013. Распространение металлургии в Старом Свете// Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетие до н. э.: каталог выставки / Коллектив авторов; Государственный Эрмитаж, Государственный исторический музей, Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственные музеи Берлина, Прусское культурное наследие; под ред. Ю. Ю. Пиотровского. СПб.: Чистый лист. С. 66–78.

Centeno S. A., Schorch D., 2000. The Characterisation of Gold Layer on Copper Artifacts from Piura Valley (Peru) in the Early Intermediate Period // Gilded Metals. History, Technology and Conservation / Ed. by T. Drayman-Weisser. Archetype Publications Ltd. London. P. 223–240.

Corti C. W., 2001. Assaying of gold jewellery – choice of technique // Santa Fe Symposium, USA: http://coralsas.eu/DocSpecial/Assay/GT_32_%20Assaying_Au_Jwl_Corti.pdf.

Craddock P., Cowell M., Duncan H., Hughes M., La Niece S., Meeks N., 2010. Change and stasis: the technology of Dark Age metalwork from the Carpathian Basin // The British Museum: Technical Research Bulletin / Ed. by D. Saunders. Vol. 4. Archetype Publications. P. 55–66.

Dowben P. A., Miller A. H., Vook R. W., 1987. Surface Segregation from Gold Alloys // Gold Bulletin. 20 (3). P. 54–65.

Hultquist G., 1985. Surface Enrichment of Low Gold Alloys // Gold Bulletin. Vol. 18 (2). P. 53–57.

La Niece S., Cowell M., 2008. Crimean Metalwork: Analysis and Technical Examination // The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and the Related Material (British Museum Research Publication 166) / Eds D. Kidd, B. Ager. The British Museum Press. P. 151–160.

Pollard M., Batt C., Stern B., Young S. M. M., 2011. Analytical Chemistry in Archaeology / Cambridge Manuals in Arcaheology. Cambridge University Press. 390 p.

Rapson W. S., 1990. The Metallurgy of the Coloured Carat Gold Alloy // Gold Bulletin. Vol. 23 (4). P. 125–133.

Saprykina A., Teterin Yu., Mitoyan R., 2009. Gold foil covering of a handle of an iron knife from burial 2 of the Hunnic Period cemetery at Mukhino, in the Upper Don area // ArcheoSciences. Vol. 7 (39). Rennes. P. 255–257.

Wanhill R. J., 2003. Brittle Archaeological Silver: a Fracture Mechanisms and Mechanics Assessment // Archaeometry. Vol. 45 (4). P. 625–636.

Сведения об авторе.

Сапрыкина Ирина Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: dolmen200@mail.ru.

I. A. Saprykina

The chemical composition of golden items from burial 1 at the Mukhino-2 settlement and their manufacturing technique in connection with the definition of «status indicators»

Abstract. This publication is devoted to the results of investigation of the manufacturing technique and the chemical composition of golden items found in female burial № 1 at the Mukhino-2 settlement. Analysis of the technique used for the manufacture of golden objects shows that a standard series of operations was used: forging, carving, embossing. Analysis of the chemical composition of the metal used made it possible to establish that gold of a 600–700 purity standard had been used, which was of below normal plasticity. Comparison of the data relating to the chemical composition with recorded results from

investigations of golden objects from the 5th c. AD in the Crimea and the Carpathian depression and also the presence of certain defects, typical for the manufacturing process of the golden items duly studied, make it possible to assume that replicas were used made by local craftsmen, which had either been brought in from the 'metropolis' or specially made for sale in the barbarian world. This publication introduced some modifications into the results of the investigation published by the author earlier, in 2009, and it is important from the methodology angle, since it demonstrates most clearly how complicated it is to investigate such items and then to interpret the data obtained relating to the chemical composition of gold.

Keywords: golden items, female burial, manufacturing technique, chemical composition.

REFERENCES

Centeno S. A., Schorch D., 2000. The Characterisation of Gold Layer on Copper Artifacts from Piura Valley (Peru) in the Early Intermediate Period. *Gilded Metals. History, Technology and Conservation.* T. Drayman-Weisser, ed. London: Archetype Publications Ltd, pp. 223–240.

Corti C. W., 2001. Assaying of gold jewellery – choice of technique. *Santa Fe Simposium*. [Electronic resource]. Mode of access: http://coralsas.eu/DocSpecial/Assay/GT_32_%20Assaying_Au_Jwl_Corti.pdf. Date of access: 20.07.2014.

Craddock P., Cowell M., Duncan H., Hughes M., La Niece S., Meeks N., 2010. Change and stasis: the technology of Dark Age metalwork from the Carpathian Basin. *The British Museum: Technical Research Bulletin*, 4. D. Saunders, ed. London: Archetype Publications, pp. 55–66.

Dowben P. A., Miller A. H., Vook R. W., 1987. Surface Segregation from Gold Alloys. *Gold Bulletin*, 20 (3), pp. 54–65.

Gunnar H., 1985. Surface Enrichment of Low Gold Alloys. *Gold Bulletin*, 18 (2), pp. 53–57.

La Niece S., Cowell M., 2008. Crimean Metalwork: Analysis and Technical Examination // The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewellery in the British Museum and the Related Material. D. Kidd, B. Ager, eds. London: The British Museum Press, pp. 151–160. (British Museum Research Publication 166.)

Mastykova A. V., Dobrovol'skaya M. V., Mednikova M. B., Zemtsov G. L., 2013. Privilegirovannoye zhenskoye pogrebeniye Mukhino epokhi Velikogo pereseleniya narodov na Verkhnem Donu: dannyye antropologii [Priviledge female burial from settlement Mukhino of Great Migration Period on Upper Don: anthropological data]. *Chelovek v okruzhayushchey srede: etapy vzaimodeystviya* [*Man in environment: stages of interaction*]. A. P. Buzhilova, ed. Moscow: IA RAN, p. 60.

Mastykova A. V., Zemtsov G. L. «Knyazheskoye» zhenskoye pogrebeniye na poselenii Mukhino-2 gunnskogo vremeni na Verkhnem Donu [A «royal» female burial in the Mukhino-2 settlement from the Hunnic period in the upper reaches of the River Don]. See in present issue.

Pernitska E., 2013. Rasprostraneniye metallurgii v Starom svete [Spreading of metallurgy in the Old World]. *Bronzovy vek. Yevropa bez granits. Chetvertoye – pervoye tysyacheletiye do n.e.: katalog vystavki* [*Bronzezeit. Europa ohne Grenzen. 4. – 1. Jahrtausend v. Chr.*]. Yu. Yu. Piotrovsky, ed. St. Petersburg: Chisty list, pp. 66–78.

Rapson W. S., 1990. The Metallurgy of the Coloured Carat Gold Alloy. *Gold Bulletin,* 23 (4), pp. 125–133.

Saprykina A., Teterin Yu., Mitoyan R., 2009. Gold foil covering of a handle of an iron knife from burial 2 of the Hunnic Period cemetery at Mukhino, in the Upper Don area. *ArcheoSciences,* 7 (39), pp. 255–257.

Wanhill R. J., 2003. Brittle Archaeological Silver: a Fracture Mechanisms and Mechanics Assessment. *Archaeometry*, 45 (4), pp. 625–636.

Yeniosova N. V., Mitoyan R. A., Saracheva T. G., 2008a. Metody issledovaniya khimicheskogo sostava tsvetnykh metallov [Non-ferrous and precious metals and alloys in the territory of Eastern Europe in the Middle Ages]. *Tsvetnyye i dragotsennyye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoy Yevropy v epokhu srednevekov'ya* [*Non-ferrous and precious metals and their alloys in the territory of Eastern Europe in medieval epoch*]. A. A. Konovalov, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 113–120.

Yeniosova N. V., Mitoyan R. A., Saracheva T. G., 2008b. Khimichesky sostav yuvelirnogo syr'ya epokhi srednevekov'ya i puti yego postupleniya na territoriyu Drevney Rusi [Chemical composition of jewelry raw materials in Middle Ages and ways of supplies to the territory of Medieval Rus']. *Tsvetnyye i dragotsennyye metally i ikh splavy na territorii Vostochnoy Yevropy v epokhu srednevekov'ya* [*Non-ferrous and precious metals and their alloys in the territory of Eastern Europe in medieval epoch*]. A. A. Konovalov, ed. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 107–162.

Zemtsov G. L., 2003. Migratsionnyye potoki III–V vv. n. e. i Verkhnedonskoy region (na primere poseleniya Mukhino 2) [Migration streams of III–V cc. AD and Upper Don region (on example of settlement Mukhino 2)]. *Kontaktnyye zony Yevrazii na rubezhe epoch* [*Contact zones of Eurasia on the threshold of epochs*]. D. A. Stashenkov, ed. Samara: Samarsky oblastnoy istoriko-krayevedchesky muzey im. P. V. Alabina, pp. 108–116.

Zemtsov G. L., 2004. Report on archaeological works in Zadonsk district, Lipetsk Region carried out by expedition of Lipetsk State pedagogical university in 2002. *Archive of IA RAN* (in Russian, unpublished).

About the author.

Saprykina Irina A., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: dolmen200@mail.ru.

О. А. Радюш

«КНЯЖЕСКАЯ» И «ВОЖДЕСКАЯ» КУЛЬТУРА НАЧАЛА V ВЕКА В ВЕРХНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И НАХОДКИ

Резюме. На территории Курской области сосредоточены три известные находки так называемых кладов конца IV – начала V в. н. э. (Большой Каменец, Паники, или так называемый Обоянский клад, и Волниковка). Это уникальный случай для Восточной Европы. Архивные и полевые исследования, проводимые в последнем десятилетии, позволили уточнить археологический контекст находок, обстоятельства их обнаружения, выявить синхронные им поселения, относящиеся к позднему и финальному этапам черняховских древностей в Посеймье. Все три комплекса, связанные с разрушенными и разграбленными в XIX–XX вв. погребениями, представляют исключительное явление на фоне поселенческих древностей региона и органично вписываются в серию элитарных «княжеских» и «вождеских» погребений начала эпохи Великого переселения народов в Европе.

Ключевые слова: эпоха Великого переселения народов, Левобережье Днепра, княжеские погребения, погребальный обряд, склеп.

Верховья днепровских притоков рек Сейм и Псел задолго до открытия многочисленных поселенческих памятников римского времени в 1940–1960 гг. известны своими уникальными находками древностей, связанными с позднеантичной культурой. Начиная с середины XIX в. ими стали клады и отдельные находки римских монет (*Кропоткин*, 1961; *Радюш*, 2008; *Шпилев*, 2004), а также вещевые «клады» – остатки разрушенных погребений, включавшие предметы из драгоценных металлов. Всего на данный момент их описано четыре: «Обоянский» (1849), «первый» и «второй» «Старосуджанские» (1918 и 1927) и «Волниковский» (2010). Подобное скопление находок до сих пор остается уникальным для лесостепной зоны Юго-Восточной Европы (цв. илл. XXI).

На территории Днепровского Левобережья и Верхнего Поочья в XIX и XX вв. выявлены и другие вещи высокого социального статуса, которые могли происходить из разрушенных погребений знати эпохи Великого переселения народов (*Казанский*, 1997. Рис. 11; 2010. Рис. 1; *Гавритухин*, 2007. С. 33–37). Подобные находки уникальны, но, к сожалению, в подавляющем

своем большинстве они подвергались разграблению и уничтожению до того, как информация о них попадала в научную среду. В связи с этим крайне важны любые сведения (не только археологические, но и архивные) об особенностях таких погребений и их археологическом контексте. Единственным на данный момент случаем полной сохранности и профессионально исследованным погребальным сооружением «княжеского» уровня является могила в Попраде (Словакия), обнаруженная в 2006 г., где, однако, большая часть личных вещей, сопровождавших покойного, была разграблена еще в V в. (*Пьета*, 2012. С. 233). Курские находки, несмотря на отрывочность сведений, несомненно, представляют особый интерес, учитывая их уникальность для Поднепровья в целом.

В отечественной историографии изучение древностей раннего этапа эпохи Великого переселения народов в глубине Днепровского лесостепного Левобережья было начато классической работой Л. А. Мацулевича «Погребение варварского князя в Восточной Европе» (1934), которая до настоящего момента остается единственной монографической попыткой осмыслить этот феномен. Б. А. Рыбаков считал все находки свидетельством торговых и обменных связей с Северным Причерноморьем (1953). В фундаментальных работах, посвященных полихромным изделиям гуннской эпохи, И. П. Засецкая рассматривала только предметы, которые могли быть отнесены к интересующей ее стилистической группе (1975; 1982), а В. В. Кропоткин (1970) и А. В. Банк (1966) рассматривали исключительно вещи, несомненно, византийского происхождения из «кладов». М. М. Казанский (1997) впервые очертил ареал рассматриваемых находок и предположил их связь с королевством Винитария, известным по письменным источникам. М. Б. Щукин, споря с М. М. Казанским по вопросам хронологии, рассмотрел находки из Большого Каменца в системе европейских «готских сокровищ» (2005). Долгое время в отечественной историографии существовал взгляд на богатые княжеские находки V в. н. э. из черноземных областей России и северных районов Украины как на яркие, но разрозненные комплексы. На момент выхода обобщающего издания «Восточная Европа в середине I тыс. н. э.» (2007), подготовленного группой археологии эпохи Великого переселения народов ИА РАН, представлялось, что исчерпывающую характеристику проблемы, включая хронологию, этнокультурные связи и историческую интерпретацию, можно дать в 2 небольших разделах (*Гавритухин*, 2007. С. 30–39). В последние 10 лет произошло значительное качественное и количественное увеличение источниковой базы, в том числе связанной с поселенческими памятниками, синхронными «кладам». Появился новый «клад» из Волниковки, были обследованы места всех старых находок с уточнением археологического контекста на основе архивных материалов экспедиции В. А. Городцова 1928 г. (фонды В. А. Городцова, Л. А. Мацулевича в научных архивах РАН, ИИМК и ГИМ, областного архива Курской области). Удалось уточнить подробности обстоятельств обнаружения и состава этих находок, не освещенные в монографии Л. А. Мацулевича, но важные для понимания их контекста. Эти исследования позволяют рассмотреть захоронения знати в контексте общей археологической ситуации в Посемье в начале эпохи Великого переселения народов.

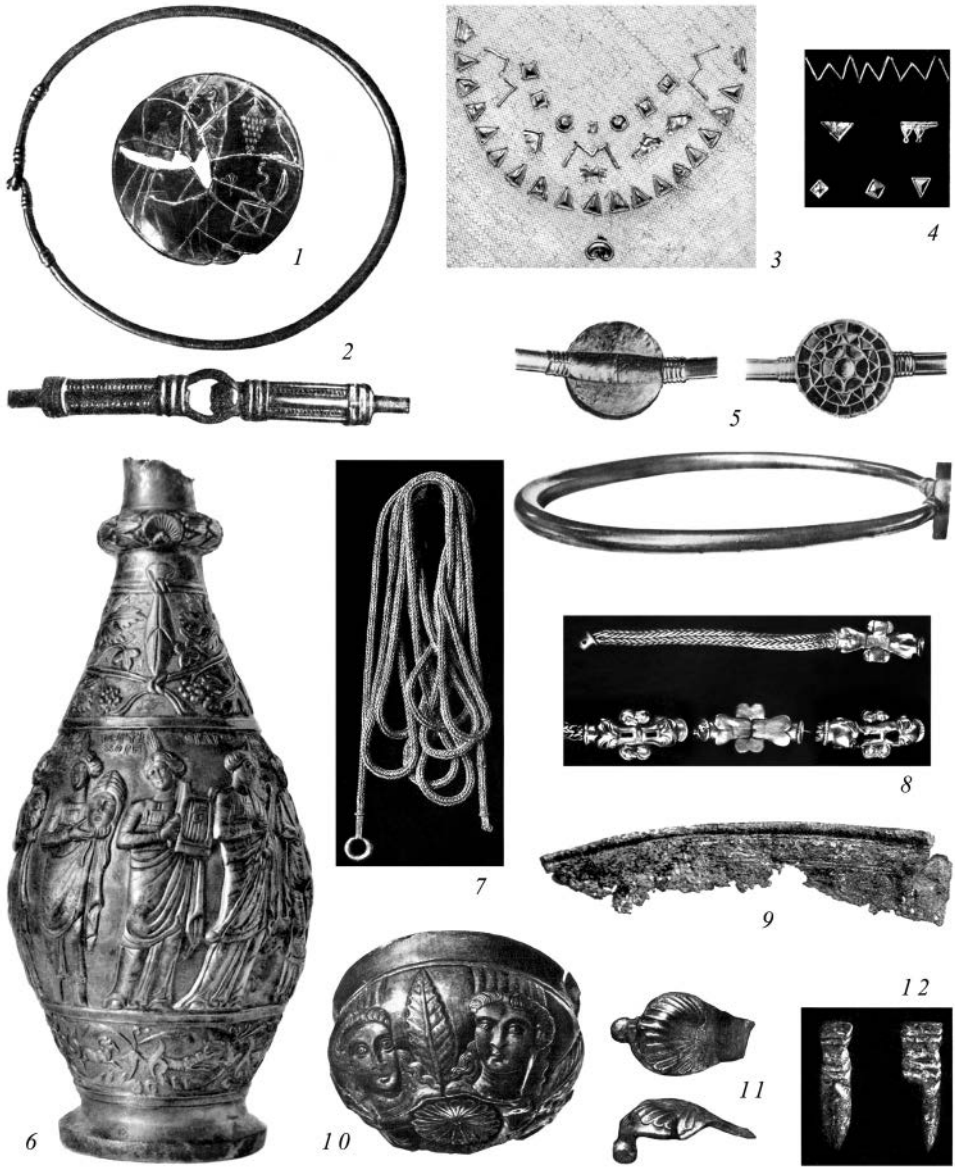


Рис. 1. Находки из «Обоянского клада» 1849 г. (1–3), «1-го Старосуджанского клада» 1918 г. (4, 6, 9–12), «2-го Старосуджанского клада» 1927 г. (5, 7, 8)

1 – стекло; *2* – медь, позолота; *3, 4* – золотая фольга; *5* – золото, стекло; *6* – серебро, позолота; *7, 8* – золото; *9, 12* – бронза; *10, 11* – серебро

(фото И. Н. Александрова, по: *Мацулевич*, 1934)

«Обоянский клад» – Паники

Первая находка «клада» в регионе была сделана «государственными» крестьянами в 1849 г. в Обоянском уезде (совр. Медвенский район), в Винном логу у д. Паники (истоки р. Полная, левого притока Сейма). Описаны и сохранились лишь гривна весом 262 грамма, более 70 разной формы золотых тисненых нашивок на одежду и стеклянная чаша с гравировкой (рис. 1, *1–3*) (Временник московского общества…, 1853. С. 68; *Мацулевич*, 1934. С. 79–85)[1], информация о которых попала в полицию (*Шпилев*, 2004. С. 203). Анализ, проделанный учителем химии Московского II кадетского корпуса Г. Владимирским, показал, что гривна изготовлена из сплава меди, цинка и золота. Однако на самом деле гривна имеет медную основу и позолоченное покрытие. По набору вещей можно достаточно уверенно говорить о том, что они происходят из погребения, но не исключено, что более ценные вещи были безвозвратно утрачены – проданы или переплавлены.

«Старосуджанские клады» 1918 и 1927 гг.

Вторая находка была сделана уже в революционные годы вблизи г. Суджа, в историографии она получила название «Первый Старосуджанский клад». Однако о его существовании стало известно только в ходе исследований, связанных со «Вторым Старосуджанским кладом 1927 года». В октябре 1927 г. у сотрудников советских органов власти появилась информация о найденных в Льговском на тот момент уезде Курской губернии массивных золотых вещах (гривне и цепи). Как выяснилось, в октябре 1927 г. в д. Большой Каменец, расположенной у истоков р. Суджа – правого притока р. Псёл, дети, возвращавшиеся из школы, на высоком склоне берега нашли: золотую цепь длиной 252 см и весом 320 г и золотую гривну весом 1 кг 450 г с медальоном в стиле клуазоне (рис. 1, *5, 7, 8*). Вскоре сведения о находке дошли до уездного Совета, вещи были изъяты и 4 ноября доставлены в Льговский Уисполком. Экспертизу провел часовых дел мастер из г. Льгова Н. И. Мышакин, который при помощи азотной кислоты установил, что все предметы изготовлены из червонного золота. Сведения о найденной гривне и цепи достаточно быстро дошли до Главнауки. Сотрудники Оружейной палаты и ГИМа приложили максимум усилий, особенно учитывая тяжелейшую ситуацию с сохранением культурного наследия в этот исторический период, и добились безвозмездной передачи реликвий в Государственную Оружейную палату Московского Кремля (*Шпилев*, 2002. С. 183–187). В феврале 1928 г. сотрудник Оружейной палаты Николай Николаевич Померанцев вместе с сотрудником хозчасти музея В. И. Козловым выехал в г. Льгов, где забрал золотые вещи и доставил их в музей (*Орешников*, 2011. С. 253). По всей видимости, во время этой поездки и стало известно, что данная находка не первая в деревне. Примерно за десять лет до этого дети беженцев из Волынской губернии случайно обнаружили на берегу ручья, недалеко от деревни, погребение

[1] В настоящее время вещи выставлены в постоянной экспозиции в ГИМ (Москва).

в камере, выложенной камнями. Могила, вероятно, обнажилась в результате размыва грунтовыми водами, после чего свод был проломлен лошадью, оставленной крестьянами, собиравшими камни по логам на месте могилы. Впоследствии сами крестьяне упоминали скопление камней округлой формы диаметром с сажень на этом месте. Детям удалось выкопать серебряный кувшин и другие вещи. О находке стало известно в деревне, после чего были произведены грабительские раскопки и расхищение обнаруженных вещей, и, вероятно, могила при этом была значительно разрушена. В конце июня 1928 г. в Оружейную палату был доставлен серебряный кувшин и золотой браслет из Большого Каменца (*Орешников*, 2011. С. 281). Учитывая особую ценность находок, Главнаукой была отправлена специальная Суджинская экспедиция под руководством В. А. Городцова для обследования места находки, выяснения обстоятельств и ее исторического контекста, а также с целью постановки возможного памятника археологии на охрану. В ее состав, помимо самого В. А. Городцова, вошли: Николай Николаевич Померанцев (Оружейная палата), Леонид Антонович Мацулевич (Эрмитаж), Мстислав Васильевич Городцов, студент 2-го курса МГУ Борис Александрович Рыбаков, завхоз Оружейной палаты В. И. Козлов (рис. 2, *В*). 6–12 июля 1928 г. была проведена визуальная разведка по маршруту от Суджи до Большого Каменца, произведены раскопки на месте обнаружения в 1927 г. золотых вещей. Во время опросов местных жителей удалось выяснить, что вместе с гривной и цепью были найдены также два или, возможно, три золотых браслета. По описаниям крестьян тогда удалось установить примерный первоначальный состав погребального инвентаря, в который входили: серебряный с позолотой кувшин с изображением муз, бронзовое посеребренное ведро, бронзовый кронштейн от сосуда, серебряный фалар, нашивные штампованные золотые украшения (рис. 1, *4, 6, 9–12*) (*Мацулевич*, 1934. С. 15–76). Эти вещи впоследствии удалось вернуть в общественное достояние. Кроме того, часть вещей в послереволюционные годы, по словам крестьян, пропала бесследно, среди них были: золотая шейная гривна с медальоном, два золотых браслета, которые якобы забрал с собой беженец Сулик. Жители Каменца сообщили, что он утонул при переправе через какую-то реку. По словам участников находки 1927 г., Семен Яковлевич Ефремов выкопал три браслета, один из которых был вскоре украден из его дома. Один из браслетов был цельнолитой шарнирный со змееголовыми окончаниями, инкрустированными цветными камнями. Большинство найденных вещей разошлось по рукам, некоторые из них местные жители приспособили для своих нужд: золотой перстень был переделан одним из местных жителей под свою руку, стеклянные чаша и блюдо использовались в быту (Там же. С. 52). В ходе работ экспедиции В. А. Городцова удалось при поддержке местных советских органов выкупить и изъять у случайных владельцев часть вещей из «первого клада».

По описанию очевидцев находки 1918 г., могила располагалась непосредственно на берегу ручья на минимальном расстоянии от воды, при этом после разрушения свода яма была завалена камнями и затоплена водой. Сама камера имела подквадратную форму размерами 2 × 1,5 м (ориентировочно). Стены и пол были выложены местным камнем, имевшим следы подработки – по форме и размерам он напоминал кирпич. На дне была сделана ступенька, на которой

Рис. 2. Суджинская экспедиция 1928 г.

А – траншея на месте находки «2-го Старосуджанского клада»; *Б* – раскопки на месте находки погребения – «1-го Старосуджанского клада»; *В* – участники экспедиции (слева направо): *в первом ряду сидят*: В. И. Козлов, В. А. Городцов, М. В. Городцов; *во втором ряду*: Б. А. Рыбаков, Л. А. Мацулевич; *в третьем ряду*: Н. Н. Померанцев

(фото Н. Н. Померанцева, фонд В. А. Городцова. ОПИ ГИМ)

стояли сосуды. Глубина была на уровне шеи лошади. Помимо многочисленных вещей, крестьяне выкопали человеческие кости и череп, который потом долгое время хранился у одного из находчиков. Судя по описаниям крестьян, кости были очень большие, так же как и череп, про который крестьяне рассказывали, что у него была «пядь» между краями глазниц, упоминались и сохранившееся волосы, заплетенные в косу. Большинство фактов, изложенных в дневниках Л. А. Мацулевича и В. А. Городцова, были подтверждены во время нашего разговора в 2006 г. с Н. А. Семинихиной – дочерью одного из находчиков клада 1918 г. На месте находок «первого» и «второго кладов» В. А. Городцовым были проведены полевые изыскания, однако результатов они не дали (рис. 2, *А, Б*). Лишь в случае с могилой в обрезе берега были прослежены остатки большой ямы.

В дневниках В. А. Городцова и Л. А. Мацулевича подтверждается высокая степень достоверности крестьянских рассказов и описаний находки 1918 г. Для раскопок в 1928 г. были наняты многие участники находки, и сотрудники экспедиции проводили перекрестные опросы жителей, уточняя обстоятельства нахождения обоих «кладов». Имеющаяся информация о составе «утерянных» в 1918 г. драгоценностях из состава погребального инвентаря и состав находки 1927 г. позволяет предположить, что последняя, с высокой степенью вероятности, могла относиться к погребению, найденному в 1918 г. Семья беженцев Сулик проживала именно в школе. Вероятнее всего, драгоценные вещи были перепрятаны одним из находчиков, которым, скорее всего, был отец детей, сделавших находку. Однако он сам пропал в революционные годы, не сумев использовать ее. На это же указывают и обстоятельства обнаружения (вещи были вымыты с небольшой глубины), и само место «клада», найденного на территории пришкольного сада в верхней части высокого склона берега. Раскопки В. А. Городцова показали полное отсутствие культурного слоя на месте обнаружения вещей.

В. А. Городцов в своем дневнике в итоге констатировал неудачу экспедиции ввиду невозможности обнаружить само погребальное сооружение – раскопки были закончены через 5 дней, и практически половина средств, отпущенных на работы, была сдана по возвращении в Москву в бухгалтерию. Однако теперь очевидно, что другого варианта при имеющихся тогда технических возможностях быть не могло. Заслуженным успехом Суджинской экспедиции стала точная фиксация устного описания находки непосредственными участниками событий 1918 г. и точная географическая привязка места, которую провели М. В. Городцов и Б. А. Рыбаков. В 2006–2013 гг. Средне-Сейминская экспедиция ИА РАН, основываясь на результатах работ Суджинской экспедиции 1928 г., проводила полевые обследования, которые позволили локализовать точное место обнаружения погребения в каменном склепе и с помощью георадарной разведки обнаружить следы разрушения на берегу, выявить камни, сохранившиеся от его конструкции.

Волниковский «клад»

Не так давно, в 2010 г., стала известна находка нового погребения с «золотым» инвентарем из окрестностей д. Волниковка Фатежского района, в истоках р. Усожа, впадающей в р. Свапа, правый приток р. Сейм. По всей видимости,

погребение было разрушено в 1987–1988 гг. при строительстве трубопровода. Тогда строителями были найдены согнутый меч, золотая лунница, украшенная цветными камнями, и другие неустановленные вещи (*Радюш*, 2012б. С. 96–97; *Радюш, Щеглова*, 2013. С. 5–7). Все эти находки не сохранились. Весной 2010 г. бывший местный житель Волниковки совершил несколько выездов на место и выкопал большинство крупных предметов. Для добычи мелких он использовал сито. После его задержания сотрудниками ФСБ и МВД в начале июля все вещи были изъяты у него и перекупщика в Брянске. На месте находки в 2010 г. произведены исследовательские работы Средне-Сейминской экспедиции ИА РАН. Удалось зафиксировать значительные разрушения мыса, где были сделаны находки, по всей видимости полностью уничтожившие погребение еще во время строительства. На глубине 1–1,5 м был зафиксирован непотревоженный переотложенный слой, в нем найден обломок биметаллического (серебряного / железного) псалия (цв. илл. XXII, *13*). Кроме того, в слое в результате промывки и просеивания были зафиксированы также позолоченные и серебряные головки заклепок и несколько накладок, в том числе с остатками кожи, что указывает на хорошую степень первоначальной герметизации могилы. Также были найдены два фрагмента стеклянного толстостенного сосуда кобальтового стекла, один из которых, возможно, относился к ручке, а другой – к массивному дну. Три фрагмента от поломанного узколезвийного (3 см) короткого меча или кинжала были обнаружены под склоном мыса практически на поверхности – они могли быть выброшены находчиком. Были найдены сильно фрагментированные кости губчатой структуры и две определимые кости: одна из них тазовая, вторая – позвонок нижнего отдела. На поверхности верхней площадки, а также по склону – мелкие фрагменты трубчатых костей, которые имели очень плохую сохранность. По определению к. и. н. А. А. Чубура (БрГУ), эти фрагменты костей принадлежали молодому мамонту, вероятно, строительство трубы задело и палеолитические слои. Геомагнитные и георадарные изыскания[2] непосредственно над местом находки и по ближайшим мысам результатов не дали – заглубленные аномалии отсутствовали. Непосредственно место находки оказалось недоступным для исследований из-за массивной стальной трубы и крутизны склона.

В состав Волниковской находки входят группы предметов, объединенных общими особенностями оформления, которые в то же время несколько различаются между собой. Они составляют несколько стилистически единых комплектов богато украшенного снаряжения воина-всадника. В отделе научно-технической экспертизы Гос. Эрмитажа методом рентгенофлюоресцентного анализа аналитиками С. В. Хавриным и К. С. Чугуновым был установлен состав металла и сделаны минералогические определения каменных вставок. В предметах, изготовленных в стиле перегородчатой инкрустации, вставки зеленого цвета были изготовлены из натрий-кальциевого стекла, окрашенного медью. При этом применялась не чистая медь, а свинцово-оловянистая бронза. Все вставки красного цвета относятся к группе гранатов (альмандин, спессартин). Одна из красных

[2] Изыскания проводили В. Г. Бездудный и д. ф-м. н. Д. В. Шишков.

вставок в одной из пряжек оказалась принадлежащей к группе кварца (сердолик, сард, карнеол). Под подложки для вставок была залита сера. В позолоченных и обтянутых золотой фольгой вещах в качестве материала для основы применялись либо серебро, либо практически чистая медь, а не бронза или латунь. Золочение делалось огневое (амальгамное). В предметах полихромного стиля со вставками-кабошонами вставки красного цвета относятся к группе кварца (сердолик, сард, карнеол)[3].

I. «Золотой» портупейный набор, ножны и детали меча, оформленные в стиле «*клуазоне*» (цв. илл. XXIII, *1–9, 19–24*). Размеры меча, судя по длине ножен, не менее 80 см. Ножны меча из Волниковки, по-видимому, были деревянными, возможно обтянутыми тонкой крашеной кожей, а сверху покрыты золотым листом. Форму ножен по бокам «держали» рифленые «U»-образные скобы.

II. Серебряная портупея (цв. илл. XXIII, *10–16*).

III. «Золотая» портупея и детали короткого меча / кинжала с инкрустацией в отдельно напаянных гнездах (цв. илл. XXIII, *25–40*).

IV. «Золотой» набор украшений упряжи с инкрустацией в отдельно напаянных гнездах (цв. илл. XXII, *1–7, 15–17, 22–25, 30–34*).

V. Элементы ременных уздечных наборов, украшенные *чеканкой* в стиле «Сёздала» (цв. илл. XXII, *8–10*).

Согласно разработкам И. П. Засецкой, вещи из этого «клада» могут относиться ко 2-й и 4-й группам полихромных изделий (*Засецкая*, 1982. С. 14–30). По совокупности признаков Волниковская находка датируется последней четвертью IV – первой половиной V в. н. э., что соответствует так называемому горизонту Унтерзибенбрунн или периоду D2 «варварской» европейской хронологии[4], т. е. 380/400–440/450 гг.

Таким образом, к настоящему моменту с разным уровнем фиксации точного географического положения (от нескольких метров в Волниковке и в Большом Каменце до сотен метров в Паниках) в Посемье известны три находки, связанные с погребальным обрядом знати. Характер погребений более-менее установим для двух из них – Большой Каменец и Волниковка, в случае с «Обоянским кладом» нам известны лишь единичные вещи, не позволяющие судить в целом о захоронении. Набор погребального инвентаря и его качественные характеристики позволяют отнести находку из Большого Каменца к высшему «княжескому» уровню знати – на это указывает наличие массивных золотых вещей: гривны, двух или трех браслетов, цепи, перстня, «пиршественного» набора, включавшего ранневизантийский кувшин и стеклянные сосуды, тогда как находка из Волниковки находит множество аналогий среди группы «вождеских» погребений воинской знати эпохи Великого переселения народов. Обе группы имеют

[3] Реставрация и консервация вещей из клада проведены группой реставраторов в 2010–1012 гг. (П. В. Бирюков – Москва, Н. С. Курганов – СПб., ГОА ИИМК РАН, А. В. Зубков – Курск, КГОМА). С мая 2012 г. все находки выставлены в постоянной экспозиции в отдельном зале Курского музея археологии.

[4] Здесь и далее используется общеевропейская хронология Барбарикума, см., например: (*Tejral*, 1988; 2007; *Shchukin et al.*, 2006).

множество вариантов в разных регионах Европы, однако некоторые общие моменты следует выделить. Для первых характерны сложные погребальные сооружения, в том числе с использованием камня, камерных конструкций из дерева, римские импорты, наличие изделий из чистого золота и серебра, массивные гривны и браслеты из драгоценных металлов, богато украшенная одежда (Попрад, Концешты и др.) (*Казанский*, 1997. С. 181–193; *Гавритухин*, 2007. С. 33–38). Вторая группа – погребения, обычно сопровождающиеся мечами с инкрустированными ножнами и рукоятями, где имеется богатый набор посуды, в том числе стеклянной, но используется и гончарная. Чаще всего для украшения вещей используются техники позолоты, инкрустации клуазоне (Якушовице, Лермонтовская скала, Круглица/Поршнино и др.) (*Казанский*, 2010. С. 307–320).

Все три находки могут быть датированы периодом D2 (или горизонтом Унтерзибенбрунн), т. е. 380/400–440/450 гг. Л. А. Мацулевич на основании убедительного стилистического анализа клейм на кувшине из Большого Каменца датировал его рубежом IV/V в. (*Мацулевич*, 1934. С. 34, 35). Эта датировка признается большинством исследователей, исключением является мнение И. О. Гавритухина, предлагающего более позднюю датировку – вплоть до второй половины V в. (период D3, т. е. 450–470/480 гг.) (*Гавритухин*, 2007. С. 35–38).

Льговско-фатежская группа

Новые данные об археологической ситуации в Посемье позволяют включить эти находки в общую картину заселения этой территории в финале позднеримского времени и начале эпохи Великого переселения народов.

Так, в результате исследований Средне-Сейминской экспедиции ИА РАН 2005–2013 гг. удалось выделить два разновременных ареала памятников, связанных с черняховской традицией. Ранние, относящиеся ко второй половине III – концу IV в., занимали почти всю территорию между реками Сейм и Псел, вплоть до их истоков. Ряд из них фиксируется по правому берегу р. Сейм на участке от Льгова до Курска, далее эти поселения прослежены на север по долине р. Тускарь до впадения в нее р. Свапа и на восток до верховьев р. Рать. Большинство крупных поселений к концу IV в. прекратили свое существование, позднейшими монетами на них являются отчеканенные при императоре Валенте (364–378 гг.) (*Радюш*, 2008. С. 140–143).

Для более позднего этапа – конца IV/начала V в. – удалось локализовать памятники относительно узкого хронологического периода, которые условно обозначены нами как *льговско-фатежская группа*. На этих поселениях найдены монеты эпохи правления Аркадия-Феодосия-Гонория и вещи-хроноиндикаторы, связанные с периодами D1-D2 «варварской» европейской хронологии, т. е. 360/370–400/410 и 380/400–440/450 гг. (рис. 3) (Там же; 2012а. С. 188–193). Для обозначенной группы памятников характерна однослойность поселений и недолговременность их существования. Население поселков продолжает использовать черняховскую круговую посуду, как лощеную, так и шероховатую. Большое количество находок предметов вооружения (разнообразные наконечники стрел, детали щитов, мечей, копий, топоров), в том числе

со следами повреждений, может указывать на гибель этих поселений в результате военных действий. Находки вещей, датируемых периодами D1-D2, также известны в ряде случаев на поселениях, расположенных на Псле и Тускаре, но они единичны и обычно связаны с многослойными поселениями.

Погребение в Большом Каменце находится в центре зоны распространения памятников черняховской культуры – между Сеймом и Пслом (цв. илл. XXI). Крупными по размерам поселениями (10–30 га) заняты практически все устья рек и ручьев, впадающих в Псёл и Сейм. На большинстве истоков рек и ручьев в междуречье также выявлены поселения с черняховской керамикой (*Радюш*, 2010. С. 207–209. Табл. VIa). Такие поселения хорошо известны и на Судже вплоть до ее истоков. Во время разведок, связанных со «Старосуджанскими кладами», Ю. А. Липкинг зафиксировал слой черняховского времени на устье ручья Каменец у хутора Выдрин (*Липкинг*, 1962; 1971. С. 60).

В 2006 г. Средне-Сейминская экспедиция ИА РАН открыла поселение протяженностью до 500 м и на правом берегу, на огородах хутора Выдрин (*Радюш*, 2014). Характер подъемного материала указывал на прямое сходство с материалами крупных поселений, исследованных нами в Посемье (Пены, Рязаново, Дичня, Лукашевка и др.), датирующихся концом III – концом IV в. В 2013 г. в заложенном шурфе (4 × 4 м) нами были выявлены остатки вымостки вокруг углубленной постройки, выложенной из дикого камня, в виде четырехугольной клети, что совершенно нетипично для левобережных памятников черняховской культуры. Среди находок в шурфе: фибула с высоким приемником (A/VII), фибула «воинского» типа, обломки пряслиц, обломок серебряного изделия, фрагмент стеклянного сосуда с напаянными нитями. Нетипичной для аналогичных памятников является и насыщенность слоя керамикой, которая в заполнении клети включала преобладающую гончарную черняховскую посуду, фрагменты античных краснолаковых мисок. В яме, расположенной внутри клети, преобладали фрагменты груболепных толстостенных слабопрофилированных горшков. Проведенное геомагнитное исследование подтвердило наличие крупной постройки размерами не менее 10 × 6 м.

Обследование окрестностей находки «Обоянского клада» позволило выявить протяженное поселение в истоках р. Полная, в 200 м от устья балки Винная (ранее называлась Винный лог). Однако в данном случае гончарная черняховская керамика не преобладала в подъемном материале. Памятник также находится в центре междуречья Сейма и Псла, но в восточной – менее заселенной части.

«Клад» у д. Волниковка может относиться к северо-восточной части ареала льговско-фатежской группы (цв. илл. XXI). Поселения данного типа были обнаружены у истоков ручьев, впадающих в Усожу с юга. В 100 м от непосредственного места находки в Волниковке прослежены следы кратковременного поселения с черняховской круговой керамикой, что позволяет напрямую связывать захоронение с поселениями, несмотря на нехарактерность подобного расположения поселения – практически у истока реки Усожа.

Картирование всех трех находок указывает на их исключительную связь с истоками крупных ручьев, протекающих в глубоких балках и при этом выходящих на водоразделы речных систем. Очевидна также их привязанность к сухопутным водораздельным дорогам. Волниковка и Паники расположены

в непосредственной близости (1–3 км) от Пахнутцева шляха, ответвлявшегося от Муравского, Большой Каменец расположен вблизи от Бакаева шляха между Пслом и Сеймом (цв. илл. XXI).

К материалам, связанным со знатью, следует отнести еще несколько отдельных находок. На поселении Филиппова на севере Октябрьского района, в истоках ручья Рогозна (цв. илл. XXI), была найдена золотая пластина, украшенная орнаментом (цв. илл. XXIV, *7*). Аналогии этой находке известны в кладе драгоценностей из Силадьшомйо / Шимлеу Силванией (Szilágysomlyó / Şimleu Silvaniei, Румыния) (Barbarenschmuck und Römergöld…, 1999. S. 97–111), который датируется также горизонтом Унтерзибенбрунн. Подвеска в виде листка является одним из элементов уникальных цепей, использовавшихся в римской традиции и, очевидно, попадавших в качестве драгоценных вещей к варварам. К юго-западу от поселения Жеребцово, относящегося, судя по материалам, также к *льговско-фатежской группе* (рис. 3, *10, 11*), на дюне в пойме реки Большая Курица у д. Пименово найден клад, не связанный с погребальными древностями (цв. илл. XXI). В него входили портупейный серебряный набор (цв. илл. XXIV, *1–5*) (1 крупная поясная пряжка с овальной рамкой, 2 пряжки с прямоугольной рамкой и серповидными выступами на углах, 84 серебряные накладки) и 184 римских денариев I–II вв. н. э. Часть поясных накладок сохранилась на кожаной основе. Поясной набор, за исключением пряжек, аналогичен серебряной портупее из Волниковки, однако выполнен в серебре и в другой стилистической традиции. Хронология данного комплекса соответствует находкам из Волниковки (аналогии пряжке известны в Лучистом (Крым), Трапрейн-Ло (Traprain Law, Шотландия) и ряда других мест (*Levada*, 2011. P. 120–134. Fig. 13–16; 2013. Fig. 9; *Хайрединова*, 1999. С. 212–214. Рис. 4). Свидетельством доживания традиции «вождеских» погребений с мечами до второй половины V в. может являться находка меча из Картамышева (Обоянского района) на Псле (цв. илл. XXI). Меч был найден в 1970-е гг. местными жителями в старом карьере, на месте одной из дюн у села Спата, имел общую длину 98 см и сохранил массивное коробчатое перекрестие с выпавшей вставкой, которая, вероятнее всего, была оформлена в стиле клуазоне (*Горюнов*, 1978. С. 16, 17) (цв. илл. XXIV, *6*). Аналогии мечам такого типа известны на Северном Кавказе – Лермонтовская скала (*Рунич*, 1976. С. 256–266) – и в Германии: Альтлюссхайм (Altlussheim) (*Miks*, 2007. S. 534; *Казанский*, 2010. С. 307–317. Рис. 2, *1–4*). Синхронные древности более позднего этапа переселения (фазы D3, т. е. 450–470/480 гг.) до настоящего времени единичны в Верхнем Поднепровье и представлены лишь отдельными деталями поясных наборов. Однако они совершенно ясно указывают на сохранение «вождеской» культуры, проявившейся в начале эпохи Великого переселения народов.

Находки погребений знати и продолжение существования отдельных анклавов черняховского населения в начале V в. на территории Курского Посемья вполне могут подтверждать предположения о существовании на территории Днепровского Левобережья в IV–V вв. н. э. варварских «королевств» – военно-политических объединений, образовавшихся после гуннского вторжения и разгрома «державы Германариха» (см.: *Казанский*, 1997. С. 181–185; *Ахмедов, Казанский*, 2004. С. 169). Расположение всех трех «кладов» в непосредственной близости

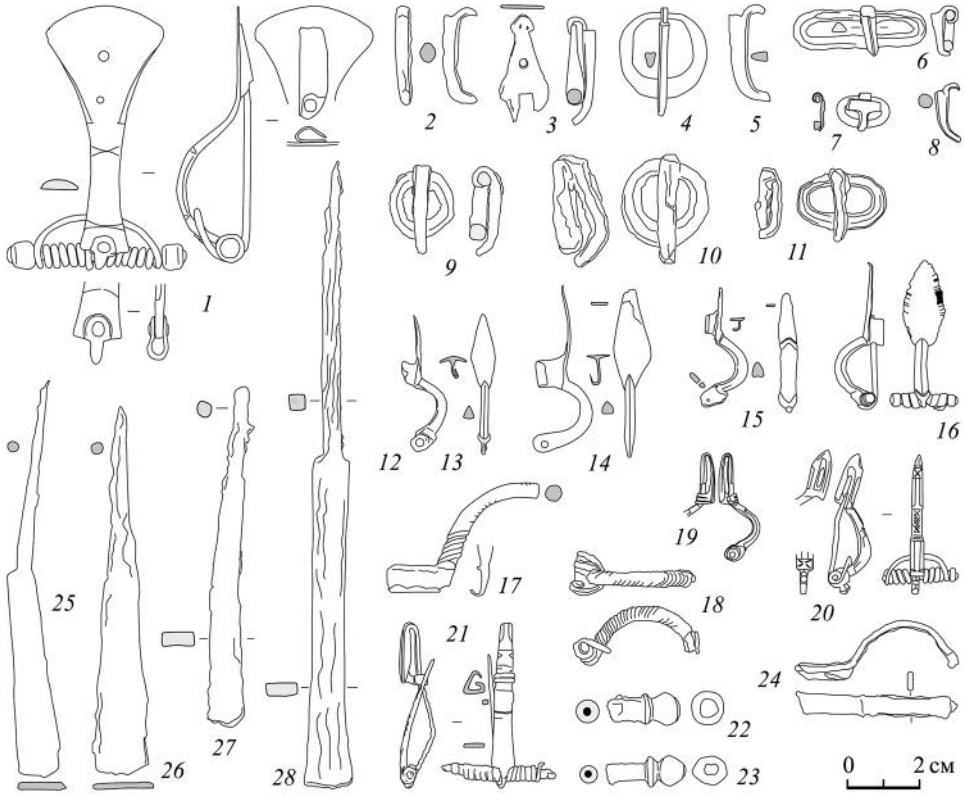


Рис. 3. Находки с поселений льговско-фатежской группы (2–28) и памятников на Псле (1)

1 – Шмырево; *3–5* – Николаевка; *2, 6–8* – Болованово; *9* – урочище Абугин; *10, 11* – Жеребцово; *12–15, 17, 24–26* – Николаевка; *16, 19* – Филиппова; *18* – Жидеевка; *20, 21* – Мармыжи; *22, 23* – Раздолье-1; *27, 28* – Раздолье-2

от важнейших водораздельных путей подтверждает важную роль, которую имели в эпоху переселения народов естественные сухопутные коммуникации, пересекающиеся в широтно-меридиональном направлении в узловом регионе Восточной Европы, которым было Курское Посемье, расположенное в непосредственной близости от восточного узла Главного водораздела Восточно-Европейской равнины.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И. Р., Казанский М. М., 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени в раннем средневековье / Отв. ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 168–202.

Временник московского общества истории и древностей российских. Кн. 16. М.: Университетская типография, 1853. С. 67, 68.

Гавритухин И. О., 2007. Комплексы элиты V в. // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 33–38. (Раннеславянский мир; Вып. 9.)

Горюнов Е. А., 1978. Отчет о работе левобережной экспедиции ЛОИА АН СССР в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7183.

Засецкая И. П., 1975. Золотые украшения гуннской эпохи: По материалам Особой кладовой Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора. 80 с.

Засецкая И. П., 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков / Отв. ред. А. К. Амброз, И. Ф. Эрдели. М.: Наука. С. 14–30.

Казанский М. М., 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные // Stratum+ Петербургский археологический вестник / Отв. ред. М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов. СПб.; Кишинев. С. 181–193.

Казанский М. М., 2010. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. СПб.: Ломоносовъ. С. 307–320.

Кропоткин В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. М.: Наука. 119 с. (САИ; Вып. Г4–4.)

Кропоткин В. В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.). М.: Наука. 280 с. (САИ; Вып. Д1–27.)

Липкинг Ю. А., 1962. Отчет о разведках в районе «Суджанских кладов» и о разведывательных раскопках у с. Разиньково Курской обл. в 1962 // Архив ИА РАН. Р-1. № 2580.

Липкинг (Александров) Ю. А., 1971. Далекое прошлое соловьиного края. Курск: Центрально-черноземное кн. изд-во. 156 с.

Мацулевич Л. А., 1934. Погребение варварского князя в Восточной Европе: новые находки в верховьях Суджи // Известия ГАИИМК. Вып. 112. ОГИЗ.143 с.

Орешников А. В., 2011. Дневник 1915–1933 гг. Т. 2 // Научное наследство. Т. 34 / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.: Наука. 716 с.

Пьета К., 2012. Камерная могила IV–V вв. в Попраде и ее контекст // Inter ambo maria. Северные варвары на пути из Скандинавии к Черному морю / Отв. ред. И. А. Храпунов. Симферополь: Наследие тысячелетий. С. 231–236.

Радюш О. А., 2008. Находки монет римского времени с территории Курской области // Славяно-русские древности Днепровского левобережья / Науч. ред. В. В. Енуков. Курск: КГУ–КГОМА. С. 140–145.

Радюш О. А., 2010. Поселение черняховской культуры у пос. им. Карла Либкнехта (Пены) // GERMANIA-SARMATIA II / Отв. ред. О. А. Щеглова, М. М. Казанский, В. Новаковский. Курск; Калининград: КГОМА; КОИХМ. С. 178–213.

Радюш О. А., 2012а. Новые данные о культурных трансформациях конца IV – V в. на границе лесостепи и леса на днепровском левобережье // Сборник материалов «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства» / Ред. О. А. Щеглова, В. М. Горюнова. СПб.: Соло. С. 188–193.

Радюш О. А., 2012б. Отчет об археологических разведках в Курчатовском, Фатежском, Золотухинском, Октябрьском, Курском, Льговском, Медвенском, Суджанском и Большесолдатском районах Курской области, проведенных в 2010–2011 годах. Ч. 1 // Архив ИА РАН. Р-1.

Радюш О. А., 2014. Отчет об археологических разведках на территории д. Большой Каменец, а также на территории Большесолдатского, Хомутовского, Курчатовского, Октябрьского и др. районов Курской обл. в 2013 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Радюш О. А., Щеглова О. А., 2013. Волниковский «клад». Курск: КГОМА. 51 с.

Рунич А. П., 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. № 3. С. 256–266.

Рыбаков Б. А., 1953. Древние русы // СА. XVII. М.: Наука. С. 23–104.

Хайрединова Э. А., 1999. Костюм варваров V в. по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре / Ред. вып. М. Е. Левада. Киев: Товариство Археології та Антропології. С. 203–230. (Бібліотека VITA ANTIQUA.)

Шпилев А. Г., 2002. К уточнению обстоятельств находки клада золотых предметов у села Большой Каменец // Золотой, серебряный, железный… Курск: КГПУ. С. 183–188.

Шпилев А. Г., 2004. К уточнению места нахождения «Обоянского клада» 1849 г. // Культурные трансформации и взаимовлияния в днепровском регионе на исходе римского времени в раннем средневековье / Отв. ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 203.

Щукин М. Б., 2005. Готский путь: готы, Рим и черняховская культура. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ. 576 с.

Barbarenschmuck und Römergöld. Der Schatz von Szilágysomlyó / Hrsg. W. Seipel. Wien: Kunsthistorisches Museum, 1999. 229 s.

Levada M., 2011. To Europe via the Crimea: on possible migration routes of the northern people in the great migration period // INTER AMBO MARIA: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period / Eds I. Khrapunov, F-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: DOLYA. P. 115–137.

Levada M., 2013. Sösdala: The problem of singling out an artistic style // INTER AMBO MARIA: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea / Eds I. Khrapunov, F-A. Stylegar. Kristiansand; Simferopol: DOLYA. C. 213–235.

Miks C., 2007. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit // Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen; 8: Katalog und Tafeln. Rahden: Verlag Marie Leidorf Gmbh. 416 S.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR International Series; 1535.)

Tejral J., 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum // Archaeologia Austriaca. Bd. 72. S. 223–304.

Tejral J., 2007. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologiský Ústav Akademie věd České Republiky Brno. S. 55–119.

Сведения об авторе.

Радюш Олег Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: radjush@mail.ru.

O. A. Radyush

Princely and leaders' burials in the early 5th century in the upper reaches of the Dnieper: new research and finds

Abstract. In the Kursk Region three famous hoards dating from the late 4th or early 5th century AD were found close to each other – the Bolshoi Kamenets Hoard, the Paniki or so-called Oboyan Hoard and the Volnikovka Hoard. This was a unique situation in Eastern Europe. Archive and field research in the course of the last decade has made it possible to specify the archaeological contexts of the find-spots, the circumstances in which they were found and also to identify settlements of the same period, dating from the late and final stages of antiquities from the Chernyakhov culture in the Seim River basin. All three complexes are associated with burials which were destroyed and looted in the 19th and

20th centuries. They represent an extremely rare phenomenon against the background of antiquities from settlements in this particular region and can definitely be regarded as part of the series of elite burials of «princes» or «leaders» dating from the beginning of the period of the Great Migration of the Peoples in Europe.

Keywords: Great Migration of the Peoples, East side of the Dnieper, princely burials, burial rite, vault.

REFERENCES

Akhmedov I. R., Kazansky M. M., 2004. Posle Attily. Kiyevsky klad i yego kul'turno-istorichesky kontekst [After Attila. Kiev hoard and its cultural-historical context]. *Kul'turnyye transformatsii i vzaimovliyaniya v dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni v rannem srednevekov'ye* [*Cultural transformations and mutual influence in Dnieper region in the end of Roman time and early Middle Ages*]. V. M. Goryunova, O. A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, pp. 168–202.

Barbarenschmuck und Römergöld. Der Schatz von Szilágysomlyó, 1999. W. Seipel, ed. Wien: Kunsthistorisches Museum. 229 p.

Gavritukhin I. O. 2007. Kompleksy elity V v. [Complexes of elite of V c.]. *Vostochnaya Yevropa v seredine I tysyacheletiya n. e.* [*Eastern Europe in mid I millennium AD*]. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomsky, eds. Moscow: IA RAN, pp. 33–38. (Ranneslavyansky mir, 9.)

Goryunov Ye. A., 1978. Report of works of left-bank expedition LOIA AN SSSR in 1978. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished).

Kazansky M. M., 1997. Ostrogotskiye korolevstva v gunnskuyu epokhu: rasskaz Iordana i arkheologicheskiye dannyye [Ostrogoth kingdoms in Hun epoch: Iordan's account and archaeological data]. *Stratum Plus. Peterburgsky arkheologichesky vestnik* [*Stratum Plus. Petersburg archaeological bulletin*]. St. Petersburg; Kishinev: Oyum: Farn, pp. 181–193.

Kazansky M. M., 2010. «Vozhdeskiye» pogrebeniya gunnskogo vremeni s mechami [«Chieftain's» burials of Hun time containing swords]. *Krayeugol'ny kamen'. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran* [*Corner stone. Archaeology, history, arts, culture of Russia and adjacent countries*], I. Ye. N. Nosov, S. V. Beletsky, eds. Moscow: Lomonosov, pp. 307–320.

Khayredinova E. A., 1999. Kostyum varvarov V v. po materialam mogil'nika u sela Luchistoye v Krymu [Costume of barbarians of V c. on data from cemetery near village Luchistoye in Crimea]. *Sto let chernyakhovskoy kul'ture* [*Centenary of Chernyakhov culture*]. M. E. Levada, ed. Kiyev: Tovaristvo Arkheologiï ta Antropologiï, pp. 203–230. (Biblioteka VITA ANTIQUA.)

Kropotkin V. V. 1961. Klady rimskikh monet na territorii USSR [Hoards of Roman coins in territory of USSR]. Moscow: Nauka. 119 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, G4-4).

Kropotkin V. V., 1970. Rimskiye importnyye izdeliya v Vostochnoy Yevrope (II v. do n. e. – V v. n. e.) [Roman imported items in Eastern Europe (II c. BC – V c. AD)]. Moscow: Nauka. 280 p. (Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov, D1-27.)

Levada M., 2011. To Europe via the Crimea: on possible migration routes of the northern people in the great migration period. *Inter ambo maria.: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. I. Khrapunov, F-A. Stylegar, eds. Kristiansand; Simferopol: Dolya, pp. 115–137.

Levada M., 2013. Sösdala: The problem of singling out an artistic style. *Inter ambo maria.: Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*. I. Khrapunov, F-A. Stylegar, eds. Kristiansand; Simferopol: Dolya, pp. 213–235.

Lipking Yu. A., 1962. Report on surveys in the region of «Sudzhanskiye hoards» and test excavations near village Razin'kovo, Kurs Region in 1962. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished).

Lipking (Aleksandrov) Yu. A., 1971. Dalekoye proshloye solov'inogo kraya [Remote past of nightingales' land]. Kursk: Tsentral'no-chernozemnoye knizhnoye izdatel'stvo. 156 p.

Matsulevich L. A., 1934. Pogrebeniye varvarskogo knyazya v Vostochnoy Yevrope: novyye nakhodki v verkhov'yakh Sudzhi [Burial of barbarian prince in Eastern Europe: new finds in Upper Sudzha reaches]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 143 p. (Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury, 112.)

Miks C., 2007. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen. 8: Katalog und Tafeln. Rahden: Verlag Marie Leidorf Gmbh. 416 p.

Oreshnikov A. V., 2011. Dnevnik 1915–1933 gg. [Diary for 1915–1933], 2. *Nauchnoye nasledstvo* [*Scientific inheritance*], 34. P. G. Gaydukov, ed. Moscow: Nauka. 716 p.

Pieta K., 2012. Kamernaya mogila IV–V vv. v Poprade i yeyo kontekst [The Fourth-Fifth Century Chamber Grave from Poprad and its surroundings]. *Inter ambo maria. Severnyye varvary na puti iz Skandinavii k Chernomu moryu* [*Northern barbarians on the road from Scandinavia towards the Black Sea*]. I. A. Khrapunov, ed. Simferopol': Naslediye tysyachelety, pp. 231–236.

Radyush O. A., 2008. Nakhodki monet rimskogo vremeni s territorii Kurskoy oblasti [Coin finds of Roman time from territory of Kursk Region]. *Slavyano-russkiye drevnosti Dneprovskogo levoberezh'ya* [*Slavic-Russian antiquities of Dnieper left bank region*]. V. V. Yenukov, ed. Kursk: Kursky gosudarstvenny universitet: Kursky gosudarstvenny oblastnoy muzey arkheologii, pp. 140–145.

Radyush O. A., 2010. Poseleniye chernyakhovskoy kul'tury u pos. im. Karla Libknekhta (Peny) [Setllement of Chernyakhov culture near Karl Liebknecht community (Peny)]. *Germania-Sarmatia II*. O. A. Shcheglova, ed. Kursk: Kursky gosudarstvenny oblastnoy muzey arkheologii; Kaliningrad: Kaliningradsky oblastnoy istoriko-khudozhestvenny muzey, pp. 178–213.

Radyush O. A., 2012a. Novyye dannyye o kul'turnykh transformatsiyakh kontsa IV–V vv. na granitse lesostepi i lesa na dneprovskom levoberezh'ye [New data on cultural transformations of late IV–V cc. on border of forest-steppe and forest on Dnieper left bank region]. *Sbornik materialov «Slavyane Vostochnoy Yevropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva»* [*Collection of articles «Slavs of Eastern Europe on the eve of formation of Medieval Russian state»*]. O. A. Shcheglova, V. M. Goryunova, eds. St. Petersburg: Solo, pp. 188–193.

Radyush O. A., 2012b. Report: On archaeological surveys in Kurchatov, Fatezh, Zolotukhino, Zolotukhino, Oktyabr'skoye, Kursk, L'gov, Medven, Sudzhansk and Bolshoye Soldatskoye districts of Kursk Region carried out in 2010–2011. Part 1. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished).

Radyush O. A., 2014. Report: On archaeological surveys in the territory of village Bol'shoy Kamenets, and also in the territory of Bolshoye Soldatskoye, Khomutovo, Kurchatov, Oktyabr'skoye and other districts of Kursk Region in 2013. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished).

Radyush O. A., Shcheglova O. A., 2013. Volnikovsky «klad» [Volnikovka «hoard»]. Kursk: Kursky gosudarstvenny oblastnoy muzey arkheologii. 51 p.

Runich A. P., 1976. Zakhoroneniye vozhdya epokhi rannego srednevekov'ya iz Kislovodskoy kotloviny [A leader's burial of early Middle Ages from Kislovodsk depression]. *SA*, 3, pp. 256–266.

Rybakov B. A., 1953. Drevniye rusy [Ancient Ruses]. *SA*, XVII, pp. 23–104.

Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns. Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR International Series; 1535.)

Shchukin M. B., 2005. Gotsky put'. Goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura [Goths' path. Goths, Rome and Chernykhov culture]. St. Petersburg: Filologichesky fakul'tet St. Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 576 p.

Shpilev A. G., 2002. K utochneniyu obstoyatel'stv nakhodki klada zolotykh predmetov u sela Bol'shoy Kamenets [On defining more exactly circumstances of discovery of hoard of golden artifacts near village Bol'shoy Kamenets]. *Zolotoy, serebryany, zheleznyy…* [*Golden, silver, iron one…*]. Kursk: Kursky gosudarstvenny pedagogichesky universitet, pp. 183–188.

Shpilev A. G., 2004. K utochneniyu mesta nakhozhdeniya «Oboyanskogo klada» 1849 g. [On defining more exactly place of discovery of «Oboyan hoard» of 1849]. *Kul'turnyye transformatsii i vzaimovliyaniya v dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni v rannem srednevekov'ye* [*Cultural*

transformations and mutual influence in Dnieper region in the end of Roman time and early Middle Ages]. V. M. Goryunova, O. A. Shcheglova, eds. St. Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, p. 203.

Tejral J., 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum. *Archaeologia Austriaca*, 72, pp. 223–304.

Tejral J., 2007. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im Mitteldonauraum aus der Sicht der Archäologie. *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. J. Tejral, ed. Brno: Archeologiský Ústav Akademie věd České Republiky Brno, pp. 55–119.

Vremennik moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh [Periodical of Moscow society of history and Russian antiquities], 1853. 16. Moscow: Universitetskaya tipografiya, pp. 67–68.

Zasetskaya I. P., 1975. Zolotyye ukrasheniya gunnskoy epokhi: Po materialam Osoboy kladovoy Gosudarstvennogo Ermitazha [Golden ornaments of Hun epoch: On materials of Special stockroom of State Hermitage]. Leningrad: Avrora. 80 p.

Zasetskaya I. P., 1982. Klassifikatsiya polikhromnykh izdely gunnskoy epokhi po stilisticheskim dannym [Classification of polychrome items of Hun epoch by stylistic]. *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniya narodov V–VIII vekov* [*Antiquities of Great Migration Period of V–VIII centuries*]. A. K. Ambroz, I. F. Erdeli, eds. Moscow: Nauka, pp. 14–30.

About the author.

Radyush Oleg A., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: radjush@mail.ru.

Э. Иштванович, В. Кульчар

«ВОЖДЕСКИЕ» ПОГРЕБЕНИЯ И ЦЕНТРЫ ВЛАСТИ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ И ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ

Резюме. Вопрос о центрах власти римского времени в Барбарикуме Карпатского бассейна весьма сложен. В статье выдвигается предположение, что один из таких центров мог находиться в Северо-Восточной Венгрии (группа Гестеред – Тисалёк – Херпай). В гуннское время центр мог переместиться на среднюю Тису (Ясалшосентдьёрдь) и несколько южнее, в район Чонграда и Сегеда. Возможно, что в этом районе могла располагаться ставка Аттилы. В северной части Карпатского бассейна известна серия германских «вождеских» погребений (Страже, Остропатака, Цеке), а также «княжеское» погребение из Попрада, датируемое V в. Королевский клад Силадьшомйо традиционно связывают с гепидами. В статье выдвигается иная версия: предполагается, что данный комплекс представлял собой захваченные у гепидов ценности, которые попали в сокровищницу гуннов.

Ключевые слова: Паннония, Дакия, Мёзия, сарматы, германцы, гунны, гепиды, Силадьшомйо.

Говоря о Карпатском бассейне, мы должны иметь в виду пять совершенно различных регионов: это Задунавье – римская провинция Паннония (цв. илл. XXV, *I*); Алфёльд, то есть Большая Венгерская низменность (сарматский Барбарикум) (цв. илл. XXV, *VIII*); северная полоса (германский Барбарикум: маркоманны, квады и вандалы) (цв. илл. XXV, *VI–VII, IX*); провинция Мёзия (часть территории современных Сербии и Болгарии), граничащая с варварами с севера (цв. илл. XXV, *III*); и, наконец, Трансильвания (Румыния), территория провинции Дакии, оставленной римлянами в 271 г. (цв. илл. XXV, *II*). В данной работе мы делаем упор на территории сарматского Барбарикума, не забывая также о германских угодьях Карпатского бассейна.

Ставя перед собой задачу выявления центров власти, нельзя забывать, что большая часть Карпатского бассейна в римскую эпоху состояла из провинций Империи. Сарматские земли были практически заперты между тремя римскими провинциями, гранича с соседними и обычно союзными им варварами-германцами лишь с севера – такая ситуация наблюдалась вплоть до эвакуации Дакии, когда

начиная с конца III в. на месте эвакуированной римской провинции на восточных окраинах Барбарикума поселились враждебные сарматам готы и их союзники.

Поскольку речь идет о приграничных землях Империи, основную роль в поддержании власти играли военные. Административные центры располагались в столицах провинций (несколько раз делившихся на части, таким образом, число столиц также увеличивалось). В Паннонии в конце III в. стояли шесть легионов (*Mócsy*, 1974. P. 273), то есть число солдат составляло, по меньшей мере, 36 000 человек (не считая вспомогательных войск). В Дакии было расквартировано около 30 000 человек (*Balla*, 1968. P. 113; 1969). В Верхней Мёзии стояли два легиона (ок. 12 000 человек). Другими словами, варваров римского времени − сарматов и отчасти германцев, живших на территории нынешних Восточной Венгрии и Словакии, − со всех сторон окружали провинции, снабженные значительными военными контингентами.

Иначе говоря, центрами власти на римской территории могут восприниматься как военные, так и гражданские административные центры – столицы провинций.

Что касается центров власти в Барбарикуме, то здесь мы располагаем лишь очень ограниченным числом письменных источников. Почти ничего не известно о верхушках власти в сарматском обществе. Анализом источников занимались несколько исследователей (*Alföldi*, 1942; *Vaday*, 2001). В результате удалось выявить очень немногое. Вопросом остается уже само по себе то, имеет ли место присутствие племени или племенного союза в данном случае, и если да, то что под этими терминами здесь следует понимать.

Возникает также проблема, какие погребения или какого рода находки могут рассматриваться у варваров как «вождеские», что является их критериями. Из-за очень высокого процента ограбленных сарматских могил мы располагаем совсем небольшим количеством погребений, которые, судя по обряду (курганы, камерные погребения) или каким-то предметам (регалиям, сакральным предметам, престижным подаркам), могут считаться княжескими: Тисалёк (Tiszalök), Гестеред (Geszteréd), Херпай (Herpály), Ясалшосентдьёрдь (Jászalsószentgyörgy) (*Istvánovits, Kulcsár*, 2013; 2014) (цв. илл. XXV, *б1–4*). В то же время небольшое количество находок (следствие ограблений) − это только кажущаяся «бедность». В недавней работе (*Istvánovits, Kulcsár*, 2013) мы собрали предметы из золота, обнаруженные в сарматских могилах, и его оказалось на удивление много (в отличие, скажем, от соседних германцев – квадов, в чьих памятниках оно практически не встречается: *Rajtár*, 2013).

В какой-то мере это может являться отблеском годовых субсидий, получаемых – по-видимому, только в определенные периоды − от римлян, о чем имеется упоминание в источнике. Из «Жизнеописания Адриана» мы узнаем, что «с царем роксоланов, который жаловался на уменьшение ежегодных выплат, он [император], разобрав дело, заключил мир» (Авторы жизнеописаний Августов…, 1992. 1.6). Относительно сарматов у нас нет других данных письменных источников о регулярных выплатах, что, конечно, не означает прекращения субсидий, которые в этом регионе при гуннах (по некоторым подсчетам 5,85 тонны золота, см.: *Kiss*, 1999a. P. 58), а позже при аварах (13–36 тонн, см.: Ibid. P. 59), как хорошо известно, входят в систему.

Характерно, что встречаемость золота в сарматских погребениях зависит от хронологического периода. Непропорционально большая часть (более половины) всех золотых находок происходит из самого раннего, так называемого золотого горизонта, что, впрочем, может быть связано с меньшей – пока необъясненной – ограбленностью ранних (I–II вв. н. э.) могил первых мигрантов с востока по сравнению с более поздними погребениями. Сам факт почти всеобщей (иногда до 90 % в могильнике) ограбленности погребений второй половины II – конца IV в. указывает на наличие ценных предметов, хоронившихся с умершими.

О структуре сарматского общества Алфёльда известно очень мало. По скупым сведениям источников можно понять, что в сарматском Барбарикуме Карпатского бассейна, достаточно, кстати, едином по своей материальной культуре, не было единовластия. Руководящую роль играли племенные вожди, «короли» (rex) и «князья» (dux), по-видимому стоявшие во главе различных племен. Есть указания на существование института двойного королевства. Еще Андраш Алфёльди обратил внимание на существование института двойной монархии главным образом в тюркской среде и вообще у степных номадов (*Alföldi*, 1933). Наиболее характерный пример двоевластия у сарматов приводится у Иордана, который пишет, что в битве при Болии в 469 г. сарматы принимали участие «с королями своими Бевкой и Бабаем» (Jord. LIV.277.). Особого рассмотрения требует проблема аркарагантов и лимигантов – сведения о них, воможно, единственные, на основании которых можно сделать выводы о центрах власти в сарматском Барбарикуме. Информация, касающаяся этих двух племен (?) или общественных групп (?), достаточно расплывчатая. Все, что можно предположить, это то, что центр эвакуированных аркарагантов находится где-то в Северо-Восточной Венгрии, а лимиганты обосновались на самом юге Алфёльда, в Банате (расположенное севернее Дуная пограничье нынешних Сербии и Румынии) (*Patsch*, 1925) В связи с событиями сарматской «гражданской войны» упоминаются имена различных правителей (Ammian. XVII.12.1–20), но неясно, какова была иерархия между ними, если таковая вообще существовала.

Так или иначе, ситуация, естественно, менялась со временем. На Венгерской низменности сарматы – переселенцы из степной полосы очень быстро переходят на новый образ жизни, превращаясь из кочевников в земледельцев. Не только хозяйство, но и все окружение (германский Барбарикум, римские провинции), система контактов радикально изменились. Неизвестно, сохранились ли отношения со степными родственными племенами, переместились ли центры власти с востока (принимая во внимание, что, например, в случае языгов, племя было разорвано на две части: вероятно, оставшуюся на востоке и на переселенцев), образовались ли новые центры у сарматов Алфёльда.

В то время как в первые века н. э. речь идет только о языгах, после Маркоманнских войн с востока приходит новая иранская волна, связываемая с роксоланами; и, позднее, с гуннами, здесь появляются аланы. Как это отражается на центрах власти – мы не знаем, но, судя по группе элитных курганов в Ясалшосентдьёрде (Jászalsószentgyörgy) (цв. илл. XXV, *б4*), один из центров мог располагаться там (*Istvánovits, Kulcsár*, 2014).

Из-за скудности письменных источников в вопросе об общественном устройстве и вождеских центрах нам почти всецело приходится полагаться на археологический материал. Такими центрами могут восприниматься ареалы, где концентрируются отдельные типы вещей: это могут быть, в первую очередь, оружие (воинские погребения), импортные товары и предметы из драгоценных металлов.

По данным Клавдия Птолемея, в сарматском Барбарикуме Карпатского бассейна существовали города. В венгерском сарматоведении были попытки идентификации птолемеевских населенных пунктов, но эти попытки пока не увенчались успехом (*Vaday*, 2003). Единственное место, которое можно более или менее убедительно отождествить с определенной местностью, – это Партиск (Partiscon), находившийся, по всей видимости, на территории нынешнего Сегеда (цв. илл. XXV, *в4*), у слияния Тисы и Мароша (*Lakatos*, 1966). Археологические свидетельства говорят о существовании здесь римской почтовой станции – таможни, которая, вероятно, играла роль в торговле между поставлявшей соль, золото и другое сырье Дакией и Паннонией. Из Трансильвании дакийский экспорт прибывал водным путем, дальше до Дуная, границы Паннонии, товары везли сухопутьем. Естественно, Партиск / Сегед, как возможный сарматский центр, имел стратегическое значение не только в мирное время, но и во время войн. Трудно судить, существовал ли здесь на самом деле сарматский «город», находился ли здесь центр власти, и на какую территорию он распространялся, а также сохранилась ли эта роль в гуннское время, когда, по предположениям, где-то в этих местах Аттила расположился со своей ставкой (см. ниже).

Судя по археологическому материалу (группы Чонград, Тисадоб и др.: цв. илл. XXV, *в2, в1*), с приходом гуннов сарматское общество, во всяком случае – его военизированная часть, гармонично вписывается в новые структуры власти. Как можно кратко охарактеризовать эти группы? Погребения группы Тисадоб, выделенной в начале 1990-х гг. Эстер Иштванович, локализуются на северо-востоке Венгрии (*Istvánovits*, 1993; 2000). Группа отличается большим количеством воинских могил, местным сарматским обрядом и некоторыми черняховскими элементами, включая определенные черты обряда и инвентаря. Группа Чонград представляет в данном случае бóльший интерес, так как ее погребения концентрируются на юге средней части Алфёльда, в окрестностях Сегеда. Речь идет о погребениях ярко выраженного воинского характера, которые хорошо датируются эпохой Аттилы, например фибулами типа Лева / Левице-Прша или мечами «меотского» типа (*Istvánovits, Kulcsár*, 1999. P. 88).

Известно, что Аттила перенес свою ставку куда-то на территорию Восточной Венгрии. Исследования по определению места этого центра практически не продвинулись за последние десятилетия. Судя по местонахождению гуннского поминального (?) памятника из Надьсекшоша (Nagyszéksós) (цв. илл. XXV, *д4*) (непосредственно рядом с Сегедом), скоплению могильников и отдельных погребений позднесарматского – гуннского времени (конец IV – начало V в.) в окрестностях Чонграда и Сегеда (цв. илл. XXV, *в2*, *в4*), а также исходя из геостратегического положения обоих мест (в случае Чонграда – впадение реки Кёрёш в Тису, в случае Сегеда – впадение Мароша в Тису, т. е. древние места

переправ и в том, и в другом случае), можно предположить, что описанные Приском (Prisc. fr. 8) деревянные, укрепленные башнями хоромы гуннского вождя нужно искать именно в этих местах.

Отношения между гуннами и их вассальными племенами – белое пятно в археологии и истории периода. Отто Менхен-Хелфен обратил внимание на то, что где-то после 406 г. происходят серьезные перемены: до этого времени среди союзников гуннов на первом месте всегда упоминаются аланы, а после этой даты ими становятся германцы (*Maenchen-Helfen*, 1973. P. 71). С точки зрения нашего исследования это немаловажный факт, так как в этот период Алфёльд уже должен принадлежать к территориям, подверженным гуннской экспансии. Методическая оценка археологических данных в будущем, возможно, сможет осветить некоторые проблемы, в их числе тот факт, что если к югу от реки Кёрёш (*Bóna*, 1991. S. 200), в окрестностях Ходмезёвашархея (Hódmezővásárhely) (цв. илл. XXV, *в3*), за редкими исключениями почти неизвестны вещи нового типа, упомянутые выше (группа Чонград), то как в этом случае объясняется находка самого значительного в Восточной Венгрии клада солидов из Сиканча (Szikáncs) (цв. илл. XXV, *д3*) именно в этом микрорегионе?

Наряду с предположением о гуннском центре в окрестностях Сегеда и/или Чонграда, нельзя оставить без внимания информацию Приска о том, что «епископ города Марга, явившись в их [гуннов] землю и обыскав находящиеся у них царские гробницы, похитил положенные в них сокровища» (Prisc. 575–576; *Maenchen-Helfen*, 1973. P. 109–110), что указывает на то, что – во всяком случае сакральный – центр гуннов находился по соседству с Маргом (римский город на территории современной Дубравицы в Сербии: цв. илл. XXV, *а12*), т. е. где-то в самой южной части Алфёльда, непосредственно на берегу Дуная или неподалеку от реки.

Слабая изученность этнической картины Трансильвании после эвакуации римской Дакии не позволяет пока делать какие-либо серьезные выводы о центрах власти вестготов, занявших этот регион, возможно, в конце III в., хотя новейшие исследования поселений культуры Марошсентанна / Сынтана де Муреш, вероятно, вскоре представят эту проблему в новом свете.

Здесь нельзя оставить без внимания знаменитый клад, вернее клады, из Силадьшомйо / Шимлеу Силванией (Szilágysomlyó / Şimleu Silvaniei, Румыния) (цв. илл. XXV, *д1*). Хотя первый клад состоит главным образом из медальонов римских императоров, датируемых в пределах 290–378 гг., на основании остальных вещей (особенно из второго клада) захоронение сокровищ датируют второй третью V в. (Barbarenschmuck und Römergöld…, 1999). Согласно теории Иштвана Боны о заселении гепидов в Карпатский бассейн (*Bóna*, 2001. P. 176), господствующей в археологической литературе, считается, что эти две находки, очевидно входившие в один и тот же клад (5 466 г золота и 2 536 г серебра), принадлежали к сокровищнице гепидских королей и захоронение клада связано с переменой династии (*Kiss*, 1999. S. 165). В числе вещей из второго клада присутствуют королевские и, более того, императорские регалии (фибула-брошь с ониксом), т. е. предполагается, что речь идет о династии, находившейся в союзнических отношениях с Византией (цв. илл. XXVI, *1*). На самом же деле трудно представить, что если бы гепиды были союзниками Римской империи

с конца III в., то источники упорно умалчивали бы об этом факте – ведь имя гепидов практически не упоминается римскими авторами. Попытки выявить гепидский археологический материал IV в. в Карпатском бассейне не привели к положительным результатам (эта проблема развернуто представлена в работе Ф. Биербрауера, см.: *Bierbrauer*, 2006). Принимая все это во внимание, стоит задаться вопросом: правомерно ли считать клад из Силадьшомйо гепидским? Фибула-брошь с ониксом могла принадлежать только выдающемуся варварскому правителю (цв. илл. XXVI, *1*). Среди наиболее поздних предметов кладов особенно интересны в этом отношении полусферические чаши (цв. илл. XXVI, *2*), аналогии которым – вероятно, вовсе не случайно – известны из гуннского погребения (?) или поминального места (?), найденного в Надьсекшоше (цв. илл. XXV, *д4*; XXVI, *3*). Они по своему характеру явно указывают на связь с восточными степными территориями. Возможен вариант решения вопроса, если предположить, что клад на самом деле связан не с гепидами, а с гуннами, к которым в ходе их завоеваний могла попасть готская королевская сокровищница. Таким образом, стала бы на место наиболее поздняя дата – 378 г. – медальонов. Вещи первого клада могли первоначально принадлежать готам и позже достаться гуннам. В таком случае второй клад должен был состоять из вещей, которыми первоначально владел монарх другого народа. Естественно, мы не имеем в виду, что эти два комплекса не связаны друг с другом, а лишь предполагаем, что первый клад состоял из предметов захваченного сокровища. Судя по фибуле-броши, украшенной ониксом, и по чашам (цв. илл. XXVI, 1, 2), наиболее вероятными владельцами вещей второго клада были гунны. В таком случае сокрытие драгоценностей можно связать с бегством сыновей Аттилы, Денгитциха и Эрнака. Разумеется, на данный момент это только гипотеза, так же как и общепринятая гепидская принадлежность кладов. Географическое положение памятника тоже говорит в пользу гуннской атрибуции – из Трансильвании к Верецкому перевалу (цв. илл. XXV, *е*), которым часто пользовались в различные исторические периоды равнинные кочевники, предпочитавшие относительно небольшие возвышенности горам, ведет почти прямой путь через Мукачево и Сваляву. Вся эта дорога составляет не более 300–350 км.

В то же время, судя по находкам в Апахиде (Apahida) (цв. илл. XXV, *д2*), один из гепидских центров, несомненно, находился где-то неподалеку. По сообщениям источников известно, что второй гепидский центр находился в Сирмии (цв. илл. XXV, *а11*), но ничего не известно о том, где располагалась ставка правителя алфёльдских гепидов.

Итак, в Барбарикуме Карпатского бассейна нельзя определенно говорить о центрах власти в римское время. Возможно, они находились на северо-востоке Венгрии (группа Гестеред – Тисалёк – Херпай: цв. илл. XXV, *б1–3*), а ближе к гуннской эпохе переместились (?) к среднему течению Тисы (Ясалшосентдьёрдь) (цв. илл. XXV, *б4*) и южнее (Чонград, Сегед: цв. илл. XXV, *в2, в4*). В последнем же регионе предполагается ставка Аттилы. В северной полосе Карпатского бассейна мы знаем серию германских вождеских погребений III в. из Словакии: Страже (Straže), Цеке / Цейков (Céke / Cejkov), Остропатака (Osztrópataka / Ostrovany) (цв. илл. XXV, *г1–3*) (*Quast*, 2009. S. 5–6), а также

княжеское погребение V в. из г. Попрад (Poprad) (цв. илл. XXV, *г4*) (*Pieta, Roth*, 2007), но было бы неправильно с методологической точки зрения рассматривать их в отрыве от остальной германской территории. В постгуннское время, в период гепидского и лангобардского господства центры власти явно перемещаются, а радикальные перемены происходят во время аварского господства, когда впервые за много сотен лет почти весь регион на долгое время (после непродолжительного господства гуннов) объединили под одной властью.

ЛИТЕРАТУРА

Авторы жизнеописаний Августов. 1: Элий Спартиан. Жизнеописание Адриана: Текст приведен по изданию: Властелины Рима. М.: Наука, 1992 (Пер. С. П. Кондратьева под ред. А. И. Доватура, коммент. — О. Д. Никитинского). URL: http://ancientrome.ru/antlitr/sha/eliysadr.htm. Дата доступа: 07.07.2014.

Alföldi A., 1933. A kettős királyság a nomádoknál // Emlékkönyv Károlyi Árpád születésének nyolcvanadik fordulójának ünnepére. 1933. Október 7. Budapest: Sárkány-Nyomda Részvénytársaság. P. 28–39.

Alföldi A., 1942. A pesti oldal új urai // Budapest története I. Budapest az ókorban. I / Szerk. Szendy K. Budapest: Királyi Magyar Egyetemi Nyomda. P. 172–235.

Barbarenschmuck und Römergöld. Der Schatz von Szilágysomlyó / Hrsg. W. Seipel. Wien: Kunsthistorisches Museum, 1999. 229 S.

Bierbrauer V., 2006. Gepiden im 5. Jahrhundert – eine Spurensuche // Miscellanea romano-barbarica in honorem septagenarii magistri Ion Ioniţă. Honoria 2 / Ed. V. Mihailescu-Bîrliba, C. Hriban, L. Munteanu. Bucureşti: Editura Academiei Române. P. 167–216.

Bóna I., 1991. Das Hunnenreich. Budapest; Stuttgart: Corvina–Konrad Theiss Verlag. 294 S.

Bóna I., 2001. From Dacia to Erdőelve: Transylvania in the period of the Great Migrations // History of Transylvania. Vol. I / Ed. B. Köpeczi. Highland Lakes (NJ): Atlantic Research and Publications, Inc. P. 137–318.

Istvánovits E., 1993. Das Gräberfeld aus dem 4.–5. Jahrhundert von Tiszadob-Sziget // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae XLV. S. 91–146.

Istvánovits E., 2000. Völker im nördlichen Theißtal am Vorabend der Hunnenzeit // «Gentes, Reges und Rom». Auseinandersetzung – Anerkennung – Anpassung / Hrsg. J. Bouzek, H. Friesinger, K. Pieta, B. Komoróczy. Spisy Arch. ústavu AV ČR Brno 16. Brno: Archeologicky Ústav AV ČR. S. 197–208.

Istvánovits E., Kulcsár V., 1999. Sarmatian and Germanic People at the Upper Tisza Region and South Alföld at the Beginning of the Migration Period // L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations / Eds J. Tejral, Ch. Pilet, M. Kazanski. Brno: Archeologickỳ Ústav Akademie Věd České Republiky Brno. P. 67–94.

Istvánovits E., Kulcsár V., 2013. The «upper class» of Sarmatian society in the Carpathian Basin // Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschaft- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donauraum. Forschungen zu Spätantike und Mittelalter 2 / Hrsg. M. Hardt, O. Heinrich-Tamáska. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greinerer. P. 195–209.

Istvánovits E., Kulcsár V., 2014. Sarmatian chamber graves in the Great Hungarian Plain and their steppe antecedents [Summary. Zusammenfassung] // Kammergräber im Barbaricum. Zu Einflüssen und Übergangsphänomenen von der vorrömischen Eisenzeit bis in die Völkerwanderungszeit / Hrsg. A. Abegg-Wigg, N. Lau. Schriften Archäologischen Landesmuseums. Bd. 9. Neumünster; Hamburg: Wachholtz Verlag. P. 437–446.

Kiss A., 1999a. A 375 és 1000 közötti kincsleletek, mint a Kárpát-medence kora középkori történeti forrásai. A kincsleletek katalógusa // Zalai Múzeum 9. P. 55–75.

Kiss A., 1999b. Historische Auswertung // Barbarenschmuck und Römergöld. Der Schatz von Szilágysomlyó / Hrsg. W. Seipel. Wien: Kunsthistorisches Museum. S. 163–168.

Lakatos P., 1966. Funde der Römerzeit vom Gebiet der Szegediner Festung // A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve 1964–65: 1. P. 65–81.

L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve sicècle après J.-C., 2000. [Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001.] Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux. 223 p.

Maenchen-Helfen O., 1973. The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkely; Los Angeles; London: University of California Press. 602 p.

Mócsy A., 1974. Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire. London; Boston: Routledge & Kegan Paul. 453 p.

Patsch C., 1925. Banater Sarmaten // Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa II: 1. Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse XXVII. Wien; Leipzig. P. 181–216.

Pieta K., Roth P., 2007. Kniežacia hrobka z Popradu-Matejoviec. // Pamiatky a Múzeá 3. Slovenské národné múzeum. S. 44–47.

Quast D., 2009. Wanderer zwischen den Welten. Die germanischen Prunkgräber von Stráže und Zakrzów. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 64 S.

Rajtár J., 2013. Das Gold bei den Quaden // Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschaft- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donauraum. Forschungen zu Spätantike und Mittelalter 2 / Hrsg. M. Hardt, O. Heinrich-Tamáska. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greinerer. S. 125–150.

Vaday A., 2001. Military system of the Sarmatians // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D. Proceedings of the international archaeological conference held in Aszód and Nyíregyháza in 1999 / Eds E. Istvánovits, V. Kulcsár. (Múzeumi Füzetek 51. Jósa András Múzeum Kiadványai 47). Aszód, Nyíregyháza: Jósa András Múzeum and Osváth Gedeon Museum Foundation. P. 171–193.

Vaday A., 2003. A szarmata Barbarikum központjai a Kr. u. 2. században. [Centres of the Sarmatian Barbaricum in the 2nd century.] // Barbarikumi Szemle I. Szeged. P. 9–22.

Сведения об авторах.

Иштванович Эстер, Музей им. Андраша Йожа, 4400, Nyíregyháza, Benczúr tér, 21, Венгрия; e-mail: istvanov@jam.nyirbone.hu;

Кульчар Валерия, Сегедский университет, Кафедра археологии, SzTE Régészeti Tanszék, 6722, Szeged, Egyetem u., 2.; Венгрия; e-mail: vkulcsar@iif.hu.

E. Istvánovits, V. Kulcsár

Leaders' burials and centres of power in the Late Roman period and the era of the Great Migration of the Peoples in the Carpathian Basin

Abstract. It is difficult to think in terms of power centres in the Barbaricum of the Carpathian Basin during the Roman times. The paper suggests one somewhere in the north-eastern part of Hungary (Geszteréd – Tiszalök – Herpály Group). The centre must have moved to the Middle Tisza Region (Jászalsószentgyörgy) around the Hun Age and more to the south, to the vicinity of Csongrád and Szeged. In the latter region the headquarters of Attila could have been situated. In the northern part of the Carpathian Basin a series of Ger-

man chieftain graves from the 3rd century can be traced (Straže, Osztrópataka, Céke) and a princely grave from the 5th century found in Poprad. The royal hoard of Szilágysomlyó is traditionally considered to be Gepidic, but we doubt it, suggesting instead that the first hoard belonged to Gepids and was seized and included into their treasury by the Huns.

Keywords: Pannonia, Dacia, Moesia, Sarmatians, Germans, Huns, Gepids, Szilágysomlyó.

REFERENCES

Alföldi A., 1933. A kettős királyság a nomádoknál. *Emlékkönyv Károlyi Árpád születésének nyolcvanadik fordulójának ünnepére.* 1933, október 7, pp. 28–39.

Alföldi A., 1942. A pesti oldal új urai // *Budapest története I. Budapest az ókorban,* I.K. Szendy, ed. Budapest: Királyi Magyar Egyetemi Nyomda, pp. 172–235.

Avtory zhizneopisany Avgustov. 1: Ely Spartian. Zhizneopisaniye Adriana [Authors of Augusts' bigraphies. 1: Aelius Spartianus. The life of Hadrian] [Electronic resource]. http://ancientrome.ru/antlitr/sha/eliysadr.htm. Date of access: 07.07.2014.

Balla L., 1968. Adatok Dácia II. századi hadtörténetének kérdéseihez (II.) A katonai diplomák (106–164). [Contribution a l'histoire militaire de la Dacie (II.) Les diplomes militaires (106–164)]. *A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve,* L. (1970), pp. 111–144.

Barbarenschmuck und Römergöld. Der Schatz von Szilágysomlyó, 1999. W. Seipel, ed. Wien: Kunsthistorisches Museum. 229 p.

Bierbrauer V., 2006. Gepiden im 5. Jahrhundert – eine Spurensuche. *Miscellanea romano-barbarica in honorem septagenarii magistri Ion Ioniţă. Honoria 2*. V. Mihailescu-Bîrliba, ed. Bucureşti: Editura Academiei Române, pp. 167–216.

Bóna I., 1991. Das Hunnenreich. Budapest, Stuttgart: Corvina–Konrad Theiss Verlag. 294 p.

Bóna I., 2001. From Dacia to Erdőelve: Transylvania in the period of the Great Migrations. *History of Transylvania,* I. B. Köpeczi, ed. Highland Lakes, New Jersey: Atlantic Research and Publications, Inc, pp. 137–318.

Istvánovits E., 1993. Das Gräberfeld aus dem 4.–5. Jahrhundert von Tiszadob-Sziget. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, XLV, pp. 91–146.

Istvánovits E., 2000. Völker im nördlichen Theißtal am Vorabend der Hunnenzeit. «*Gentes, Reges und Rom*». *Auseinandersetzung – Anerkennung – Anpassung*. J. Bouzek, ed. Brno: Archeologicky Ústav AV ČR, pp. 197–208. (Spisy Arch. ústavu AV ČR Brno 16.)

Istvánovits E., Kulcsár V., 1999. Sarmatian and Germanic People at the Upper Tisza Region and South Alföld at the Beginning of the Migration Period. *L'Occident romain et l'Europe centrale au début de l'époque des Grandes Migrations*. J. Tejral, ed. Brno: Archeolotickỳ Ústav Akademie Věd České Republiky Brno, pp. 67–94.

Istvánovits E., Kulcsár V., 2013. The «upper class» of Sarmatian society in the Carpathian Basin. *Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschaft- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donauraum. Forschungen zu Spätantike und Mittelalter,* 2. M. Hardt, O. Heinrich-Tamáska, eds. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greinerer, pp. 195–209.

Istvánovits E., Kulcsár V., 2014. Sarmatian chamber graves in the Great Hungarian Plain and their steppe antecedents [Summary. Zusammenfassung]. *Kammergräber im Barbaricum. Zu Einflüssen und Übergangsphänomenen von der vorrömischen Eisenzeit bis in die Völkerwanderungszeit*. A. Abegg-Wigg, N. Lau, eds. Neumünster; Hamburg: Wachholtz Verlag, pp. 437–446. (Schriften Archäologischen Landesmuseums, 9.)

Kiss A., 1999. A 375 és 1000 közötti kincsleletek, mint a Kárpát-medence kora középkori történeti forrásai. A kincsleletek katalógusa. *Zalai Múzeum*, 9, pp. 55–75.

Kiss A., 1999a. Historische Auswertung. *Barbarenschmuck und Römergöld. Der Schatz von Szilágysomlyó*. W. Seipel, ed. Wien: Kunsthistorisches Museum, pp. 163–168.

L'Or des princes barbares: Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C., 2000. [Musée des Antiquités nationales, château de Saint-Germain-en-Laye 26 septembre 2000 – 8 janvier 2001.] Paris: Éditions de la Réunion des musées nationaux. 223 p.

Lakatos P., 1966. Funde der Römerzeit vom Gebiet der szegediner Festung. *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve*, 1964–65, 1, pp. 65–81.

Maenchen-Helfen O., 1973. The World of the Huns. Studies in Their History and Culture. Berkely; Los Angeles; London: University of California Press. 602 p.

Mócsy A., 1974. Pannonia and Upper Moesia. A History of the Middle Danube Provinces of the Roman Empire. London; Boston: Routledge & Kegan Paul. 453 p.

Patsch C., 1925. Banater Sarmaten. *Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa II. 1. Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse*, XXVII. Wien; Leipzig, pp. 181–216.

Pieta K., Roth P., 2007. Kniežacia hrobka z Popradu-Matejoviec. *Pamiatky a Múzeá.* 3. *Slovenské národné múzeum,* pp. 44–47.

Quast D., 2009. Wanderer zwischen den Welten. Die germanischen Prunkgräber von Stáže und Zakrów. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 64 p.

Rajtár J., 2013. Das Gold bei den Quaden. *Macht des Goldes, Gold der Macht. Herrschaft- und Jenseitsrepräsentation zwischen Antike und Frühmittelalter im mittleren Donauraum*. M. Hardt, O. Heinrich-Tamáska, eds. Weinstadt: Verlag Bernhard Albert Greinerer, pp. 125–150. (Forschungen zu Spätantike und Mittelalter 2).

Vaday A., 2001. Military system of the Sarmatians. *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D. Proceedings of the international archaeological conference held in Aszód and Nyíregyháza in 1999*. E. Istvánovits, V. Kulcsár, eds. Aszód, Nyíregyháza: Jósa András Múzeum and Osváth Gedeon Museum Foundation, pp. 171–193. (Múzeumi Füzetek 51. Jósa András Múzeum Kiadványai 47).

Vaday A., 2003. A szarmata Barbarikum központjai a Kr. u. 2. században. *Barbarikumi Szemle,* I, pp. 9–22.

About the authors.

Istvánovits Eszter, Jósa András Múzeum, 4400, Nyíregyháza, Benczúr tér, 21, Hungary; e-mail: istvanov@jam.nyirbone.hu;

Kulcsár Valeria, Szegedi Tudományegyetem, Régészeti Tanszék, 6722, Szeged, Egyetem u., 2., Hungary; e-mail: vkulcsar@iif.hu.

М. М. Казанский, П. Перен

«КОРОЛЕВСКИЕ» И «ВОЖДЕСКИЕ» ПОГРЕБЕНИЯ РАННЕМЕРОВИНГСКОГО ВРЕМЕНИ В ГАЛЛИИ: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Резюме. Проблема социальной градации меровингских древностей по характеру и богатству инвентаря давно разрабатывается в западноевропейской археологии. Р. Кристлейн выделил три социальных уровня погребений, из них наиболее «богатые» (уровень С) считаются «вождескими». Их отличает присутствие в инвентаре престижного оружия, богатой поясной гарнитуры, а также, в ряде случаев, особое топографическое положение в некрополе. «Вождеские» могилы довольно хорошо известны в Северной Галлии. В большинстве случаев они принадлежат знати времен Хлодвига, их распространение отражает географию начальной стадии франкских завоеваний и маркирует центры власти. Ряд этих погребений соответствует эпохе Хильдерика и по времени предшествует франкской экспансии. Привилегированные могилы с оружием принадлежат германской традиции, тогда как у римской знати, сохранившей в Галлии высокие социальные позиции, социальный статус погребенного выражался в богатстве могильных сооружений. Но сосуществование и постепенное слияние этих двух правящих группировок – варварской и римской – не могло не найти отражения и в погребальной практике. Об этом свидетельствует захоронение в Бурже (наиболее вероятная дата: 474–507 гг.), в центральной Галлии, на территории Визиготского королевства, совершенное по римскому обычаю в саркофаге и с типичным римским инвентарем, но содержавшее также боевой нож и «командирское» копье с надписью о том, что здесь захоронен «королевский патриций». В VI в. постепенно вырабатывается практика привилегированных захоронений в церквях, по христианскому обычаю, что окончательно нивелирует погребения римской и варварской знати в Галлии.

Ключевые слова: Северная Галлия, меровинги, привилегированные погребения, социальная иерархия.

Галлия – один из регионов, где для начала Средневековья изучение археологических источников, в первую очередь могильников меровингского времени, находится на относительно высоком уровне, а также имеются свидетельства письменных источников, в том числе таких важных, как «История франков» Григория Турского или «Житие Св. Женевьевы». Нас интересует, прежде всего, эпоха становления меровингского королевства, соответствующая в археологи-

ческой периодизации протомеровингской (440/450–470/480 гг.) и первой раннемеровингской фазам (470/480–520/530 гг.) (*Legoux et al.*, 2009). На это время, по большей части совпадающее с правлением меровингских королей Хильдерика и Хлодвига, приходятся такие яркие события, как падение римской власти в Галлии, завоевание ее северной части франками, разгром ими Визиготского королевства в Аквитании, подчинение аламаннов в Юго-Западной Германии, завоевание Бургундского королевства.

Северная Галлия

На сегодняшний день археологически лучше всего изучены территория Северной и Восточной Галлии от бассейна Сены до Рейна, Парижский регион, Нормандия. Для этой зоны опубликованы большие некрополи, на базе их изучения разработаны подробная хронология и развитая типология вещей. В погребальном материале надежно выявлены элементы, связанные с правящими элитами меровингского общества. Раскопки поселений и городских кварталов также ведутся довольно широко, но пока резиденции аристократии для начала меровингской эпохи здесь неизвестны, в отличие, например, от городищ аламаннов на Рейне (см., напр.: *Quast*, 2006).

Проблема социальной градации меровингских древностей по характеру и богатству инвентаря давно разрабатывается в западноевропейской, в первую очередь германской, археологии (см. подробнее: *Харке, Савенко*, 2000; *Мастыкова*, 2008. С. 149–151). Следует сразу же уточнить, что в современных палеосоциологических реконструкциях, проводимых на базе меровингского археологического материала, как правило, соблюдаются определенные общие правила. Во-первых, избегаются дефиниции, напрямую взятые из письменных источников, поскольку общеизвестно, что разные виды источников по-разному отражают социальную структуру общества, те и другие в общем лакунарны и, кроме того, далеко не всегда синхронны (*Périn*, 1998. P. 169–171, 177).

Точно так же пришлось отказаться и от «этнического» принципа идентификации археологического материала, по которому могилы с богатым убором и набором оружия однозначно определялись как германские, а, например, захоронения в саркофагах считались романскими. Антропологические исследования показали на конкретных могильниках, в частности в Парижском регионе, в Бельгии и в Нормандии, а также, за несколькими исключениями[1], на севере Франции, что население в меровингской Галлии в массе своей оставалось тем же, что и в римское время (*Périn, Feffer*, 1997. P. 362–374). Поэтому в том, что касается инвентаря и погребального обряда, исследователи предпочитают говорить о германской и галло-римской культурных традициях, охвативших как германскую, так и романскую составляющую населения Галлии.

[1] В частности, антропологическое изучение могильника Врон (Vron) на Ла-Манше (деп. Сомма) показало присутствие здесь сравнительно большого количества выходцев из северогерманской среды (*Blondiaux*, 1993). Данные антропологии подтверждены и археологическим материалом (*Seillier*, 1993; *Soulat*, 2009. P. 159).

Далее, совершенно очевидно, что в богатстве и сложности погребального обряда отражалась не только социальная иерархия, но и другие факторы, например возраст погребенных, их принадлежность к конкретной конфессии, культурное окружение и пр. Именно в силу последнего обстоятельства городская и сельская среда в меровингской Галлии характеризуются особенностями погребального обряда, такими как наличие сравнительно большего количества захоронений в саркофагах и безынвентарных захоронений на городских могильниках, чем на деревенских кладбищах. Несомненную роль здесь сыграла христианизация городского населения, более высокая, чем в сельской среде. Надо, однако, отметить, что церковь никогда не запрещала помещение в могилу вещей, включая, например, оружие (*Périn*, 1998. P. 172).

Исходной точкой современного этапа палеосоциологичесих исследований меровингских погребений следует считать работу Р. Кристлейна (*Christlein*, 1973), который на материале Западной и Южной Германии выделил три уровня погребений VI–VII вв. по степени богатства инвентаря (рис. 1).

Группа «А» – «низшая», характеризуется присутствием в мужских могилах лука и стрел, а также скрамасаксов (группа «А1» – без скрамасакса, «А2» – со скрамасаксом), для женских погребений убор ограничивается стеклянными бусами и бронзовыми серьгами.

Группа «В», которую можно образно сопоставить со «средним классом», выделяется по наличию в мужских погребениях набора оружия, куда входят копье, меч, скрамасакс, щит, лук и стрелы, иногда шпоры. В этих захоронениях встречена стеклянная посуда, реже деревянные ведра, иногда охотничьи копья. В женских могилах представлены, помимо стеклянных бус и бронзовых сережек, также различные фибулы, серебряные серьги, серебряные перстни, булавки, железная и бронзовая ременная гарнитура.

Наконец, группа «С» соотносится с «элитой» меровингского общества. Она характеризуется наличием в мужских погребениях – помимо вещей, типичных для группы «В», – ангонов, шлемов, конского снаряжения, бронзовой посуды, деревянных ведер с бронзовой арматурой. Здесь более заметно присутствие охотничьих копий и шпор. В женские погребения попадают также золотые украшения – серьги, перстни, фибулы-броши, ножи с золотой рукоятью, а также массивная серебряная ременная гарнитура, шкатулки с костяной или металлической отделкой, последние изредка встречаются и в женских могилах группы «В».

Принципы классификации Р. Кристлейна стали отправной базой для дальнейших работ по выявлению социальной иерархии меровингского королевства, а также структурно им близких аламаннов, завоеванных франками в 506 г. (см., напр.: *Martin*, 1976; *Koch*, 1998; 2001). Разумеется, в каждом регионе и даже на каждом широко раскопанном памятнике выявлялись свои особенности, позволившие уточнить схему Р. Кристлейна и приспособить ее к конкретному материалу.

При этом исследователи, сознательно избегая дефиниций, предлагаемых письменными источниками, здраво оценивают ограниченные возможности данной классификации. Действительно, в меровингском обществе имелись целые социальные категории, которые могут не попадать в данную классификацию, поскольку их представители могли не захораниваться вообще (дети

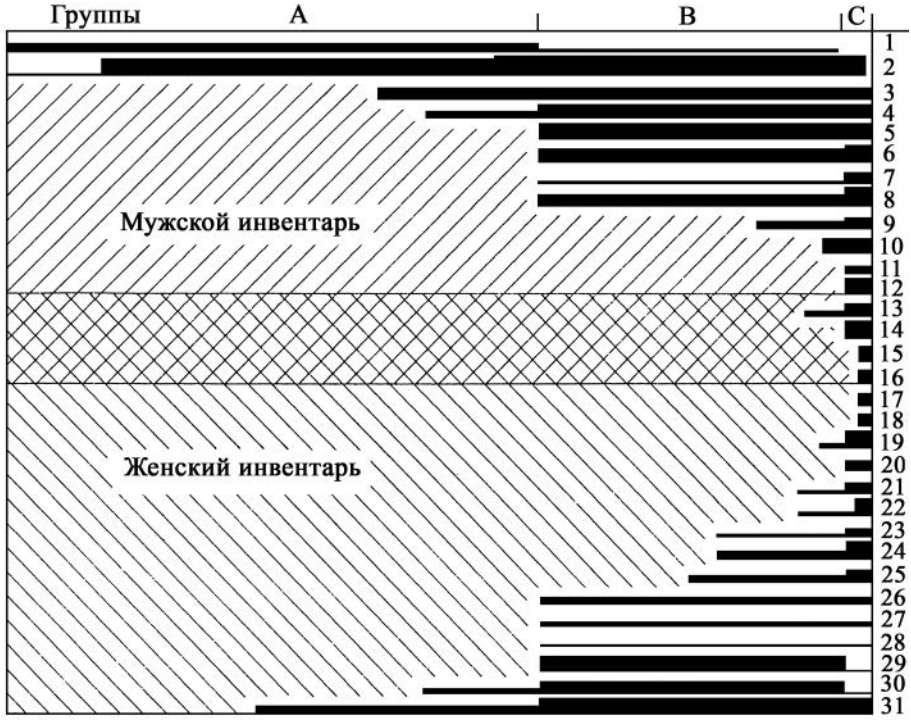


Рис. 1. Три уровня меровингских могил, выявляемые по богатству инвентаря (по: *Christlein*, 1973. Abb. 11)

1 – лук и стрелы; *2* – скрамасакс; *3* – стеклянная посуда (VI в.); *4* – копье; *5* – меч-спата; *6* – щит; *7* – охотничье копье; *8* – шпоры; *9* – деревянное ведро; *10* – ангон; *11* – шлем / панцирь; *12* – удила + конская сбруя; *13* – стеклянная посуда (VII в.); *14* – бронзовая посуда; *15* – ведро с бронзовой арматурой; *16* – золотой перстень; *17* – золотые бусы; *18* – нож с рукоятью из золотого листа; *19* – золотая дисковидная фибула; *20* – массивная серебряная ременная гарнитура; *21* – деревянная шкатулка с костяными или металлическими обкладками; *22* – золотые серьги; *23* – серебряный перстень; *24* – пара «дуговидных» (пальчатых) фибул; *25* – серебряные серьги; *26* – декоративная булавка; *27* – медальон; *28* – ременная гарнитура (железо / бронза / металлический лист); *29* – дисковидная фибула (серебро / бронза / железо); *30* – бронзовые серьги; *31* – стеклянные бусы

до определенного возраста, может быть, рабы, социальные изгои, деклассированный элемент и пр.) или же хоронились в специально отведенных для этого местах, как, например, высшая знать (см. ниже), либо, наконец, по погребальному обряду и инвентарю не отличались от других социальных групп.

В данном случае нас интересуют в первую очередь привилегированные погребения, соответствующие группе «C» Р. Кристлейна, а также особо богатые погребения, которые сейчас принято выделять в отдельную группу «D» (*Quast*, 1993. S. 107, 108). К их числу относится, например, погребение короля Хильдерика, а также, для финала раннемеровингской эпохи, захоронения знати в Кельнском соборе и в базилике Сен-Дени (см. ниже). Эти богатые погребения принято называть «вождескими» (tombes de chefs) или, более точно, «привилегированными».

Как уже говорилось, исследователи избегают их прямого сопоставления с сословными группами, известными по письменным источникам (*Quast*, 1993. S. 111; *Périn*, 1995. P. 251). Такие захоронения для прото- и раннемеровингского времени довольно хорошо известны в Северной Галлии (*Périn*, 1995; 1998. P. 176, 177; *Périn, Feffer*, 1997. P. 200–202; *de Longueville*, 2007; *Verslype*, 2008). Не исключено, что их обряд восходит к богатым захоронениям с оружием позднеримского времени в Галлии (о них см.: *Böhme*, 1974).

Мужские погребения данной группы характеризуются, прежде всего, набором оружия, по статистике – не менее четырех предметов, обязательно включающим меч. Набор оружия типичен для германской воинской традиции – меч, щит, копье, часто топор. Встречаются и скрамасаксы, отражающие византийское или позднеримское влияние (о них см.: *Казанский*, 2012)[2].

Для начала меровингского периода наиболее богатые могилы данной группы содержат следующие показательные вещи:

– «Парадные мечи» (рис. 2). В Северной Галлии в первую очередь представлены типы Менгин IIa и Менгин IV (*Menghin*, 1983. S. 154, 155, 157, 158. Abb. 92; 93)[3], отражающие, видимо, «генеральскую» моду западной римской армии (*Казанский, Перен*, 2005. С. 35; *Périn, Kazanski*, 2007. P. 31). Прежде всего, это относится к погребениям т. н. группы (горизонта) Флонхейм-Гюльтлинген (Flonheim-Gültlingen) с парадными мечами, украшенными золотым листом и декором в стиле клуазоне (*Périn*, 1995. P. 248, 249; *Périn, Feffer*, 1997. P. 200–202). Для могил этой группы характерны мечи, имеющие рукояти из золотой фольги. Мечи с такими рукоятями хорошо представлены у аламаннов, а также во франкской зоне к востоку от Сены: Турнэ (Tournai), Ля-рю-Сен-Пьер (La-Rue-Saint-Pierre), Арси-Сент-Реститю (Arcy-Sainte-Restitue, Лавуа (Lavoie) погр. 319, Пуан (Pouan) (*Steuer*, 1987. S. 216. Liste 8. Abb. 12; *Quast*, 1993. Abb. 25. Liste 1)[4].
– Поясная «парадная» гарнитура, прежде всего пряжки с перегородчатой инкрустацией, например, с прямоугольной рамкой и почковидной пластиной (рис. 3, *8*), типа Айо-Мезьер (Haillot-Mézières) (Ibid. S. 46. Abb. 23. Anm. 283).

[2] В Галлии и на Рейне известна небольшая группа «вождеских» погребений первой половины и середины V в., где погребения содержат только парадный меч, иногда сопровождающийся скрамасаксом, а также ременную гарнитуру и конское снаряжение. Это могилы Вольфсхейм (Wolfsheim), Пуан (Pouan), Альтлюсссхейм (Altlussheim), Мундольсхейм (Mundolsheim). Они, вне всякого сомнения, отражают инородную воинскую традицию, принесенную из Восточной или Центральной Европы (см.: *Казанский*, 2010). Среди престижных вещей, встреченных в этих погребениях, отметим золотые массивные «королевские» браслеты и золотые торки, найденные в Пуан и Вольфсхейме.

[3] Судя по географии находок, синхронный тип Менгин I более всего характерен для Северной Европы и Британских островов, а типы Менгин IIa и III – для аламаннов (*Menghin*, 1983. Abb. 92; 93).

[4] По нумизматическим данным, погребения этой группы появляются около 470–490 гг., однако М. Мартин предлагает для них несколько более раннюю дату, начиная от 450 г. (*Martin*, 1989. S. 123–128).

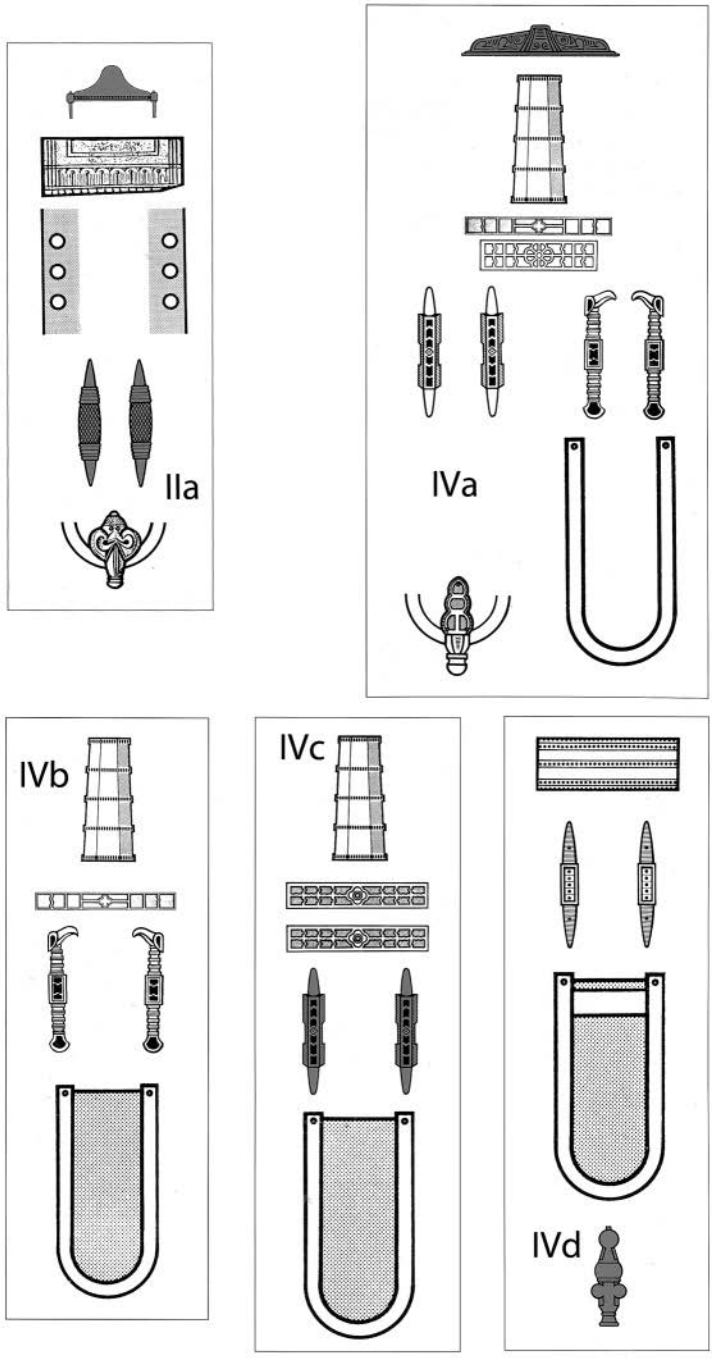


Рис. 2. Типы парадных мечей, характерные для Северной Галлии (по: *Menghin*, 1983. Abb. 91)

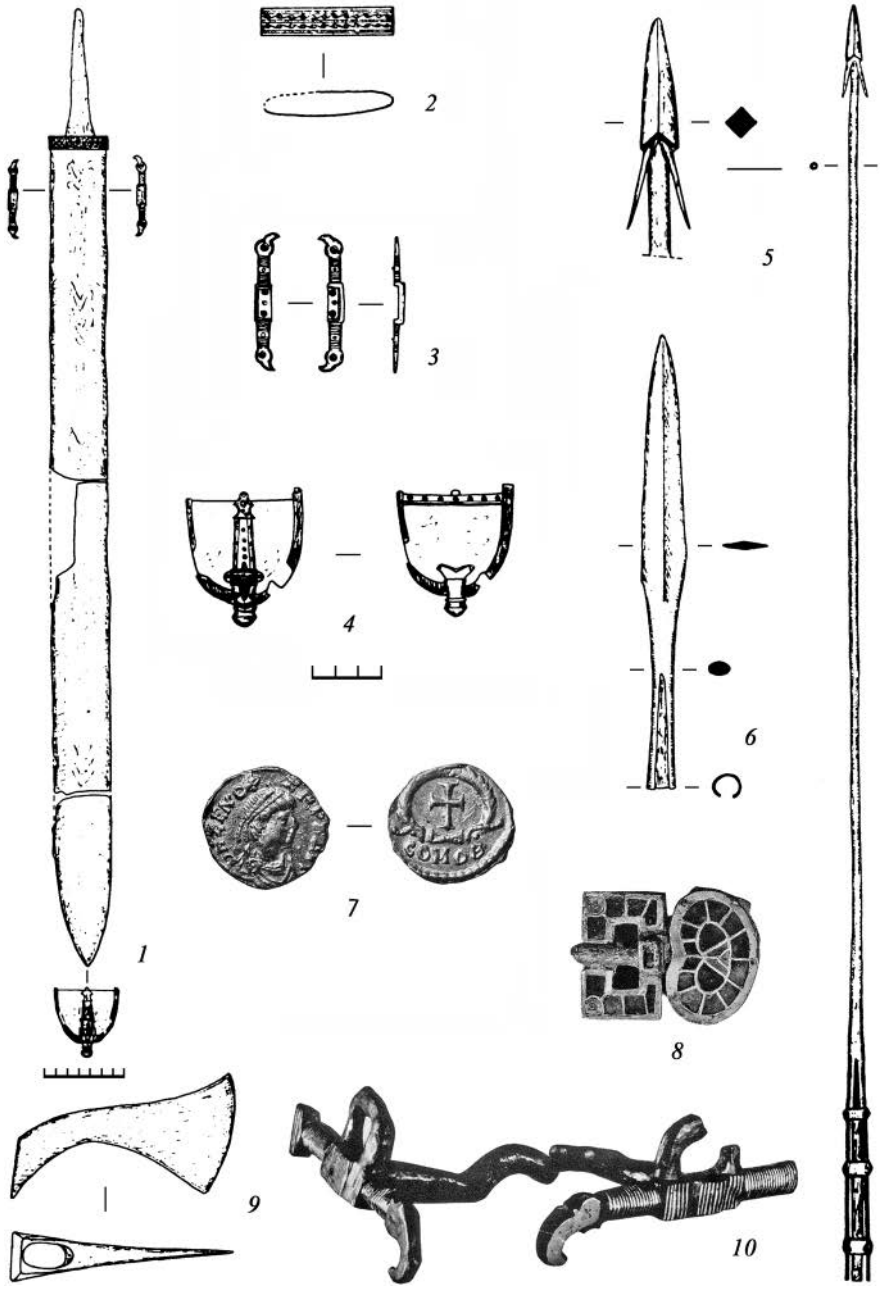


Рис. 3. Вещи из погребения 68 могильника Шарлевиль-Мезьер (по: *Périn*, 1995. Fig. 9)

– Шлемы типа Балденхейм (рис. 4, *8*). Они пока известны только в восточной части меровингской зоны, у аламаннов и далее на восток; самая западная находка – эпонимное погребение Балденхейм (Baldenheim) в Эльзасе, а также находки на территории Бургундского королевства (*Steuer*, 1987. S. 191–197. Liste 1. Abb. 1; *Quast*, 1993. Abb. 12. Liste 2).
– Ангоны (рис. 3, *5*; 4, *1*), т. е. метательные копья, характерные именно для франков (*Martin*, 1993. P. 395. Fig. 1).
– «Охотничье» оружие: копья-рогатины и луки со стрелами (Ibid. P. 395. Fig. 3).
– Конское снаряжение, такое как удила, например, в погребении 68 арденнского могильника Шарлевиль-Мезьер (рис. 3, *10*) (Charleville-Mézières) (*Périn*, 1995. Fig. 9) или в несколько более позднем (520–540 гг.) погребении 1782 на рейнском могильнике Крефельд-Геллеп (Krefeld-Gellep) (Ibid. Fig. 15, *6*).

В более позднее время (начиная со второй трети VI в.) привилегированные мужские погребения содержат «дружинные» мечи с кольцом в рукояти, вещи второго звериного стиля, а в заключительной фазе меровингского времени в восточной половине меровингского ареала в них появляются стремена, ламеллярные панцири и шлемы (*Périn*, 1998. P. 173).

Женские привилегированные погребения раннемеровингского времени отличаются в первую очередь богатым «фибульным» убором германской традиции[5]. В них, как уже говорилось, присутствуют золотые украшения. Эти могилы подчас находятся по соседству с мужскими привилегированными захоронениями, как это засвидетельствовано, например, в некрополе Лавуа (Lavoie) в Лотарингии, где богатые женские погребения 307 и 307а находились по соседству с «вождеской» могилой 319 (*Joffroy*, 1974).

В интересующую нас эпоху привилегированные погребения имели ту же конструкцию, что и рядовые, они совершались в обычных ямах, но отличались большими размерами (*de Longueville*, 2007. P. 111, 112. Fig. 3)[6].

[5] Среди мужских могил в раннемеровингских некрополях по археологическому материалу не выделяются инородные элементы. Видимо, здесь воинская престижная мода играла нивелирующую роль. Однако среди женских погребений, в том числе привилегированных, имеются комплексы, содержащие женский убор инородного происхождения: восточногерманский с двупластинчатыми фибулами, часто интерпретируемый как визиготский (*Kazanski et al.*, 2008. S. 152–159; *Казанский, Перен*, 2013. С. 252–260), а также аламаннский, англосаксонский, реже тюрингский и дунайско-лангобардский (*Périn, Kazanski*, 2006; *Kazanski, Périn*, 2008. P. 196–198; *Kazanski, Périn*, 2009). Все эти разрозненные могилы встречаются вместе в одних и тех же некрополях и при этом не образуют компактных групп по этнокультурному признаку. Видимо, данное обстоятельство отражает пестрый характер воинских элит в позднеримской армии и у франков, где среда профессиональных воинов могла рекрутироваться из самых разных людей, сопровождавшихся их семьями. Напомним, что по римским законам, действовавшим и в раннемеровингском королевстве, браки между римлянами и варварами были запрещены (*Kazanski, Périn*, 1997. P. 201).

[6] К востоку от Рейна привилегированные погребения имеют подчас курганные насыпи и сопровождаются конскими захоронениями (*Périn*, 1998. P. 171), но в Галлии эти черты погребального обряда пока зафиксированы только в королевском и «княжеском»

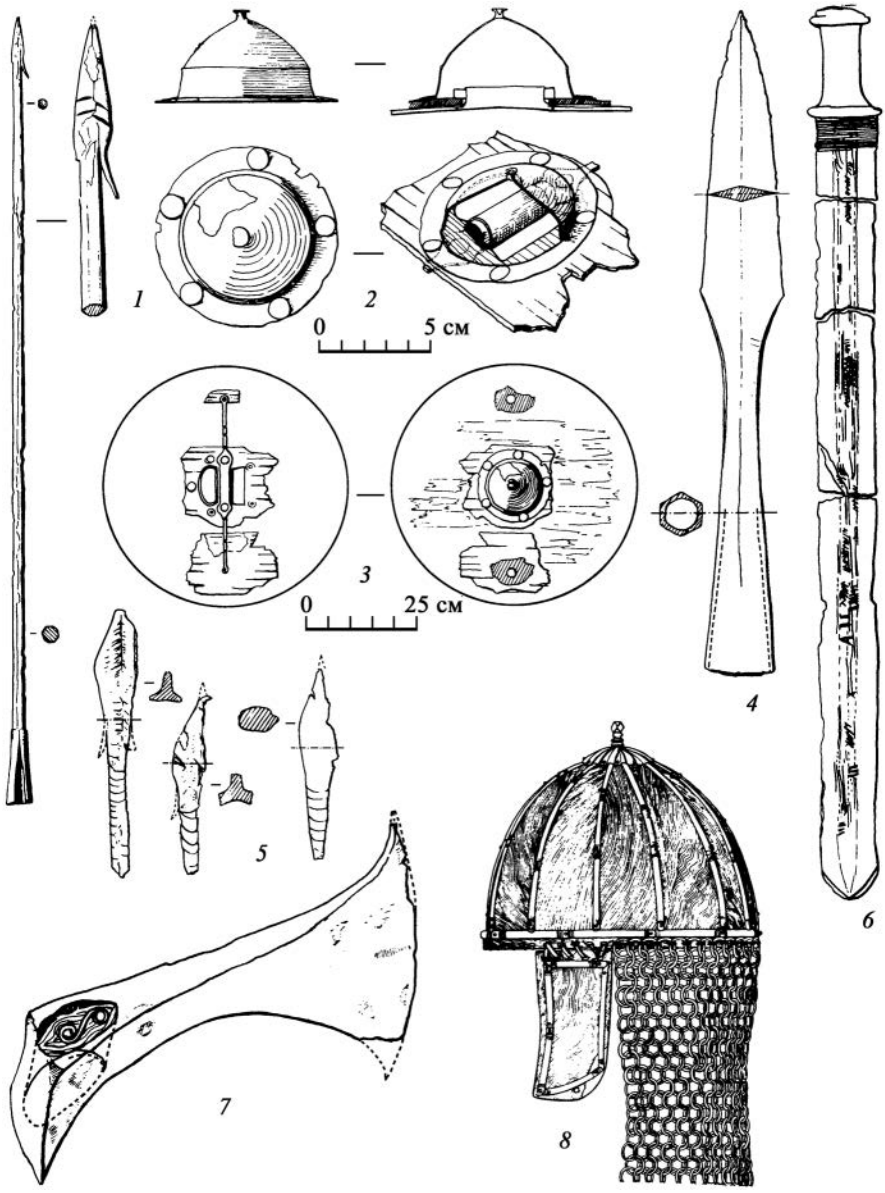


Рис. 4. Воинское снаряжение из погребения мальчика в Кельнском соборе. (по: *Périn, Feffer*, 1997. P. 213)

контексте, см. ниже. В более позднее время, в VI в., а более всего в VII в. на северной и северо-восточной окраинах меровингского королевства появляются привилегированные захоронения в деревянных камерах (*de Longueville*, 2007. P. 110, 111). В Галлии они встречаются редко, назовем сравнительно недавно исследованные погребения в могильнике Сен-Дизье (Saint-Dizier) в Шампани (*Truc*, 2008).

Группировка и место привилегированных могил в некрополе также показательны. Иногда они размещаются в каком-либо «знаковом» месте, например около королевских захоронений, таких как могила Хильдерика в Турнэ (см.: *Brulet*, 1991), либо на особом участке, который может находиться как в центральной части, так и на периферии кладбища (*de Longueville*, 2007. P. 107–110). Такая группировка может указывать на появление знатных семей, при этом мужские могилы с оружием в их непосредственном окружении могут принадлежать вооруженной охране таких фамилий, а «бедные» могилы – их слугам (*Christlein*, 1973. Abb. 17, 18, 21; *Périn*, 1998. P. 171. Fig. 3; 4). В ряде случаев привилегированные могилы рассеяны по всей площади кладбища и не образуют явно выраженных групп. В этом случае, по Р. Кристлейну, данные могилы принадлежат зажиточным крестьянам, главам семей (*Christlein*, 1973. Abb. 13; *Périn*, 1998. P. 171. Fig. 3). Подчас привилегированная могила дает начало новому кладбищу (наиболее яркий пример – некрополь вокруг могилы Хильдерика: *Brulet*, 1991). Иногда в некрополе можно проследить смену могил нескольких поколений «предводителей». Такие случаи отмечены, например, на уже упоминавшемся могильника Шарлевиль-Мезьер (*Périn*, 1998. P. 176).

Раннемеровингские «вождеские» погребения в Галлии в основном принадлежат знати времен Хлодвига, их распространение отражает географию начальной стадии франкских завоеваний и маркирует центры власти (*Périn, Feffer*, 1997. P. 205). Известны и более ранние по времени могилы, третьей четверти V в., в частности, на территории Бельгии, в зоне первоначального расселения франков, такие как Самсон (Samson) или Айо (Haillot) (*Menghin*, 1983. S. 194, 198. № 16, 17, 22). Сейчас выясняется, что ряд «вождеских» погребений, находящихся вне этой зоны изначального франкского расселения, по времени соответствует эпохе Хильдерика и предшествует франкской экспансии. Это, например, погребения в Арси-Сент-Реститю (Arcy-Sainte-Restitue) в Пикардии (*Vallet*, 1988) и в Лувре (Louvres) в Парижском регионе (*Huet*, 1995) (рис. 5). Видимо, эти погребения отражают позднеримскую «генеральскую» моду, охватившую самых разнообразных варваров на римской службе, позднее перешедших на сторону франков (*Vallet*, 1988; *Périn, Feffer*, 1997. P. 205). Может быть, именно последним обстоятельством объясняется явная приуроченность находок раннемеровингских привилегированных воинских погребений в Пикардии к римским стратегическим пунктам поздней Римской империи (рис. 6). С другой стороны, из «Жития Св. Женевьевы» понятно, что франки в эпоху Хильдерика осуществляли блокаду города и в общем контролировали ситуацию в Парижском регионе. Григорий Турский также отмечает военную активность Хильдерика на Луаре в 460–470-е гг. (*James*, 1988). Поэтому можно также предполагать, что данные ранние погребения, как и приведенные свидетельства древних авторов, говорят о том, что франки взяли под контроль значительную часть Северной Галлии (до бассейна Сены включительно) уже при Хильдерике, т. е. в 460–480-е гг.

Для раннемеровингского времени известно одно королевское погребение. Это захоронение Хильдерика (481/482 гг.) в г. Турнэ (Tournai) в современной Бельгии. Мы уже имели возможность дать его подробную презентацию (*Казанский, Перен*, 2005; *Kazanski, Périn*, 1988; 2005; *Périn, Kazanski*, 2007), поэтому здесь мы лишь назовем отличительные черты инвентаря и погребального

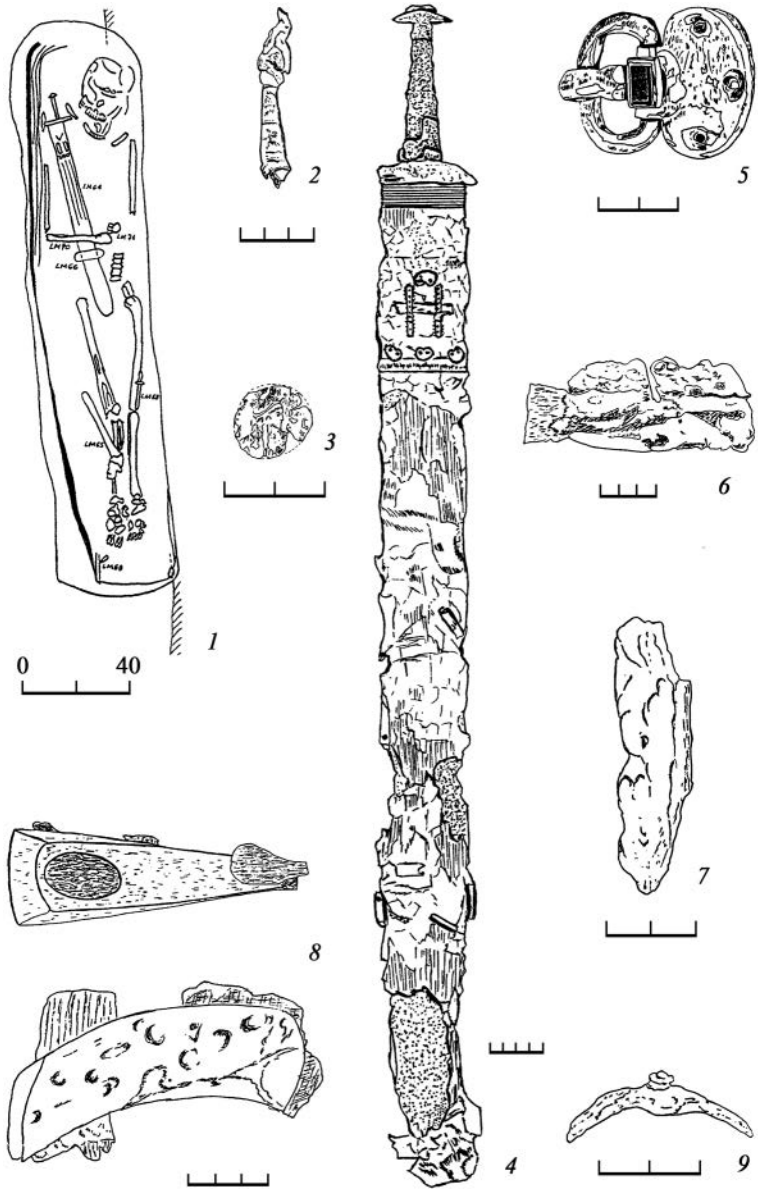


Рис. 5. «Вождеское» погребение в Лувре (по: *Huet*, 1995. Fig. 1)

обряда этого захоронения. Его характеризуют особое устройство погребального сооружения, а именно – наличие кургана, а также многочисленные захоронения лошадей. Особо стоит подчеркнуть присутствие в инвентаре символов власти – золотого «королевского» браслета, именного перстня-печати, а также римской фибулы высшего чиновника и, наконец, экипировки, типичной для римского генерала поздней Империи (*Казанский, Перен*, 2005; *Périn,*

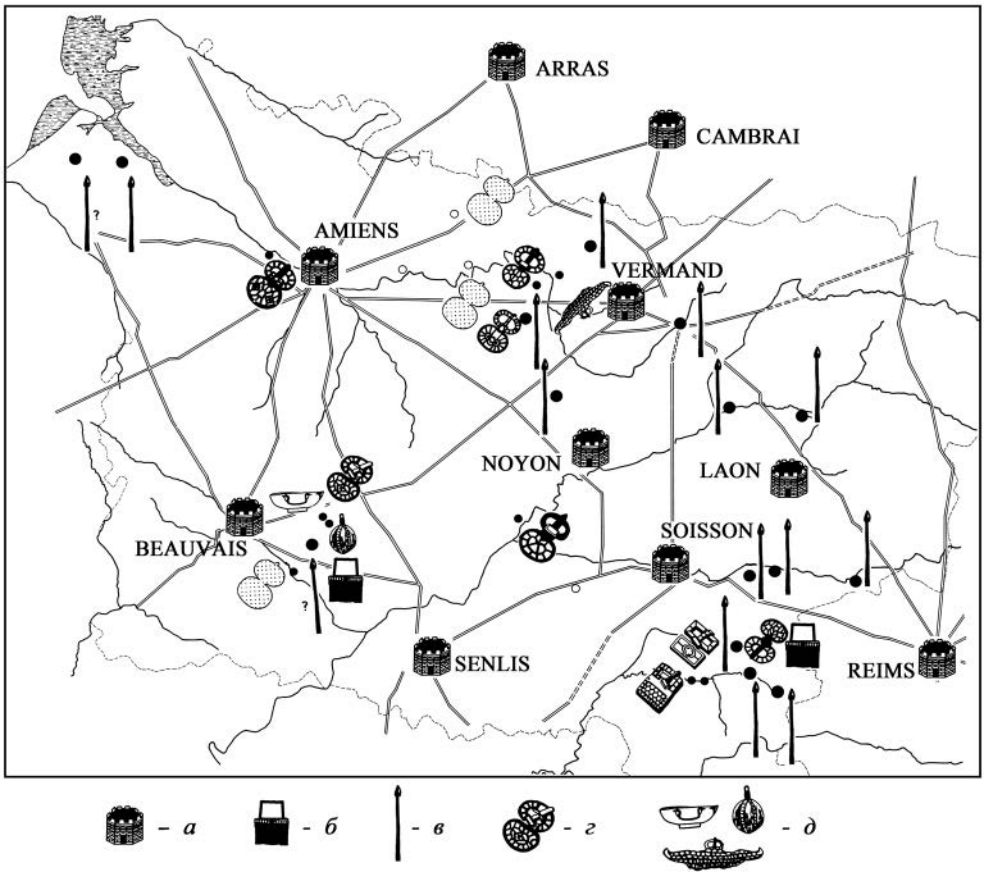


Рис. 6. Распространение «вождеских» меровингских могил последней трети V – начала VI в. на северном пограничье римской Галлии (по: La Picardie, berceau de la France…, 1986. Fig. 66)

Условные обозначения: *а* – римские крепости; *б* – погребения с парадными мечами; *в* – погребения с ангонами; *г* – погребения с парадной поясной гарнитурой; *д* – наличие других престижных вещей в «вождеских» погребениях

Kazanski, 2007; *Мастыкова*, 2008. С. 150). Похоже, что в состав инвентаря входил и скипетр (*Quast*, 2010). Интересно, что если фибула, скипетр и перстень-печать являются характерными атрибутами римского чиновника (Хильдерик был губернатором провинции Бельгика II), то золотой браслет и набор оружия являются типично германскими символами власти.

Погребение Хильдерика отражает, на наш взгляд, и несомненные восточные влияния, связанные с престижной «княжеской» культурой гуннского времени. Прежде всего, это сооружение монументального кургана, единственной параллелью которого для V в. в континентальной Европе является известный «княжеский» курган в Журани в Моравии, где наиболее ранние захоронения относятся к гуннской эпохе (*Kazanski, Périn*, 2005; *Мастыкова*, 2013. С. 47–55). В целом

в меровингское время курганные насыпи в Галлии единичны, восточнее Рейна их несколько больше (*Périn, Feffer*, 1997. P. 392). То же можно сказать и о конских захоронениях, которые во второй половине V – первой половине VI в. есть на Рейне и восточнее, у тюрингов, но в Галлии представлены только погребением Хильдерика (*Ghenne-Dubois*, 1991. P. 50–53. Fig. 31). Захоронение большого количества коней в «княжеском» контексте того времени представлено только в уже упоминавшемся кургане в Журани (*Мастыкова*, 2013. С. 47–52. Рис. 1, *2*). Появление престижной «гуннской» моды при дворе Хильдерика, на наш взгляд, может объясняться тюрингским происхождением его супруги, королевы Базины, привезшей на Запад аристократические гуннские обычаи (*Казанский, Перен*, 2005. С. 39, 40; *Kazanski, Périn*, 2005).

Известны и более поздние достоверно королевские погребения, такие как могила Арегонды (скончалась в 570-е гг.) в Сен-Дени (*Перен, Галлиен*, 2013) и погребение Хильдерика II (скончался в 674 г.) в Сен-Жермен-де-Пре, открытое в 1656 г. (*Périn*, 1980. P. 8, 9; *Périn, Feffer*, 1997. P. 191–193). Они демонстрируют резкую смену погребальных королевских обычаев, поскольку совершены явно по христианскому обряду, в церкви. Как известно, начало этому положил сын Хильдерика Хлодвиг, а вернее, его жена Клотильда, в значительной степени повлиявшая на принятие Хлодвигом христианства. Хлодвиг и Клотильда захоронены в церкви Святых Апостолов (позднее Св. Женевьевы) в Париже, на горе Св. Женевьевы (*Périn*, 1996; *Périn, Feffer*, 1997. P. 177–181). Тогда же, не позднее конца V в., появляются и самые ранние погребения меровингской знати в базилике в Сен-Дени под Парижем, такие как захоронение 23 с фибулой типа Крефельд-Геллеп, датированной второй половиной V в. (*Salin*, 1958. P. 18–24. Pl. I).

Для финала интересующей нас эпохи (520–540-е гг.) показательны «княжеское» погребение 1782 могильника Кренфельд-Геллеп с богатым конским убором, включавшим седло с металлическими накладками, и с набором престижного оружия (Die Franken, 1996. S. 899, 900. V.4.7), а также два погребения в Кельнском соборе. Здесь в мавзолее, в атриуме собора, были захоронены знатная дама из ближнего окружения короля Теодеберта (534–548 гг.), вероятно лангобардская принцесса Визигарда, скончавшаяся вскоре после свадьбы, а также мальчик, возможно маленький принц из той же семьи. Показательно, что в погребальный инвентарь детского захоронения (рис. 4) входили щит, шлем и скрамасакс, по размерам соответствующие возрасту их владельца, а также вполне «взрослые» меч, ангон, копье, кинжалы и топор, призванные подчеркнуть высокий статус погребенного (*Hauser*, 1996; *Périn, Feffer*, 1997. P. 202–204).

Визиготская Галлия и Бургундское королевство

К сожалению, для южной половины Галлии, где в начале меровингской эпохи существовали два романо-германских королевства – Визиготское в Аквитании (см. обзор: *Казанский, Перен*, 2013) и Бургундское в Юго-Восточной Галлии (сводные работы: *Escher*, 2005; 2006), привилегированные погребения известны гораздо хуже. Это связано не только с недостаточным уровнем изученности и опубликованности некрополей в данных регионах, но и с погребальными

обычаями визиготов и бургундов. На их территориях в могилах оружие встречается крайне редко, поэтому критерии, используемые для Северной Галлии для выявления «вождеских» захоронений, здесь «не работают». Однако на визиготской территории выявлены женские погребения с богатым инвентарем, такие как в Лезу (Lezoux) в Оверни (рис. 7) (*Vertet, Duterne*, 1999; L'Or des princes barbares…, 2000. № 23). Это женское погребение, видимо последней трети V в., содержало убор с большими двупластинчатыми фибулами (рис. 7, *2, 3*), явно имитирующий «княжеский» престижный костюм дунайских германцев горизонта Смолин (430–460/470 гг.), вероятно занесенный сюда остроготскими группами под руководством принца Ведимера Амала (подробнее см.: *Казанский, Перен*, 2013). Парные фибулы находились на груди погребенной, как это типично для восточных германцев в V в. (см.: *Bierbrauer*, 1975. S. 71–78). В некрополях Аквитании второй половины V в., которые сейчас изучены и ждут публикации (предварительные сообщения: *Poignant*, 2010; *Mitton et al*., 2013; *Scuiller, Hernandez*, 2013; *Hernandez, Paya*, 2013; *Cazes*, 2013), известно сравнительно много могил с женским «фибульным» убором. Среди них имеются захоронения с убором восточногерманской традиции, включающим пару фибул на груди или плечах, иногда с поясной пряжкой. Однако двупластинчатые фибулы в них встречаются довольно редко (напр.: Ibid. Fig. 1; 2), и ни одно из этих захоронений по степени богатства не может сравниться с могилой в Лезу.

Что касается королевства Бургундии, то здесь привилегированные могилы, сравнимые с раннемеровингскими, пока надежно не выявлены. Однако находки отдельных престижных предметов, таких как «королевские» золотые браслеты (L'Or des princes barbares…, 2000. № 3; *Escher*, 2006. P. 146), шлемы типа Балденхейм (*Escher*, 2005. P. 183–185; 2006. P. 136), фрагменты «парадных» мечей (*Escher*, 2005. P. 168–170; 2006. P. 170) и пряжки с декором в стиле перегородчатой инкрустации (*Escher*, 2005. P. 396–403; 2006. P. 210), позволяют уверенно предполагать существование «княжеской» культуры с набором символов, очень близких раннемеровингским и аламаннским.

В зоне Бургундского королевства изучен и опубликован ряд некрополей, таких как Сезнан (Sézegnin: *Privati*, 1983), Сен-Сюльпис (Saint-Sulpice: *Marti*, 1990), Пре де ля Кюр (Pré de la Cure: *Steiner, Menna*, 2000) и др. Мужские погребения на бургундских могильниках оружия не содержат, их общая градация по сопровождающемуся инвентарю пока не изучалась. Среди женских могил выделяются малоинвентарные и безынвентарные, с одной стороны, и, с другой стороны, могилы с «фибульным» убором германской традиции, в том числе и с довольно богатым. В качестве примера можно назвать погребения 97 и 133 швейцарского могильника Сен-Сюльпис с парой пальчатых фибул, украшенных декором в стиле перегородчатой инкрустации (*Marti*, 1990. Taf. 8; 9, *13–17*). Однако явно привилегированные женские захоронения не выделяются.

Среди захоронений выделяются две могилы середины – третьей четверти V в. в Изенав (Izenave, dép. Ain). В мужском захоронении был найден скрамасакс, деревянное ведро, стеклянный кубок. Рядом была выявлена женская могила с «фибульным» убором. В этих погребениях обнаружены также элементы ременной гарнитуры из позолоченного серебра, остатки золотой парчи, римские

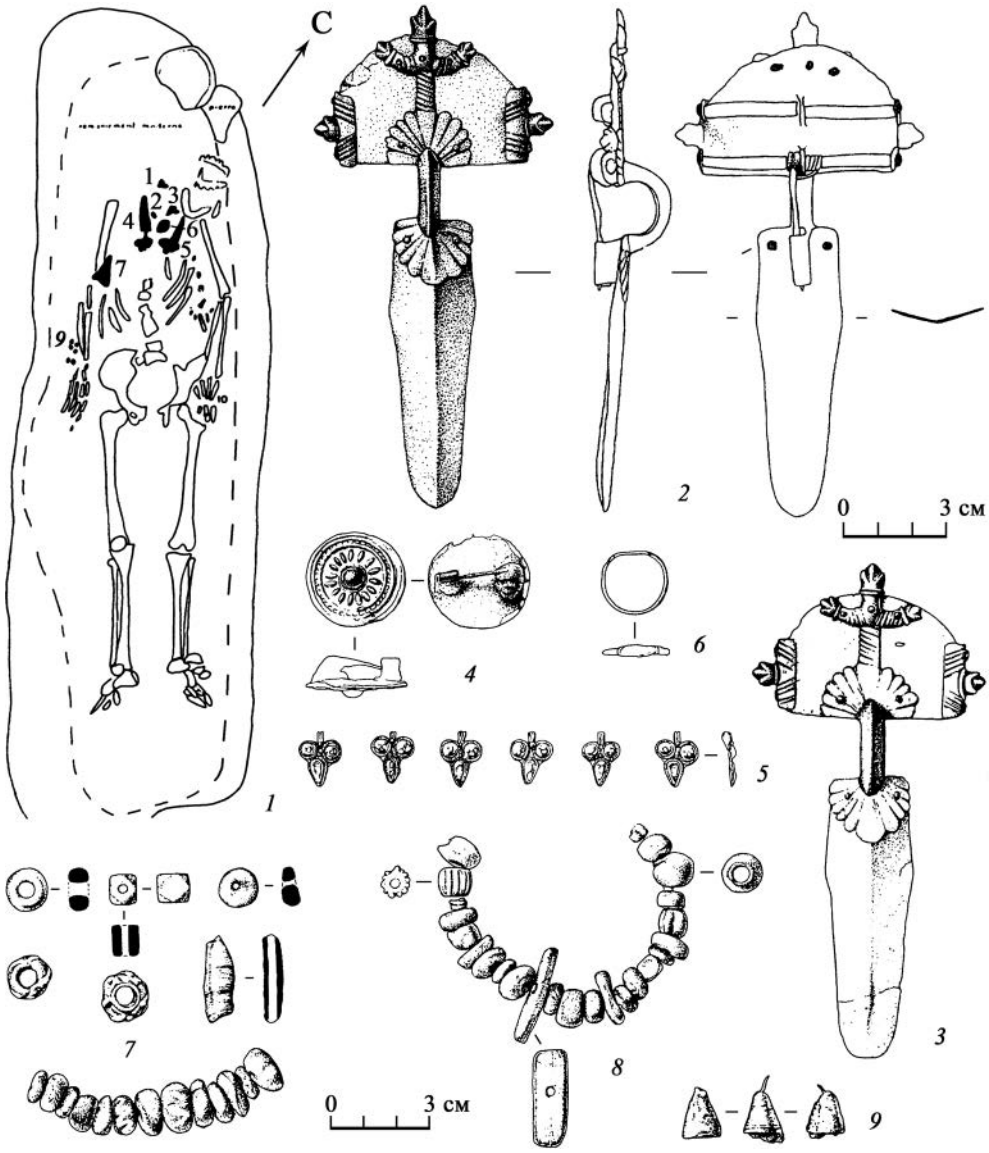


Рис. 7. Погребение в Лезу (по: *Vertet, Duterne*, 1999. Fig. 4; 7; 8)

монеты Феодосия, Валентиниана III и Майориана[7] (*Chanel*, 1912; *Gaillard de Sémainville*, 2003. P. 27, 28). На фоне других захоронений эти две могилы выглядят как привилегированные (рис. 8).

[7] Речь идет о старых раскопках, обе могилы были обнаружены одновременно, принадлежность значительной части вещей к конкретным могилам неясна.

Рис. 8. Погребение в Изенав (по: Chanel, 1912. Pl. XXXIX)

Германская и римская погребальные традиции знати

Обоснованно считается, что «вождеские» могилы с оружием принадлежат германской традиции, впервые появившейся в Галлии в позднеримское время. В то же время у римской знати, сохранившей в Галлии высокие социальные позиции, причем не только в церковной иерархии, как это иногда утверждается, но и в военной и административной среде, привилегированный статус погребенного выражался в богатстве могильных сооружений (мавзолеи, саркофаги, погребальные мозаики и надписи)[8]. Но сосуществование и постепенное слияние этих двух правящих группировок – варварской и римской – не могло не найти отражения и в погребальной практике. Об этом свидетельствует захоронение в Бурже (наиболее вероятная дата: 474–507 гг.) в Центральной Галлии, на территории Визиготского королевства (*de Kersers et al.*, 1891). Оно совершено по римскому обычаю, в саркофаге и с типичным римским инвентарем (стеклянная посуда, сандалии), но содержит также боевой нож и «командирское» копье с надписью, свидетельствующей о том, что здесь захоронен «королевский патриций» (рис. 9).

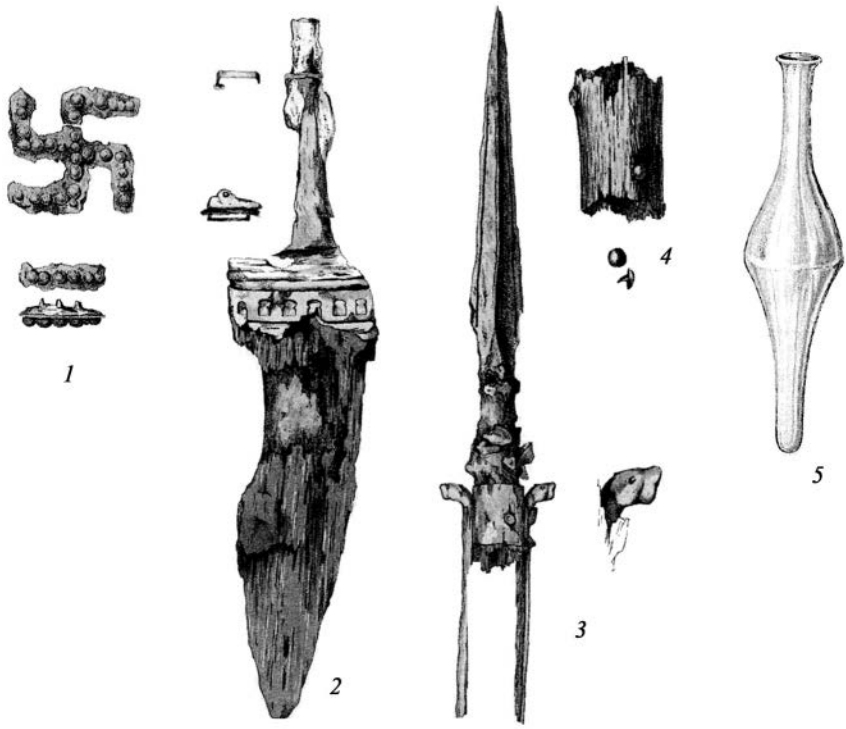


Рис. 9. Вещи из погребения в Бурже (по: *de Kersers et al.*, 1891. Pl. 11)

[8] Подобная ситуация существовала у италийских остроготов, где известно обращение Теодориха к своим знатным германским подданным с призывом совершать погребения по римскому обычаю, в мавзолеях, а не с вещами (цит.: *Bierbrauer*, 1975. S. 52, 53).

В течение VI в. постепенно вырабатывается практика привилегированных захоронений в церквях по христианскому обычаю или же в специально сооруженных часовнях на кладбищах, что окончательно нивелирует погребения римской и варварской знати в Галлии. При этом, как мы видели на примерах захоронений в Кельне и в Сен-Жермен-де-Пре, в могилах по-прежнему встречается инвентарь и, в частности, престижное оружие в мужских погребениях.

ЛИТЕРАТУРА

Казанский М. М., 2010. «Вождеские» погребения гуннского времени с мечами // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I / Отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М.: Ломоносовъ. С. 307–320.

Казанский М. М., 2012. О происхождении скрамасакса // Другая Русь. Чудь, меря и инии языци. СПб.: Ун-т «Высшая антропологическая школа». С. 111–124. (Stratum Plus; № 5/2012.)

Казанский М. М., Перен П., 2005. Могила Хильдерика (481/482 г.): состояние исследований // КСИА. № 218. С. 24–42.

Казанский М. М., Перен П., 2013. Визиготы в Галлии // АСГЭ. Вып. 39. С. 240–266.

Мастыкова А. В., 2008. «Варварские королевства» эпохи Великого переселения народов у алан Центрального Предкавказья // ПИФК. Вып. XXI. С. 149–159.

Мастыкова А. В., 2013. Бусы эпохи Великого переселения народов из «королевского» кургана Журань в Южной Моравии // КСИА. № 228. С. 46–57.

Перен П., Галлиен В., 2013. Погребение королевы Арегонды (Арнегунды) в аббатстве Сен-Дени // АСГЭ. Вып. 39. С. 260–279.

Харке Г., Савенко С. Н., 2000. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // РА. № 1. С. 217–226.

Bierbrauer V., 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto medoevo. 368 S.

Blondiaux J., 1993. Les cimetières de Gaule du Nord revus par l'anthropologie, la paléodémographie et la paléopathologie // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. P. 241–248.

Böhme H. W., 1974. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire. München: C. H. Beck'sche Verlagbuchhandlung. 384 S.

Brulet R. (dir.), 1991. Les fouilles du quartier Saint-Brice à Tournai. L'evironnement funéraire de la sépulture de Childeric. Louvain-la-Neuve: Département d'archéologie et d'histoire de l'art. Vol. 1, 2, 194 p., 201 p.

Cazes J.-P., 2013. La nécropole wisigothique de Pezens (Aude) // Bulletin de liaison de l'Association française d'archéologie mérovingienne. № 37. P. 32–34.

Chanel E., 1912. Sépulture double de l'époque franque à Izenave (Ain) // Bulletin Archéologique. P. 265–274.

Christlein R., 1973. Besitzabstufungen zur Merowingeriet im Spiegel reicher Grabunde aus West- und Süddeutschland // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Jg. 20. S. 147–180.

Escher K., 2005. Genèse et évolution du deuxième royaume burgonde (443–534). Les témoins archéologiques. Oxford: Archaeopress. Vol. 1, 2. 1101 p. (BAR International Series; 1402.)

Escher K., 2006. Les Burgondes. Ier-VIe siècles apr; J.-C. Paris: Errance. 287 p.

Die Franken, Wegbereiter EuropasMainz: Verlag Philipp von Zabern, 1996. T. 1, 2. 1112 S.

Gaillard de Sémainville H., 2003. A propos de l'implantation des Burgondes. Réflexions, hypothèses et perspectives // Burgondes, Alamans, Francs, Romains dans l'Est de la France, le sud-Ouest

de l'Allemagne et la Suisse. Ve–VI siècle après J.-C. / Dir. F. Passard, S. Gizard, J.-P. Urlacher, A. Richard. Besançon: Presses Universitaires France-Comtoises. P. 17–39.

Ghenne-Dubois M.-J., 1991. Les inhumations de chevaux et les trouvailles de Saint-Brice // Les fouilles du quartier Saint-Brice à Tournai. L'environnement funéraire de la sépulture de Childeric / Dir. R. Brulet. Louvain-la-Neuve: Département d'archéologie et d'histoire de l'art. P. 49–70.

Hauser G., 1996. Das fränkische Gräberfeld unter dem Kölner Dom // Die Franken, Wegbereiter Europas. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. S. 438–447.

Hernandez J., Paya D., 2013. Aux portes de Toulouse, le cimetière du Mouraut (Ve–Xe siècle) // Bulletin de liaison de l'Association française d'archéologie mérovingienne. № 37. P. 30, 31.

Huet C., 1995. Annexe: la tombe de chef mérovingien de Louvres // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'Archéologie mérovingienne. P. 303–307.

James E., 1988. Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons // Revue Archéologique de Picardie. № 3–4. P. 9–12.

Joffroy R., 1974. Le cimetière de Lavoie (Meuse). Nécropole mérovingienne. Paris: Picard. 180 p.

Kazanski M., Mastykova A., Périn P., 2008. Die Archäologie der westgoten in Nordgallien. Zum Stand der Forschung // Zwischen Spätantike und Mittelalter / S. Brather (Hrsg.). Berlin; New York: Walter de Gruyter. S. 149–192.

Kazanski M., Périn P., 1988. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives // Revue Archéologique de Picardie. № 3–4. P. 13–38.

Kazanski M., Périn P., 1997. Les Barbares «orientaux» dans l'armée romaine en Gaule // Antiquités Nationales. № 29. P. 201–217.

Kazanski M., Périn P., 2005. La tombe de Childéric: un tumulus oriental? // Travaux et Mémoires. T. 15. P. 287– 298.

Kazanski M., Périn P., 2008. Identité ethnique en Gaule à l'époque des Grandes Migrations et Royaumes Barbares: étude de cas archéologiques // Antiquités Nationales. № 39. P. 181–216.

Kazanski M., Périn P., 2009. «Foreign» objects in the Merovingian cemeteries of Northern Gaul // Foreigns in Early Medieval Europe: Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility / Ed. D. Quast. Mainz: Verlag der Römisch-Germanischen Zentralmuseums. P. 149–167.

de Kersers A., de Marquerye R., de la Guerè R., 1891. Tombes du cimetière des Capucins // Mémoires de la Société des Antiquaires du Centre. 18. P. 51–63.

Koch U., 1998. Hofferrin und Schaffnerrinn. Bäuern und Friedelfrau. Die Hierarchie er Frauen in Merowingerzeit // Nürnberger Blätter zur Archäologie. Heft 13. S. 8–24.

Koch U., 2001. Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Stuttgart: Kommissionsverlag – Konrad Theiss Verlag. 647 S.

Legoux R., Périn P., Vallet F., 2009. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en Laye: Assoaciation frnaçaise d'archéologie mérovingienne. 65 p.

de Longueville S., 2007. Interprétation des contxtes funéraires. Principes d'analyse des crières associés à la définition des tombes dites privilégiées // Villes et campagnes en Neustrie (Europe médiévale, 8) / Dir. L. Verslype. Montagnac: Editions Monique Megoil. P. 103–120.

Marti F., 1990. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Saint-Sulpice VD. Lausanne: Cahiers d'archéologie romande. 224 p.

Martin M., 1976. Das fränkische Gräberfeld von Basel-Bernerring. Mainz-Basel: Ph. von Zabern. 398 S.

Martin M., 1989. Bemerkungen zur chronologischen Gliederung der frühen Merowingerzeit // Germania. Bd. 67–1. S. 121–141.

Martin M., 1993. Observations sur l'armement de l'époque mérovingienne précoce // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. P. 395–410.

Menghin W., 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Konrad Theisse Verlag. 368 S.

Mitton C., Djouad S., Corrochano A., Pedeoussau L., Dieulafait F., 2013. Le site de Blanzac-Porcheresse (Charente, France): un ensemblre funéraire des Ve-VIe siècles en Aquitaine wisigothique // Bulletin de liaison de l'Association frnaçaise d'archéologie mérovingienne. № 37. P. 25–27.

L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. après J.-C. Paris: Réunion des Musées nationaux, 2000. 224 p.

Périn P., 1980. La datation des tombes mérovingiennes. Historique – Méthodes – Applications. Genève: Librairie Droz. 433 p.

Périn P., 1995. Les tombes des «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique // La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'Archéologie mérovingienne. P. 247–302.

Périn P., 1996. Die Grabstätten der merowingischer Könige in Paris // Die Franken, Wegbereiter Europas. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. S. 416–422.

Périn P., 1998. Possibilités et limites de l'interprétation sociale des cimetières mérovingiens // Antiquités Nationales. № 30. P. 169–184.

Périn P., Feffer L.-C., 1997. Les Francs. Paris: Armand Colin. 463 p.

Périn P., Kazanski M., 2006. Les tombes féminines à costume «étranger» dans les nécropoles mérovingiennes de Gaule // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss. V–VII). Balance y Perspectivas (BAR Internatuional Series 1534) / Dir. J. López Quiroga, A. M. Martínez Tejera, J. Morín de Pablos. Oxford: John and Erica Hedges LtD. P. 191–212.

Périn P., Kazanski M., 2007. La tombe de Childéric, le Danube et la Méditerranée // Villes et campagnes en Neustrie (Europe médiévale, 8) / Dir. L. Verslype. Montagnac: Editions Monique Megoil. P. 29–38.

La Picardie, berceau de la France. Clovis et les derniers Romains. Amiens: Association des Conservateurs des Collections Publiques de Picardie, 1986. 251 p.

Poignant S., 2010. Chasseneuil-sur-Bonnieure (Charente): la nécropole Saint-Saturnin // Wisigoths et Francs autour de la bataille de Vouillé (507) / Dir. L. Bourgeois. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. P. 171–182.

Privati B., 1983. La nécropole de Sézegnin (Avusy-Genève). IVe–VIIIe siècle. Genève; Paris: Société d'histoire et d'archéologie de Genève. 181 p.

Quast D., 1993. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart: Kommissonsverlag-Konrad Theiss Verlag. 162 S.

Quast D., 2006. Die frühmittelalterliche und merowingerzeitliche Besiedlung im Umland des Runden Berges bei Urach. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag. 345 S.

Quast D., 2010. Ein spätantikes Zepter aus dem Childerichgrab // Archäologisches Korrepondenzblatt. Jg. 40–2. S. 285–296.

Salin E., 1958. Les tombes gallo-romaines et mérovingiennes de la basilique de Saint-Denis (fouilles de janvier-février 1957) // Memoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. T. XLIV. P. 1–84.

Sculler C., Hernandez J., 2013. La nécropole de Belou Nord à Saint-Laurent-des-Hommes (Dordogne) // Bulletin de liaison de l'Association française d'archéologie mérovingienne. № 37. P. 28, 29.

Seillier C., 1993. Les Germains dans l'armée romaine tardive en Gaule septentrionale. Le témoignage de l'archéologie // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. P. 187–194.

Soulat J., 2009. Le matériel archéologique de type saxon et anglo-saxon en Gaule mérovingienne. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. 221 p.

Steiner L., Menna F., 2000. La nécropole du Pré de la Cure à Yverdon-les Bains (IVe –VIIe s. ap. J.-C.). Lausanne: Cahiers d'archéologie romande. Vol. 1, 2. 352 et 311 p.

Steuer H., 1987. Helm und Rignschewert. Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger. Eine Übersicht // Studien zur Sachsenforschung 6. S. 190–236.

Truc M.-C., 2008. Trois tombes d'exception à Saint-Dizier // Nos ancêtres les Barbares. Voyage autour des trois tombes de chefs barbares / Dir. C. Varéon. Saint-Dizier: Musée de Saint-Dizier. P. 50–69.

Vallet F., 1988. A propos des tombes à épées d'apparat de la rue Saint-Pierre et d'Arcy-Sainte-Restitue (Aisne) // Revue Archéologique de Picardie. № 3–4. P. 45–55.

Verslype L., 2008. Les tombes de chefs mérovingiens: la terminologie et sa signification // Nos ancêtres les Barbares. Voyage autour de trois tombes de chefs francs / Dir. C. Varéon. Saint-Dizier: Musée de Saint-Dizier. P. 34–49.

Vertet H., Duterne Y., 1999. Tombes mérovingiennes du cimetière Saint-Jean de Lezoux (Puy-de-Dôme) // L'Auvergne de Sidoine Apollinaire à Grégoire de Tours. Histoire et archéologie / Dir. B. Fizellier-Sauget. Clermont-Ferrand: Institut d'Etudes du Massif Central. P. 337–349.

Сведения об авторах.

Казанский Михаил Михайлович, CNRS – UMR 8167 «Orient et Méditerranée», Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 52, rue du cardinal Lemoine, Collège de France, 75006, Paris, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com;

Перен Патрик, Musée d'Archéologie nationale (Saint-Germain-en-Laye), 3 avenue Taillade, 75020, Paris, France; e-mail: patrick.perin42@gmail.com.

M. M. Kazanski, P. Périn

«Royal» and «princely» burials and burials of «leaders» from the Early Merovingian period in Gaul: current state of the research

Abstract. The question of social gradation in relation to Merovingian antiquities, based on the character and richness of grave goods, has long been a pre-occupation of West-European archaeologists. R. Christlein singled out three social levels of burials and the richest of these (or the richest level) he designated as that of «leaders». They are distinguished by the presence of prestigious weapons, rich belt-sets and also, in a number of cases by their specific topographic position within their cemetery. «Leaders» graves are quite well-known in Northern Gaul. In most cases they had belonged to members of the nobility from the time of Chlodwig and the areas in which they are found reflect the geography of the early stage in the Franks' conquests and indicate centres of power. A number of these burials appear to date from the era of Childeric and thus pre-date Frankish expansion. The graves of the privileged containing weapons of a German tradition while in graves of the Roman nobility, which still occupied high social positions in Gaul, the social status of the deceased found expression in the rich nature of the funerary structures on and around the graves. The co-existence and gradual merging of these two ruling groups – the barbarian and the Roman one – were reflected in funerary practices. This can be seen from a burial in Bourges (most likely dating to 474–504) in Central Gaul in the territory of the Visigoths' Kingdom. It was in a sarcophagus in keeping with Roman customs and with typically Roman grave goods, but it also contained a dagger and a «commander's» lance bearing an inscription to the effect that a «royal patrician» had been buried there. In the 6th c. a practice gradually developed for burying the privileged in churches according to Christian custom, which placed burials of the Roman and barbarian nobility in Gaul on a par with each other once and for all.

Keywords: Northern Gaul, Merovingians, graves of the privileged, social hierarchy.

REFERENCES

Bierbrauer V., 1975. Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano di Studi sull'Alto medoevo. 368 p.

Blondiaux J., 1993. Les cimetières de Gaule du Nord revus par l'anthropologie, la paléodémographie et la paléopathologie. *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle.* F. Vallet, M. Kazanski, eds. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, pp. 241–248.

Böhme H. W., 1974. Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire. München: C. H. Beck'sche Verlagbuchhandlung. 384 p.

Cazes J.-P., 2013. La nécropole wisigothique de Pezens (Aude). *Bulletin de liaison de l'Association française d'archéologie mérovingienne*, 37, pp. 32–34.

Chanel E., 1912. Sépulture double de l'époque franque à Izenave (Ain). *Bulletin Archéologique*, pp. 265–274.

Christlein R., 1973. Besitzabstufungen zur Merowingeriet im Spiegel reicher Grabunde aus West- und Süddeutschland. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*, 20, pp. 147–180.

Die Franken, Wegbereiter Europas. 1996. 1–2. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 1112 p.

Escher K., 2005. Genèse et évolution du deuxième royaume burgonde (443–534). Les témoins archéologiques Oxford: Archaeopress, 1, 2. 1101 p. (Bar International Series, 1402).

Escher K., 2006. Les Burgondes. Ier–VIe siècles apr; J.-C. Paris: Errance. 287 p.

Gaillard de Sémainville H., 2003. A propos de l'implantation des Burgondes. Réflexions, hypothèses et perspectives. *Burgondes, Alamans, Francs, Romains dans l'Est de la France, le sud-Ouest de l'Allemagne et la Suisse. Ve–VI siècle après J.-C.* F. Passard, ed. Besançon: Presses Universitaires France-Comtoises, pp. 17–39.

Ghenne-Dubois M.-J., 1991. Les inhumations de chevaux et les trouvailles de Saint-Brice. *Les fouilles du quartier Saint-Brice à Tournai. L'environnement funéraire de la sépulture de Childeric*. R. Brulet, ed. Louvain-la-Neuve: Département d'archéologie et d'histoire de l'art, pp. 49–70.

Härke H., Savenko S. N., 2000. Problemy issledovaniya drevnikh pogrebeny v zapadnoyevropeyskoy arkheologii [Problems of investigation of ancient burials in West European archaeology]. *RA*, 1, pp. 217–226.

Hauser G., 1996. Das fränkische Gräberfeld unter dem Kölner Dom. *Die Franken, Wegbereiter Europas*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, pp. 438–447.

Hernandez J., Paya D., 2013. Aux portes de Toulouse, le cimetière du Mouraut (Ve–Xe siècle). *Bulletin de liaison de l'Association française d'archéologie mérovingienne*, 37, pp. 30, 31.

Huet C., 1995. Annexe: la tombe de chef mérovingien de Louvres. *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. F. Vallet, M. Kazanski, eds. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'Archéologie mérovingienne, pp. 303–307.

James E., 1988. Childéric, Syagrius et la disparition du royaume de Soissons. *Revue Archéologique de Picardie*, 3–4, pp. 9–12.

Joffroy R., 1974. Le cimetière de Lavoie (Meuse). Nécropole mérovingienne. Paris: Picard. 180 p.

Kazanski M., Mastykova A., Périn P., 2008. Die Archäologie der westgoten in Nordgallien. Zum Stand der Forschung / *Zwischen Spätantike und Mittelalter*. S. Brather (Hrsg.). Berlin; New York: Walter de Gruyter, S. 149–192.

Kazanski M., Périn P., 1988. Le mobilier funéraire de la tombe de Childéric Ier. Etat de la question et perspectives. *Revue Archéologique de Picardie*, 3–4, pp. 13–38.

Kazanski M., Périn P., 1997. Les Barbares «orientaux» dans l'armée romaine en Gaule. *Antiquités Nationales*, 29, pp. 201–217.

Kazanski M., Périn P., 2005. La tombe de Childéric: un tumulus oriental? *Travaux et Mémoires*, 15, pp. 287–298.

Kazanski M., Périn P., 2008. Identité ethnique en Gaule à l'époque des Grandes Migrations et Royaumes Barbares: étude de cas archéologiques. *Antiquités Nationales*, 39, pp. 181–216.

Kazanski M., Périn P., 2009. «Foreign» objects in the Merovingian cemeteries of Northern Gaul. *Foreigns in Early Medieval Europe: Thirteen International Studies on Early Medieval Mobility*. D. Quast, ed. Mainz: Verlag der RGZM, pp. 149–167.

Kazansky M. M., 2010. «Vozhdeskiye» pogrebeniya gunnskogo vremeni s mechami [«Chieftain's» burials of Hun time containing swords]. *Krayeugol'ny kamen'. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran* [*Corner stone. Archaeology, history, arts, culture of Russia and adjacent countries*], I. Ye. N. Nosov, S. V. Beletsky, eds. Moscow: Lomonosov, pp. 307–320.

Kazansky M. M., 2012. O proiskhozhdenii skramasaksa [On origin of scramasax]. *Drugaya Rus'. Chud', merya i inii yazytsi* [*Different Rus'. Chud', Merya, and other languages*]. St. Petersburg: Vysshaya antropologicheskaya shkola, pp. 111–124. (Stratum Plus, 5).

Kazansky M. M., Périn P., 2005. Mogila Khil'derika (481/482 g.): sostoyaniye issledovany [Grave of Childeric (481/482): state of research]. *KSIA,* 218, pp. 24–42.

Kazansky M. M., Périn P., 2013. Vizigoty v Gallii [Visigoths in Gaul]. *Arkheologichesky sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [*Archaeological annual of State Hermitage*], 39, pp. 240– 266.

de Kersers A., de Marquerye R., de la Guerè R., 1891. Tombes du cimetière des Capucins. *Mémoires de la Société des Antiquaires du Centre*, 18, pp. 51–63.

Koch U., 1998. Hofferrin und Schaffnerrinn. Bäuern und Friedelfrau. Die Hierarchie er Frauen in Merowingerzeit. *Nürnberger Blätter zur Archäologie,* 13, pp. 8–24.

Koch U., 2001. Das alamannisch-fränkische Gräberfeld bei Pleidelsheim. Stuttgart: Kommissionsverlag Konrad Theiss Verlag. 647 p.

L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. après J.-C. 2000. Paris: Réunion des Musées nationaux. 224 p.

La Picardie, berceau de la France. Clovis et les derniers Romains, 1986. Amiens: Association des Conservateurs des Collections Publiques de Picardie. 251 p.

Legoux R., Périn P., Vallet F., 2009. Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine. Saint-Germain-en Laye: Assoaciation frnaçaise d'archéologie mérovingienne. 65 p.

Les fouilles du quartier Saint-Brice à Tournai. L'evironnement funéraire de la sépulture de Childeric, 1991. 1. R. Brulet, ed. Louvain-la-Neuve: Département d'archéologie et d'histoire de l'art. 194 p.

Les fouilles du quartier Saint-Brice à Tournai. L'evironnement funéraire de la sépulture de Childeric, 1991. 2. R. Brulet, ed. Louvain-la-Neuve: Département d'archéologie et d'histoire de l'art. 201 p.

de Longueville S., 2007. Interprétation des contxtes funéraires. Principes d'analyse des crières associés à la définition des tombes dites privilégiées. *Villes et campagnes en Neustrie*. L. Verslype, ed. Montagnac: Editions Monique Megoil, pp. 103–120. (Europe médiévale, 8).

Marti F., 1990. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Saint-Sulpice VD. Lausanne: Cahiers d'archéologie romande. 224 p.

Martin M., 1976. Das fränkische Gräberfeld von Basel-Bernerring. Mainz-Basel: Ph. von Zabern. 398 p.

Martin M., 1989. Bemerkungen zur chronologischen Gliederung der frühen Merowingerzeit. *Germania*, 67–1, pp. 121–141.

Martin M., 1993. Observations sur l'armement de l'époque mérovingienne précoce. *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle*. F. Vallet, M. Kazanski, eds. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, pp. 395–410.

Mastykova A. V., 2008. «Varvarskiye korolevstva» epokhi Velikogo pereseleniya narodov u alan Tsentral'nogo Predkavkaz'ya [«Barbarian kingdoms» of the epoch of Migration Period among Alans of Central Caucasus Piedmonts]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Problems of history, philology, culture*], XXI, pp. 149–159.

Mastykova A. V., 2013. Busy epokhi Velikogo pereseleniya narodov iz «korolevskogo» kurgana Zhuran' v Yuzhnoy Moravii [Beads of the Migration period from the «royal» kurgan of Žuráň, South Moravia]. *KSIA*, 228, pp. 46–57.

Menghin W., 1983. Das Schwert im Frühen Mittelalter. Stuttgart: Konrad Theisse Verlag. 368 p.
Mitton C., Djouad S., Corrochano A., Pedeoussau L., Dieulafait F., 2013. Le site de Blanzac-Porcheresse (Charente, France): un ensemblre funéraire des Ve–Vie siècles en Aquitaine wisigothique. *Bulletin de liaison de l'Association frnaçaise d'archéologie mérovingienne*, 37, pp. 25–27.
Périn P., Galliyen V., 2013. Pogrebeniye korolevy Aregondy (Arnegundy) v abbatstve Sen-Deni [Burial of Queen Aregonda (Arnegunda) in St. Denis abbey]. *Arkheologichesky sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [*Archaeological annual of State Hermitage*], 39, pp. 260–279.
Périn P., 1980. La datation des tombes mérovingiennes. Historique – Méthodes – Applications. Genève: Librairie Droz. 433 p.
Périn P., 1995. Les tombes des «chefs» du début de l'époque mérovingienne. Datation et interprétation historique. *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle*. F. Vallet, M. Kazanski, eds. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'Archéologie mérovingienne, pp. 247–302.
Périn P., 1996. Die Grabstätten der merowingischer Könige in Paris. *Die Franken, Wegbereiter Europas*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, pp. 416–422.
Périn P., 1998. Possibilités et limites de l'interprétation sociale des cimetières mérovingiens. *Antiquités Nationales*, 30, pp. 169–184.
Périn P., Feffer L.-C., 1997. Les Francs. Paris: Armand Colin. 463 p.
Périn P., Kazanski M., 2006. Les tombes féminines à costume «étranger» dans les nécropoles mérovingiennes de Gaule. *Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss. V–VII). Balance y Perspectivas*. J. López Quiroga, ed. Oxford: John and Erica Hedges LtD, pp. 191–212. (BAR Internatuional Series 1534).
Périn P., Kazanski M., 2007. La tombe de Childéric, le Danube et la Méditerranée. *Villes et campagnes en Neustrie.* L. Verslype, ed. Montagnac: Editions Monique Megoil, pp. 29–38. (Europe médiévale, 8.)
Poignant S., 2010. Chasseneuil-sur-Bonnieure (Charente): la nécropole Saint-Saturnin. *Wisigoths et Francs autour de la bataille de Vouillé (507)*. L. Bourgeois, ed. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, pp. 171–182.
Privati B., 1983. La nécropole de Sézegnin (Avusy-Genève). IVe–VIIIe siècle. Genève; Paris: Société d'histoire et d'archéologie de Genève. 181 p.
Quast D., 1993. Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen. Stuttgart: Kommissonsverlag Konrad Theiss Verlag. 162 p.
Quast D., 2006. Die frühmittelalterliche und merowingerzeitliche Besiedlung im Umland des Runden Berges bei Urach. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag. 345 p.
Quast D., 2010. Ein spätantikes Zepter aus dem Childerichgrab. *Archäologisches Korrepondenzblatt*, 40–2, pp. 285–296.
Salin E., 1958. Les tombes gallo-romaines et mérovingiennes de la basilique de Saint-Denis (fouilles de janvier-février 1957). *Memoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres,* XLIV, pp. 1–84.
Scuiller C., Hernandez J., 2013. La nécropole de Belou Nord à Saint-Laurent-des-Hommes (Dordogne). *Bulletin de liaison de l'Association frnaçaise d'archéologie mérovingienne*, 37, pp. 28, 29.
Seillier C., 1993. Les Germains dans l'armée romaine tardive en Gaule septentrionale. Le témoignage de l'archéologie. *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle*. F. Vallet, M. Kazanski, eds. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne, pp. 187–194.
Soulat J., 2009. Le matériel archéologique de type saxon et anglo-saxon en Gaule mérovingienne. Saint-Germain-en-Laye: Association française d'archéologie mérovingienne. 221 p.
Steiner L., Menna F., 2000. La nécropole du Pré de la Cure à Yverdon-les Bains (IVe–VIIe s. ap. J.-C.), 1. Lausanne: Cahiers d'archéologie romande. 352 p.
Steiner L., Menna F., 2000. La nécropole du Pré de la Cure à Yverdon-les Bains (IVe–VIIe s. ap. J.-C.), 2. Lausanne: Cahiers d'archéologie romande. 311 p.

Steuer H., 1987. Helm und Rignschewert. Prunkbewaffnung und Rangabzeichen germanischer Krieger. Eine Übersicht. *Studien zur Sachsenforschung*, 6, pp. 190–236.

Truc M.-C., 2008. Trois tombes d'exception à Saint-Dizier. *Nos ancêtres les Barbares. Votyage autour des trois tombes de chefs barbares*. C. Varéon, ed. Saint-Dizier: Musée de Saint-Dizier, pp. 50–69.

Vallet F., 1988. A propos des tombes à épées d'apparat de la rue Saint-Pierre et d'Arcy-Sainte-Restitue (Aisne). *Revue Archéologique de Picardie*, 3–4, pp. 45–55.

Verslype L., 2008. Les tombes de chefs mérovingiens: la terminologie et sa signification. *Nos ancêtres les Barbares. Voyage autour de trois tombes de chefs francs*. C. Varéon, ed. Saint-Dizier: Musée de Saint-Dizier, pp. 34–49.

Vertet H., Duterne Y., 1999. Tombes mérovingiennes du cimetière Saint-Jean de Lezoux (Puy-de-Dôme). *L'Auvergne de Sidoine Apollinaire à Grégoire de Tours. Histoire et archéologie*. B. Fizellier-Sauget, ed. Clermont-Ferrand: Institut d'Etudes du Massif Central, pp. 337–349.

About the authors.

Kazanski M. M., CNRS – UMR 8167 «Orient et Méditerranée», Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 52, rue du cardinal Lemoine, Collège de France, 75006, Paris, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com;

Périn Patrick, Musée d'Archéologie nationale (Saint-Germain-en-Laye), 3 avenue Taillade, 75020, Paris, France; e-mail: patrick.perin42@gmail.com.

БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ж. А. Антипушина, Е. В. Леонова, А. В. Тиунов

АНАЛИЗ СТАБИЛЬНЫХ ИЗОТОПОВ УГЛЕРОДА И АЗОТА В РАКОВИНАХ НАЗЕМНЫХ БРЮХОНОГИХ МОЛЛЮСКОВ ИЗ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ*

Резюме. В работе приводятся результаты анализа стабильных изотопов углерода и азота в органическом матриксе раковин наземных брюхоногих моллюсков *Helix* spp. (виноградная улитка). Субфоссильные раковины отобраны из мезолитических слоев пещеры Двойная (предгорья Северо-Западного Кавказа, Губское ущелье, Мостовской район). Раковины современных виноградных улиток собраны для сравнения в непосредственной близости от памятника (август 2012 и 2013 гг.). На основе динамики значений $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ можно предположить, что формирование изученных на данный момент слоев отложения происходило в более засушливых условиях (относительно современных). При этом формирование 4-го и 5-го слоев происходило при несколько большем количестве осадков, а наиболее засушливые условия фиксируются на уровне контакта четвертого и пятого слоев, а также пятого и шестого слоев. Радиоуглеродные даты намечают время формирования слоев, содержащих раковины *Helix* spp., в диапазоне от 11,8 до 8,3 тысячи лет назад.

Ключевые слова: ранний голоцен, стабильные изотопы, археология, каменный век, Северо-Западный Кавказ, реконструкция климата.

Введение

Естественно-научные методы получают все более широкое применение в археологических исследованиях. Одним из методов реконструкции экологических условий прошлого является анализ стабильных изотопов, особенно при исследованиях культурных напластований, насыщенных остатками добычи древнего

* Работа выполнена в рамках Программ Президиума РАН «Традиции и инновации», «Живая природа: современное состояние и проблемы развития», «Биологические ресурсы России: динамика в условиях глобальных климатических и антропогенных воздействий» и проектов РФФИ № 12-06-00202-а, № 13-06-10030 К, № 12-04-00655-а и № 12-04-31010-мол-а.

человека. Анализ стабильных изотопов углерода $^{13}C/^{12}C$ (обычно выражаемых в виде $\delta^{13}C$) и азота $^{15}N/^{14}N$ ($\delta^{15}N$) в коллагене костей из археологических памятников и погребений давно используется для реконструкции диеты. Установлено, что коллаген костей хищников и травоядных животных различается по изотопному составу, так же как и коллаген костей морских и наземных хищников (*Kelly*, 2000; *Hedges et al.*, 2006). Разный изотопный состав имеют также остатки растительноядных животных, диета которых содержит растения с разным типом фотосинтеза. Согласно исследованиям, ткани растений, имеющих C_4 и CAM пути фотосинтеза, более обогащены тяжелым изотопом углерода ^{13}C относительно C_3-растений (*O'Leary*, 1988). Такие растения произрастают преимущественно в засушливых (аридных) местообитаниях. Закономерность между изотопным составом растительности, условиями увлажнения и содержанием $\delta^{13}C$ в раковинах выявлена и для наземных брюхоногих моллюсков. Так, в более засушливых условиях в их рационе преобладают C_4-растения, в результате чего происходит обогащение раковин $\delta^{13}C$. А в более влажных условиях, наоборот, обеднение (*Googfriend*, 1988; *Googfriend, Ellis*, 2000). Такая же закономерность установлена между количеством осадков и содержанием $\delta^{15}N$ в тканях растений – в более засушливых условиях содержание $\delta^{15}N$ увеличивается, а в более влажных уменьшается (*Swap et al.*, 2004; *Hartman, Danin*, 2010). Таким образом, данный метод позволяет реконструировать динамику режима увлажненности.

Цель данной работы заключается в реконструкции динамики режима увлажненности на основе анализа стабильных изотопов углерода и азота в раковинах наземных брюхоногих моллюсков из мезолитических слоев пещеры Двойная.

Описание памятника

Пещера Двойная находится в 9 км к западу-юго-западу от станицы Баракаевской Мостовского района Краснодарского края и расположена на левом берегу р. Губс (левый приток р. Ходзь), на высоте 46 м над уровнем воды в реке (803 м над у. м.). Пещера состоит из двух соседних полостей – малой (восточной) и большой (западной), не соединяющихся между собой. Пещера открыта П. У. Аутлевым в 1962 г. (*Аутлев*, 1962; *Аутлев, Любин*, 1994. С. 13), им был заложен шурф перед восточным гротом, где были найдены артефакты, относящиеся к каменному веку. Полученные данные не были опубликованы, со временем забыты, коллекции утеряны. В 2007 г. во вновь обнаруженной пещере Е. В. Беляевой был поставлен шурф в центре западного грота, где частично вскрыты культурные отложения эпохи мезолита, залегавшие «in situ» под мощным горизонтом обвала (*Леонова*, 2011).

Начиная с 2008 г. раскопки ведутся в западном гроте пещеры Двойная под руководством Е. В. Леоновой. Площадь раскопа составляет примерно 20 м^2. К настоящему моменту на памятнике выделено три культурных слоя, имеющих свои структурные особенности и отличия в комплексах каменного инвентаря, хотя полностью толща еще не исследована (*Леонова и др.*, 2013).

Выявлена следующая стратиграфия (рис. 1):

1. Рыхлая толща современных и, вероятно, позднесредневековых отложений, представляющих собой многочисленные тонкие золистые, углистые, супесчаные прослойки, небольшие линзы глины и извести, отложившиеся в результате неоднократного посещения пещеры, которая, вероятно, использовалась как временное убежище от непогоды охотниками, в качестве загона скота и т. п. Мощность слоев – 0,4–1 м. Под линией входа в пещеру в профилях читаются следы столбовых ямок.

2. Темно-коричневый суглинок с единичными расщепленными кремнями, костями животных и раковинами моллюсков *Helix* spp. Представлен локально: на западном профиле у выхода и на восточном профиле (центральной оси пещеры) отсутствует. Верхняя граница маркируется тонкой прерывистой углистой прослойкой (0,01–0,02 м) с неровными нижней и верхней границами. Мощность слоя – от 0,08 до 0,25. В центральной части пещеры (северный профиль) мощность резко уменьшается до 0,04 м, и слой здесь залегает непосредственно на монолитной глыбе известняка.

3. Завал из крупных блоков известняка (ближе к входу в пещеру более мелкие обломки и щебень, в центральной части – крупный монолитный блок) – от 0,2 до 0,95 м. На контакте с подстилающим слоем 4 – более мелкие обломки известняка с коричневым суглинком и большим количеством раковин моллюсков *Helix* spp.

4. Более темный, чем нижележащий слой, коричневый суглинок с щебнем и большим количеством раковин моллюсков *Helix* spp. и отдельными угольками – 0,1–0,6 м (верхний мезолитический слой). Ближе к выходу зафиксировано несколько линз с раковинами моллюсков *Helix* spp. мощностью до 0,2 м.

5. Более светлый, чем перекрывающий и подстилающий слои коричневого суглинка, слой со щебнем и большим числом осколков костей и костного тлена, отдельными угольками, с тончайшими углисто-золистыми и белесыми (разложившийся известняк?) прослойками. Общая мощность слоя – от 0,05 до 0,25 м. Верхняя и нижняя границы частично маркированы небольшими углистыми прослойками мощностью до 0,01–0,02 м.

6. Слой серо-коричневого суглинка со щебнем, отдельными угольками, раковины *Helix* spp. немногочисленны, в центральной части у выхода слой 6 пока не обнаружен. Максимальная мощность слоя – до 0,25 м. От нижележащего слоя отделен тонкой прослойкой мелкого щебня, в северной части раскопа эта прослойка превращается в белесый суглинок (разложившийся известняк?), а южнее, ближе к выходу, залегают крупные обломки известняка.

7. Серо-коричневый тонкослоистый суглинок, чередуются более светлые и более темные прослойки. Видимая мощность слоя – до 0,3 м.

Верхний (первый) культурный позднемезолитический слой ассоциируется с четвертым и пятым литологическими слоями, второй раннемезолитический слой сопряжен с шестым литологическим слоем, третий культурный верхнепалеолитический слой соотносится с седьмым литологическим слоем. Ориентировочно позднемезолитический слой.

Наибольшее количество раковин брюхоногих моллюсков *Helix* spp. залегает в нижней части слоя 3 среди обломочного материала и в слое 4, где зафикси-

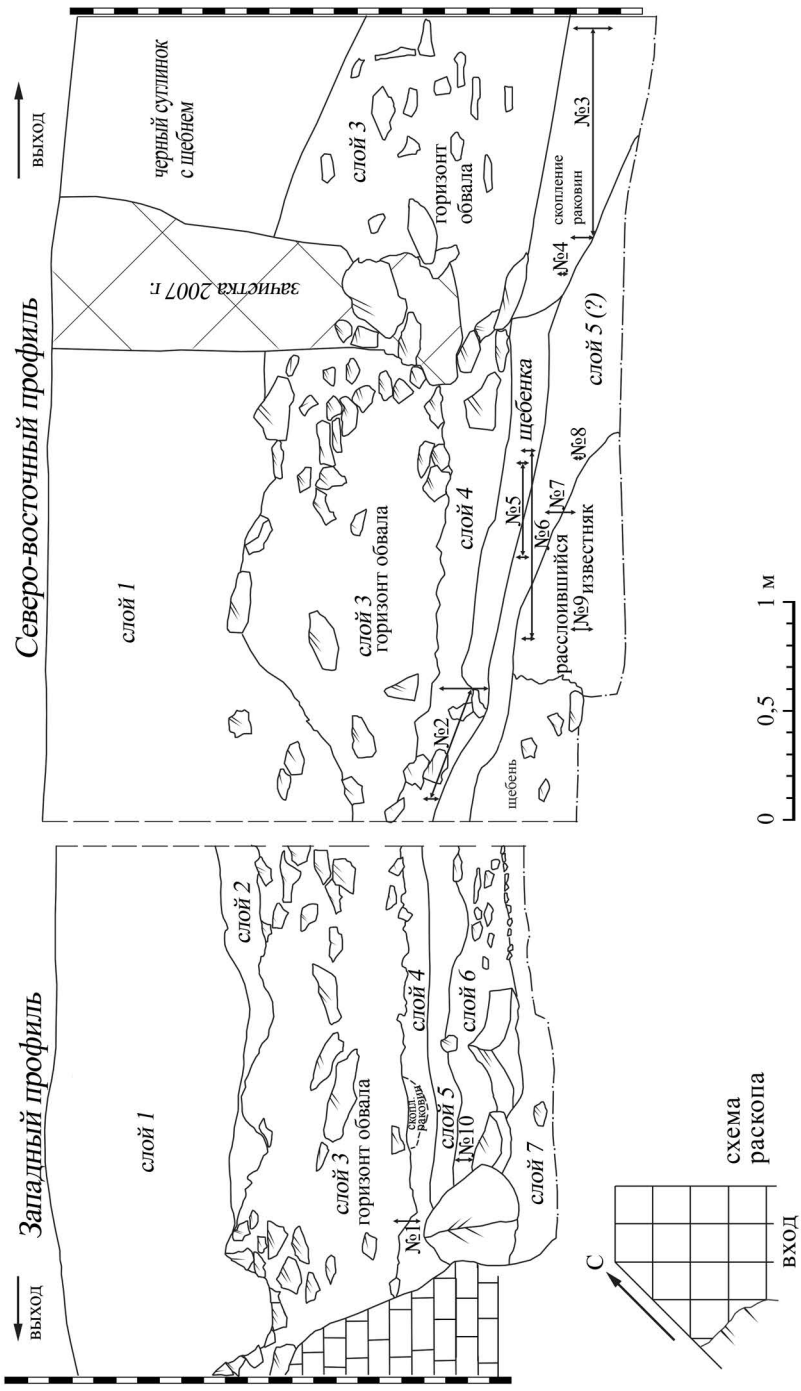


Рис. 1. Профиль раскопа в пещере Двойная с проекциями глубин отбора образцов

рованы в привходовой части пещеры скопления раковин моллюсков *Helix* spp., некоторые из них насчитывали более 5 000 раковин на площади 1,5 м^2. В слоях 5 и 6 количество раковин немного уменьшается, а в слое 7 было обнаружено всего 3 раковины моллюсков *Helix* spp. Ориентировочно возраст слоев может быть намечен несколькими радиоуглеродными датировками. Из отложений, залегающих сразу под слоем обвала, было получено три даты в пределах 10,2–8,3 тыс. лет назад (*Леонова, Александрова*, 2012. С. 26), указать в настоящий момент конкретные слои, согласно приведенной стратиграфии, затруднительно, поскольку образцы были отобраны из шурфа, заложенного в центре пещеры Е. В. Беляевой в 2007 г., который пока не соединен с раскопом. Для второго мезолитического слоя (слой 6) получено три даты в диапазоне от 11,8 до 8,3 тыс. лет назад (*Леонова и др.*, 2013. Рис. 1).

Материал и методы

Субфоссильные раковины *Helix* spp. были отобраны из литологических слоев 3–6 пещеры Двойная. Раковины собирались в процессе последовательных зачисток раскопа поквадратно, мощность снятий не превышала 2–3 см, но диапазон глубин залегания в пределах одного образца составляет до 30, что связано с естественными перепадами древних поверхностей (рис. 1). Для сравнения в непосредственной близости от памятника были собраны раковины современных виноградных улиток в августе 2012 и 2013 гг.

Для изотопного анализа была выделена органическая часть раковин, для одной пробы отбиралось по 20–25 раковин. Всего было исследовано 10 мезолитических и 2 современных образца.

Раковины были очищены от загрязнений в дистиллированной воде с использованием мягкой щетки. Выделение белка проводилось по модифицированной методике Лонджина (*Longin*, 1971) и ДеНиро (*DeNiro, Epstein*, 1978). Для выделения органического матрикса раковины выдерживали в 1М-растворе соляной кислоты HCl при 4 °C до полного растворения карбоната. Осадок переносили в пластиковую пробирку (объемом 50 мл) и отмывали от кислоты дистиллированной водой до pH 4,6–4,7. Затем к осадку добавляли 25 мл раствора соляной кислоты HCl (с pH 2,5) и выдерживали при 85 °C в течение суток. После центрифугирования жидкость с растворенным белком аккуратно сливали в стеклянные пробирки и помещали в термостат до полного высыхания. Навески сухого белка были сделаны в тройной повторности; средний вес навески составил 1500 мкг. Анализ стабильных изотопов углерода и азота проводили на масс-спектрометре Thermo Finnigan Delta V Plus на IRMS в сочетании с элементным анализатором Thermo Flash 1112 (ИПЭЭ РАН, Москва). Содержание изотопов углерода и азота выражено в δ (‰) и представляет собой отклонение от международного стандарта (атмосферный азот или VPDB):

$$\delta X\ (‰) = [(R_{образец}/R_{стандарт}) - 1] \times 1000,$$

где X – это элемент (азот или углерод), а R представляет собой отношение более тяжелого изотопа к более легкому. Анализ образцов проводился относи-

тельно референтного газа (N_2 и CO_2), откалиброванного относительно стандартов МАГАТЭ (глутаминовая кислота USGS 40, $\delta^{15}N = -4{,}5$; $\delta^{13}C = -26{,}389$ и глутаминовая кислота USGS 41, $\delta^{15}N = +47{,}6$; $\delta^{13}C = +37{,}626$). В качестве рабочего лабораторного стандарта использовали ацетанилид ($\delta^{15}N = -4{,}75$; $\delta^{13}C = -26{,}78$). Стандартное отклонение $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$ в USGS 40 (N = 8) составило менее 0,2‰. Во всех образцах было определено изотопное соотношение $^{13}C/^{12}C$ и $^{15}N/^{14}N$, а также атомное соотношение C/N.

Результаты и обсуждение

Согласно исследованиям ДеНиро, посвященным изучению степени сохранности белка в костях из археологических памятников (*DeNiro*, 1985), белок хорошей сохранности имеет атомное соотношение C/N в интервале от 2,9 до 3,6. Атомное соотношение C/N наших образцов варьировало в диапазоне 3,2–6,7 для субфоссильных раковин. Атомное соотношение C/N в белке из современных раковин, собранных в августе 2012 г., составило 4,9 (табл. 1), что отражает не очень хорошую сохранность белка. Это можно объяснить тем, что в тот полевой сезон были собраны посмертные раковины моллюсков. В августе 2013 г. удалось обнаружить одного живого моллюска. Атомное соотношение C/N в белке из этой раковины составило 3,3.

Согласно результатам изотопного анализа, все древние образцы раковин моллюсков более обогащены тяжелым изотопом углерода ^{13}C, чем раковины современных моллюсков (рис. 2). Наибольшее количество $\delta^{13}C$ зафиксировано в образцах № 3 (скопление раковин при входе в пещеру), 5 (низ десквамационного горизонта между слоями 4 и 5 и верхняя часть слоя 5) и 8 (нижняя часть слоя 5): –19,43‰, –19,4‰ и –19,33‰ соответственно. Самым облегченным по $\delta^{13}C$ из субфоссильных образцов оказался образец № 6 (22,66‰), отобранный из слоя 5.

Образец № 3 обозначен на графике, но не включен в общую кривую, так как сложно достоверно определить стратиграфическую позицию раковин из скопления при входе в пещеру уже за капельной линией. Скопление (полностью не раскрыто) представляет собой линзу (видимая мощность до 40 см), состоящую из светло-коричневого суглинка, щебня и раковин моллюсков *Helix* spp., без внутренней стратификации. На наш взгляд, оно образовалось в результате периодической эвакуации мусора из пещеры и\или частичного переотложения культурных остатков в результате эрозии. Последний фактор мог привести к обратной стратиграфии в пределах линзы, когда более древние отложения перекрывают более молодые.

В целом схожий график получился по данным содержания $\delta^{15}N$. Наименее обогащенные изотопом азота $\delta^{15}N$ оказались современные образцы (2,95‰ и 5,3‰), а также образцы № 2 (низ слоя 4), 6 (слой 5) и 9 (низ слоя 5?): 4,12‰, 3,38‰, 4,24‰ соответственно (рис. 3). Максимальное содержание изотопа азота $\delta^{15}N$ зафиксировано в образце № 8 (14,65‰), отобранном в нижней части слоя 5.

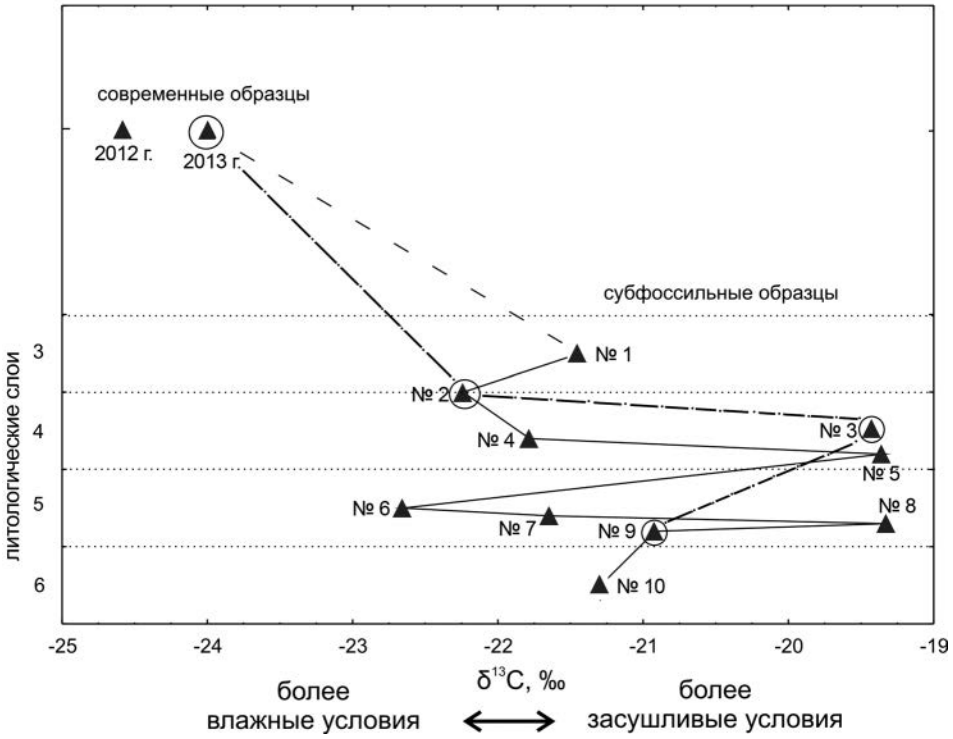


Рис. 2. Динамика содержания $\delta^{13}C$ в органическом матриксе раковин субфоссильных и современных виноградных улиток

Как отмечалось выше, атомное соотношение C/N у семи из десяти субфоссильных образцов было выше 3,6 (табл. 1). Для полноты картины на графиках мы приводим все полученные данные, параллельно построив две кривые: одну, включающую данные всех образов, и другую с хорошей сохранностью белка. В целом общая динамика колебаний режима увлажненности, реконструируемая по всей совокупности данных и по образцам с атомным соотношением C/N в пределах от 2,9 до 3,6, совпадает (рис. 2, 3).

Несмотря на отличие в атомном соотношении C/N (3,3 и 4,9), значения $\delta^{13}C$ двух современных образцов очень близки – –24,01 и –24,59 ‰ соответственно. Значения $\delta^{15}N$ этих современных образцов различались гораздо сильнее (5,30 и 2,95 ‰ соответственно). Мы предположили, что в этом случае динамика $\delta^{13}C$ достовернее отражает изменение условий увлажнения исследованного микрорегиона в период 11,8–8,3 тысяч лет назад. Как было сказано выше, существует обратная зависимость между количеством осадков и содержанием $\delta^{13}C$ и $\delta^{15}N$. На основе динамики значений $\delta^{13}C$ можно предположить, что формирование изученных на данный момент отложений происходило в более засушливых условиях (относительно современных). По количеству осадков Мостовской район относится к зоне избыточного увлажнения, по данным European Climate Assessment and Dataset (http://eca.knmi.nl; *Klein Tank et al.*, 2002),

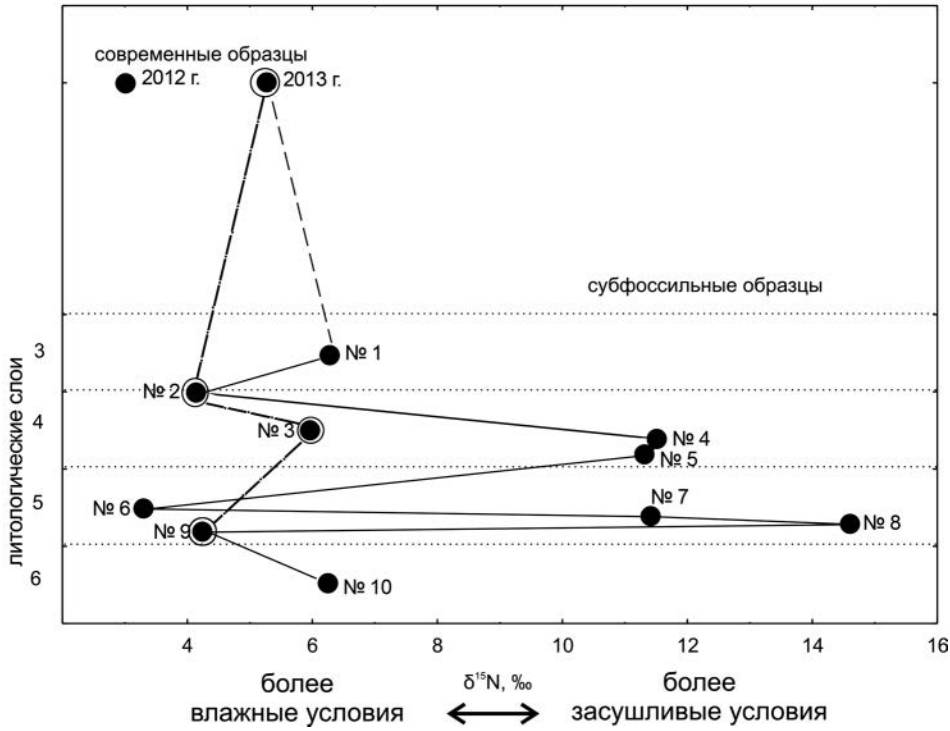


Рис. 3. Динамика содержания $\delta^{15}N$ в органическом матриксе раковин субфоссильных и современных виноградных улиток

Таблица 1. Содержание стабильных изотопов углерода и азота в раковинах виноградных улиток (образцы приведены в хронологической последовательности)

№ образца	Слой	$\delta^{13}C$, ‰ ± SD	$\delta^{15}N$, ‰ ± SD	Атомное соотношение C/N
	Современные сборы 2013 г.	–24,01 ± 0,01	5,3 ± 0,02	3,3
	Современные сборы 2012 г.	–24,59 ± 0,09	2,95 ± 0,07	4,9
1	Низ слоя 3 + верх слоя 4 (к. с. 1)	–21,44 ± 0,20	6,26 ± 0,20	4,2
2	Слой 4	–22,25 ± 0,06	4,12 ± 0,10	3,6
3	Слой 4 (прирезка)	–19,43 ± 0,12	5,95 ± 0,07	3,2
4	Слой 4, низ	–21,79 ± 0,05	11,5 ± 0,69	6,7
5	Слой 4, низ	–19,36	11.3	6,1
6	Слой 5	–22,66 ± 0,21	3,28 ± 0,46	5,1
7	Слой 5	–21,65 ± 0,21	11,4 ± 0,05	5,2
8	Слой 5, низ	–19,33	14,65	5,4
9	Ниже слоя 5 (в завале)	–20,93 ± 0,28	4,24 ± 0,45	3,5
10	Слой 6	–21,30 ± 0,02	6,25 ± 0,02	4,5

современная среднегодовая сумма осадков в исследуемом регионе составляет 762 мм (Майкоп).

При этом формирование 4-го и 5-го слоев происходило при несколько большем количестве осадков, а наиболее засушливые условия фиксируются на уровне контакта четвертого и пятого, а также пятого и шестого слоев.

Отчасти полученные данные подтверждаются стратиграфией. Реконструируемые на основе изотопного анализа наиболее засушливые условия сопряжены с горизонтами десквамации (образцы № 1, 5, 9 (рис. 1)).

Таким образом, анализ стабильных изотопов позволил наметить несколько осцилляций влажностного режима в раннем голоцене в предгорьях Северо-Западного Кавказа на протяжении примерно трех тысяч лет. Применение этого вида анализа представляется перспективным для изучения материалов первобытности и реконструкции природной среды. Накопление новых данных позволит скорректировать полученные результаты, а расширение географических рамок – проследить более общие закономерности взаимосвязи развития и смены культур на фоне климатических изменений.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова О. И., Антипушина Ж. А., Чернышева Е. В., 2013. Комплексные исследования пещеры Двойная: предварительные результаты // Новые материалы и методы археологического исследования. Материалы II Междунар. конф. молодых ученых / Ред. В. Е. Родинкова., А. Н. Федорина. М. С. 31–32.

Аутлев А. У., 1962. Отчет об археологических экспедициях, проведенных Адыгейским научно-исследовательским институтом в 1962 году // Архив ИА РАН. Р-I. № 2467.

Аутлев П. У., Любин В. П., 1994. История исследования палеолита Губского бассейна // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп. С. 12–21.

Леонова Е. В., 2009. К вопросу о хронологии и периодизации позднеплейстоценовых – раннеголоценовых памятников Северо-Западного Кавказа (по материалам последних исследований в Губском ущелье) // Российская археология. № 4. С. 94–107.

Леонова Е. В., 2011. Раскопки памятника каменного века навес Чыгай и археологические исследования на р. Губс в 2007 г. // АО 2007. М. С. 291–292.

Леонова Е. В., Александрова О. И., 2012. Динамика культурных процессов в верхнем палеолите – мезолите Северо-Западного Кавказа (по материалам многослойных памятников навес Чыгай и пещера Двойная) // «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. М.: РОССПЭН. С. 21–28.

Леонова Е. В., Александрова О. И., Антипушина Ж. А., Сердюк Н. В., Спиридонова Е. А., Тесаков А. С., 2013. Комплексные исследования многослойных памятников каменного века в Губском ущелье // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. Ростов-на-Дону. С. 373–375.

DeNiro M. J., 1985. Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction // Nature. Vol. 317. P. 806–809.

DeNiro M. J., Epstein S., 1978. Influence of diet on the distribution of carbon isotopes in animals // Geochimica et Cosmochimica Acta. Vol. 42. P. 495–506.

European Climate Assessment and Dataset (http://eca.knmi.nl)

Goodfriend G. A., 1988. Mid-Holocene rainfall in the Negev Desert from ^{13}C of land snail shell organic matter // Nature. Vol. 333. P. 757–760.

Goodfriend G. A., Ellis G. L., 2000. Stable carbon isotope record of middle to late Holocene climate changes from land snail shells at Hinds Cave, Texas // Quaternary International. Vol. 67. P. 47–60.

Hartman G., Danin A., 2010. Isotopic values of plants in relation to water availability in the Eastern Mediterranean region // Oecologia. Vol. 162. P. 837–852.

Hedges R. E. M., Stevens Rh. E., Koch P. L., 2006. Isotopes in bones and teeth // Isotopes in palaeoenvironmental research. Dordrecht. P. 117–146.

Kelly J. F., 2000. Stable isotopes of carbon and nitrogen in the study of avian and mammalian trophic ecology // Canadian Journal of Zoology. Vol. 78. P. 1–27.

Klein Tank A. M. G., Wijngaard J. B., Können G. P., Böhm R., Demarée G., Gocheva A., Mileta M., Pashiardis S., Hejkrlik L., Kern-Hansen C., Heino R., Bessemoulin P., Müller-Westermeier G., Tzanakou M., Szalai S., Pálsdóttir T., Fitzgerald D., Rubin S., Capaldo M., Maugeri M., Leitass A., Bukantis A., Aberfeld R., van Engelen A. F. V., Forland E., Mietus M., Coelho F., Mares C., Razuvaev V., Nieplova E., Cegnar T., López J. Antonio, Dahlström B., Moberg A., Kirchhofer W., Ceylan A., Pachaliuk O., Alexander L. V., Petrovic P., 2002. Daily dataset of 20th-century surface air temperature and precipitation series for the European climate assessment // International Journal of Climatology. Vol. 22. P. 1441–1453.

Longin R., 1971. New method of collagen extraction for radiocarbon dating // Nature. Vol. 230. P. 241–242.

O'Leary M. H., 1988. Carbon isotopes in photosynthesis. Fractionation techniques may reveal new aspects of carbon dynamics in plants // BioScience. Vol. 38. P. 328–336.

Swap R. J., Aranibar J. N., Dowty P. R., Gilhooly W. P., Macko S. A., 2004. Natural abundance of ^{13}C and ^{15}N in C3 and C4 vegetation of southern Africa: patterns and implications // Global Change Biology. Vol. 10. P. 350–358.

Сведения об авторах.

Антипушина Жанна Андреевна, Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Ленинский проспект, 33, Москва, 119071, Россия; e-mail: zh.antipushina@gmail.com;

Леонова Елена Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: lenischa@yandex.ru;

Тиунов Алексей Владимирович, Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН, Ленинский проспект, 33, Москва, 119071, Россия; e-mail: a_tiunov@mail.ru.

Zh. A. Antipushina, Ye. V. Leonova, A. V. Tiunov

Stable carbon and nitrogen isotope analysis of land snail shell organic matrix from Mesolithic layers of cave Dvoinaya in the North-Western Caucasus

Abstract. This report provides data on the isotope composition of land snail shell organic matrix (*Helix* spp.). Subfossil shells were taken from the Mesolithic layers of cave Dvoinaia (foothills North-Western Caucasus, gorge of Gubs, Mostovskoi region). Modern land snail shells were sampled near the cave in August 2012 and August 2013. Stable nitrogen ($^{15}N/^{14}N$) and carbon ($^{13}C/^{12}C$) isotope composition of land snail shell organic matrix reflects the precipitation regime. It was suggested that layers of deposit

accumulated in drier conditions (then present). According to radiocarbon data the layers contained subfossil shells were accumulated between 11,8 and 8,3 cal BP.

Keywords: Early Holocene, stable isotopes, archaeology, Stone Age, North-Western Caucasus, climatic reconstruction.

REFERENCES

Aleksandrova O. I., Antipushina Zh. A., Chernysheva Ye. V., 2013. Kompleksnyye issledovaniya peshchery Dvoynaya: predvaritel'nyye rezul'taty [Complex investigations of cave Dvoynaya: preliminary results]. *Novyye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya* [*New materials and methods of archaeological research*]. V. E. Rodinkova, A. N. Fedorina, eds. Moscow, pp. 31–32.

Autlev A. U., 1962. Report on archaeological expeditions conducted by Adygei scientific-research institute in 1962. *Archive of IA RAN* (In Russian, unpublished)

Autlev P. U., Lyubin V. P., 1994. Istoriya issledovaniya paleolita Gubskogo basseyna [History of investigation of Palaeolithic in Gubs basin]. *Neandertal'tsy Gupsskogo ushchel'ya na Severnom Kavkaze* [*Neanderthal men of Gups gorge in North Caucasus*]. V. P. Lyubin, ed. Maykop: Meoty, pp. 12–21.

DeNiro M. J., 1985. Postmortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to palaeodietary reconstruction. *Nature*, 317, pp. 806–809.

DeNiro M. J., Epstein S., 1978. Influence of diet on the distribution of carbon isotopes in animals. *Geochimica et Cosmochimica Acta*, 42, pp. 495–506.

European Climate Assessment and Dataset [Electronic resource]. Mode of access: http://eca.knmi.nl. Date of access: 27.07.2014.

Goodfriend G. A., 1988. Mid-Holocene rainfall in the Negev Desert from ^{13}C of land snail shell organic matter. *Nature,* 333, pp. 757–760.

Goodfriend G. A., Ellis G. L., 2000. Stable carbon isotope record of middle to late Holocene climate changes from land snail shells at Hinds Cave, Texas. *Quaternary International,* 67, pp. 47–60.

Hartman G., Danin A., 2010. Isotopic values of plants in relation to water availability in the Eastern Mediterranean region. *Oecologia*, 162, pp. 837–852.

Hedges R. E. M., Stevens Rh. E., Koch P. L., 2006. Isotopes in bones and teeth. *Isotopes in palaeoenvironmental research*. M. J. Leng, ed. Dordrecht: Springer, pp. 117–146. (Developments in paleoenvironmental research, 10.)

Kelly J. F., 2000. Stable isotopes of carbon and nitrogen in the study of avian and mammalian trophic ecology. *Canadian Journal of Zoology,* vol. 78, № 1, pp. 1–27.

Klein Tank A. M. G., Wijngaard J. B., Können G. P., Böhm R., Demarée G., Gocheva A., Mileta M., Pashiardis S., Hejkrlik L., Kern-Hansen C., Heino R., Bessemoulin P., Müller-Westermeier G., Tzanakou M., Szalai S., Pálsdóttir T., Fitzgerald D., Rubin S., Capaldo M., Maugeri M., Leitass A., Bukantis A., Aberfeld R., van Engelen A. F. V., Forland E., Mietus M., Coelho F., Mares C., Razuvaev V., Nieplova E., Cegnar T., López J. Antonio, Dahlström B., Moberg A., Kirchhofer W., Ceylan A., Pachaliuk O., Alexander L. V., Petrovic P., 2002. Daily dataset of 20th-century surface air temperature and precipitation series for the European climate assessment. *International Journal of Climatology*, vol. 22, № 12, pp. 1441–1453.

Leonova Ye. V., 2009. K voprosu o khronologii i periodizatsii pozdnepleystotsenovykh – ranne-golotsenovykh pamyatnikov Severno-Zapadnogo Kavkaza (po materialam poslednikh issledovany v Gubskom ushchel'ye) [On problem of chronology and periodization of Late Pleistocene – Early Holocene sites of North-Western Caucasus (on materials of recent researches in Gubsk gorge)]. *RA*, 4, pp. 94–107.

Leonova Ye. V., 2011. Raskopki pamyatnika kamennogo veka naves Chygay i arkheologicheskiye issledovaniya na r. Gubs v 2007 g. [Excavations of Stone Age site shed Chygay and archaeological

investigations on Gubs River in 2007]. *AO 2007*. N. V. Lopatin, ed. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury, pp. 291–292.

Leonova Ye. V., Aleksandrova O. I., 2012. Dinamika kul'turnykh protsessov v verkhnem paleolite – mezolite Severo-Zapadnogo Kavkaza: (po materialam mnogosloynykh pamyatnikov naves Chygay i peshchera Dvoynaya) [Dynamics of cultural processes in Upper Palaeolithic – Mesolithic of North-Western Caucasus: (on materials of stratified sites shed Chygay and cave Dvoynaya)]. *Istoriko-kul'turnoye naslediye i dukhovnyye tsennosti Rossii* [*Historical-cultural heritage and spiritual values of Russia*]. RAN. A. P. Derevyanko, ed. Moscow: ROSSPEN, pp. 21–28.

Leonova Ye. V., Aleksandrova O. I., Antipushina Zh. A., Serdyuk N. V., Spiridonova Ye. A., Tesakov A. S., 2013. Kompleksnyye issledovaniya mnogosloynykh pamyatnikov kamennogo veka v Gubskom ushchel'ye [Complex investigations of stratified Stone Age sites in Gubs garge]. *Fundamental'nyye problemy kvartera, itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovany* [*Fundamental problems of quarter, research results and main trajectories of further investigations*]. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN, pp. 373–375.

Longin R., 1971. New method of collagen extraction for radiocarbon dating. *Nature*, 230, pp. 241–242.

O'Leary M. H., 1988. Carbon isotopes in photosynthesis. Fractionation techniques may reveal new aspects of carbon dynamics in plants. *BioScience*, vol. 38, № 5, pp. 328–336.

Swap R. J., Aranibar J. N., Dowty P. R., Gilhooly W. P., Macko S. A., 2004. Natural abundance of ^{13}C and ^{15}N in C3 and C4 vegetation of southern Africa: patterns and implications. *Global Change Biology*, 10, pp. 350–358.

About the autors.

Antipushina Zhanna A., A. N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Leninsky prosp., 33, Moscow, 119071, Russia; e-mail: zh.antipushina@gmail.com;

Leonova Yelena V., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; lenischa@yandex.ru;

Tiunov Aleksey V., A. N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution, Russian Academy of Sciences, Leninsky prosp., 33, Moscow, 119071, Россия; e-mail: a_tiunov@mail.ru.

А. П. Бужилова

БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФРАГМЕНТАРНЫХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА САКАРОВКА I (МОЛДАВИЯ)*

Резюме. Антропологические материалы из могильника Сакаровка I – одни из самых древних на территории Молдавии. Уникальность сакаровского комплекса состоит еще и в том, что он является крайней западной точкой круга памятников мариупольского типа. Проведенная по данным антропологии реконструкция особенностей жизнедеятельности группы из Сакаровки показала, что тип хозяйствования этого населения, возможно, был недифференцированным и приближался к комплексному. На это указывают не только отсутствие специфических маркеров стресса, но и обнаруженные разнообразные варианты двигательной активности взрослого населения. Такая особенность, как правило, отмечается при оценке жизнедеятельности охотников-собирателей и населения с комплексным типом хозяйствования. Анализ пищевого предпочтения среди групп мариупольского типа показал, что в серии Сакаровка намечается унификация пищевой традиции по сравнению с другими представителями этой культуры. Выявленную тенденцию трудно объяснить снижением пищевого разнообразия в регионе, поскольку по насыщенности ресурсов он не уступает остальным ареалам неолитической культуры мариупольского типа. Следовательно, унификация диеты может происходить в связи с определенными культурными инновациями.

Ключевые слова: палеоантропология, неолит, мариупольская культура, Сакаровка.

Могильник был открыт в 1997 г. при раскопках ранненеолитического поселения Сакаровка в Молдавии (авторы раскопок О. В. Ларина и В. А. Дергачев). Он находится на самом высоком (водораздельном) склоне реки Солонец; представлен двумя могильными ямами, которые располагались на ровном участке плато, ближе к восточному краю поселения. Могилы примыкали вплотную друг к другу и были ориентированы с С-СЗ на Ю-ЮВ. В одной (объект 40) располагался скелет молодого мужчины, в другой (объект 39) – коллективное захоронение разновозрастных индивидуумов, останки которых хоронили в общую яму не одномоментно, а по мере необходимости (*Ларина, Дергачев*, 2003. С. 94).

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-12035.

Антропологические материалы из могильника Сакаровка I – одни из самых древних на территории Молдавии. Из предшествующих раскопок синхронных памятников известно единичное захоронение на поселении Цикиновка, представленное фрагментами черепа и костей скелета женщины пожилого возраста (*Великанова*, 1975).

Уникальность сакаровского комплекса состоит еще и в том, что он является крайней западной точкой круга памятников мариупольского типа, к которому Сакаровский могильник был отнесен авторами раскопок при анализе погребального обряда (*Ларина, Дергачев*, 2003). Исследователи находят ему прямые аналогии в могильниках мариупольского типа Поднепровья, таких как Ясиноватка (ранние погребения А), Вольнянка (ранний пласт А), Вовниги 2 и Никольский (ямы В, Г, Д и Е). Хронологически они определяются Д. Я. Телегиным (1991) как этап А мариупольской культуры (возможно, более поздний подраздел А-2 с переходом в В), что соответствует началу V тыс. до н. э.

Могильники мариупольского типа принадлежат к категории бескурганных, обычно вынесенных за пределы поселения и располагающихся на высоком коренном берегу реки. Как правило, это массовые, коллективные захоронения. Погребенных клали, главным образом, вытянуто на спине, лицом вверх. В погребальный обряд массовых погребений входило использование охры и специфического набора инвентаря (*Телегин*, 1991). В отдельных могильниках археологами и антропологами фиксировались расчлененные скелеты (Осиповка), в других – трепанации черепов, совершенные, вероятно, с ритуальной целью (Вовниги 2, Васильевка 2 и 3, Ясиноватка) (Там же; *Гойхман*, 1966; *Гохман*, 1966; *Потехина*, 1999). Совместное исследование, проведенное украинскими и английскими специалистами для уточнения хронологии памятников мариупольского типа, показало известную древность этой культуры. Так, материалы из могильников Васильевка 2 и Марьевка датируются VIII–VII тыс. до н. э. [1] (*Lillie, Richards*, 2000).

Авторы раскопок склонны рассматривать период существования населения Сакаровки как время культурной нестабильности. По их мнению, именно поэтому часть населения мариупольской культуры была вынуждена продвинуться с берегов Днепра на запад, за Днестр (*Ларина, Дергачев*, 2003). Поиски аналогий при анализе антропологического своеобразия населения Сакаровки привел С. И. Круц (*Круц и др.*, 2003) к заключению, что эта группа наиболее близка мезолитической серии Васильевка 3[2]. Так как частичная

[1] Даты калиброванные.

[2] Первичная обработка серии Сакаровка с реставрацией некоторых черепов проведена С. И. Круц. А. М. Варзарь продолжил реставрационные работы и провел дополнительный краниологический и остеометрический анализ сохранившегося материала. А. П. Бужилова провела половозрастную идентификацию с учетом экспертизы нарушенных и потревоженных (переотложенных и сдвинутых) костяков с использованием методики анализа массовых переотложенных погребений. Кроме того, А. П. Бужиловой проведены учет маркеров стресса по всем сохранившимся костным и зубным останкам и дополнительное краниологическое исследование, в том числе вновь отреставрированного А. М. Варзарем женского черепа. Результаты этих исследований были подробно опубликованы (*Круц и др.*, 2003).

преемственность между мезолитическим и неолитическим населением этой территории не оспаривается антропологами (*Гохман*, 1966; *Потехина*, 1999), то возможное сохранение подобного варианта антропологического типа на западном крае ареала культуры также может объясняться миграцией древнего населения с востока на запад. Таким образом, результаты антропологического исследования косвенно подтверждают идею археологов.

Демографические особенности группы

Отметим сразу, что исследованные материалы крайне фрагментарны и, в целом, мало подходят для применения «классических» методов антропологии. Тем не менее разрабатываемый в последние годы подход позволяет использовать и фрагментарные антропологические материалы в полновесных биоархеологических реконструкциях, с учетом мозаичных результатов судмедэкспертизы в контексте популяционных исследований (*Бужилова*, 2005).

Для серии Сакаровка в ходе раскопок выяснилось, что большей частью кости погребенных были переотложены еще в период функционирования могильника (объект 39). При полевых работах по мере извлечения кости или группы костей из слоя им присваивался индивидуальный номер. Позднее, уже в лабораторных условиях, анализ по каждой находке с индивидуальным номером (с учетом идентифицированного пола, возраста и особенностей морфологического развития) позволил объединить некоторые группы костей как принадлежащие одному индивидууму (табл. 1).

Интересно отметить, что в самом древнем из фиксируемых археологами слое (соответствующем основанию могильника) были погребены взрослый (мужчина) с ребенком (7–9 лет) и молодая женщина (?), а на завершающем этапе – женщина с младенцем и молодой мужчина, т. е. в топографии захоронений «читается» очевидная нуклеарная единица человеческой общины – семья.

Для демографического анализа были использованы данные о 23 индивидуумах, половозрастная идентификация которых не вызвала сомнения у исследователей (табл. 2). Таким образом, можно предположить, что на протяжении всего времени функционирования могильника было захоронено не менее 5–6 мужчин, двух женщин и не менее 15 детей и подростков, причем один из мужчин был захоронен в отдельной яме, тогда как остальные члены общины – в общей могиле.

В ходе сравнительного демографического анализа групп мариупольского типа (Васильевка 2, Васильевка 5, Вовниги 1, Вовниги 2, Вольнянка, Дереивка, Капуловка, Никольское и Ясиноватка) были построены таблицы смертности (дожития) и вычислены некоторые дополнительные демографические параметры (в анализе использована компьютерная версия программы Д. В. Богатенкова; индивидуальные данные собраны по: *Сурнина*, 1961; *Потехина*, 1981; 1988; 1999; *Телегин*, 1991).

Анализ показателей вероятности дожития и вероятности смерти каждой возрастной подгруппы по возрастным интервалам позволил оценить репрезентативность выборок. Серии из могильников Васильевка 2 и 5, Вовниги 1 и 2,

Таблица 1. Сохранность антропологического материала из Сакаровки. Индивидуальные данные

Номер скелета	Пол/возраст	Сохранность	Примечания
1	Жен. 25–35 лет Реб. 6–9 месяцев	Парные плечевые, бедренные, большеберцовые, фрагменты таза Мелкие фрагменты черепа, коронка коренного молочного зуба	Симметричное развитие ягодичных и икроножных мышц (по степени развития рельефа на бедренных и большеберцовых костях)
2	Муж.? 20–35 лет	Фрагмент плечевой, лучевой, парные большеберцовые кости	Заживший перелом в нижней трети лучевой кости
4	? ?	Диафиз локтевой кости	Медиолатеральный изгиб диафиза, возможно, недостаток витамина D в детском возрасте
5	Реб. 8–10 лет	Фрагменты бедренной кости	
6	Жен.? 20–35 лет	Лучевая кость	
7	? ?	Фрагменты костей стопы	
8	Муж. 25–35 лет	Парные бедренные	
9?	Муж. 25–35 лет	Бедренная левая	
11?	? ?	Атлант	Характерные разломы дуг позвонка, возможно, декапитация
14	Реб. 6–7 лет Реб. 9–14 лет	Фрагменты черепов двух неполовозрелых индивидов	По данным археологов, в полевых условиях был отмечен один скелет взрослого
17*	Реб. 9–10 лет Реб. 6–7 лет	Нижняя челюсть, фр. нижней челюсти др. инд.?	
20	Подр. 13–14 лет	Мелкие фрагменты черепа, разрозненные зубы	
21	Подр. 13–15 лет	Фрагмент локтевой	М. б., № 20?

22	? 20–35 лет	Фрагмент лучевой кости	
24	Реб. 7–8 лет Жен.? 20–29 лет	Бедренная левая, фрагменты таза Фрагменты лучевой и малоберцовой костей	
25	Жен. 30–39 (35) лет	Фрагменты черепа, нижняя челюсть	Эмалевая гипоплазия (возраст 1–1,5 года) М. б., № 24
26	? 20–35 лет	Фрагменты большеберцовой кости	М. б., № 24
28	? 20–35 лет Реб. 8–9 лет*	Фрагмент локтевой кости По длине длинных костей?	М. б., № 24
27/58	Реб. 3–4 года	Фрагменты черепа, челюсти, разрозненные зубы	
29	? Взрослый	Фрагменты таза	
30/40	Жен.? 35–45 лет	Фрагменты диафиза плечевой правой	М. б., № 29
31	? 20–29 лет	Фрагменты свода черепа, разрозненные зубы	Пальцевидные вдавления (вероятно, повышенное внутричерепное давление) М. б., № 29
33	Жен.? 20–35 лет	Диафиз локтевой кости	М. б., № 29
34	? Реб.?	Фрагменты костей предплечья	
35	Реб. 9–10 лет	Фрагменты черепа, нижней челюсти	Пальцевидные вдавления (вероятно, повышенное внутричерепное давление) Не исключено, что родственник индивидууму № 31
36	Реб. 5–7 лет	Парные локтевые	

Продолжение таблицы 1

37	Подр. (жен.?), 15–18 лет Реб., 5–7 лет	Диафиз плечевой Диафизы плечевых костей	
38/56	? 18–25 лет	Мелкие фрагменты свода черепа, разрозненные зубы	
39	Жен.? 30–45 лет	Локтевая правая, мелкие фрагменты костей предплечья, бедренной, большеберцовой, малоберцовой кости, фрагменты таза	
39 западная часть	? ?	Мелкие фрагменты нижней челюсти, плечевой кости, ключицы, ребер, костей кисти	
40?	Муж., 20–29 лет	Фрагменты свода черепа, нижняя челюсть, разрозненные зубы, левая плечевая, фрагменты локтевой, лучевой, кости кисти, парные бедренные, большеберцовые, фрагменты таза, фрагменты ребер	На плечевой развитие костного рельефа в области прикрепления дельтовидной мышцы
40/50	? 18–20 лет	Ключицы	
41/43	? 18–20 лет	Фрагменты челюсти, разрозненные зубы	Лопатообразные резцы М. б., № 40/50
42/58	Реб., 9–13 лет	Фрагмент плечевой кости	
44	Реб., 8–10 лет	Большеберцовая правая, фрагмент лопатки	Ростовые задержки (линии Гарриса) на трубчатой кости
45	Реб., 8–10 лет, 13–15* лет	Большеберцовая левая	Ростовые задержки (линии Гарриса) на трубчатой кости. Кость принадлежит № 44
45/46	Муж.? 20–29 лет	Лучевая левая	
45/56	Подр. (жен.?), 15–18	Левая большеберцовая	

46	Муж. 20–29 лет	Правая большеберцовая кость	Ростовые задержки (линии Гарриса) на трубчатой кости
47	Муж.? 35–45 лет	Диафиз локтевой кости	
48	Реб. 10–12 лет	Парные плечевые	
49	Муж. 20–35 лет	Кости стопы	
51/52	? ?	Диафиз большеберцовой кости	
52/56	Жен. 40–49 лет	Фрагменты черепа, разрозненные коренные зубы	Зубы без патологических изменений
52	Реб. 7–9 лет	Фрагменты черепа	На лобной кости сохранившийся фрагмент лобного шва (Sutura metopica)
53	Реб. 7–13 лет	Фрагменты свода черепа	
53/57	Реб. 5–7 лет	Фрагменты черепа	
54	? 25–35 лет	Правая лучевая кость	
55/68	Жен.? 20–29 лет	Лучевая правая	
56/67	Подр. 10–15 лет	Диафизы плечевой кости	
57	? 25–35 лет	Плечевая правая	Развитие костного рельефа в области прикрепления дельтовидной мышцы
58/72	Муж.? 20–35 лет	Кости стопы	
59	Жен.? 16–18 лет	Мелкие фрагменты черепа	
60	Реб. 8–9 лет	Фрагменты черепа, нижней челюсти	По данным археологов, в полевых условиях были отмечены останки взрослого

Продолжение таблицы 1

61	Реб. 8–9 лет	Фрагменты костей черепа, фрагменты позвонков шейного отдела, фрагменты таза	
62	Реб. 8–10 лет	Фрагменты бедренной кости	М. б., № 61 или № 60
63	Реб. 4–5 лет	Кости скелета удовлетворительной сохранности	По данным археологов, в полевых условиях был отмечен как подросток, а не маленький ребенок
64/1	? 35–45 лет	Мелкие фрагменты черепа, фаланги кисти	
64/6	? ? Реб. 1–6 месяцев	Мелкие неопределимые фрагменты костей взрослого Диафиз трубчатой кости, кости скелета	
64/61	? 40–49 лет	Нижняя челюсть, фрагмент левой стороны. Разрозненные зубы. Локтевая кость правая. Фрагмент малоберцовой. Мелкие фрагменты трубчатых костей	Разлом кости вдоль диафиза (посмертно). Зубы без патологических изменений.
64/66	? Взрослый	Кости стопы	
65/61	? ?	Обожженные фрагменты трубчатых костей	
65/6	Реб., младенец, 1–6 месяцев	Кости скелета	
65/66	? 25–35 лет	Мелкие фрагменты костей нижних конечностей скелета	
66/69	Муж.? Взрослый	Мелкие фрагменты костей	
67	Реб. ?	Мелкие фрагменты черепа, фрагменты коронки (м. б., молочного зуба)	

68	Муж.? 20–29 лет	Череп, н/ч, фрагменты ключиц, правая бедренная и большеберцовая, фрагменты таза	Пальцевидные вдавления (вероятно, повышенное внутричерепное давление). На втором шейном позвонке уплощение суставной площадки, вероятно связанное со значительной физической нагрузкой. По данным Molleson (1994), такое повреждение отмечается у индивидов, таскающих в течение долгого времени тяжести на голове (корзины, тюки и проч.)
69 3-й уровень захоронений	Муж., 20–29 лет Реб., 7–9 лет	Череп, кости предплечья, мелкие фрагменты верхних и нижних конечностей Фрагменты нижней челюсти, разрозненные зубы	Значительная стертость коронки правого второго резца. Возможно, последствие прикуса. На первых коренных зубах верхней челюсти отмечены следы отлома коронки вследствие надкуса твердого предмета (орехи и проч.). В области левого голеностопа – последствия травмы (вывиха?), поскольку рядом с соответствующей суставной площадкой левой малоберцовой кости фиксируется начальный процесс образования новой суставной площадки
70	Муж.? 20–29 лет	Череп, н/ч, ключицы, позвонки из грудного и поясничного отделов, кости нижних конечностей, разрозненные кости стопы и кисти	На правой малоберцовой кости в нижней трети диафиза два отчетливых следа надреза надкостницы, параллельно и под углом расположенных. Возможно, посмертные изменения. Индивид отличается грацильностью, мышечный рельеф слабо развит. На суставных поверхностях позвонков патологических изменений не отмечается. Корни зубов отличаются характерной формой. Такая же особенность была отмечена у индивида № 68. Возможно, они родственники
II/1	Муж.? 45–55 лет	Нижняя челюсть	Пародонтоз, зубы без видимых патологий
Заполнение	Жен.? 20–35 лет	Парные плечевые	
Б/номера	? ?	Фрагменты малоберцовой кости, лопатки	

Таблица 2. Список индивидов, использованных в демографическом анализе

Пол / **Возраст (лет)**	**№ костяка**
Объект 40:	
Муж.	20–29	1
Объект 39:	
Реб.	0,5–1	1
Муж.	25–35	8, 54 и 57
Реб.	6–7	14,17
Реб.	9–10	14
Реб.	12–13	20
Реб.	? (< 7)	27
Реб.	9	35, 31
Подр.	16–18	38
Жен.	25–35	39
Муж.?	25–35	39, 9
Подр.	16–18	41
Реб.	7–9	52
Жен.	35–45	52/56, 25
Реб.	8–13	53, 53, 57
Подр. (жен.?)	16–18	59
Реб.	5–6	60
Реб.	9	61
Реб.	7–8	63
Реб.	? (< 7)	67
Муж.	20–24	68
Муж.	20–29	69
Муж.?	20–24	70

Никольское и отчасти Сакаровки имеют слегка деформированную структуру из-за неравномерной представленности возрастных интервалов. Тем не менее эти выборки не нуждаются в моделировании, так как кривые анализируемых показателей приближаются к теоретическим (*Бужилова*, 2005).

Величина показателя среднего возраста умерших в изученных неолитических группах лежит в интервале 26,6–41,5 лет. Разброс значений широк, поскольку одновременно охватывает несколько возрастных когорт. С учетом коррекции последнего вся выборка членится на две группы: к первой относятся серии Вольнянка и Сакаровка, ко второй – оставшиеся группы: Васильевка 2, Васильевка 5, Вовниги 1, Вовниги 2, Дереивка, Капуловка, Никольское и Ясиноватка. Первая группа характеризуется низким показателем возраста умерших, и его значения равны 27–28 лет, вторая группа включает популяции с показателем, укладывающимся в средние для неолитического времени значения признака (35–40 лет).

Сравнительный анализ продолжительности жизни с учетом гендерных групп также позволяет выделить два кластера. К первому относятся Сакаровка, Вольнянка и Вовниги 2, где средняя продолжительность жизни у женщин выше, чем

у мужчин. Ко второму кластеру относятся серии, у которых отмечается закономерное для эпохи превышение продолжительности жизни у мужчин по сравнению с женщинами (табл. 3).

Попробуем объяснить своеобразие серий Вольнянка и Сакаровка, оценив другие демографические показатели. Так, в этих сериях отмечается высокий процент детской смертности (от 34 до 52 %), тогда как в остальных выборках он не больше 26 % (табл. 3). Вольнянка и Сакаровка объединяются и практическим отсутствием людей старше 50 лет, в то время как в сериях Дереивка, Капуловка и Никольское их около 9 %, в Вовнигах 1 и 2 – 13–14 %, а в Васильевке – 2 и 5 %, Ясиноватке – 15–16 % людей зрелого возраста.

Сакаровка и Вольнянка дают самые высокие показатели общего размера семьи (10–11 и 6–7 человек соответственно), а остальные группы демонстрируют средние теоретические значения (3–4 человека). Коэффициент зависимости неработоспособного населения к работоспособному для Сакаровки и Вольнянки наибольший в представленных сериях. Длина поколения во всех исследованных группах варьирует в допустимых пределах (табл. 3).

Как указывалось выше, серия Сакаровка представлена несколько деформированной выборкой, что, на первый взгляд, и влияет на выявленные особенности демографических параметров. Однако демографический профиль Сакаровки наиболее близок Вольнянке – выборке, не имеющей половозрастной деформации. Следовательно, демографические особенности популяций Сакаровка и Вольнянка следует рассматривать как более или менее объективные.

Таким образом, сравнительный анализ неолитических групп из могильников мариупольского типа дает возможность говорить о двух вариантах биологического развития популяций. К первому, характеризующемуся низкой продолжительностью жизни, высокой детской смертностью и более продолжительной жизнью женщин по сравнению с мужчинами, относятся Сакаровка и Вольнянка. Ко второму типу, обусловленному более или менее высоким уровнем продолжительности жизни, заниженной детской смертностью и более высокой продолжительностью жизни мужчин по сравнению с женщинами, относится большинство выборок.

Аналогичное распространение двух вариантов биологического развития популяций фиксируется в неолитических группах Ближнего Востока (Левант). На этой территории распространены в равной степени варианты как одиночных, так и групповых (массовых) захоронений. Население, практиковавшее групповые захоронения, делится на: 1) группы с невысокой продолжительностью жизни (около 30 лет), высокой детской смертностью (до 40 %), малочисленностью или отсутствием людей зрелого и пожилого возраста; 2) группы с закономерной для эпохи продолжительностью жизни, невысокой детской смертностью и низким числом людей пожилого возраста (*Smith et al*., 1984).

Как видим, серии Сакаровка и Вольнянка в полной мере соответствуют группам первого типа коллективных захоронений, отмеченного исследователями в Леванте. Для населения этих отдаленных территорий совпадают не просто тенденции, а абсолютные значения демографических показателей, что может свидетельствовать о закономерности выявленной модификации (*Бужилова*, 2005).

Таблица 3. Демографические показатели для различных неолитических групп мариупольского типа

	Васильевка 2	Васильевка 5	Вовниги 1	Вовниги 2	Вольнянка	Дереивка	Капуловка	Никольское	Сакаровка	Ясиноватка
Средний возраст умерших (лет)	37,3	35	41,5	36,2	28,2	37,8	35,8	34,7	26,6	39,4
Доля детской смертности, %	0	0	21,7	16,9	34,0	14,2	19,1	25,6	52,2	20,3
Доля смертности людей зрелого и пожилого возраста, %	15,4	15,8	13	12,4	2,1	8,8	9,4	8,9	0	18
Длина поколения (лет)	26,7	27,2	27,9	26,7	25,4	27,5	27,1	27,3	24,8	27,5
Общий размер семьи (кол. чел)	2,6	3,1	3,1	3,4	6,7	3,2	3,6	4,1	10 ,5	–
Индекс зависимости неработоспособной части населения к работоспособной	0,2	0,2	0,5	0,4	0,6	0,3	0,4	0,5	1,1	–
Возраст умерших мужчин и женщин (лет)	41,9/40	40,8/39,0	47,3/30,2	36,9/40,3	29/33,8	46,5/35,5	42,8/31	44,4/38,5	27,8/39,5	42,8/38,7

Следует отметить, что современный демографический профиль неурбанизированных групп (популяций слаборазвитых стран) с высоким потенциалом репродуктивности и низкой продолжительностью жизни наиболее близок выделенному для серии Сакаровка варианту развития (*Бужилова*, 1997). Конечно, для современных популяций уровень дожития значительно выше, чем мы фиксируем в неолитических группах, однако демографический профиль имеет очевидную аналогию. Завышение средней продолжительности жизни у женщин по сравнению с мужчинами в сериях Сакаровка и Вольнянка еще больше приближает эти неолитические группы к современному варианту развития населения слаборазвитых стран.

Итак, по данным демографии, население Сакаровки – это т. н. молодая или растущая популяция с активным репродуктивным потенциалом и вместе с тем невысокой продолжительностью жизни поколения. По аналогии с ближневосточными неолитическими группами и современными доиндустриальными обществами этот профиль должен быть свойственен оседлому земледельческому (или с элементами земледелия) населению. Палеоэтноботанические исследования на территории поселения Сакаровка показали, что население возделывало пшеницу (однозернянку, двузернянку, спельту и карликовую), две разновидности ячменя, просо, горох. Жители начинали вводить в культуру такие плодовые растения, как яблоня (груша), алыча, слива, терн, вишня (черешня) и виноград. Собирали желуди, лещину, щавель. Очевидно: по богатству и разнообразию возделываемых культур поселение сопоставимо с трипольскими поселениями периода расцвета. К этому следует добавить, что на сопредельных синхронных памятниках Румынии и Венгрии известны единичные находки едва ли трети из списка растений Сакаровки (*Кузьминова и др.*, 1998).

К реконструкции занятий и образа жизни популяции

Анализ маркеров физиологического стресса по материалам серии Сакаровка дает дополнительную информацию для реконструкции занятий и образа жизни популяции. Так, отсутствие кариеса и его последствий позволяет говорить о сбалансированной диете с достаточным уровнем белков и углеводов. Очевидно, доля сахарозы и фруктозы была умеренной. Отсутствие зубных патологий, признаков анемии, цинги и рахита у детей указывает на сбалансированное питание. Уровень гельминтозов невысок, так как нет признака анемии – Cribra orbitalia.

Анализ последствий лихорадок и других патологий, включающих стрессовый механизм задержки ростовых процессов, показал, что и эти заболевания были исключительно редки. Зафиксированы единичные свидетельства нарушения ростовых процессов в детском возрасте: эмалевая гипоплазия у женщины 30–39 лет (№ 25) на зубах нижней челюсти (возраст образования 1–1,5 года) и линии Гарриса у ребенка 8–10 лет (№ 44), молодого мужчины 20–29 лет (№ 46). Следует обратить внимание, что пищевых ресурсов в группе было достаточно, поскольку образование эмалевой гипоплазии в 1–1,5 года – время обычного перехода детей от молочной диеты к взрослой пище (*Бужилова*,

1998). Исследования английских ученых подтверждают выявленную тенденцию по другим антропологическим материалам мариупольской культуры. Они отмечают отсутствие кариеса, наличие нескольких случаев эмалевой гипоплазии в разных выборках и всего один вариант возможной анемии на примере индивида из неолитической выборки Дереивки (*Lillie, Richards*, 2000).

Анализ физической активности населения Сакаровки позволяет говорить только об общей недифференцированной нагрузке на скелет. Такой вариант развития характерен для охотников-собирателей и населения с комплексным типом хозяйствования (*Бужилова*, 1995; 2005). Для Сакаровки известны единичные наблюдения, где отмечается более дифференцированный уровень формирования мышечной компоненты и «натруженности» суставных поверхностей. Так, зафиксировано развитие усиленного костного рельефа в области присоединения ягодичных и икроножных мышц у молодой женщины (в комплексе костей взрослых № 1), дельтовидной мышцы на плечевой кости у мужчины 20–29 лет (об. 40) и у мужчины 25–35 лет (№ 57; соотносится с № 8, 54). Уплощение суставной площадки на шейном позвонке у молодого мужчины 20–25 лет (№ 68) вследствие механической нагрузки. По данным Т. Моллесон (*Molleson*, 1996), такое повреждение отмечается у индивидуумов из-за регулярного ношения тяжести на голове.

Два случая травм, обнаруженных в мужской группе, не дифференцируют тип физической активности. Это заживший перелом в нижней трети лучевой кости у молодого мужчины (№ 2). У другого мужчины 20–29 лет (№ 69) в области левого голеностопного сустава отмечены последствия травмы: на малоберцовой кости рядом площадь соответствующей суставной площадки увеличена из-за смещения кости. Характер повреждений указывает на случайность полученных травм (неудачное падение). Кроме того, травмы фиксируются только у мужчин, что является косвенным свидетельством большей мобильности этой части населения Сакаровки.

Таким образом, по результатам палеопатологического анализа не выявлено факторов, негативно влияющих на развитие популяции Сакаровка. Вкупе с благоприятными демографическими показателями, свидетельствующими об определенной биологической адаптации группы, можно охарактеризовать население как оседлое или полуоседлое, тип хозяйствования которого комплексный с элементами земледелия.

К реконструкции питания

По результатам химического анализа костной ткани нескольких индивидов из серии Сакаровка удалось выяснить, что процент белковой пищи был достаточно высок; возможно, в состав диеты входили продукты рыболовства. Растительная пища не занимала доминирующего положения. Таким образом, можно предположить комплексный тип питания населения Сакаровки (*Козловская*, 2002).

Отсутствие зубных патологий, признаков анемии, цинги и рахита в детской части выборки также указывает на сбалансированное и комплексное питание

населения. Среди особенностей диеты следует назвать вероятное присутствие орехов или другой твердой пищи. Так, у молодого мужчины (№ 69) на первых коренных зубах верхней челюсти отмечены незначительные сломы коронок, возможно вследствие надкуса твердой пищи.

По данным английских исследователей, у другой части «мариупольского» населения (Дереивка, Марьевка, Никольское, Осиповка, Васильевка 2, 3 и 5, Вовниги и Ясиноватка), так же как и у «сакаровцев», не обнаружено кариеса. Зубной камень отмечен в нескольких случаях в каждой выборке, причем проведенный статистический анализ дает основание утверждать, что у мужчин этот показатель встречается намного чаще, чем у женщин, и эта тенденция статистически достоверна. Исследователи утверждают, что гендерная разница связана, скорее всего, с неодинаковыми вариантами диеты: у мужчин пища была более насыщена белковой компонентой, чем у женщин. Авторы исключают версию частого недоедания в женской части «мариупольских» групп, так как нет к тому палеопатологических свидетельств. Население в неолитическую эпоху не выделяется по типу предпочтения пищи, а демонстрирует широкий набор продуктов, связанных с охотой, рыболовством и собирательством (*Lillie, Richards*, 2000).

Проведенный нами сравнительный хронологический анализ по результатам изменчивости маркеров пищевого стресса позволил определенно отделить «мариупольское» население от «классических мясоедов» более древних эпох (палеолита) (*Бужилова*, 2005). При сравнении доля растительной пищи в период расцвета мариупольской культуры заметно превалирует. Кроме того, анализ показателей на индивидуальном уровне дал основание говорить о большем разнообразии персональных пищевых предпочтений, чем отмечается в более ранние эпохи. Подтверждается и тезис английских коллег о формировании гендерных различий в диете. Сравнительный анализ показал, что в питание женской части популяций мариупольской культуры включалась значительная доля растительных компонентов. Питание детей было насыщено белками и, по сути, сравнимо с едой мужчин. Следует обратить внимание, что среди детей также присутствуют варианты индивидуальных пищевых предпочтений. Например, по одному из образцов реконструируется питание рыбой в сочетании с растительной пищей (Там же).

Опираясь на данные М. К. Козловской (2002), для серии Сакаровка можно реконструировать определенное однообразие пищевых предпочтений с выделением двух условных подвариантов. Так, индивидов из погребений объекта 39 (скелеты 69 и 70) и мужчину из объекта 40 можно отнести к тому варианту, где доля растительной пищи в диете несколько выше, чем у типичных «мясоедов» палеолита. Наиболее высокая доля растительной пищи отмечается у двух индивидов из массового погребения: женщины, захороненной в числе последних (объект 39 н/р, № 1б, длинные кости над захоронением младенца), и мужчины (№ 68). А индивид, останки которого были обнаружены в культурном слое над могильником (объект 42), демонстрирует вариант диеты, приближающийся к типичному для «мясоедов» (рис. 1). Если обратить внимание на хронологию исследованных образцов, то, несомненно, индивид с типичной белковой диетой (объект 42) отражает более поздние этапы функционирования памятника, тогда как остальные могут быть отнесены к периоду не позднее V тыс. до н. э.

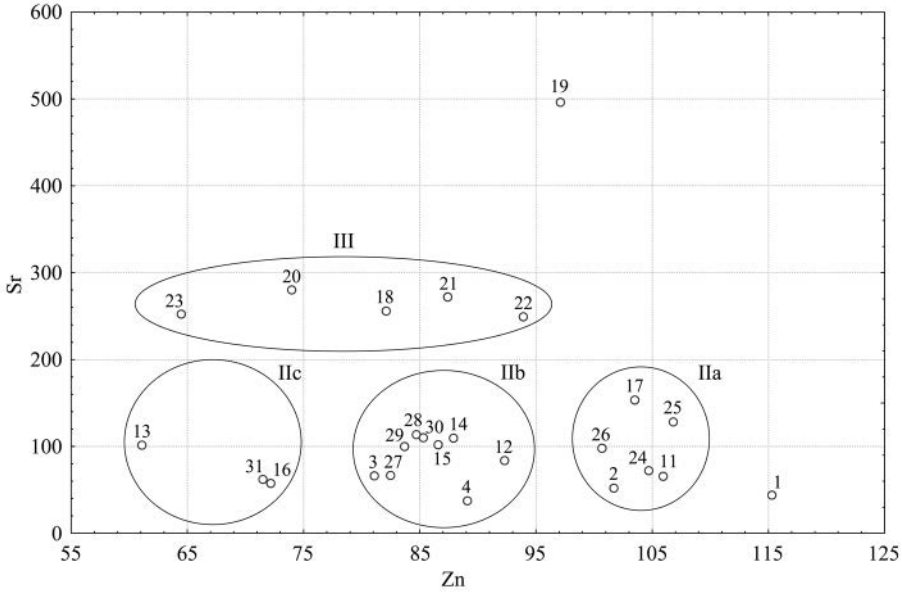


Рис. 1. Соотношение микроэлементов цинка и стронция в костной ткани индивидов эпох камня, бронзы и раннего железа

1 – Сунгирь 1; *2* – Сунгирь 2; *3* – Сунгирь 3; *4* – Сунгирь 4; *11* – Сакаровка поселение, объект 42; *12* – Сакаровка могильник, объект 40; *13* – Сакаровка могильник, объект 39, погр. 68; *14* – Сакаровка могильник, объект 39, погр. 69; *15* – Сакаровка могильник, объект 39, погр. 70; *16* – Сакаровка могильник, объект 39, погр. над реб.; *17* – Алтын-тепе (22 инд.); *18* – Малаи, новотиторовская культура (8 инд.); *19* – Малаи, катакомбная культура (9 инд.); *20* – Малаи, срубная культура; *21* – Великент склеп 11, муж.; *22* – Великент склеп 11, жен.; *23* – Великент склеп 11, муж.?; *24* – Колбино-Терновое; *25* – Репная Балка; *26* – Першин, муж., срубная культура; *27* – Горный поселение, срубная культура; *28* – Комиссарово, кург. 1, погр. 4, срубная культура; *29* – Комиссарово, кург. 1, погр. 9; срубная культура; *30* – Комиссарово, кург. 1, погр. 11, срубная культура; *31* – Комиссарово, кург. 1, погр. 12, сарматская культура. (Собрано по данным М. В. Козловской, 1996; 2000; 2002.)

И все же в сравнении с другими представителями мариупольской культуры население Сакаровки оказывается более плотоядным. Есть основание предположить, что у «сакаровцев» разница в предпочтении белковой пищи не согласуется с распределением по полу. Иначе говоря, эта диета в равной мере характерна как для мужчин, так и для женщин. Возможно, подобное отличие по типу питания жителей Сакаровки от других представителей мариупольской культуры определяется особенностями социальной и экономической организации.

К реконструкции погребального обряда

Дополнительное исследование костных останков методами судебно-медицинской экспертизы позволило оценить некоторые особенности погребальной традиции, возможно бытовавшие в то время.

В той части коллекции, которая не поддается дифференциации по индивидам, был обнаружен фрагмент первого шейного позвонка (№ 11ы). Дуга позвонка разрушена при жизни или в момент смерти индивида, края дефекта острые, что позволяет с большой долей условности предположить вариант декапитации (отчленения головы). Локализация разрушения на уровне первого шейного позвонка указывает, что декапитация могла быть осуществлена в момент вертикального положения жертвы (*Manchester*, 1978; *Масленников, Бужилова*, 1999). К сожалению, фрагментарность выявленного наблюдения не позволяет провести более обстоятельную реконструкцию событий. Остается лишь напомнить, что в отдельных могильниках мариупольского типа фиксировались расчлененные скелеты и трепанированные черепа (*Гохман*, 1966; *Телегин*, 1991; *Потехина*, 1999).

В связи с этими наблюдениями следует отметить, что на некоторых трубчатых костях нижних и верхних конечностей взрослых особей в серии Сакаровки встречаются вертикально ориентированные сколы по диафизам и горизонтальные – в области метафизов, возможно вследствие преднамеренного разрушения. Особенно отчетливо искусственный характер разломов виден на фрагментах локтевой кости (разбит верхний эпифиз) мужского скелета (№ 64/ы по полевой нумерации) и на двух фрагментах левой плечевой кости (разбиты эпифизы) женщины (№ 1б по полевой нумерации).

О неслучайности выделенных наблюдений в первом случае (№ 64/ы) говорят некоторые дополнительные факты. Так, в этом же квадрате найдены мелкие фрагменты обожженных трубчатых костей (№ 65/ы). К сожалению, сохранность ткани не позволяет определенно отнести их к человеческим. Тем не менее свидетельства преднамеренного разрушения костей в сочетании с использованием огня для сожжения костей животного или человека дают основание поднять вопрос о существовании некоего погребального (?) ритуала в группе. К несчастью, археологические свидетельства этого отсутствуют.

Напротив, для второго случая (№ 1б) мы располагаем отчетливыми доказательствами совершенного ритуального действа. Останки женщины № 1б и мужчины № 68 были использованы в захоронении младенца (скопление костей № 1). Как указывают исследователи этого могильника (*Ларина, Дергачев*, 2003), при расчистке погребения младенца обнаружилось, что костяк располагался в углу сложной треугольной конструкции, состоящей из трех бедренных, положенных на них двух большеберцовых и под углом к ним плечевых костей взрослых мужчины и женщины. Сверху детский костяк был перекрыт малоберцовыми костями женщины. Как видим, плечевые кости женщины были не просто изъяты, а намеренно разрушены при перезахоронении.

Заключение

Проведенная по данным палеодемографии и палеопатологии реконструкция особенностей жизнедеятельности группы из Сакаровки показала, что тип хозяйствования этого населения, возможно, был недифференцированным и приближался к комплексному. На это указывают не только отсутствие специфических маркеров стресса, но и обнаруженные разнообразные варианты

двигательной активности взрослого населения. В целом для этой группы не замечено каких-либо специализированных опорно-двигательных комплексов – маркеров двигательной активности. Такая особенность, как правило, отмечается при оценке жизнедеятельности охотников-собирателей и населения с комплексным типом хозяйствования.

Анализ пищевого предпочтения среди групп мариупольского типа показал, что в серии Сакаровки намечается унификация пищевой традиции по сравнению с другими группами. Эту тенденцию трудно объяснить снижением пищевого разнообразия в регионе, поскольку по насыщенности ресурсов он не только не уступает остальным ареалам неолитической культуры мариупольского типа, но, возможно, и превосходит их. Следовательно, унификация диеты может происходить в связи с определенными культурными инновациями. Однако другие индикаторы, анализируемые по антропологическим особенностям, не позволяют утвердительно выделить хозяйственную специализацию группы. Очевидно, перед нами лишь начальный процесс обособления, который может быть зафиксирован методами антропологии только на этапе радикальной специализации групп.

Благодарности

Пользуясь случаем, выражаю признательность авторам раскопок Института археологии Академии Наук Молдовы О. В. Лариной и В. А. Дергачеву за предоставленную возможность подробного исследования антропологического материала из Сакаровки и знакомство с архивными данными. Благодарю за помощь в совместной работе коллег С. И. Круц и А. М. Варзаря, а также Д. В. Богатенкова за содействие и помощь при использовании его авторской демографической компьютерной программы.

ЛИТЕРАТУРА

Бужилова А. П., 1997. Изучение возрастных пирамид и показателя среднего возраста смерти в археологическом контексте (по антропологическим и историческим материалам древнерусского населения) // Новые методы и новые подходы в современной антропологии: материалы первой конф. Рос. отделения Европейской антропологической ассоциации [24–25 апр. 1996 г.]. / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Старый сад. С. 33–44.

Бужилова А. П., 1998. Возможность реконструкции физических нагрузок по костным останкам // Историческая экология человека: Методика биологических исследований / Отв. ред. Е. З. Година. М.: Старый сад. С. 147–150.

Бужилова А. П., 2005. Homo sapiens: история болезни. М.: Языки славянской культуры. 320 с.

Великанова М. С., 1975. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука. 283 с.

Гойхман В. А., 1966. О трепанации черепа в эпоху мезолита // Вопросы антропологии. Вып. 23. С. 111—118.

Гохман И. И., 1966. Население Украины в эпоху мезолита и неолита: (Антропологический очерк). М.: Наука. 197 с., 14 л. ил.

Козловская М. В., 1996. Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы: (Антропологический очерк). М.: ИА РАН. 243 с.

Козловская М. В., 2000. Результаты химического анализа костной ткани подростков Сунгирь 2 и Сунгирь 3 // Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволю-

ционные аспекты исследования / Отв. ред. Т. И. Алексеева, Н. О. Бадер. М.: Научный мир. С. 299–301.

Козловская М. В., 2002. Пищевые новации производящего хозяйства // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии: сб. ст. М.: ИА РАН. Вып. 1–2. С. 26–45.

Круц С. И., Бужилова А. П., Варзарь А. М., 2003. Антропологические материалы из неолитического могильника Сакаровка 1 // РА. № 2. С. 104–118.

Кузьминова Н. Н., Дергачев В. А., Ларина О. В., 1998. Палеоэтноботанические исследования на поселении Сакаровка 1 // Revista arheologica. № 2. P. 166–182.

Ларина О. В., Дергачев В. А., 2003. Могильник мариупольского типа в Молдавии // РА. № 2. С. 93—103.

Масленников А. А., Бужилова А. П., 1999. «Ифигения на Меотиде» (материалы к обсуждению существования ритуальной декапитации в античном Приазовье) // Древности Боспора. 2. М.: ИА РАН. С. 174–183.

Потехина И. Д., 1981. К вопросу о продолжительности жизни человека каменного века на Украине // Древности Среднего Поднепровья: сб. науч. тр. / Отв. ред. И. И. Артеменко. Киев: Наукова думка. С. 21–30.

Потехина И. Д., 1988. Краниологические материалы из могильника Ясноватка на Днепре // СА. № 4. С.18–25.

Потехина И. Д., 1999. Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита (по антропологическим данным). Киев. 216 с.

Сурнина Т. С., 1961. Палеоантропологические материалы из Вольнянского неолитического могильника // ТИЭ. Т. 82. С. 144–153.

Телегин Д. Я., 1991. Неолитические могильники мариупольского типа. Киев: Наукова думка. 95 с. (Свод археологических источников.)

Lillie M. C., Richards M., 2000. Stable isotope analysis and dental evidence of diet at the Mesolithic-Neolithic transition in Ukraine // Journal of Archaeological Science. Vol. 27. P. 965–972.

Manchester K., 1978. Executions in West Yorkshire. Scientist Presents 5. Leeds; Yorkshire: Archaeological Society.

Molleson T., 1996. Skeletal evidence for identity and role in the Neolithic // «L'identite des populations archeologiques»: XVIe recontre internationale d'archeologie et d'Histoire d'Antibes. Antibes: APDCA. P. 345–350.

Smith P., Bar-Yosef O., Sillen A., 1984. Archaeological and skeletal evidence for dietary change during the late Pleistocene / early Holocene in the Levant // M. N. Cohen, G. S. Armelagos (eds). Paleopathology at the origins of agriculture. London. P. 101–136.

Сведения об авторе.

Бужилова Александра Петровна, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, Москва, 119991; Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: albu_pa@mail.ru.

A. P. Buzhilova

Bio-archaeological analysis of fragmentary materials from the Neolithic site of Sakarovka I (Moldavia)

Abstract. Anthropological materials from the Sakarovka I burial-ground are among the earliest ones in the territory of Moldavia. The unique character of the Sakarovka

complex is also reflected in the fact that it is the westernmost site of the Mariupol type. The reconstruction of the way of life of the Sakarovka group carried out on the basis of anthropological data, shows that the economy of this population was possibly not differentiated but of a diversified nature. This is indicated not by the absence of specific stress markers, and also by the diverse types of physical activity practiced by the adult population. This situation is usually typical of hunter-gatherers, or of a population engaged in a range of activities. Analysis of food preferences demonstrates that among the Sakarovka population there were shared and regular feeding traditions in comparison with other representatives of the Mariupol culture. It would be difficult to explain this uniformity with reference to a drop in the range of different foods available in the region, since the availability of food resources is no less than in the other Neolithic culture of the Mariupol type. It is probable that the uniformity of the diet was a result of specific cultural innovations.

Keywords: palaeoanthropology, Neolithic, Mariupol culture, Sakarovka.

REFERENCES

Buzhilova A. P., 1997. Izucheniye vozrastnykh piramid i pokazatelya srednego vozrasta smerti v arkheologicheskom kontekste (po antropologicheskim i istoricheskim materialam drevnerusskogo naseleniya) [Investigations of age pyramids and average mortality rate in archaeological context (on anthropological and historical data on medieval Russian population)]. *Novyye metody i novyye podkhody v sovremennoy antropologii* [*New methods and approaches in modern anthropology*]. T. I. Alekseyeva, ed. Moscow: Stary sad, pp. 33–44.

Buzhilova A. P., 1998. Vozmozhnost' rekonstruktsii fizicheskikh nagruzok po kostnym ostankam [Possibility of reconstruction of physical stresses on data of bone remains]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka: Metodika biologicheskikh issledovany* [*Historical ecology of man: Methods of biological researches*]. Ye. Z. Godina, ed. Moscow: Stary sad, pp. 147–150.

Buzhilova A. P., 2005. Homo sapiens: istoriya bolezni [Homo sapiens: case history]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. 320 p.

Gokhman I. I., 1966. Naseleniye Ukrainy v epokhu mezolita i neolita: (Antropologichesky ocherk) [Population of Ukraine in epoch of Mesolithic and Neolithic: (Anthropological essay)]. Moscow: Nauka. 197 p., 14 tables ill.

Goykhman V. A., 1966. O trepanatsii cherepa v epokhu mezolita [On scull trepanation in epoch of Mesolithic]. *Voprosy antropologii* [*Problems of Anthropology*], 23, pp. 111–118.

Kozlovskaya M. V., 1996. Ekologiya drevnikh plemen lesnoy polosy Vostochnoy Yevropy: (Antropologichesky ocherk) [Ecology of ancient tribes of East European forest-steppe zone: (Anthropological essay)]. Moscow: IARAN. 243 p.

Kozlovskaya M. V., 2000. Rezul'taty khimicheskogo analiza kostnoy tkani podrostkov Sungir' 2 i Sungir' 3 [Results of chemical analysis of bone tissue of juveniles from Sungir' 2 and Sungir' 3]. *Homo sungirensis. Verkhnepaleoliticheskiy chelovek: ekologicheskiye i evolyutsionnyye aspekty issledovaniya* [*Homo sungirensis. Upper Palaeolithic man: ecological and evolutionary aspects of research*], I. Alekseyeva, N. O. Bader, eds. Moscow: Nauchny mir, pp. 299–301.

Kozlovskaya M. V., 2002. Pishchevyye novatsii proizvodyashchego khozyaystva [Food innovations of producing economy]. *OPUS: Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii* [*OPUS: Interdisciplinary investigations in archaeology*], 1–2. A. P. Buzhilova, ed. Moscow: IARAN, pp. 26–45.

Kruts S. I., Buzhilova A. P., Varzar' A. M., 2003. Antropologicheskiye materialy iz neoliticheskogo mogil'nika Sakarovka 1 [Anthropological materials from Neolithic cemetery Sakarovka 1]. *RA*, 2, pp. 104–118.

Kuz'minova N. N., Dergachev V. A., Larina O. V., 1998. Paleoetnobotanicheskiye issledovaniya na poselenii Sakarovka 1 [Palaeoethnobotanic researches at settlement Sakarovka 1]. *Revista arheologică*, 2, pp. 166–182.

Larina O. V., Dergachev V. A., 2003. Mogil'nik mariupol'skogo tipa v Moldavii [Cemetery of Mariupol type in Moldavia]. *RA*, 2, pp. 93–103.

Lillie M. C., Richards M. P., 2000. Stable isotope analysis and dental evidence of diet at the Mesolithic-Neolithic transition in Ukraine. *Journal of Archaeological Science*, 27, pp. 965–972.

Manchester K., 1978. Executions in West Yorkshire: Scientist Presents 5. Leeds: Archaeological Society.

Maslennikov A. A., Buzhilova A. P., 1999. «Ifigeniya na Meotide»: (materialy k obsuzhdeniyu sushchestvovaniya ritual'noy dekapitatsii v antichnom Priazov'ye) [«Ifigenia in Maeotide»: (materials for discussing existence of ritual decapitation in Azov Sea region in Classical time)]. *Drevnosti Bospora* [*Bosporan antiquities*], 2, pp. 174–183.

Molleson T., 1996. Skeletal evidence for identity and role in the Neolithic. «*L'identite des populations archeologiques*». XVIe rencontre internationale d'archeologie et d'Histoire d'Antibes. Antibes: APDCA, pp. 345–350.

Potekhina I. D., 1981. K voprosu o prodolzhitel'nosti zhizni cheloveka kamennogo veka na Ukraine [On problem of age span of Stone Age man in Ukraine]. *Drevnosti Srednego Podneprov'ya* [*Antiquities of Middle Dnieper region*]. I. I. Artemenko, ed. Kiyev: Naukova dumka, pp. 21–30.

Potekhina I. D., 1988. Kraniologicheskiye materialy iz mogil'nika Yasnovatka na Dnepre [Craniological materials from cemetery Yasnovatka on Dnieper]. *SA*, 4, pp. 18–25.

Potekhina I. D., 1999. Naseleniye Ukrainy v epokhi neolita i rannego eneolita: (po antropologicheskim dannym) [Population of Ukraine in epochs of Neolithic and early Eneolithic: (on anthropological data)]. Kiev. 216 p.

Smith P., Bar-Yosef O., Sillen A., 1984. Archaeological and skeletal evidence for dietary change during the late Pleistocene / early Holocene in the Levant. *Paleopathology at the origins of agriculture.* M. N. Cohen, G. S. Armelagos, eds. London, pp. 101–136.

Surnina T. S., 1961. Paleoantropologicheskiye materialy iz Vol'nyanskogo neoliticheskogo mogil'nika [Palaeoanthropological materials from Volnyansk Neolithic cemetery]. *Trudy Instituta etnografii Akademii nauk SSSR* [*Proceedings of Institute of ethnology of Academy of Sciences of USSR*], 82, pp. 144–153.

Telegin D. Ya., 1991. Neoliticheskiye mogil'niki mariupol'skogo tipa [Neolithic cemeteries of Mariupol type]. Kiev: Naukova dumka. 95 p.

Velikanova M. S., 1975. Paleoantropologiya Prutsko-Dnestrovskogo mezhdurech'ya [Palaeoanthropology of Prut-Dniester interfluve]. Moscow: Nauka. 283 p.

About the author.

Buzhilova Aleksandra P., M. V. Lomonosov Moscow State University, Leninskiye gory, 1, Moscow, 119991; Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ul'yanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: albu_pa@mail.ru.

М. В. Добровольская, М. Йованович

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА ИЗ ГОМОЛАВЫ (СЕРБИЯ)

(предварительное сообщение)

Резюме. Памятники культуры Винча привлекают внимание исследователей в связи с проблемами предцивилизационного развития Юго-Восточной Европы. В данной публикации рассматриваются возможности антропологических источников для изучения проблем социальной и хозяйственной динамики неолитических (неоэнеолитических) культур на примере скелетных материалов из Гомолавы (Сербия). Состояние зубочелюстной системы мужчин позволяет предполагать крайне архаичный способ использования зубов в хозяйственных целях (вероятно, изготовление охотничьего оружия), что находит прямые аналогии в финальнопалеолитических, мезолитических и неолитических группах населения Евразии. Символические трепанации на мужских черепах указывают на сохранение ритуальных традиций, своими корнями уходящих в эпоху, предшествующую распространению производящей экономики. В целом анализ признаков, связанных с реконструкцией образа жизни и некоторых сторон культовой деятельности, дает основание полагать, что уклад жизни этих людей сохранил многое из традиций охотников-собирателей.

Ключевые слова: поздний неолит, эпоха раннего металла, Балканы, биоархеология, скелетная биология, палеопатология.

Введение

Процесс неолитизации, изменение социальной жизни и хозяйственного уклада в обществах, характеризующихся ранними стадиями развития производящего хозяйства, во многом не прояснены и не известны. Поэтому памятники эпохи неолита неизменно остаются предметом самого пристального изучения в мировой археологической науке. Как известно, неолитизация Европы, «запущенная» переднеазиатскими влияниями, развивалась, прежде всего, на Балканах и в сопредельных регионах.

Особую ценность имеют материалы, происходящие с территорий «инициального» неолита Европы. Бассейн Среднего и Нижнего Дуная в этом отношении занимает особое положение, так как долины Савы, Дуная, Тисы и их более

мелких притоков были территорией, наиболее активно освоенной носителями традиций ранненеолитических культур Старчево-Кереш-Криш-Караново I (*Brukner*, 1968. С. 32). Свидетельства появления производящей экономики, влияния культуры Малой Азии, сопровождаются появлением иного населения. Это подтверждается антропологическими материалами из слоев поселений и погребений этих ранненеолитических культур.

Особая группа проблем связана с изучением неолитических групп, возникших на основе «неолитических пионеров» Северных Балкан (Старчево-Криш-Караново I). Центральное место в кругу этих групп занимает культура Винча (VI–V тыс. до н. э.) (*Brukner*, 1968. S. 93, *Porčić*, 2012. S. 23). Как известно, памятники культуры Винча привлекают широкий круг исследователей в связи с проблемами предцивилизационного развития Юго-Восточной Европы, с ближневосточными влияниями, как отмечалось еще в трудах выдающегося сербского историка и археолога М. Васича.

Длительное время существование, развитие ранних энеолитических традиций в ее пределах – также отличительная черта культуры. Постепенная прогрессивная динамика поселенческих структур вплоть до формирования поселенческих центров указывает на мощные ресурсы развития, которые были присущи этой культуре (*Brukner*, 1968. S. 94).

В данной краткой публикации хотелось бы коснуться возможностей антропологического источника для изучения проблем социальной и хозяйственной динамики неолитических (нео-энеолитических) культур. Основанием к этому послужило небольшое исследование материалов многослойного поселения Гомолава, инициированное М. В. Добровольской в период краткого посещения Музея Войводины (Нови Сад, Сербия) и осуществленное благодаря сотрудничеству авторов.

Гомолава – широко известный многослойный телль, расположенный в 60 км от Белграда, в сербской провинции Воеводина, большая часть которой приходится на плодородные равнинные земли в долинах крупнейших балканских рек Савы, Дуная, Тисы.

Неолитическое поселение Гомолава находится на левом берегу р. Савы близ села Хртковцы. Холм памятника был известен еще в XVII–XVIII вв. В дальнейшем высокие паводки стали размывать юго-западный склон тел-ля. Первым археологом, собравшим коллекцию находок, был М. Вохальски (1898) (Археологический музей Загреба). В начале XX в. (1904, 1908) были проведены первые раскопки и составлен первый план расположения памятника. Первые систематические полевые исследования с перерывами проводились Музеем Воеводины (Нови Сад) с 1953 до 1965 г. (*Girič*, 1988. С. 13). С 1965 по 1985 г. телль был раскопан и исследован большой международной командой специалистов, включавшей археологов из различных научных учреждений Сербии, Венгрии, Чехии, Нидерландов, Великобритании. По результатам этих масштабных работ (4,4 тыс. м^2, мощность слоев около 6 м) в 1986 г. была проведена международная конференция, материалы которой вышли в свет двумя годами позже. Среди исследователей, наиболее детально изучавших неолитические и энеолитические слои Гомолавы, следует назвать Б. Брукнера, Е. Петровича, Н. Тасича, В. Йовановича. Антропологические

материалы из погребений Гомолавы разносторонне изучены венгерским антропологом С. Зоффманн.

Нижние слои телля относятся к ранней стадии культуры Винча – 1a (этап Винча-Тордаш A-B_1, по: *Brukner*, 1968). Они содержат остатки крупных жилищ, состоящих из одного помещения, а также большие ямы. Более поздние слои Гомолавы (1ab) характеризуются присутствием крупных двухкамерных жилых построек (Gomolava..., 1988). На заключительном этапе (1b) на поселении фиксируется плотная застройка жилищами существенно меньших размеров. Также важно отметить, что большинство построек погибло в огне (*Borič*, 2009. S. 221–227). Все антропологические материалы происходят из погребений и ям, относящихся к позднему этапу развития культуры Винча 1b (этап Винча-Плочник B_1, B_2, C, согласно более ранней периодизации).

Две прямые радиоуглеродные даты были получены по скелетам (Gr-7376 – 6010 ± 70, Gr-7374 – 5715 ± 75) в лаборатории Гронингена (*Waterbolk*, 1988. P. 121). Возможно, возраст был несколько завышен из-за резервуарного эффекта. В публикации эта проблема не обсуждается.

В настоящее время проведено крупное исследование по датированию слоев Гомолавы (*Orton*, 2012. P. 5). Даты, полученные по скелетам из погребений 7, 12, 21 и 25, укладываются во временной диапазон 4700–4600 лет до н. э. (Ibid. P. 18–19). Наиболее ранние слои 1a датируются временем 4900–4800 лет до н. э. (Ibid. P. 16).

Сюзанной Зоффманн были проведены реставрация, измерения и описания 23 индивидов (*Zoffman*, 1974; 1987). Основываясь на результатах обработки краниологических данных, автор приходит к выводу о том, что люди из погребений Гомолавы сближаются со среднеевропейскими группами и не имеют ничего общего с восточносредиземноморскими анатолийскими морфотипами. Этот вывод особенно интересен в связи с тем, что материальная культура, напротив, указывает на переднеазиатские влияния.

В задачи этого исследования входило пополнить набор признаков, использованных С. Зоффманн. В части маркеров физиологического стресса фиксировались признаки эмалевой гипоплазии, васкулярные реакции на черепе. Отмечалась также локализация разного рода патологических проявлений: артрозов, остеофитозов, периоститов. Фиксировалась локализация межпозвоночных грыж. При описании состояния зубной системы отмечался не только факт износа или прижизненной утраты зуба, но более полное описание состояния зубочелюстной системы. Эти признаки и другие замечания отражены в таблице приложения.

Половозрастные показатели

Группа из некрополя Гомолавы имеет специфическую половозрастную структуру. Во-первых, среди 31 (или более) выявленного индивида только 2 скелета были идентифицированы как женские и еще 1 предположительно женский. Мужских индивидов не менее 17. Число детей – 9. Женские индивиды относятся к возрастам 18–21 и 20–24 года. Из двух погребений с женщинами одно –

коллективное. Единственное уверенно женское погребение содержит останки молодой девушки, на позвоночнике которой встречены патологические проявления, связанные, возможно, с инфекционным процессом (рис. 1), уникальным для этой группы. На основании этих данных можно предположить, что мы имеем дело с гендерными особенностями в погребальном обряде. Трудно представить, чтобы группа могла существовать при столь незначительном проценте женщин, тем более если все они умирали в возрасте активного деторождения.

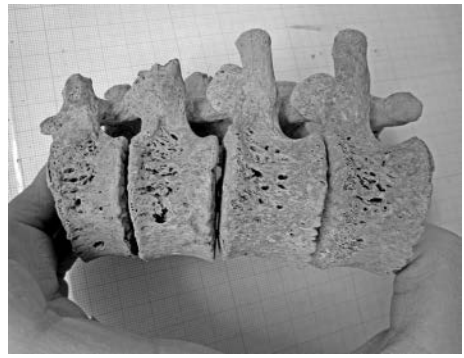


Рис. 1. Погребение 17. Патологические изменения на позвоночнике, связанные, вероятно, с инфекционным процессом

Средняя продолжительность жизни мужчин составляет около 43 лет. Этот высокий показатель может быть сопоставлен с данными, полученными при описании материалов из мезолитических некрополей Васильевка-1, Волошское (*Алексеев*, 1972. С. 6), неолитических некрополей Вовниги I, Дериевка. Ясиноватка. В некоторых из этих групп (Вовниги, Дериевка) показатели продолжительности жизни у мужчин и женщин также резко различны. Численное преобладание мужчин также типично для евразийских скотоводческих популяций эпохи ранней бронзы.

Процент детских погребений велик (32 %). Высокий процент детских погребений в некрополях неолитического оседлого населения – явление рядовое. Важно отметить, что некрополи с высоким процентом детских погребений встречаются и в мезолитическую эпоху (Тафоральт – 57 %, Колумната – 58 %) (*Алексеев*, 1993. С. 43). Значительная доля детских погребений дает нам основание предполагать, что фиксируемые данные соответствуют показателям растущей популяции. К сожалению, мы не знаем пола погребенных детей. Имея в виду явную гендерную специфику погребального обряда, отнесемся к полученным данным с известной осторожностью. Возможно, реальный уровень детской смертности в группе был выше, а среди погребенных детей только (или преобладают) мальчики.

Показатели состояния здоровья

Половозрастная структура группы в значительной мере диктует картину состояния здоровья. Наиболее часто встречающиеся патологические проявления – возрастные дегенеративно-дистрофические изменения на позвоночнике и суставах. Это объясняется значительным возрастом большинства мужчин (старше 40). Среди других часто встреченных патологических состояний – периостит костей голени, причем в наибольшей степени затронута нижняя половина диафизов большеберцовой и малоберцовой костей (рис. 2). В ряде случаев наблюдается утолщение большеберцовой кости в области нижнего эпифиза

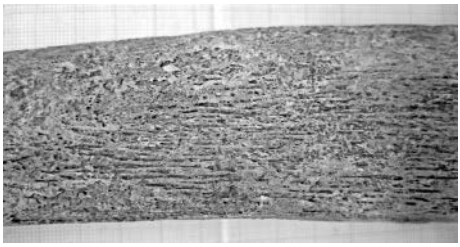


Рис. 2. Погребение 20. Мужчина старше 50. Периостальная реакция на диафизе большеберцовой кости

(например, погребение 20). Начальная стадия развития процесса маркируется появлением продольной «исчерченности» поверхностного слоя кортекса диафиза большеберцовой кости.

Аналогичные проявления, свойственные мужчинам в возрасте старше 30 лет, были отмечены при описании посткраниального скелета индивидов из некрополя позднего неолитического – энеолитического времени Сахтыш-IIа (Ивановская область) (*Добровольская*, 2005. С. 176). Появление хронического оссефицирующего периостита на голенях может быть связано с инфекционными заболеваниями, трепанематозами в частности. Однако отсутствие других диагностирующих признаков, а также явная зависимость развития патологического проявления от возраста индивидов указывают на иную причину.

Возможно, различные стадии развития нарушения функционирования периферических тканей кортикальной кости связаны с проявлением так называемой расколотой голени. Этот термин в медицине используется для обозначения различных последствий перенапряжения передней и задней большеберцовых мышц при резких изгибах в голеностопном суставе. Такие ситуации, очевидно, часто случаются при передвижении по пересеченной местности, прыжках, резких поднятиях из положения «на корточках» и других видах постоянного активного движения. Отягчающее влияние на развитие периостита может оказать развитие патологий венозных сосудов ног (варикоз). Эта патология также была встречена в серии обследованных материалов. Поэтому есть основания сформулировать гипотезу, что этот вид хронических заболеваний вызван механическим стрессом и отсутствием необходимого покоя после значительных динамических физических нагрузок и, следовательно, связан с образом жизни.

О значительных физических нагрузках свидетельствуют также часто встречающиеся межпозвоночные грыжи. Интересно отметить, что при этом отмечен всего один случай перелома (левое предплечье у мужчины в возрасте около 50 лет из погребения 22). Два давних перелома на костях черепа в данном случае не рассматриваются, так как могли быть получены, скорее всего, в конфликтной ситуации.

Если характеризовать детскую часть описываемой группы, следует отметить маркеры анемичных состояний. Скелетные останки детей в возрасте до 1 года (а их 5 из 9) не несут следов каких-либо заболеваний. У трех детей в возрасте от 5 до 10 лет отмечены те или иные признаки, связанные с анемичными состояниями. Это cribra orbitalia у индивидов из погребений 1/75 и 10 (рис. 3). Отмечен случай менингиальной геморрагии на внутренней поверхности затылочной кости черепа индивида детского возраста. Среди наиболее частых причин менингиальных геморрагий предполагаются паразитарные заболевания, влекущие развитие авитаминозов (*Шульц, Козак*, 2008. С. 284). Исследования детских материалов из средневековых и более поздних захоронений городского

и сельского населения европейской России показали широкое распространение заболевания Меллера-Барлоу, проявляющегося в С-авитаминозе (цинга) детей младенческого возраста (*Торопова*, *Бужилова*, 2012. С. 75; *Медникова и др.*, 2013. С. 115. Рис. 2, 3).

Два случая криброзных изменений верхней части глазницы отмечены у двух женщин (погребения 7 и 17). Таким образом, нарушения здоровья, связанные с анемичными состояниями, вновь оказываются наиболее частыми и для группы «женщины и дети».

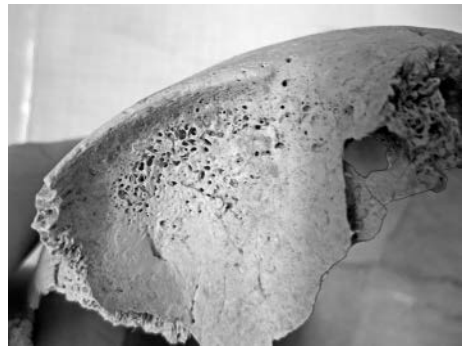


Рис. 3. Погребение 1/75. Ребенок в возрасте около 8 лет. Cribra orbitalia

Один индивид (молодая женщина из п. 17), как уже отмечалось выше, характеризуется специфическими изменениями на позвоночнике (см. рис. 1). Поражены позвонки грудного и поясничного отделов. Других патологических признаков на скелете не обнаружено. Отсутствие генетического исследования не позволяет ставить четкий диагноз, но, возможно, это бруцеллез. Опубликованное проф. М. Мутоло с коллегами исследование (*Mutolo et al.*, 2012. P. 254) указывает на аналогичные поражения позвоночного столба при доказанном бруцеллезе (проделано молекулярно-генетическое исследование, подтверждено присутствие генов *Brucella spp*.). Есть также вероятность того, что патологические проявления связаны с туберкулезом. Важно отметить, что и то и другое заболевание – зоонозной природы.

Состояние здоровья зубной системы может быть признано удовлетворительным. Низкий процент кариеса – 3,7 (по: *Zoffman*, 1987. S. 67), редкие случаи одонтогенного остеомиелита (2 индивида) могут быть расценены как высокие показатели. К этому следует добавить отсутствие проявлений эмалевой гипоплазии. Правда, значительная часть зубов взрослых индивидов сильно изношена, что снижает достоверность фиксации линий эмалевой гипоплазии.

Маркеры хозяйственной и культовой деятельности

При описании состояния зубной системы мужчин из Гомолавы нами отмечены случаи значительного износа зубных коронок и прижизненной утраты зубов. Практически все мужчины в возрасте старше 40 имеют сильно стертые зубы, особенно передние. В некоторых случаях можно проследить, что сильная стертость сопровождается диастемой, щипцевидным прикусом (рис. 4). Аналогичная картина встречена при описании состояния зубной системы индивидов из погребений могильника Южный Олений остров (Оленеостровский могильник) и ряда других европейских мезолитических некрополей (*Добровольская*, 2006. С. 135). Столь же сходная картина отмечена и при описании мужчины зрелого возраста

Рис. 4. Погребение 20. Мужчина старше 50. Износ передних зубов. Диастема

из раннеголоценового погребения из могильника Минино-2 в Московской области (*Добровольская*, 2012. С. 315). В этой же работе высказано предположение о том, что причины износа зубов и формирования диастемы связаны с использованием зубочелюстного аппарата в хозяйственных целях.

В некоторых случаях стертость верхних резцов у индивидов из Гомолавы настолько значительна, что смыкание зубов невозможно. Поэтому очевидно, что такой характер износа не мог сформироваться при «пищевом» использовании зубов. Такими зубами вообще было сложно что-либо откусить, сохранялась лишь функция пережевывания. Поверхность коронок, стертых до пульпы, гладкая, залощенная. До проведения микроскопических исследований делать вывод о причинах значительного износа коронок рано. Однако создается впечатление, что зубы использовались мужчинами в хозяйственных операциях.

В связи с этим хотелось бы упомянуть серию исследований японского антрополога Й. Кайфу, посвященных строению зубочелюстного аппарата у позднеплейстоценовых–голоценовых жителей японских островов. Им была выдвинута и гипотеза о связи характера механических нагрузок на зубы (в первую очередь – на резцы и клыки) и строения челюстей, а также формирования щипцевидного прикуса (*Kaifu*, 2000. С. 369; *Kaifu et al.*, 2003. С. 47; 2009). О связи износа коронок зубов и специфике механических нагрузок на них писала еще Т. С. Сурнина, характеризуя неолитическое население из некрополя Вольненский (*Сурнина*, 1961. С. 3). Исследовательница предполагала, что использование грубой пищи способствует формированию иной, отличной от современной, механики жевательных движений. По ее мнению, они включают не только вертикальное смыкание/размыкание челюстей, но и горизонтальные латеральные и передне-задние перемещения нижней челюсти.

Исследования проф. Й. Кайфу, основанные на применении, в частности, трехмерной геометрии, продемонстрировали динамику формирования щипцевидного прикуса во взрослом возрасте на протяжении ряда лет в точном соответствии со степенью износа коронок зубов. Важно отметить, что комплекс признаков, включающий износ коронок передних зубов, щипцевидный прикус, значительное развитие костного рельефа, связанного с работой *m.masseter*, формирование трапециевидной формы нижней челюсти (в вертикальной норме) и др., формируется вне зависимости от генетического своеобразия индивида (*Kaifu et al.*, 2009. P. 19).

Итак, характер состояния зубочелюстной системы мужчин из погребений некрополя Гомолава позволяет предполагать крайне архаичный способ использования зубов в хозяйственных целях (вероятно, изготовление охотничьего ору-

жия), находящий прямые аналогии в финальнопалеолитических, мезолитических и неолитических группах населения Евразии.

В связи с этой гипотезой обратимся к данным археозоологии, позволяющим оценить долю охотничьей добычи в общих костных остатках с поселения Гомолава. Дэвидом Ортоном опубликовано обобщающее исследование по изучению археозоологических материалов неолитических памятников Центральных Балкан (*Orton*, 2012. P. 5–40). Автором выявлены основные характеристики распределения костей домашних и диких животных в культурных слоях неолитических поселений:

1. Отсутствие направленной динамики соотношения диких и домашних животных на протяжении всего неолита.
2. Повышение удельной доли костей крупного рогатого скота в поздних слоях подавляющего большинства неолитических памятников.

В частности, для коллекции из слоев Гомолавы описана следующая ситуация: поздненеолитические слои (общее число фрагментов – 3 240) содержат около 43 % костей диких животных и около 48 % костей крупного рогатого скота. Для сравнения: поздненеолитические слои поселения Винча содержат 22 % костей крупного рогатого скота и 42 % костей диких животных (общая численность коллекции – 2 624 фрагмента) (*Dimitrijevič*, 2006. S. 245). Археозоологическая коллекция из ранненеолитического Старчева (1 448 фрагментов) содержит 26 % костей диких животных и 49 % костей крупного рогатого скота (*Clason*, 1980. P. 143).

Половозрастной состав домашних животных из слоев Гомолавы позволяет исследователю с осторожностью предполагать, что их использовали, в основном, для получения молочных продуктов (*Orton*, 2012. P. 27, 28).

Итак, по данным археозоологии, для людей из Гомолавы были характерны два вида деятельности: охота и животноводство. Изменение структуры поселений на поздних этапах существования культуры Винча дает основание исследователям предполагать существенные трансформации культурной и хозяйственной деятельности. В частности, высказывается предположение о повышении мобильности населения, включению части населения в процесс выпаса скота в округе, а не в непосредственной близости от поселения (Ibid. P. 31). Вероятно, на примере ряда неолитических памятников Центральных Балкан автор наблюдает сложение предпосылок формирования древнейших скотоводческих сообществ, ведущую роль в которых играет пастух-охотник. Таким образом, процесс неолитизации на территории Центральных Балкан приводит к органическому синтезу хозяйственных навыков местного населения с глубокими традициями охоты и элементов производящей экономики, имеющей ближневосточные корни. Этот синтез позволяет сформироваться древнейшим скотоводческим обществам, расселившимся в степях Евразии и создавшим первые мегаструктуры Евразии (*Черных*, 2011. С. 154).

Особого упоминания требуют случаи трепанаций. В современной биоархеологической практике сведения о трепанациях используются в контексте изучения истории врачевания и развития культовых действий, связанных с определенными культурными традициями. Представление об очагах активной практики трепанаций, сформулированное М. Б. Медниковой (2001), указывает на эффек-

Рис. 5. Погребение 18. Мужчина в возрасте около 40 лет. Трепанация лобной кости

тивность использования этого подхода для изучения процессов культурогенеза. Истоки традиций трепанировать голову уходят своими корнями в глубокое прошлое – верхний палеолит (*Медникова и др.*, 2012. С. 116. Рис. 1). Приведем краткие описания случаев трепанаций, обнаруженных на черепах мужчин из некрополя Гомолава.

Индивид из погребения 18. Мужчина в возрасте около 40 лет. В левой части лобной кости, в области, прилегающей к точке bregma, отмечено трепанационное отверстие округлой формы со следами давнего благополучного заживления (рис. 5). Примерные размеры внешнего диаметра 21,5 × 19,5 мм. Судя по тому, что внешний диаметр отверстия шире внутреннего, трепанация выполнялась выскабливанием или вырезанием. Внутренняя пластинка частично сохранилась. Кроме того, отметим, что на черепе выявлено повреждение левой височной кости в области pars timpanicum, заживление прошло также благополучно.

Индивид из погребения 20. Мужчина в возрасте 30–39 лет. В области схождения теменных и затылочной кости – след повреждения округлой формы размером 18 × 13 мм. След не имеет правильной геометрической формы, утверждать, что травма связана именно с трепанацией, сложно, однако локализация нарушения симптоматична.

Индивид из погребения 21. Мужчина старше 50 лет. На лобной кости в правой ее части возле точки bregma повреждение овальной формы (25 × 23 мм) со следами давнего заживления (рис. 6). Так же как и у индивида из погребения 18, диаметры наружного и внутреннего следов различаются, внутренняя пластинка частично сохранена.

Рис. 6. Погребение 21. Мужчина старше 50 лет. Трепанация лобной кости

Очевидно, техники выполнения всех трех трепанаций совпадают. Судя по тому, что внутренние пластинки частично или полностью сохранены, этот тип трепанаций может быть отнесен к символическим (ритуальным).

Важно отметить, что символические трепанации сходной локализации были выявлены при работе с мезолитическими материалами из некрополей Власац и Лепенски Вир (Сербия, Нижний Дунай). Следы повреждения округлой формы диаметром от 1 до 2,5 см справа и слева от точки bregma отмечены мною у мужчин из погребений 33, 69, 70 некрополя Власац и 7/II некрополя Лепенски Вир. Антропологические материалы из этих широко известных некрополей хорошо изучены и опубликованы (*Срејовић, Летица*, 1978. С. 178).

Итак, сопоставимые по технологии и локализации символические трепанации на мужских черепах из погребений эпох мезолита, позднего неолита Центральных Балкан указывают на сохранение ритуальных традиций, своими корнями уходящих в эпоху, предшествующую распространению производящей экономики.

В целом эпохи мезолита, неолита и бронзы в Европе отличаются значительным распространением трепанаций. Непроникающие символические трепанации – всего один тип этих операций. То обстоятельство, что наиболее известная к настоящему времени древняя трепанация относится к типу символических (*Медникова и др.*, 2012. С. 120), позволяет с уверенностью судить об особом месте этой операции в истории ритуальных действий человека.

Описание состояния зубной системы индивидов из мезолитических погребений некрополей Власац и Лепенски Вир показало, что для мужчин возмужалого и зрелого возрастов характерно сочетание признаков, о которых написано

выше (значительный износ, залощенность, диастема). Не хотелось бы в кратком сообщении сравнивать эти антропологические серии. Отметим лишь одно: и в мезолитических памятниках Нижнего Дуная, и в неоэнеолитической группе из Гомолавы мы отмечаем значительные сходства по таким признакам:

1. Наличие символических трепанаций.
2. Значительный износ коронок зубов в сочетании со сформированным щипцевидным прикусом и диастемой между верхними резцами.
3. Высокий процент периоститов на костях голени[1].

Таким образом, признаки, связанные с образом жизни и культовыми традициями, обнаруженные в среде поздненеолитических и мезолитических индивидов, во многом совпадают. Упрощая ситуацию (возможно, искажая), можно заключить, что по ряду черт люди из Гомолавы сохраняли традиции образа жизни охотников-собирателей, восходящие к времени их безраздельного господства в Европе.

Заключение

Возвращаясь к подходам изучения неолитизации Европы, анализу роли миграций, аккультурации, метизации, адаптации, отметим, что антропологический источник дает возможность получить представление еще об одной грани этого сложного процесса. Поздненеолитические носители традиций культуры Винча, судя по краниологическим данным, не были потомками выходцев с территории Восточного Средиземноморья, они сохранили морфологическое своеобразие среднеевропейского населения, столь типичного для эпохи мезолита этого региона (*Zoffman*, 1974. S. 171).

Анализ признаков, связанных с реконструкцией образа жизни и некоторых сторон культовой деятельности, дает основание полагать, что уклад жизни этих людей сохранил многое из традиций охотников-собирателей. Важно отметить, что речь идет только о мужской части населения. Систематизация и обобщение археозоологических данных по поселенческим памятникам Центральных Балкан позволяет судить о направленном формировании животноводческой специализации разведения крупного рогатого скота на протяжении неолита. Наряду с этим сохраняется существенная роль охоты. Вероятно, именно последнее обстоятельство позволяет в ряде сообществ сохранять элементы образа жизни и культурных традиций охотников-собирателей более раннего времени. Эффективность такого рода хозяйственного уклада подтверждается увеличением числа памятников, ростом площадей поселений и интенсивностью их застройки. В частности, исследователями отмечается взрывной характер динамики численности населения в ареале поздних стадий культуры Винча.

[1] Не имея возможности ознакомиться с посткраниальными материалами самостоятельно, ссылаемся на устную информацию доцента Отделения археологии Белградского университета Др. С. Стефанович и пользуемся случаем выразить глубокую признательность за помощь и доброе отношение.

Рост удельной доли крупного рогатого скота в сочетании с сохранением охоты становились факторами, способствовавшими повышению мобильности (прежде всего сезонной) оседлых сообществ, вернее – их части, связанной с деятельностью пастуха и охотника. Таким образом, приведенные факты достаточно четко указывают на процессы, которые, в конечном счете, приводили к формированию подвижных скотоводческих обществ с высокоэффективными системами жизнеобеспечения, обеспечивавшими рост численности популяций. Возможно, такой механизм был путем (или одним из путей) становления древнейших кочевых обществ с производящей экономикой, которые сыграли важнейшую роль в формировании евразийских мегаструктур – металлургических провинций эпохи раннего металла. Также отметим, что древнейшая из них – Балкано-Карпатская – территориально связана с распространением памятников культуры Винча. Высказанная гипотеза нуждается в проверке на основании комплексных исследований с анализом данных палеоантропологии и археозоологии многих памятников. Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что только совместная работа над различными источниками в изучении неолитических памятников способна приблизить нас к пониманию закономерностей развития сообществ с ранними формами производящей экономики.

Благодарности

Визит в Государственный Музей Воеводины осуществлен в рамках проекта фонда «Русский мир». Знакомство с антропологическими материалами культуры Винча стало возможно благодаря разносторонней помощи доктора Станко Труфиновича (Музей Воеводины, Нови Сад), за что хотелось бы выразить ему глубокую признательность. Мы искренне признательны д-ру Софии Стефанович (департамент археологии, философский факультет, Университет Белграда) за возможность ознакомиться с краниологическими материалами серий из некрополей Власац и Лепенски Вир. Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 13-06-00792.

Приложение

Погребение	Пол	Возраст	Череп	Посткраниальный скелет
Яма 1		Ребенок infl, подросток	Без аномалий и патологий	Без аномалий и патологий
1	Муж.	40–49 лет	Умеренная стертость зубов, кость инка	Периостальная реакция на нижней четверти костей голени
2	Муж.	30–39 лет	Без аномалий и патологий	Без аномалий и патологий, 4-сегментный крестец
1/75 скелет 2	Реб.	Около 8 лет	Cribra orbitalia, вставочная кость в затылочном шве	Без аномалий и патологий
2/75	Муж.	Старше 50 лет	Вставочная кость в затылочном шве. Раннее зарастание метопического шва «мыс»	Дегенеративно-дистрофические изменения (ДДИ) на позвоночнике, периостальная реакция на голенях, узлы Шморля
3	Муж.	Старше 50 лет	Утолщение на лобной кости «мыс», васкулярная реакция на лобной кости и вдоль стреловидного шва	ДДИ на позвоночнике и крупных суставах руки и ноги, остеопороз
4				
5	Муж.	Старше 50 лет	Стертость зубов, прижизненная утрата зубов	ДДИ на позвоночнике и суставах
6				
7	Жен. (???)	18–20 лет	Пальцевидные вдавления на внутренней поверхности лобной кости, cribra orbitalia, возможно травма височной кости	
8	Реб.	Около 0,5 лет	Без аномалий и патологий	Без аномалий и патологий
9	Реб.	Около 1 года	-«-	Без аномалий и патологий
10	Реб. + взрослый	5–6 лет	Cribra orbitalia (у ребенка)	

11	Муж.	35–44 года	Зубы очень стерты, сильно выражены выйные линии	ДДИ на позвоночнике, периостальные реакции на голенях
12				
13	Муж.	30-39 лет	Без аномалий и патологий	Без аномалий и патологий
14	Реб.	0,5–1 год	Без аномалий и патологий	Без аномалий и патологий
15 – коллективное погребение до 5 индивидов	4– муж.\ 1 –жен.	18–20 лет	Нет сохранности	Повышенная курватура диафиза бедра у индивида женского пола
16	Муж.	40–49 лет	Прижизненная утрата зубов (кроме верхних резцов и вторых моляров), значительная периостальная реакция в области «клюва» затылочной кости, арахноидоз, утолщение на лобной кости	Периостальная реакция на голенях, артроз голеностопного сустава, остеохондроз, остеофитоз (грудной, поясничный отделы)
17	Жен.	18–20 лет	Сложный шов, кость инка, cribra orbitalia, преодоленная, зубы без следов стертости	Патологические проявления на позвоночнике (грудной и поясничный отделы). Инфекция?
18	Муж.	35–44 года	Швы совсем открыты, зубы сильно стерты, щипцевидный прикус, зубной камень, диастема, кариес, травма левой височной кости, зажившая. Трепанация лобной кости, размер области повреждения наружной костной пластинки 19,5 × 21,5 мм	Периостит на голенях, окостенение ахиллова сухожилия, артроз костей стопы, остеофитоз грудного отдела позвоночника
19	?	0–0,5 лет		
20	Муж.	Старше 50 лет	Зубы сильно стерты, прижизненная утрата зубов, диастема, зубной камень, кариес. Остеома на лбу (10 × 10 мм). В центре ламбдавидного шва – округлое повреждение 18 × 13 мм	Периостальная реакция на голенях. Расширение нижней трети диафиза. Значительный остеофитоз. Дорзальное расположение сочленованной поверхности нижнего эпифиза бедренной кости (комплекс сидения на корточках?)

Продолжение приложения

21	Муж.	Старше 50 лет	Прижизненная утрата зубов, сильная стертость зубов. Трепанация – на лобной кости центральная часть (чуть справа) 23 × 25 мм, благополучное зарастание, сформированная костная мозоль. Старая травма над правым глазом (перелом лобной кости)	ДДИ на позвоночнике: остеохондроз шейного отдела, остеофитоз грудного и поясничного отделов позвоночника, артроз лучезапястного сустава, периостальная реакция на голенях, следы венозного застоя
22	Муж.	45–54 лет	Сильная стертость, правильный прикус, зубной камень, заросшая травма на правой теменной кости (прощупывается)	Остеофитоз грудного и поясничного отделов позвоночника, артрозы локтевого и голеностопного суставов (с обеих сторон), заживший перелом левой локтевой и лучевой (со смещением)
23	Муж.	19–20 лет		Заросший перелом копчика, «рыбьи позвонки» грудного отдела
24	Муж.	Взрослый	Сохранность не позволяет характеризовать	Сохранность не позволяет характеризовать
25	Муж.	30–39 лет	Зубы сильно стерты, смыкание передних зубов невозможно. Зубной камень. Прижизненная утрата, одонтогенный остеомиелит	Периостальная реакция на голенях (справа выражено больше). Узлы Шморля в грудном отеле позвоночника
(без номера)	Реб.	До 5 лет	Следы геморрагической реакции на черепе (внутренняя поверхность затылочной кости), без следов воспалительного процесса	
Итого: 19 мужчин, 3 женщины, 9 детей (до 1 года – 5; от 1 до 4 лет –1; от 5 до 9 лет – 2; от 10 до 14 лет – 1)				

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев В. П., 1972. Палеодемография СССР // СА. № 1. С. 3–21.

Алексеев В. П., 1993. Очерки экологии человека. М.: б. и. 191 с.

Добровольская М. В., 2005. Человек и его пища. М.: Научный мир. 367 с.

Добровольская М. В., 2006. Особенности питания мезолитического населения Северо-Запада России (по данным палеоантропологии) // Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Междунар. науч.-практич. конф. Соловки. С. 134–141.

Добровольская М. В., 2012. Антропологические материалы из Минино 2 // Первобытные древности Евразии / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: ИА РАН С. 308–327.

Медникова М. Б., 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М. 303 с.

Медникова М. Б., *Добровольская М. В.*, *Бужилова А. П.*, *Хартанович В. И.*, *Селезнева В. И.*, *Моисеев В. Г.*, *Потрахов Н. Н.*, 2012. Еще раз к вопросу о ранних трепанациях в каменном веке: находка на Тельмановской стоянке и ее возможные интерпретации // КСИА. Вып. 227. С. 112–123.

Медникова М. Б., Энговатова А. В., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е., 2013. «Дети Смутного времени»: новые данные о качестве жизни в г. Ярославле XVI–XVII вв. по антропологическим материалам из раскопок детских погребений // КСИА. № 228. С. 115–126.

Срејовић Д., Летица З., 1978. Власац – мезолитско насеље у Ђердапу. Т. 1, 2. Археологија, САНУ, Београд.

Сурнина Т. С., 1961. Палеоантропологический материал из Вольненского неолитического могильника // Антропологический сборник III. С. 3–19. (Труды Института этнографии, Новая серия; Т. LXXI.)

Торопова Е. В., Бужилова А. П., 2012. Детские погребения на раскопе в Старой Руссе: археологический комментарий к Новгородской первой летописи // РА. № 1. С. 72–77.

Черных Е. Н., 2011. Степной пояс Евразии: феномен кочевых культур. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 623 с.

Шульц М., Козак А. Д., 2008. Морфология и классификация следов менингиальных реакций на древних черепах (проблемы диагностики на примере средневековых популяций Киева) // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН. Вып. 6. С. 267–299.

Borič D., 2009. *Absolute dating of metallurgical innovations in the Vinča Culture of the Balčkans* // Kienlin, Tobias L. and Roberts, Ben W., eds. Metals and Societies: Studies in honour of Barbara S. Ottaway, Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bonn: Habelt. Vol. 169. P. 191–245.

Brukner B., 1968. Neolit u Vojvodini. Beograd; Novi Sad. 99 c.

Clason A., 1980. Padina and Starčevo: Game, Fish and Cattle // Paleohistoria. № 22. P. 42–81.

Dimitrijevič V., 2006. Vertebrate Fauna of Vinča – Belo Brdo (Excavation Campaigns 1998–2003) // Starinar. № 56. P. 245–269.

Girič M., 1988. Geschichte der archäologischen Ausgrabungen auf Gomolava // Gomolava: Cronologie und Stratigraphie der Vorgeschichtlichen und Antiken Kulturen der Donauniedererung und Südossteuropas / Hrsg. N. Tasič, J. Petrovič. Novi Sad. P. 13–17.

Gomolava: Cronologie und Stratigraphie der Vorgeschichtlichen und Antiken Kulturen der Donauniedererung und Südossteuropas / Hrsg. N. Tasič, J. Petrovič. Novi Sad, 1988.

Kaifu Y., 2000. Tooth wear and compensatory modification of anterior dentoalveolar complex in humans //American Journal of Physical Anthropology. № 111. P. 369–392.

Kaifu Y., Kasai K., Townsend G. G., Richards L. C., 2003. Tooth wear and the «design» of the human dentition: a perspective from evolutionary medicine // Yearbook of Physical Anthropology. № 46. P. 47–61.

Kaifu Y., Fujita M., Kono R. T., Baba Y., 2009. Late Pleistocene modern human mandibles from the Minatogawa Fissure site, Okinawa, Japan: morphological affinities and implications for modern human dispersals in East Asia // Anthropological Science. DOI: 10.1537/ase090424.

Mutolo M. J., Jenny L. L., Burszek A. R., Fenton T. W., Foran D. R., 2012. Osteological and molecular identification of Brucellosis in ancient Butrint, Albania // American Journal of Physical Anthropology. № 147 (2). P. 254–263.

Orton, 2012. Herding, Settlement, and Chronology in the Balkan Neolithic // European Journal of Archaeology. № 15 (1). P. 5–40.

Porčić M., 2012. De facto refuse or structured deposition? House inventories of the Late Neolithic Vinča culture // Starinar. № 62. P. 19–43.

Waterbolk H. T., 1988. C^{14}-datirungen von Gomolava // Gomolava: Chronologie und Stratigraphie der Vorgeschichtlichen und Antiken Kulturen der Donauniederung und Südosteuropas / Hrsg. N. Tasič, J. Petrovič. Ruma: Balkanološki Institut SANU. S. 117–121.

Zoffman Z. K., 1974. Aufarbeitung des in die Vinča-Kulturdatierten Anthropologischen Materials aus Hrtkovci-Homolava (Jugoslavien) // Рад Војвођанских Музеја. Vol. 21–22. S. 167–173.

Zoffman Z. K., 1987. Das Anthropologische Material Spätneolithischen Gräberfeldes von Hrtkovci-Homolava) // Рад Војвођанских Музеја. Vol. 30. S. 43–69.

Сведения об авторах.

Добровольская Мария Всеволодовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mk_pa@mail.ru;

Йованович Мария, Музей Воеводины, Дунавска, 35–37, Нови Сад, 21000, Сербия; e-mail: mv.marijajovanovic@gmail.com.

M. V. Dobrovolskaya, M. Jovanovich

Palaeo-ecological aspects of the study of anthropological materials from the Late Neolithic in Gomolava (Serbia) (preliminary report)

Abstract. Sites of the Vinca culture attract the attention of researchers in relation with the problems of pre-civilization development in South-Eastern Europe. This publication examines the possibilities offered by anthropological sources for the study of social and economic dynamics of the Neolithic (and Neo-Eneolithic) cultures, using skeletal materials from Gomolava (Serbia). The state of the men's teeth and jaws makes it possible to suggest that the way their teeth were used in economic activities (probably for preparation of hunting weapons) was extremely archaic: there are direct parallels to be found in the Late Palaeolithic, Mesolithic and Neolithic population groups in Eurasia. Signs of symbolic trepanation found on male skulls indicate that ritual traditions were practiced originating from the era which preceded the spread of producing economy. Generally, the reconstruction of the way of life and certain aspects of cultic activity give grounds to assume that the way of life of these people retained many traditions typical of hunter-gatherers.

Keywords: Late Neolithic, Early Metal Period, Balkans, bio-archaeology, skeletal biology, palaeopathology.

REFERENCES

Alekseyev V. P., 1993. Ocherki ekologii cheloveka [Essays on ecology of man]. Moscow: Nauka. 191 p.

Brukner B., 1968. Neolit u Vojvodini. Beograd: Novi Sad. 99 p.

Dobrovol'skaya M. V., 2005. Chelovek i yego pishcha [Man and his food]. Moscow: Nauchny mir. 367 p.

Dobrovol'skaya M. V., 2006. Osobennosti pitaniya mezoliticheskogo naseleniya Severo-zapada Rosii: (po dannym paleoantropologii) [Specifics of nutrition of Mesolithic population in North-West of Russia: (on palaeoanthropological data)]. *Pervobytnaya i srednevekovaya istoriya i kul'tura Yevropeyskogo Severa: problemy izucheniya i nauchnoy rekonstruktsii.* [*Prehistoric and medieval history and culture of European North: problems of research and scientific reconstruction*]. Solovki: SOLTI, pp. 134–141.

Dobrovol'skaya M. V., 2012. Antropologicheskiye materialy iz Minino 2 [Anthropological materials from Minino]. *Pervobytnyye drevnosti Yevrazii. K 60-letiyu A.N. Sorokina* [*Prehistoric antiquities of Eurasia: towards 60th anniversary of A.N. Sorokin*]. G. V. Sinitsyna, I. V. Fedyunin, comps. Moscow: IA RAN, pp. 308–327.

Girič M., 1988. Geschichte der archäologischen Ausgrabungen auf Gomolava. *Gomolava: Chronologie und Stratigraphie der Vorgeschichtlichen und Antiken Kulturen der Donauniederung und Südosteuropas*. N. Tasič, J. Petrovič, eds. Ruma: Novi Sad, pp. 13–17.

Gomolava…, 1988. Gomolava: Chronologie und Stratigraphie der Vorgeschichtlichen und Antiken Kulturen der Donauniederung und Südosteuropas. N. Tasič, J. Petrovič, eds. Ruma: Novi Sad. 249 p.

Mednikova M. B., 2001. Trepanatsii u drevnikh narodov Yevrazii [Trepanations among ancient peoples of Eurasia]. Moscow: Nauchny mir. 303 p.

Mednikova M. B., Dobrovol'skaya M. V., Buzhilova A. P., Khartanovich V. I., Selezneva V. I., Moiseyev V. G., Potrakhov N. N., 2012. Yeshche raz k voprosu o rannikh trepanatsiyakh v kamennom veke: nakhodka na Tel'manovskoy stoyanke i yeye vozmozhnyye interpretatsii [Once again on early head trepanations in the Stone Age: A find from Telmanovskaya site and its probable interpretation]. *KSIA*, 227, pp. 112–123.

Mutolo M. J., Jenny L. L., Burszek A. R., Fenton T. W., Foran D. R., 2012. Osteological and molecular identification of Brucellosis in ancient Butrint, Albania. *American Journal of Physical Anthropology*, № 147 (2), pp. 254–263.

Shul'ts M., Kozak A. D., 2008. Morfologiya i klassifikatsiya sledov meningial'nykh reaktsy na drevnikh cherepakh (problemy diagnostiki na primere srednevekovykh populyatsy Kiyeva) [Morphology and classification of traces of meningeal reactions on early sculls (problems of diagnostics on example of medieval populations from Kiev)]. *OPUS: Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii* [*OPUS: Interdisciplinary investigations in archaeology*], 6. A. P. Buzhilova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 267–299.

Srejović D., Letitsa Z., 1978. Vlasats – mezolitsko naseљe u Ђyerdapu [Власац – мезолитско насеље у Ђердапу]. Beograd: Srpska akademija nauka i umetnosti. 596 p.

Waterbolk H. T., 1988. C14-datierungen von Gomolava. *Gomolava: Chronologie und Stratigraphie der Vorgeschichtlichen und Antiken Kulturen der Donauniederung und Südosteuropas.* N. Tasič, J. Petrovič, eds. Ruma: Novi Sad, pp. 117–121.

Zoffman Z. K., 1974. Aufarbeitung Des in dieVinča-Kulturdatierten Anthropologischen Materials aus Hrtkovci-Homolava (Jugoslavien). *Raд Bojvoђanskих Muzeja*, 21–22, pp. 167–173.

Zoffman Z. K., 1987. Das anthropologische Material des spätneolithischen Gräberfeldes von Hrtkovci-Gomolava. *Raд Bojvoђanskих Muzeja*, 30, pp. 43–69.

About the autors.

Dobrovolskaya Maria V., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: mk_pa@mail.ru;

Jovanovich Maria, Museum of Vojvodina, Dunavska, 35–37, Novi Sad, 21000, Serbia; e-mail: mv.marijajovanovic@gmail.com.

М. Б. Медникова, А. А. Тарасова

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДА ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ МОРФОМЕТРИИ В ОПРЕДЕЛЕНИИ СТЕПЕНИ СХОДСТВА И БИОЛОГИЧЕСКОГО РОДСТВА ПОГРЕБЕННЫХ В ПЕПКИНСКОМ КУРГАНЕ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ*

Резюме. Целью данной публикации являлась объективная количественная оценка внешнего сходства погребенных в Пепкинском кургане и рассмотрение этих результатов в археологическом контексте. Методом геометрической морфометрии сопоставлялась форма лицевого скелета и мозгового отдела черепа. Одномоментный характер коллективного захоронения и возраст погребенных в нем мужчин от 15–19 до 25 лет исключали возможность присутствия в этой группе останков отцов и сыновей. Если среди погребенных и были родственники, то они могли быть братьями, кузенами и, с несколько меньшей долей вероятности, дядями и племянниками. По результатам нашей работы, среди погребенных выделяются по меньшей мере две пары близких родственников. При рассмотрении плана кургана создается впечатление, что пространственное размещение их останков учитывало степень их родства. Другая, более разнообразная внешне группа включала ранее идентифицированных «медных людей», при жизни причастных к выплавке и обработке металла и похороненных в разных частях кургана. С ними в родстве также состоял индивидуум, чья отсеченная и трепанированная голова была погребена в центре могильной ямы.

Ключевые слова: абашевская археологическая культура, Пепкинский курган, геометрическая морфометрия, графические реконструкции лица по черепу, древнейшие металлурги.

Введение

Курган абашевской археологической культуры, открытый у деревни Пепкино в Горно-Марийском районе в 1960 г. археологической экспедицией под руководством А. Х. Халикова, давно стал одним из эталонных памятников эпохи

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 13-06-0792.

средней бронзы[1]. 54 года, отделяющие нас от момента раскопок, лишь подчеркивают уникальность этого объекта, ставшего местом одновременного погребения по меньшей мере 27 человек. Уже первые исследователи обратили внимание на очевидные признаки насильственной смерти и пришли к выводу, что курган стал братской могилой воинов (*Халиков и др.*, 1966. С. 9).

К сожалению, на сохранность антропологического материала повлияла не только тафономия, но и избирательность его отбора во время раскопок для последующего хранения. Несмотря на это, травматические повреждения удалось разделить по категориям и воссоздать обстоятельства смерти этих людей. Повторная экпертиза скелетных останков подтвердила гипотезу о гибели в военном столкновении, одновременно позволив прояснить некоторые нюансы (*Медникова, Лебединская*, 1999; *Медникова*, 2001). Так, были выявлены следы присмертных и даже посмертных манипуляций с телами пепкинских абашевцев (трепанирование, скальпирование, посмертное извлечение крупных фрагментов свода черепа, разрушение целостности костей конечностей). Возможный ритуальный характер этих действий неоднократно становился предметом обсуждения (*Медникова*, 2000; 2001; *Mednikova*, 2000; 2003a; 2003b; *Медникова, Лебединская*, 1999; *Mednikova, Lebedinskaya*, 1999; 2001).

Было высказано предположение, что погребенные в центральной могиле Пепкинского кургана объединены в единое целое не только обстоятельствами своей гибели, но и сходными особенностями своей жизни (*Медникова*, 2001. С. 204–207). Половозрастной состав группы людей, погребенных в коллективной могиле Пепкинского кургана, скорее всего, не случаен. Это была не просто группа активных молодых мужчин абашевского племени, где самому младшему было 15–19 лет, большинству – 20–25 лет, принявшая участие в неудачном военном походе. Это могли быть трагически погибшие члены одного «мужского дома», что, на наш взгляд, объясняет следы сложных манипуляций с телами людей, представлявших особую ценность для социума.

Контекстуальное биоархеологическое исследование материалов из Пепкинского кургана с использованием новых методических возможностей позволило оценить образ и качество жизни членов этой группы (*Mednikova, Dobrovolskaya*, 2008; *Медникова, Добровольская*, 2008; *Добровольская, Медникова*, 2011; *Dobrovolskaya, Mednikova*, 2011). Методы посткраниальной морфологии, палеопатологии, рентгенография и компьютерная томография скелетных останков, гистологический, атомно-абсорбционный и изотопный анализы костной ткани выявили специфику питания абашевских мужчин, уровень физиологических стрессов, начиная с раннего детства, сроки начала профессиональной специализации и влияние на состояние здоровья тяжелого физического труда. На примере этой уникальной палеоантропологической серии был предложен комплексный метод идентификации останков кузнеца-бронзолитейщика и других «медных людей», причастных к металлообработке.

[1] Корпус радиоуглеродных дат по образцам костной ткани погребенных в кургане, полученный в Радиоуглеродной Датирующей Лаборатории университета г. Хельсинки, варьирует в пределах 3640–3690+35 BP (*Добровольская, Медникова*, 2011. С. 149; *Dobrovolskaya, Mednikova*, 2011. P. 149).

Теперь мы знаем, как погибли молодые мужчины абашевского племени; отчасти реконструирован сложный ритуал их погребения; установлены многие детали их образа жизни. Неясной остается степень биологического родства этих людей. Современное развитие палеогенетических исследований, безусловно, содержит главную перспективу в изучении этой проблемы. Впрочем, традиционно антропологами для решения вопросов происхождения населения и косвенного определения степени биологического родства использовались морфологические критерии. И, как представляется, возможности антропологического изучения данного материала далеко не исчерпаны.

Еще для первой публикации Г. В. Лебединской были выполнены графические реконструкции лица по черепу, говорящие об особенных чертах сходства некоторых погребенных (*Халиков и др.*, 1966). Это позволяло думать, что многие из них состояли в тесном кровном родстве. Даже погребенный № 8, «кузнец», останки которого выделялись из общего ряда по многим морфологическим параметрам, по очертаниям профиля на новой реконструкции Г. В. Лебединской (*Медникова*, 2001. Рис. 7 к главе 8) оказывался сходным с другими погребенными.

Последние годы открывают новые методические возможности в изучении старых коллекций и архивных материалов. Поэтому целью данной публикации является объективная количественная оценка внешнего сходства погребенных в Пепкинском кургане и рассмотрение этих результатов в археологическом контексте.

Метод

При сравнении степени внешнего сходства погребенных в Пепкинском кургане нами был использован метод геометрической морфометрии – современный количественный подход к анализу формы морфологических объектов, давно и успешно применяемый в биологии и в последние годы получивший большое распространение в зарубежных антропологических исследованиях (*Bookstein*, 1986; 1989; 1990; 1991; *Goodall*, 1991; *Kendall*, 1984; *Rohlf, Marcus*, 1993; *Павлинов, Микешина*, 2002).

Преимущество метода заключается в возможности сравнивать объекты по форме, исключая различия в размерах, иногда затеняющие сходство. Если в стандартной морфометрии выполняются промеры между заданными точками, то в геометрической морфометрии рассматривается совокупность декартовых координат меток (ландмарков). Геометрическая морфометрия соединяет метод трансформационных решеток и совокупность алгебраических методов многомерного айген-анализа координат меток, расставленных на поверхности объектов.

Метод геометрической морфометрии позволил получить объективные данные о сходстве и различии девяти погребенных в кургане. Сопоставлялись обводы черепов и результаты графической реконструкции лица по черепу, выполненные Г. В. Лебединской (*Халиков и др.*, 1966. Рис. 11–19). При сравнении изображений различия в форме описывались как различия в размещении иливзаимном смещении меток на объектах. Использовался пакет tps-программ, разработанных

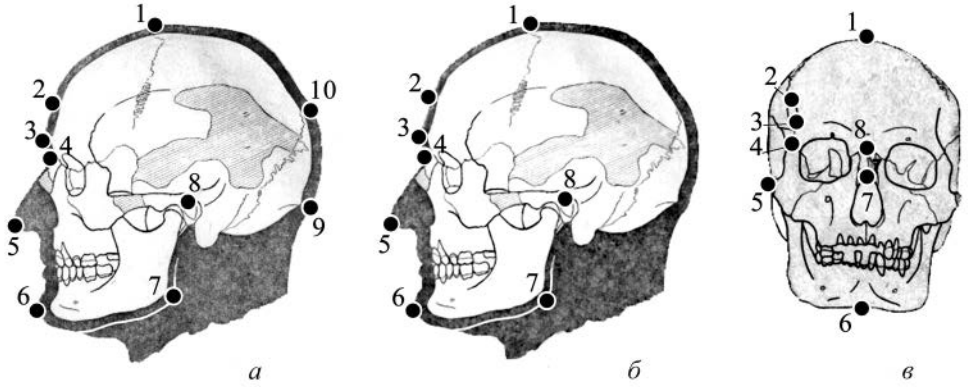


Рис. 1. Расстановка меток (ландмарков и семиландмарков) на трех этапах исследования

а – совокупное рассмотрение формы лицевого и мозгового отделов; *б* – рассмотрение формы профиля; *в* – рассмотрение формы лица в фас

профессором университета Stony Brooks NY Дж. Рольфом (*Rohlf*, 2001a; 2001b; 2001c). При расстановке реперных точек (ландмарков и семиландмарков) мы стремились охарактеризовать наиболее общую конфигурацию формы лицевого и мозгового отделов головы, а также отдельно рассмотрели различия в форме лицевого профиля и фаса (рис. 1). Некоторые нюансы, включавшие, например, горбинку спинки носа, видную на некоторых реконструкциях, при таком подходе не определялись, потому что степень сохранности черепов ограничивала число наблюдений.

Результаты

В первом анализе была рассмотрена дифференциация черепов по форме лицевого и мозгового отделов в боковой проекции. Методом главных компонент было выявлено скопление нескольких групп (рис. 2). Так, совершенно очевидно близкое сходство, почти тождество, пар погребенных № 12 и 7, а также 3 и 6. Ранее при визуальной сортировке по сходству профиля лица мы расположили их близко, но в другом порядке (*Медникова*, 2001. Рис. 7 к главе 8), на что повлияла степень выраженности горбинки носа, не учтенная в нашем анализе сейчас (рис. 3). Кроме того, в этом анализе обнаружено морфологическое сходство погребенных № 8 и 13б. Погребенный 21 занимает промежуточное положение между парой 12–7 и номером 13б. Также можно говорить о сближении № 15 и 14.

Поскольку изменчивость мозгового и лицевого отделов краниума подчиняется разным закономерностям, и это затеняет картину внешнего сходства, во втором анализе мы рассмотрели форму лицевого профиля отдельно (рис. 4). Как можно видеть, полученная картина отличается от предшествующих результатов. В этом анализе неожиданно близки оказались № 8 и 15. Вновь выделилась группировка № 13б и 21 (рис. 4, 5).

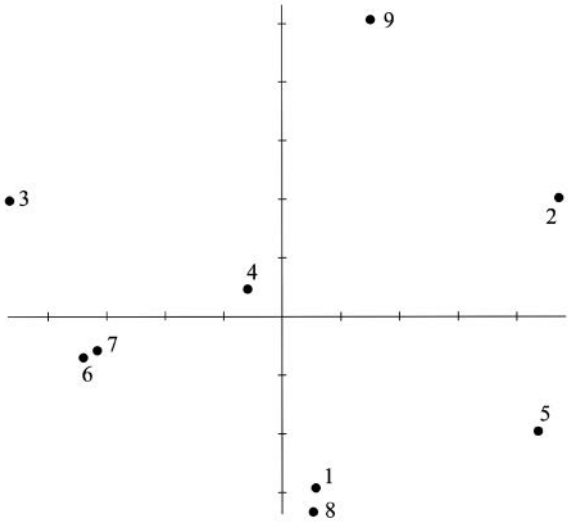


Рис. 2. Дифференциация погребенных в Пепкинском кургане по форме лицевого и мозгового отделов черепа. Метод главных компонент

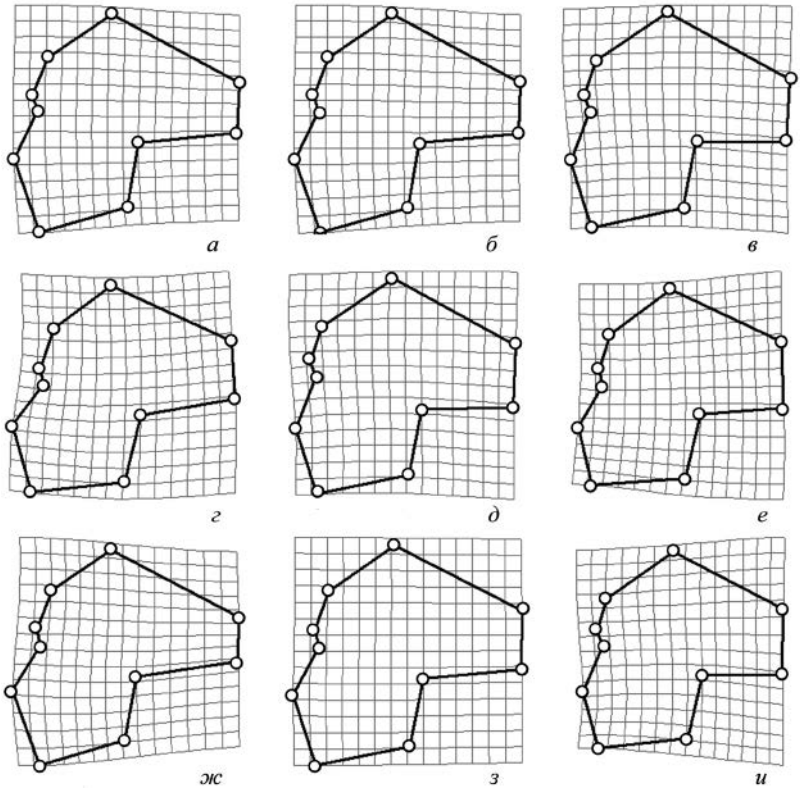


Рис. 3. Индивидуальные характеристики профиля лица и мозгового отдела у погребенных в Пепкинском кургане на фоне трансформационных решеток

а – № 3; *б* – № 6; *в* – № 7; *г* – № 8; *д* – № 12; *е* – № 13б; *ж* – № 14; *з* – № 15; *и* – № 21

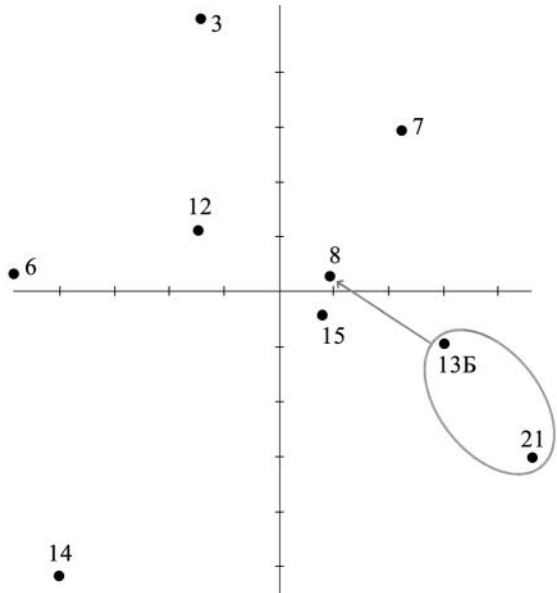


Рис. 4. Дифференциация погребенных в Пепкинском кургане по форме профиля. Метод главных компонент

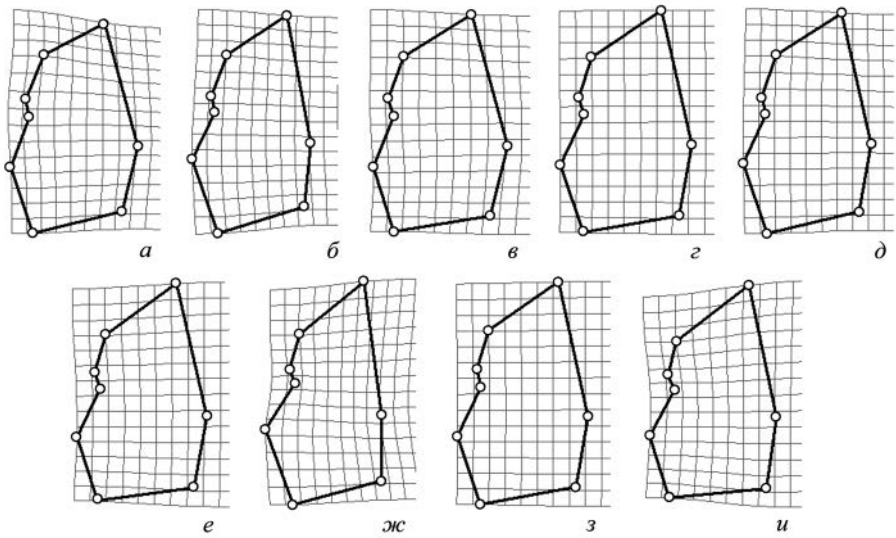


Рис. 5. Индивидуальные характеристики профиля лица погребенных в Пепкинском кургане на фоне трансформационных решеток

а – № 3; *б* – № 6; *в* – № 7; *г* – № 8; *д* – № 12; *е* – № 13б; *ж* – № 14; *з* – № 15; *и* – № 21

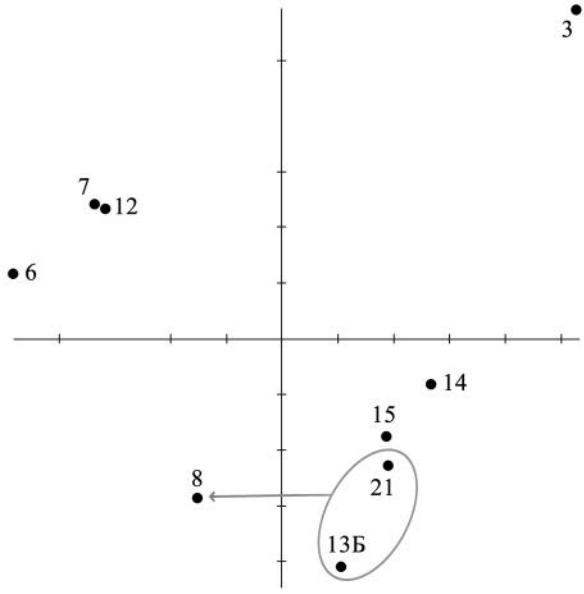


Рис. 6. Дифференциация погребенных в Пепкинском кургане по форме фаса. Метод главных компонент

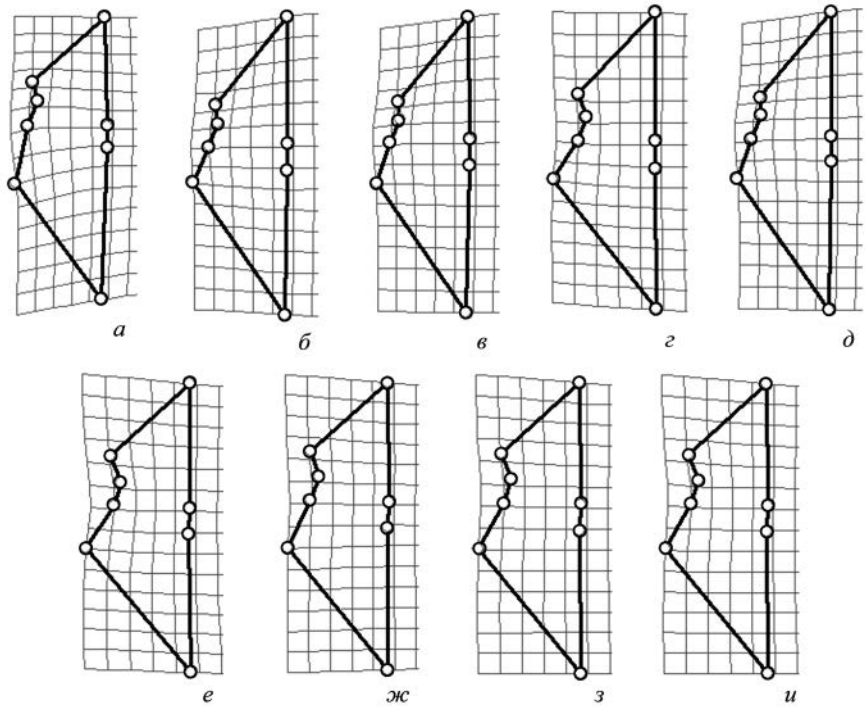


Рис. 7. Индивидуальные характеристики лиц погребенных анфас в Пепкинском кургане на фоне трансформационных решеток

а – № 3; *б* – № 6, *в* – № 7; *г* – № 8; *д* – № 12; *е* – № 13б; *ж* – № 14; *з* – № 15; *и* – № 2

В третьем анализе, характеризующем форму лица в фас, подтвердилась степень сходства погребенных № 8, 13б и 21 (рис. 6). Кроме того, к последним двум примыкает № 15. Как и в первом анализе, практически тождественны по форме № 7 и 12. А вот погребенные № 6 и 3 в этом варианте компонентного анализа оказались дальше друг от друга (рис. 7).

Обсуждение

Безусловно, сходство портретных черт не всегда означает родство, но тем не менее в определенных условиях оно его подразумевает. Точно так же не всегда ближайшие родственники бывают похожими друга на друга. Внук может быть больше похож на дедушку, а не на отца; двоюродные братья могут быть больше похожи, чем родные.

Одномоментный характер коллективного захоронения и возраст погребенных от 15–19 до 25 лет исключают возможность присутствия в этой группе останков отцов и сыновей. Если среди погребенных и были родственники, то они могли быть братьями, кузенами и, с несколько меньшей долей вероятности, дядьями и племянниками.

Состояние человеческих останков, состав погибших и тщательность их захоронения, найденные артефакты свидетельствовали о том, что погребение пепкинских абашевцев несет особую семантическую нагрузку (*Медникова*, 2001. С. 205). По данным этнографии и фольклористики, после совершения акта инициации подростков у разных народов наблюдались различные формы продолжения посвящения. Часто после перенесенных испытаний подросток на несколько лет переходил жить в «мужской дом». В известных случаях часть мужского населения, а именно юноши, с наступлением половой зрелости и до вступления в брак жили коммунами в больших, специально построенных домах, «домах мужчин» или «домах холостых». Обычай продержался в европейском пространстве вплоть до Средневековья (мужские поселения викингов), и нет оснований отвергать его распространенность среди населения эпохи бронзы. «Большой мужской дом был центром сборищ союза посвященных, часто в его руках находилась фактическая власть над целым племенем, помещались главные святыни. В частности, в доме часто хранились черепа, которые могли выноситься на ограду» (*Пропп*, 2000. С. 90, 91). По Проппу, число братьев в мужской общине могло доходить до 30 человек, но фактически их бывало больше, потому что происходил приток новых членов и уход достигших брачного возраста. Отмечалось, что в пределах этих групп иногда образовывались более дробные – по 2 человека, обязанных защищать друг друга в боях, возможно связанных друг с другом более тесным родством.

Такими близкими родственниками, по результатам нашей работы, скорее всего, были погребенные № 7 и 12, а также 3 и 6. И при рассмотрении плана кургана создается впечатление, что пространственное размещение их останков учитывает это родство (цв. илл. XXVII).

С самого начала исследований Пепкинского кургана было обращено внимание на погребенного № 8, отличавшегося наиболее массивным черепом

и шириной лица, пониженной длиной тела (*Халиков и др.*, 1966. С. 39–43). При нем был найден набор предметов бронзолитейщика: песчаниковая растиральная плита, массивный молот с перехватом для дробления руды, два тигля на ножках, глиняная форма для отливки вислообушного топора, костяные поделки, точило-шлифовальщик из камня, наковаленка из лосиного рога, сланцевая плитка, обломок стенки сосуда. Казалось бы, морфологические особенности подтверждали гипотезу о «чужеродном происхождении» пепкинского кузнеца.

Но комплексное биоархеологическое исследование показало, что многие отличительные особенности этого человека (а именно: брахиморфность сложения, сравнительная низкорослость, широтная гипертрофия стенок диафизов костей верхней конечности и т. п.) обусловлены спецификой физических нагрузок и физиологическими стрессами, которые юный кузнец испытывал начиная с подросткового возраста (*Добровольская, Медникова*, 2011. С. 155). Дополнительным доказательством профессиональной специализации № 8 стало завышение на математический порядок концентрации меди в образце костной ткани, определенное в процессе атомно-абсорбционного анализа, – индикатор активного контакта с металлом на протяжении многих лет (Там же. С. 149).

Неожиданно в образце костной ткани другого погребенного (№ 21) была также выявлена относительно повышенная концентрация меди (Там же). «Медные люди» № 8 и 21 сближались друг с другом в некоторых других отношениях, например, благодаря интенсивности физических нагрузок, впрочем отличавшихся по характеру. По сравнению со своими соплеменниками № 21 пережил наибольшее количество негативных эпизодов в раннем детстве, так как коронки его зубов имеют по четыре трансверзальной линии задержки роста в возрасте от 3 до 6 лет (у кузнеца таких стрессов было два); № 8 испытал не менее 13 стрессирующих эпизодов начиная примерно с 12 лет, о чем говорит наличие множественных линий Гарриса на рентгенограммах его большеберцовых костей. Общая деталь погребального обряда тоже выделяет именно этих двоих. Вокруг черепа № 21 лежали «венцом семь астрагалов медведя», в меньшем количестве (3) встреченные до этого лишь у «кузнеца».

Были ли погребенные № 8 и 21 родственниками или их объединяла причастность к таинству металлообработки, определявшая их социальный статус? Возможно, индивидуум № 21 несколько моложе «кузнеца», но с биологической точки зрения они ровесники, оба скончались в 20–24 года. Тогда они могли бы быть братьями или кузенами.

Метод геометрической морфометрии позволил выделить своеобразную группу из № 8, 13б и 21. Внешнее сходство «медных людей» № 8 и 21, на первый взгляд, не столь очевидно, но оно устойчиво проявляется во всех вариантах анализов. При этом «связующим звеном» между ними выступает номер 13б. Примечательно, что расположение в могиле останков этих людей соответствует этому распределению (цв. илл. XXVII).

Череп погребенного 13б занимает центральное положение в Пепкинском кургане. Собственно говоря, это единственные достоверные останки этого человека, поскольку краниум 13б погребен отдельно, на стопах костяка № 11

Рис. 8. Череп 13б. Царапины инструмента на краях трепанационного дефекта без следов заживления

(*Халиков и др.*, 1966. С. 16). В верхней центральной части левой теменной кости имеется отверстие, которое является следствием проведения трепанирования способом скобления и прорезания (*Медникова*, 2001. С. 202. См. рис. 3 к гл. 8). В момент операции образовалась характерная фасетка и два разлома теменной кости (в публикации первых исследователей это повреждение рассматривалось как причиненное топором). Следы воздействия локализованы в области брегмы. На краях повреждения не наблюдается изменений, связанных с образованием костной замыкающей пластинки. На фотографии увеличением до 100 раз хорошо видны царапины от инструмента без всяких признаков сопутствующей костной реакции заживления или воспаления (рис. 8). А если принимать во внимание декапитацию, которой был подвергнут этот человек, то вряд ли процедура носила медицинский (предсмертный) характер. Тогда это – ритуальная посмертная манипуляция с телом человека, обладавшего чертами наибольшего сходства (родства?) с двумя медными людьми из Пепкинского кургана.

Как упоминалось, с № 21 и 13б по форме лицевого скелета сближается погребенный № 15. К сожалению, его останки не сохранились для подробного изучения. Но, по описанию А. Х. Халикова, этот скелет производил впечатление потревоженности, позвоночный столб этого костяка был дважды сильно смещен по своей длине – у крестца и в области грудных позвонков (*Халиков и др.*, 1966. С. 14).

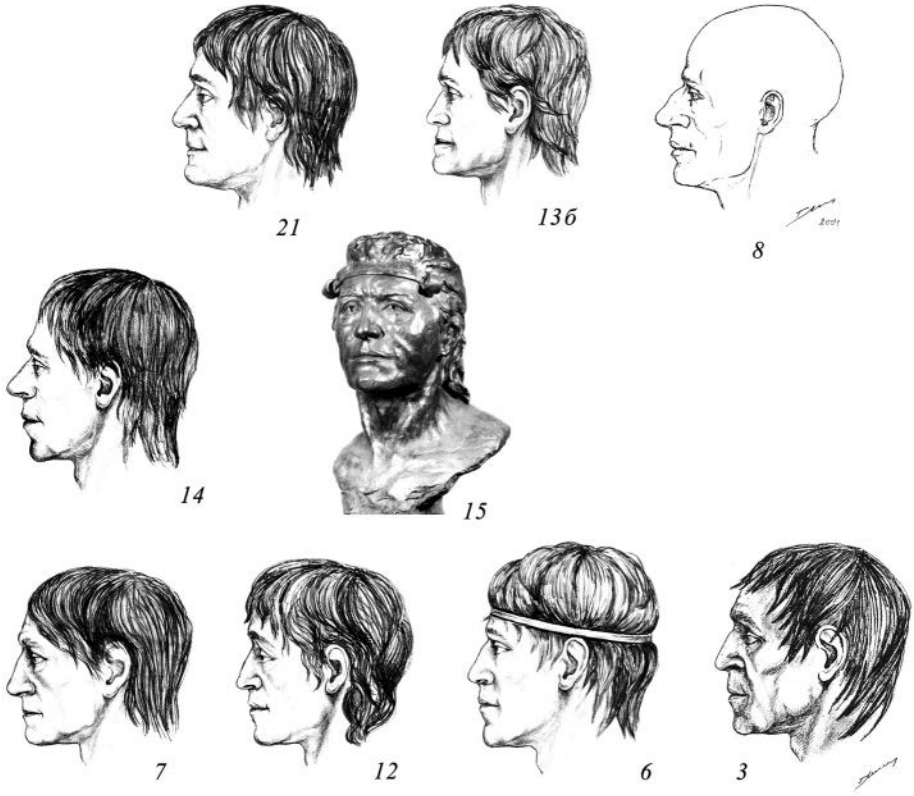


Рис. 9. Группировка погребенных в Пепкинском кургане по степени внешнего сходства на основании применения метода геометрической морфометрии. Реконструкции Г. В. Лебединской

Заключение

Применение метода геометрической морфометрии позволило оценить внешнее сходство некоторых индивидуумов, погребенных в Пепкинском кургане, и высказать предположения о степени их биологического родства (рис. 9). Эти наблюдения находят подтверждение в расположении останков погребенных в могильной яме. Кроме того, можно сделать вывод, что ранее идентифицированные «медные люди», при жизни причастные к выплавке и обработке металла и похороненные в разных частях кургана, могли состоять друг с другом в биологическом родстве. С ними в родстве также состоял индивидуум 13б, чья отсеченная и трепанированная голова была погребена в центре могильной ямы, и, возможно, индивидуум № 15, останки которого несли следы преднамеренного разрушения.

ЛИТЕРАТУРА

Добровольская М. В., Медникова М. Б., 2011. «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (46). С. 143–156.

Медникова М. Б., 2000. Скальпирование на евразийском континенте // РА. № 3. С. 59–68.

Медникова М. Б., 2001. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Научный мир. 304 с.

Медникова М. Б., Добровольская М. В., 2008. «Медные люди» из курганов эпохи бронзы: к реконструкции профессиональной активности // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008. Т. 1. М.: ИА РАН. С. 321–323.

Медникова М. Б., Лебединская Г. В., 1999. Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений / Отв. ред. В. И. Гуляев, И. С. Каменецкий, В. С. Ольховский. М.: Восточная литература. С. 200–216.

Павлинов И. Я., Микешина Н. Г., 2002. Принципы и методы геометрической морфометрии // Журнал общей биологии. Т. 63. № 6. С. 473–493.

Пропп В. Я., 2000. Исторические корни волшебной сказки. М: Лабиринт. 336 с.

Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М., 1966. Пепкинский курган (Абашевский человек). Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во. 48 с.

Bookstein F. L., 1986. Size and shape spaces for landmark data in two dimensions (with discussion and rejoinder) // Statist. Sci. Vol. 1. № 1. P. 181–242.

Bookstein F. L., 1989. Principal warps: thin-plate spline and the decomposition of deformations // I.E.E.E. Trans. Pattern Anal. Machine Intell. Vol. 11. P. 567–585.

Bookstein F. L., 1990. Introduction to methods for landmark data // Proceedings of the Michigan morphometric workshop / Eds F. J. Rohlf, F. L. Bookstein. Arm Arbor (Michigan): Univ. Michigan Mus. Zool. Spec. Publ. № 2. P. 215–225.

Bookstein F. L., 1991. Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 198 p.

Goodall C. R., 1991. Procrustes methods in the statistical analysis of shapes // J. Roy. Statist. Soc. Ser. Bd. 53. P. 285–339.

Dobrovolskaya M., Mednikova M., 2011. «Copper People» of the Bronze Age: The Reconstruction of their Health and Social Status // Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. Vol. 2 (46). P. 143–156.

Kendall D. G., 1984. Shape-manifolds, procrustean metrics and complex projective spaces // Bull. London. Mat. Soc. Vol. 16. № 1. P. 81–121.

Mednikova M., 2000. Prehistoric trepanations in Russia: more ritual than surgical? // International Colloquium on cranial trepanation in human history, University of Birmingham, UK. P. 32–33.

Mednikova M., 2003a. Scalping in Eurasia // Anthropology & Archeology of Eurasia, spring 2002. Vol. 40. № 4. P. 57–67.

Mednikova M., 2003b. Prehistoric trepanations in Russia: ritual or surgical? // Trepanation. History – discovery – theory / Eds S. Finger, R. Arnott, C. U. M. Smith. Lisse: Swets & Zeitlinger. P. 163–175.

Mednikova M., Dobrovolskaya M., 2008. «Copper men» of the Bronze Age: concerning their health and social status // Abstracts of 17th Paleopathological Association Meeting «Diseases in the Past», Copenhagen, Denmark, 25–27th August, 2008. P. 66.

Mednikova M., Lebedinskaya G., 1999. A Bronze Age battle in European Russia: palaeopathological evidences // Journal of Paleopathology. Vol. 11. № 2. P. 80.

Mednikova M., Lebedinskaya G., 2001. A Bronze Age battle in European Russia: the palaeopathological evidence // Paleopathology Association, Papers and Posters presented at the Thirteenth Biennale European members Meeting. P. 20.

Rohlf F. J., 2001a. TPSdig, version 2.16. N. Y.: State Univ. at Stony Brook, (program).
Rohlf F. J., 2001b. TPSrelw: relative warps, version 1.23. N. Y.: State Univ. at Stony Brook, (program).
Rohlf F. J., 2001c. TPS Util, version 1.47. N. Y.: State Univ. at Stony Brook, (program).
Rohlf F. J., Marcus L., 1993. A revolution in morphometrics // Trends in Ecol. Evol. Vol. 8. № 4. P. 129–132.

Сведения об авторах.

Медникова Мария Борисовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: medma_pa@mail.ru;

Тарасова Анна Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: taa-volga@yandex.ru.

M. B. Mednikova, A. A. Tarasova

A case study of applying the method of geometric morphometry for determination of similarity and biological relationship of the buried in the Middle Bronze Age Pepkino burial-mound

Abstract. This publication is aimed to reach an objective quantitative assessment of the external similarities between the individuals buried in the Pepkino burial-mound and to consider the results in the archaeological context. Using the geometric morphometry method, the shapes of the facial skeletons and calvaria were compared. The site is a collective burial performed at one particular moment of time. The age of the buried (between 15–19 and 25) ruled out the possibility that we deal with the remains of fathers and sons in the group. If there were relatives among the deceased, they could be brothers or cousins and, less probably, uncles and nephews. According to the results obtained, at least two pairs of close relatives have been singled. When considering the layout of the burial-mound, there was an impression that the closeness of relationships was taken into consideration in spatial arrangement of the remains. Another, visually more diverse group included individuals identified as so-called «copper men», individuals who in their life-time had been engaged in smelting and processing metal and were later buried in different parts of the mound. There also existed a tie of kinship between them and another individual, whose severed and trepanned head had been laid in the centre of the grave pit.

Keywords: Abashevo archaeological culture, Pepkino burial-mound, geometric morphometry, graphic reconstructions of face by skull, earliest metallurgists.

REFERENCES

Bookstein F. L., 1986. Size and shape spaces for landmark data in two dimensions (with discussion and rejoinder). *Statistical Science*, vol. 1, № 1, pp. 181–242.
Bookstein F. L., 1989. Principal warps: thin-plate spline and the decomposition of deformations. *IEEE Transactions on Pattern Analysis and Machine Intelligence*, vol. 11, № 6, pp. 567–585.
Bookstein F. L., 1991. Morphometric tools for landmark data: geometry and biology. Cambridge: Cambridge University Press. 198 p.

Bookstein F. L., 1990. Introduction to methods for landmark data. *Proceedings of the Michigan morphometrics workshop*. F. J. Rohlf, F. L. Bookstein, eds. Ann Arbor: University of Michigan Museum of Zoology, pp. 215–225. (Special Publication; № 2.)

Dobrovolskaya M., Mednikova M., 2011. «Copper People» of the Bronze Age: The Reconstruction of their Health and Social Status. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia,* vol. 39, № 2, pp. 143–156.

Dobrovol'skaya M. V., Mednikova M. B., 2011. «Mednyye lyudi» epokhi bronzy: rekonstruktsiya sostoyaniya zdorov'ya i sotsial'nogo statusa [«Copper People» of the Bronze Age: Reconstruction of Health and Social Status.]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* [*Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*], 2 (46), pp. 143–156.

Goodall C. R., 1991. Procrustes methods in the statistical analysis of shapes. *Journal of the Royal Statistical Society*. Series B, 53, pp. 285–339.

Kendall D. G., 1984. Shape-manifolds, procrustean metrics and complex projective spaces. *Bulletin of the London Mathematical Society*, vol. 16, № 1, pp. 81–121.

Khalikov A. Kh., Lebedinskaya G.V., Gerasimova M. M., 1966. Pepkinsky kurgan. (Abashevsky chelovek) [Pepkino kurgan. (Abashevo man)]. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatel'stvo. 48 p.

Mednikova M., 2000. Prehistoric trepanations in Russia: more ritual than surgical? *International Colloquium on cranial trepanation in human history, University of Birmingham, UK*, pp. 32–33.

Mednikova M., 2003a. Scalping in Eurasia. *Anthropology and Archeology of Eurasia*, vol. 40, № 4, pp. 57–67.

Mednikova M., 2003b. Prehistoric trepanations in Russia: ritual or surgical? *Trepanation: history, discovery, theory*. S. Finger, ed. Lisse: Swets & Zeitlinger, pp. 163–175.

Mednikova M., Dobrovolskaya M., 2008. «Copper men» of the Bronze Age: concerning their health and social status. *Abstracts of 17th Paleopathological Association Meeting «Diseases in the Past», Copenhagen, Denmark, 25–27th August, 2008*. Copenhagen, p. 66.

Mednikova M., Lebedinskaya G., 1999. A Bronze Age battle in European Russia: palaeopathological evidences. *Journal of Paleopathology*, vol. 11, № 2, p. 80.

Mednikova M., Lebedinskaya G., 2001. A Bronze Age battle in European Russia: the paleopathological evidence. *Papers and Posters presented at the Thirteenth Biennal European members Meeting of the Paleopathology Association*, p. 20.

Mednikova M. B., 2000. Skal'pirovaniye na yevraziyskom kontinente [Scalping in Eurasian continent]. *RA*, 3, pp. 59–68.

Mednikova M. B., 2001. Trepanatsii u drevnikh narodov Yevrazii [Trepanations among ancient peoples of Eurasia]. Moscow: Nauchny Mir. 304 p.

Mednikova M. B., Dobrovol'skaya M. V., 2008. «Mednyye lyudi» iz kurganov epokhi bronzy: k rekonstruktsii professional'noy aktivnosti [«Copper people» from Bronze Age kurgans: on reconstruction of professional activity]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s''yezda v Suzdale, 2008 g*. [*Transactions of (XVIII) all-Russian archaeological congress in Suzdal', 2008*], 1. A. P. Derevyanko, N. A. Makarov, eds. Moscow: IA RAN, pp. 321–323.

Mednikova M. B., Lebedinskaya G. V., 1999. Pepkinsky kurgan: dannyye antropologii k rekonstruktsii pogrebeny [Pepkino kurgan: data of anthropology on reconstruction of burials]. *Pogrebal'ny obryad: rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavleny* [*Burial rite: reconstruction and interpretation of ancient ideological concepts*]. V. I. Gulyayev, I. S. Kamenetsky, eds. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 200–216.

Pavlinov I. Ya., Mikeshina N. G., 2002. Printsipy i metody geometricheskoy morfometrii [Principles and methods of geometrical morphometry]. *Zhurnal obshchey biologii* [*Journal of General Biology*], t. 63, № 6, pp. 473–493.

Rohlf F. J., 2001a. TPSdig, version 2.16. N. Y.: State Univ. at Stony Brook, (program).

Rohlf F. J., 2001b. TPSrelw: relative warps, version 1.23. N. Y.: State Univ. at Stony Brook, (program).

Rohlf F. J., 2001c. TPS Util, version 1.47. N. Y.: State Univ. at Stony Brook, (program).
Rohlf F. J., Marcus L., 1993. A revolution in morphometrics. *Trends in Ecology & Evolution*, vol. 8, № 4, pp. 129–132.

About the autores.

Mednikova Maria B., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: medma_pa@mail.ru;

Tarasova Anna A., Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russia; e-mail: taa-volga@yandex.ru.

С. А. Горбаненко

АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ГОРНАЛЬ

Резюме. В научный оборот вводятся археоботанические данные из раскопок на Горнальском комплексе в 2012–2013 гг. (табл.). Материал получен в результате: 1) случайного обнаружения; 2) флотации; 3) снятия отпечатков с изделий из глины. По результатам флотации и отпечатков составлены археоботанические спектры (АБС) (рис. 1), в целом свидетельствующие о высоком уровне развития земледелия у древних жителей Горналя. Кластерный анализ (рис. 2) свидетельствует о значительном сходстве с показателями АБС, полученными для других памятников конца I тыс. н. э.

Ключевые слова: Горналь, роменская культура, культурные растения, археоботанический комплекс.

Введение. Археологический комплекс роменско-древнерусского времени у с. Горналь расположен в Суджанском р-не Курской обл., на правом берегу р. Псел (АКР…, 2000. № 944–962). В 2012–2013 гг. археологическая экспедиция НИИ археологии юго-востока Руси Курского государственного университета под руководством В. В. Енукова исследовала поселение 1 (2012 г.) (*Енуков*, 2012) и городище (2013 г.) (отчет в процессе подготовки). В ходе исследований проводились археоботанические изыскания. Сбор материалов проведен автором в сотрудничестве с м. н. с. НИИ археологии юго-востока Руси КГУ М. В. Веретюшкиной.

Материалы и методы. Материал, поступивший на определение, получен различными способами:

1. В результате тщательных археологических исследований несколько небольших проб обгоревших макроостатков зерновок культурных растений были отобраны непосредственно в ходе работ.

2. Проведена промывка различного количества почвы из заполнения нескольких археологических объектов с целью выявления обгоревших археоботанических материалов.

3. Проведено исследование изделий из глины с целью снятия отпечатков зерновок и семян культурных и сорных растений.

В первом случае пробы отобраны из ямы 4 (ранний железный век) и 7 (роменско-древнерусская?) в 2012 г., а также ям 1Д и 15 (роменские) в 2013 г. благодаря внимательной работе участников экспедиции.

Во втором случае изначально отобраны пробы незначительных объемов (1–3 дм^3). Результативные пробы происходили из ям 4, 7, 13 (ранний железный век) 2012 г., а также из роменской ямы 17 (2013 г). После безрезультатной промывки 5 ведер почвы (условно 50 дм^3) из ямы 6 пробы отбирались только из заполнения ямы 2, из которой промыто 25 ведер почвы (условно 250 дм^3)[1]. В 2013 г. основным объектом исследований с применением флотации стала яма 17.

Третий вариант сбора данных – снятие отпечатков зерновок с изделий из глины посредством пластичной массы – проведен по общеупотребимой методике, на территории СССР впервые использованной З. В. Янушевич (*Янушевич, Маркевич*, 1970). С этой целью просмотрена керамика роменской культуры и обмазка из роменских объектов за оба сезона.

В дальнейшем материал (отпечатки и обгоревшие зерновки) проанализирован благодаря его сравнению с ранее определенными аналогичными образцами, а также широким кругом публикаций на эту тему. Определения сорных растений произведено по соответствующему каталогу (*Веселовський и др.*, 1988).

Репрезентативный материал пересчитан для составления археоботанического спектра (АБС)[2] основных зерновых культурных растений и по количеству зерновок (как основа для дальнейшей интерпретации), и по их массе (как метод интерпретации)[3]. Отметим, что в АБС нами учтены только основные зерновые культуры: пшеницы, ячмень, просо, рожь, овес. В АБС не включены культуры, которые могли сопровождать основные посевы, а также те, которые могли быть как полевыми, так и огородными (бобовые). Такой АБС призван отобразить соотношение в выращивании (либо употреблении в пищу) между основными злаковыми культурными растениями.

Результаты определений даны по нумерации объектов; последними представлены отпечатки на керамике (табл.).

[1] Флотация с применением промывки и дальнейшим механическим отбором материала дала также прекрасные результаты для ихтиологических определений. В результате подавляющее большинство ихтиологического материала, переданного на анализ в 2012 г., составили остатки из промывки.

[2] Понятие АБС введено Е. Ю. Лебедевой (см.: *Лебедева*, 2008. С. 97) как синоним предшествовавшего ему «палеоэтноботаническому спектру» (ПБС) (*Кравченко, Пашкевич*, 1985), как «более корректный»; суть же (процентное соотношение количества зерновок и семян культурных растений) от этого не изменилась.

[3] Пересчет проведен следующим образом. Были взяты современные зерновки по 10 г и пересчитано их количество в каждой пробе. За единицу измерения взята наименьшая зерновка проса; показатели других зерновок даны как *n* зерновок проса. В результате пересчета количества зерновок по отношению к просу получены следующие коэффициенты: просо – 1; ячмень пленчатый – 5,5; пшеница двузернянка – 6,2; рожь – 4,8. Невзирая на определенную «модернизацию», ныне считаем такой подход вполне оправданным (подробно см.: *Горбаненко, Колода*, 2013. С. 41).

Таблица. Археоботанический материал

Проба	Культурная принадлежность	Растения																		Итого	Рис. 1, *позиция*
		Культурные												Сорные							
		Злаковые									Бобовые										
		Просо	Ячмень пленчатый	Ячмень голозерный	Пшеница двузернянка	Пшеница спельта	Пшеницы мягкие голозерные	Рожь	Овес	Злак, не определено	Горох	Вика эрвилия	Чечевица	Костер	Подмаренник цепкий	Вьюнок полевой	Щетинник	Сорняк, не определен	Лещина		
1. Отобранные пробы																					
Яма 4 (2012)	Скифоидная	–	18	–	2	–	–	–	–	39	–	–	–	–	–	–	–	–	–	59	–
Яма 7 (2012)	Роменско-древнерусская	–	–	–	–	–	–	–	–	–	16	–	–	–	–	–	–	–	–	16	–
Яма 1Д (2013)	Роменская	–	–	–	3	–	–	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	7	–
Яма 15 (2013)	»	–	1	–	–	–	–	–	–	–	8	–	–	–	–	–	–	–	–	9	–
2. Пробы из промывки																					
Яма 2 (2012)	Роменская	12	6	–	5	–	5	6	2	17	1	–	7	2	2	–	–	–	23	88	*2*
Яма 4 (2012)	Скифоидная	1	1	–	1?	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	3	–
Яма 6 (2012)	Древнерусская	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Яма 7 (2012)	Роменско-древнерусская	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	3	–
Яма 13 (2012)	Скифоидная	–	–	–	1?	–	–	–	–	3	–	1	–	–	–	–	–	–	–	5	–
Яма 17 (2013)	Роменская	284	201	8	195	9	264	234	84	284	–	–	15	37	–	2	19	26	–	1662	*3*
3. Отпечатки на изделиях из глины																					
2012	Роменская	27	12	–	8	–	8	13	4	–	3	5	–	1	–	–	4	3	1	89	*1*
2013	»	6	3	–	3	–	2	2	–	–	4	–	–	3	–	–	–	–	–	23	*1*
Итого		33	15	–	11	–	10	15	4	–	7	5	–	4	–	–	4	3	1	112 *	*1*

Примечание. * – указана только сумма отпечатков.

2012 г., макроостатки

Яма 2. Роменское жилище X в. Определены материалы из промывки. На 250 дм^3 (25 проб) оказалось 65 зерновок и их фрагментов культурных и сорных растений, в основном неудовлетворительной сохранности. Из них 53 принадлежат культурным злаковым (17 сильно деформированных фрагментов определить не удалось); 8 – бобовым; 4 – сорнякам. Среди культурных злаковых зерновок преобладает просо (12); вторые позиции занимают ячмень пленчатый и рожь (по 6); далее следуют пшеницы – пленчатая и мягкие голозерные (по 5); овес на последнем месте (2) (рис. 1, *а*). Из бобовых определен горох (1) и чечевица (7). Также обнаружено 23 фрагмента скорлупы лещины. Встречаемость зерновок в пробах – 100 %; средняя насыщенность проб – 2,6 (от 1 до 4 зерновок на 1 пробу).

Яма 4. Колоколовидной формы, относится к раннему железному веку (скифоидная культура). Определены отобранная проба, небольшая проба из промывки (объемом до 3 дм^3). Первая состоит из зерновок ячменя пленчатого (18), среди которых обнаружено две зерновки пшеницы двузернянки. Остальные зерновки культурных растений и их фрагменты (39) ввиду их сильной разрушенности идентификации не подлежат, но, вполне вероятно, что они также представлены ячменем пленчатым. В пробе из промывки оказалось по одной зерновке проса, ячменя пленчатого, пшеницы двузернянки. Последняя неудовлетворительной сохранности.

Яма 6. Ледник древнерусского облика с содержанием роменской и древнерусской керамики в заполнении. Археоботанический материал отсутствовал. Количество проб (по 10 дм^3) – 5; встречаемость и насыщенность – 0.

Яма 7. Колоколовидная яма с содержанием крупных фрагментов роменской и древнерусской керамики. Определены отобранные пробы, промывка. В отобранной пробе оказалось 16 зерен гороха посевного. В промывке, незначительной по объему (до 3 дм^3), оказалось 2 зерновки пшеницы двузернянки (1 неудовлетворительной сохранности) и незначительный фрагмент скорлупы лещины.

Яма 13. Ранний железный век (скифоидная культура). Определена незначительная проба из промывки (до 3 дм^3), в которой оказалось: одна зерновка, видимо, пшеницы двузернянки, одна – вики эрвилии. Три зерновки неудовлетворительной сохранности определить невозможно.

2013 г., макроостатки

Ямы 1Д, 15. Роменское время. Собран незначительный материал. Из ямы 1Д отобрано семь зерновок: три – пшеницы двузернянки, четыре – ржи. В яме 15 обнаружено восемь семян гороха, а также одна зерновка ячменя пленчатого.

Яма 17. Роменское время. В результате частичной промывки заполнения получено значительное количество материала: 1352 единицы определимых зерновок и их фрагментов различной степени сохранности. Не определены сильно разрушенные и незначительные фрагменты 284 зерновок культурных растений, а также 26 – сорняковых. Материал отбирался в ходе исследования ямы[4].

[4] Автор не принимал участия в полевых исследованиях 2013 г., в связи с чем невозможно привести данные о количестве стандартных проб, встречаемости, насыщенности и др.

Среди определенных зерновок по количеству первое место принадлежит зерновкам проса (284 зерновки). Далее следуют количественные показатели пшениц мягких голозерных (*Triticum aestivum / compactum*): смеси зерновок пшеницы голозерной (*Triticum aestivum*) и пшеницы карликовой (*Triticum compactum*), а также промежуточных (неопределенных) форм. Определено 234 зерновки ржи. Ячмень представлен двумя видами: ячмень пленчатый – 201 зерновка, и ячмень голозерный – 8 экз. Последний, вероятно, был примесью в посевах ячменя пленчатого. Пшеница пленчатая также представлена двумя видами: значительно преобладала пшеница двузернянка – 195 зерновок, также присутствовала пшеница спельта, видимо – как примесь. Традиционно в незначительном количестве (84 зерновки) присутствует овес (рис. 1, *а*). Также в смеси обнаружено 15 зерновок бобовых, чечевицы.

В смеси из ямы 17 обнаружены и зерновки сопутствующих сорняков: костра, щетинника и вьюнка полевого.

Изделия из глины

Поскольку за оба сезона просмотрены материалы роменского времени, считаем возможным объединить полученные данные. Определено 108 отпечатков зерновок (88 зерновок культурных злаковых; 12 – бобовых; 8 – сорняков); не определено – 3. Среди них наибольшее количество (33) принадлежит просу; второе место занимают рожь (15) и ячмень пленчатый (15); вслед за ними находятся пшеница двузернянка (11) и пшеницы мягкие голозерные (10); на последнем месте среди злаковых – овес (4) (рис. 1, *а*). Среди бобовых – 7 отпечатков гороха и 5 вики эрвилии. Сорняки представлены 4 отпечатками костра, четырьмя – щетинника; три зерновки сорняка не определены. Также обнаружен один отпечаток скорлупы лещины.

Обсуждение. В жилище роменской культуры, исследованном в 2012 г., находки макроостатков культурных растений в результате промывки оказались немногочисленными, невзирая на предположительно высокую вероятность их обнаружения именно в таком объекте. Так, по данным Е. Ю. Лебедевой, на памятниках Восточной Европы раннего железного века «…от Крыма и Прикубанья вплоть до дьяковской культуры в лесном Подмосковье» на 10 дм^3 почвы из **культурного слоя** приходится в среднем более 50 единиц зерновок (*Лебедева*, 2005. С. 61, 62). Можно ли, исходя из низкого коэффициента находок обгоревшего зерна в сопоставлении со значительным ихтиологическим материалом, полученным из того же объекта, сделать вывод о предпочтениях в пище обитателя этого жилища, сказать затруднительно. Другим теоретическим объяснением могут служить плохие условия для сохранности таких материалов, чему не противоречит неудовлетворительное состояние редких обнаруженных зерновок как в этом, так и в других объектах.

По результатам определений материалов из ямы 2 следует также отметить, что выявление остатков скорлупы лещины в обгоревшем материале, а также ее отпечатки в обмазке свидетельствуют об употреблении в пищу «даров природы», вспомогательной роли собирательства, пополняющего и разнообразящего рацион. Кроме того, находки скорлупы лещины и ее отпечатка хорошо согласуются с определением древесного угля из ям 2 и 6, которые показали использование в их строительстве дуба (определения М. С. Сергеевой). Отметим, что

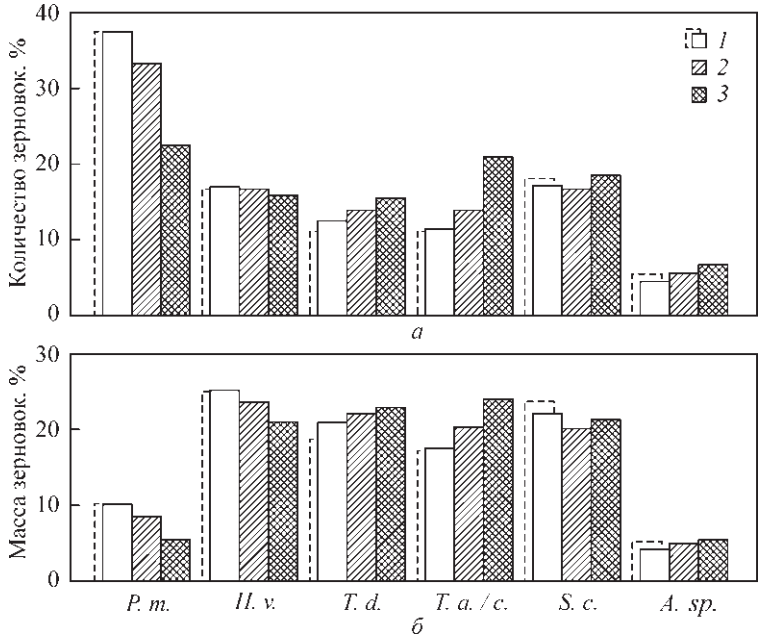


Рис. 1. Диаграмма зерновок: а – количество; б – масса

Условные обозначения: *P. m. – Panicum miliaceum* (просо); *H. v. – Hordeum vulgare* (ячмень пленчатый); *T. d. – Triticum dicoccon* (пшеница двузернянка); *T. a. / c. – Triticum aestivum / compactum* (пшеницы мягкие голозерные); *S. c. – Secale cereale* (рожь); *A. sp. – Avena sp. / Avena sativa* (овес); *1* – отпечатки с роменской керамики (пунктиром указаны данные за 2012 г.; сплошной линией – объединенные данные); *2* – обгоревшие зерновки, яма 2 (жилище, 2012 г.); *3* – обгоревшие зерновки, яма 17 (2013 г.)

лещина является подлеском широколиственных лесов. Таким образом, имеем два подтверждения того, что и в роменские, и в древнерусские времена в окрестностях городища Горналь присутствовали широколиственные леса, дубравы. Такое положение сохранилось вплоть до наших дней.

При работе с материалом из ямы 17 2013 г. одна особенность обратила на себя внимание. Из ямы извлечена смесь зерновок без явного преобладания одного из злаков над остальными. Количество зерновок не оставляет сомнений в том, что яму использовали именно для хранения запасов зерна. Учитывая планиграфию исследованной площади, незначительные размеры ямы, а также обнаружение в ней двух жерновых камней (целого и половины), можно предположить, что яма 17 находилась в подсобном помещении вблизи жилища. Вероятно, в том же помещении производилась переработка зерна, а яма служила для незначительных его запасов «под рукой». Таким образом, яму использовали достаточно интенсивно: запасы в ней должны были сменяться довольно часто (десятки раз за год?). В результате чего из остатков этих запасов образовалась довольно случайная концентрация материала, в значительной степени отображающая как минимум предпочтения обитателей жилища, к которой примыкала данная хозяйственная постройка.

Спектры, полученные посредством снятия отпечатков с изделий из глины, а также в результате промывки почвы из ямы 2 (2012 г.) и ямы 17 (2013 г.), демонстрируют аналогичные тенденции (рис. 1, *б*). При их сопоставлении с данными предшествующих культур (см.: *Горбаненко, Пашкевич*, 2010. С. 198, 199) заметно увеличение более прихотливых, но и более урожайных злаковых: ржи и пшениц мягких голозерных. Это свидетельствует о высоком уровне развития земледелия у древних поселенцев Горнали.

Рис. 2. Результаты кластерного анализа АБС волынцевско-роменских памятников

Результаты определений археоботанических материалов, полученных благодаря исследованиям отпечатков на керамике и методом флотации, в принципе сопоставимы между собой, о чем уже говорилось в научной литературе (*Кравченко, Пашкевич*, 1985). В целом определенные расхождения АБС, полученного методом снятия отпечатков с роменских изделий из глины, и данных из двух объектов, так или иначе отображающих предпочтения обитателей двух жилищ (рис. 1), объясняются следующим обстоятельством. Если информация, полученная с изделий из глины, может быть признана характерной для всего Горнальского комплекса за весь роменский период, то данные из ям 2 2012 г. и 17 2013 г. характеризуют только предпочтения их хозяев, и лишь за период существования соответствующих жилищ.

По результатам кластерного анализа, данные АБС Горнальского комплекса, полученного в результате пересчета по массе, демонстрируют значительное сходство (92 % и больше) с большинством роменских памятников (рис. 2). На данный момент в кластерный анализ включены статистические данные, полученные по отпечаткам на изделиях из глины, поскольку аналогичных выборок по обгоревшим макроостаткам не существует. Отметим, что меньшие показатели сходства характерны для памятников, отдаленных от центра ареала роменской культуры (подробно об этом, а также см.: *Горбаненко*, 2014).

* * *

Запланировано продолжение археологических исследований на Горнальском комплексе, а также сотрудничество с целью определения получения новых археоботанических материалов. В связи с этим интерпретация и окончательные выводы отложены на время завершения проекта и подведения итогов исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России (АКР). 2000. Курская область. Ч. 2 / Автор-сост. А. В. Кашкин. М.: ИА РАН. 240 с.

Веселовський І. В., Лисенко А. К., Манько Ю. П., 1988. Атлас-визначник бур'янів. К.: Наукова думка. 72 с.

Горбаненко С. А. Зернове господарство сіверян // Археологія. 2014. № 1. С. 113–123.

Горбаненко С. А., Колода В. В., 2013. Сільське господарство на слов'яно-хозарському порубіжжі. К.: ІА НАН України. 238 с.

Горбаненко С. А., Пашкевич Г. О., 2010. Землеробство давніх слов'ян (кінець І тис. до н. е. – І тис. н. е.). К.: Академперіодика. 316 с.

Енуков В. В., 2012. Отчет о раскопках селища 1 около с. Горналь Суджанского района Курской области в 2012 г. // Архив ИА РАН.

Кравченко Н. М., Пашкевич Г. А., 1985. Некоторые проблемы палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н. э.) // Археология и методы исторических конструкций / Отв. ред. В. Ф. Генинг. К.: Наукова думка. С. 177–190.

Лебедева Е. Ю., 2005. Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы в Восточной Европе // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии / Ред. вып. М. В. Добровольская. М.: ИА РАН. Вып. 4. С. 50–68.

Лебедева Е. Ю., 2008. Археоботаническая реконструкция древнего земледелия (методические критерии) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии / Ред. вып. А. П. Бужилова. М.: ИА РАН. Вып. 6. С. 86–109.

Янушевич З. В., Маркевич В. И., 1970. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений. Кишинев: Штиинца. С. 83–110.

Сведения об авторе.

Горбаненко Сергей Анатольевич, Институт археологии, Национальная академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина; e-mail: gorbanenko@gmail.com.

S. A. Gorbanenko

Archaeo-botanical investigations of materials from the archaeological complex at Gornal

Abstract. Archaeo-botanical data from excavations of the Gornal complex conducted in 2012–2013 are introduced in the academic literature (Table). The material was obtained: 1) as random finds; 2) with the help of flotation; 3) by photographing imprints left on clay objects. Using the results of the flotation work and the imprints, archaeo-botanical spectra (ABS) were compiled (Fig. 1). These generally testify the high level of development in agriculture practiced by the ancient inhabitants of Gornal. Cluster analysis (Fig. 2) demonstrates the significant similarity with ABS indices obtained from other sites dating from the end of the I millennium BC.

Keywords: Gornal, Romny culture, cultivated plants, archaeobotanical spectrum.

REFERENCES

Arkheologicheskaya karta Rossii, 2000. Kurskaya oblast' [Archaeological map of Russia. Kursk Region], 2. A. V. Kashkin, comp. Moscow: IA RAN. 240 p.

Gorbanenko S. A., 2014. Zernove gospodarstvo siveryan [Grain-crops economy of Severyanians]. *Arkheologiya* [*Archaeology*], 1, pp. 113–123.

Gorbanenko S. A., Koloda V. V., 2013. Sil's'ke gospodarstvo na slov'yano-khozars'komu porubizhzhi [Agriculture in Slavic-Khazarian borderline]. Kiev: IA Natsional'noy akademii nauk Ukraini. 238 p.

Gorbanenko S. A., Pashkevich G. O., 2010. Zemlerobstvo davnikh slov'yan (kinets' I tis. do n. e. – I tis. n. e.) [Agriculture of early Slavs (end of I mill. BC – I mill. AD)]. Kiev: Akademperiodika. 316 p.

Kravchenko N. M., Pashkevich G. A., 1985. Nekotoryye problemy paleobotanicheskikh issledovany (po materialam Obukhovskoy territorial'noy gruppy pamyatnikov I tys. n. e.) [Some problems of palaeobotanic researches (on materials of Obukhovo territorial group of sites of I mill. AD)]. *Arkheologiya i metody istoricheskikh rekonstruktsy* [*Archaeology and methods of historical reconstructions*]. V. F. Gening, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 177–190.

Lebedeva Ye. Yu., 2005. Arkheobotanika i izucheniye zemledeliya epokhi bronzy v Vostochnoy Yevrope [Archaeobotany and investigation of Bronze Age agriculture in Eastern Europe]. *OPUS: mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii* [*OPUS: Interdisciplinary investigations in archaeology*], 4. M. V. Dobrovol'skaya, ed. Moscow: IA RAN, pp. 50–68.

Lebedeva Ye. Yu., 2008. Arkheobotanicheskaya rekonstruktsiya drevnego zemledeliya (metodicheskiye kriterii) [Archaeobotanic reconstruction of ancient agriculture (methodic criteria)]. *OPUS: mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii* [*OPUS: Interdisciplinary investigations in archaeology*], 6. A. P. Buzhilova, ed. Moscow: IA RAN, pp. 86–109.

Veselovs'ky I. V., Lisenko A. K., Man'ko Yu. P., 1988. Atlas-viznachnik bur'yaniv [Atlas-qualifier of weeds]. Kiev: Naukova dumka. 72 p.

Yanushevich Z. V., Markevich V. I., 1970. Arkheologicheskiye nakhodki kul'turnykh zlakov na pervobytnykh poseleniyakh Pruto-Dnestrovskogo mezhdurech'ya [Archaeological findings of cultivated cereals at prehistoric settlements of Prut-Dniester interfluve]. *Introduktsiya kul'turnykh rasteny* [*Introduction of cultivated plants*]. Kishinev: Shtiintsa, pp. 83–110.

Yenukov V. V., 2012. Report on excavations of open settlement 1 near village Gornal, Sudzha district, Kursk Region in 2012. *Archive of IA, National Academy of Sciences of Ukraine* (In Russian, unpublished).

About the author.

Gorbanenko Sergey A., Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine, av. Geroev Stalingrada, 12, Kiev, 04210, Ukraine; e-mail: gorbanenko@gmail.com.

А. С. Алешинская, Е. А. Спиридонова, М. Д. Кочанова

АНТРОПОГЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЛАНДШАФТОВ В ОКРЕСТНОСТЯХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ: ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

Резюме. В Средневековье произошло резкое усиление антропогенной трансформации ландшафтов, развивавшееся на фоне неоднократных климатических изменений, что отчетливо фиксируется данными палинологического анализа. Палинологические исследования позволяют выявить изменения характера растительности, связанные как с естественными, в первую очередь климатическими, факторами, так и обусловленные деятельностью человека. Кроме этого, по данным палинологии можно проследить этапы освоения территории, периоды расцвета и упадка поселений.

Ключевые слова: Средневековье, палинологический анализ, культурный ландшафт, растительный покров, климатический и антропогенный факторы.

Спорово-пыльцевой, или палинологический, анализ является одним из старейших микробиологических методов. Он зародился на рубеже XIX и XX вв. и с тех пор широко применяется в различных отраслях науки: геологии, палеогеографии, биологии, криминалистике, фармакологии, археологии.

Как уже видно из названия метода, объектом его исследования являются пыльца и споры растений. Оболочки пыльцы и спор состоят из трудно разрушаемого пробкоподобного вещества (полленин, пропетин). Они стойки к химическим воздействиям, почти не разрушаются, слабо минерализуются и поэтому исключительно долго сохраняются в ископаемом состоянии. Пыльца и споры различных растений имеют характерные морфологические особенности, позволяющие распознавать и определять их в процессе анализа до семейства, рода, иногда вида.

Высшие растения производят огромное количество пыльцевых зерен или спор, которые попадают на поверхность суши или воды, становятся компонентом отложений и постепенно переходят в ископаемое состояние. Путем химической обработки пыльцу отделяют от вмещающей породы и определяют под

* Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 14-06-00046а.

микроскопом. Совокупность всех определенных в образце форм называется спорово-пыльцевым спектром.

Обилие пыльцы и спор в исследуемых пробах позволяет статистически обработать данные палинологического анализа и получить не только качественные, но и количественные характеристики состава спектров.

При реконструкции растительного покрова территории учитывается не только состав спорово-пыльцевого спектра, но и сохранность пыльцы и спор, а также различные морфологические отклонения. По ним можно судить о том, насколько благоприятны были условия для произрастания растений. Так, у пыльцы многих растений при неблагоприятных условиях произрастания, а также на границах ареала иногда меняется количество пор.

Статистическая обработка полученных данных, составление ведомостей и построение диаграмм проводится по специальным программам. Мы используем программу, разработанную в нашей лаборатории (*Кочанова и др.*, 2005). Графическим результатом анализа является спорово-пыльцевая диаграмма (рис. 1).

Проанализировав диаграмму, можно выделить несколько спорово-пыльцевых комплексов, которые объединяют образцы, имеющие близкий качественный и количественный состав доминирующих форм.

Интерпретация данных палинологического анализа позволяет:

1) восстанавливать палеоландшафты и определять степень влияния человека на природную среду;

2) для железного века и Средневековья определять роль земледелия в хозяйственном укладе древнего человека;

3) устанавливать изменения в хозяйственном использовании территории;

4) обосновывать возраст археологических памятников и проводить корреляцию культурных слоев как внутри одного памятника, так и между различными памятниками.

Одной из основных задач палинологии является восстановление природной среды. Основой для данных реконструкций является спорово-пыльцевой спектр, полученный для каждого образца. Проанализировав его, можно восстановить, какие растения росли на изучаемой территории в момент формирования данных отложений. Близкие по качественному и количественному составу спектры объединяются в спорово-пыльцевой комплекс, который дает характеристику растительного покрова для определенного временного отрезка, когда формировался этот слой.

Спорово-пыльцевой спектр складывается из двух составляющих.

Первая составляющая – это элементы зональной растительности, которые характерны для определенной природной/географической зоны. Для европейской части России это различные леса (хвойные, смешанные, широколиственные), южнее – лесостепи, степи. В спектрах лесной зоны эта составляющая представлена пыльцой различных древесных пород (цв. илл. XXVIII).

Второй составляющей спектра являются растения локальных естественных местообитаний (прибрежно-водных, луговых, болотных и т. д.), а также антропогенные сообщества или отдельные виды, появившиеся в результате хозяйственной деятельности человека.

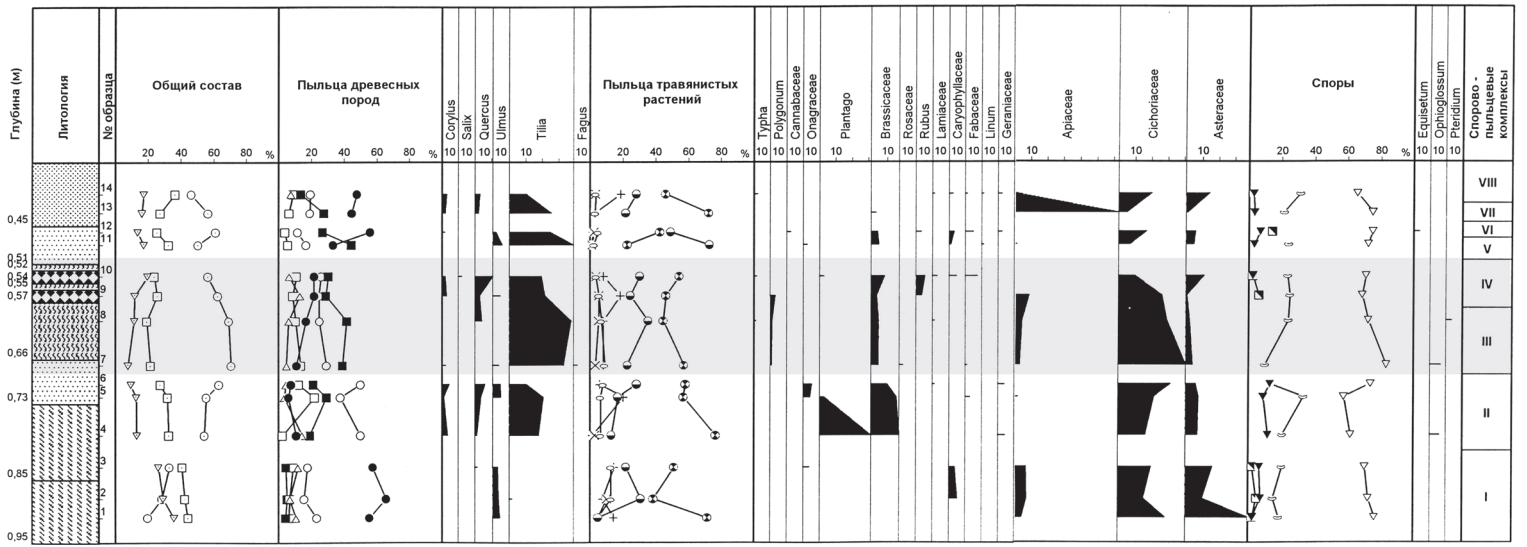


Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма по разрезу 1 на поселении Настасьино (Московская область)

Общий состав: ⊡ – сумма пыльцы древесных пород; ⊙ – сумма пыльцы травянистых растений; ▽ – сумма спор высших споровых растений. Древесные породы: △ – ель (*Picea*); ● – сосна (*Pinus*); ○ – береза (*Betula*); □ – ольха (*Alnus*); ⊕ – ива (*Salix*); ■ – сумма пыльцы широколиственных пород. Травянистые растения: ◒ – злаки (Poaceae); ⬭ – осоковые (Cyperaceae): ✕ – маревые (Chenopodiaceae); + – полыни (*Artemisia*); ◍ – сумма пыльцы разнотравья. Споры: ▽ – зеленые мхи (*Bryales*); ▼ – сфагновые мхи (*Sphagnum*); ⬭ – папоротники семейства многоножковые (Polypodiaceae); ◪ – плауны (Lycopodiaceae).

Антропогенная трансформация природных геосистем в пределах лесной зоны европейской части России началась в железном веке, но особенно активно проявилась в Средневековье.

До последнего времени палинологический анализ использовался в основном на памятниках мезолита, неолита и эпохи бронзы, где культурные слои были чаще связаны с водно-болотными отложениями. Это было обусловлено тем, что такие породы проще химически обрабатывать для анализа. Кроме этого, палинологическое изучение и восстановление природной среды на ранних этапах развития общества возможно без учета антропогенных изменений, которые в это время были ничтожно малы. Только начиная со Средневековья и отчасти железного века проведение палеогеографических реконструкций требует постоянного учета антропогенного фактора.

В процессе палинологического изучения образцов со средневековых памятников из различных районов лесной зоны выявилась очень слабая палеоботаническая изученность как динамики природной среды в целом, так и различных фитоценозов на отдельных территориях. Кроме этого, многообразие геолого-геоморфологического положения археологических памятников требует в каждом случае индивидуального подхода. В связи с этим потребовалось пересмотреть некоторые методические аспекты палинологического анализа с учетом особенностей изучения средневековых памятников (*Спиридонова и др.*, 2008а; 2008б).

Палинологическое изучение археологических объектов Средневековья дает возможность фиксировать различные стороны воздействия человека на природную среду в результате хозяйственной деятельности, определяя вырубку лесов, обустройство территории под поселения, развитие земледелия, скотоводства и другие особенности землепользования.

Для восстановления динамики природной среды в Средневековье в первую очередь нужно было выявить изменения зональных особенностей растительного покрова, связанные с климатическим фактором.

Для Средневековья известно два наиболее значимых климатических события. Это средневековый климатический оптимум и малый ледниковый период.

Временные рамки климатического оптимума несколько отличаются у разных авторов. Его начало датируется от 900 до 1100 г., а конец – от 1200 до 1350 г. По данным изотопно-кислородного анализа, оптимум продолжался с 900 по 1350 г. (*Stuiver et al.*, 1995). Если же связывать его с проявлением солнечной активности, в частности – с большим солнечным максимумом (Grand Solar Maximum), то его продолжительность будет с 1100 по 1250 г. (*Yu, Ito*, 2000). Как правило, исследователи не связывают климатический оптимум только с этим максимумом, а включают сюда же и более ранний максимум солнечной активности, отмечавшийся с 900 по 1050 г. Между этими двумя максимумами отмечается период пониженной солнечной активности продолжительностью с 1010 по 1050 г. Максимум средневекового потепления по осредненной температурной кривой Северного полушария прослеживается с конца X до начала XII в.

Средневековый климатический оптимум отчетливо прослеживается на палинологических диаграммах по большинству изученных памятников. В лесной

зоне с ним связано увеличение в спектрах количества пыльцы теплолюбивых широколиственных пород, таких как липа, дуб, вяз. Такую картину мы можем наблюдать на примере поселения Настасьино (Московская область) (рис. 1) (*Спиридонова, Алешинская*, 2004). Даже в северных районах (в Вологодской области) в спектрах, полученных по поселению Минино, фиксируется потепление климата, сопровождавшееся появлением в составе хвойных лесов широколиственных пород и уменьшением роли ели и сосны (*Спиридонова, Алешинская*, 2009а; 2009б; *Spiridonova, Aleshinskaya*, 2012а; 2012б). Все это указывает на то, что в это время происходило расширение ареалов неморального комплекса и соответственное сокращение ареалов таежного комплекса.

Вслед за малым климатическим оптимумом наступило ухудшение климатических условий, получившее название малого ледникового периода, который продолжался до середины XIX в. В составе растительного покрова это привело к уменьшению роли различных широколиственных и увеличению хвойных пород (сосны и ели), что также отчетливо прослеживается на спорово-пыльцевых диаграммах, полученных для средневековых памятников.

Все эти зональные особенности растительного покрова отражаются в спектрах, полученных как по естественным разрезам, так и по археологическим памятникам.

Климатические изменения, безусловно, играли немаловажную роль в жизни людей, создавая, например, благоприятные условия для земледелия и скотоводства или, наоборот, приводя к упадку того или иного вида хозяйственной деятельности.

В то же время хозяйственная деятельность в свою очередь изменяла природную среду, и следы этих изменений отчетливо прослеживаются на спорово-пыльцевых диаграммах. Влияние человека на окружающую среду в Средневековье стало важным фактором. Оно проявлялось в первую очередь в характере землепользования: вырубка леса, выпас скота, земледелие, создание искусственных водоемов, осушение заболоченных участков и т. д.

Освоение территории человеком, как правило, начиналось с расчистки территории: с вырубки леса. На спорово-пыльцевых диаграммах этот процесс выражается резким снижением количества пыльцы древесных пород, что отчетливо видно на примере приведенной выше диаграммы по поселению Настасьино (рис. 1).

Часто расчистка территории сопровождалась не только вырубкой, но и сжиганием деревьев и кустарников. Следы пожара отчетливо видны в пробах под микроскопом. В образцах помимо органических остатков встречается большое количество угольков, золы. Органика, в том числе и пыльца, обуглена. Иногда в таких слоях пыльца вообще отсутствует или так сильно обгорела, что определить ее невозможно. Во многих случаях в пробах из слоя пожара встречается большое количество пыльцы иван-чая (семейство Onagraceae) (цв. илл. XXVIII), который, чаще всего, первым появляется на месте пожарищ, за что и получил в народе название «пожарная трава».

Самое большое количество пыльцы иван-чая было отмечено в образцах из раскопа у церкви Бориса и Глеба (1152) в с. Кидекша под Суздалем, где пыльца иван-чая доминирует в составе травянистых растений (рис. 2).

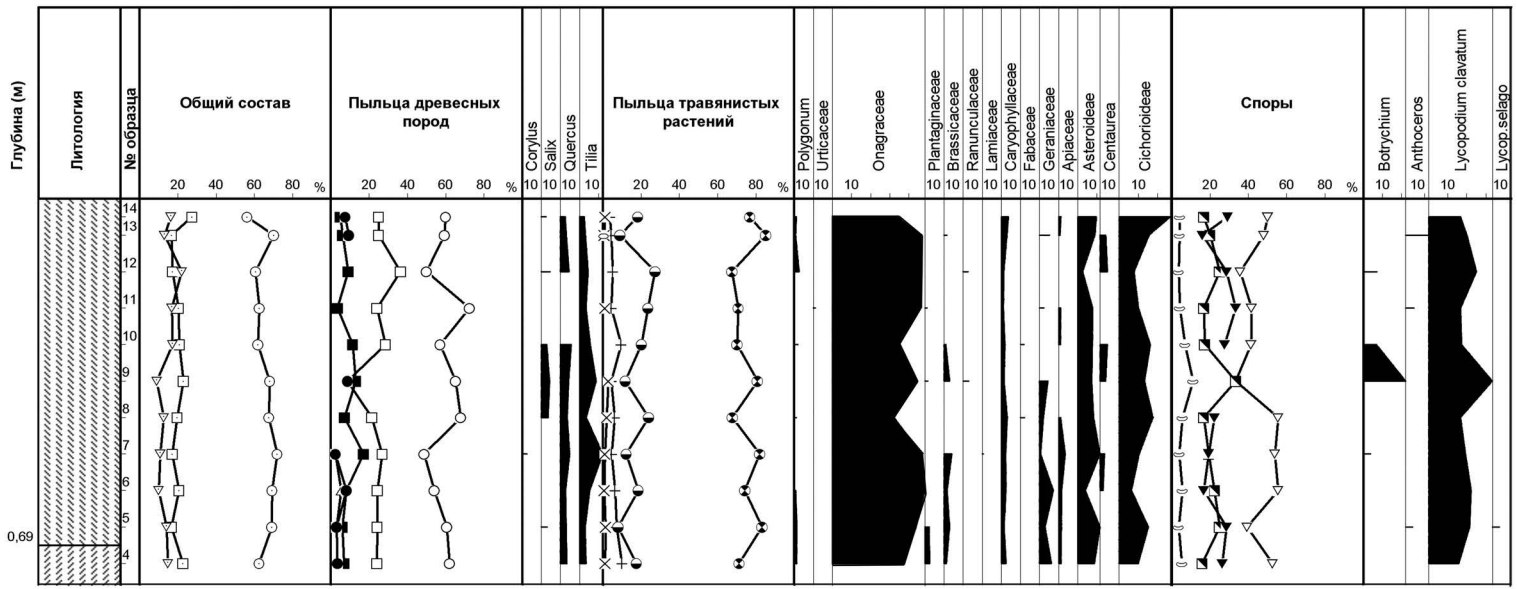


Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма по раскопу у церкви Бориса и Глеба в с. Кидекша (Владимирская обл.).
Условные обозначения см.: рис. 1

Естественно, что лес вырубали для различных целей. Рассмотрим несколько наиболее простых вариантов использования территории, которые можно проследить по палинологическим диаграммам (рис. 3). Конечно, такие сюжеты в чистом виде встречаются очень редко, поскольку, как правило, преобладало комплексное использование человеком освоенной территории.

Первый вариант – расчистка территории под поселение. В данном случае в спорово-пыльцевых спектрах преобладает пыльца травянистых растений, в составе которых доминируют рудеральные сорные растения. Чаще всего встречается пыльца подсемейств цикориевых (Cichorioideae) и астровых (Asteroideae). А также крапива (*Urtica*), подорожник (*Plantago*), горец (*Polygonum*) (цв. илл. XXVIII).

Еще один вариант – это вырубка леса на стройматериалы, без дальнейшего использования территории. В этом случае в спорово-пыльцевых спектрах после резкого снижения количества пыльцы древесных пород снова наблюдается ее рост, но чаще с преобладанием пыльцы березы, что свидетельствует о зарастании вырубки вторичными березняками.

И наконец, наиболее распространенный и четко фиксируемый на диаграммах вариант – расчистка территории под пашню. В данном случае в спорово-пыльцевых спектрах доминирует пыльца травянистых растений, среди которых появляется большое количество пыльцы культурных злаков и пашенных сорняков.

Для установления характера использования посевных площадей необходимо определение вида сельскохозяйственных культур. В данном случае определенную проблему представляет диагностика пыльцы культурных злаков. Пыльца злаков очень однообразна по морфологическому строению, что затрудняет ее видовое определение, а размеры пыльцевых зерен довольно сильно варьируют – от 16 до 60 μ (рис. 2).

Вопросами видовых определений и диагностических различий культурных и дикорастущих злаков занимались многие исследователи как у нас в стране, так и за рубежом (*Firbas*, 1937; *Erdman*, 1944; *Куприянова*, 1945; *Федорова*, 1959; *Гуман*, 1978).

Пыльцу злаков подразделяют на три группы.

В первую группу входит в основном пыльца культурных злаков, средняя величина пыльцевых зерен которых превышает 40 μ. Вторая группа включает главным образом пыльцу культурных злаков, частично сопровождающих их сорных злаков и пыльцу дикорастущих злаков. Средняя величина зерна пыльцы этой группы – 35–40 μ.

Третья группа состоит преимущественно из пыльцы дикорастущих злаков, включая только пыльцу пшеницы однозернянки Triticum monococcum, проса и некоторых видов ячменя. Средняя величина зерна пыльцы 32–35 μ.

Таким образом, только очень крупную пыльцу мы можем более или менее уверенно отнести к культурным злакам.

Для того чтобы судить о наличии культурных злаков, помимо морфологии пыльцы приходится опираться и на некоторые косвенные признаки. Одним из них является тот факт, что пыльца культурных злаков почти всегда помимо одиночных зерен присутствует в больших скоплениях. Вторым таким признаком является наличие пашенных сорняков.

Рис. 3. Основные типы хозяйственного использования территории

Несмотря на все эти сложности, как правило, удается установить существование земледелия в районе того или иного памятника. Так, например, совершенно однозначно можно судить о существовании в Средневековье земледелия на Самбийском полуострове (Калининградская обл.). Вид под микроскопом образцов из этих памятников просто поражает. Здесь все поле зрения заполнено пыльцой культурных злаков разной морфологии, что бесспорно свидетельствует о разнообразии зерновых культур, внедренных в севооборот, и о развитой сельскохозяйственной индустрии (*Алешинская и др.*, 2009).

Существенно лучше обстоит дело с диагностикой пыльцы гречихи и льна (цв. илл. XXVIII). Присутствие пыльцы гречихи интересно не только с «хозяйственной» точки зрения. При температуре ниже 12–13° гречиха растет плохо, но в то же время для нее неблагоприятна и высокая температура (выше 30°), особенно в период цветения, так как ухудшается опыление и отмирают завязи. Оптимальная температура в период цветения – плодообразования 17–25°, а относительная влажность воздуха должна быть не менее 50 %. Таким образом, будучи культурой, весьма требовательной к теплу и влаге, гречиха может служить индикатором теплых и влажных условий. К сожалению, в палинологических спектрах большое количество пыльцы гречихи встречается очень редко. Из нашей практики можно привести только два примера, когда в образцах из раскопов в Московском Кремле и из Житного раскопа (Кремль Переяславля Рязанского)

содержание пыльцы гречихи составляло около 10 % от суммы травянистых растений (*Алешинская и др.*, 2013).

Оценивая соотношение культурных злаков и сопутствующих посевам сорняков, можно судить о состоянии пахотных угодий в различные периоды существования какого-либо поселения. Наиболее часто в посевах встречаются гречиха татарская (*Fagopirum tataricum*), горец птичий (*Polygonum aviculare*), горец почечуйный (*Polygonum persicaria*), горец вьюнковый (*Polygonum convolvulus*), щавелек (*Rumex acetosella*) + щавель кислый (*R.acetosa*), марь белая (*Chenopodium album*), василек синий (*Centaurea cyanus*), а также различные представители семейства крестоцветных (Brassicaceae). Перечисленные виды помимо непосредственного участия в самих посевах или по окрайкам полей часто образовывает своеобразные группировки на парах и залежах. Кроме этого, здесь появляется, а иногда и господствует, пыльца подмаренника (*Galium*), различных представителей подсемейства цикориевых (Cichorioideae). В этом случае роль пыльцы культурных злаков будет минимальна.

В процессе развития различных агросистем, особенно около крупных поселений, происходило существенное преобразование окружающего ландшафта: от преобладания естественной растительности – к пашне и пастбищам. Флористически богатый, многоярусный растительный покров лесной зоны на больших площадях замещался иногда на монокультуру. Экологическая система коренным образом трансформировалась и структурно упрощалась.

Как уже отмечалось выше, такие простые варианты встречаются очень редко. Как правило, преобладало комплексное использование освоенной территории. После расчистки она могла использоваться частично под пашню и под поселение, могла распахиваться не полностью и т. д. Вариантов ее использования может быть очень много. Сочетание различных типов использования земель выражается соответственно в разном соотношении пыльцы древесных и травянистых растений, различном сочетании культурных и сорных растений, в разном составе сорняков. Анализируя эти данные, мы можем с определенной степенью достоверности восстановить характер хозяйственной деятельности и степень влияния человека на окружающую среду. Очень наглядно подобные реконструкции хозяйственной деятельности выглядят на таблицах, где для исследованного памятника отражены данные палинологического анализа, показатели хозяйственной деятельности и состояние природной среды на протяжении всего изученного этапа Средневековья (табл. 1) (*Спиридонова, Алешинская*, 2004).

Ярким примером антропогенных изменений природных ландшафтов является Владимирское ополье – остров безлесных пространств в зоне смешанных лесов. Именно здесь в благоприятных для земледелия природных условиях на густонаселенной в Средневековье территории образовался интразональный ландшафтный комплекс, являясь по существу уникальным природным феноменом. Причина возникновения ополий в пределах лесной зоны интересовала ученых начиная с XIX в. и вплоть до наших дней. Многие рассматривали их как доисторические степи (*Танфильев*, 1902) или лесостепи, образование которых связано с колебаниями климата в послеледниковое время (*Берг*, 1947) или с карбонатными подстилающими породами (*Мильков*, 1964). И только Л. М. Ахромеев (1992) объяснил это явление многовековой хозяйственной деятельностью человека.

Таблица 1. Корреляция разрезов по данным палинологического анализа и особенности хозяйственного использования территории вблизи поселения Настасьино в Средневековье

Календарный возраст	Палинологические зоны		Разрез 1	Разрез 3	Оборонительные рвы		Особенности хозяйственного использования территории					
							Изменение состояния пахотного клина			Расширение углов	Зарастание пашни сорняками	Увеличение площади лесов
					Внутренний	Внешний	Уменьшение	Стабильность	Увеличение			
Вторая половина XVI века	береза с участием сосны	12			XVIII							
	сосна с участием ели, березы и широколиственных пород	11		VIII								
	сосна с участием березы, ели и единично широколиственных пород	10		VII								
Первая половина XVI века	сосна с участием березы	9	XI	VI								
	сосна с участием широколиственных пород и березы	8	X		XVII							
Середина XV века	сосна, широколиственные породы	7	IX		XVI							
	сосна с участием березы, ольхи и незначительным участием широколиственных пород	6			XV	IV						
1430 г.	береза при участии сосны и незначительном участии широколиственных пород и ольхи	5				III						
1410 г.	береза при участии ели и незначительном участии широколиственных пород	4				II						
1390 г.	сосна с участием ели и незначительным участием широколиственных пород	3			XIV							
1375 г.	ель, сосна	2			XIII							
	сосна с незначительным участием широколиственнных пород	1			XII	I						

Решению этой проблемы были посвящены многолетние палинологические исследования авторов, проведенные по средневековым памятникам и естественным разрезам во Владимирском ополье (*Алешинская и др*., 2008). Данные спорово-пыльцевого анализа отчетливо фиксируют переход от природного лесного флористического комплекса к открытому природно-антропогенному начиная с X в. В окрестностях селищ прослеживается сокращение лесов. Им на смену приходят открытые пространства, занятые пустошами на месте вырубок, луговой растительностью и пашнями. Открытый ландшафт окончательно сформировался в XII в. в период массовой древнерусской колонизации, в условиях потепления климата, способствовавшего земледельческой экспансии на север. Таким образом, открытый ландшафт Владимирского ополья представляет собой вторичное образование, сложившееся в результате средневековой колонизации территории.

Палинологические исследования, проведенные на средневековых памятниках лесной зоны, показывают, что на протяжении всего этого периода происходили существенные изменения соотношения между природными и антропогенными комплексами. На некоторых территориях процесс антропогенного воздействия на природную среду становился господствующим, приводя к появлению культурных ландшафтов вокруг поселений. В то же время в различных частях лесной зоны формирование и динамика культурных ландшафтов проявлялись по-разному.

Таким образом, антропогенное преобразование природы – это сложный, постоянно действующий процесс, который при благоприятных условиях не только приводил к формированию культурных ландшафтов, но и обеспечивал дальнейшее развитие хозяйственной деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Макаров Н. А., Спиридонова Е. А., 2008. Становление аграрного ландшафта Суздальского ополья в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // РА. № 1. С. 35–47.

Алешинская А. С., Кочанова М. Д., *Спиридонова Е. А.*, 2009. Результаты палинологических исследований на археологических памятниках Самбийского п-ова (Калининградская обл.) // Аналитические исследования Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 275–303.

Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Спиридонова Е. А., 2013. Результаты палинологических исследований культурного слоя из раскопа Житный (2010 г.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань: РИАМЗ. С. 70–87.

Ахромеев Л. М., 1992. Ландшафты ополий и их типологическая классификация // Прикладные вопросы изучения природных процессов. М. С. 93–97.

Берг Л. С., 1947. Географические (ландшафтные) зоны Советского Союза: В 2 т. М.: Географгиз: Красный пролетарий. Т. 1. С. 388.

Гуман М. А., 1978. Антропогенные изменения растительности юга Псковской области в голоцене (по палинологическим данным) // Ботанический журнал. Т. 63. № 10. С. 34–46.

Кочанова М. Д., Алешинская А. С., Спиридонова Е. А., 2005. Новое программное обеспечение для обработки данных спорово-пыльцевого анализа // Материалы XI Всероссийской палинологической конференции «Палинология: теория и практика» (27 октября – 1 ноября 2005 г., Москва) / Отв. ред. С. А. Афонин, П. И. Токарев. М.: Палеонтологический ин-т РАН. С. 13–15.

Куприянова Л. А., 1945. О пыльце однодольных растений // Советская ботаника. Т. 13. № 3. С. 38–46.

Мильков Ф. Н., 1964. О природе ополий на Русской равнине // Вопросы регионального ландшафтоведения и геоморфологии СССР / Отв. ред. П. Н. Цысь. Львов: Львовский ун-т. Вып. 8. С. 20–27.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., 2004. Особенности природной среды и хозяйственного освоения Настасьино // Средневековое поселение Настасьино: тр. Подмосковной экспедиции Института археологии РАН / Ред.-сост. А. В. Энговатова. Т. 2. С. 92–103.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д., 2008а. Естественные и антропогенные изменения природного комплекса лесной зоны Русской равнины в средневековье. М.: Воентехиниздат. 244 с.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д., 2008б. Новые методические направления в палинологии при исследовании археологических памятников Средневековья // КСИА. Вып. 222. С. 38–55.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., 2009а. Изменения природной среды в окрестностях средневековых поселений на Кубенском озере по данным спорово-пыльцевого анализа // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 3 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука. С. 7–10.

Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., 2009б. Результаты палинологических исследований разрезов в Мининском микрорегионе и в устье р. Делялевки на Кубенском озере: [приложение к монографии] // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 3 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука. С. 123–144.

Танфильев Г. И., 1902. К вопросу о доисторических степях во Владимирской губернии // Почвоведение. № 4. С. 393–397.

Федорова Г. В., 1959. Некоторые особенности пыльцы культурных злаков // Материалы по геоморфологии и палеогеографии. Работы по спорово-пыльцевому анализу. Т. 21. М.; Л.: АН СССР. (Тр. Ин-та географии АН СССР; Вып. 77.)

Erdtman G., 1944. Pollen morphology of the cereals. With notes on the pollen morphology in Truticale // Svensk. bot. Tidskr. Bd. 38. H. 2.

Firbas F., 1937. Der pollen analytische Nachweis des Getreidebaus // Zeitschrift für Botanik. Bd. 31. P. 447–478.

Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S., 2012a. The Environmental Context. Results of palynological investigations of archaeological sites in the Lake Ilmen and Lake Kubenskoye study areas // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context / Edited by M. A. Brisbane, N. A. Makarov, E. N. Nosov. Oxford: Oxbow Books. P. 10–39.

Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S., 2012б. The Environmental Context. Notes on present day vegetation in the Lake Ilmen area // The Archaeology of Medieval Novgorod in Context / Edited by M. A. Brisbane, N. A. Makarov, E. N. Nosov. Oxford: Oxbow Books. (Accompanying CD-ROM p. 1–3).

Stuiver M., Grootes P. M., Braziunas T. F., 1995. The GISP2 $\delta^{18}O$ climate records of the past 16,500 years and the role of the Sun, ocean, and volcanoes. // Quaternary research. 44.

Yu Z., Ito E., 2000. Historical solar variability and mid-continent drought // PAGES Newsletter. Vol. 8. №. 2. P. 6–7.

Сведения об авторах.

Алешинская Анна Сергеевна; e-mail: asalesh@mail.ru;

Спиридонова Елена Александровна; e-mail: easpiridonova@mail.ru;

Кочанова Мария Дмитриевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036; e-mail: mdkochanova@mail.ru.

A. S. Aleshinskaya, Ye. A. Spiridonova, M. D. Kochanova

Anthropogenic changes in landscapes in the envirous of Medieval settlements: the palinological aspect

Abstract. During the Medieval period there was a sharp increase in the way human activity transformed landscapes, which took place against a background of frequent climatic changes and which can be clearly recorded using pollen analysis data. Palinological research has made it possible to identify changes in the character of vegetation stemming from natural – first and foremost climatic – factors but also resulting from human activity. In addition, it is also possible on the basis of palinology to trace stages in land-use, periods of flourishing development and the decline of settlements.

Keywords: Middle Ages, pollen analysis, man-transformed landscape, growth, climatic and man-caused factors.

REFERENCES

Akhromeyev L. M., 1992. Landshafty opoly i ikh tipologicheskaya klassifikatsiya [Landscapes of field regions and their typological classification]. *Prikladnyye voprosy izucheniya prirodnykh protsessov* [*Application problems of research of natural processes*]. Moscow, pp. 93–97.

Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D., Makarov N. A., Spiridonova Ye. A., 2008. Stanovleniye agrarnogo landshafta Suzdal'skogo Opol'ya v srednevekov'ye (po dannym arkheologicheskikh i paleobotanicheskikh issledovany) [Formation of farming landscape in Suzdal Field region in Middle Ages (on the data of archaeological and palaeobotanical researches)]. *RA*, 1, pp. 35–47.

Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D., Spiridonova Ye. A., 2013. Rezul'taty palinologicheskikh issledovany kul'turnogo sloya iz raskopa Zhitny (2010 g.) [Results of palinological investigations of cultural deposit from Zhitny trench (2010)]. *Materialy po arkheologii Pereyaslavl'-Ryazanskogo* [*Materials on the archaeology of Pereyaslavl Ryazansky*]. V. I. Zav'yalov, ed. Ryazan': Izdatel'stvo Ryazanskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika, 2, pp. 70–87.

Berg L. S., 1947. Geograficheskiye (landshaftnyye) zony Sovetskogo Soyuza [Geographical (landscape) zones of the Soviet Union], 1. Moscow: Geografgiz: Krasny proletary, p. 388.

Erdtman G., 1944. Pollen morphology of the cereals. With notes on the pollen morphology in Truticale. *Svensk botanisk tidskrift*, Bd. 38, h. 2, pp. 163–168.

Fedorova G. V., 1959. Nekotoryye osobennosti pyl'tsy kul'turnykh zlakov [Some features of pollen of cultivated cereals]. *Materialy po geomorfologii i paleogeografii. Raboty po sporovo-pyl'tsevomu analizu* [*Materials on geomorphology and palaeogeography. Works on spore-pollen analysis*], 21. Moscow; Leningrad: Akademiya nauk USSR. (Trudy Instituta geografii Akademii nauk SSSR, 77.)

Firbas F., 1937. Der pollen analytische Nachweis des Getreidebaus. *Zeitschrift für Botany*, 31, pp. 447–478

Guman M. A., 1978. Antropogennye izmeneniya rastitel'nosti Yuga Pskovskoy oblasti v Golotsene (po palinologicheskim dannym) [*Anthropogenous changes of vegetation of the South of the Pskov Region in Holocene (on palinological data)*. Botanicheskiy zhurnal [*Botanical journal*], vol. 63, № 10, pp. 34–46.

Kochanova M. D., Aleshinskaya A. S., Spiridonova Ye. A., 2005. Novoye programmnoye obespecheniye dlya obrabotki dannykh sporovo-pyl'tsevogo analiza [New software for processing data of spore-pollen analysis]. *Materialy XI Vserossiyskoy palinologicheskoy konferentsii* «*Palinologiya: teoriya i praktika*» [*Proceedings of XI all-Russian palinological conference* «*Palinology: theory and practice*»]. S. A. Afonin, P. I. Tokarev, eds. Moscow: Paleontologichesky institut RAN, pp. 13–15.

Kupriyanova L. A., 1945. O pyl'tse odnodol'nykh rasteny [On pollen of monocotyledonous plants]. *Sovetskaya botanika* [*Soviet Botany*], t. 13, № 3, pp. 38–46.

Mil'kov F. N., 1964. O prirode opoly na Russkoy ravnine [On the nature of field regions in Russian Plain]. *Voprosy regional'nogo landshaftovedeniya i geomorfologii SSSR* [*Problems of regional landscape studies and geomorphology in USSR*], 8. P. N. Tsys', ed. L'vov: L'vovsky universitet, pp. 20–27.

Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S., 2012a. The Environmental Context. Results of palynological investigations of archaeological sites in the Lake Ilmen and Lake Kubenskoye study areas. *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context.* M. A. Brisbane, N. A. Makarov, eds. Oxford: Oxbow Books, pp. 10–39.

Spiridonova E. A., Aleshinskaya A. S., 2012б. The Environmental Context. Notes on present day vegetation in the Lake Ilmen area. *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context*. M. A. Brisbane, N. A. Makarov, eds. Oxford: Oxbow Books. (Accompanying CD-ROM, p. 1–3.)

Spiridonova Ye. A., Aleshinskaya A. S. 2009b. Izmeneniya prirodnoy sredy v okrestnostyakh srednevekovykh poseleny na Kubenskom ozere po dannym sporovo-pyl'tsevogo analiza [Environmental changes in vicinity of medieval settlements on Kubenskoye Lake according to data of spore-pollen analysis]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov* [*The archaeology of the rural areas of Northern Rus. X–XIII centuries*], 3. N. A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, pp. 7–10.

Spiridonova Ye. A., Aleshinskaya A. S., 2009c. Rezul'taty palinologicheskikh issledovany razrezov v Mininskom mikroregione i v ust'ye r. Delyalevki na Kubenskom ozere [Results of palinological investigations of soil sections in Minino microregion and Delyalevka River estuary on Kubenskoye Lake]. *Arkheologiya severnorusskoy derevni X–XIII vekov* [*The archaeology of the rural areas of Northern Rus. X–XIII centuries*], 3. N. A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, pp. 123–144.

Spiridonova Ye. A., Aleshinskaya A. S., 2004. Osobennosti prirodnoy sredy i khozyaystvennogo osvoyeniya Nastas'ino [Specifics of natural environment and economy of land development of Nastas'ino]. *Srednevekovoye poseleniye Nastas'ino: Trudy Podmoskovnoy ekspeditsii IA RAN* [*Medieval settlement Nastas'ino: Proceedings of Moscow Regional expedition of IA RAN*], 2. A. V. Engovatova, comp. Moscow: IA RAN, pp. 92–103.

Spiridonova Ye. A., Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D., 2008a. Yestestvennyye i antropogennyye izmeneniya prirodnogo kompleksa lesnoy zony Russkoy ravniny v srednevekov'ye [Natural and man-caused changes of environmental complex in forest zone of Russian Plain in Middle Ages]. Moscow: IA RAN. 244 p.

Spiridonova Ye. A., Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D., 2008b. Novyye metodicheskiye napravleniya v palinologii pri issledovanii arkheologicheskikh pamyatnikov Srednevekov'ya [New methodical trajectories in palinology in research of medieval archaeological sites]. *KSIA*, 222, pp. 38–55.

Spiridonova Ye. A., Aleshinskaya A. S., Kochanova M. D., 2009a. Rezul'taty palinologicheskikh issledovany na arkheologicheskikh pamyatnikakh Sambiyskogo pluostrovaova (Kaliningradskaya oblast') [Results of palinological researches at archaeological sites of Sambian Peninsula (Kaliningrad Region)]. *Analiticheskiye issledovaniya Laboratorii yestestvennonauchnykh metodov IA RAN* [*Analytical researches of Laboratory of natural scientific methods at IA RAN*], 1. Moscow: IA RAN, pp. 275–303.

Stuiver M., Grootes P. M., Braziunas T. F. 1995. The GISP2 $\delta^{18}O$ climate records of the past 16,500 years and the role of the Sun, ocean, and volcanoes. *Quaternary research*, vol. 44, № 3, pp. 341–354.

Tanfil'yev G. I., 1902. K voprosu o doistoricheskikh stepyakh vo Vladimirskoy gubernii [On the problem of prehistoric steppes in Vladimir вопросу о доисторических степях во Владимирской province]. *Pochvovedeniye* [*Eurasian Soil Science*], 4, pp. 393–397.

Yu Z., Ito E., 2000. Historical solar variability and mid-continent drought. *Pages*, vol. 8, № 2, pp. 6–7.

About the authors.

Aleshinskaya Anna S., Institut of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036; e-mail: mdkochanova@mail.ru; e-mail: asalesh@mail.ru;

Spiridonova Elena A., Institut of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036; e-mail: mdkochanova@mail.ru; e-mail: easpiridonova@mail.ru;

Kochanova Maria D., Institut of Archaeology, Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036; e-mail: mdkochanova@mail.ru.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбИГИ АНА – Абхазский институт гуманитарных исследований Академии наук Абхазии. Сухум
АН ГрССР – Академия наук Грузинской ССР
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.

ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж
ВДИ – Вестник древней истории
ВИИАЭ – Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала

ГБУК СК – Государственное бюджетное учреждение культуры Ставропольского края
ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы
ГИМ – Государственный исторический музей

ДНЦ РАН – Дагестанский научный центр РАН. Махачкала
ДФ АН СССР – Дагестанский филиал Академии наук СССР. Махачкала

ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАА – Историко-археологический альманах. М.; Армавир
ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.
ИИАЭ ДНЦ РАН – Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук. СПб.
ИИО НПУ им. М. П. Драгоманова – Институт исторического образования национального педагогического университета им. М. П. Драгоманова. Харьков
ИИЯЛ ДНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы ДНЦ РАН
ІА НАН України — Інститут археології Національної академії наук України

КБ НИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. Нальчик
КГОМА – Курский государственный областной музей археологии
КИКМ – Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость»
КОИХМ – Калининградский областной историко-художественный музей
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР – Материалы и исследования по археологии России

ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра Российской академии наук. Пущино
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ПАВ – Петербургский археологический вестник
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск
ПКМ – Пятигорский краеведческий музей

РА – Российская археология. М.
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РФ ИИАЭ – Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН

СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СКАЭ – Северокавказская археологическая экспедиция
СМГИМ – Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. М.
СОИКМ им. П. В. Алабина – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара
СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований. Владикавказ
СЭ – Советская этнография

ТАГУ – Труды Абхазского государственного университета. Сухуми
Труды ГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.

ЮУрГУ – Южноуральский государственный университет. Челябинск

Abbreviations

AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]
Arch. ústavu AV ČR – Archeologiský Ústav Akademie věd České Republiky, Brno

BAR – British Archaeological Reports, Oxford

IA – Institut arkheologii [Institute of Archaeology]

KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]

RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]
RAN – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
RGZM – Römisch-Germanische Zentralmuseum Mainz

SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]
SAV – Slovenská académia vied. Nitra

ОТ РЕДАКЦИИ

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Периодический сборник «Краткие сообщения Института археологии РАН» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, информацию о работе археологических экспедиций.

Направляемые в сборник материалы должны быть оформлены в соответствии с принятыми правилами.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редколлегии.

2. Рукопись в электронном варианте в формате Microsoft Word.

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме и ключевых слов (не более 10) на русском языке (см. п. 11), списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы, см. п. 7), сведений об авторе (авторах; см. п. 12). Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Общий объем рукописи не должен превышать 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...).

5. Статья (включая список литературы, подрисуночные подписи и др.) должна быть напечатана четким, контрастным шрифтом кегля 14 через полтора интервала. В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

6. Все нестандартные буквы и знаки в тексте рукописи должны быть четко вписаны от руки в распечатку рукописи. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию.

7. Иллюстрации предоставляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части 1, 2, а, б) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в сборнике. Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете

общего количества иллюстраций к статье. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF. В текстовый файл иллюстрации не вставляются.

Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Возможна публикация цветных иллюстраций, если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

8. Таблицы представляются в отдельных файлах. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

9. Текстовые примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Например: *Мелюкова А. И.*, 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; Л. *Смирнов К. Ф.*, 1964. Савроматы. М. *Чернов С. З.*, 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (*Смирнов*, 1964. С. 50). Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 0,5 страницы). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо

русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) и ключевых слов (key words).

12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны всеми авторами. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов, адреса электронной почты и даты отправления.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА
«РАННЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ И “КНЯЖЕСКАЯ” КУЛЬТУРА
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ АНТИЧНОСТИ – НАЧАЛЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»
(МАХАЧКАЛА, 13–17 НОЯБРЯ 2013 г.)

Мастыкова А. В. Введение. «Вождеская» культура Северного Кавказа эпохи Великого переселения народов и общеевропейский контекст 3
Гаджиев М. С., Малашев В. Ю. «Княжеские» и элитные воинские погребения позднесарматского и гуннского времени в Дагестане 9
Гмыря Л. Б. Височные привески как социальные маркеры у кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.). 25
Семенов И. Г. Место правителя восточнокавказских гуннов в иерархии государства европейских гуннов (по данным «Истории страны Алуанк‘») . . 43
Мамаев Х. М. «Княжеское» погребение у г. Магас (Ингушетия) 55
Малашев В. Ю. Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н. э.. 72
Габуев Т. А. «Княжеские» аланские курганы на Верхнем Тереке (Брут, Беслан) 84
Коробов Д. С. Аланские «вождеские» погребения и центры власти в Кисловодской котловине в раннем Средневековье 95
Савенко С. Н. Еще одно захоронение представителя аланской социальной элиты начала раннего Средневековья из Кисловодской котловины (по архивным материалам А. П. Рунича) 115
Нюшков В. А. Воинское сословие в Апсилии. Историко-культурное исследование 140
Шаров О. В. Элита позднеантичного Боспора: погребение с Золотой маской 158
Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднеримского времени 176
Мастыкова А. В., Земцов Г. Л. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону 200
Сапрыкина И. А. Техника изготовления и химический состав золотых изделий из погребения № 1 на поселении Мухино-2 в контексте определения «маркеров статусности» 223
Радюш О. А. «Княжеская» и «вождеская» культура начала V века в Среднем Поднепровье: новые исследования и находки 234
Иштванович Э., Кульчар В. «Вождеские» погребения и центры власти позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов в Карпатском бассейне 252
Казанский М. М., Перен П. «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии: состояние исследований 262

БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Антипушина Ж. А., Леонова Е. В., Тиунов А. В. Анализ стабильных изотопов углерода и азота в раковинах наземных брюхоногих моллюсков из мезолитических слоев пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе 287

Бужилова А. П. Биоархеологический анализ фрагментарных антропологических материалов из неолитического памятника Сакаровка I (Молдавия) 299
Добровольская М. В., Йованович М. К. Палеоэкологические аспекты изучения антропологических материалов эпохи позднего неолита из Гомолавы (Сербия) (предварительное сообщение) 320
Медникова М. Б., Тарасова А. А. Опыт применения метода геометрической морфометрии в определении степени сходства и биологического родства погребенных в Пепкинском кургане эпохи средней бронзы 338
Горбаненко С. А. Археоботанические исследования материалов из археологического комплекса Горналь 353
Алешинская А. С., Спиридонова Е. А., Кочанова М. Д. Антропогенные изменения ландшафтов в окрестностях средневековых поселений: палинологический аспект 362

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 377
ОТ РЕДАКЦИИ. Правила оформления рукописей 379

CONTENTS

EARLY STATE FORMATIONS AND «PRINCELY» CULTURE IN THE NORTH CAUCASUS IN LATE CLASSICAL PERIOD AND EARLY MIDDLE AGES. TRANSACTIONS OF THE SCIENTIFIC SEMINAR (MAKHACHKALA, 2013, NOVEMBER 13–17)

Mastykova A. V. Introduction. Leaders' culture of the North Caucasus in migration period and european context . . . 3
Gadzhiyev M. S., Malashev V. Yu. «Princely» and elite military burials of the Late Sarmatian and Hunnic periods in Dagestan . . . 9
Gmyrya L. B. Temple pendants as social indicators among the nomads of the West-Caspian region (based on materials from the Palasa-syrt kurgan cemetery from the 4th and 5th cc.) . . . 25
Semyonov I. G. The position of the ruler of the East-Caucasian Huns in the hierarchy of the state of the European Huns (based on data from the *History of the Land of Alwank'*) . . . 43
Mamayev Kh. M. A princely burial near the town of Magas (Ingushetia) . . . 55
Malashev V. Yu. The Alanian culture in the Northern Caucasus: the question of the early state formations among the population of the region in the 2nd–4th cc. AD. . . . 72
Gabuyev T. A. «Princely» Alanian burial-mounds in the upper reaches of the Terek River (Brut, Beslan) . . . 84
Korobov D. S. Burials of Alanian «leaders» and centres of power in the Kislovodsk depression in the Early Medieval period . . . 95
Savenko S. N. Another burial belonging to a representative of the Alanian social elite at the beginning of the Early Medieval period in the Kislovodsk depression (based on archive materials of A.P. Runich) . . . 115
Nyushkov V. A. The military estate in Apsylia. A historical and cultural study . . . 140
Sharov O. V. The Bosporan elite in the Late Classical period: a burial with the Golden mask . . . 158
Khrapunov I. N., Stoyanova A. A. On the property-based and social differentiation within the population of the piedmont zone in the Crimea during the Late Roman period . . . 176
Mastykova A. V., Zemtsov G. L. A «princely» female burial in the Mukhino-2 settlement from the Hunnic period in the upper reaches of the River Don . . . 200
Saprykina I. A. The chemical composition of golden items from burial 1 at the Mukhino-2 settlement and their manufacturing technique in connection with the definition of «status indicators» . . . 223
Radyush O. A. Princely and leaders' burials in the early 5th century in the upper reaches of the Dnieper: new research and finds . . . 234
Istvánovits E., Kulcsár V. Leaders' burials and centres of power in the Late Roman period and the era of the Great Migration of the Peoples in the Carpathian Basin . . . 252
Kazansky M. M., Périn P. «Royal» and «princely» burials and burials of «leaders» from the Early Merovingian period in Gaul: current state of the research . . . 262

BIO-ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

Antipushina Zh. A., Leonova Ye. V., Tiunov A. V. Stable carbon and nitrogen isotope analysis of land snail shell organic matrix from Mesolithic layers of cave Dvoinaya in the North-Western Caucasus . . . 287

Buzhilova A. P. Bio-archaeological analysis of fragmentary materials from the Neolithic site of Sakarovka I (Moldavia) 299
Dobrovolskaya M. V., Jovanovich M. K. Palaeo-ecological aspects of the study of anthropological materials from the Late Neolithic in Gomolava (Serbia) (preliminary report) 320
Mednikova M. B., Tarasova A. A. A case study of applying the method of geometric morphometry for determination of similarity and biological relationship of the buried in the Middle Bronze Age Pepkino burial-mound 338
Gorbanenko S. A. Archaeo-botanical investigations of materials from the archaeological complex at Gornal 353
Aleshinskaya A. S., Spiridonova Ye. A., Kochanova M. D. Anthropogenic changes in landscapes in the environs of Medieval settlements: the palinological aspect 362

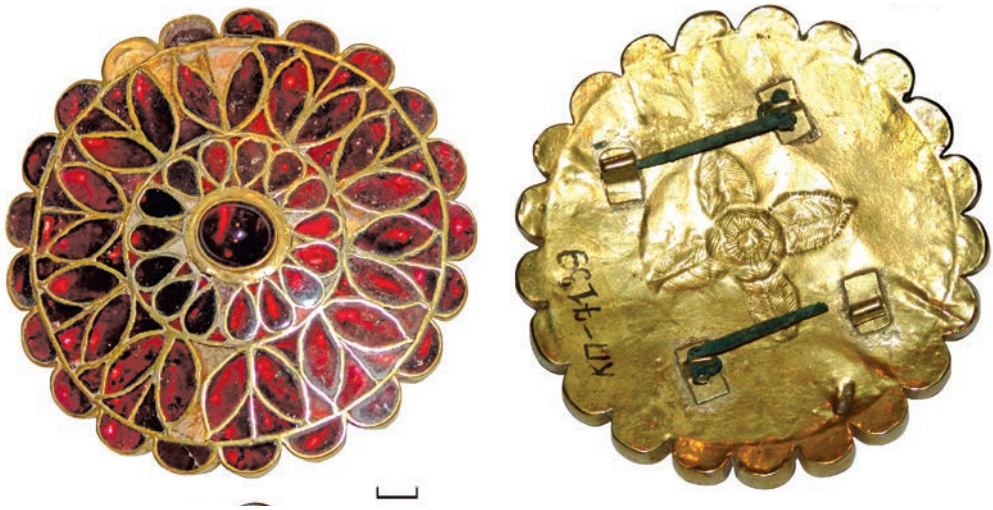
ABBREVIATIONS 377
SUBMISSION GUIDE 379

Статья Л. Б. Гмыри
Височные привески как социальные маркеры
у кочевников Западного Прикаспия
(по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.)

Илл. I. Погребение 2. Общий вид сверху – с севера

1, 2 – курган 193/погр. 1а;
3, 4 – курган 244/погр. 2.
1, 2 – серебро, золото, сердолик;
3, 4 – серебро, золото

Статья Х. М. Мамаева
«Княжеское» погребение у г. Магас (Ингушетия)



Илл. II. Фибула-брошь из катакомбного погребения у г. Магас (Насыр-Корт).
Место хранения – Ингушский государственный музей краеведения им. Т. Х. Мальсагова

Илл. III. Предметы с инкрустацией из катакомбного погребения у г. Магас (Насыр-Корт)

1–3 – перстни; *4, 6* – рамка, щиток пряжки; *5* – наконечник пояса (?). Место хранения – Ингушский государственный музей краеведения им. Т. Х. Мальсагова

Илл. IV. Могильник Брут 1. Инвентарь из кургана № 2

1 – меч и ножны; *2, 4, 7* – пряжка; *3* – «бусина-ограничитель»; *5, 6* – заклепки; *8–9* – наконечники ремней

Илл. V. Могильник Брут 1. Инвентарь из кургана № 2

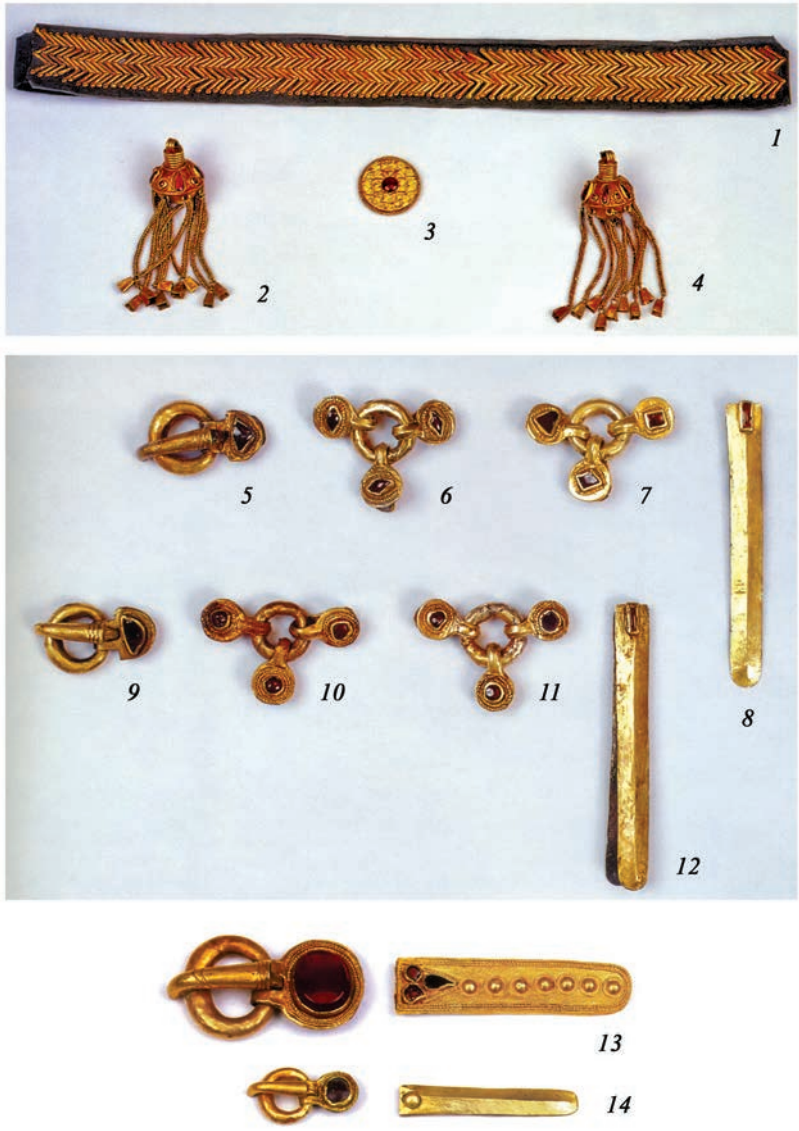
1–3 – пряжки и наконечники ремней; *4* – нагайка; *5* – кинжал и нож в одних ножнах

Илл. VI. Могильник Брут 1. Инвентарь из кургана № 2

1–3 – подвески «лунницы»; *2* – удила и оголовье конской узды; *4–8* – пряжки, распределители и наконечники ремней обувного гарнитура

Илл. VII. Могильник Брут 1. Инвентарь из кургана № 7

1 – кинжал и ножны кинжала; *2* – нагайка; *3–9* – бляшки нашивные



Илл. VIII. Могильник Брут 1. Инвентарь из кургана № 7

1 – бляшки нашивные; *2, 4* – подвески; *3* – бляха; *5–12* – пряжки, распределители и наконечники ремней обувного гарнитура; *13, 14* – пряжки и наконечники ремней

Илл. IX. Удила и оголовье конской узды из Могильника Брут 1.
Инвентарь из кургана № 7

Статья С. Н. Савенко
Еще одно захоронение представителя аланской социальной элиты начала раннего Средневековья из Кисловодской котловины (по архивным материалам А. П. Рунича)

Илл. X. Комплекс № 1 (8) могильника Березовский 2.
Предметы из погребального инвентаря костяка 1

1 – инкрустированная пряжка; *2* – пряжка серебряная; *3* – игольник бронзовый; *4* – золотая пластинчатая обкладка

Комплекс № 1 (8) могильника Березовский 2. Предметы из погребального инвентаря костяка 2.
5 – семилучевое бронзовое украшение со стеклянными вставками; *6* – фибула серебряная

Комплекс № 1 (8) могильника Березовский 2. Предметы из погребального инвентаря костяка 3.
7 – инкрустированная пряжка; *8* – бронзовая бляха со стеклянными вставками; *9* – туалетный набор серебряный; *10* – зеркало из серого сплава; *11* – фибула серебряная

Илл. XI. Комплекс № 1 (8) могильника Березовский 2

1 – бусы

Предметы из катакомбы:

2 – серебряная пряжка; *3* – серебряные обкладки; *4* – фибула бронзовая; *5* – предметы серебряные, *6* – предметы из бронзы и серебра

Илл. XII. Реконструкция керченского комплекса с Золотой маской 1837 г. согласно описанию А. Б. Ашика и Ф. А. Жиля (ДБК, 1854. С. 10–14). Авторы: О. В. Шаров, Л. А. Соколова

Илл. XIII. Находки из погребения с Золотой маской

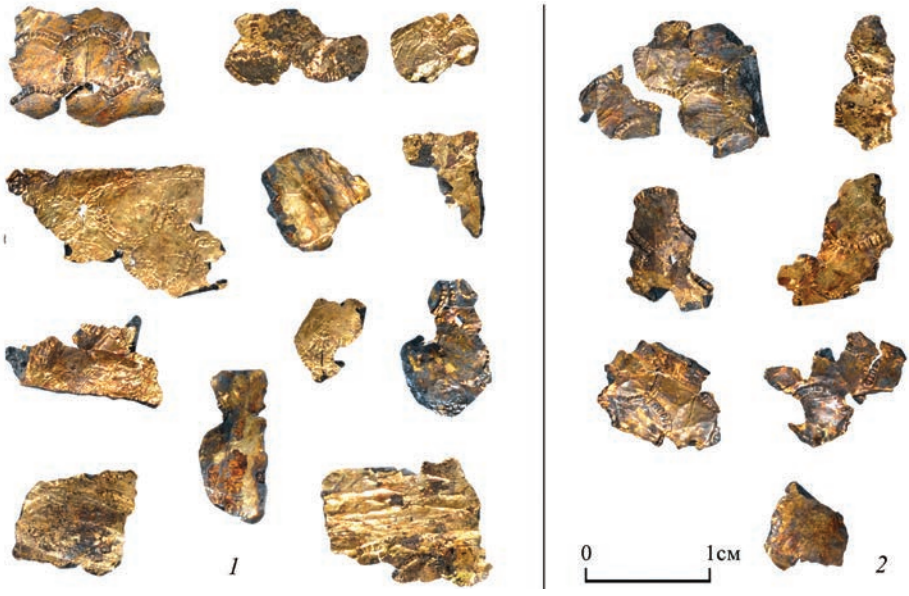
1 – Золотая маска (по: Тайна…, 2009. №. 1); *2* – Золотой браслет из погребения с золотой маской (по: Там же. № 5); *3* – Фрагмент золотой фибулы из погребения с Золотой маской (по: Там же. № 12); *4* – Золотая бляшка парадного конского убора с тамгой (по: Там же. № 50)

Илл. XIV. Находки из погребения с Золотой маской

1 – Парадный конский убор из погребения с Золотой маской (по: Тайна…, 2009. № 50); *2* – Оборотная сторона серебряного блюда с надписью (по: Там же. № 32)

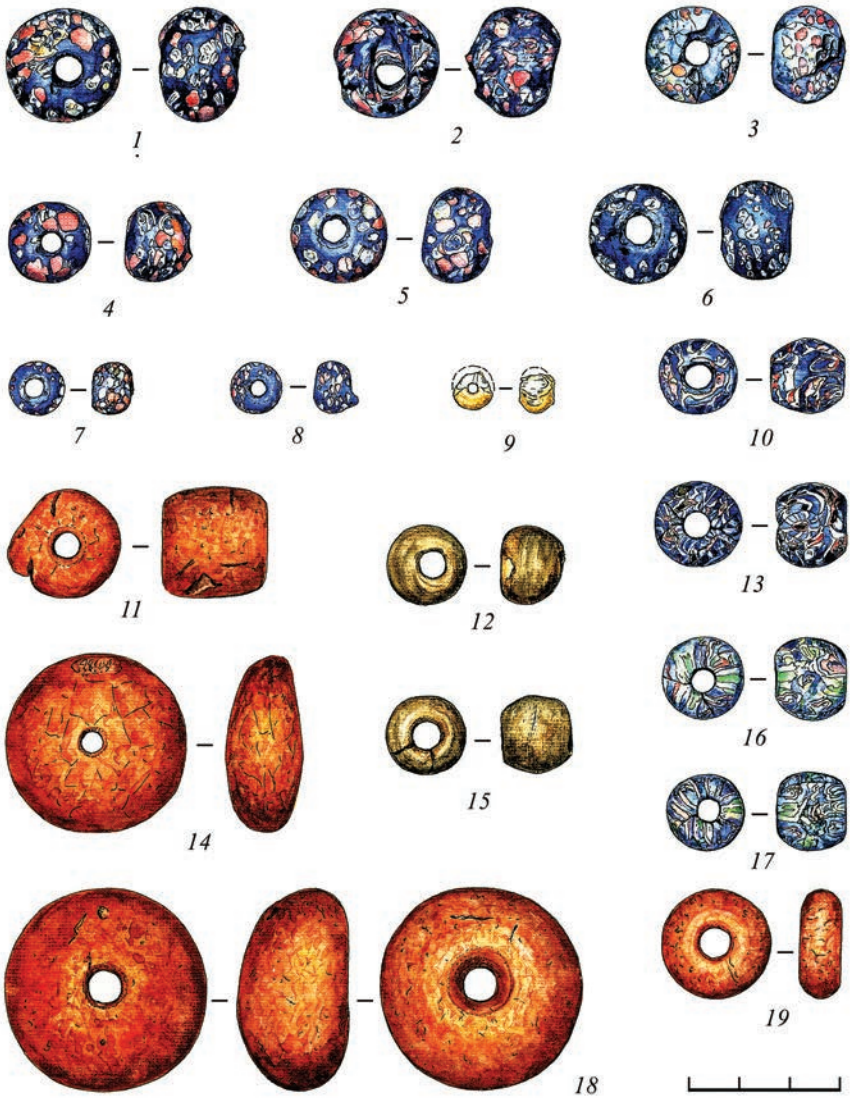
Илл. XV. Предметы погребального инвентаря из захоронения № 1 на поселении Мухино-2

1–9 – бляшки округлой, треугольной, зигзагообразной формы со штампованным декором; *10, 11* – бляшки треугольной формы без декора; *12–14* – пронизи в виде трех соединенных трубочек; *15* – трехрогая лунница; *16* – фрагмент предмета с рельефным декором
1–14, 16 – золото; *15* – металл. Фото Г. Л. Земцова



Илл. XVI. Фрагменты золотой фольги с чешуйчатым декором из погребения № 1 на поселении Мухино-2

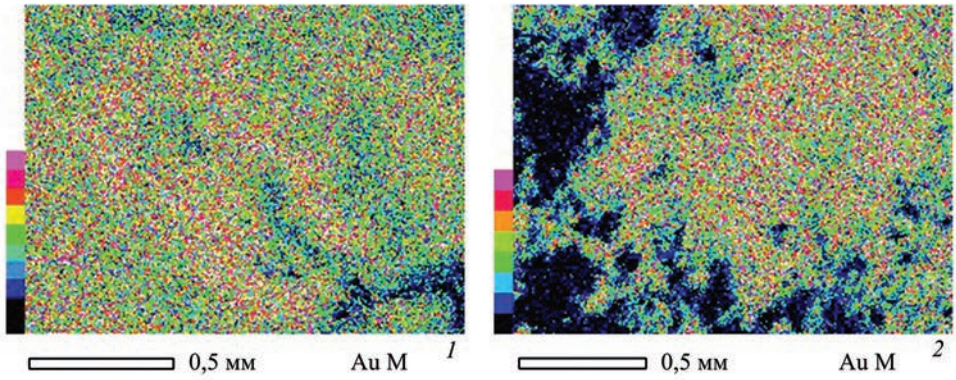
1 – фрагменты золотой фольги с деревянных ножен железного ножа; *2* – фрагменты золотой фольги, найденные возле костей правой руки. Фото С. В. Ольховского



Илл. XVII. Стеклянные и янтарные бусы из погребения № 1 на поселении Мухино-2

1–10, 12, 13, 15–17 – стекло; *11, 14, 18, 19* – янтарь. Рисунок С. Л. Богаченко

Илл. XVIII. Следы смещения листового золота в процессе тиснения на матрице (смещение «шага» рубчатого орнамента) (проба № 207) (увеличение ×200)

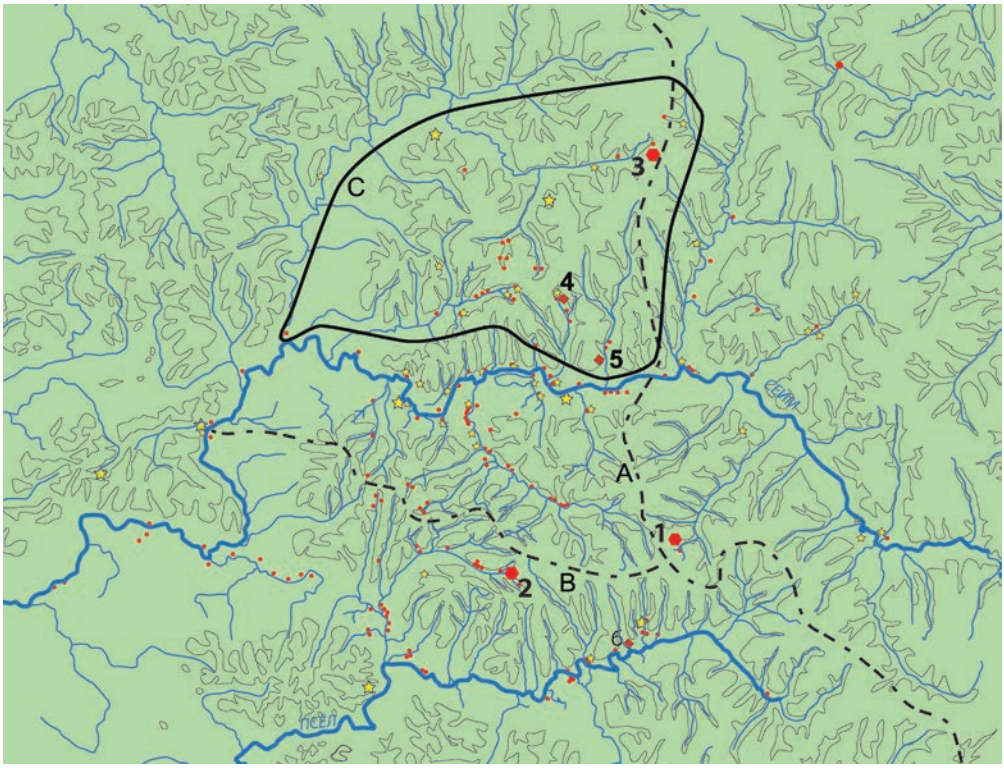


Илл. XIX. Результаты сканирования поверхности золотых изделий по методу EDX

1 – участки неравномерного распределения элемента (Au) на поверхности обкладки с деревянных ножен ножа, проба № 191; *2* – участки неравномерного распределения элемента (Au) на поверхности обкладки «шкатулки», проба № 205

Илл. XX. Золотые предметы из погребения № 1 на поселении Мухино-2

1 – обкладка прямоугольной формы; *2* – обкладка со сгибами, фрагмент; *3* – лицевая и оборотной сторона бляшки округлой формы, проба № 197



Илл. XXI. Расположение «кладов» и отдельных находок в Посемье

1 – Паники; *2* – Большой Каменец; *3* – Волниковка; *4* – Филлипово; *5* – Пименово; *6* – Картамышево

A – Пафнутьев шлях; *B* – Свиной шлях; *C* – Льговско-Фатежская группа памятников

Условные обозначения: красные точки – поселения III–V вв.; звездочки – находки римских монет; крупные звездочки – клады римских монет

Илл. XXII. Предметы из Волниковского «клада»

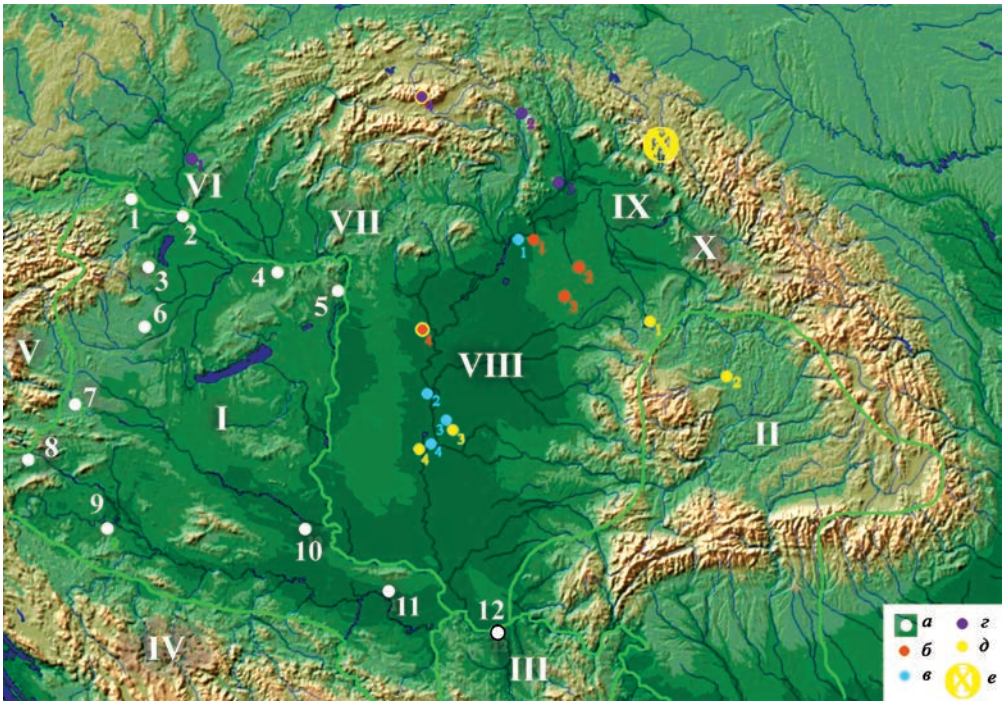
1–7, 15–17 – золото, позолота, медь, гранаты; *8–10* – золото; *11–14* – серебро, железо; *18–21* – медь, позолота, серебро; *22–25* – золотая фольга, золото, гранаты; *26–29* – медь, позолота; *30–32* – серебро, позолота, золото, гранаты; *33, 34* – медь, позолота, золото, поделочный камень. Фото О. А. Радюша

Илл. XXIII. Предметы из Волниковского «клада»

1, 2, 4–7, 19–22 – медь, золото, позолота, стекло; *3* – медь, позолота; *8, 9* – золото, серебро; *10–16* – серебро; *17–18* – медь; *23* – золото, серебро, золотая фольга, стекло; *24* – янтарь; *25, 34–36* – золото, золотая фольга, гранаты; *27–30* – золото, гранаты; *32, 33* – медь, золото, позолота, гранаты; *26, 31, 37–40* – золотая фольга. Фото О. А. Радюша

Илл. XXIV. Клад из Пименово (1–5), меч из Картамышево (6), подвеска из Филиппова (7)

1 – серебро, позолота; *2, 3* – серебро, медь, позолота; *4* – серебро, кожа; *5* – серебро; *6* – железо, латунь; *7* – золото. Фото О. А. Радюша (1–6), фотоархив КГОМА (7)



Илл. XXV. Карпатский бассейн с памятниками, упомянутыми в статье

I – Паннония; *II* – Дакия; *III* – Мёзия; *IV* – Далмация; *V* – Норик; *VI* – маркоманны; *VII* – квады; *VIII* – сарматы; *IX* – вандалы; *X* – даки

а: 1 – Виндобона; *2* – Карнунт; *3* – Скарбанция; *4* – Бригеций; *5* – Аквинк; *6* – Савария; *7* – Петовий; *8* – Новиодун; *9* – Сисция; *10* – Мурса; *11* – Сирмий; *12* – Марг

б: 1 – Тисалёк; *2* – Гестеред; *3* – Херпай; *4* – Ясалшосентдьёрдь

в: 1 – Тисадоб; *2* – Чонград; *3* – Ходмезёвашархей; *4* – Сегед

г: 1 – Страже; *2* – Цеке/Цейков; *3* – Остропатака/Островани; *4* – Попрад

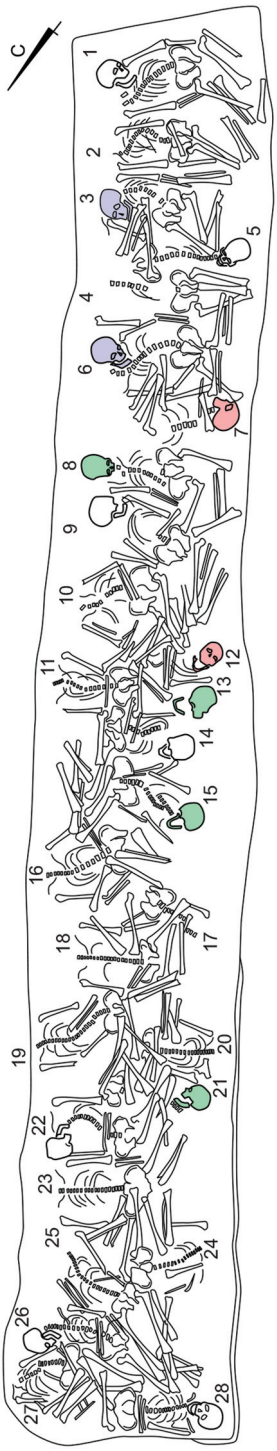
д: 1 – Силадьшомйо/Шимлеу Силванией; *2* – Апахида; *3* – Сиканч; *4* – Надьсекшош

е: Верецкий перевал

Илл. XXVI

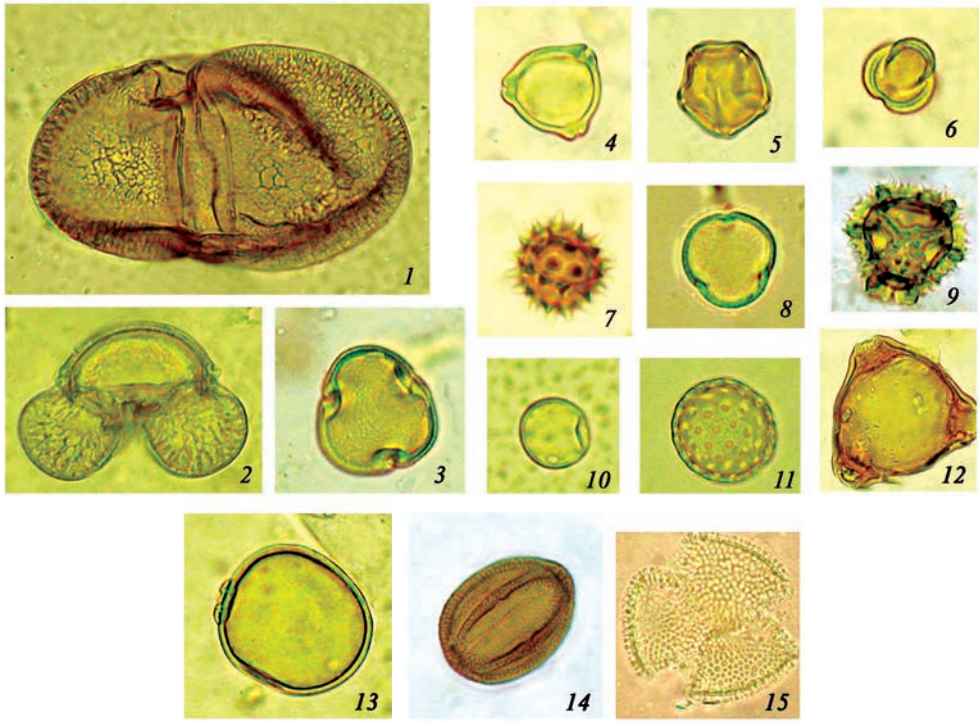
1 – Фибула-брошь из второго клада Силадьшомйо (Шимлеу Силванией) (по: Barbarenschmuck und Römergöld…, 1999. S. 199); *2* – Золотая чаша из второго клада Силадьшомйо (Шимлеу Силванией) (по: Ibid. S. 210); *3* – Фрагмент золотой чаши из Надьсекшоша (по: L'Or des princes barbares… 2000. P. 143)

Статья М. Б. Медниковой, А. А. Тарасовой
Опыт применения метода геометрической морфометрии
в определении степени сходства и биологического родства
погребенных в Пепкинском кургане эпохи средней бронзы



Илл. XXVII. Схема локализации захоронений в Пепкинском кургане по степени внешнего сходства погребенных.
На плане цветом выделены черепа погребенных, сходство которых установлено в результате применения геометрической морфометрии

Статья А. С. Алешинской, Е. А. Спиридоновой, М. Д. Кочановой
Антропогенные изменения ландшафтов
в окрестностях средневековых поселений: палинологический аспект



Илл. XXVIII. Микрофотографии пыльцы растений из археологических памятников Средневековья

1 – ель (*Picea*); *2* – сосна (*Pinus*); *3* – липа (*Tilia*); *4* – береза (*Betula*); *5* – ольха (*Alnus*); *6* – полынь (*Artemisia*); *7* – подсемейство астровые (Asteroideae); *8* – щавель (*Rumex*); *9* – подсемейство цикориевые (Cichorioideae); *10* – крапива (*Urtica*); *11* – семейство маревые (Chenopodiaceae); *12* – семейство кипрейные (Onagraceae); *13* – семейство злаки (Poaceae); *14* – гречиха (*Fagopirum*); *15* – лен (*Linum*)

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Выпуск 234

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Редактор Л. Орловская
Корректор О. Круподер
Художники А. Голикова, Н. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой

Подписано в печать 30.09.2014. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 32,89. Тираж 300. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». № госрегистрации 1037739118449.
Издательство «Знак». № госрегистрации 1027701010435.
Phone: +7 (495) 959-52-60. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4